

Kroatistika unutar slavističkoga, europskog i svjetskog konteksta (u povodu 25. godišnjice osnutka studija hrvatskoga jezika i književnosti u Puli) (30. rujna - 2. listopada 2021.)

Edited book / Urednička knjiga

Publication status / Verzija rada: **Published version / Objavljena verzija rada (izdavačev PDF)**

Publication year / Godina izdavanja: **2021**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://um.nsk.hr/um:nbn:hr:137:162449>

Download date / Datum preuzimanja: **2024-09-27**

Repository / Repozitorij:

[Digital Repository Juraj Dobrića University of Pula](#)

dvadeset

25 godina

osnutka studija kroatistike

Kroatistika unutar
slavističkoga, europskog
i svjetskog konteksta

Pula, 30. rujna - 2. listopada 2021.

Zbornik radova

2. Međunarodnoga znanstvenog skupa

Kroatistika unutar slavističkoga, europskog i svjetskog konteksta

(u povodu 25. godišnjice osnutka studija
hrvatskoga jezika i književnosti u Puli)

Uredili
Irena Mikulaco
i
Daniel Mikulaco

mh
maticahrvatska
Ogranak Matice hrvatske u Puli

Filozofski fakultet u Puli

**ZBORNİK RADOVA
2. MEĐUNARODNOGA
ZNANSTVENOG SKUPA**

***KROATISTIKA UNUTAR SLAVISTIČKOGA,
EUROPSKOG I SVJETSKOG KONTEKSTA***

**(U POVODU 25. GODIŠNJICE OSNUTKA STUDIJA
HRVATSKOGA JEZIKA I KNJIŽEVNOSTI U PULI)
(30. RUJNA - 2. LISTOPADA 2021.)**

Uredili

Irena Mikulaco

i

Daniel Mikulaco

Pula, 2021.

**Zbornik radova 2. Međunarodnoga znanstvenog skupa
Kroatistika unutar slavističkoga, europskog i svjetskog konteksta
(u povodu 25. godišnjice osnutka studija hrvatskoga jezika i književnosti u Puli)
(30. rujna - 2. listopada 2021.)**

**Proceedings of the 2nd International Scientific Conference
"Croatics within the Slavistics, European and World Context"
(on the occasion of the 25th anniversary of the founding of the Department of Croatian
language and literature in Pula)**

Izdavač / Publisher

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli / Juraj Dobrila University of Pula
Zagrebačka 30, 52100 Pula
Ogranak Matice hrvatske u Puli / Matrix Croatica Pula
Kandlerova 42, 52100 Pula

Za izdavača / For Publisher

Marinko Škare, rektor
Daniel Mikulaco, predsjednik ogranka

Urednici / Editors

Irena Mikulaco, Daniel Mikulaco

Lektura i korektura / Language-editing and Proof-reading

Sandra Hadžihalilović, hrvatski
Irina Borisovna Fedotova, ruski
Robert Blagoni, talijanski
Krešimir Vunić, engleski

Grafičko oblikovanje naslovnice / Graphic cover design

Saša Stubičar, 2021

Prijelom / Layout

Robert Stanojević, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli

Klasifikacija / Classification

Sveučilišna knjižnica Pula

Tisak / Printed by

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli

Naklada / Circulation

100 primjeraka / copies

ISBN 978-953-8278-85-3

CIP zapis dostupan u računalnom katalogu Sveučilišne knjižnice u Puli,
pod brojem 150820044.

CIP is available in the Digital Catalogue of the University Library in Pula,
number 150820044.

CIP запись доступна в электронном каталоге Университетской библиотеки в Пуле,
номер 150820044.

Sva prava su pridržana. Nijedan dio ovog zbornika ne smije se reproducirati ili prenositi u bilo kojem obliku ili na bilo koji način, bio on elektronički ili mehanički, uključujući fotokopiranje i snimanje na digitalne medije, kao i objavljivanje na Internetu, osim ako nema pisanih dozvola vlasnika autorskih prava. Radovi su citirani u autorskom izdanju. Urednici ne snose odgovornost za autorstvo i sadržaj.

**Zbornik radova 2. Međunarodnoga znanstvenog skupa
Kroatistika unutar slavističkoga, europskog i svjetskog konteksta
u povodu 25. godišnjice osnutka studija hrvatskoga jezika i književnosti u Puli)
Proceedings of the 2nd International Scientific Conference**

"Croatics within the Slavistics, European and World Context"

(on the occasion of the 25th anniversary of the founding of the Department of Croatian language and literature in Pula)

Organizacijski odbor skupa / Organizing Committee:

Doc. dr. sc. Daniel Mikulaco, predsjednik, Izv. prof. dr. sc. Marko Ljubešić,
Dr. sc. Irena Mikulaco, pred.

Međunarodni znanstveni odbor/ International Scientific Committee:

Prof. dr. sc. Emma Arhangelska, The Baltic International Academy (Latvia)
Prof. dr. sc. Irina Fedotova, Pyatigorsk State University (Russian Federation)
Prof. dr. sc. Enrique F. Quero Gervilla, University of Granada (Spain)
Prof. dr. sc. Veronika Razumovskaya, Siberian Federal University (Russian Federation)
Prof. dr. hab. Krystyna Pieniążek-Marković, Adam Mickiewicz University Poznań, (Poland)
Doc. dr. sc. Andrea Grominova, University of St. Cyril and Methodius, Trnava (Slovakia)
Doc. dr. sc. Elena Maleeva, University of Applied Sciences BFI Vienna (Austria)
Doc. dr. sc. Nina Orlova, Pyatigorsk State University (Russian Federation)
Dr. hab. Maciej Czerwiński, Jagiellonian University in Kraków (Poland)
Dr. hab. Magdalena Dyras, Jagiellonian University in Kraków (Poland)
Dr. Ewa Szczerlik, Adam Mickiewicz University Poznań (Poland)

Hrvatski znanstveni odbor / Croatian Scientific Committee:

Prof. dr. sc. Rafaela Božić, Sveučilište u Zadru
Prof. dr. sc. Natalija Vidmarović, Sveučilište u Zagrebu
Prof. dr. sc. Marina Radčenko, Sveučilište u Zadru
Prof. dr. sc. Vinko Brešić, Sveučilište u Zagrebu
Prof. dr. sc. Milorad Stojević, Sveučilište u Rijeci
Prof. dr. sc. Goran Kalogjera, Sveučilište u Rijeci
Prof. dr. sc. Valnea Delbianco, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Prof. dr. sc. Lina Pliško, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Izv. prof. dr. Sandra Hadžihalilović, Sveučilište u Zadru
Izv. prof. dr. sc. Kristina Riman, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli

Recenzenti zbornika / Proceedings Reviewers:

Prof. dr. sc. Emma Arhangelska, The Baltic International Academy (Latvia), Prof. dr. sc. Irina Fedotova, Pyatigorsk State University (Russian Federation), Prof. dr. sc. Veronika Razumovskaya, Siberian Federal University (Russian Federation), Prof. dr. sc. Enrique F. Quero Gervilla, Universidad de Granada (España), Prof. dr. hab. Krystyna Pieniążek-Marković, UAM Poznan (Polska), Doc. dr. sc. Andrea Grominova, University of St. Cyril and Methodius, Trnava (Slovakia), Doc. dr. sc. Elena Maleeva, University of Applied Sciences BFI Vienna (Austria), Doc. dr. sc. Nina Orlova, Pyatigorsk State University (Russian Federation), Dr. hab. Maciej Czerwiński, Uniwersytet Jagiellońskiego w Krakowie (Polska), Dr. hab. Magdalena Dyras, Uniwersytet Jagiellońskiego w Krakowie (Polska), Dr. Ewa Szczerlik, UAM Poznan (Polska), Prof. dr. sc. Rafaela Božić, Sveučilište u Zadru, Prof. dr. sc. Marina Radčenko, Sveučilište u Zadru, Prof. dr. sc. Robert Bacalja, Sveučilište u Zadru, Prof. dr. sc. Natalija Vidmarović, Sveučilište u Zagrebu, Prof. dr. sc. Milica Lukić, Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku, Prof. dr. sc. Silvana Vranić, Sveučilište u Rijeci, Prof. dr.

sc. Karol Visinko, Sveučilište u Rijeci, Prof. dr. sc. Lada Badurina, Sveučilište u Rijeci, Prof. dr. sc. Estela Banov, Sveučilište u Rijeci, Prof. dr. sc. Marko Dragić, Sveučilište u Splitu, Prof. dr. sc. Lina Pliško, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Izv. prof. dr. sc. Mihaela Matešić, Sveučilište u Rijeci, Izv. prof. dr. sc. Sandra Handžihalilović, Sveučilište u Zadru, Izv. prof. dr. sc. Kornelija Kuvač-Levačić, Sveučilište u Zadru, Izv. prof. dr. sc. Marijana Tomelić Čurlin, Sveučilište u Splitu, Izv. prof. dr. sc. Blaženka Martinović, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Izv. prof. dr. sc. Helena Pavletić, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Doc. dr. sc. Vera Blažević Krezić, Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku, Doc. dr. sc. Boris Koroman, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Filozofski fakultet
Odsjek za kroatistiku

Ogranak Matice hrvatske u Puli

Organizatori i partneri

Pula, 2021.

SADRŽAJ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

Proslov	9
Вступительное слово редакторов	11
Jezikoslovna istraživanja / лингвистические исследования / Linguistic Studies	13
Lukas Gajarsky International Vocabulary in Russian-Slovak Homonymic and Paronymic Pairs	15
Jadranka Gvozdanić Dynamics of the Croatian language norm in the past and present	27
Lana Hudeček, Milica Mihaljević Jezični savjeti u Mrežniku i Jeni	43
Olga Iermachkova Language games on Covid-19 in contemporary Russian mass media	73
Irena Mikulaco Terminološka usustavljenost u hrvatskom i ruskom jeziku prava	83
Andrea Spišiaková Transformations of phraseological units in Russian daily newspapers <i>Kommersant</i>	97
Oksana Timko Ditko Povijest normiranja rusinskog jezika u Vojvodini i Hrvatskoj	107
Oleh V. Tyshchenko To the Conceptualization of marriage relations in the Slavic language and cultural space	121
Алюнина Юлия Матвеевна Англицизмы и их дериваты в русских и французских блогах о моде в аспекте семантической и прагматической адаптации	145
Бадестова Анастасия Валерьевна, Морозова Галина Викторовна Религиозный компонент славянской мифологии в курсе «Древние языки и культуры»	167
Барабаш Ольга Владимировна Термин «кредит» в различных типах дискурса: функции и семантика	179
Зензья Ирина Викторовна Соматические фразеологические единицы русского языка	191

Каверина Валерия Витальевна	
Нормализация орфографии прилагательных с суффиксом <i>-ск-</i> в периоды формирования и развития национального русского языка	203
Любецкая Екатерина Петровна	
Влияние русского языка на становление белорусского научного языка в начале XX в.	221
Некипелова Ирина Михайловна	
Возникновение условий, приводящих к неустойчивости процесса интериоризации языковых единиц, связанных отношениями прямого лексического соответствия	233
Радченко Марина Васильевна	
Игровое словообразование в российских и хорватских СМИ	245
Рацибурская Лариса Викторовна	
Экспрессивно-оценочный потенциал неударенных нестандартной структуры в российских СМИ	255
Сивова Татьяна Викторовна	
Дендроним <i>осина</i> в цветовой концептосфере дендронимического пространства художественного текста (на материале НКРЯ и прозы К. Г. Паустовского)	263
Književnopovijesna i književnoteorijska istraživanja /	
Литературоведческие исследования /	
Literary Studies	279
Dubravka Bogutovac	
Je li Wilimowski sinegdoha?	281
Ivana Čagalj	
Sloga i pobuna u književnim i političkim djelima petorice svećenika intelektualaca s imotsko-hercegovačkog pograničja	295
Josef Dohnal	
V. Bryusov's Short Story "Sisters" in the Context of his Short Stories about Women	315
Marianna Fignedyová	
Theater as a form of communication in a Slavic context. Anna Karenina on the boards of the Slovak National Theater	327
Yana Goncharova	
"Frutto dell' illegittimo amore": Italia nella vita e nelle opere di Michail Osorgin	337
Andrea Grominová	
Neo-baroque as an artistic method?	347
Svetlana Kalezić Radonjić	
Novo čitanje <i>Jaše Dalmatina</i> Ivane Brlić Mažuranić	359

Daniel Mikulaco Hrvatska fantastična novela	375
Гончарова Яна Александровна Мотивно-образная система рассказа А.В. Иличевского «Облако» сквозь призму венецианского символического кода	407
Романова Галина Ивановна Всемирная история в художественном мире романов Ф.М. Достоевского	423
Стрельникова Наталия Данииловна К разговору об эпидемии, чуме, гигиене в современной русской литературе	435
Prijevod i međukulturalna komunikacija / Перевод и межкультурная коммуникация / Translation and Intercultural Communication	449
Божич Рафаэла Переводческая работа Фикрета Цацана (на материале перевода стихотворения Жираф Николая Гумилева)	451
Короткова Ольга Николаевна Комплимент в свете кросс-культурной коммуникации	465
Легких Виктория Игоревна Преподавание русской культуры и литературы в многоязычной среде на примере курса «Музыка и слово» в Венском университете	475
Мартынова Маргарита Александровна, Николенко Елена Юрьевна Учебный перевод как объект методического исследования (обзор применения и современные проблемы использования)	487
Миленич Жарко Рецепция первых переводов повести „Пикник на обочине“ братьев Стругацких	501
Разумовская Вероника Адольфовна Русский художественный текст: от произведения национальной литературы до «сильного» текста мировой культуры	513
Metodička istraživanja / Методологические исследования / Language and Literature Teaching	529
Božidar Cvenček Tko se boji dnevnika još?	531
Neven Martinec, Marko Ljubešić Dokumentarni film u suvremenoj nastavi Hrvatskoga jezika	549

Kristina Riman, Lorena Lazarić Pjesnički prilozi Ljudevita Varjačića u istarskom časopisu <i>Mladi Istran</i>	563
Зиновьева Татьяна Ивановна Развитие речевой деятельности обучающихся в условиях цифровизации образования	575
Кошурникова Татьяна Владиславовна Методика изучения грамматики в школьном курсе средствами УМК по русскому языку под редакцией А.Д. Шмелёва с целью формирования языковедческой компетенции обучающихся	585
Малеева Елена Сергеевна, Шарфави Эмилия Из опыта преподавания русского языка как иностранного студентам из стран бывшего Советского Союза	597
Матьцина Марина Станиславовна, Григорянова Татьяна Актуальность проблемы мотивации в иноязычном образовании	605
Орлова Нина Анатольевна Обучение лексике при изучении русского языка как иностранного на подготовительном факультете	615
Федотова Ирина Борисовна Специфика подготовки магистрантов к преподаванию РКИ в условиях онлайн-обучения	623
Яйич Новоградец Марина Текстовые упражнения в учебниках русского языка как иностранного	633

Proslov

Ovaj zbornik radova predstavlja doprinos obilježavanju 25. godina kroatistike u Puli. Zbornik radova sastoji se od 45 znanstvenih i stručnih radova koju su nastali kao rezultat 2. Međunarodnog znanstvenoga skupa „Kroatistika unutar slavističkoga, europskog i svjetskog konteksta“, povodom 25. godišnjice osnutka studija hrvatskoga jezika i književnosti u Puli te unutar konferencije znanstvenog skupa „Rusistika unutar slavističkoga, europskog i svjetskog konteksta“, povodom 20. godišnjice učenja ruskoga jezika na Filozofskom fakultetu Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli. Organizatori konferencije bili su Filozofski fakultet Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli, Centar ruskoga jezika i kulture „Institut Puškin“ Pula, Hrvatsko društvo nastavnika ruskoga jezika i književnosti i Ogranak Matice hrvatske u Puli. Partnersko sveučilište i suorganizator konferencije bilo je Pjatigorsko državno sveučilište i Institut Puškin Pjatigorsk iz Rusije. Konferencija je organizirana uz medijsku podršku Rossotrudničestva pri Veleposlanstvu Ruske Federacije u Hrvatskoj i Međunarodnog društva nastavnika ruskoga jezika i književnosti (MAPRYAL) iz Rusije.

Zbornik radova podijeljen je u četiri cjeline: jezikoslovna istraživanja, književnopovijesna i književnoteorijska istraživanja, prijevod i međukulturna komunikacija te metodička istraživanja. Svaki rad prošao je dvostruku slijepu međunarodnu recenziju. Radovi su doprinos kroatista, rusista i slavista te odražavaju suvremena promišljanja iz područja humanističkih znanosti u interdisciplinarnom pristupu (lingvistika, kroatistika, poredbena slavistika, rusistika, prevođenje, povijest i teorija književnosti te metodika bavljenja jezikom, književnošću, stranim jezikom, obrazovanjem i medijima). Autori radova su istraživači iz Austrije, Bjelorusije, Crne Gore, Češke, Francuske, Hrvatske, Italije, Njemačke, Poljske, Rusije, Slovačke. Radovi u zborniku su na hrvatskom, ruskom, engleskom, talijanskom i crnogorskom jeziku.

Knjiga je namijenjena stručnjacima iz humanističkih znanosti, prije svega filolozima kroatistima, rusistima i slavistima (znanstvenicima, nastavnicima, studentima) u Hrvatskoj i izvan nje i može poslužiti kao izvor informacija o kroatističkim i slavističkim temama. Zahvaljujemo autorima radova i svim sudionicima skupa, koji su dali svoj doprinos obilježavanju 25. godišnjice

kroatistike u Puli. Nadamo se da će ova knjiga naći svoj put prema čitateljima i nadahnuti ih na nova istraživanja.

Zahvaljujemo Sveučilištu Jurja Dobrile u Puli i Filozofskom fakultetu na podršci da se objavi zbornik radova.

Zahvaljujemo recenzentima, lektorima i partnerima (Pjatihorskom državnom sveučilištu, Rossotrudničestvu, Ogranku Matice hrvatske u Puli, HAPRYAL-u, MAPRYAL-u i obrazovno-izdavačkom centru Zlatoust). Osobito zahvaljujemo na uspješnoj suradnji s Pjatihorskim državnim sveučilištem iz Rusije i rektoru, prof. dr. sc. A. P. Gorbunovu, koji od početka suradnje 2016. godine daje podršku hrvatsko-ruskom / pulsko-pjatihorskom partnerstvu. Konferencija je bila uspješno provedena i ostvarila je sve ciljeve koji su od početka bili zacrtani.

S poštovanjem,
Dr. sc. Irena Mikulaco

*voditeljica Centra ruskoga jezika i kulture „Institut Puškin“ Pula,
šefica katedre za strane jezike Filozofskog fakulteta
Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli,
predsjednica Hrvatskoga društva nastavnika ruskoga jezika i književnosti*

i

Doc. dr. sc. Daniel Mikulaco

*Odsjek za kroatistiku, Katedra za hrvatsku književnost
Filozofskog fakulteta,
Sveučilišta Jurja Dobrile u Puli,
predsjednik Ogranka Matice hrvatske u Puli*

Вступительное слово редакторов

Настоящий сборник статей представляет вклад в празднование 25-летия кroatистики в г. Пула. Сборник состоит из 45 научных и профессиональных статей, созданных в результате 2-й Международной научной конференции «Кroatистика в славянском, европейском и мировом контексте», приуроченной к 25-летию изучения хорватского языка и литературы в г. Пула, в рамках которой состоялась конференция «Русистика в славянском, европейском и мировом контексте» по случаю 20-летия изучения русского языка на Философском факультете Университета Пулы им. Юрая Добрилы. Организаторами конференции были Философский факультет Университета Пулы им. Юрая Добрилы, Центр русского языка и культуры «Институт Пушкина», Хорватская ассоциация преподавателей русского языка и литературы и Пульский филиал учреждения *Matica hrvatska*. Вузом-партнером и соорганизатором конференции выступили Пятигорский государственный университет и Пятигорский институт им. А.С. Пушкина. Поддержку конференции дали Россотрудничество в Хорватии и МАПРЯЛ.

Сборник статей состоит из четырёх глав: лингвистические исследования, литературоведческие исследования, переводы межкультурная коммуникация, а последняя глава – методологические исследования. Все статьи прошли двойное слепое международное рецензирование. Статьи являются вкладом кroatистов, русистов и славистов и отражают современные подходы в области гуманитарных наук в междисциплинарном подходе (лингвистика, кroatистика, сопоставительная славистика, русистика, перевод, литературоведение, исследования по методике изучения родного и иностранного языка, литературы и СМИ). Авторы статей являются исследователями из Австрии, Беларуси, Германии, Италии, Польши, России, Словакии, Франции, Хорватии, Черногории и Чехии. Статьи в сборнике на хорватском, русском, английском, итальянском и черногорском языках.

Сборник адресован специалистам гуманитарных наук, прежде всего филологам-кroatистам, русистам и славистам (ученым, преподавателям,

студентам, магистрантам и аспирантам) в Хорватии и за рубежом. Книга также предназначена всем, кто интересуется современной кroatистикой, русистикой и славистикой, изучением и преподаванием хорватского и русского языка.

Надеемся, что сборник найдет путь к читателям и вдохновит их на новые исследования и творческие усилия.

Благодарим Университет Пулы им. Юрая Добрилы и Философский факультет, которые обеспечили издание книги.

Благодарим рецензентов, корректоров и партнеров (Пятигорский государственный университет, Россотрудничество, Пульский филиал учреждения Matica hrvatska, ХАПРЯЛ, МАПРЯЛ и ООО Златоуст). Особо благодарим за успешное сотрудничество Пятигорский государственный университет и ректора профессор доктора экономических наук, Александра Павловича Горбунова, поддерживающего хорватско-российское / пульско-пятигорское партнерство с начала сотрудничества в 2016 году. Конференция прошла успешно и достигла всех целей, которые были поставлены с самого начала.

С уважением,
Ирена Микулацо,

*доктор филологических наук,
руководитель Центра русского языка и культуры
«Институт Пушкина» - Пула,
завкафедрой иностранных языков Философского факультета
Университета Пулы им. Юрая Добрилы,
председатель Хорватской ассоциации преподавателей
русского языка и литературы*

и

Даниел Микулацо,

*доктор филологических наук, доцент Департамента кroatистики
Философского факультета Университета Пулы им. Юрая Добрилы,
председатель Пульского филиала учреждения Matica hrvatska*

I.

Jezikoslovna istraživanja

**Лингвистические
исследования**

Linguistic Studies

Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.16'373

This article was created with the support of Scientific Agency of the Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic. The author wishes to acknowledge the agency for the financial support of this research by grant VEGA 2/0067/18 Medzijazyková homonymia v slovanských jazykoch.

Lukas Gajarsky

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia
lukas.gajarsky@ucm.sk

International Vocabulary in Russian-Slovak Homonymic and Paronymic Pairs

Cultures and natural languages (related or unrelated) do not exist in isolation, but interact with each other. If words with identic or similar forms are found in at least three languages, we are dealing with internationalisms. At the initial stage, these words are terminological in nature and come into the language through scientific and journalistic styles. Over time, they become part of the common vocabulary. Internationalisms are at the same time a source of interlingual homonyms and paronyms.

Keywords: homonymy, paronymy, semantics, internationalisms

Internationalisms are one of the sources of vocabulary enrichment. They are “units of the international lexical fund, functioning in at least three non-closely related languages, coinciding in these languages in their external form (taking into account the natural correspondences of sounds and graphic units for each language) and semantics” (Belchikov 2020v: 212). According to O.S. Akhmanova, international words are borrowed by “most of the world’s languages” and belong to “the general etymological foundation of a number of languages, similar in origin or similar in their historical development” (1969: 180). Thus, the above definitions speak of at least three languages, in the lexical-semantic systems of which internationalisms must function in order to be recognized as having such a status, however, in the 20th-21st centuries, due to the technical revolution “internationalisms not only show quantitative growth, but also expand the scope of their functioning, unify the composition of the “international vocabulary” in various languages of the world (Belchikov 2020v: 212), including Slavic, therefore, most often internationalism functions in a larger number of languages.

M.M. Makovskij, in an article on internationalisms written in 1960, pointed out that the criteria for distinguishing internationalisms given by contemporary researchers are not generally accepted and consistent (in particular, in the question of how many and even in what languages international words should function, the disagreements are significant. Researchers speak about three “synchronously compared”, at least two “world languages”, or even “all” “cultural” languages, “a number of languages”, languages of different families, etc.); moreover, the scientist generally questioned very the existence of this phenomenon (Makovskij 1960: 44 – 45).

Internationalisms are one part of borrowed vocabulary along with adapted words, exoticisms, foreign language inclusions (barbarisms) (Krysin 2020b: 184). The emergence of internationalisms may be due to linguistic contacts – the interaction of several languages, which arises due to contacts between ethnic groups and the connections that arise between them (Zhuravlev 2020: 282). Literature is a means of long-term interethnic interaction in the field of spiritual culture. It contributes to the emergence of “historical and cultural areas” that form a kind of unity of peoples and languages in their cultural and historical traditions, a common fund of culturally and spiritually significant texts, anthroponymy and culturally significant vocabulary in general. The most significant areas are formed on the basis of world religions (Zhuravlev 2020: 283). International words, the functioning of which refers to a certain area, were also proposed to be called regionalisms (Makovskij 1960: 46).

With regard to our topic, we note the fact that the presence of a common layer of internationalisms in the Russian and Slovak languages is conditioned by their commonality, which is the result of belonging to the Christian European area, and is characterized by a high percentage of vocabulary based on Greek and Latin roots, especially in the field of terminology (Leichik, Shelov 2020: 774 – 776). In this regard, in relation to the contemporary linguistic situation, linguists also speak of the “European-American linguo-geographical area (the so-called Europeanisms)” (Belchikov 2020c: 212). It is worth noting that most of the examples analyzed in this paper are of Latin origin (the Slovak language, in comparison with Czech, has a greater number of Latin borrowings (Klimenko 2004: 118)), to a lesser extent – Ancient Greek.

According to the observations of researchers, the leading role of classical languages (ancient Greek and Latin) in the formation of national terminologies is also characteristic of the current stage of development of languages (Danilina 2019: 20). In the field of linguistic terminology, examples of Russian-Slovak pairs are диалектологический – dialektologický, абстрактный – abstraktný, etc.: the words are based on two Greek words – *diálektos* ‘dialogue; dialect’ and *logos* – ‘word; teaching’ (Kasatkin 1990: 133). The formation of the members of the second pair is based on the Latin word in origin *abstractus* – participle form of a polysemic verb *abstraho*, the basic for the formation of the linguistic term in both languages is the lexico-semantic variant ‘to distract’ (Dvorecky 1976: 17) (from here comes the primordially Russian correlate in the terminology system of Russian linguistics – отвлечённый (abstract), for example, отвлечённые (абстрактные) существительные (abstract nouns) (Russkaja grammatika 1980: 462)). Both pairs of terms correlate well with units of the English-language linguistic terminology system: *abstract noun*, *dialectal* (APC 2003: 2; 107). In both languages, words that go back to the Latin verb *abstraho*, form word-formative nests and enter into relations of interlingual paronymy with Slovak correlates: абстрагировать – abstrahovať, абстракция – abstrakcia. In general, the internationalization of terminology is seen as one of the manifestations of the principle of language economy (Alaburiš 2005: 131).

The words listed here, as well as other similar ones (for example, words with the prefix of Greek origin *anti-* in the sense of ‘against’, which is represented in such coincident in terms of content and close or identical in terms of expression Russian-Slovak couples such as антимилитаристический – antimilitaristický, антипатия – antipatia, антисемитизм – antisemitizmus, etc., where the morpheme content of words is identical or insignificantly different; in other pairs: электричество – elektrina, телевидение – televízia at the level of affixes the distinctions are significant) show that internationalisms are in the process of

adaptation in national languages to their grammatical, lexical-semantic, word-formation, word-formation, orthographic system. The transparency of the inner form of the internationalisms not only facilitates communication, but also in some cases leads to interference: in the words of Slovak students speaking Russian, such errors as the use of the word лингвиста instead of лингвист, толеранция instead of толерантность and приорита instead of приоритет, etc. (Madej 2019: 205). Internationalisms tend to preserve their similarity in the plane of expression as well as the plane of content in various languages: “sufficient for their uniform functioning as units of the international lexical fund”, although affix, phonetic, accentological, morphological differences between the equivalents of different languages, as well as epigmatic (in the structure of the meanings of terms, which are often polysemic), differences in them are naturally frequent (Belchikov 2020v: 212), which makes one recall the problem of interlingual homonymy and paronymy.

It should be noted that there are some contradictions in the definition of internationalisms: they are considered borrowed words, at the same time, the above-mentioned degree of similarity of internationalisms in different languages is not clearly defined. As mentioned earlier, internationalism allows formation using affixes of a particular language, however, a word is considered native Russian if it is formed from a foreign language root by means of Russian word formation (as in words such as индивидуальный, демократический, компьютерщик, etc.) (Tikhonov 2008: 378). In the process of adaptation to the grammatical system of a particular language, the word acquires the word-formation elements of the given language as an integral part: for example, in the word electricity, the native Russian suffix -еств stands out. To limit the composition of internationalisms to only root formations would, again, be in conflict with the definition given above.

The examples cited also show that internationalisms in different languages can both be borrowed by several languages from one source, and later borrowed by one language from another through a third; less common are cases of parallel formation of similar internationalisms in different languages: магнитосфера in Russian and *the magnetosphere* in English (Belchikov 2020c: 212). Thus, the basis of the international vocabulary fund of many European languages is made up of linguistic units of ancient Greek and Latin origin, as well as words formed in specific languages by means of roots and affixes from these languages (Belchikov 2020v: 212). In accordance with this, borrowings are classified as lexical (completely borrowed by the successor language) and morphological (i.e. created in a particular language based on foreign morphemes) (Lotte 1982: 11).

I.N. Danilina carried out a comparative study of the linguistic terminology of the Slavic languages: according to her findings, the international component is less characteristic of the Belarusian, Bulgarian and Slovenian terminology, and more characteristic of the Macedonian, Lusatian, Serbian and Croatian terminology. The Czech and Slovak languages in this respect occupy a place in the middle, and in Russian, Ukrainian and Polish, terminology is characterized by selectivity due to a particular research topic (Danilina 2019: 30). The researcher also speaks of two areas in the field of linguistic terminology: East Slavic, which is additionally adjoined by Polish and Bulgarian (the tendency towards internationalization is less evident here), and West Slavic, which is adjoined by the Serbian, Croatian and Macedonian languages (the tendency towards internationalization is clearly expressed here) (Danilina 2019: 33). The researcher rightly notes the uneven distribution of the original and international terminology in different languages. It should be added that the particular area of linguistic terminology is directly related to the source of the emergence of a particular theory, concept, and school. So, one of the most influential trends in the linguistics of the twentieth century – the theory of speech acts, the impetus for the development of which was given by the publication of J. Austin’s lectures at Oxford in the 1950s, naturally gave rise to the expansion of its terms, which appeared in English on the basis of Latin roots (локуция, иллокуция, перлокуция, перформатив, etc.) into a national linguistic terminology. At the same time, the process of borrowing and adaptation is characterized by unevenness: the term бехабитив, which has now become firmly established in scientific circulation in dissertation research in Russian on the theory of speech acts, was transmitted in the authoritative linguistic dictionary as *behabitiv* in 1990, while the term экспрессив from the same subject area has already been transferred by graphic means of the borrowing language (Arutyunova 1990: 413)). The situation is different with those areas of linguistics that are more traditional, for example, with phonetics, where Russisms are frequent in the basic Russian-language terminology (звук, слог, гласный, согласный, etc., although there are also borrowing-internationalisms: синтагма, такт, фраза, аффрикат, etc.).

We also note that a high proportion of international terminology gave rise to such an interesting and new phenomenon as a linguistic conference in English as a lingua franca: the majority of the participants, as the well-known Finnish linguist A. Mustajoki writes, speaks a foreign language for themselves, but understands each other perfectly (Mustajoki 2013). In this regard, we would like to point out the problem of the functioning of some languages in the modern world: as we know, the most important feature of a literary language is polyfunctionality, but today scientists from a number of countries prefer to

write scientific works in English (this is typical, for example, for the languages of the Scandinavian countries). At the same time, in France, the language policy is aimed at creating new words based on original French, but not international roots. Finally, in some areas of science and technology, the share of international terminology can reach 70%, as is typical, for example, for the field of electronics in the Russian language; in general, the share of internationalisms in the active vocabulary of the speakers of modern literary languages is approximately 10% (Belchikov 2020c: 212 – 213). The share of internationalisms in the term system of artificial intelligence is naturally high, which is clearly shown in a special dictionary, in the application of which Slovak-Russian pairs of terms are presented (*abdukcija* – *абдукция*; *deskriptor* – *дескриптор*, etc.) (Averkin 1992: 149).

Over time, international words that originally emerged as terms become part of the common vocabulary. In this regard, examples of interlingual Russian-Slovak paronyms of the type телевизионный – *televízny*, эллипс, эллипсис – *elipsa* (coinciding in meaning) are indicative. At the same time, internationalisms significantly enrich the composition of the interlingual Russian-Slovak homonymy. So, in the pair телефон – *telefón*, we find the coincidence of the primary meanings of words, however, in the Slovak language, in colloquial speech, the meaning of ‘telephone conversation’ (*telefonát*) has developed, which is absent in Russian (CPC: 534).

The situation is similar in the pair техника – *technika*, where the second term of the correlation developed in colloquial speech the meanings ‘polytechnic institute; the building of a higher technical educational institution’ (SRS: 534), which are absent in Russian, where, in turn, the word техника has developed the meaning of ‘a set of techniques, skills used in any business, skill, art’ (*техника игры в футбол; литературная техника*), as well as the colloquial shade of meaning ‘a separate machine or mechanism’ (В воздухе произошел отказ техники) (SSRLA, vol. 15: 413 – 414). This system of relations is reinforced by the systematic nature of word-formative connections (see the thesis on paronymic nests, noted above). In a pair of техник – *technik*, the basic meaning is the same (‘specialist in any technical field’: зубной техник, авиационный техник, etc.); colloquial *technik* in Slovak means ‘student of the polytechnic faculty’, while in Russian the word техник in a certain period was used to denote a ‘practical worker with a secondary specialized education’, but not with a higher education, as well as ‘a person working in the field of technology, technical sciences’; in addition, ‘a person possessing high skill in any business, art’ (SSRLYA, vol. 15: 412 – 413). The latter meaning to a certain extent correlates with the lexical-semantic variant of *technik*, used in the Slovak sports slang and

having a narrower meaning – ‘technical player; a player with high technique’ (CPC: 534). At the same time, the Russian word *техник* enters into a paronymic relationship with the Slovak *technik* in its second and third meanings (with the hypersems ‘student’ and ‘athlete’), which has been recorded in dictionaries only in recent decades. In the second meaning, marked as colloquial, a technician means ‘a student of a technical university, technical school, faculty’; in the third sense, qualified as professional, its meaning is ‘an athlete who has a good command of the techniques of a sport’ (BTS: 1322). At the same time, the word *технарь* in colloquial speech is also used in relation to a musician with a good technique: “Отменный гитарист-технарь с плотным взрывным звуком...” (“Rossijskaya Gazeta”, 15.03.2012). This meaning, in particular, is recorded in the youth slang dictionary with the label musical: ‘высокотехнический музыкант’ (high-tech musician) (Nikitina 1998: 442).

These observations make us draw several conclusions about the place of internationalisms in the lexical-semantic system of a language. First, the members of the correlation pairs are characterized as adapted, which have taken a firm place in the core of the vocabulary of the Russian and Slovak languages. As M.M. Makovskij argues, “the absence of semantic variation, often observed when borrowing, either prevents a new word from entering the language, or leads to its isolated position in the system” (Makovskij 1969: 32). As the analysis has shown, for the correlation pairs considered above, semantic variation is characteristic to a high degree. Secondly, such a comparison requires “consideration of the relationships and properties of certain semantic and lexeme structures, common or different for the languages being studied” (Makovskij 1969: 32). Thirdly, internationalisms in the compared languages are distinguished by rather “motley” semantics, which is their universal property; and which serves as the basis for the refusal of some researchers to consider such words as internationalisms (Makovskij 1960: 50). Becoming a part of the lexical-semantic system of a particular language, internationalism develops its laws accordingly. Fourthly, at the same time, there are universal patterns of development of meanings, characteristic, for example, of colloquial vocabulary, when, after the appearance of a sufficient degree of mastery, colloquial lexico-semantic variants appear in an international word (see the pairs *техник* – *technik*, etc.) In colloquial speech, its inherent derivational mechanisms are used to create derivatives motivated by internationalisms: in Russian and Slovak languages there are colloquial words *циркулярка* ‘circular saw’ and *cirkulárka* (from Latin *circularis* ‘circular’) in the same meaning, the only difference is in the fact that in the first case, the generating word is the adjective *циркулярный* ‘round, having the shape of a circle’ (in Slovak it corresponds to *cirkulárny*),

in the second – the noun *circular*, in turn, entering into homonymous relations with the Russian циркуляр ‘directive order, order sent to subordinate agencies or subordinate officials’. In the Russian language there is a word циркулярный ‘being a circular’ (циркулярное письмо, циркулярный приказ) (MAS, v. 4: 467), homonymous to the adjective given here, which enters into homonymous relations with the Slovak *cirkulárny*. Thus, the disintegration of the semantics of the polysemic word in the Russian language was the source of intra-lingual and interlanguage homonymy. Fifth, the process of stylistic divergence, similar to that described in relation to the words of the Proto-Slavic lexical fund, is clearly manifested, which subsequently leads to semantic shifts. Thus, in the Russian language, the adjective цивильный ‘civilian’ was considered obsolete already in the 1980s. (IAS, vol. 4: 645), while in the Slovak language *civilný* still functions in exactly the same sense. Meanwhile, the adjective цивильный was recognized as common Russian jargon (slang), as a word used as a positive epithet (Elistratov 2000: 526) (цивильный пиджак, цивильная машина, цивильная музыка), in this sense it is homonymous with Slovak *civilný*. Among the members of this word-formative nest (dating back to Latin *civilis*), we can point to another pair of homonyms: the Russian slang word цивил (‘a good, cultured person’; ‘a person who does not belong to any informal association’ (Elistratov 2000: 526)) and Slovak *civil* (‘civilian’ (CPC: 45)).

The pair of Russian-Slovak cognates минимально – minimálne is also illustrative, since the second meaning of the Slovak correlate (‘rarely’) is absent in the Russian language. Here we can talk about the relationship of paronymy (and not homonymy), since the mismatched lexical meanings have common semes – this seme is ‘an extremely small number’. The commonality of the sema ‘электрический’ predetermines the qualification of the following pair as paronymic: электричка in Russian is the colloquial name of the electric train, whereas the Slovak *električka* means ‘tram’.

Already from this small-scale analysis of correlation Russian-Slovak pairs, the combination of systemic and asystematic in the vocabulary of different languages is clearly visible. The international root and affix fund (mainly Greek-Latin), along with the Proto-Slavic elements described above (Markova 2017: 17), provides a significant number of Russian-Slovak pairs of cognates: interlingual homonyms and paronyms. Their appearance is based on both the features of the word-formation structure and, in general, the grammatical systems of the languages being compared, and the generality of the mechanisms of semantic derivation.

References

- Akhmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov. Second edition. M., 1969. – 608 pp.
- Alaburić Jelica.* Princip ekonomichnosti u tehničkoj terminologiji ruskog i srpskog jezika // *Slavistika. Vypusk IX.* – Belgrad, 2005. – pp. 128 – 132.
- ARS 2003: Anglo-ruskij slovar' po lingvistike i semiotike. Okolo 9000 terminov / Editor A.N. Baranova i D.O. Dobrovol'skogo. Second edition. – M.: In-t ruskogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2003. – 640 pp.
- Arutjunova N.D.* Rechevoj akt // *Lingvisticheskij jenciklopedičeskij slovar'* / Main editor V.N. Jarceva. – M., 1990. – pp. 412 – 413.
- Averkin A.N.* Tolkovyj slovar' po iskusstvennomu intellektu / Avtory-sost. A.N. Averkin i dr. – M.: Radio i svjaz', 1992. – 256 pp.
- Belchikov Ju.A.* Internacional'nye slova // *Ruskij jazyk: jenciklopedija* / Editor A.M. Moldovana. – Third edition. – M.: AST-PRESS SHKOLA, 2020. – pp. 212 – 213.
- BTS 2000: Bol'shoj tolkovyj slovar' ruskogo jazyka / Main Editor S.A. Kuznecov. – Sankt-Peterburg: Norint, 2000. – 1536 pp.
- Danilina N.I.* Nacional'noe i internacional'noe v slavjanskoj lingvističeskoj terminologii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija.* – 2019. – # 61. – pp. 20 – 36.
- Dvoreckij I.H.* Latinsko-ruskij slovar'. – M.: Ruskij jazyk, 1976. – 1096 pp.
- Elištrator V.S.* Slovar' ruskogo argo: materialy 1980-1990 gg.: Okolo 9000 slov, 30000 idiomatičeskikh vyražženij. – M.: Russkie slovari, 2000. – 694 pp.
- Kasatkin L.L.* Dialektologija // *Lingvisticheskij jenciklopedičeskij slovar'* / Main Editor V.N. Jarceva. – M., 1990. – pp. 133.
- Klimenko O.K. Tugusheva R.H.* Očerki po sopostavitel'noj leksikologii cheshskogo i slovackogo jazykov / S.-Peterb. gos. un-t. – Spb., 2003 // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otečestvennaja i zarubežnaja literatura. Serija 6: jazykoznanie. Referativnyj žurnal.* – 2004. – #44. Publishing house: INION RAN. – Moskva – pp. 117 – 124.
- Krysin L.P.* Zaimstvovanie // *Ruskij jazyk: enciklopedija* / Editor A.M. Moldovana. – Third edition. – M.: AST-PRESS SHKOLA, 2020. – pp. 183 – 185.
- Lejchik V.M. Shelov S.D.* Terminologija // *Ruskij jazyk: jenciklopedija* / Editor A.M. Moldovana. – Third edition. – M.: AST-PRESS SHKOLA, 2020. – pp. 774 – 776.
- Lotte D.S.* Voprosy zaimstvovanija i uporjadochenija inojazyčnyh terminov i terminoelementov. – M.: Nauka, 1982. – 149 pp.
- Madej E.D.* Osobennosti leksičeskoj interferencii pri kontakte ruskogo i slovackogo jazykov // *Ruskij jazyk: istorija, dialekty, sovremennost'.* Sbornik nauchnyh

- statej po materialam dokladov i soobshhenij konferencii / Editor L.F. Koposov. – M.: MGOU, 2019. – pp. 202 – 208.
- Makovskij M.M.* K probleme tak nazyvaemoj «internacional’noj leksiki» // Voprosy jazykoznanija. – 1960. – #1. – pp. 44 – 51.
- Makovskij M.M.* Opty tipologičeskoj harakteristiki leksiko-semantičeskih sistem // Voprosy jazykoznanija. – 1969. – #3. – pp. 24 – 36.
- MAS: Slovar’ russkogo jazyka v 4-h tomah / Pod red. A.P. Evgen’evoj. – Third edition. – M.: Russkij jazyk, 1985 – 1988.
- Mezh’jazykovaja omonimija slavjanskih jazykov: terminologičeskij, lingvokul’turologičeskij i lingvodidaktičeskij aspekty // Rusistika bez granic. – 2017. – #1. – pp. 15 – 23.
- Mustajoki A.* Title risks of miscommunication in various speech genres. Understanding by communication. Borisova E., Souleimanova O. (eds). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. pp. 33 – 53.
- Nikitina T.G.* Tak govorit molodezh’: slovar’ slenga. Po materialam 70-90-h godov. – Second edition. – SPb: Folio-Press, 1998. – 592 pp.
- Russkaja grammatika / Main editor N. Ju. Shvedova. T.1. – M.: Nauka, 1980. – 783 pp.
- SRS: Kollar D. – Dorot’jakova V. – Filkusova M. – Vasil’eva E. Slovacko-russkij slovar’. – M.: Russkij jazyk; Bratislava: Slovackoe pedagogičeskoe izdatel’stvo, 1976. – 768 pp.
- SSRLJa: Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 t. / Pod red. V.I. Chernyšjova. – M.; Leningrad: Publishing house AN SSSR, 1950 – 1965.
- Tihonov A.N.* Iskonno russkaja leksika // Enciklopedičeskij slovar’-spravočnik lingvističeskij terminov i ponjatij. Russkij jazyk: v 2 t. / Editors A.N. Tihonova, R.I. Hashimova. – T.1. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – pp. 378 – 379.
- Zhuravlev V.K.* Kontakty jazykovye // Russkij jazyk: jenciklopedija / Editor A.M. Moldovana. – Third edition. – M.: AST-PRESS SHKOLA, 2020. – pp. 282 – 283.

Гаярски Л.

Университет им. св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве, Словакия
lukas.gajarsky@ucm.sk

Интернациональная лексика в русско-словацких омонимических и паронимистических парах

Культуры и естественные языки (родственные или неродственные) не существуют обособленно, а взаимодействуют друг с другом. Если слова, совпадающие по своей внешней форме, встречаются минимум в трех языках, то мы имеем дело с интернационализмами. На начальном этапе эти слова носят терминологический характер и проникают в язык посредством научного и публицистического стилей. Со временем они становятся частью общеупотребительной лексики. Интернационализмы являются одновременно источником межъязыковых омонимов и паронимов.

Ключевые слова: омонимия, паронимия, семантика, интернационализмы

Pregledni rad / Review
UDK 811.163.42'27:316.75

Jadranka Gvozdanić

Heidelberg University, Germany
jadranka.gvozdanic@slav.uni-heidelberg.de

Dynamics of the Croatian language norm in the past and present

The first, introductory part of the paper presents recent sociolinguistic ideas about the relation among ideology, society and standard language, with a brief mention of their foundations in the 20th century. The second part of the paper critically surveys discussions about the beginnings of standardization on Croatian territories, and the third part briefly reviews language dynamics and codification efforts particularly during the past three decades.

Key words: ideology, standard language, norm, variation

1. Introduction: ideology, society and standard language

Since the development of variationist sociolinguistics starting from William Labov's early works of the 1960s, the empirical foundations of this approach hinged on the positivist methodology based on quantitative methods to achieve reliability and representativeness. Labov's investigations were able to pinpoint the finegrained social differences expressed by means of language, taking them as social givens revealed by sociolinguistic data. It was a.o. a major contribution of this research to have shown, based on research carried out in South Central Harlem by a team of two white and two black researchers between 1965 and 1968, that the Black English Vernacular (BEV) has a remarkably consistent grammar, similar to BEV in other American cities, and not exhibiting any inferiority of language or style. Labov (1972) concluded that „everyone has the right to learn the standard languages and culture in reading and writing (and speaking, if they are so inclined); but this is the end result, not the beginning of the educational process“.

In Europe around the middle of the 20th century, it was an insight of the Prague School of Linguistics that speaking and writing can be characterized by different norms in a single linguistic society, with dynamic transitions observable at any point in time. In addition to this dynamic approach to language, the Prague School also contributed essentially to our understanding of language functions. As elaborated by Jakobson (1960), one of the founders of the Prague School, language has the (context-oriented) referential function, the (message-oriented) poetic function, the (addresser-oriented) emotive function, the (addressee-oriented) appellative function, the (communication-oriented) phatic function and the (code-oriented) metalinguistic function.

This dynamic understanding of communicative functions was later supplemented by a dynamic understanding of societal functions of language.

It was above all Bourdieu (especially in 1982) who was able to demonstrate that social differences are construed, manifested and maintained by means of language. It is the linguistic „capital“, no less than the other forms of capital, that enables access to material resources and social power.

Bourdieu's ideas very much echoed in dynamic, communicatively based sociolinguistics elaborated by John Gumperz (1982) and more recently Monica Heller (e.g. 2011, 2020). Starting from Bourdieu's insights, these sociolinguists showed empirically that language is firmly situated in communicative contexts, where linguistic meanings are negotiated against the background of social relations. Heller & McElhinney (2017) showed that techniques of regimentation in fact had the perverse effect of contributing to the reproduction of hierarchy

(cf. also Heller 2020: 123), and positivistic empirical methods of linguistic research made it possible to mask the hierarchical valuation of the linguistic materials.

The ideology of social class may be characterized as pertaining to the meso level, in contrast to the macro level of the ideology of nation. The ideology of nation is related to territorial and sociocultural unity, in which the conceived unity of „blood and soil“ is complemented by a sometimes construed sociohistoric unity; it rests on the cultural memory and the cultural heritage. This is important, because the middle and upper classes, particularly the educated ones, are carriers of sociohistoric wealth and the cultural memory. This makes them into carriers of the national ideology as well.

Throughout modernity, the main focus of emancipation was on nation-state-sovereignty and nation-language-sovereignty. Both are founded on sociohistorically anchored ideologies (cf. also Milroy & Milroy 2001). At the same time, Heller (2020) shows that the ideology of nation is based on race, gender, class, sex, and language of white male upper classes aiming at preserving their dominant status. This shows that we are dealing with several layers: language is used to identify and unite nationally, i.e. on the macro level, but also to ascertain and maintain differences on the meso level.

Written linguistic heritage is the main source of cultural memory. Its importance for standard language is undeniable, but as undeniable is the influence of spoken language. Modern societies can observe shifts in written language norms by allowing elements of spoken language to become wide-spread both orally and in writing. Mattheier (1997) had referred to this phenomenon as „demotization“, In Kristiansen & Coupland (2011), Kristiansen distinguished two types of dynamic processes weakening the status of standard languages:

- (i) *destandardization*, when the ideology of the standard language is lost or changed and the standard language ceases to be viewed as the best variety, and
- (ii) *demotization*, when a vernacular becomes acceptable as part of the standard language, either replacing a part of it or allowing more variation (an example would be increasing acceptance of the youth vernacular in Denmark, aided by the mass media); in the process of demotization the standard ideology is preserved, but the valuation of linguistic varieties undergoes changes.

This approach, which may be considered promising, does not elaborate on the processes which may lead to either of these effects. Moreover, the

sociosymbolic function of language in these processes has not been sufficiently elaborated either. This paper aims to shed some light on these processes based on the formation of the Croatian language norm, but not before reflecting on the beginnings of the Croatian (supraregional) norms.

2. The early reflections on supraregional language norms on Croatian territories

Reflecting on the past was an important part of the Croatian standardization efforts in the second half of the 20th century. Brozović (1978) considered the 18th century to have been the crucial period, in which two supraregional standard languages arose with polyfunctional capacities: the Kajkavian in the west of Croatia, and the Štokavian in the central areas, from Dubrovnik up to Slavonia, with an important contribution of Bosnian Franciscan writers in the intermediate area. Polyfunctionality was decisive for viewing the language of this period as an early stage of the Croatian standard language.

The assumption about the rise of the Croatian standard language in the 18th century was challenged by Babić (a.o. 2005), who pointed out that there was a continuous development of the literary language since the Dubrovnik Renaissance poetry of the 16th century. Brozović (2005) answered that the language of the Renaissance writers was not polyfunctional, but dependent on the style and context in a very concrete way, and it therefore missed the abstract character of a standard language.

Knežević (2007) pointed out that Bartol Kašić's grammar *Institutiones linguae Illyricae* of the year 1604 aimed at codifying the language as supraregional, with a Štokavian basis complemented by Čakavian elements, although the author was originally a speaker of Čakavian. This choice of language corresponded to the intention of the Catholic Counterreformation in the second half of the 16th and the first half of the 17th century to reach the Croatian speaking areas, most with Štokavian speakers. Moreover, it was in line with the Vatican policy (at the Trident Assembly, 1545-1563) to support religion and language unity of the Illyrian provinces.¹

In view of the discussion of sociolinguistic ideas presented above, we can agree with Knežević in viewing language ideology as the decisive criterion for the standard language having its origin in Kašić's grammar. Babić was right in pointing out that continuity of the literary language in Dubrovnik provided the

¹ This ideologically based approach to language would in fact fit Brozović's definition of the standard language as an abstract unit.

basis for the later standard language. Finally, Brozović was right in claiming the abstract nature of the later standard language, which can, of course, only have an ideological foundation.

At the same time, this discussion reveals that in addition to ideology and polyfunctionality, the process of standardization should be looked into in more detail. Here, Haugen's (1966) phases of standardization should be taken into account. Haugen assumed that standardization processes develop in the following phases: selection, codification, elaboration and implementation. Needless to say that at least the implementation phase, and partly also the phase of elaboration, depends on an authority capable to steer the process by steering elaboration and applying the codified variety in the education system to ensure its implementation. This typically happens when the codified authority is endorsed by the administrative (state) authority, but before modern times it was the authority of religion that was capable of setting the ideological and linguistic standards.²

In terms of Haugen's phases of codification, we can see that only the first two phases could be performed by Kašić's grammar: selection and codification of a variety estimated to be supra-regional. The elaboration phase began in language academies which arose since the 16th century (cf. also Košutar & Tafra 2010), especially the *Akademija ispraznijeh* with the Latin name *Academia Otiosorum Eruditorum*) in the 17th and 18th ct.in Dubrovnik, working on the elaboration of the lexicon and grammar in the light of religious and literary writings of Dubrovnik and taking into account similar efforts in other Slavic countries. It was this variety, also elaborated in literary works, that was adopted as the standard one in the course of the 19th century, when it could also be implemented in the education system.

Preceding the beginnings of standardization, the ideological determination occurred. Its beginning can be dated to the year 1525, when Vinko Priboević held a lecture on the island of Hvar titled *Oratio de origine successibus que Slavorum* (On the origin and the glory of the Slavs) in which he defined a three-layered identity of being Dalmatian, Illyrian and Slavic. This laid the ideological foundation for Kašić's grammar, the codification work of the *Akademija ispraznijeh* and the standardization process that followed.

To conclude: Babić was right concerning the role of the literary language, Brozović was right concerning polyfunctionality and the at least potentially abstract nature of the standard language, and Knežević was right concerning the ideological approach to selection developed by Kašić already at the beginning of

² Cf. also Grčević (2005) on the Croatian *Missale Romanum* from the 16th century.

the 17th century. The roots of the ideological foundation were laid by Priboević in the 16th century and the development towards the standard language since Kašić's grammar was complex, but essentially straightforward.

3. Croatian in the 20th and early 21st century

3.1. Croatian in the 20th century

In parts of the 20th century, the Serbo-Croatian language existed as an ideologically based overarching linguistic umbrella of Croatian, Serbian and further central South Slavic varieties. Serbian attempts at far-reaching asymmetrical unification, especially by the Agreement of Novi Sad 1954, caused severe reactions in Croatia (especially in 1967 and 1971) and in fact accelerated the process of codification of the Croatian language.

The implementation phase of a single Serbo-Croatian standard language (even in the sense of a pluricentric language with different (sub)norms in the different republics of former Yugoslavia) was never completed in practice. In spite of the unified educational system, differences beyond the codified ones in the lexicon, (partly) grammar, phonology and phonetics persisted in the public spoken language (cf. a.o. Gvozdanović 2010). This led in a straightforward way to the Croatian *Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika* 'Declaration on the name and status of the Croatian literary language' (published in *Telegram* 1967, signed by 18 Croatian scientific and cultural institutions). The *Declaration* spoke about the Croatian literary language (i.e. the concrete variety at that time pertaining to pluricentric abstract Serbo-Croatian), but its ideology stating that each folk has the right to its own (name of the) language destroyed the ideological basis for the common Serbo-Croatian language and as in fact also the ideological basis for the common state.

We may say that the implementation phase of Serbo-Croatian was never completed and therefore this language could not serve the ideological role of maintaining the state unity.

In the contemporary perspective it may seem surprising that the leading Croatian linguists of the Yugoslav times adhered to the idea of a truly common standard Croatian or Serbian language. This ideological premise was probably a precondition for being able to address the issues of nation and language at all. For example, Katičić (1984, 1992: 311) wrote that the Croatian language would be a variant of the common standard Croatian or Serbian language even if it were formally independent. Interestingly, even Katičić's language exhibits elements which would now be considered Serbian, e.g. *hrvatski književni jezik*

jest varijanta i ne može da to ne bude ‘the Croatian literary language is a variant and cannot not be it’ (1984: 311), where we would now use the infinitive instead of *da + present*. Apart from this overt ideology, Katičić’s survey of the history of the Croatian language presented in this book provided the basis for the later independent standardization.

After the Yugoslav war, the elaboration phase of the Croatian standard language was reconsidered by reviving the older language elements from the tradition of Croatian texts and by relying on forms specific to the Croatian area (such as the derivational suffix for *nomina agentis* in *-telj*). The biggest change occurred in the lexicon, where Croatian words from the corpus of historical texts were revived in the public usage.³ The enhancement of distinctive boundaries to the other varieties was part of defining the new identity at all levels. The beginning of this new implementation phase was thereby still driven by ideological disputes.

3.2. The turn of the century and the early 21st century

In a number of ways, the year 2012 marked a transition in Croatian standardization processes since the independence in 1991. The two decennia before 2012 were characterized by adynamic reflection about the Croatian linguistic identity led by linguists and implemented in diverse ways by the mass media (positioning themselves at different points of the ideological spectrum). This process was framed by a relatively harmonious cooperation among the main institutions tasked with the investigation and development of the Croatian standard language: the Croatian Academy of Arts and Sciences (*Hrvatska Akademija Znanosti i Umjetnosti, HAZU*, henceforth ‘the Academy’), the Institute for the Croatian language and linguistics (Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, *IHJJ*, henceforth ‘the Institute’) and the Council for the Croatian Standard Norm (*Vijeće za normu hrvatskoga standardnog jezika*, henceforth ‘the Council’). In addition, *Matica hrvatska* was the main cultural institution tasked with promoting and publishing the key works of Croatian culture. The Institute originated from the Academy and was separated in 1973, and the Council was founded by the initiative of the Institute and with a strong input from the Academy. The Council was in function from 2005 until 2012, and provided ideas and background for codification activities of the Institute. Together, they laid the basis for new school-book standards.

³ In a comprehensive survey of Croatian in the 20th century, Samardžija (1998) mentions particularly lexical revivals such as *domovnica* ‘certificate of nationality’ or *putovnica* ‘passport’ as significant elements of the new Croatian standard norm.

Mass media, particularly daily newspapers were the main agents contributing to the establishment of the new Croatian norm. This was particularly investigated in a part of a large research project at the University of Mannheim and the Institute for the German language titled “Language variation as a communicative process: formal and functional parameters”, in which the subproject “Processes of institutionalization: Language choice and language change in Croatian in Croatia and in the Croatian migrant group in Germany” (<https://www2.ids-mannheim.de/prag/sprachvariation/tp/tp-2.html>) financed by the German Research Council (2000-2004) especially focused on the new norm in the Croatian mass media. This project collected daily newspaper texts during the project years 2000 - 2003 in a so-called Mannheim Croatian corpus, which could then be compared with the other existing corpora of Croatian. The results yielded a clear picture of a core of the new Croatian norm, in which the choice has fully shifted away from the old Serbo-Croatian norm for the Croatian language, and a periphery in which variation was allowed and semantically reshaped to become meaningful. The core was essentially accepted by all the media, but the ideologically different mass media continued to differentiate themselves by different choices of the optional markers.

Researchers from the Mannheim project (Grčević 2002, Rittgasser 2003, Gvozdanić 2010) report on the performed detailed analysis of the newspaper language at the beginning of the 21st century (2000-2001) showing that media representatives of the left spectrum followed these developments in the same direction as those from the right spectrum in the core area, but with a slower adoption of the lexical markers of the new standard for peripheral markers (e.g. both now use *tijekom* instead of *tokom* ‘course’ in 99% of the instances, but *prisustvovati* vs. *nazočiti* ‘attend’ vary). Also e.g. the derivational morpheme *-telj* has by now fully replaced *-lac* for nomina agentis. The variation shows that the markers of the new Croatian norm have been generally accepted in the core area, and variation in the periphery runs along the ideological lines. For example, *Feral*, a left-wing journal, had in the year 2000 (based on a corpus of 870000 words) in 79% of the instances for ‘presence’ *prisutnost* and in 21% *nazočnost*; *Hrvatsko slovo* (from the year 1999, 512000 words), a right-wing journal, had 32% *prisutnost* and 68% *nazočnost*. By such subtle differences, the different ideological groups on the meso level participated in the implementation phase of the new standard, but signaled a different attitude towards it.

The three decennia between the proclamation of the Croatian independence and the year 2012 were very informatively and highly insightfully documented by Peti-Stantić, especially by Peti-Stantić and Langston (2012 in the Croatian edition). The authors provide a clear picture of the language-political and

language-educational positions and efforts during this period, and mass-media differences in line with the results of the Mannheim project and beyond them.

It may be interesting to stress an interesting discrepancy between the empirically observable negotiation of the Croatian norm in the media, and the abstract assumption that the Croatian language had been well standardized and its norm should be kept tight and learned throughout one's life, stated by Katičić (2013: 247). By virtue of his function as chairmen of the Council for the Croatian standard norm, Katičić's rather static view of the norm in contrast to an explicitly dynamic view and proclaimed openness in his earlier works, did not lead the Council towards establishing a methodology for evaluating language variation. This concerns especially variation the meso level of the public space preserved in the existing language corpora (e.g. https://www.clarin.si/kontext/first_form?corpname=hrvac). In addition to not providing guidelines for dealing with variation, the Council made recommendations for the orthographic and orthoepic norm which were not fully elaborated either, leaving space for later misunderstandings. One such example is spelling of dentals before affricates.

In the Council's conclusions and the subsequent overview of the Council's work published by Katičić (2012), Katičić refers to an unnamed experimental investigation by which sequences of dental + affricate are pronounced longer than mere affricates, i.e. the onset of the last syllable of the plural of *dodatak* 'addition' in fact sounds as *dodacci*, but as Croatian has no double consonants, Katičić proposed the spelling *dodatci*. The plural of *redak* 'line' should, however, be spelled *redci*. Strangely enough, Katičić (2012: 167) claims that this spelling rule (which distinguishes between *-tci* and *-dci* in the plural forms) is not morphological, but plainly phonological. However, both involve voice assimilation and should by the phonological principle be treated in the same way. How can two phonologically identical processes including voice assimilation be written differently by a purely phonological rule?

The School Dictionary of the Croatian language (*Školski rječnik hrvatskoga jezika*) published by the Institute for the Croatian language and Linguistics in 2013, and its internet version published in 2019, contains spelling examples such as the following:

predak, im. m. (G *pretka*, V *predče*, pl. N. *predci*, G. *predaka*)

The examples in the vocative singular and the nominative plural have been copied from the Council's recommendations. Forms like the genitive singular, not mentioned by the Council, have been preserved in the older type of spelling. Voice assimilation has been written in the spelling of the genitive singular (implying the other indirect cases in the singular), but not in the vocative singular or the plural forms). And this is supposed to be taught at school!

Many solutions taken in the publications of the Institute for the Croatian language and linguistics have been criticized as insufficiently thought through by the Russian specialist on Croatian Bagdasarov. His writings, especially his recent book (Bagdasarov 2020) and many articles demonstrate problematic codification issues which should have been taken better care of in Croatian specialist circles. It is not the case that any variation should be accepted (as partly discussed by Starčević *et al.* 2019), but variation rooted in the existed regularities and accepted in public communication should be evaluated as possibly pertaining to the standard norm.

This example illustrates the relative stagnation characteristic of the period after the end of the Council's work in 2012. During this period the Institute in fact functioned independently of the Academy and produced works which would have benefitted from specialist input (beyond the public hearings organized by the Institute).

What is particularly missing in the recent codification is an evaluation of the on-going changes in the language. For example, the loanword *roza* 'rose' has been listed in the School dictionary as an indeclinable adjective. However, as shown by the Croatian web corpus hrWaC 2.1 (https://www.clarin.si/kontext/first_form?corpname=hrwac), this adjective has by now predominantly joined the regular type of declinable adjectives, e.g. the accusative *rozu haljinu* is attested eight times and *roza haljinu* only once. This adjective is by now predominantly declinable and only exceptionally left indeclinable, and this should be reflected in the dictionary.

Another, different example is the treatment of *svoj* 'one's own' in the dictionary, described as "pertaining to the subject or the object in the clause". The latter (inaccurate statement) is erroneously illustrated by Croatian *svaka majka voli svoje dijete* 'each mother loves her child', in which *svoje* pertains to the subject, not the object.

The traditional rule for using this reflexive-possessive pronoun does not hold in all cases. For example, at a banking machine we usually read *unesite Vaš pin* 'enter your pin', not **unesite svoj pin*. Instead of a reflexive-possessive pronoun, a possessive pronoun is used when the awareness of (or presupposition about) the object pertaining to the subject is **not** limited to the subject's own frame of reference (i.e. if not only the addressee-subject (in the second person), but also the bank knows that the addressee is likely to have a pin). This often happens with a topicalized object as in the following example: *ja moju mamu obožavam* 'I adore my mother' (hrWaC.65038.forum.hr, read on August 25.2021) in which the topic must have been introduced already, making the referent available also to the reader. This kind of variation has been attested in other Slavic languages

as well (cf. e.g. Timberlake 1980 concerning Russian) and should at least be discussed in the process of determining the language norm.

In summary, lack of cooperation between the Institute and the Academy has led to a situation of insufficient linguistic background for the codification tasks carried out by the Institute. It can be hoped that the new Board for the Croatian standard norm (*Odbor za normu hrvatskoga standardnog jezika*) installed by the Academy in 2020 can bring a solution to this situation. The first act issued by the new Board was to recommend application of the Council's conclusions of 2012, but, as we have seen, there is much analytic work awaiting this Board to provide a proper guidance for the future.

4. Conclusion

The sociolinguistic insights discussed in the introduction focused on ideological foundations of standard languages, phases of standardization, and so-called demotization. These ideas enabled answers to some controversial issues about the history of Croatian standardization, particularly:

1. The ideological foundation of the Croatian standard language was laid in the 16th century, the codification began with Kašić's grammar in the 17th century, the elaboration began at the *Akademija ispraznijeh* in Dubrovnik in the late 17th and the 18th century, but the implementation was (interrupted by the Serbo-Croatian period) completed only in the 20th century.
2. Brozović (2005 etc.) correctly analyzed the unified Serbo-Croatian language as abstract, whereas its concrete varieties persisted as polyfunctional in their own right. However, in terms of Haugen's stages, Serbo-Croatian did not reach the stage of full standardization.
3. The contemporary variation within the Croatian standard language occurs (in addition to regional characteristics) partly for reasons of an ideologically based symbolic identity (of mass media), for pragmatic reasons (illustrated by variation of reflexive-possessive vs. possessive pronouns) or due to adaptation processes to productive patterns (illustrated by loanwords, such as *roza*). Comparable processes occur elsewhere in Europe, but the Croatian written norm seems to be less demotized than the Danish (and German) examples discussed in the literature.

Variation arises from communicative needs for informational efficiency and precision. Empirical investigation is needed to establish the frequency and regularity of variation phenomena in order to decide about their status relative to the standard norm.

References

- Babić, Stjepan (2005) Hrvati Srbima uzeli ili čak ukrali književni jezik. *Jezik* 52, 3: 112-113.
- Bagdasarov, Artur R. (2020) *Hrvatski jezik. Pogled iz Rusije*. Moskva: Izdateljstvo MBA.
- Bourdieu, Pierre (1982) *Ce que parler veut dire*. Paris: Fayard.
- Brozović, Dalibor (1978) Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti. In: *Hrvatska književnost u evropskom kontekstu*, 9-83. Zagreb: Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu.
- Brozović, Dalibor (2005) O početku hrvatskoga jezičnog standarda. *Jezik* 52, 5: 186-192.
- Coupland, N. & T. Kristiansen (2011) Introduction. In: Kristiansen, T. & N. Coupland (eds.) *Standard Languages and Language Standards in a Changing Europe*, 11-35. Oslo: Novus Forlag.
- Grčević, Mario (2002) Some remarks on recent lexical changes in the Croatian language. In: Lucić, Radovan (ed.) *Lexical norm and national language: Lexicography and language policy in South Slavic languages after 1989*, 150-165. München: Sagner.
- Grčević, Mario (2005) *Das kroatische volkssprachliche Missale Romanum aus dem 16. Jahrhundert*. Dissertation an der Universität Mannheim, https://madoc.bib.uni-mannheim.de/1139/1/diss_grcevic.pdf
- Gvozdanić, Jadranka (2010) Jezik i kulturni identitet Hrvata. *Kroatologija* 1: 39-57.
- Haugen, Einar (1966) Dialect, language, nation. *American Anthropologist* 68, 6: 922-935. Extracted as E. Haugen. Language standardization. In N. Coupland and A. Jaworski (eds.). 1997. *Sociolinguistics: A Reader and Coursebook*. Basingstoke: Macmillan. 341-352.
- Heller, Monica & McElhinny, Bonnie (2017) *Language, capitalism, colonialism: Toward a critical history*. Toronto: University of Toronto Press.
- Heller, Monica (2020) Sociolinguistic frontiers: emancipation and equality. *Journal of the Sociology of Language* 263: 121-126.
- Jakobson, Roman (1960) Linguistics and poetics. Closing statements in Sebeok, T. (ed.) *Style in Language*, 350-377. Cambridge, Mass.: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology.
- Katičić, Radoslav (1984, 1992, 2nd) *Novi jezikoslovni ogledi*. Zagreb: Školska knjiga.
- Katičić, Radoslav (2012) Bivše Vijeće za normu hrvatskoga standardnog jezika. *Jezik* 59, 5: 169-200.

- Katičić, Radoslav (2013) *Hrvatski jezik*. Zagreb: Školska knjiga.
- Knežević, Sanja (2007) Nazivi hrvatskoga jezika u dopreporodnim gramatikama. *Croatica et Slavica Jadertina*, 41-69.
- Košutar, Petra & Tafra, Branka (2010) Hrvatske akademije (od 16. Do 18. stoljeća) u europskom kontekstu. *Kroatologija*1 (1): 131-148
- Kristiansen, T. & Coupland, N. (2011) *Standard Languages and Language Standards in a Changing Europe*. Oslo: Novus Forlag.
- Labov, William (1972) Academic ignorance and black intelligence. *The Atlantic*, June 1972.
- Mattheier, K. J. (1997) Über Destandardisierung, Umstandardisierung und Standardisierung in modernen europäischen Standardsprachen. In K. J. Mattheier and E. Radtke (eds.) *Standardisierung und Destandardisierung europäischer Nationalsprachen*. Frankfurt: Lang, 1–9.
- Milroy, J. (2001) Language ideologies and the consequences of standardization. *Journal of Sociolinguistics* 5, 4: 530–555.
- Milroy, J. and L. Milroy (1985) *Authority in Language: Investigating Language Prescription and Standardisation*. London and New York: Routledge and Kegan Paul.
- Peti-Stantić, Anita i Langston, Keith (2013) *Hrvatsko jezično pitanje danas: identiteti i ideologije*. Zagreb: Srednja Europa.
- Rittgasser, Stefan (2003) Mijene u leksiku hrvatskoga jezika. *Jezik* 50: 6-14.
- Samardžija, Marko (1998) Utjecaj sociopolitičkih mijena na leksik hrvatskog jezika u XX. stoljeću. *Croatica* 27, 45-46: 177-192.
- Starčević, A., Kapović, M. & Sarić, D. (2019) *Jeziku je svejedno*. Zagreb: Sandorf.
- Timberlake, Allen (1980) Reference Conditions on Russian Reflexivization. *Language* 56, 4, 777-796.

Gvozdanić J.

Sveučilište u Heidelbergu, Njemačka
jadranka.gvozdanic@slav.uni-heidelberg.de

Dinamika hrvatske jezične norme u prošlosti i sadašnjosti

Prvi, uvodni dio članka predstavlja suvremene sociolingvističke ideje o odnosu između ideologije, društva i standardnog jezika, uz napomene o razvoju tih ideja u 20.st. Drugi dio članka kritički prikazuje diskusije o počecima standardizacije na hrvatskim područjima, a treći dio se ukratko osvrće na jezičnu dinamiku i kodifikaciju osobito u protekla tri desetljeća.

Ključne riječi: ideologija, standardni jezik, norma, varijacija

Pregledni rad / Review
UDK 811.163.42:004.738

Lana Hudeček, Milica Mihaljević

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Hrvatska
lhudecek@ihjj.hr, mmihalj@ihjj.hr

Jezični savjeti u *Mrežniku* i *Jeni*¹

U radu se predstavljaju dva projekta Hrvatske zaklade za znanost koja se provode u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje: *Hrvatski mrežni rječnik – Mrežnik* (početak projekta 1. ožujka 2017., završetak projekta 31. srpnja 2021., voditeljica projekta Lana Hudeček) i *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje – Jena* (početak projekta 24. svibnja 2019., završetak projekta 23. prosinca 2020.; od 24. prosinca 2021. projekt se nastavlja kao interni projekt Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje; voditeljica projekta Milica Mihaljević). U radu se pokazuje kako se normativnost odražava u *Mrežniku*, a kako u *Jeni*.² Posebno se normativni pristup ogleda u donošenju jezičnih savjeta. Jezični savjeti u *Mrežniku* donose u posebnoj rubrici *Normativna napomena*. Budući da je *Jena* ograničena ustrojem terminološke baze *Struna*, normativne se napomene donose u rubrici *Napomene*, u kojoj se donose i pragmatičke napomene te različita objašnjenja i dopune definiciji. Na nekoliko se primjera općih jezikoslovnih naziva koji se nalaze i u *Mrežniku* i u *Jeni* uspoređuju jezični savjeti.

Ključne riječi: jezični savjet, jezična standardizacija, Mrežnik, Jena

¹ Ovaj je rad izrađen na istraživačkome projektu *Hrvatski mrežni rječnik – Mrežnik* (IP-2016-06-2141) i na projektu *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje – JENA* (Struna-2017-09-05). Oba projekta u cijelosti financira Hrvatska zaklada za znanost.

² O dodirnim točkama tih dvaju projekata, strukturnim sličnostima i razlikama vidi u Hudeček i Mihaljević, 2019a te u Hudeček i Mihaljević, 2020a: 95–100.

1. Uvod

Jezično savjetništvo u Hrvata ima dugu i plodnu tradiciju od 1904. godine, kad je objavljena knjiga Vatroslava Rožića *Barbarizmi u hrvatskom ili srpskom jeziku*. Od te godine do danas objavljen je niz jezičnih savjetnika: *Branič jezika hrvatskoga* Nikole Andrića (1911), *Književni jezik u teoriji i praksi* Ljudevita Jonkea (1965), savjetnici Stjepka Težaka (1990/1991, 1995) i Stjepana Babića (1990, 1995) i mnogi drugi. Jezično je savjetništvo jedna od stalnih djelatnosti Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Upiti korisnika upućeni Odjelu za standardni jezik poslužili su kao građa za četiri savjetnika nastala u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje: *Jezični savjetnik s gramatikom* (Pavešić (ur.), 1971), *Hrvatski jezični savjetnik* (Hudeček, Mihaljević i Vukojević (izv. ur.), 1999), *Jezični savjeti* (Hudeček, Mihaljević i Vukojević, 2012), *555 jezičnih savjeta* (Blagus Bartolec i dr., 2015).

U posljednje se vrijeme u hrvatskome jezikoslovlju sve češće čuje negativan stav prema jezičnome savjetništvu. Polazište za takav stav nalazi se u angloameričkoj lingvistici, a najglasniji su zastupnici takvih stavova u Hrvatskoj Anđel Starčević, Mate Kapović i Daliborka Sarić (2019). Kritika bi se jezičnih savjeta mogla svesti na ove dvije tvrdnje:

1. prava je lingvistika deskriptivna, a preskriptivnim se pitanjima jezikoslovci ne bi trebali baviti
2. standardni je jezik samo jedan od dijalekata te o njemu treba govoriti kao o standardnome dijalektu.

U radovima Hudeček i Mihaljević (2015), Mihaljević (2017) i Matasović (2020) iscrpno su pokazani nedostaci takvoga pristupa, pa o tome u ovome radu neće biti riječi. Navest ćemo samo da su i *Mrežnik* i *Jena* u prvome redu pisani za korisnike, vodeći računa o njihovim potrebama i upitima. Upravo veliki popis jezičnih savjeta koji su dani na temelju upita korisnika svjedoči o opravdanosti takvoga pristupa jer potreba za jezičnim savjetom nastaje kad se pojavi jezična nedoumica, tj. pitanje koju je od dviju ili više istorednih jedinica bolje upotrijebiti u određenome kontekstu. Takve se nedoumice pojavljuju svakodnevno, a o tome svjedoče brojni upiti novinara, prevoditelja, lektora, profesora i drugih korisnika koji se postavljaju službi za jezične savjete Instituta. Ti korisnici svakako ne bi bili zadovoljni odgovorom: *Svejedno je*. ili *Radite kako znate jer ste izvorni govornik hrvatskoga jezika*. jer oni pitaju baš zato što ne znaju.

Velika količina jezičnosavjetničke literature, uključujući i mrežne stranice na kojima se nalaze jezični savjeti, te stalni upiti korisnika upućuju na trajno

zanimanje javnosti i važnost jezičnih savjeta za hrvatsku jezičnu kulturu i u današnje vrijeme. Stoga su jezični savjeti našli svoje mjesto i u *Hrvatskome mrežnom rječniku* i u terminološkoj bazi *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje*. Budući da je riječ o mrežnim izvorima, važan je element njihova prostorna neograničenost, koja je npr. u tiskanim rječnicima bila jednim od razloga da se u njima savjeti donose tek implicitno, obično upućivanjem s rječničke natuknice ili značenja na drugu natuknicu ili značenje, ali bez objašnjenja zašto se to čini (ono se katkad iščitavalo, kao minimalno objašnjenje, iz stilskih i normativnih odrednica). Kako je riječ o dvama po svojemu ustroju i namjeni različitim izvorima, dijelom je različit i pristup jezičnomu savjetu, koji katkad ima za posljedicu i njegovo drukčije oblikovanje i razliku u opsegu podataka koji se u njemu donose. U daljnjemu će se tekstu prikazati jezični savjeti u *Mrežniku* i *Jeni* te u komparativnoj analizi objasniti u čemu su slični te u kojim se elementima razlikuju.

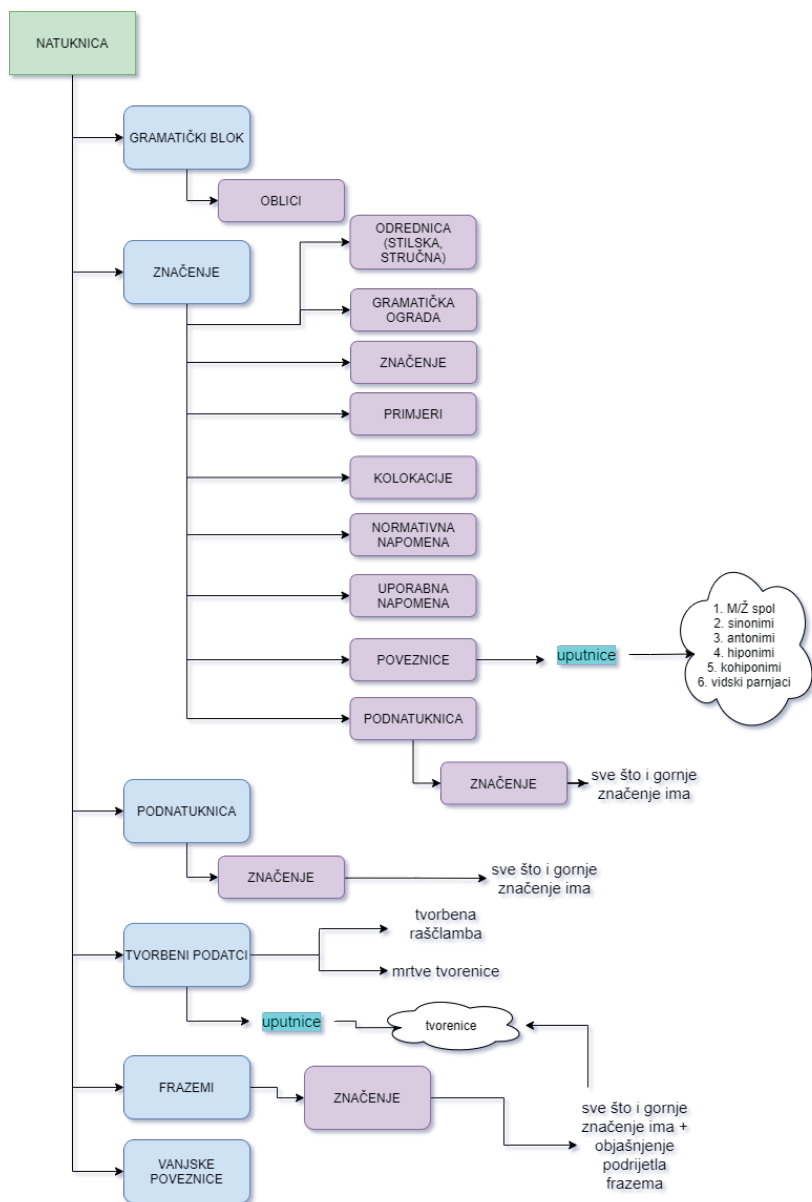
2. Projekt *Hrvatski mrežni rječnik – Mrežnik*

Projekt *Hrvatski mrežni rječnik – Mrežnik* istraživački je projekt Hrvatske zaklade za znanost koji je započeo 28. veljače 2017., a završit će 31. srpnja 2021. Osnovni je cilj projekta izrada jednojezičnoga, korpusno utemeljenoga, hipertekstnoga, normativnoga, mrežnoga rječnika. Sadržava tri modula: modul za odrasle izvorne govornike hrvatskoga jezika, modul za učenike nižih razreda osnovne škole te modul za osobe koje uče hrvatski jezik kao drugi i strani jezik. *Mrežnik* je korpusno utemeljen rječnik³. U projektnome je razdoblju predviđena obrada 10 000 rječničkih jedinica u osnovnome modulu, 3000 u modulu za učenike te 1000 u modulu za osobe koje uče hrvatski kao drugi i strani jezik. S pomoću alata za pretragu korpusa *Sketch Enginea* podatci se crpe iz dvaju korpusa: *Hrvatskoga mrežnog korpusa hrWaC-a* te *Hrvatske jezične riznice*. Na projektu su sastavljene i skice riječi za hrvatski jezik⁴, što uvelike olakšava leksikografsku obradu. Rječnik se piše u programu *TLex*, u kojemu su strukturirani rječnički članci u svim trima rječničkim modulima. Rječnik

³ Korpusno utemeljen rječnik takav je rječnik u kojemu se obrađivač služi korpusom, ali može slobodno procijeniti što treba unijeti u rječnik te rječnik može po potrebi dopunjavati i riječima iz drugih izvora te kolokacijama i značenjima koji nisu potvrđeni u korpusu (prema definiciji iz *Pojmovnika e-leksikografije* <http://ihjj.hr/mreznik/page/pojmovnik/6/>).

⁴ Skice riječi za hrvatski jezik izradio je Nikola Ljubešić u suradnji s članovima skupine za tehnološka rješenja na projektu *Mrežnik*. Više o skicama riječi za hrvatski jezik vidi u Hudeček i Mihaljević, 2018: 106–107.

je zamišljen kao rastući rječnik koji će se moći redovito posuvremenjivati i dopunjavati.⁵ Strukturu rječničkoga članka u osnovnome modulu vidi na 1. slici.

1. slika: Maksimalna struktura rječničkoga članka u osnovnome modulu

⁵ Više o projektu *Mrežnik* vidi u Hudeček i Mihaljević, 2017, 2018, 2020b i Hudeček, 2018 te na stranicama projekta <http://ihjj.hr/mreznik>.

Iako je *Mrežnik* normativni rječnik, pri njegovoj se izradi primjenjuje normativno-deskriptivni pristup. Deskriptivni se pristup odražava u činjenici da se jedinica koja ne pripada standardnomu jeziku, ali je u korpusima na kojima se *Mrežnik* temelji (*Hrvatska jezična riznica* i *Hrvatski mrežni korpus hrWaC*) dobro potvrđena, navodi u osnovnome rječničkom modulu s potpunom obradom (gramatičkim blokom, primjerima, kolokacijama, tvorbenim podacima), ali uz napomenu da standardnomu jeziku pripada druga jedinica.

Normativnost *Mrežnika* u prvome se redu očituje u činjenici da se jezičnim jedinicama, kad je to potrebno, određuje normativni status te često donosi objašnjenje zašto se prednost u standardnome jeziku daje drugoj jedinici. U tome se *Mrežnik* razlikuje od Školskoga rječnika hrvatskoga jezika (u kojemu su iste urednice i veći broj suradnika), u kojemu se normativnost u prvome redu očituje odabirom natuknica, odnosno lijevi stupac u njemu u pravilu čine standardnojezične riječi (Birtić i dr., 2012: XI, Hudeček i Mihaljević, 2019b: 24). Razlika je, posljedično, i u tome što rijetke jedinice s kojih se u *Hrvatskome školskom rječniku* upućuje na normativno prihvatljivije nemaju obradu, nego uz njih stoji samo uputnica. Takvo je rješenje primijenjeno i na *Hrvatskome jezičnom portalu*, što je posve očekivano jer je to standardno rješenje u tiskanim rječnicima, a na *Hrvatskome jezičnom portalu* nalazi se digitalizirani tiskani rječnik. Pristup je u *Mrežniku* drukčiji u prvome redu stoga što je riječ o rječniku izvorno pisanom za objavu na mreži. U njemu se normativnost očituje:

1. u naglašavanju natuknica i oblika odnosno u odabiru standardnojezičnih oblika u gramatičkome bloku, vidi 2. sliku, te u donošenju pravopisnih i gramatičkih ograda
2. upućivanjem s natuknica koje se u standardnome jeziku ne preporučuju na natuknice koje se u njemu preporučuju (takvo se upućivanje provodi kod tvorbenih inačica unatoč tomu što sve jedinice koje se u rječniku navode imaju potpunu obradu kako bi korisnik mogao jednostavnije doći do normativno preporučljivije natuknice)
3. označavanjem jezičnih jedinica ili njihovih značenja oznakama *razg.* i *žarg.*
4. donošenjem normativnih napomena i uz jedinicu čija se uporaba preporučuje u standardnome jeziku i uz jedinicu čija se uporaba u njemu ne preporučuje.

drvo **drvo** im. s. (G drveta/dřiva, DL divetu/dřivo, A drvo, I divetom/dřivom; mn. NA drveta/dřiva, G drveta/dřiv, DLI drvetima/dřivima)

¹ bot. (G drveta; NA drveta, G drveta) **Drvo je višegodišnja biljka s korijenom, debлом i krošnjom.**

- *Epifitske vrste koje rastu na kori drveta u stakleniku ili u kući traže puno indirektnu svjetlost i visoku vlažnost zraka.*

- *Lovor je zimzeleno drvo visoko do 8 metara.*

- *Osamdeset posto čovječanstva zapadnog društva nije u stanju popeti se na drvo.*

- *Sinoć sam ubrala graničicu s trešnja drvetu i jutros je stavila u vaznu na prozoru.*

Kakvo je drvo? truljo, bjelogorično, crnogorično, listopadno, zimzeleno, bukovo, hrastovo, palmino, trešnjino

Što drvo može? rasti

Što se s drvom može? oboriti ga, posaditi ga, otpliti ga, posječiti ga, zagriti ga

U vezi s drvom spominje se: grana, kora, krošnja, sadnja, sječa, vrsta

Koordinacija: drvo i cvijet, drvo i grana, drvo i gm, drvo i lišće, drvo i šuma

SINONIM: stablo :1

² (G drva; mn. N drva, G drva) **Drvo je obradeni dio stabla koji se dobio sječenjem ili piljenjem.**

- *Dolazak sv. Nikole s darovima vraća nas u dane djetinjstva, a veselmi ukrasima djeca iz dječjih vrtića ukrašavaju božićno drvo u središtu grada.*

- *Hrast, grab i bukva najbolje su drva za ogrijev, a upravo je ovaj hladniji dio godine idealan za sječu i spremanje.*

- *Ovisno o tome gdje se na pelete ili na ogrijevno drvo, razlikujemo kotlove na pelet, kotlove na pelet i ogrijevno drvo i kotlove na ogrijevno drvo s pirolitičkim izgaranjem.*

Kakvo je drvo? ogrijevno

Što se s drvom može? piliti ga, ložiti ga

U vezi s drvom spominje se: komad, komadić, kubik, metar, piljenje

³ (gd. G drva; N drva, G drva) **Drvo je gradivo od istoimene biljke.**

- *Još od 1992. godine postoji na Sumarskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu ovlašteni Laboratorij za drvene ploče koji ispituje mehanička, fizikalna i kemijska svojstva drva i proizvoda od drva.*

- *Kupaonice obložene drvom zasigurno dobivaju novu dimenziju i raskoš, te postaju prirodna oaza u svakom domu.*

- *Od tvrdog i čvrstog drva maslinovog stabla izrađivale su se drške za sjekire i ostali alat, pokućstvo, ali i oružje.*

Kakvo je drvo? masivno, lamelirano, ljepljeno, tvrdo; bukovo, hrastovo, kruškino, ružino

Što se s drvom može? obložiti što njime, preraditi ga

U vezi s drvom spominje se: boja, imitacija, obrada, prerada, svojstvo, tekstura

Koordinacija: drvo i kamen, drvo i keramika, drvo i metal, drvo i plastika, drvo i staklo, drvo i željezo

⁴ razg. (G drva; mn. N drva, G drva) **Drvo je čunj u kuglanju.**

- *Na veliku radost domaćih kuglača Pakrac je ukupno srušio jedno drvo više od gostiju, što im je donijelo dva boda.*

Što se s drvom može? oboriti ga, srušiti ga

• *Riječ drvo može označavati stablo, a može označavati i obradeni dio stabla koji se dobio sječenjem ili piljenjem te gradivo koje se dobiva sječom stabala. Ovisno o tome o kojemu je značenju riječ, razlikuju se i oblici riječi drvo. U prvome slučaju (o stablu) genitiv glasi drveta, npr. Djeca trče oko drveta. U drugome slučaju (kad je riječ kad je riječ o obradenoj djeli stabla ili o gradivu) genitiv glasi drva, npr. Stol je načinjen od drva.*

Struna: <http://struna.ihj.hr/naziv/drvo/35722/#naziv>

Kolokacijska baza hrvatskoga jezika: http://ihj.hr/kolokacije/search/?q=drvo&search_type=basic

2. slika: Gramatičke ograde (u zgradama uz definicije značenja) kojima se implicitno daje jezični savjet o uporabi pojedinih oblika u pojedinoj značenju riječi *drvo*

Pri donošenju normativnih odluka autori i urednice *Mrežnika* slijedili su načela uspostavljena tijekom dugogodišnjega rada na normativnim priručnicima u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje.⁶

Sva su načela općejezičnoga normiranja (načelo normativnosti, načelo sustavnosti, načelo proširenosti u uporabi (u slučaju *Mrežnika*: potvrđenosti u korpusima), načelo autohtonosti načelo produktivnosti, tradicijsko načelo, načelo svrhovitosti / primjerenosti određenomu funkcionalnom stilu te načelo poštovanja razvojnih tendencija) primijenjena i u radu na *Mrežniku*). Kao osobito važna ističu se:

1. načelo normativnosti, prema kojemu rječnik jasno odražava normativni status pojedine jedinice, odnosno normativnu hijerarhiju među konkurentnim jedinicama
2. načelo sustavnosti, prema kojemu rječnik odražava činjenicu da je standardni jezik sustav, a ne skup nepovezanih jedinica, odnosno jedinica kojima upravljaju nepovezana pravila⁷

⁶ Više o načelima teminološkoga i općejezičnoga normiranja vidi u Hudeček i Mihaljević, 2019b.

⁷ Za skupine riječi u kojima se pojavljuju isti normativni problemi (uglavnom povezani s različitim tvorbenim obrascima) sastavljeni su tipski jezični savjeti koji dolaze uz sve riječi koje pripadaju skupini o kojoj je riječ. Tipski su jezični savjeti sastavljeni npr. za imenice na *-ist/-ista*, *-onal/-onica*, *-arnal/-arnica*, *-ara/-arnica*, *-injal/-ica*, *-lac/-telj*, *izvan/-van*- te njihove izvedenice, pridjeve od imenica na *-čica/-ar*. Osobita se pozornost pri donošenju tipskih savjeta u *Mrežniku* pridaje u

- načelo potvrđenosti u korpusu, prema kojemu se svaka jedinica provjerava u korpusu (imajući pritom u vidu da *Hrvatska jezična riznica* bolje odražava standardnojezično stanje, ali da nije dopunjavana od 2009. godine te da se u njoj nalaze izvori nastali od polovice 19. stoljeća, a da *Hrvatski jezični korpus* nije standardnojezični korpus, nego korpus koji okuplja tekstove automatski prikupljene s domene .hr: te dvije činjenice upravljaju odlukom o tome koliko je potvrđenost u korpusu relevantna za procjenu normativnoga statusa koje jedinice).

Primjer su primjene načela normativnosti i načela sustavnosti pridjevi izvedeni od imenica na *-čica*, koji pokazuje kako u jezičnome sustavu usporedive jedinice imaju i usporedive normativne tipski oblikovane napomene, u ovome slučaju: *Pridjev xxxčicin ne pripada standardnomu jeziku. Pridjev xxxčičin tvorbeno se raščlanjuje na xxxčic + in te se na tvorbenoj granici provodi palatalizacija, odnosno c ispred i zamjenjuje se s č.*, vidi 3. sliku.

djevčičin **djevojičin** prid. (G djevčičina, ž djevčičina, s djevčičino)

Djevojičin je koji pripada djevojići.

- Kad se brzi rast s vremenom prirodno uspori, djevojičin bolji apetit trebao bi se osjetiti i na vagi.

- Ona i djevojičina baka jedino su što je ostalo od velike obitelji.

Što je djevojičino? baka, djed, majka, otac, roditelji; kosa, odjeća, rođendan, rođenje

• Pridjev *djevojičin* ne pripada standardnomu jeziku. Pridjev *djevojičin* tvorbeno se raščlanjuje na *djevojić + in* te se na tvorbenoj granici provodi palatalizacija, odnosno c ispred i zamjenjuje se s č.

Tvorba: djevojić-in

spremačičin **spremačičin** prid. (G spremačičina, ž spremačičina, s spremačičino)

Spremačičin je koji pripada spremačici.

- Dolje na hodniku, ispred niskih vrata, kroz koja se ulazi u spremačičin podrumski stan, stoji mali desetogodišnji dječak.

- Zapravo, spremačičin je posao nanijeti dodatnu prašinu na svaku sjajnu površinu koja bi mogla prikazati odraz njezine poslodavke.

Što je spremačičino? (podrumski) stan; posao

• Pridjev *spremačičin* ne pripada standardnomu jeziku. Pridjev *spremačičin* tvorbeno se raščlanjuje na *spremačic + in* te se na tvorbenoj granici provodi palatalizacija, odnosno c ispred i zamjenjuje se s č.

Tvorba: spremačic-in

3. slika: Sustavno donošenje normativnih napomena uz pridjeve na *-čičin*

modulu za učenike, više u poglavlju 2.2.2. Tako se osigurava najveća sustavnost u donošenju jezičnih savjeta. Kako je često riječ o jezičnim savjetima koji se donose uz tvorbene inačice, od velike je pomoći urednicama *Mrežnikai* njegovim obrađivačima pri osiguravanju dosljednosti i sustavnosti obradeodostražni rječnik izrađen na projektu *Mrežnik*. Demo inačicu odostražnoga rječnika na temelju radnoga *Mrežnikova* abecedarija izradio je Josip Mihaljević, a dostupna je na adresi <https://bornal2.gitlab.io/odostraznji/odostrazni-mreznik/> te putem poveznice s *Mrežnikovih* stranica. Više vidi u Lewis i Mihaljević, 2018.

2.2. Jezični savjeti u Mrežniku

2.2.1. Jezični savjeti u osnovnome modulu

U osnovnome se *Mrežnikovu* modulu jezični savjeti donose u rubrici predviđenoj za normativnu napomenu. Prva je zamisao pri izradi koncepcije bila da će se natuknice i podnatuknice u *Mrežniku* (ili pojedina njihova značenja) spajati poveznicom na vanjske izvore u kojima se donose normativne napomene, odnosno na stranice *Jezičnoga savjetnika* (jezicni-savjetnik.hr), stranice *Bolje je hrvatski!* (bolje.hr) te *Bazu etnika i ktetika* (<https://hrvatski.hr/etnici-i-ktetici/>). Od ideje da ćemo se poveznicama spajati na savjete odustalo se iz dvaju razloga:

1. Na *Jezičnome savjetniku* nalaze se savjeti koji se odnose na određeni problem koji opimjeruju najčešćim primjerima (npr. opći savjet za imenice koje završavaju na *-laci -telj*), a u normativnoj su napomeni savjeti prilagođeni pojedinačnom slučaju (*gledalac/gledatelj, slušalac/slušatelj* itd.). Dakle, savjeti iz *Jezičnoga savjetnika* prilagođuju se svakomu pojedinačnom slučaju ili sastavljaju upravo za potrebe *Mrežnika* te donose izravno u *Mrežniku*.⁸
2. Savjeti na *Jezičnome savjetniku*, na *Bolje je hrvatski!* i u *Bazi etnika i ktetika* nemaju posebne adrese, nego se svi nalaze na istoj, što bi korisnika dovelo u situaciju da vanjskom poveznicom dolazi na mrežno mjesto koje mora pretraživati, a ne izravno na jezični savjet. Normativna se napomena donosi pod objema riječima/značenjima na koja se odnosi. Više normativnih napomena uz istu riječ piše se u odvojene rubrike.

Ako se normativna napomena odnosi na sva značenja riječi ili na većinu značenja riječi, uvodimo je pod natuknicom (u strukturi *TLexa: lemma*). Ako se odnosi samo na pojedino značenje, uvodimo je pod tim značenjem (u strukturi *TLexa: sense*).⁹ Primjerice, rječnički članak glagola *crnjeti* ima dva značenja, a jezični se savjet odnosi na oba te se donosi pod natuknicom, vidi 4. sliku, a u

⁸ Na takvu je odluku utjecalo i plenarno izlaganje Bena Zimmera na skupu *ellex2017*. godine: *Defining the Digital Dictionary: How to Build More Useful Online Lexical References*, u kojemu je pokazano da korisnici najveću pozornost pri pregledavanju rječničkoga članka poklanjaju normativnim i uporabnim napomenama.

⁹ To je primjer pravila uvjetovanoga izborom prikaza rječnika na mreži. Ono bi u nekom drugom obliku prikaza od onoga za koji smo se odlučili pri sastavljanju *Mrežnika*, moglo biti i drukčije, odnosno u prikaz u kojemu bi se svako pojedino značenje otvaralo na zasebnome zaslonu ista bi se normativna napomena mogla ponavljati uz svako značenje.

rječničkome članku uvedenom natuknicom *ljekarna*, jezični se savjet donosi pod značenjem jer se odnosi na samo jedno značenje te riječi, vidi 5. sliku.

□ Lemma: crnjeti LemmaSign=crnjeti, Naglaseno=crnjeti, vrsta_rijeci=gl. nesvrš. neprijel., Notes=Lana, prvi_pregled=da, Modified=2021-06-17 13:35:10, Crea

□ Gramaticki_blok

□ Oblici: naglaseni=%i|prez. jd. 1. 1.%i. crnim, %i2. 1.%i crniš, %i3. 1.%i crni, %imn. 1. 1.%i crnimo, %i2. 1.%i crnite, %i3. 1.%i crnē;%i imp.%i crni; %iaor%i. c

□ Sense: SenseNumber=1

□ Definicija: definicija=Crnjeti znači postajati tamnim.

□ primjeri

□ Primjer: Primjer=Moja iskustva sa zaštitom: paradajzi nisu crnjeli ni propadali do jeseni, a i tada su se neke sorte održale

□ Subentry: LemmaSign=crnjeti se

□ Sense: SenseNumber=1

□ Definicija: definicija=Crnjeti se znači isticati se crnom bojom.

□ primjeri

□ Primjer: Primjer=U kutu iza peći crnjela se željezna, dosta omašna škrinja.

□ Primjer: Primjer=Jakovljevo lice bilo je bijelo kao papir, samo su se pred očima crnjeli široki kolobari.

□ Tvorbena_raz: tvorba=crn-jeti

□ vanjska_poveznica: izvor=Kolokacijska baza hrvatskoga jezika, poveznica=http://ihjj.hr/kolokacije/search/?q=crnjeti&search_type=basic

□ Normativna_nap: napomena=Glagoli %icrniti% i %icrnjeti (se)%i značenski se razlikuju. Glagol %icrniti% znači 'činiti da što bude crno', glagol %icrnjeti

crnjeti crnjeti gl. nesvrš. neprijel. (prez. jd. 1. 1. crnim, 2. 1. crniš, 3. 1. crni, mn. 1. 1. crnimo, 2. 1. crnite, 3. 1. crnē; imp. crni; aor. crnje; imperf. crnjāh; prid. r. m. crnio, ž. crnjela, s. crnjelo; prid. s. crnēći)

Crnjeti znači postajati tamnim.

- Moja iskustva sa zaštitom: paradajzi nisu crnjeli ni propadali do jeseni, a i tada su se neke sorte održale

crnjeti se

Crnjeti se znači isticati se crnom bojom.

- U kutu iza peći crnjela se željezna, dosta omašna škrinja.

- Jakovljevo lice bilo je bijelo kao papir, samo su se pred očima crnjeli široki kolobari.

• Glagoli *crniti* i *crnjeti (se)* značenski se razlikuju. Glagol *crniti* znači 'činiti da što bude crno', glagol *crnjeti (se)* 'postajati crnim' ili 'isticati se crnom bojom'. Glagoli *crniti* i *crnjeti (se)* imaju iste oblike glagolskoga pridjeva radnoga muškog roda jednine, npr. *Tata je crnio ormar. (crniti)*, *Nad nama se crnio oblak. (crnjeti se)*, a razlikuju se glagolski pridjevi radni ženskoga i srednjega roda jednine te svih rodova množine.

Tvorba: crn-jeti

Kolokacijska baza hrvatskoga jezika: http://ihjj.hr/kolokacije/search/?q=crnjeti&search_type=basic

4. slika: Prikaz rječničkoga članka glagola *crnjeti* u programu *TLex*: primjer donošenja jezičnoga savjeta pod natuknicom

Lemma: ljekarna LemmaSign=Ijekarna, Naglaseno=Ijekarna, vrsta_rijeci=im. ž., Notes=Milica, Modified=2021-08-23 13:32:05, Created=2018-02-13 13:0

- Gramatički_blok
 - Oblici: naglaseni=G Ijekárně, DL Ijekární, A Ijekárnu, I Ijekárnóm; %imn.%i NA Ijekárne, G Ijekárnã/Ijekární, DLI Ijekárnama
- Sense: 1 SenseNumber=1
 - Definicija: definicija=Ljekarna je mjesto na kojemu se pripremaju i prodaju lijekovi, pripravci i sredstva za zaštitu zdravlja.
 - primjeri
 - Primjer: Primjer=Našu prvu biljnu ljekarnu otvorili smo u Zagrebu 1. listopada 1981. godine.
 - kolokacije
 - Kolokacija: odrednica=Kakva je ljekarna?, kolokacija=biljna, bolnička, centralna, dežurna, poljoprivredna, veterinarska,
 - Kolokacija: odrednica=Što ljekarna ima?, kolokacija=izlog, police
 - Kolokacija: odrednica=Što se s ljekarnom može?, kolokacija=opljčkati je, opremiti je, opskrbiti je, otvoriti je, urediti je, zatvoriti je
 - Kolokacija: odrednica=Koordinacija: , kolokacija=Ijekarna i ambulanta, Ijekarna i drogerija, Ijekarna i laboratorij, Ijekarna i parfumerija,
 - Kolokacija: odrednica=U vezi s ljekarnom spominje se : dežurstvo, lanac, poslovanje, vlasnica
 - Normativna_nap: napomena=Riječi %Ijekarnica %ii %Ijekarna %Iparonimi su, tj. slično zvuče, a imaju različita značenja. Riječ %Ijekarnica %izna
- Poveznice
 - References: : sinonim apoteka(1)

Ijekarna **ljekarna** im. ž. (G Ijekárně, DL Ijekární, A Ijekárnu, I Ijekárnóm; mn. NA Ijekárne, G Ijekárnã/Ijekární, DLI Ijekárnama)

1 Ljekarna je mjesto na kojemu se pripremaju i prodaju lijekovi, pripravci i sredstva za zaštitu zdravlja.

- *Našu prvu biljnu ljekarnu otvorili smo u Zagrebu 1. listopada 1981. godine.*

Kakva je ljekarna? biljna, bolnička, centralna, dežurna, poljoprivredna, veterinarska,

Što ljekarna ima: izlog, police

Što se s ljekarnom može? opljčkati je, opremiti je, opskrbiti je, otvoriti je, urediti je, zatvoriti je

Koordinacija: ljekarna i ambulanta, ljekarna i drogerija, ljekarna i laboratorij, ljekarna i parfumerija,

U vezi s ljekarnom spominje se : dežurstvo, lanac, poslovanje, vlasnica

• Riječi *ljekarnica* i *ljekarna* paronimi su, tj. slično zvuče, a imaju različita značenja. Riječ *ljekarnica* znači 'žena koja radi u ljekarni', a riječ *ljekarna* 'mjesto na kojemu se prodaju lijekovi'. Riječ *ljekarna* stoga je (zbog nastojanja da se izbjegne značenjsko preklapanje tih dviju riječi) iznimka od pravila da se u označavanju mjesta na kojemu se što prodaje prednost daje prednost sufiksu *-arnica* pred sufiksom *-arna*.

SINONIM: apoteka :1

5. slika: Prikaz dijela rječničkoga članka imenice *ljekarna* u programu *TLex*: primjer donošenja jezičnoga savjeta pod značenjem

Nekih jezičnih savjeta nije bilo na stranicama *Jezičnoga savjetnika*. Takvi su jezični savjeti sastavljeni za *Mrežnik* i potom uvršteni u *Jezični savjetnik*.

Jezični se savjeti preuzimaju u rubriku *Normativna napomena* i iz *Baze etnika i ktetika*¹⁰, izrađene u okviru projekta *Mrežnik*, kojoj se može pristupiti na stranicama *Hrvatski u školi* (hrvatski.hr), vidi 6. sliku.

Marija Bistrica, Bistričanin, Bistričanka, (marja)bistrički

Marija Bistrica, G Marije Bistric, D Marije Bistrici, A Mariju Bistricu, L u Mariji Bistrici, I Marijom Bistricom

Bistričanin, GA Bistričanina, DL Bistričaninu, V Bistričanine, I Bistričaninom; mn. NV Bistričani, G Bistričanā, DL Bistričanima, A Bistričane

Bistričanka, G Bistričankē, DL Bistričanki, A Bistričanku, V Bistričanko, I Bistričankom; mn. NAV Bistričanke, G Bistričankā/Bistričanki, DL Bistričankama

marijabistrički/bistrički

Napomena: Budući da se kтетик bistrički odnosi i na naselje Bistra, kтетик je marijabistrički razlikovniji. Mjesni je muški etnik Bistričan.

bistrički **bistrički** prid. (G bistričkog(a); ž. bistrička, s. bistričko)

¹ **Bistrički je koji se odnosi na Mariju Bistricu i Bistričane.**

- U bistričko svetišhte hodočastili su brojni hodočasnici iz mnogih dijelova Lijepje Naše.

- Subotama i nedjeljama u vrijeme adventa na središnjem bistričkom trgu odvijaju se prodajne izložbe i radionice starih zanata, umjetničkih obrta, OPG-a i cvjećara, uz ponudu tradicionalnih jela i pića.

Što je bistričko? crkva, hodočašće, hodočasnik, hotel, kraj, nogometni klub, općina, suvenir, svetišhte, trg, ulica, umjetnica, vatrogasac, župa, župnik

U imenima: Bazilika Majke Božje Bistričke, Bistrička kalvarija, Laz Bistrički, Svetišhte Majke Božje Bistričke

• Budući da se kтетик *bistrički* odnosi i na naselje Bistra, kтетик je *marijabistrički* razlikovniji od kтетика *bistrički*. Mjesni je muški etnik od Marija Bistrica *Bistričan*, a standardnojezični *Bistričanin*.

SINONIM: marijabistrički

² **Bistrički je koji se odnosi na Bistru i Bistričane.**

Tvorba: bistic-ski

Baza etnika i kтетика: <http://hrvatski.hr/etnici-i-kтетici/>

6. slika: Primjer preuzimanja jezičnoga savjeta iz *Baze etnika i kтетика* stranica *Hrvatski u školi*

Jezični savjeti u *Mrežniku* preuzimaju se (u pravilu također bez prilagodbe) i s portala *Bolje je hrvatski!*, vidi 7. sliku.

The image shows a screenshot of the website 'BOLJE JE HRVATSKI!'. At the top, the text 'BOLJE JE HRVATSKI!' is displayed in a large, stylized font. Below this, there is a prominent red horizontal banner containing the text 'software > programska podrška' in white. Underneath the banner, there is a block of text in a smaller font, which is a definition of the word 'software' in English and its adaptation into Croatian. The text explains that 'software' is a neologism derived from 'hardware' and describes it as a collection of programs and data used to control hardware.

programska podrška inform.

Programska podrška nematerijalni su dijelovi računala, programi koji omogućuju rad s određenim računalnim sastavnicama i uređajima.

- Iz ovoga proizlazi da instalacija potrebne programske podrške i njezin rad ne opterećuju znatno računalo na kojem se nalazi sekundarni sustav.

- Da bi korisnik mogao upotrebljavati usluge naše RCS službe, mora imati modem te odgovarajuću programsku podršku.

- Predavanje će pokazati stvarne primjere na iskustvu Sveučilišta Oxford, koji ilustriraju mogućnosti licenciranja programske podrške i baza podataka.

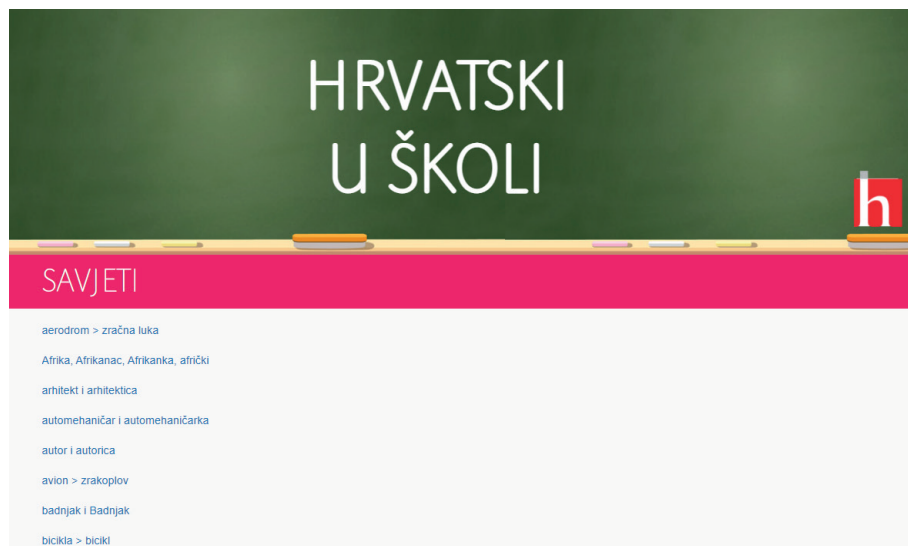
• U engleskome je jeziku riječ *software* novotvorenica nastala prema riječi *hardware*, koja znači 'željezna roba, prodavaonica željezne robe, tehnička oprema, vojna oprema, oružje', a pojavom računala dobila i je i značenje 'svi materijalni dijelovi računala i pratećih uređaja, tj. kućište, čipovi, elektronički sklopovi, kabeli, međuskopovi, tipkovnica, monitor itd.' Riječ *software* sastoji se od elementa *soft* (mek) i *ware* (roba) i označuje računalne programe, jezike, upute itd. tj. nefizički dio računalnoga sustava. U tome je značenju ta riječ preuzeta i u hrvatski jezik i to u neprilagođenu liku *software* i u prilagođenu liku *softver*. U hrvatskome je standardnom jeziku umjesto naziva *software* ili *softver* bolje upotrebljavati naziv *programska podrška*.

SINONIM: softver sinonim: programska potpora

7. slika: Savjet *software > programska podrška* na stranicama *Bolje je hrvatski!* i u *Mrežniku*

2.2.2. Jezični savjeti u modulu za učenike nižih razreda osnovne škole¹¹

Kako je osnovno načelo primijenjeno u oblikovanju *Mrežnikove* makrostrukture sustavnost te usporedivost obrade koja se donosi u različitim modulima, i u ostalim se *Mrežnikovim* modulima jezični savjet donosi izravno uz natuknicu. Kako jezični savjet iz osnovnoga modula nije prilagođen jezičnomu znanju djece ni dječjim kognitivnim sposobnostima, u okviru projekta *Mrežnik* sastavljena je baza jezičnih savjeta za učenike mlađe dobi. Savjeti su objavljeni na portalu *Hrvatski u školi* u rubrici *Savjeti* te dostupni na adresi hrvatski.hr/savjeti, vidi 8. sliku. Riječ je o jednostavno pisanim jezičnim savjetima u kojima je velika pozornost pridana sustavnosti, vidi 9. sliku, i koji se u modul za učenike unose po istome načelu kao što se jezični savjeti unose u modul za odrasle izvorne govornike hrvatskoga jezika, odnosno upisuju u rubriku predviđenu za normativnu napomenu (za razliku od osnovnoga modula preuzimaju se bez izmjena, vidi 10. sliku), kako bi učeniku, učitelju ili roditelju bili dostupni bez aktiviranja vanjske poveznice i dodatnoga pretraživanja stranice s popisom jezičnih savjeta.

8. slika: Dio popisa jezičnih savjeta za učenike nižih razreda osnovne škole dostupnih na portalu *Hrvatski u školi*

¹¹ Više o modulu za učenike nižih razreda osnovne škole te o stranicama *Hrvatski u školi* namijenjenima učenicima, učiteljima, nastavnicima i roditeljima vidi u Mihaljević, 2018 te u Hudeček i Mihaljević, 2019c.

knjižničar i knjižničarka
Knjižničar je muškarac koji radi u knjižnici. Knjižničarka je žena radi u knjižnici. Knjižničarke su žene koje rade u knjižnici. Knjižničari su muškarci koji rade u knjižnici, ali i muškarci i žene koji rade u knjižnici.

Marko je knjižničar.	Lucija je knjižničarka.
Marko i Luka su knjižničari.	Lucija i Ana su knjižničarke.
Lucija, Ana, Marko i Luka su knjižničari.	

konobar i konobarica
Konobar je muškarac koji u restoranu i kafiću poslužuje gostima hranu i piće. Konobarica je žena koja u restoranu ili kafiću poslužuje gostima hranu i piće. Konobari su muškarci koji u restoranu ili kafiću poslužuju gostima hranu i piće, ali i muškarci i žene koji u restoranu ili kafiću poslužuju gostima hranu i piće.

Marko je konobar.	Lucija je konobarica.
Marko i Luka su konobari.	Lucija i Ana su konobarice.
Lucija, Ana, Marko i Luka su konobari.	

košarkaš i košarkašica
Košarkaš je muška osoba koja igra košarku. Košarkašica je ženska osoba koja igra košarku. Košarkašice su ženske osobe koje igraju košarku. Košarkaši su muške osobe koje igraju košarku, ali i muške i ženske osobe koje igraju košarku.

Marko je košarkaš.	Lucija je košarkašica.
Marko i Luka su košarkaši.	Lucija i Ana su košarkašice.
Lucija, Ana, Marko i Luka su košarkaši.	

9. slika: Prikaz sustavnih savjeta koji se odnose na imenice kojima se označuju vršitelji radnje u rubrici *Savjeti* na portalu *Hrvatski u školi*

Mjesec i mjesec

Riječ *Mjesec* piše se velikim početnim slovom kad označuje nebesko tijelo, npr. *Teleskopom smo promatrali Mjesec i zvijezde.*, *Noćas je bio pun Mjesec*, *Za oblacima se skrivao Mjesec*. Ako riječ *mjesec* označuje dvanaesti dio godine, tj. razdoblje koje može imati od 28 do 31 dana, piše se malim početnim slovom, npr. *Drugi je mjesec bio vrlo hladan*. ili *Martina ima rođendan u desetome mjesecu*.

mjesec (mjeseci) imenica

Rastavljanje na slogove: mje-sec

¹ Mjesec je razdoblje koje traje od dvadeset osam do trideset jednoga dana, dvanaesti dio kalendarske godine.

mjesec i godina, mjesec i tjedan

Veljača je najkraći mjesec u godini.

Siječanj, veljača, ožujak, travanj, svibanj, lipanj, srpanj, kolovoz, rujan, listopad, studeni i prosinac su mjeseci.

² Mjesec je prirodni satelit koji kruži oko Zemlje, njoj najbliže nebesko tijelo.

Mjesec i Zemlja, Mjesec i Mars

Sinoć je nebo bilo vedro, pa se mogao vidjeti Mjesec.

• Riječ *Mjesec* piše se velikim početnim slovom kad označuje nebesko tijelo, npr. *Teleskopom smo promatrali Mjesec i zvijezde.*, *Noćas je bio pun Mjesec*, *Za oblacima se skrivao Mjesec*. Ako riječ *mjesec* označuje dvanaesti dio godine, tj. razdoblje koje može imati od 28 do 31 dana, piše se malim početnim slovom, npr. *Drugi je mjesec bio vrlo hladan*. ili *Martina ima rođendan u desetome mjesecu*.

10. slika: Savjet na portalu *Hrvatski u školi* i rječnički članak u modulu za učenike u *Mrežnikus* uklopljenim savjetom s portala

2.2.3. Jezični savjeti u modulu za osobe koje uče hrvatski kao drugi i strani jezik

U modulu za osobe koje uče hrvatski kao drugi i strani jezik ne razlikuju se uporabna i normativna napomena kao u drugim dvama modulima. U njemu je jezični savjet sastavljen bez izravnoga oslanjanja na koji od spomenutih portala, a obrađivačica¹² i urednice procijenile su koji je jezični savjet relevantan za osobe koje uče hrvatski jezik. U napomeni se uz jezični savjet često nalazi i podatak o uporabi jezične jedinice, vidi 11. sliku: uz natuknicu *doktor* u značenju ‘muška osoba koja liječi ljude’ u normativnoj se napomeni navodi da je u standardnome jeziku bolje upotrebljavati riječ *liječnik*, ali da unatoč tomu liječnika oslovljavamo s *doktore*, što osobama koje uče hrvatski jezik može biti koristan podatak. U

¹² Rječničku je obradu u modulu za osobe koje uče hrvatski kao drugi i strani jezik radila Dinka Pasini, viša lektorica na Croaticumu – Centru za hrvatski kao drugi i strani jezik.

napomeni se katkad nalazi i podatak iz izvanjezične stvarnosti koji pomaže da učenici usvoje i neke podatke iz hrvatske svakodnevice, kulture i povijesti (npr. uz natuknicu *aerodrom* navodi se da se u standardnome jeziku upotrebljava izraz *zračna luka*, ali i to da se zagrebačka zračna luka zove *Zračna luka Franjo Tuđman*). U napomenama se često nalazi i podatak o gramatičkome ponašanju riječi pri uklapanju u rečenicu utemeljen na iskustvu obrađivačice da se u čemu često griješi, vidi 12. sliku.

doktor im. m. (G doktora, D doktoru, A doktora, V doktore, L o doktoru, I s doktorom; mn. N doktori, G doktora, D doktorima, A doktore, V doktori, L o doktorima, I s doktorima)

1 razg. Doktor je muška osoba koja je završila medicinski fakultet i liječi ljude.

- *Doktor se priprema za operaciju.*
- *Marko Horvat naš je obiteljski doktor.*
- *Doktori su pregledali pacijente.*

o Riječ *doktor* u ovom se značenju upotrebljava u razgovoru. U standardnom jeziku umjesto riječi *doktor* bolje je upotrebljavati riječ *liječnik*, ali liječnika ipak oslovljavamo s *doktore*.

ŽENSKO: doktorica :1, liječnica, SINONIM: liječnik

11. slika: Napomena u modulu za osobe koji uče hrvatski kao drugi i strani jezik uz značenje riječi *doktor*

cvijeće im. s. (G cvijeća, D cvijeću, A cvijeće, L o cvijeću, I s cvijećem)

Cvijeće je skupina različitih cvjetova.

- *U proljeće ima puno cvijeća.*
- *Kakvo cvijeće najviše voliš?*

- *Ruže, tulipani i orhideje su cvijeće.*

o Riječ *cvijeće* ima samo jedninu, pa je u rečenici u kojoj je *cvijeće* subjekt predikat u jednini srednjega roda. Atribut uz imenicu *cvijeće* također je u jednini srednjeg roda, npr. *U vrtu je raslo lijepo cvijeće.*

12. slika: Napomena u modulu za osobe koji uče hrvatski kao drugi i strani jezik uz riječ *cvijeće* o uklapanju te riječi u rečenicu

3. Projekt *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje – Jena*

Projekt *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje – Jena*¹³, koji financira Hrvatska zaklada za znanost, započeo je 24. svibnja 2019., a završio 23. prosinca 2020. U tome su razdoblju ostvareni ovi osnovni zadatci:

1. Uneseno je u bazu *Strune 1570* jezikoslovnih naziva s istovrijednicama na engleskome, njemačkome, francuskome, ruskome i djelomično švedskome jeziku.
2. Napisana je e-monografija o jezikoslovnome nazivlju (Mihaljević, Hudeček i Jozić (ur.), 2020).¹⁴

¹³ Više o projektu *Jena* vidi u Hudeček i Mihaljević, 2020 te Mihaljević, Hudeček i Jozić 2020.

¹⁴ E-monografija objavljena je na mrežnim stranicama *Jene*: <http://ihjj.hr/jena/index.php/e-monografija/>.

3. Izrađen je korpus jezikoslovnoga nazivlja.¹⁵
4. Izrađen je odostražni rječnik jezikoslovnoga nazivlja.¹⁶
5. Održano je niz predavanja i referata na skupovima o jezikoslovnome nazivlju.¹⁷
6. Organizirani su okrugli stolovi o jezikoslovnome nazivlju i istovrijednicama jezikoslovnih naziva.¹⁸

Nakon prestanka Zakladina projekta rad na jezikoslovnome nazivlju nastavljen je u okviru istoimenoga internog projekta Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Osnovni je cilj projekta doprinijeti usustavljanju i normiranju hrvatskoga jezikoslovnoga nazivlja.

Gradi se pristupa korpusno te se rad na jezikoslovnome nazivlju odvija u nekoliko faza:

1. ekscerpcija građe iz relevantnih izvora i jezikoslovnoga korpusa – izgradnja abecedarija
2. obrada naziva iz abecedarija
3. uspostava normativnih odnosa među sinonimnim nazivima.

Iz navedenoga je vidljivo da je pristup jezikoslovnj građi deskriptivno-normativan.¹⁹ Prvo se deskriptivnom i korpusnom metodom obrađuje jezikoslovno nazivlje, a zatim se uspostavljaju semantički odnosi te se među sinonimnim nazivima s pomoću terminoloških načela uspostavljaju normativni odnosi.

Struktura terminološkoga članka u *Jeni* određena je općom strukturom terminološkoga članka u bazi *Struna*. Struktura terminološkoga članka u bazi *Struna* prikazana je u 1. tablici (obvezatne su kategorije podebljane).²⁰

¹⁵ Više o korpusu vidi u radovima Marković, Mihaljević i Mihaljević, 2020 te Marković i Mihaljević, 2020 i na stranici *Jene*:<http://ihjj.hr/jena/index.php/2020/03/27/korpus-jene/>.

¹⁶ Odostražni rječnik objavljen je na mrežnim stranicama *Jene*:<http://ihjj.hr/jena/wp-content/odostrazni-jena/>. Više o odostražnome rječniku vidi u Mihaljević, 2020 i Lewis i Mihaljević, 2018.

¹⁷ Svi podatci o tome nalaze se na mrežnim stranicama projekta *Jena*:<http://ihjj.hr/jena/index.php/category/novosti/diseminacija-i-usavsavanje/>.

¹⁸ Više o tome na mrežnim stranicama projekta *Jena*:<http://ihjj.hr/jena/index.php/category/novosti/okrugli-stol/>.

¹⁹ O odnosu deskriptivnoga i normativnoga pristupa u nazivlju vidi u Mihaljević, 2017.

²⁰ Više o *Struni* vidi u Nahod 2020.

1. tablica: Struktura terminološkoga članka u bazi Struna

<ul style="list-style-type: none"> • naziv na hrvatskome jeziku • vrelo naziva i stranica • jezična odrednica skraćeni oblik naziva • grana i potpodručje kojoj naziv pripada ili međudisciplinarni • definicija²¹ • vrelo definicije i stranica • kontekst, vrelo konteksta i stranica²² • istoznačnice (sinonimi) • istovrijednice (ekvivalenti), tj. nazivi na stranim jezicima²³ • suprotnice (antonimi) 	<ul style="list-style-type: none"> • razredba (oznaka znanstvenoga polja i grane te projekta kojemu naziv pripada) • vrela (naziva, definicije i konteksta) • kratice na hrvatskome i/ili stranome jeziku • podređeni pojmovi²⁴ • simbol • jednadžba • formula • poveznica • napomena • privitak
---	--

U *Jeni* nisu aktualizirana polja jednadžba i formula.

3.1. Normativnost u *Jeni*

Nakon korpusno utemeljene²⁵ deskriptivne analize nazivlja uspostavljaju se sinonimni odnosi. U terminološkoj bazi *Struna* jasno je naznačen normativni status pojedinoga naziva, odnosno normativna hijerarhija među sinonimnim nazivima. Prema pravilima *Strune* nazivi se s obzirom na njihov normativni status dijele na preporučeni naziv, dopušteni naziv, nepreporučeni naziv, zastarjeli naziv, žargonizam i predloženi naziv. Baza *Struna* u skladu s idejom da je u nazivlju istoznačnost naziva u jednoj struci nepoželjna dopušta samo

21 U načelima *Strune* navodi se i: „Značenje svakoga naziva opisuje se definicijom koja objašnjava razliku između pojma pridruženoga nazivu i drugih povezanih pojmova.” (O Struni 2008.– 2013.; 2016.–danās). Definicija započinje malim slovom i nema točke na kraju. U definiciji se ne preporučuju uporaba zagrada (koje obično znače dodatno objašnjenje) ili završavati definiciju s *npr.*, *tj.*, *odnosno*. Sva dodatna objašnjenja navode se u napomeni. Ako postoji potreba da se navede područje uporabe, to se navodi na kraju definicije ili u napomeni. (vidi <http://struna.ihj.hr/v4/upute.php>)

22 Primjer uporabe naziva u kontekstu uvijek je izvorni navod iz stručne literature, a navodi se u rubrici kontekst (O Struni 2008.– 2013.; 2016.–danās).

23 „U zapisu svakoga naziva navode se i istovrijednice na drugim jezicima, u pravilu uvijek na engleskome, a često i na drugim europskim jezicima.” (O Struni 2008.– 2013.; 2016.–danās).

24 „Pojmovni se sustav gradi i navođenjem podređenih naziva.” (O Struni 2008.– 2013.; 2016.–danās).

25 *Jena* se temelji na korpusu, pa se svaka jedinica provjerava u korpusu. Nakon što se utvrdilo da hrvatski općejezični korpusi *Hrvatska jezična riznica* i *Hrvatski mrežni korpus hrWaC* sadržavaju mali broj uglavnom temeljnih jezikoslovnih naziva, izrađen je poseban *Jezikoslovni korpus*, u kojemu su provjeravani jezikoslovni nazivi.

jedan preporučeni naziv, pa je obrađivačima često bilo iznimno teško donijeti normativne odluke. Stoga se u obradi mnogih naziva donose i jezični savjeti, tj. dodatno objašnjenje razloga za normativni izbor.

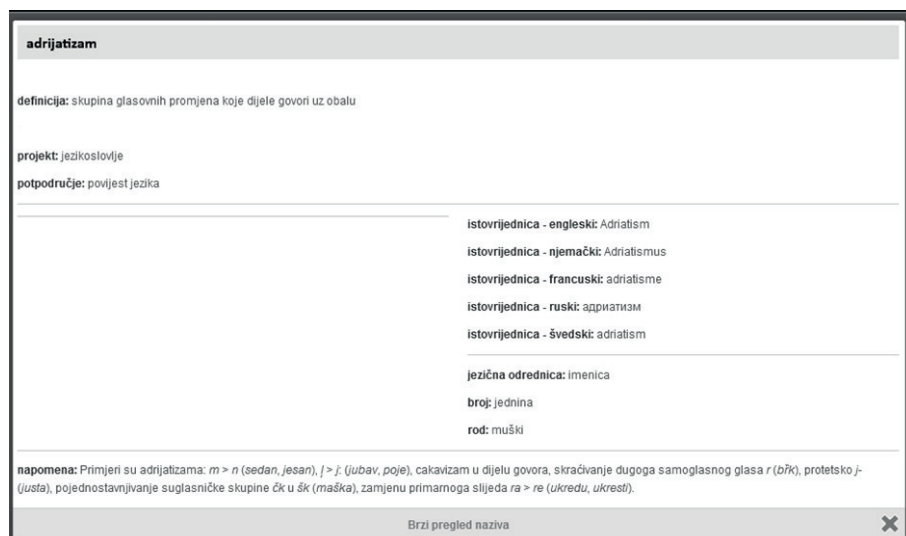
Terminološka su normativna načela primijenjena u *Jeni*: hrvatske riječi imaju prednost pred stranima, nazivi latinskoga i grčkoga podrijetla imaju prednost pred nazivima iz engleskoga, francuskoga, njemačkoga itd., prošireniji i korisnicima prihvatljiviji naziv ima prednost pred manje proširenim, naziv mora biti usklađen s pravopisnim i gramatičkim sustavom hrvatskoga standardnog jezika, kraći nazivi imaju prednost pred duljim, naziv od kojega se lakše tvore tvorenice ima prednost pred onime od kojega se ne mogu tvoriti tvorenice, treba izbjegavati da naziv unutar istoga terminološkoga sustava ima više značenja. (Hudeček i Mihaljević, 2012).

U *Jeni* se jasno odražava činjenica da je standardni jezik sustav, a ne skup nepovezanih jedinica, odnosno jedinica kojima upravljaju nepovezana pravila.

3.2. Napomene u *Jeni*

Zbog relevantnosti za temu jezičnih savjeta u ovome ćemo poglavlju iscrpnije prikazati i oprimjeriti višestruku ulogu napomena u *Jeni*. Napomene u *Jeni* imaju ove uloge:

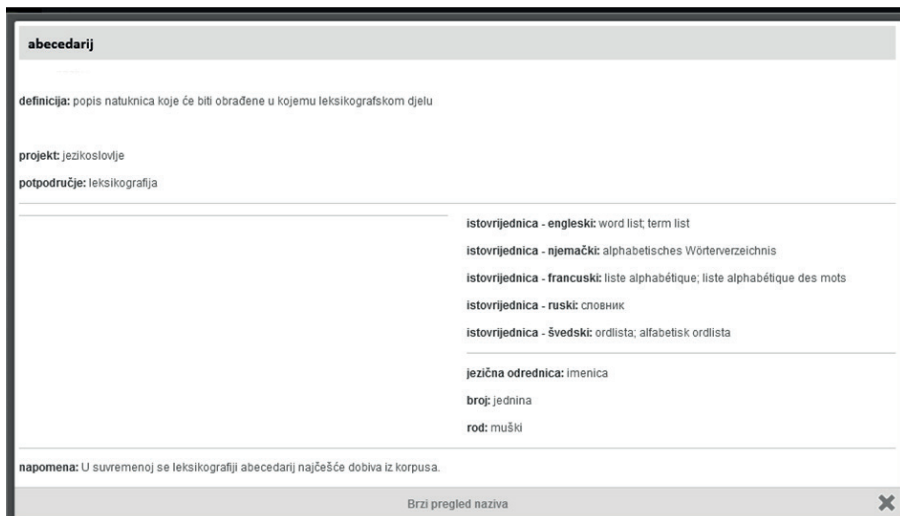
1. u njima se navode primjeri, vidi 13. sliku

13. slika: Natuknica *adrijatizam* u *Jeni*

Primjeri se navode i u napomenama uz nazive *ablativ*, *agens*, *ahavci* itd.

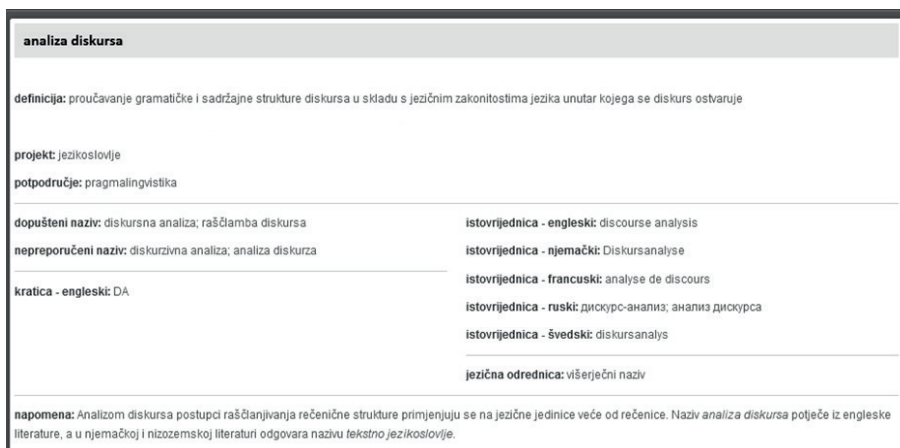
2. u njima se daje dodatno objašnjenje, vidi 14. sliku

14. slika: Natuknica *abecedarij* u *Jeni*

Dodatno se objašnjenje navodi i uz natuknice *adekvatnost*, *afiks*, *ajmarski*, *akrolekt*, *aktivna zona*, *aktivni sudionik* itd.

3. u njima se objašnjava razlika u značenju naziva u različitim granama jezikoslovlja i srodnim znanostima te različitim jezicima, vidi 15. sliku

15. slika: Natuknica *analizadiskursa* u *Jeni*

Razlika u značenju u različitim granama jezikoslovlja i jezicima objašnjava se i u natuknicama *andronim*, *antroponimija*, *antroponimijska kategorija*, *buka u kanalu* itd.

4. u njima se objašnjava tko je naziv uveo i tko ga je upotrebljavao, vidi 16. sliku

demonstrativ	
vrela naziva: Searle (2018.)	
definicija: jezična jedinica na temelju koje sugovornik može identificirati objekt govornikova iskaza ako se u iskazu na taj objekt i izravno referira	
projekt: jezikoslovlje	
potpodručje: pragmatolingvistika	
dopušteni naziv: sekundarni referent	istovrijednica - engleski: demonstrative
	istovrijednica - njemački: Demonstrativ
	istovrijednica - francuski: démonstratif
	istovrijednica - ruski: демонстратив
	jezična odrednica: imenica
	broj: jednina
	rod: muški
napomena: Naziv <i>demonstrativ</i> uveo je John Searle, a odgovara značenju deikse koji je proširen u jezikoslovlju. Searle tumači da za uspješnost referencije objekata u iskazu mora biti zadovoljeno načelo identifikacije, tj. sugovornik mora biti u stanju identificirati objekte govornikova iskaza kako ne bi postojala nejasnoća u vezi s onim o čemu se govori. Demonstrativ kao identifikacijska jedinica (npr. zamjenice <i>ovaj, taj</i> ili priloz <i>tamo, ovdje</i>) ima referencijsku snagu ako je u iskazu i izravno referirano na objekt, dakle ako je govornik jasno upotrijebio deskriptor kao identifikacijsku jedinicu.	

16. slika: Natuknica *demonstrativ* u *Jeni*

Podatci o onome tko je naziv uveo ili tko ga upotrebljava nalaze se uz nazive *antroponimijska osnova, apelativ, atributna rečenica, barbarizam, bionim, demonstrativ* itd.

5. u njima se govori o uporabi naziva. Takva se napomena navodi uz sve profesijske nazive²⁶. U napomeni se navodi *Naziv xxx (muški profesijski naziv) u općemu značenju te u množini može se odnositi na mušku i žensku osobu. Uz ime ženske osobe navodi senaziv xxx (ženski profesijski naziv)*. Ta je napomena potaknuta time što korisnici često postavljaju pitanja o korištenju muškoga ili ženskoga profesijskog naziva u različitim kontekstima (životopis, natječaj za posao, posjetnica, znanstveni rad itd.). Uz naziv *antroponomastičarka* navedena je i dodatna napomena o uporabi u stručnoj literaturi, vidi 17. sliku.

²⁶ Više o profesijskim nazivima u leksikografiji vidi u Mihaljević, 2018a, Hudeček i Mihaljević, 2020 i Hudeček i Mihaljević, 2019.

antroponomastičarka

definicija: ženska osoba koja se bavi antroponomastikom

projekt: jezikoslovlje

potpodručje: onomastika

istovrijednica - engleski: anthroponomast
istovrijednica - njemački: Personennamensforscherin; Anthroponomastikerin
istovrijednica - francuski: anthroponomaste
istovrijednica - ruski: антропонимистка
istovrijednica - švedski: kvinnlig personnamnsforskare

jezična odrednica: imenica
broj: jednina
rod: ženski
poveznica: https://hrcak.srce.hr/index.php?show=clanak&id_clanak_jezik=329420

napomena: Naziv *antroponomastičar* u općemu značenju te u množini može se odnositi i na mušku i na žensku osobu. Uz ime ženske osobe navodi se naziv *antroponomastičarka*. U rječnicima i priručnicima naziv nije potvrđen, no često se upotrebljava u znanstvenim člancima uz imena žena koje se bave antroponomastikom.

17. slika: Naziv *antroponomastičarka* u *Jeni*

Muški je profesijski naziv u *Jeni* uvijek definiran kao *osoba koja...*, vidi 18. sliku.

jezikoslovac

definicija: osoba koja je završila diplomski ili doktorski studij kojega jezikoslovnog smjera i profesionalno se bavi proučavanjem jezika

projekt: jezikoslovlje

potpodručje: temeljno jezikoslovno nazivlje

istovrijednica - engleski: linguist
istovrijednica - njemački: Sprachwissenschaftler; Linguist
istovrijednica - francuski: linguiste
istovrijednica - ruski: лингвист; языковед
istovrijednica - švedski: språkvetare; lingvíst

jezična odrednica: imenica
broj: jednina
rod: muški
poveznica: https://hrcak.srce.hr/index.php?show=clanak&id_clanak_jezik=329420

napomena: Nazivi *jezikoslovac* i *lingvist* u općemu značenju i u množini mogu se odnositi i na mušku i na žensku osobu. Uz ime ženske osobe navodi se naziv *jezikoslovka* ili *lingvistica*.

18. slika: Naziv *jezikoslovac* u *Jeni*

Budući da se iscrpnije objašnjenje takvoga pristupa nalazi u radu Hudeček i Mihaljević, 2019, uz sve se profesijske nazive u *Jeni* nalazi i poveznica na taj rad.

6. u njima se daje jezični savjet. Normativna se objašnjenja po potrebi navode u napomeni kako bi se korisnicima objasnilo zbog čega je jedan od istoznačnih naziva preporučeni.

3.3. Jezični savjet

Jezični savjet često se nalazi u polju *napomena*. Neki savjeti preuzeti su iz drugih jezikoslovnih priručnika (npr. iz *Hrvatskoga pravopisa* preuzeti su savjeti povezani s nazivima *bjelina*, *brajica*, *Bašćanska ploča*), vidi 19. sliku.

bjelina

definicija: pravopisni znak koji se ostvaruje kao grafijski prazno mjesto

vrela definicije: Jozčić i dr. (2013.)

projekt: jezikoslovlje

potpodručje: pravopis

nepreporučeni naziv: razmak

istovrijednica - engleski: space; blank space

istovrijednica - njemački: Leertaste; Leerstelle; Leerschritt

istovrijednica - francuski: blanc

istovrijednica - ruski: npoñen

istovrijednica - švedski: blanksteg; mellanstag

jezična odrednica: imenica

broj: jednina

rod: ženski

poveznica: <http://pravopis.hr/pravilo/bjelina/54/>

napomena: Naziv *bjelina* ima općejezično značenje 'svojstvo onoga što se ističe bijelom bojom' i terminološko značenje 'razmak između dviju riječi koje se pišu odvojeno'. Terminološko je značenje neke riječi ono značenje koje mu stručnjaci daju, koje je zapisano u terminološkim i općim rječnicima, koje je dogovoreno i prihvaćeno u struci. Terminološko značenje treba razlikovati od značenja riječi u općemu jeziku i od tvorbenoga značenja. Kao što se u općemu jeziku dizalo i diže i spušta, brijači šiša i brije ljude, u svlačionici se svlačimo, ali i oblačimo, tako i u nazivlju tvorbeno značenje ne mora u potpunosti odražavati stvarno, tj. terminološko značenje. Stoga naziv *bjelina* nije nužno povezan s bijelim papirom, tj. isti se naziv odnosi i na tekst napisan na crvenome, žutom, zelenome itd. papiru.

19. slika: Naziv *bjelina* u *Jeni*

Da bi se donijela relevantna normativna odluka, često je bilo potrebno provesti i iscrpnija terminološka istraživanja ili se koristiti literaturom. Stoga se u napomeni katkad upućuje na literaturu u kojoj se daje iscrpnije objašnjenje određenoga normativnog postupka, vidi 20. sliku.

koine	
definicija: naddijalektni zajednički jezik kojim se služi veći broj govornika različitih dijalekata	
projekt: jezikoslovje	
potpodručje: povijest jezika	
<hr/>	
istovrijednica - engleski: koiné; koiné language; koiné dialect	
istovrijednica - njemački: Koine	
istovrijednica - francuski: koiné	
istovrijednica - ruski: койне; общий язык	
<hr/>	
jezična odrednica: imenica	
broj: jednina	
rod: muški	
<hr/>	
napomena: Imenica <i>koiné</i> upotrebljava se i u muškome (tada je sklonjiva) i u ženskome rodu (tada je nesklonjiva), ali se u <i>Jeni</i> prednost daje muškomu rodu. Razlozi za to mogu se naći u radu Mamić, Mile. 1995. O rodu primjence <i>koiné</i> . <i>Jezič</i> 43/4: 145–148. https://hrcak.srce.hr/204042 . Izvorno se naziv odnosi na grčki govorni i književni jezik u koji su se silila različita grčka narječja u 4. st. pr. Kr. Iz helenističkoga <i>koinéa</i> razvio se bizantski grčki, a zatim i oba suvremena grčka jezika (dimotiko i katarévusa). U širem smislu tako se naziva i svaki jezik koji se upotrebljava nadregionalno, koji je nastao iz nekoliko narječja.	

20. slika: Naziv *koiné* u *Jeni*

Neki su savjeti posebno oblikovani pri obradi *Jene* (npr. nazivlje funkcionalnih stilova, nazivi *apozicijska rečenica*, čestotni rječnik, *usklik*, *uvjetna rečenica*, *točka sa zarezom* itd., vidi 21. sliku).

čestotni rječnik	
definicija: rječnik u kojemu su riječi poredane prema čestoti pojavljivanja u reprezentativnome korpusu	
projekt: jezikoslovje	
potpodručje: leksikografija	
<hr/>	
dopušteni naziv: čestotnik; frekvencijski rječnik	
istovrijednica - engleski: frequency dictionary	
istovrijednica - njemački: Frequenzwörterbuch; Häufigkeitwörterbuch	
istovrijednica - francuski: dictionnaire de fréquence	
istovrijednica - ruski: частотный словарь	
<hr/>	
jezična odrednica: višerječni naziv	
<hr/>	
napomena: Naziv <i>čestotni rječnik</i> ima prednost pred nazivom <i>čestotnik</i> zbog sustavnoga odnosa s nazivjem ostalih vrsta rječnika (<i>opći rječnik</i> , <i>posebni rječnik</i> , <i>abecedni rječnik</i> , <i>normativni rječnik</i> , <i>deskriptivni rječnik</i> , <i>odostražni rječnik</i> , <i>terminološki rječnik</i> itd.).	

21. slika: Naziv čestotni rječnik u *Jeni*

4. Zaključak – usporedba *Mrežnika* i *Jene*

Poveznica je između *Mrežnika* i *Jene* deskriptivno-normativan pristup jezičnoj građi, jasno odražavanje normativnoga statusa, vođenje računa o činjenici da je standardni jezik sustav, korpusna utemeljenost i usmjerenost na korisnika.

Poveznica je i to što se i u *Mrežniku* obrađuju neki temeljni jezikoslovni nazivi. Jednostavniji jezični savjeti koji se navode uz temeljne pravopisne i jezikoslovne nazive isti su u *Mrežniku* i *Jeni* (npr. *bjelina*, *dvotočka*, *trotočka*), dok su neki jezični savjeti u *Jeni* složeniji od savjeta u *Mrežniku*. To je uvjetovano različitom strukturom članaka u tim dvama izvorima te time što se vodi računa o ciljnome korisniku. Ciljni su korisnici *Jene* jezikoslovci, nastavnici hrvatskoga i stranih jezika, studenti filoloških studijskih grupa te srednjoškolci posebno zainteresirani za jezik (natjecatelji na državnoj razini), dok su ciljni korisnici općega modula *Mrežnika* svi odrasli govornici hrvatskoga jezika. Razlika u jezičnome savjetu u *Mrežniku* i *Jeni* prikazuje se na primjerima normativnih napomena uz pridjev *glagoljični*, vidi 22. sliku, te višerječnoga naziva *usporedbena rečenica*, vidi 23. sliku.

glagoljični **glagoljični** prid. (G glagoljičnog(a); ž. glagoljična, s. glagoljično)

Glagoljični je koji se odnosi na glagoljicu.

- Najstariji glagoljični abecedarij je nepotpuni Preslavski abecedarij (IX. st.), a na hrv. tlu Ročki glagoljični abecedarij.

- Dobro poznavanje općega jezikoslovlja i glagoljičnoga hrvatskoga srednjovjekovnoga korpusa rezultiralo je znanstvenim radovima zavidne razine.

Što je glagoljično? abecedarij, azbuka, brevijar, bukvar, epigraf, inkunabula, misal, natpis, ostržak, slovo, suvenir, zbornik

Koordinacija: ćirilični i glagoljični, latinični i glagoljični

sinonimi: glagoljički, glagoljski

• Pridjev *glagoljaški* odnosi se na glagoljaše, a ne na glagoljicu, te nije istoznačan pridjevu *glagoljični*. Odlučujući o tome kojemu od triju potvrđenih pridjeva *glagoljični*, *glagoljički*, *glagoljski* treba dati prednost, treba uzeti u obzir skladan sustav pridjeva sa značenjem 'koji se odnosi na pismo'. Stoga preporučeni pridjevni naziv tvoren od imenice *glagoljica* glasi *glagoljični* u skladu s pridjevima *latinični*, *ćirilični*.

Tvorba: glagoljic-ni

Kolokacijska baza hrvatskoga jezika: http://ihj.hr/kolokacije/search/?q=glagolji%C4%8Dni&search_type=basic

The screenshot shows a web page with the following content:

glagoljični

definicija: koji se odnosi na glagoljicu

projekt: jezikoslovlje

potpodručje: pravopis

dopušteni naziv: glagoljički, glagoljski	istovrijednica - engleski: Glagolitic
nepreporučeni naziv: glagoljaški	istovrijednica - njemački: glagoljisch
	istovrijednica - francuski: glagoljique
	istovrijednica - ruski: мароневцаши

jezična odrednica: pridjev

napomena: Pridjev *glagoljaški* odnosi se na glagoljaše, a ne na glagoljicu, te nije istoznačan pridjevu *glagoljični*. Odlučujući o tome kojemu od triju potvrđenih pridjeva *glagoljični*, *glagoljički*, *glagoljski* treba dati prednost, treba uzeti u obzir skladan sustav pridjeva sa značenjem 'koji se odnosi na pismo'. Stoga preporučeni pridjevni naziv tvoren od imenice *glagoljica* glasi *glagoljični* u skladu s pridjevima *latinični*, *ćirilični* i *arabični* (*arebični*). Više o tome vidi u Hudeček, Lana; Mihaljević, Milica; Vučković, Luka. 2012. *Jezični savjeti*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. str. 19–21.

Uz natuknicu *glagoljični* u napomeni se u *Mrežniku* i *Jeni* daje isti savjet, ali je savjet u *Jeni* iscrpniji. Dok se u *Mrežniku* spominje tvorba skladnoga terminološkog sustava s nazivima *latinični* i *ćirilični* u *Jeni* se dodaje i pridjev *arabični* (*arebični*). Također se u *Jeni* upućuje na poglavlje u knjizi u kojemu se daje iscrpnije objašnjenje normativnoga postupka.

usporedbena rečenica

gram. **Usporedbena rečenica** zavisnosložena je rečenica koja se uvrštava na mjesto priložne oznake načina kojom se izriče usporedba.

- *Vežna sredstva u usporedbenim su rečenicama izrazi kao što, kao da, nego što i nego da.*

- *Službu veznika u usporedbenim rečenicama imaju i izrazi kako... tako, onako... kako, što... to.*

• U nekim se gramatikama zavisnosložena rečenica koja se uvrštava na mjesto priložne oznake načina kojom se izriče usporedba naziva *poredbenom* rečenicom ili *usporednom* rečenicom. Naziv *usporedbena rečenica* izveden je od *usporedba* i najjasnije opisuje značenje koje se izriče takvom rečenicom.

◦ Usporedbene rečenice neke gramatike obrađuju kao načinske rečenice. One su zapravo posebna vrsta načinskih rečenica u kojima se sadržaji dviju surečenica uspoređuju.

SINONIM: komparativna rečenica, poredbena rečenica, usporedna rečenica

Hrvatska školska gramatika: <https://gramatika.hr/pravilo/usporedbene-recenice/98/#pravilo>

usporedbena rečenica

vrelo naziva: Hudeček i Mihaljević (2017.)

definicija: priložna rečenica u kojoj je zavisna surečenica uvrštena na mjesto priložne oznake usporedbe osnovne surečenice, u kojoj se zavisna surečenica odnosi prema osnovnoj onako kako se priložna oznaka usporedbe odnosi prema predikatu

projekt: jezikoslovlje

potpodručje: sintaksa

podređeni pojam: rečenica podudaranja

dopušteni naziv: komparativna rečenica

istovrijednica - njemački: Komparativsatz

nepreporučeni naziv: poredbena rečenica; usporedna rečenica

istovrijednica - francuski: proposition adverbiale de comparaison; proposition circonstancielle de comparaison

istovrijednica - ruski: сравнительное предложение

jezična odrednica: višerječni naziv

poveznica: <http://gramatika.hr/pravilo/usporedbene-recenice/98/#pravilo>

napomena: Usporedbene rečenice neke gramatike obrađuju kao načinske rečenice. U svojim gramatikama Maretić, Brabec, Hraste i Živković, Težak i Babić te Raguž upotrebljavaju naziv *poredbene rečenice*, Silić i Pranjkić naziv *usporedne rečenice*, a Hudeček i Mihaljević naziv *usporedbene rečenice*. Naziv *usporedne rečenice* Maretić upotrebljava za nezavisnosložene rečenice odnosno surečenice nezavisnosloženih rečenica. Među nazivima *poredbena rečenica*, *usporedna rečenica* i *usporedbena rečenica* prednost se daje nazivu *usporedbena rečenica* jer je riječ o nazivu tvorenomu od riječi *usporedba*, kojoj se u hrvatskome standardnom jeziku daje prednost pred riječi *poredba*. Naziv *usporedne rečenice* nema dobro tvorbeno uporište.

Brzi pregled naziva

23. slika: Jezični savjet uz naziv *usporedbena rečenica* u *Mrežniku* i *Jeni*

I u obradi naziva *usporedbena rečenica* može se zaključiti slično: savjeti se u načelu podudaraju u objašnjavanju davanja prednosti nazivu *usporedbena rečenica* pred nazivima *usporedna rečenica* i *poredbena rečenica*, ali se u *Jeni* donose i podatci o tome u kojoj se gramatici upotrebljava koji naziv.

Posebnost je terminološkoga normiranja za razliku od normiranja u općemu jeziku izbjegavanje višeznačnosti (sinonimije i polisemije). To se nastoji relativizirati u nekim suvremenim terminološkim teorijama, ali je jasno da se u

istome tekstu (npr. udžbeniku kemije) za isti pojam ne treba upotrebljavati više različitih naziva. Protivljenje terminološkome normiranju uglavnom proizlazi iz nerazumijevanja postojanja funkcionalnih stilova te različite uloge različitih naziva u različitim funkcionalnim stilovima.

Na kraju možemo zaključiti da, iako se *Mrežnik* i *Jena* temelje na različitim načelima, zajednička im je normativnost, sustavnost i korpusna utemeljenost.

Literatura

- Andrić, Nikola (1997). *Bраниč jezika hrvatskoga*. Pretisak, prvo izdanje 1911. Zagreb. Pergamena.
- Babić, Stjepan (1990). *Hrvatska jezikoslovna čitanka*. Zagreb. Globus.
- Babić, Stjepan (1995). *Hrvatski jučer i danas*. Zagreb. Školske novine.
- Birtić, Matea i dr. (2012). *Školski rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje – Školska knjiga. (mrežno izdanje: rječnik.hr)
- Blagus Bartolec, Goranka, Lana Hudeček, Željko Jozić, Ivana Matas Ivanković i Milica Mihaljević (2016). *555 jezičnih savjeta*. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Hrvatski jezični portal (URL: <http://hjp.novi-liber.hr>)
- Hrvatski u školi (URL: <http://hrvatski.hr>)
- Hudeček, Lana (2018). Izazovi leksikografske obrade u jednojezičnome mrežnom rječniku (na primjeru Hrvatskoga mrežnog rječnika – Mrežnika). *Вісник Львівського університету. Серія філологічна*, 69. Ur. T. Salyha. Львів. Львівський Національний Університет Імені Івана Франка.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2012). *Hrvatski terminološki priručnik*. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2015). RelationsbetweenDescriptionandPrescriptioninCroatianLanguageManuals. *Slovnica inslovar – aktualni jezikovni opis*, 299–307.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2017) The Croatian Web Dictionary Project – Mrežnik. *Electronic lexicography in the 21st century. Proceedings of eLex 2017 conference*. Ur. Kosem, Iztok i dr. Brno – Leiden. Lexical Computing CZ s.r.o. 172–192.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2018). *Croatian Web Dictionary Mrežnik: One year later - What is different?*. *Proceedings of the Conference on Language Technologies & Digital Humanities*. Ur. Fišer, Darja i Andrej Pančur. Ljubljana. 106–113.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2019). Profesijski nazivi u hrvatskoj e-terminografiji i e-leksikografiji. *Studia lexicographica*, 13, 75–95.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2019a). Croatian Web Dictionary – Mrežnik vs. Croatian Linguistic Terminology – Jena. *INFuture 2019: Knowledge in the Digital Age*. Ur. Bago, Petra i dr. Zagreb. Department of Information and Communication Sciences, Faculty of Humanities and Social Sciences. 22–31.

- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2019b). Kako normativnu preporuku donosi terminolog, a kako standardolog. *Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku održanoga od 3. do 5. svibnja 2018. Jezik i um*. Ur. Matešić, Mihaela i Anastazija Vlastelić. Zagreb. Srednja Europa. 3–30.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2019c). Uloga e-učenja i e-rječnika u usvajanju hrvatskoga jezika. *Dijete i jezik danas – Razvoj pismenosti u materinskom i inom jeziku. Zbornik radova sa znanstvenoga skupa s međunarodnim sudjelovanjem*. Ur. Majdenić, Valentina, Ivana Trtanj i Vedrana Živković Zebec. Osijek. 85–111.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2020). Hrvatsko jezikoslovno nazivlje – Jena. *Hrvatski jezik*, 7, 1–7.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2020a). Projekt *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje – Jena. Hrvatsko jezikoslovno nazivlje*. Ur. Mihaljević, Milica, Lana Hudeček i Željko Jozić. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 8–109. <http://ihjj.hr/jena/wp-content/uploads/2021/01/Monografija-1.pdf>.
- Hudeček, Lana i Milica Mihaljević (2020b). *The Croatian Web Dictionary– Mrežnik Project – Goals and Achievements. Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 46, 645–667.
- Hudeček, Lana, Milica Mihaljević i Luka Vukojević (ur.) (1999). *Hrvatski jezični savjetnik*. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje – Pregamena – Školske novine.
- Hudeček, Lana, Milica Mihaljević i Luka Vukojević (2012). *Jezični savjeti*. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Jonke, Ljudevit (1965). *Književni jezik u teoriji i praksi*. Zagreb. Znanje.
- Lewis, Kristian i Josip Mihaljević (2018). Odostražni rječnik – što je, kako ga izraditi i čemu služi. *Hrvatski jezik*, 5, 21–25.
- Marković, Mario i Josip Mihaljević (2020). Korpus *Jene* – Jednojezični terminološki korpus. *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje*. Ur. Mihaljević, Milica, Lana Hudeček i Željko Jozić. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 110–122. <http://ihjj.hr/jena/wp-content/uploads/2021/01/Monografija-1.pdf>.
- Marković, Mario, Josip Mihaljević i Milica Mihaljević (2020). Kako pronaći jezikoslovni naziv. *Hrvatski jezik*, 7, 18–22.
- Matasović, Ranko (2020). Branič jezika standardnoga. *Jezik*, 67, 41–59.
- Mihaljević, Josip (2020). Programska rješenja u projektu *Jena. Hrvatsko jezikoslovno nazivlje*. Ur. Mihaljević, Milica, Lana Hudeček i Željko Jozić. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 123–135. <http://ihjj.hr/jena/wp-content/uploads/2021/01/Monografija-1.pdf>.
- Mihaljević, Milica (2017). Terminologija kao deskriptivna ili preskriptivna znanost – stanje u Hrvatskoj. *Словенска терминологија данас*. Ur. Piper, Predrag i Vladan Jovanović. Beograd. Српска академија наука и уметности. 383–403.

- Mihaljević, Milica (2018). Hrvatski mrežni izvori za djecu i strance. *Вісник Львівського Університету. Серія Філологічна* 69. Ur. T. Salyha. Львів. Львівський національний університет імені Івана Франка.
- Mihaljević, Milica (2018a). Muško i žensko u e-rječniku. *Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku održanoga od 4. do 6. svibnja 2017. Jezik i njegovi učinci*. Ur. Stolac, Diana i Anastazija Vlastelić. Zagreb. Srednja Europa. 209–228.
- Mihaljević, Milica, Lana Hudeček i Željko Jozić (ur.) (2020). *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje*. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. <http://ihjj.hr/jena/wp-content/uploads/2021/01/Monografija-1.pdf>.
- Mrežne stranice projekta *Hrvatsko jezikoslovno nazivlje – Jena* (URL: <http://jena.jezik.hr>)
- Mrežne stranice projekta *Mrežnik* (URL: <http://ihjj.hr/mreznik>)
- Nahod, Bruno (2020). Terminološka baza *Struna. Hrvatsko jezikoslovno nazivlje*. Ur. Mihaljević, Milica, Lana Hudeček i Željko Jozić. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. <http://ihjj.hr/jena/wp-content/uploads/2021/01/Monografija-1.pdf>.
- Pavešić, Slavko (ur.) (1971). *Jezični savjetnik s gramatikom*. Zagreb. Matica hrvatska. Pojmovnik e-leksikografije (URL: <http://ihjj.hr/mreznik/page/pojmovnik/6>)
- Rožić, Vatroslav (1998). *Barbarizmi u hrvatskom ili srpskom jeziku*. Pretisak, prvo izdanje Zemun 1904. Zagreb. Pergamena.
- Starčević, Anđel, Mate Kapović i Daliborka Sarić (2019). *Jeziku je svejedno*. Zagreb. Sandorf.
- Težak, Stjepko (1990/1991). *Hrvatski naš svagda(š)nji*. Zagreb. Školske novine.
- Težak, Stjepko (1995). *Hrvatski naš osebujni*. Zagreb. Školske novine.

Hudeček L., Mihaljević M.

Institute of Croatian Language and Linguistics, Croatia
lhudecek@ihjj.hr, mmihalj@ihjj.hr

Language Advices in *Mrežnik* and *Jena*

The paper presents two projects financed by the Croatian Science Foundation and conducted at the Institute of Croatian Language and Linguistics: *Croatian Web Dictionary – Mrežnik* (beginning of the project 1st March 2017, end of the project 20th April 2021 – project leader Lana Hudeček and *Croatian Linguistic Terminology – Jena* (beginning of the project 24th March 2019, end of the project 23rd December 2021, after that the project became a long-term project of the Institute of Croatian Language and Linguistics; its project leader Milica Mihaljević). The paper shows how language standardization is reflected in *Mrežnik*, and how it is reflected in *Jena*. An important tool of language standardization is providing language advice. In *Mrežnik*, language advice is given in the special field *Normative notes*. As *Jena* follows the structure of the *Struna Database*, language advice is provided in the *Notes* field; here pragmatic notes, explanations, and additional information are provided. Using the examples of several linguistic terms, the authors compare language advice from *Mrežnik* and *Jena*.

Keywords: language advice, language standardization, Mrežnik, Jena

Preliminary communication / Prehodno priopćenje
UDK 811.161.1'42:616.2-036.21''2019/...''(054)

This article was created with the support of Scientific grant agency of the Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic. The author wishes to acknowledge the agency for the support of this research by grant 021UCM-4/2020 Tvorba učebnic pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských gymnázií.

Olga Iermachkova

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia
olga.iermachkova@ucm.sk

Language games on Covid-19 in contemporary Russian mass media

The article is devoted to the phenomenon of the language game in publicistic discourse, its definitions, functions, etc. Particular attention is paid to the language game in articles on the coronavirus, specifically in the headlines. The purpose of the article is to determine the most frequent method for the formation of such headlines in the Russian newspaper Kommersant.

Keywords: language game, headline, reception, Covid-19

In modern media discourse, there has been a demand for language games for more than a decade, as it is one of the tools of mass communicative influence: a means of expressing maximum expression. As a result of the democratization of society, in our time the language game is a tribute to language fashions, language trends and creativity in language. At present, the phenomenon of the game in general and the language game in particular is an independent subject of study in a number of areas in the humanities. The language game is an object of study in modern sciences from linguistic, communicative, cultural and semiotic aspects and various discourses (advertising, journalistic, political, literature, Internet, blogs, etc.). This technique occupies a dominant position in public discourse.

The term language game, which goes back to the philosophical concepts of Ludwig Wittgenstein (1985), has a long tradition both in philosophy and linguistics. While in philosophy the language game is any type of activity associated with language (L. Wittgenstein), in linguistics the definitions of the language game are more specific.

This term was introduced to the Russian linguistic community by E. A. Zemskaya, M. V. Kitaygorodskaya and N. N. Rozanova's collective monograph *Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Vocabulary* (1983). In this work, the language game is provided the following definition: "When the speaker "plays" with the form of speech, when a free attitude to the form of speech receives an aesthetic task, even the most modest one. It can be an unpretentious joke, and a more or less successful wit, a pun or different types of tropes (comparisons, metaphors, paraphrases, etc.)" (Zemskaya et al. 1983: 172).

Under the language game we comprehend: "any unusual use of the language" (Sannikov 1999: 23); "intentional anomalies" (Apresyan 1995), "violation of the normative language canon", "deviation from the language norm", "overturning the language stereotype" (Gridina, 2002: 26), and/or "deliberate violation of the rules" (Bulygina, Shmelev, 1997: 450). The language game is often seen as a manifestation of a person's creative potential: "The language game (in the broadest sense) is an unconventional, non-canonical use of language. It is creativity in language, an orientation towards the hidden aesthetic possibilities of a language sign" (Norman 1987: 168). T. A. Gridina claims that such games can exist thanks to liguocreative thinking – i.e. "the ability to recognize game communication code" (Gridina 1996: 10). In linguistics, unlike in philosophy, the content of the language game is related not to the pragmatics of speech units but to their structure and stylistic function.

In this paper, the language game is a considered manifestation of the author's (journalist's) creativity in language, and it is based on a conscious

deviation from the norm in order to conduct an experiment with the form, wanting to “play” with the recipient (reader), to test his or her “linguocultural abilities”.

The language game performs a number of functions, such as comic, pragmatic, manipulative, evaluative, relaxing, aesthetic, linguistic, characterological, defensive, camouflaging, compressive, emotive, entertaining, expressive, accentuating, recruiting, etc.

The central function in public discourse is influence. Linguists argue that the language game “becomes a powerful evaluative mechanism that controls public consciousness” (Klushina 2003: 287), “the implementation of the comic in news discourse serves as a powerful actualizer of speech impact on the social addressee” (Panchenko 2005: 172). A. A. Negryshev (2010) adds functions such as discrediting, intimization and relaxation.

The language game appears mostly in newspaper headlines – in the most noticeable part of the article. For this reason the language game in the article headline is the main object of research in this article. The language material was taken from news articles published in 2020 from a nationally distributed daily newspaper published in Russia, Kommersant.

As we know, the Covid-19 pandemic has been the most common topic in the news this year, so it is no surprise that language games occurs in articles dedicated to topic. We extracted 60 examples of language game from news articles.

- (i) Language games, in which **phraseological units** are transformed by replacing one or more lexical components:
 1. *Ни в какие палаты не лезет* (20.02.2020) – about the shortage of beds (compare the idiom *ни в какие ворота не лезет*);
 2. *У страха станки велики* (06.03.2020) – about the impact of the virus on Chinese industry (compare proverb *у страха глаза велики*);
 3. *Своя маска ближе к телу* (04.02.2020) – about the threat of a shortage of masks (compare proverb *своя рубашка ближе к телу*).
 4. By analogy with this proverb, (4) *Свое лекарство ближе к дому* (21.05.2020) was constructed – about pharmacies within walking distance;
 5. *Бог не выдаст, Covid не съест* (21.11.2020) – about the meeting of the patriarch and the president (compare the saying *Бог не выдаст, свинья не съест*);
 6. *Из двух зол выбирают худшее* (25.03.2020) – about visiting hospitals (compare *из двух зол выбирают меньшее*);

7. *Тест карантину не товарищ* (10.06.2020) – about the criteria for self-isolation (compare *гусь свинье не товарищ*);
 8. *Поспеишишь – сам врача насмеишишь* (08.06.2020) – on the pace of lifting quarantine (compare *Поспеишишь – людей насмеишишь*);
 9. *Человек человеку вирус* (30.03.2020) – about the epidemic (compare *Человек человеку волк*, *Человек человеку рознь*);
 10. *Тяжело в лечении, легко у кассы* (25.04.2020) – on the deterioration of GDP forecasts (compare *Тяжело в учении, легко в бою*);
 11. *Гражданам солоно приходится* (22.04.2020) – on the demand for salt during the pandemic (compare *пришлось солоно*).
- (ii) Language games based on tropes (**personification, metaphor, metonymy, synecdoche**):
1. *Вирус нашел своего читателя* (06.03.2020) – about the growth of demand for literature;
 2. *Вирус вырос* (25.02.2020) – how the world prepares for the global epidemic;
 3. *За вирусом не занимать* (27.02.2020) – about buying bonds;
 4. *Вирус не играет в хоккей* (23.03.2020) – about the cancellation of the World Hockey Championship. This title has an allusion to the song “Трус не играет в хоккей”;
 5. *Вирус выключил звук* (19.03.2020) – about the cancellation of Eurovision;
 6. *Вирус выходит на сцену* (04.03.2020) – about the cancellation of performances;
 7. *Новый вирус короновали в Кремле* (30.01.2020) – about how the president reacted to the danger from China;
 8. *Вирус волнуется два* (24.09.2020) – about the second wave of the pandemic. This heading is an allusion to the children’s play “Моё волнуется раз”;
 9. *Италия не дышит* (25.03.2020) – about a correspondent in an empty Rome;
 10. *Вирус вышел в тираж* (25.03.2020) – the slump in the press;
 11. *Вирус на вырост* (21.01.2020) – about the Chinese virus;
 12. *Туристы облетают вирус* (26.02.2020) – about the decline in the demand for tourist trips;

13. *Вирус в каждой бочке* (03.03.2020) – about the oil industry;
14. *Карантин набивает цену* (27.03.2020) – about fines during the period of self-isolation;
15. *Состояние Балкан средней тяжести* (23.03.2020) – about the fight against the virus in the region;
16. *Россия встает с COVID* (23.05.2020) – about the rate of the spread of the virus.

(iii) **Phonetic games** based on sound similarity are seen in these titles:

1. *Карант Конституции* (26.04.2020) – about the postponement of voting due to the pandemic (compare *Гарант Конституции*);
2. *Не по Китай меня* (19.02.2020) – about transit entry (compare *Не покидай меня*). This title also contains a game with the toponym Китай;
3. *Невыходное положение* (30.03.2020) – Moscow and the region on self-isolation (compare *Невыгодное положение*);
4. *Тихая орбитель* (13.04.2020) – the president on self-isolation (compare *Тихая обитель*);
5. *С ковидами на будущее* (13.04.2020) – about the work of the metallurgical industry (compare *С видами на будущее*);
6. *Москва белокамерная* (15.04.2020) – about fines (compare *Москва белокаменная*);
7. *Дальнокovidная внешняя политика* (25.11.2020) – about the president at the ceremony (compare *дальновидная внешняя политика*);
8. *Оружие масочного поражения* (10.04.2020) – about industry during the pandemic (compare *оружие массового поражения*);
9. *Вирус-мажорные обстоятельства* (10.03.2020) – about the circumstances in the implementation of public procurement (compare *форс-мажорные обстоятельства*);
10. *COVID и показывает Москва* (30.09.2020) – the rate of increase in incidence (compare *Говорит и показывает Москва*);
11. *Ковидно, не сезон* (25.06.2020) – about the resumption of the work of sanatoriums (compare *видно, не сезон*);
12. *Качальные итоги пандемии* (28.10.2020) – about the fitness industry (compare *печальные итоги пандемии*);

13. *На пандемию смотрят с неудобрением* (30.06.2020) – about the chemical industry (compare *смотрят с неободрением*);
 14. *Банковские карантии* (24.03.2020) – about the meeting of the president with bankers (compare *банковские гарантии*);
 15. *Инфекция летательных путей* (12.03.2020) – about message limitation (compare *инфекция дыхательных путей*);
 16. *Чрезвычайное заражение* (14.03.2020) – about closing borders (compare *чрезвычайное положение*);
 17. *Каранте-до* (07.04.2020) – about the fact that Japan is imposing restrictions (compare *карате-до*);
 18. *Вперед на всех вирусах* (07.05.2020) – about the president’s speech (compare *на всех парусах*);
 19. *Слава, тебе, госпиталь* (16.05.2020) – the blessing of new medical centers (compare *Слава, тебе, Господи*).
- (iv) Language games based on the replacement of lexical components, resulting in allusions to the **precedent texts** (topics of cinematography, literature and music):
1. *Век вируса не видать* (24.03.2020) – article about “quarantine amnesty”, *Век свадьбы не видать* (26.03.2020) – about banning weddings (compare *век воли не видать* – quote from the movie *Джентльмены удачи*);
 2. *Вирус в тигровой шкуре* (17.04.2020) – an article about locking down Georgian cities (compare poem *Витязь в тигровой шкуре* by Shota Rustaveli);
 3. *И не друг, и не врач, а так* (07.04.2020) – about EU assistance (compare *И не друг, и не враг, а так* – line of the verse / song by V. Vysotsky *Если друг оказался вдруг*);
 4. *Редкий борт полетит со середины июля* (09.06.2020) – about the chances of flying abroad (compare *Редкая птица долетит до середины Днепра* – a phrase from *Вечеров на хуторе близ Диканьки* by N. V. Gogol);
 5. *Размышления у парадного невъезда* (27.04.2020) – how the tourism industry is trying to cope with the pandemic (compare *Размышления у парадного подъезда* – poem by N. A. Nekrasov);

6. *Здесь русский дух, здесь вирус чахнет* (12.05.2020) – according to the president’s speech on the virus (compare *Здесь русский дух, здесь Русью пахнет* – a line from the poem *Руслан и Людмила* by A. S. Pushkin).
7. *Белеет вирус одинокий* (30.04.2020) – an article on the isolation of shift workers from Kolsky Districts (compare poem title *Белеет парус одинокий* by M. Yu. Lermontov).

(v) **Occasional games** are also very common:

1. *Счастливого вирусства* (25.11.2020) – about Christmas in Europe. Occasionalism is created by analogy with the noun *Рождество*;
2. *Маскозакидательские настроения* (07.05.2020) – about a single pharmacy supplier;
3. *Вирусоборот с Италией растет* (7.03.2020) – about virus infections. The title is formed by analogy with the noun *товароборот*.
4. *КоронОРВИрус* (17.04.2020) – about self-isolation. This heading is an example of graphic occasionalism with the acronym ОРВИ.

Examples of occasionalisms formed by **contamination**:

5. *Минздравия желаю* (13.02.2020) – about the welfare of the nation (compare *Минздрав* + *Здравия желаю*);
6. *Режим судоизоляции* (19.03.2020) – about the suspension of criminal and civil cases (compare *суд* + *изоляция*);
7. *Симптом затрудненного отдыха* (05.03.2020) – about the tourist market (compare *отдых* + *дыхание*).

(vi) The **pun** is presented in the title *Выгул не далее 100 метро* (16.04.2020) – about the morning collapse in the subway.

In summation, it can be argued that the language game is a powerful tool for influencing the reader. It has been featured many times in the headlines on Covid-19. This analysis showed that the most frequent are phonetic games (19), followed by games with tropes (16) and games with collocations (11).

References

- Apresyan Yu.D.* Yazykovaya anomalija i logičeskoe protivorečie. – M.: Yazyki ruskoj kul'tury, 1995. – 767 s.
- Bulygina T.V.; Shmelov A.D.* Yazykovaya konceptualizacija mira (na materiale rus. grammatiki). – M.: Yazyki ruskoj kul'tury, 1997. – 576 s.
- Gridina T.A.* Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel'nost' // Yazyk. Sistema. Lichnost'. Formirovanie yazykovoj lichnosti v ontogeneze: sb. statej. – Ekaterinburg: UGPU, 2002. – s. 22 - 27.
- Gridina T.A.* Yazykovaya igra: stereotip i tvorčestvo. – Ekaterinburg: UGPU, 1996. – 215 s.
- Klushina N.I.* Obščie osobennosti publicističeskogo stilya / Yazyk SMI kak objekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: Učebnoe posobie. – M., 2003. – 289 s.
- Negryšev A.A.* Yazykovaya igra v SMI: tekstoobrazuyušchie mekhanizmy diskursivnye funkčii (na materiale gazetnyh novostej) [elektronnyj resurs]. [Vladimir, 2010]. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98/> (data obrashčeniya: 11.12.2020).
- Norman B.Yu.* Yazyk: znakomyj neznakomec. – Minsk: Vyshejšhaya shkola, 1987. – 220 s.
- Pančenko N.N.* Lingvističeskaya realizacija komičeskogo v anglijskom novostnom diskurse: Diss. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2005.
- Sannikov V.Z.* Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. – M.: Yazyki ruskoj kul'tury, 1999. – 542 s.
- Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N.* Yazykovaya igra // Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest / Otv. red. E.A. Zemskaya. – M., 1983. – S. 172-214.

Ермачкова О.

Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия
olga.iermachkova@ucm.sk

Языковые игры на тему «Коронавирус» в современных российских СМИ

Статья посвящена феномену языковой игры в публицистическом дискурсе, ее определениям, функциям и т.п. Особое внимание уделяется игровым заголовкам на тему «Коронавирус». Цель статьи – определить наиболее частотный прием образования таких заголовков в российском печатном издании «Коммерсантъ» за 2020 год.

Ключевые слова: языковая игра, заголовок, печатное издание, прием, Коронавирус

Izvorni znanstveni rad / Оригинальная научная статья / Original scientific paper
UDK 340.113:<811.161.1:811.163.42>

Irena Mikulaco

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
irena.mikulaco@unipu.hr

Terminološka usustavljenost u hrvatskom i ruskom jeziku prava

U ovom radu autorica govori o terminološkoj usustavljenosti u hrvatskom i ruskom jeziku prava na temelju istraživanja od 8000 pravnih termina koji su po svojoj strukturi sastavljeni od jedne ili više riječi.

Ključne riječi: jezik prava, hrvatsko pravno nazivlje, rusko pravne nazivlje, tvorba

1. Uvod

Jezik prava jezik je struke – prava. Znanstveno polje *prava* u znanosti pripada području društvenih znanosti, a opće poznata definicija prava glasi: „Pravo predstavlja ukupnost pravnih pravila (normativni poredak), načela i instituta kojima se uređuju odnosi u određenoj društvenoj zajednici. Njima su uređeni životni odnosi među ljudima, ali i odnosi ljudi prema društvenoj zajednici u kojoj žive i čijim pravilima se podvrgavaju, a pridržavanje istih osigurava država svojim mjerodavnim tijelima i primjenom određenih sankcija.“ Glavni objekti pravne znanosti su proučavanje države i pravo. Pravna znanost izgradila je sustav koji obuhvaća niz posebnih pravnih znanosti, kao npr. općeteorijske pravne znanosti – u njima se izučavaju elementi koji su zajednički svim državama i svim pravnim sustavima, bez obzira na povijesno razdoblje, geografski položaj i sl.; povijesnopravne znanosti – proučavaju razvoj prava kroz povijest; pozitivnopravne znanosti – izučavaju konkretne pravne sustave koji postoje u sadašnjosti (pozitivnopravni sustavi) (Mikulaco 2020: 92).

Posebnost jezika prava sastoji se u tome da jezik prava pripada općem jeziku (npr. hrvatskom ili ruskom), ali ujedno i njegovom podsustavu, jer predstavlja specijalizirani leksik budući da je to jezik struke. Jezik prava je zbir jezičnih navika koje su se razvijale stoljećima, a pravnici ga upotrebljavaju sa strateškim ciljem (Tiersma 1999).

2. Metode

Pravno nazivlje odlikuje složenost i kompleksnost. U istraživanju su upotrijebljeni različiti metodološki postupci. Osim uobičajenih znanstvenih metoda analize, sinteze, generalizacije, kvalitativne i kvantitativne, upotrijebljene su i specijalne metode kao što je kontrastivna i leksičko-semantička analiza za usporedbu dvaju pravnih sustava kroz zakonodavne tekstove te nazivlja iz ustavnoga, građanskoga, trgovačkoga, kaznenoga prava i djelomice iz međunarodnoga prava, iz hrvatske i ruske pravne prakse. U analizi tvorbe pravnoga nazivlja oslonili smo se na pravne i enciklopedijske pravne rječnike, priručnike, udžbenike i gramatike.

3. Rezultati

Karakteristika jezika prava je da pravni termin ne smije biti višeznačan, tj. jedan pojam se pridružuje jednom terminu, jedan označenik – jednom označitelju, dok je u općem jeziku višeznačnost obilježje jezičnoga bogatstva. Homonimija (istoimenost) u pravnom nazivlju nije tako česta pojava. Sinonimija (istoznačnost) u pravnom nazivlju nije poželjna, npr. u jednom pravnom dokumentu upotrebljava se jedan termin za jedan pojam. Višeznačnost termina očituje se i time da pripadaju, npr. općem jeziku, medicini ili farmaciji, kao npr. *lijek* (pripravak koji smanjuje simptome neke bolesti, sprječava je ili iscjeljuje. Može biti prirodnog ili umjetnog podrijetla), ali kao pravni termin pripada pravu: *pravni lijek* („procesnim pravom predviđena sredstva kojima procesni subjekti mogu od nadležnog tijela tražiti da, u zakonom predviđenom postupku, preispita napadanu odluku i da je zbog njene zakonitosti stavi izvan snage, odnosno nadomjesti drugom, zasnovanom na zakonu. Pravni lijek protiv odluka nadležnog tijela, tj. sudova (presuda, rješenja), javnopravnih tijela (rješenja i zaključaka) donesenih u sudskim ili upravnim postupcima“ (Opći pravni rječnik 2015: 1019, 1469). Višeznačnost termina može značiti i pripadanje termina unutar područja prava, ali dvjema različitim granama prava. To je slučaj s terminom истец/туžitelj s jedne strane i ответчик/туženik s druge strane koji su dio terminološkog sustava građanskoga prava. S istim značenjem, ali drugim nazivom su *optužitelj* (državni odvjetnik/прокурор) i s druge strane *okrivljenik* (обвиняемый) i *optuženik* (подсудимый) koje definiraju Zakon o kaznenom postupku, ali višeznačnost je funkcionalno ograničena.

Jezik prava traži terminološku usustavljenost: teži se diferencijaciji pojmova, s obzirom na višeznačnost u različitim granama prava. Potrebno je voditi računa o općejezičnim tendencijama koje se manifestiraju u različitim vrstama varijabilnosti: semantičkoj (višeznačnost: паритет золотой: 1) содержание (вес) чистого золота в денежной единице страны, установленное государством и зафиксированное законом; 2) соотношение двух денежных единиц по весу золота, установленного в качестве обеспечения), tvorbenoj (npr. баллотирование ili баллотировка s istim značenjem), leksičkoj (sinonimi, dublete: деликт – правонарушение (проступок), делинквентность – преступность, адвокат – юрист – защитник. Što se tiče termina latinskoga podrijetla ili prevedenica, prednost se daje domaćoj riječi u oba jezika, u hrvatskom i ruskom. Pojave varijabilnosti ukazuju na nedovoljnu terminološku sredenost.

Terminološko upravljanje (Terminology Management) i terminološka usustavljenost mogu se realizirati na nekoliko načina. Jedan od načina da

se usustavi terminologija je da se stvori terminološka baza podataka, kao što je npr. STRUNA u hrvatskom jeziku, u kojoj se sustavno prikuplja, stvara, obrađuje i tumači nazivlje različitih struka radi izgrađivanja i usklađivanja nazivlja na hrvatskome jeziku (URL: <http://struna.ihjj.hr/page/o-struni/>, 1. srpnja 2017.), terminološka baza EU – IATE (Interactive Terminology for Europe) (URL: <https://iate.europa.eu/home>). Osim terminoloških baza, za terminološko usustavljivanje važni se terminološki rječnici, jednojezični poglavito, koji sadrže ne samo opis, već i definiciju termina, usredotočenu na pojam, koji objašnjavaju i vrste termina (npr. ako se radi o jednom terminu u dvije pravne grane) ili ako se objašnjava veza roda i vrste (npr. sastavni dijelovi *krivnje* su: *ubrojivost*, *namjera* i *nehaj*). Kod dvojezičnih i višejezičnih rječnika jednostavnije je dati samo ekvivalent, jer bi, na primjer, zbog različitih pravnih sustava i objašnjenja, rječnik imao preveliki opseg. Zato zbog obujma nije pogodan (u tiskanom obliku), ali za npr. višejezične baze podataka i e-rječnike te uz pomoć obrade suvremenim inovativnim tehnologijama, mašinskom obradom podataka i terminološkim upravljanjem, s obzirom na različite parametre koji se obrađuju, to je preporučljivo. Enciklopedijski rječnici, na primjer, pravni enciklopedijski rječnici, koji postoje za rusko pravno nazivlje mogu pomoći u snalaženju u pravnoj terminologiji, pogotovo, ako je nazivlje poredano, ne samo abecednim redoslijedom, već i s obzirom na granu prava (npr. građansko pravo, kazneno pravo, međunarodno pravo i dr.). Nazivlje predstavlja idealno sredstvo strukturiranja znanstvenoga znanja. Terminološkim rječnicima i terminološkim bazama podataka može se usustaviti nazivlje koje postaje najboljim načinom organiziranog i usustavljenog čuvanja znanstvenih podataka.

Pravno nazivlje predstavlja sustav naziva i upotrebljava se u pravnoj struci, tj. objedinjuje u sebi pravnu znanost i granu prava kojoj pripada te nastaje normiranjem u pojmovnome sustavu. Nazivlje se usklađuje s terminološkim zahtjevima, tj. sa zahtjevima struke, stručnjaci utvrđuju odgovara li i zadovoljava sve potrebe struke. Također, osim stručnjaka za pravno nazivlje, lingvisti utvrđuju je li termin u skladu s normom standardnoga jezika, tj. je li u skladu sa zahtjevima standardnoga jezika budući da je jedno od obilježja standardnosti njegova normiranost. Dakle, nazivlje pripada standardnome jeziku i nazivlje formiraju različiti stručnjaci. Za pravno nazivlje to su pravnici i lingvisti.

Pravni termin treba biti: *jedinstven*, tj. da se u istom normativno-pravnom aktu upotrebljava jednoznačno; *općepriznat*, a ne da ga zakonodavac izmišlja samo za dani slučaj, nedopustiva je uporaba termina u nekom posebnom smislu; *stabilan*, tj. da se smisao i značenje termina ne mijenjaju zavisno od konteksta; *logično povezan* s drugim terminima u danom sustavu; *korelira* sa strukovnim

područjem uporabe. *Pravni termin* je pojam kojemu je pridružen naziv u okviru pravnoga sustava i grane prava kojoj pripada.

U ruskom pravnom rječniku «Большой юридический словарь» *pravni termin* (юридический термин) definira se kao «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» – (URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law27.php, 1.08.2016.) u prijevodu: „Pravni termin je element pravne tehnike, verbalizirane oznake državno-pravnih pojmova, uz pomoć kojih se izražava i fiksira sadržaj normativno-pravnih državnih pravnih propisa“

Pravno nazivlje može se klasificirati na sljedeći način:

- a) аопći termin (termin опćега значења; употребљава се у уобичајеном смислу и свима је разумљив);
 - b) специјални – правни термин: носи у себи правни садржај, нпр. *nužna obrana, zastara* i dr.;
 - c) специјални – технички термин, тј. неки други струковни термин, али се употребљава у праву (термин који одражава подручје специјалних знанја неке друге струке, као нпр. технологије, економије, медицине, грађевинарства и других, али припада слоју језика прava, као нпр. *ionizirajuće зрачење, transgeni организми* i dr.).

Nastanak pravnoga nazivlja je dugotrajan proces, uvjetovan je mnogim čimbenicima, kako je već ranije u radu navedeno, na temelju čега се може закључити да корпус савременогa правног називlja чини:

1. postojeće, reaktivirano i restandardizirano starije nazivlje (npr. *odvjetnik*, a ne *advokat*)
2. posuđenice (ponajviše internacionalizmi, podrijetlom iz grčkog i latinskog jezika, a u suvremenom korpusu i iz engleskog jezika) (npr. лицензия/licencija, a *licenca* prema engleskoj riječi *licence*)
3. novi termini (kojima je značenje iz опćега лексика или из неког другог језика струке прешло у језик прava или су унутар прava добили ново значење, или су настали као последица утјецая правосуда EU, као нпр. у Хрватској) (npr. novac → *pravne novca*; lijek → *pravni lijek*; deficit → *demokratski deficit*, inicijativa → *građanska inicijativa*; knjiga → *zelena knjiga*; sporazum → *Schengenski sporazum* i dr.).

Za odabir pravnoga nazivlja treba se voditi određenim kriterijima. S obzirom da jezik prilikom odabira naziva treba uzeti u obzir značajke dobre tvorbe naziva, kao što su *prozirnost*, *ekonomičnost* (kratkoću) i *uklopljenost u terminološki sustav*, *prednost se daje domaćem nazivu* kad god je to moguće, a istodobno se nastoji *osigurati jezična i pojmovna usustavljenost* (Brač, Bratanić, Anić 2015: 16-17).

Pravni termin stoga treba promatrati u kontekstu razvoja pravne znanosti i uzeti u obzir čimbenike koji su utjecali na terminološko planiranje i odabir određenoga termina za određenu granu prava. On igra važnu ulogu u jeziku prava, predstavlja određeni pojam u pravu i važno sredstvo pravne tehnike.

U skladu s navedenim možemo ustvrditi da jezik pravnog diskursa zahtjeva: jednostavnost (ujednačenost gramatičkih oblika), jasnoću, točnost, potpunost, preciznost, nedvosmislenost (leksički i terminološki ujednačen), određenost, pojmovnost (terminologičnost) i stilsku neobilježnost (Silić 2007: 379; Hižnjak 1997: 9). Jezik prava se može usporediti s književnim jezikom, jer izgrađuje strukturu normativnih propisa, kao što npr. jezik poezije izgrađuje strukturu književnoga djela prema određenim zahtjevima, npr. ritmu, rimi, veličini i na poseban način oblikuje ljudsko poimanje svijeta. Visković je u knjizi *Jezik prava* (1989: 16) citirao Scarpellija (1955: 184) koji pod jezikom prava podrazumijeva „jezični podsistem koji upotrebljavaju osobe nadležne da izriču pravne norme, opće i pojedinačne, zatim pravnici u njihovom praktičkom i znanstvenom radu te svi oni koji obavljaju jezične radnje ponavljajući načine izražavanja normotvoraca i pravnika“. Iz navedenog se vidi da se jezikom prava bave i/ili njime komuniciraju svi koji dolaze u doticaj s pravom, što bi u suvremenom tumačenju značilo da se jezikom prava bave pravni stručnjaci (npr. pravnici, suci), sudski tumači i prevoditelji koji prevode pravne tekstove, lingvisti (npr. pravnici lingvisti) i građani preko oporuka, rješenja, žalbi i sličnih dokumenata. Pravni tekstovi dijele se s obzirom na predmet teksta na zakone, međunarodne ugovore, sudska rješenja i slične dokumente pravosudnih tijela te privatne dokumente.

S obzirom na to propisuju li ili opisuju pravni tekstovi dijele se na:

1. tekstove koji propisuju: zakoni, propisi, ugovori i konvencije. Oni sadrže pravila, koja reguliraju ponašanje ili pravne norme
2. tekstove koji uglavnom opisuju, ali djelomično i propisuju, kao što su npr. sudski dokumenti, sudske odluke, sudski nalozi, sudska rješenja, presude, žalbe, peticije, zahtjevi i sl.
3. tekstove koji opisuju, npr. pravni udžbenici, znanstveni radovi itd.

Jezik pravnoga diskursa ovisi o tome tko se njime bavi i komunicira njime te zato postoje jezici zakonodavstva, sudstva, odvjetništva, uprave koji su formalniji te jezik pravne znanosti i publicistike koji su slobodniji u izražavanju, uporabi pravnog nazivlja i internacionalizama. Nadalje, s obzirom da se pravo grana, jezik prava i pravno nazivlje postoje u okviru određene grana prava, npr. ustavnog, trgovačkog, građanskog, kaznenog, međunarodnog prava i dr.

Visković (1989: 26-31) spominje „četiri sloja izraza i značenja“ jezika prava.

Prvi sloj čine „neizmijenjeni elementi općeg jezika“ jednog nacionalnoga društva. To su najčešće imenice i glagoli, koje su dio općega leksika, ali se primjenjuju u jeziku prava: *osoba, kazna, morati, trebati, odlučiti; лицо, наказание, мочь, решить* i dr. Rijetko ili nikada mogu se javiti riječi kao: *mašta, prijatelj, ljubav* i sl.

Drugi sloj čine „izmijenjeni elementi općeg jezika“ ili *terminologizacija*, kada riječi iz općega leksika prodru u izmijenjenom obliku u jezik struke. Izrazi i značenja se preoblikuju, najčešće se sužava značenje: *krivnja, zakon; вина, кодекс* i dr. Zadržavaju dio značenja iz općega jezika, formu izraza, a stručnjaci ih (pravnici) mogu pravilno definirati.

Nazivlje može prijeći iz jednog područja znanja u drugo, s tim da se pojmovna strana ne mijenja ili se djelomice mijenja pa se takav postupak zove *transterminologizacija* (npr. iz filozofije ili medicine u pravnu znanost).

Treći sloj su „čisto stručni pravni izrazi i značenja (*pravni termini*)“ koji imaju metaforičko značenje ili su riječi stranoga porijekla. Posljednja dva jezična sloja mogu se smatrati prvim jezikom prava.

Četvrti sloj jezika prava čine specijalni termini koji pripadaju drugim strukama, npr. ekonomiji, medicini, farmaciji, građevinarstvu i dr., npr. *kamatna stopa, genetski modificirani organizmi* i sl.

Mnogi terminolozi slažu se da se nazivlje tvori različitim tradicionalnim načinima:

1. morfološki:

- a) izvođenje: виновный > виновник; pravo > pravnik
- b) slaganje: землевладелец; zemljoposjednik
- c) inicijalizam: УК; KZ

2. sintaktički, tvorba terminoloških izraza: уголовное право; kazneno pravo

3. semantički: metaforičnost i metonimičnost: глава, юридическое лицо; glava, pravna osoba
4. jezično posuđivanje, najčešće iz latinskoga jezika: *burza* (tal.), *demokracija* (lat.); биржа (niz.), *демократия* (lat.).

Nazivlje se tvori kao imenovanje pojmova za određeno polje znanja, pripada određenoj struci, upotrebljava se u stručnoj literaturi i njime se služe stručnjaci u tome području. Ono se ne izmišlja već se za nazivljem stvara potreba. Nazivlje se normira, standardizira, usustavljuje. Njime se upravlja ciljano i s pravilima struke, odabire se adekvatan termin. Neupotrebljivo ili zastarjelo nazivlje se odbacuje.

Danilenko (1966: 16) spominje normativne preporuke koje bi trebale odražavati jezičnu procjenu termina (pa tako i pravnoga) na osnovi nekoliko parametara: 1) strukture termina, 2) načina imenovanja, 3) ishodišta tvorbe, 4) odnosa termina i pojma (radi pojašnjenja višeznačnosti termina, prirode sinonimije i homonimije).

Jezičnu procjenu stanja hrvatskoga i ruskoga pravnoga nazivlja prikazat ćemo na osnovu istraživanja o terminološkoj usustavljenosti (Mikulaco 2020: 92-103). S obzirom da je jezik prava dio općega jezika, za istraživanje tvorbe pravnoga nazivlja oslonili smo se na pravne i enciklopedijske pravne rječnike, priručnike, udžbenike i gramatike. Za istraživanje je poslužilo oko 8000 pravnih termina (na hrvatskom i ruskom jeziku) koji su po svojoj strukturi sastavljeni od jedne ili više riječi. Većina pravnih termina su izvedenice (oko 97%). Pravni termini su najčešće izvedeni iz klasičnih jezika, pa se takve tvorenice nazivaju internacionalizmi, jer treba voditi računa o specifičnome morfonološkom ustrojstvu svih jezika koje ih upotrebljavaju i na koji su način adaptirani u jeziku domaćinu, u ovom slučaju, hrvatskom i ruskom jeziku. Otprilike 80% od ukupnog broja istraženih termina su *kolokacije* (ustaljene sveze čije se sastavnice povezuju na temelju svojih pojedinačnih značenja tvoreći čvrsto značenje sveze, URL: <http://ihjj.hr/kolokacije/o-bazi/>, pristupljeno 1. srpnja 2019.), dok se 20% tvori uz pomoć tvorbenih načina (prefiksna tvorba (prefiksacija), sufiksna tvorba (sufiksacija), prefiksno-sufiksna tvorba, slaganje, složeno-sufiksna tvorba, srastanje i preobrazba te tvorba polusloženica i tvorba pokrata). U tvorbi pravnoga nazivlja najčešća je sufiksna tvorba (tvorbeni način u kojemu se iza tvorbene osnove dodaje sufiks ili tvorbeni nastavak).

Istraživanjem i proučavanjem termina i terminoloških baza, rječnika i radova, može se zaključiti da su termini poglavito imenice (npr. kazna, krivnja, prekršaj, presuda i dr.) i kolokacije sastavljene od imenica (imeničko-imeničke) (npr. društvo kapitala, izreka presude, izravna namjera i dr.). U njihovu sastavu

mogu se naći i druge vrste riječi, najčešće su to pridjevi, glagoli, prijedlozi (kazneno djelo, kazneni postupak, pravni lijek, lišenje poslovne odgovornosti, stupiti na snagu, odricanje od nasljedstva i dr.) te je među terminima najznačajnija njihova sufiksalna tvorba. Prema Akademijinoj hrvatskoj gramatici (Babić 1991: 17) u tvorbi sudjeluje 771 sufiks, od čega 91 plodnih, 526 imeničkih, a u prefiksnoj tvorbi 77 prefiksa.

Sufiksalna tvorba tvorbeni je način u kojemu se iza tvorbene osnove dodaje sufiks ili tvorbeni nastavak. U suvremenom ruskom jeziku imeničkih sufiksa je više od 150 (Русская, грамматика: В 2 т. М., 1980). U terminološkom pravnom sustavu zabilježeno je tridesetak sufiksa. Najplodniji sufiksi su: nulti (ugovor/ договор), u glagolskim imenicama sufiks -anj(e)/-ние (ispitivanje/следование), -ost/-ость, (sposobnost U: poslovna sposobnost, диспозитивность), -stvo/-ство (dizerterstvo/дезертничество), -acija (ablacija, abolicija/квалификация i dr. koje su latinskoga podrijetla), -telj/-тель (počinitelj, заседатель), -ak (vještak), -nik/-ник (skrbnik, zatvorenik, optuženik, dužnik/должник), -ovnik (vjerovnik), -ist/-ист (terorist/террорист), -izam/-изм (vandalizam, бандитизм), hrvatski -telj (tužitelj) ili tipično ruski -ка (командировка), -щик/-чик (ответчик), -ант (индоссант), -ец (истец) i dr. Postoje i oni koji su manje plodni, npr. -ba/-ба (žalba/жалоба), hrvatski -đa (krađa), ruski -жа (кража), -еж (грабеж), -ун (опекун), -тор (арендатор), -ура (адвокатура) i dr.

Prefiksalna tvorba tvorbeni je način u kojemu se ispred jedne riječi dodaje prefiks ili tvorbeni predmetak. U prefiksnoj tvorbi imenica plodno je 8 tipova od njih 34 (prema Ruskoj gramatici) ili 41 (prema Akademijinoj hrvatskoj gramatici): bez-/без-: (beznačajno djelo, bezobzirna osveta, bezrazložno bogaćenje, bezdržavljanstvo безгражданство, бездействие, безнадежные долги), de-/де- (demilitarizacija, демилитаризация, деноминация), kontra-/контр-(а)- (od lat. *contra*: kontraizjava, контрапrijedlog, контрассигнация), ne-/не- (neistina, пераžnja, неспоразум, неосторожность, неявка), pod--/под- (podlicencija, подосигурање, поднајам поднаем, поднаиматель, подозреваемый, подписка), pri-/пере- (primirje, прикривање, припис, передаточный акт, передоверие, переуступка, перемирие), su-/со- (suoptuženik, suposjednik, сувласник, соучастие), sub-, sup-/суб- (latinski prefiks) (subrogacija, супсидијаран, супосједници, субаренда, сублицензия, суброгация, субсидиарная ответственность).

Slaganje je tvorbeni način u kojemu istodobno sudjeluje više sastavnica: prva je punoznačna osnova, druga spojnik (spojnik ili interfiks jedinica je koja u složenici spaja dvije riječi u jednu) -o-, a treća je punoznačna riječ. Takva tvorenica naziva se složenicom (ovrhovoditelj, правобранителј,

zajmotražitelj, rodoskrvnuće, kuporodaja, законопроект, отказополучатель, правоотношение, правоспособность).

Složenica može nastati i tvorbenim načinom – *složena sufiksalna tvorba* (u kojemu istodobno sudjeluju dva tvorbeni načina, slaganje i sufiksacija. Tvorenica nastala složeno-sufiksalsnom tvorbom naziva se složeno-sufiksalsna tvorenica) (правомо́цност, единоначалие, залогодатель, самоуправство i dr.).

4. Rasprava

Usporedbom hrvatskih i ruskih pravnih termina većina ima tvorbu izvornim sufiksima, karakterističnim za hrvatski ili ruski jezik (njih oko 75%), a ostali pravni termini poglavito su posuđenice iz klasičnih jezika, latinskog i grčkoga jezika, a tvore se pomoću latinskih i grčkih sufiksa i prefiksa, na primjer: sufiksi latinskog podrijetla: -or/-ор, -ist/-ист, -at/-ат, -acija/-ация, -izam/-изм, -ура (kreditor (vjerovnik)/кредитор, terorist/террорист, delegat, индоссат, abdikacija, денонсация, banditizam, gangsterizam, бандитизм, адвокатура), prefiksi grčkoga podrijetla: anti-/анти-, arhi-/архи-, dis-/дис-, hiper-/гипер-, latinskog podrijetla: eks-/экс-, kontra-/контр- i dr.

Strukturu pravnih termina, kao što je gore u tekstu navedeno, tvore najčešće kolokacije sastavljene od dviju sastavnica (80%), iako ima i kolokacija sastavljenih i od pet do sedam sastavnica.

Plodnost ovakve denominacije povezana je s potrebom da se pojmovna strana termina objasni (npr. pravo: kazneno pravo; imovina: državna imovina), ali i da se razgraniči uporaba riječi iz općega jezika od termina, npr. kada je dio kolokacije riječ općega jezika (**načelo** zakonitosti, **povlačenje** dionica, **povlaštene** dionice, **poziv** okrivljenika, **pranje** novca, действие закона i dr.). U strukturi kolokacija važnu ulogu imaju pridjevi (pozitivno pravo, kazneno djelo, mandatni postupak, уголовная ответственность, уголовное дело). Dvostruko manje ima primjera – termina, koji su sastavljeni od imenica u kosim padežima s ili bez prijedloga (osporavanje prava na patent, model, uzorak i žig, nasljeđivanje u postupku, nastavak rasprave, humanizacija rata, nemogućnost činidbe, право на труд, преступления против личности, расторжение брака, лишение свободы i dr.). U pravnoj terminologiji najčešće su kolokacije one, kojima je glavni dio imenica u genitivu bez prijedloga i po svojoj funkciji je bliska pridjevu (oduzimanje predmeta, odvajanje ostavine, provedba ovrhe, sloboda udruživanja, держатель реестра, детектор лжи, дефицит бюджета, договор купли-продажи, договор лизинга). Struktura kolokacija pravnoga nazivlja ne razlikuje se od olokacija u općem jeziku, ali pravno nazivlje karakteriziraju posebne kombinacije koje, kao i u općem jeziku, određuje jezični sustav,

uvjetovan gramatičkim ustrojem i značajkama jezičnoga znaka: arbitrarnost i linearni karakter označitelja (npr. *strana* u *strana ulice* u općem jeziku i *strana u sukobu* kao pravni termin, *red* i *nasljedni red*, *radnja* i *parnična radnja*, *djelo* i *kazneno djelo*).

Pravni termin može tvoriti i tvorbeni gnijezda, kao npr. *pravo*: pravorijek, pravomoćan, pravosudni, pravosuđe, građansko pravo, kazneno pravo, pravo glasa, pravo građenja, pravo konkurencije, pravo mora, pravo na čast i ugled, pravo na ime, pravo na međunarodne komunikacije, pravo na namirenje, pravo na opstanak, pravo na osobni identitet, pravo na pravni lijek, pravo na rad, правомерность, правонарушение, правоотношение, правопорядок, право собственности, право на правосудие, право на свободу и личную неприкосновенность, гражданское право, уголовное право i dr. Ti termini mogu tvoriti dalje druga gnijezda, npr. правонарушение — гражданское правонарушение, административное правонарушение.

5. Zaključak

Istraživanje je posvećeno jeziku prava kao podsustavu općega jezika te zbog svojih posebnosti predstavlja specijalizirani leksik koji ima više slojeva značenja. Nazivlje srodnih slavenskih jezika ima slična obilježja, morfološki sastav i etimologiju. Ova hipoteza je istražena na oko 8000 pravnih termina te je zaključeno da su pravni termini uglavnom izvedenice (oko 97%), pravni termini izvedeni su iz klasičnih jezika (internacionalizmi). 80% od ukupnog broja istraženih termina su kolokacije, 20% tvori se uz pomoć tvorbenih načina, od kojih je u tvorbi pravnoga nazivlja najčešća je sufiksna tvorba.

Literatura

Babić, S., Brozović, D., Moguš, M., Pavešić, S., Težak, S., Škarić, I. Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika.– HAZU - Globus, Zagreb, 1991.

Brač, Ivana, Maja Bratanić i Ana Ostroški Anić. „Hrvatsko nazivlje i nazivoslovlje od Šuleka do Strune – hrvatski jezik i terminološko planiranje“. // *Od Šuleka do Schengena. Terminološki, terminografski i prijevodni aspekti jezika struke*, ur. Maja Bratanić, Ivana Brač i Boris Pritchard, Zagreb: Pomorski fakultet u Rijeci i Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2015. Str. 3 – 26.

Mikulaco, Irena. Kontrastivna analiza hrvatskoga i ruskoga pravnog nazivlja. Disertacija, 2020. Str. 93-102, 219.

Scarpelli, Umberto. Il problema della definizione e il concetto di diritto. Istituto editoriale Cisalpino, Milano, 1955.

Silić, J., Pranjković, I. Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb: Školska knjiga, 2007.

Tiersma, Peter Meijes Legal Language. The University of Chicago Press, Chicago, 1999.

Vidaković Mukić, Marta. Opći pravni rječnik. II. izmijenjeno i dopunjeno izdanje. Narodne Novine, Zagreb, 2015.

Visković, Nikola. Jezik prava. Naprijed, Zagreb, 1989.

Даниленко В. П. «Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии»//Современные проблемы русской терминологии. М., 1966. – С. 16.

Русская, грамматика: В 2 т. М., 1980

Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов, Изд-во СГУ. 1997.– 136 с.

Ostali izvori:

Interactive Terminology for Europe .URL: <https://iate.europa.eu/home>, (pristupljeno, 1. srpnja 2017.)

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. URL: <http://ihjj.hr/kolokacije/o-bazi/>, (pristupljeno 1. srpnja 2019.)

STRUNA. URL: <http://struna.ihjj.hr/page/o-struni/>, (pristupljeno 1. srpnja 2017.)

Veliki ruski pravni rječnik. URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law27.php, (pristupljeno 1. kolovoza 2016.)

Mikulaco I.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
irena.mikulaco@unipu.hr

The terminological systematization of legal language in Croatian and Russian

In this paper, the author discusses the terminological systematization in Croatian and Russian legal language, based on the research into 8000 legal terms that are composed of one or more words.

Keywords: legal language, Croatian legal terminology, Russian legal terminology, word formation

Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'373.7"2007/2019"(054)

This work was supported by the Research Support Fund of University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava under grant No. FPPV-04-2021 – Transformations of phraseological units in Russian-Slovak comparison.

Andrea Spišiaková

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia
andrea.spisiakova@ucm.sk

Transformations of phraseological units in Russian daily newspapers *Kommersant*

This paper is devoted to various types of grammatical, semantic and structural transformations of phraseological units. The author analyses these creative modifications of phraseological units in terms of their usage, semantics, frequency, and functions on the material of the Russian business daily newspaper “Kommersant” from 2007 to 2019.

Keywords: phraseological unit, transformation, types of transformation, daily newspaper, Kommersant

One of the current issues in contemporary phraseology is the process of the transformation of phraseological units, their possible modifications and their use in speech and mass media discourse. Naturally, linguists have recently shown an increased interest in all the dynamic processes that take place in phraseology. Leading linguists such as V. N. Shanskij, A. V. Melerovichova (1997), V. M. Mokienko (1997), N. F. Alefirenko (2010), I. J. Tretyakova and many others, have dedicated part of their research to the transformations of phraseological units in the Russian language.

Innovative processes that necessarily take place in all languages and that significantly affect the phraseological level of a language are noticeably manifested in mass media. The Slovak phraseologist J. Mlacek states that: “the sphere of journalism belongs to the areas of communication, in which phraseological units are not only used widely in general, but they are also modified, updated, even destructively changed” (2005: 222). This paper aims to point out this phenomenon, which we currently observe in the Russian language, and to describe the diversity of ways of phraseological transformations on the excerpted material. We will focus on the transformations of phraseological units in the Russian daily *Kommersant*, which deals mainly with politics and business. In particular, we will be interested in how this newspaper, one of the leading and the most influential of daily newspapers in the Russian Federation, responds to the ever-increasing trend of phraseological transformations, and what methods journalists apply to achieve significant effects on their readers. For the purposes of our analysis, we have worked with practical material excerpted from the daily *Kommersant* with a total number of 52 examples of phraseological transformations from 2007 to 2019.

Since the phraseological unit as a term is a complicated phenomenon, the essence of which has been the subject of discussions for several decades, we consider it appropriate to specify, for the purposes of this paper, which units will be subsequently analysed. V. M. Mokienko understands a phraseological unit “[...] as a relatively fixed, reproducible, expressive multi-word lexical unit with a non-compositional meaning” (Mokienko et al. 2015: 11). In our opinion, this definition captures the essence of phraseological units very accurately. It is relevant to current research because it acknowledges that fixedness, which was one of the main features of phraseological units in the past, is not an absolutely valid norm. The approach is also supported by N. F. Alefirenko (2010) who emphasizes the relative fixedness of phraseological units as well.

There are a large number of classifications of transformed phraseological units. V. M. Mokienko (1997), A. M. Melerovichova (1997), I. F. Gajnanova (2009), and many others have significantly contributed to the solution of this

issue. We will adhere to I. F. Gajnanova's classification for the purposes of our analysis, because we consider it sufficiently clear, yet this classification also allows us to classify a wide range of different creative modifications.

In many cases, however, the clear-cut classification of a certain phraseological unit into a particular type of transformation is not possible because one phraseological unit can manifest different types of transformation. I. F. Gajnanova distinguishes three basic types of transformations – grammatical, semantic and structural transformations of phraseological units (2009: 314-316).

According to T. Grigorjanová, grammatical transformation is accompanied by formal-grammatical changes, which bring new stylistic nuances to the meaning of the original phraseological units (changes in singular and plural forms, variations of morphemes, inversion, and negation) (2016: 134). A common and a simple way of grammatical transformation is the aforementioned negation or shift of the negative sentence to an affirmative one: e.g. **В деньгах счастье** 'There is happiness in money' (21.01.2017); **Хлебом единым** 'by bread alone' (13.08.2012). More flexible word order in phraseological units can lead to an inversion: **Счастье в деньгах** 'There is happiness in money' (27.09.2010). This method of transformation of phraseological units is not significantly represented in our material. Semantic transformations offer wider possibilities of application.

"Semantic transformations do not affect the formal structure of the phraseological unit. It is based on semantic changes in phraseological units, which, as a rule, are placed in a broader context, allowing the use of a wordplay based on combination of direct and figurative meanings" (Grigorjanova 2016: 135). Phraseological units transformed in this way are perceived as a semantic and a fixed whole and at the same time as a non-idiomatic phrase. There are significantly fewer semantically transformed phraseological units than those that are transformed structurally. Within the semantic transformations, we can talk about double actualization or dephraseologization.

We speak of a double actualization if a phraseological unit is used in both direct and figurative meanings, e.g. **Всегда на высоте. За неделю «Аэрофлот» получил сразу три крупные премии** 'Always on the top. Aeroflot received three major awards in a week' (23.04.2018); **Air France опускает крылья. Французская авиакомпания ослаблена забастовкой** 'Air France lowers its wings. French airline is weakened by strike' (12.05.2018); **Нововятский лыжный комбинат может сменить собственника** 'They have sharpened their skis. Novovyatsk Ski Complex may change its owner' (26.07.2013); **Слияние как по маслу. «Эфко» и «Солнечные продукты» решили объединить продажи майонеза и подсолнечного масла** 'Merging like butter. Efko and Sun Products have decided to combine sales of mayonnaise

and sunflower oil' (14.06.2017); *Яблоко раздора. На своей странице в Facebook писатель Сергей Минаев опубликовал пост, в котором обрушился с критикой на отель Golden Apple Boutique* 'Apple of discord. Writer Sergey Minaev published a post on his Facebook page, in which he criticized the Golden Apple Boutique hotel' (20.10.2016). Sometimes the cultural knowledge is necessary to identify the transformation correctly, e.g. *Roshen uže nesladko v Lipецке. Корпорация Петра Порошенко закрывает российскую фабрику* 'Roshen is not having a sweet time in Lipetsk. Petro Poroshenko's corporation closes the Russian factory' (20.01.2017).

V. N. Vakurov calls this method of a modification "a complete alignment" (1994: 42). K. N. Dubrovina points out that this type of transformation is possible only in the case of "real" phraseological units, i.e. those that have prototypes in the current language (phrases or metaphors that gave life to a phraseological unit) (2005: 105).

The dephraseologization is very similar to the double actualization but in contrast to it, the figurative meaning of phraseological units in the context is lost and only the literal meaning remains: "[...] the original, literal meaning of the combination, which represents the inner form of phraseological units, is not only actualized but comes to the fore" (Melerovichova – Mokienko 1997: 20). We will illustrate this method on the example of a phraseological unit *до лампочки* 'into the lamp', which expresses the speaker's indifferent attitude. This phraseological unit was used literally: *До лампочки. Немецкие компании займутся освещением чувашских городов* 'Into the lamp. German companies will deal with the lighting of Chuvash cities' (19.05.2011).

The most productive type of transformation of phraseological units are structural transformations, which are characterized by a variety of different methods. I. F. Gajnanova works with the following terminology: insertion, phraseological ellipsis, component substitution, and contamination (2009: 314-316). We will analyse a phenomenon called phraseological paronomasia as well.

Insertion is a relatively common and, in comparison to the other methods of transformation, an easy way of the modification of phraseological units, because it does not interfere with their structure, it merely expands it. It is perceived that a phraseological unit does not expand arbitrarily but intentionally through components that penetrate it from the context of the article. Thus, a phraseological unit is easily unified with the text.

Insertion mainly fulfils an informative function. It indicates the topic of the article in headlines, e.g. *Паромы сели на финансовую мель. Средств на строительство паромов для Калининграда в бюджете нет* 'Ferries ran financially aground. There are no funds in the budget for the construction of

ferries for Kaliningrad' (27.03.2017); **Энергетический железный занавес** 'Energy iron curtain' (13.03.2018); **На всякий спортивный случай** 'Just in case of sport' (08.05.2018); **Экологам смешали арктические карты. «Роснефть» отвергла претензии «Гринпис России» к разведке нефти в нацпарке** 'Arctic cards are shuffled for ecologists. Rosneft rejected claims of Greenpeace Russia to oil exploration in the national park' (26.03.2017); **Северный тернистый путь. Ведомства выясняют, какие суда можно пускать в Арктику** 'Northern thorny path. Departments are trying to find out which ships can be allowed into the Arctic' (18.06.2018). All examples excerpted here are expanded by adjectives. The informative function is supported in this way.

Substitution of components is more productive in *Kommersant* than insertion. The substituting component is always closely related to the content of the article and can be in synonymous, antonymic, paronymic or homonymous relations to the original component. Specifically, the headline **долг платежом страшен** 'debt is frightful because of repayment' (21.07.2016) is based on the antonymic substitution of a word **красен** 'in the sense of good'. The phraseological unit of mythological origin **Дамоклов меч** 'the sword of Damocles' was updated in connection with the text of the article to **Дамоклов нож** 'the knife of Damocles' (28.03.2014) by substitution of the component within the semantic field *tool/weapon*. The author of the article informs how doctors in the Russian Federation decide under what conditions a child can be acknowledged as disabled.

In connection with the tendency of the Russian language to actively borrow words of foreign origin, it is not surprising that foreign lexical units sometimes substitute the original Russian component, for example **Лайками / шапками/ закидаем!** 'We will throw likes /hats/' (12.12.2016); **Бизнес-план преткновения /камень/** 'stumbling business plan /stone/' (14.06.2018).

In most cases, the component is substituted for a word of the same part of speech, e.g. **Нефть преткновения** 'stumbling oil /stone/' (20.06.2018); **Украине протянут уголь /руку/ помощи** 'They will pass a coal /hand/ help to Ukraine' (20.06.2018). However, it is not a universal rule, for example: **после дождя /нас/ хоть потоп** 'After rain, /us/ the flood' (14.07.2017).

In the daily *Kommersant*, we predominantly encounter suitable and creative transformations of phraseological units, which at the same time do not cross the boundaries of phraseological, semantic and grammatical norms. However, we consider the following transformation to be less successful from a semantic point of view: **В Японию со своим самоваром** (03.04.2017) 'To Japan with one's own samovar'. The original proverb **В Тулу со своим самоваром не**

ездят ‘One does not go to Tula with one’s own samovar’ is a phraseological unit containing two components that clearly express the national-cultural specification. Substitution of only one component violates this specification. We assume that the headline **Во Флоренцию со своим ренессансом** ‘To Florence with one’s own renaissance’ (05.06.2018) is more appropriate because it preserves the national-cultural specification and is more logical.

The possibilities of the transformation of phraseological units by substitution are not covered only by substitution of one component for another. Depending on the level of expressiveness journalists want to achieve, they often combine several ways of transformation and can also create new ones. For example, we perceive not only the substitution of a component but also the structural inversion in the following headline: **Когда говорят визы, пушки молчат. В Москве открылся новый визовый центр США.** ‘When the visas are speaking, the rifles are silent. The new USA visa application centre was opened in Moscow.’ (09.06.2018). Inversion of meaning is seen in comparison with the original phraseological unit **Когда говорят пушки, музы молчат** ‘When the rifles are speaking, the muses are quiet’, i.e. the art is secondary in times of war.

The following way to transform phraseological units within the structural transformation is contamination. It is a challenging way of transformation that is difficult to analyse. The essence of contamination lies in combination of two different phraseological units into one. This combination is often possible because of homonymous, antonymous or synonymous relations of phraseological unit components but “[...] phraseological units that are not semantically identical, but have deep, associative, not lying on the surface connections, which are manifested to a greater extent due to the context, can also participate in contamination” (Kolobova 2008: 174 – 175).

If contamination is used intentionally, it adds significant expressiveness to a phraseological unit, e.g. **кастинг на главную боль** ‘casting for the lead pain’ (02.12.2016) was intentionally contaminated by crossing, based on paronymic relation between the words **главная/головная** ‘main/head’ and **боль/роль** ‘pain/role’. In this case, the transformation is designed to catch the reader’s attention and to excite his or her interest in reading the article.

However, a phraseological unit transformed by contamination often occurs as a result of a speech error when the author is not familiar with the semantics and the correct use of a phraseological unit, e.g. in the following statement **играть ведущую скрипку** ‘to play the leading fiddle’ (02.03.2017), we believe that two phraseological units were crossed by a mistake: **играть первую скрипку**

‘to play the first fiddle’ and **играть ведущую роль** to ‘play the lead role’ as the transformation does not result in increased expressiveness.

Contamination occurs more sporadically in the daily *Kommersant* than other types of structural transformation. In our opinion, this may be conditioned by the high demands on the author of the contamination as well as on the reader who should be aware of the semantic and structural shift of the phraseological unit and analyse it accordingly. Otherwise, the contamination will not serve its purpose.

Another possible way of transformation of phraseological units is phraseological ellipsis. The use of such a method in mass media is not uncommon and numerous examples indicate that phraseological ellipsis is one of the traditional ways of the transformation of phraseological units in the *Kommersant* newspaper. Omission of components, or ellipsis to put it in another way, inseparably belongs to spoken speech and is a means of language economy. It is well known that one of the features of the journalistic style is the effort to approach spoken language. We believe that this could be one of the reasons for the active use of phraseological ellipsis in *Kommersant* as well.

In addition, we have excerpted most of the phraseological units with phraseological ellipsis from newspaper headlines. The use of such phraseological units in this text position is in line with the basic criteria of newspaper headlines, which include brevity and accuracy.

Practical material has indicated that the intentional omission of components of phraseological units can have two causes. In the first case, the component that the author considers unnecessary is omitted. It is either well known to all native speakers of a given language, and therefore the omitted component is easily reconstructed by the reader in his or her mind, or the author omits it because the component is unnecessary to achieve the desired effect, e.g. **Хотели как лучше... /и получилось как всегда/** ‘We tried our best... /you know the rest/’ (08.03.2010).

In the second case, it is possible to omit the components of a phraseological unit intentionally and to change its meaning completely or to create an implicit hint, e.g. **Верующие столкнулись в тесноте** ‘The faithful bumped into each other in a tight place’ (24.11.2015). The omission of the second part – **да не в обиде** ‘but without offence’ implicitly suggests that the clash of believers was not peaceful, which is confirmed by the subtitle: **Дагестанские мусульмане делят мечеть с помощью полиции** ‘Dagestani Muslims divide the mosque with the help of the police’ or **Что русскому немцу хорошо /что русскому здорово, то немцу смерть/** ‘What is good for a Russian German /what is good for a Russian is death for a German/’ (13.02.2017). If the component **не**

is omitted, the antonym of the original phraseological unit occurs: *Выеденного яйца стоит. Иногородние инвесторы скупают прикамские курятники* 'It's worth an eaten up egg. Nonresident investors are buying up the Prikamsky chicken coops' (21.03.2007). We also observe partial dephraseologization with regard to the context.

One of the components of a phraseological unit can also be actualized, in which case the phraseological ellipsis borders on a semantic transformation, for example: *Семь раз отмерь /один раз отрежь/. Обозреватель «Коммерсантъ FM» Дарья Цивина рассказывает о ресторане Seven* 'Measure seven times /cut once/. Observer of the Kommersant FM Daria Tsvina talks about the restaurant Seven' (21.10.2017); *Семь раз отмерь. Обновленный BMW 7-й серии в Санкт-Петербурге* 'Measure seven times. Updated BMW 7th is in St. Petersburg' (07.09.2012); *Не всякий пожарный /случай/. Выставка автомобилей к 100-летию пожарной охраны СССР* 'Not any fire /case/. Exhibition of cars dedicated to the 100th anniversary of the fire protection of the USSR' (06.03.2018).

It is possible to combine several ways of transformation within the phraseological ellipsis. In the following examples the component is substituted in the remaining part: *В чужой МИД /монастырь/ со своим уставом* 'To Ministry of foreign affairs /monastery/ with sb's statutes' (29.09.2009); *Три /семь/ раза отмерь. Kraftwerk приехали в Россию с 3D-шоу* 'Measure three /seven/ times. Kraftwerk has come to Russia with a 3D-show' (14.02.2018).

Some phraseological units are used in an unabridged and abbreviated form by native speakers. The prevailing trend of mass media to bring its language closer to ordinary speech can, among other things, lead to the omission of a predicate and the formation of a substantive phraseological unit: */бросать/ Деньги на ветер* '/throw/ Money in the air' (26.10.2016); */нашла/ Коса на камень* 'Scythe /hit/ the stone' (15.04.2018).

Practical material indicates that the creative potential of phraseological ellipsis is fully applied in the daily *Kommersant* and may not only be a means of linguistic economy, as it may seem at first. Journalists can achieve various functions by means of phraseological ellipsis, which ultimately always leads to increased expressiveness.

The last way that can be included in the structural transformation is phraseological paronomasia. Although I. F. Gajnanova does not work with this type of transformation in her classification, several authors (T. S. Gusejnova 2008; B. V. Krivenko 1993) describe this phenomenon separately. We support this approach as, although phraseological paronomasia can sometimes be perceived as a component substitution, it has its distinctive features and functions.

According to B. V. Krivenko, a phraseological paronomasia “[...] is based on the use of the so-called paronyms – words that are similar in sound but either distantly related or not related in meaning at all. In some cases, this technique is close to a pun“ (1993: 48). K. N. Dubrovina calls this way of transformation “a method of phonetic mimicry“ (2005: 112). It is a challenging way of transformation, as it requires creativity from the author and forces the reader to go beyond the mechanical perception of the text, stimulates his or her attention and surprises him or her with non-traditional forms of phraseological units. One of the possibilities of paronomasia is to change one sound, e.g.: **Не всё в азуре /ажуре/. У чартерной Azur Air нашли недочеты в летной годности самолетов** ‘Not everything is in azure /all right/. The charter Azur Air has found defects in the airworthiness of aircraft’ (03.02.2018); **Сбой /свой/ среди чужих** ‘Failure /at home/ among strangers (05.06.2018)’; **Шестеро /семеро/ одного не жмут /ждут/. Коллеги по G7 начали угрожать Дональду Трампу, пока – только на словах.** ‘Six /seven/ do not press /wait for/ one. G7 colleagues began to threaten Donald Trump, so far – only verbally’ (08.06.2018).

However, the possibilities of phraseological paronomasia are far from exhausted. Authors can exchange more sounds to achieve the desired effect on the reader: **Вверх кармашками /тормашками/** ‘Upside pockets /Upside down/’ (16.06.2018); **Оборотни в вагонах /погонах/** ‘Werewolves in wagon /chase/’ (08.06.2018); **Держи капкан /карман/ шире** ‘Hold the trap /pocket/ wider’ (12.08.2017). In the example **Никеля /ни кола/ ни двора** ‘Neither a nickel /post/ nor a yard’ (22.02.2017), the author went further and, in addition to the sound exchange of two sounds, also changed the graphic form, which only supports the language game.

Phraseological paronomasia can also include minor changes in word formation that may interfere with the root, prefix or suffix: **Оружие массового заражения /поражения/** (16.03.2018); ‘Weapons of mass infection /destruction/’; **Медвежья заслуга /услуга/** ‘Bear’s merit /service/’ (26.02.2018). Such changes weaken the sound similarity.

A productive way of transformation within phraseological paronomasia is paronymic insertion. Sound similarity is achieved by adding one or more sounds: **Аппетит приходит во время езды** ‘Appetite comes while driving /eating/’ (07.06.2008); **Вопрос особой важности** ‘A matter of particular duty cycle /importance/’ (28.02.2018); **От общего к запчастому** ‘From the general to spare parts /the specific/’ (10.05.2017); **«Форсаж»-мажор** ‘Force majeure /afterburner/’ (28.03.2017). Paronymic explication is also used as a means of creating puns for company names in phraseological units, e.g. **«Победа» не**

приходит одна. В России могут создать еще один лоукостер ‘Victory does not come alone. Another low-cost airline may be created in Russia’ (01.06.2017).

The transformations of phraseological units belong to a phenomenon which journalists like to use to attract their recipients in the daily newspaper *Kommersant*. The functions that transformed phraseological units perform in journalistic texts are in accord with the main tendencies that currently prevail in mass media discourse, namely democratization – an effort to get closer to the reader, and intellectualization, i.e. making the text more difficult, making higher demands on the reader. Transformations of phraseological units support the reader’s interaction with the text. The reader becomes an active member in the process of transformations. The original image and form are disturbed after transformation, which makes it difficult for the reader to perceive the text and appeals to his or her intellect because his or her task is to correctly understand and decipher the phraseological unit. Thus, transformed phraseological unit manifests both these tendencies at the same time.

A wide range of transformation options is used in *Kommersant* daily. Of the total number of 52 excerpted transformed phraseological units, 3 were transformed by grammatical transformation, 7 phraseological units were modified by semantic transformation, and 42 phraseological units were transformed structurally. Our analysis has shown structural transformations are a dominant type. They provide the journalist with a wider spectrum of various techniques and methods of transformation than semantic transformations. Structural transformations also seem to be a powerful tool to increase the overall expressiveness of the text though the modification of the form as well as the semantics at the same time, while semantic transformations focus merely on the semantic shifts by means of double actualization and dephraseologisation.

The examples provided an insight into the issue of the transformations of phraseological units in daily newspaper *Kommersant* and offered an overview of the various ways of transformation that are an integral part of journalistic practice in Russian mass media discourse, following ongoing language tendencies.

References

- Алефиренко, Н. Ф.* Теория языка, вводный курс; Учебное пособие для студ. Филол. Спец. Высш. Учеб. Заведений. / Н. Ф. Алефиренко. Москва: Академия, 2010. – 384 с. ISBN 978-5-7695-6141-2.
- Вакуров, В.Н.* Фразеологический каламбур в современной публицистике. / *В. Н. Вакуров* // Русская речь, №6. 1994. – с. 40 – 47.
- Гайнанова, И. Ф.* Трансформации фразеологических единиц в современных газетных текстах как наиболее активные фразеологические процессы в русском языке 2000-х гг. / И. Ф. Гайнанова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения). Материалы Международного научного симпозиума. 2009. – с. 314 – 316.
- Григорянова, Т. – Маркова, Е.* Динамические аспекты лексики современных славянских языков. / Т. Григорянова – Е. Маркова. Брно: Трибун, 2016. – 187 с. ISBN 978-80-263-0566-8.
- Гусейнова, Т. С.* О способе паронимической трансформации фразеологических единиц в публицистическом дискурсе. / Т. С. Гусейнова // Известия ДГПУ, №2 – 2008.
- Дубровина, К. Н.* Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике. / К. Н. Дубровина // Вестник, серия «Лингвистика» № 27. 2005. – с. 100 – 118.
- Колобова, Е. А.* К вопросу о характеристике контаминированных фразеологизмов. / Е. А. Колобова // Вестник Костромского государственного университета. № 4. 2008. – с. 174 – 176.
- Кривенко, Б. В.* Фразеология и газетная речь. / Б. В. Кривенко // Русская речь. №3.1993. – с. 44 – 49.
- Мелерович, А. М. – Мокиенко, В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. / А М. Мелерович – В. М. Мокиенко. Москва: Русские словари. 1997. – 864 с.
- Mlacek, J.* Žurnalistická frazeológia. / J. Mlacek // Frazeologické štúdie IV. Bratislava: Veda, 2005 – s. 222 – 228.

Спишякова А.

Университет им. св. Кирилла и Мефодия Трнава,
Словацкая Республика
andrea.spisiakova@ucm.sk

**Трансформации фразеологизмов в российской
ежедневной газете «Коммерсантъ»**

В статье представлены различные типы грамматических, семантических и структурных трансформаций фразеологизмов. Автор анализирует творческие модификации фразеологизмов с точки зрения их использования, семантики, частоты и функций на материале российской ежедневной деловой газеты «Коммерсантъ» за 2007 – 2019 годы.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформация, типы трансформаций, ежедневная газета, Коммерсантъ

Pregledni rad / Review
UDK 811.161'26:811.163.42
811.161'26:811.163.41

Oksana Timko Đitko

Sveučilište u Zagrebu
okditko@ffzg.hr

Povijest normiranja rusinskog jezika u Vojvodini i Hrvatskoj

Formiranje i razvoj standardnog jezika jedan je od najaktualnijih problema suvremene lingvistike. U ovom ćemo radu analizirati sve činitelje koji su ostavili traga na rusinskom jeziku: migracija, utjecaj susjednih većinskih jezika (mađarski, srpski, hrvatski), odnos većinsko-manjinskog jezika, asimilacija. Političke i povijesne okolnosti omogućile su stvaranje uvjeta za standardizaciju jezika. Cilj je ovoga rada analizirati sve faze u procesu normiranja jezika i provjeriti u kojoj je mjeri rusinski jezik danas standardiziran.

Ključne riječi: dijalekt, standardni jezik, manjinski jezik, rusinski jezik, gramatika

Ovaj rad ima za cilj rasvijetliti temeljne podatke o formiranju i razvoju suvremenog rusinskog standardnog jezika – jednog od najmlađih slavenskih standardnih jezika regionalnog karaktera. Rusinski jezik naveden je kao regionalni jezik u Europskoj povelji o regionalnim ili manjinskim jezicima koju je i Hrvatska ratificirala 1998. godine.

Rusini (Rusnaci, Rusnaki) su nevelika etnička skupina slavenskog porijekla koja je formirana zbog posebnih povijesnih okolnosti. Danas žive u više europskih država, ali i izvan Europe: u Kanadi, Australiji itd. Mi ćemo u ovom radu analizirati proces standardizacije rusinskog jezika u Vojvodini (Bačka, Srijem) i Hrvatskoj (Slavonija). Brojnost rusinskog stanovništva u tim oblastima je oko 30000. Rusini potječu s područja koje se nalazi u današnjoj Slovačkoj, Ukrajini i Mađarskoj. Zato je njihovo preseljenje dugo bilo samo migracija unutar jedne države - Austro-Ugarske. Naravno, sam proces migracije i naseljavanja bio je kontroliran i planiran od strane same države.

Preseljenje Rusina u Bačku, Srijem i Slavoniju (ili, kako je prihvaćeno u rusinskoj literaturi (Laboš, Žiroš), u „donje zemlje“ (Žiroš, 2014: 39)) nije se odvijalo odjednom, nego etapno. Kada su početkom 18. stoljeća napustili svoja naselja (ili Gornju zemlju, odnosno kako Rusini sami kažu „Горнійцѹ“ (Žiroš, 2014: 39)) neko vrijeme su se zadržali u sjeveroistočnom dijelu Mađarske u području gradova Makó, Miskolc, Görömböly i Múcsony. Tek 40-ih godina, kada su dobili garancije vlasti da će im biti dodijeljena zemlja i veće privilegije kao kolonistima, prve skupine Rusina naselile su najprije od 1744. do 1751. godine napušteno naselje Kerestur, a kasnije, od 1765. do 1768. i Kucuru (Laboš, 1979: 104). Nešto kasnije u spomenuta naselja stigle su skupine doseljenika neposredno iz jugozapadnog dijela Zemplina, današnje Slovačke.

Nakon nekoliko desetljeća života u novoj sredini, u posljednjoj trećini 18. pa sve do sredine 19. stoljeća počinje unutarnja migracija Rusina – zbog različitih razloga jedan se dio Rusina preselio u Srijem i Slavoniju.

Do raspada Austro-Ugarske Monarhije nisu postojali uvjeti za jezičnu standardizaciju. Tada se područje s kojeg potječu Rusini (danas ono pripada istočnoj Slovačkoj, zapadnoj Ukrajini, južnoj Poljskoj i sjevernoj Mađarskoj) našlo u drugim državama, tj. u više europskih država.

U znanstvenoj literaturi postoje razne periodizacije razvoja rusinskog jezika, a mi ovdje prihvaćamo podjelu M. Kočišana na tri etape:

1. od trenutka naseljavanja 1744. do početka 20. stoljeća,
2. od 1904. do 1923., kad se pojavljuju prva originalna djela na rusinskom jeziku,

3. od 1923. godine do danas, odnosno od pojave prve rusinske gramatike, koja nam dopušta da govorimo o standardiziranom idiomu.

Ovakva podjela nam se čini najprimjerenijom jer prati standardizaciju jednog regionalnog idioma u svim fazama: od nastanka prvih tekstova, prvih gramatika, rječnika, pravopisa, pa do primjene u školama s rusinskim nastavnim jezikom itd.

Međutim, ipak moramo naglasiti, da je položaj rusinskog jezika u odnosu na druge jezike nacionalnih manjina u Hrvatskoj ponešto drukčiji. Jer, dok su za ostale jezike nacionalnih manjina (slovački, češki, mađarski, talijanski i dr.) bile preuzete jezične norme nastale u zemljama porijekla, rusinski nije imao tu mogućnost. Uslijed specifičnih povijesnih, političkih, zemljopisnih okolnosti, rusinski je mogao biti standardiziran samo na ovim prostorima. Stoga prihvaćamo podjelu perioda od prvih zapisa o naseljavanju rusinskog, grkokatoličkog stanovništva do danas, na sljedeća podrazdoblja (Kočič, 1978: 23):

1. Predstandardni period (od trenutka naseljavanja 1744. do početka 20. stoljeća) odlikuje se time što se kao književni jezik bačkosrijemskih Rusina, i to različito u pojedinim područjima, u različitim kombinacijama pojavljuju novocrkvenoslavenski i umjetno „jazičije“, tj. zapadnoukrajinski standardni jezik 19. i početka 20. stoljeća, dok se narodni jezik upotrebljavao samo u obiteljskom krugu, u prepisci i djelomično u školi. Novocrkvenoslavenski jezik koristio se prije svega kao jezik crkve, ali su se rukopisi vjerskog sadržaja – duhovne pjesme, pripovijetke i dr. – napisani na novocrkvenoslavenskom jeziku širili i izvan crkve, ponajprije među pismenim stanovništvom. Prvi sačuvani pisani dokumenti na književnom rusinskom jeziku nastali su relativno kasno. U početku su pismeni bili samo svećenici koji su kronike pisali na novocrkvenoslavenskom, a mnogi originalni tekstovi na narodnom govoru vjerojatno su izgubljeni.

Sačuvane su rukopisne kronike Ruskog Krstura i Kucure napisane na rusinskom jeziku iz druge polovice 19. i početka 20. stoljeća. U njima su prisutni i elementi novocrkvenoslavenskog jezika, a pisane su građanskom ćirilicom (Duličenko, 2009: 105). Za nas su ti rukopisi zanimljivi, jer su njihovi prepisivači u tekstove unosili brojne dijalektne elemente iz živog govora. Detaljnije proučavanje tih inovacija bacilo bi novo svjetlo na genezu rusinskog jezika.

Zbog nepostojanja usuglašenog pravopisa i dogovora oko toga kojim će se jezikom služiti, Rusini su dugo vremena koristili mješavinu novocrkvenoslavenskog jezika i mjesnog govora, takozvano „jazičije“.

On se kao pisani jezik zadržao među Rusinima na prostoru Vojvodine i Slavonije čak do početka 20. stoljeća. Upravo su na njemu napisana djela prvoga rusinskog pjesnika Petra Kuznjaka (1816. - 1900.).

Krajem 19. stoljeća tiskane su knjige učitelja i kulturnog poslenika među bačkim Rusinima Mihajla Vrabelja i ukrajinskog etnografa Volodimira Gnatyuka na rusinskom narodnom jeziku. To su prvi objavljeni zapisi rusinskog narodnog govora. Knjiga *Ruski solovej* M. Vrabeljatoliko je zainteresirala spomenutog Volodimira Gnatyuka da je u ljeto 1897. doputovao u Bačku, gdje je za dva mjeseca zapisao 430 narodnih pjesama i 220 pripovjedaka. Skupljenu je građu objavio u Lavovu u tri zbornika koji su 1988. godine objavljeni u pretisku u Novom Sadu (Gnatyuk, 1988, 1-5 t.).

V. Gnatyukje na putovanju u Bačku primijetio da „(...) poneki Rusini intelektualci sasvim ozbiljno iskazuju misao da bi trebali pisati na svom dijalektu (...). Istina, zašto se dijalekt ne bi razvijao? Ali tko bi na njemu pisao?“ (Gnatjuk, 1988, I: 45).

Sedam godina nakon Gnatyukova istraživanja objavljena je poezija Rusina Gabrijela Kosteljnika koji je počeo pisati na svom narodnom jeziku. Kao učenik trećeg razreda gimnazije u Zagrebu on je napisao sonetni vijenac – *Idilski venjec Z mojogo valala* (*Идилски венец 3 мойого валала*) i objavio ga o svom trošku 1904. u Žovkvi kraj Lavova u Ukrajini. I sam je Gnatyuk visoko ocijenio knjigu i napisao da će ona dati poticaj za stvaranje „novog samostalnog slavenskog naroda“.

Zbog toga se slažemo sa stajalištem da su te tri objavljene knjige početak i poticaj standardizaciji rusinskog jezika. One su uvelike utjecale na svijest ljudi koji su do tada bili uvjereni da njihov govor ne raspolaže potrebnim izražajnim sredstvima, da nije vrijedan da se na njemu piše poezija, dokumenti i drugi tekstovi i da uopće ima vlastito pismo. S obzirom na to da u to vrijeme nije postojala gramatika rusinskog jezika, svako je od tih triju izdanja (Vrabeljev *Ruski solovej*, Gnatyukova izdanja zapisanih narodnih pripovjedaka i pjesma, Kosteljnikov *Idilski venjec*) imalo drugačiji pravopis.

2. U drugom periodu povijesti rusinskog standardnog jezika (1904. - 1923.) jača svijest o važnosti narodnog jezika i na njemu nastaje mlada književnost. Tome je dosta pridonio interes za rusinsko pitanje koji se pojavio u znanstvenom svijetu, ali i najvažnija djela koja je objavio V. Gnatyuk.

Osnova rusinske književnosti – jedne od najmlađih slavenskih književnosti postavljena je pojavom prve knjige na rusinskom jeziku, pjesničke zbirke G. Kosteljnika *З мойого валала*. Tiskanje tog zbornika dalo je povod pojedinim znanstvenicima da početkom standardnog jezika smatraju upravo 1904. godinu (Duličenko, 2009: 155). Mi se slažemo s autorima koji smatraju da se u tom slučaju činjenica stvaranja standarda neopravdano stavlja u direktnu vezu s pojavom književnosti na jeziku određenog naroda, što vodi, kako smatra V. V. Vinogradov (Vinogradov, 1963: 26), ka omalovažavanju norme kao osnovne karakteristike standardnog jezika.

Svećenik Đura Bindas pokrenuo je 1924. godine u Novom Sadu izdavanje novina *Рускиновини* na rusinskom jeziku. (Barić, 2007: 67) Raspadom Austro-Ugarske Monarhije nakon Prvog svjetskog rata, Bačka, Srijem i Slavonija ušli su u novostvorenu Kraljevinu Jugoslaviju. Tek je tada, dakle 1919. godine, rusinska inteligencija formirala Rusinsko narodno prosvjetno društvo (RNPD), popularno nazvano „Prosvita“. Već je na osnivačkoj skupštini društva bilo govora i o tome na kojem jeziku treba tiskati rusinske knjige. G. Kosteljnik je prvi na rusinski jezik primijenio ukrajinsku varijantu ćirilice, tzv. „želehivku“.

Za osnovicu standarda uzet je govor lokalnog stanovništva Ruskog Krstura, dakle govor jednog sela. Ta činjenica nije nevažna, jer ma koliko malo govornika danas smatra rusinski materinskim jezikom, i među njima postoje razlike kako na fonetskoj, tako i na morfološkoj i leksičkoj razini. Osim toga, i D. Brozović smatra da, bez obzira na visinu kulturnoga ranga, jedan mjesni govor ima sva obilježja sistema kao i standardni jezik (Brozović 1970, 45). Zato je lingvistički točnije tvrditi da je rusinski jezik standardiziran tek početkom 20. stoljeća.

3. Prva gramatika bačko-rusinskog govora G. Kosteljnika (*Граматика бацваньско-рускейбешеду*) iz 1923. godine objavljena je u Sremskim Karlovcima. Ona je obilježila treću etapu u procesu formiranja rusinskog standardnog jezika. U njoj su obuhvaćene osnove gramatičke i leksičke norme, a utvrdila je i više-manje stabilnu pravopisnu normu rusinskog jezika. Od Kosteljnikova soneta do Kosteljnikove gramatike, tj. uspostave standardnog jezika prošlo je još skoro dvadeset godina. Ta je gramatika dugo bila jedina rusinska gramatika na ovim prostorima, a kasnijim je znanstvenicima poslužila kao podloga i obrazac za daljnji rad.

Odmah nakon objavljivanja gramatike G. Kosteljnika, 1924. godine pojavljuju se prvi udžbenici za osnovnu školu, gdje se nastava već odvijala na standardnom rusinskom jeziku.

Kosteljnikova gramatika je dugo vremena bila jedina rusinska gramatika na ovim prostorima. Nekoliko činjenica otkriva razloge njezine dugovječnosti: Kosteljnik je ukrajinsku azbuku prilagodio rusinskom jeziku. Ukrajinska je azbuka, kao i druga slavenska ćirilčna pisma, nastala iz crkvenoslavenske. Iz ukrajinske azbuke Kosteljnik nije preuzeo samo grafem *i*, za koji u rusinskom jeziku ni nema potrebe, jer u njemu postoji petočlani samoglasnički sustav (*a, e, o, i, u*) kao i u hrvatskom, za razliku od ukrajinskog standardnog jezika gdje je on šestočlani (*a, e, o, и, i, y*).

Posuđenice iz srpskog i hrvatskog jezika su bile neminovna posljedica života manjinskog naroda na ovim prostorima. One su već bile prisutne u govoru pa su tako unesene i u rusinski jezik. Kosteljnik je bio svjestan činjenice da mnoge takve riječi više ne može izbjeći. Kako je osim tih posuđenica u govoru postojao i velik broj hungarizama i germanizama, čak i onih koji su postojali još u karpatskom leksiku, dakle prije doseljenja, ali i novih, preuzetih po doseljenju na ove prostore, Kosteljnik u gramatici kaže da ako postoji svoja riječ, ne smije se uzimati tuđa (Kosteljnik, 1923: 7) i navodi cijeli popis riječi koje imaju svoje rusinske inačice. Te kratke crtice iz gramatike dovoljno govore o Kosteljniku kao vrlo suvremenom, pronicljivom i ozbiljnom filologu.

Svakako, Kosteljnikovoj gramatici se može pripisati nedorečenost i zastarjelost ipak, ne smijemo zaboraviti da je riječ o značajnom radu, ponajprije zbog stvaranja lingvističke terminologije, jer prije njega u rusinskom jeziku nije bilo tradicije stvaranja ili korištenja znanstvenih naziva. Za potrebe gramatike Kosteljnik je stvorio više od 380 lingvističkih termina (Duličenko, 2009: 298). Pri tome je velikim dijelom koristio unutarnje resurse rusinskog jezika i izbjegavao upotrebu posuđenica. Uveo je termine kao: *меновнік, придавнік, присловнік, часовнік, складаня, одменкасловох, припадки, наросток* itd. Valja naglasiti da se veliki broj tih termina i danas upotrebljava. Osim toga, vjerujemo da je upravo to okretanje vlastitim tvorbenim sredstvima pri stvaranju terminologije umnogome pomoglo i zaustavljanju nekontroliranog posuđivanja i u drugim leksičko-semantičkim skupinama, te da su mnogi autori postali svjesniji tvorbenih mogućnosti rusinskog jezika.

Stoga od izlaska Kosteljnikove gramatike govorimo o već normiranom, tj. standardnom rusinskom jeziku. Rusinski je standardiziran prema ukrajinskom modelu – prema ukrajinskom pismu, ukrajinskoj gramatičkoj terminologiji. Tijekom vremena stvorio je vlastitu terminologiju i vlastita sredstva tvorbe, što potvrđuje njegovu vitalnost, ali i stabilnost standarda.

U Ruskom Krsturu je 25. veljače 1945. osnovana niža gimnazija u koju su upisana 224 učenika. U lipnju 1945. ponovno su počele izlaziti tjedne novine pod novim naslovom *Ruskeslovo* (Рускеслово). Zatim je 21. listopada 1945. u Ruskom Krsturu osnovana Ruska matka – organizacija kojoj je cilj bio briga o kulturno-prosvjetnom životu rusinske nacionalne manjine. Po završetku rata i u drugim su mjestima ponovno počele raditi ili su tek otvorene nove osnovne škole na rusinskom nastavnom jeziku.

Uvođenjem rusinskog jezika u škole pokrenula se diskusija o pravopisu. U prvim poslijeratnim godinama rusinski se standardni jezik kao i u međuratnom vremenu nastavio razvijati stihijski. Svaki je pisac i dalje pisao svojim jezikom. Poslijeratni su autori iz međuratnog standardnog jezika preuzeli najveći dio istočnoslavenizama, tj. riječi koje su Rusini donijeli prilikom doseljenja, koje su organski njihove. Ipak, u jeziku autora nakon Drugog svjetskog rata nalazimo puno više srbizama, puno dubleta i novih rusizama (to su bile godine oduševljenja Sovjetskim Savezom).

Mikola Kočiš piše o rusinskom jeziku u poslijeratnim godinama:

„U promijenjenim društvenim okolnostima i pod tako naglim pritiskom raznovrsnih potreba taj naš jezik je bio tijesan, nerazvijen i nedovoljan da bi sam sa svojim nevelikim mogućnostima izrazio sve novo što je došlo s promjenom društvenih okolnosti i da bi zadovoljio sve narasle potrebe prosvjete i kulture. Zato što se morao razvijati naglo i zato što su počeli pisati i ljudi koji su ponekad rusinski znali samo na razini domaćeg govora – jer nije bilo stalne kontrole nad pisanom riječju – u naš se jezik slilo puno toga što u njega ne spada. U tom početnom poslijeratnom vremenu najveći val koji je zapljusnuo naš jezik bio je srpskohrvatski...“ (Kočiš, 1978: 15).

Takve okolnosti u rusinskom standardnom jeziku i u procesu njegove standardizacije trajale su do početka 50-ih godina. Godine 1952. počeo je izlaziti časopis za literaturu i kulturu *Švetlosc*, što je imalo veoma važnu ulogu u stabilizaciji jezične norme.

Funkcije rusinskog jezika naglo se šire početkom 60-ih do kraja 80-ih godina 20. stoljeća. Šezdesetih i početkom sedamdesetih godina na normiranju rusinskog jezika radio je Mikola Kočiš. Objavio je priručnike materinskog jezika za svaki razred osnovne škole, a posthumno je izdana njegova gramatika rusinskog jezika za srednju školu. Godine 1971. izišao je njegov *Pravopis rusinskog jezika* (Правопис руского языка), a 1972. i *Priručni srpskohrvatsko-rusinsko-ukrajinski rječnik* (Приручни словник сербскогорватско-руско-українски).

Iako je do danas, uz neke male izmjene, Kočišev pravopis jedini aktualan pravopis rusinskog jezika, rad na gramatici bio je aktivniji. Tako je 2002.

objavljena *Gramatika rusinskog jezika* Julijana Ramača, profesora na Katedri za rusinski jezik u Novom Sadu. Ova je gramatika prva opsežna gramatika suvremenog rusinskog jezika. U njoj se na 615 stranica detaljno i jasno opisuje rusinski jezik na svim razinama, suvremenom terminologijom.

Što se tiče leksikografije, na regionalnim jezicima po pravilu se prvo sastavljaju prijevodni rječnici, a kasnije manji jednojezični i krajnji doseg je tiskanje velikog jednojezičnog rječnika. To često izgleda nedostižno i teško ostvarivo. Znanstvenici kao L. Zgusta, u svom *Priručniku leksikografije* (Zgusta, 1991: 312) takav slijed u sastavljanju rječnika smatraju tipičnim za proces normiranja jezika nacionalnih manjina. Prijevodni rječnici imaju prednost pred jednojezičnim upravo zbog uvođenja i unificiranja terminologije. Preporuča se da polazišni jezik bude jezik sredine zbog razvijene terminologije i bolje semantičke potpunosti. Tim putem se kretala i leksikografija rusinskog jezika: od prvih malih dvojezičnih rječnika, školskih tematskih rječnika (oko 15 različitih školskih rječnika), do velikog dvojezičnog rječnika, u dva toma s 80000 rječničkih natuknica:

1995–1997: *Српско-русински речник I–II*, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд, Универзитет у Новом Саду, Друштво за русински језик и књижевност, Нови Сад.

Idući je korak bio obrnuti dvojezični rječnik u kome je polazišni jezik bio rusinski:

2010: *Руско-сербски словник*, Филозофски факултет Нови Сад, Одсек за русинистику, Завод за културу войводњанских Руснаџох, Нови Сад, 886 цтр.

Rječnik sadrži 38000 rječničkih natuknica i bio je korak prema završnoj fazi u leksikografiji regionalnog jezika – jednojezičnom rječniku. Takav rječnik objavljen je 2017. godine i time je rusinski postao jedan od rijetkih jezika regionalnog tipa kojemu je to uspjelo. Riječ je o rječniku:

Словник руского народногo јазика I, II, ред. Јо. Рамач, Филозофски факултет, Одсјек за русинистику, Завод за културу војвођанских Русина, Друштво за русински језик, књижевност и културу, Руско слово, Нови Сад.

Rječnik je izišao u dva toma i ukupno ima 24000 rječničkih natuknica. Svako značenje riječi ilustrirano je primjerima iz književnosti, novinskih tekstova i sl.

U međuvremenu je objavljen i niz tematskih rječnika (medicinskih naziva, rječnici pojedinih autora i dr.), frazeološki rječnik itd.

Standardizacija rusinskog jezika svakako ima svoja ograničenja. Ona su vezana uz broj govornika (kojih je iz godine u godinu sve manje), uz asimilaciju (svi Rusini danas su dvojezični), uz ograničene potrebe i suženu razinu

komunikacije. Svakako, rusinski nikada neće biti jezik medicine, prirodnih znanosti ili administracije na državnoj razini, ali unutar područja u kojima se danas koristi, pogotovo u kompaktnijim sredinama, on svoje funkcije obavlja na svim razinama. Danas ga u tome prati, više nego ikad, i norma.

Pregled povijesti standardizacije rusinskog jezika navodi na zaključak da je proces standardizacije rusinskog jezika, kao manjinskog jezika, na najvišoj razini, ne samo kvantitativno nego i kvalitetom objavljenih priručnika. Jezična je norma na takvoj razini da mogu pratiti svi sociolingvistički uvjeti kojima je jezik izložen.

Literatura

- Barić, E. (2007) Barić, E. Rusinski jezik u procjepu prošlosti i sadašnjosti, Zagreb, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje
- Gnatjuk, V. (1988) Гнатюк, В. Етнографичниматерияли з Угорскей Руси, I-V. Novi Sad. Ruske slovo.
- Duličenko, A. (2009) Дуличенко, А. Jugoslavo Ruthenica II, Novi Sad, Ruske slovo
- Kočiš, M. (1978) Кочиш, М. Лингвистични роботи. Novi Sad, Ruske slovo.
- Kosteljnik, G. (1923) Костельник, Г. Граматика бачванско-рускейбешеди, Sremski Karlovci, RNPД
- Laboš F. (1979) Лабош, Фю История Русинох Бачкей, Сриму и Славониї 1745.-1918., Вуковар, Союз Русинох и УкраїнцохГорватскей
- Zgusta, L. (1991) Zgusta L. Priručnik leksikografije. Sarajevo: Svjetlost
- Žiroš, M. (2014) Жирош, М. ГорніцаБачванска-сримскихРуснацох, Нови Сад, Руске слово
- Vinogradov, V. (1963) Виноградов, В. В. Различия между закономерностями розития славянских литературных языков в донациональную и национальнуюэпохи, Москва, АН СССР

Timko Đitko, O.

University of Zagreb, Croatia
okditko@ffzg.hr

History of Normation of the Ruthenian Language in Vojvodina and Croatia

The formation and development of a language standard is one of the most pressing problems of modern linguistics. In this paper we will analyse all the conditions that have left their mark on the language: migration, the influence of neighbouring majority languages (Hungarian, Serbian, Croatian), the majority-minority language relationship, assimilation. Political and historical circumstances have made it possible to create conditions for language standardization. The aim of this paper is to analyse all stages in the process of language standardization and to check the extent to which the Ruthenian language is standardized today.

Keywords: dialect, standard, minority language, ruthenian language, grammatic

Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.16'373.7:392.5/.54

Oleh V. Tyshchenko

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava
Trnava, Slovak Republic
E-mail: olkotiszczenko@gmail.com

To the Conceptualization of marriage relations in the Slavic language and cultural space

Representatives of cultural anthropology, ethnography, ethno-linguistics, phraseology, and cognitive linguistics have focused on the linguistic and conceptual representation of marriage and marriage relations. This aspect is presented in detail when studying the Slavs symbolic language of the traditional folk culture. The opposite side of the studied sociocultural category, associated with value-semantic and cultural ideas about NOT-marriage (the sphere of nomination, euphemisms denoting an illegitimate child, his/her birth, symbolism, etc.), requires a more detailed consideration in languages, in particular, as well as on the phraseological material of different Slavic languages; nomination of persons who are out of wedlock, i.e. having the status of unmarried youth, premature pregnancy and punishment for the loss of girlhood, the methods of lexical and phraseological expression of the concubine, the life of spouses without marriage, cohabitation, etc. These linguistic and cultural meanings are considered in their comparative and comparative historical aspects in linguistic, folkloric and ethnographic material. Based on the invariant structure of the marriage ceremony and the specifics of family and marriage relations in a particular linguoculture (in the conceptual relationship between married and unmarried), this article examines the motivational models

and semiotics of celibacy in Slavic languages. The proposed approach is based on the theory of ethnolinguistics, the method of structural-semantic modeling of phrases and paremias, frame semantics, certain provisions of linguo-conceptology, comparative analysis, and the pragmatics of folklore texts. The subject of this research are the means of phraseological verbalization of people who did not marry on time in the Russian, Ukrainian, Polish and Slovak languages. Basically, dialectal, local phraseological units, as well as a complex of ritual and ceremonial ideas and stereotypes are studied.

The main structural and semantic models, in particular, the old-young in their axiological, symbolic and phraseological embodiments in different local traditions and cultural representations (motives of symbolic and ritual punishment of people who did not marry on time, general assessment of society, cultural concepts and semantic oppositions). All these linguistic and cultural facts represent various cultural vocabulary fragments, a kind of real life of a cultural vocabulary (material spiritual), as a non-equivalent vocabulary and phraseology of cultural semantics with a variable nationality. The latter can be traced against the common features of the background of the signs of cultural nomination form and content in closely related and remotely related languages and cultures.

Key words: conceptualization of marriage, marriage, social status of celibacy, bachelors and old maids, punishment for celibacy, phrasemics, structural-semantic model, stereotype, frame

In a folklore and ritual context a word is revealed in its archaic meanings, then becomes a notion (concept), the meaning of which differs from its interpretation in the conventional dictionary and is determined by a direct appeal to the model of the world. Senses significant for the culture and for the man as a subject of culture, as S. Tolstaya claims, can be represented by means of different codes, each having its own special mechanisms of structuring and the conceptualization of a certain sense. Only the whole unity of forms that represent these senses is able to recreate the entity which we can call the element of the mental world of the concept (Толстая 2008: 333).

In a number of works devoted to linguistic and cultural embodiments of concepts that differ in their ontology and epistemology - social, axiological, ideological, spatial, mythological, ritual - (S. Vorkachev, I. Sternin, Y. Stepanov, S. Tolstaya, etc.), there is a fundamental similarity of techniques and methods of analysis - from the logical-semantic, etymological and derivational links of lexemes, their stable phraseological contexts - to cultural and mental-symbolic correlates of nominative units.

This approach, in the opinion of ethnolinguists, naturally presupposes an appeal to the system of spiritual values existing behind linguistic signs, to ethnocultural entities - mental and social images, mythological and ceremonial ideas or practical experience. The ethnolinguistic reconstruction of objects of traditional folk culture is focused on identifying the national-cultural specifics of the verbalization of a certain fragment of the social continuum by means of primary and secondary conceptualization and the possibility of their frame and semiotic modeling in languages structured differently and, accordingly, to the explication of the linguistic, conceptual, “naive”, ritual and other ideas that underlie these concepts.

We should agree with the opinion of those researchers (V. Maslova, M. Pimenova, N. Alefirenko, V. Teliya, L. Zolotykh) who believe that an adequate interpretation of the cultural space of linguistic signs involves the application of an integrated approach to the study of phraseological semantics, employing not only linguistic, but also psychological, ethnographic, anthropological and general cultural data. First of all, in accordance with the discursive-cognitive methodology, it is required for the needs of phraseological semantics to address such notions as concept, discourse, culture, symbol, linguistic image, etc. (Золотых 2008: 5).

In the mainstream of such research, the metaphorical mechanisms of constituting paremias with an ethnocultural component of semantics acquire a new understanding. This is important primarily due to the fact that in traditional paremiology, paying attention to the metaphorical nature of the proverb, the

specificity of the proverbial metaphor is not revealed, which can be revealed with the help of such categories as the “proverb frame model”, “proverbial code”, “paremiological prototype”, and the “cognitme”. The last two concepts, according to N. Alefirenko, - «synergetically combine the linguocreative meanings of the cognitive and linguocultural nature» (Алефиренко 2008 : 45).

Representatives of cultural anthropology, ethnography, ethnolinguistics, phraseology, and cognitive linguistics turned to the linguistic and conceptual representation of marriage and marriage relations. This aspect is presented here in detail when studying the symbolic Slavic language of the traditional folk culture.

In particular, researchers turn to the nomination of the gender, socio-cultural and ritual component of marriage and extramarital affairs and conceptual sphere related to adultery, general marriage and wedding terminology in connection with the nomination of ritual acts, realities and performers, the symbolism of objects, actions and attributes, and wedding eroticism elements (wedding erotic folklore). The verbal complex of the wedding ceremony in connection with specific speech pragmatic acts, exclamations, sentences and formulas shouts aimed at getting young people to kiss, etc.) are also in the field of view of ethnolinguistic representatives. We also considered other cultural frames and layers of marriage, “near-wedding” nominations: reconstruction of a statement about wealth and life, unique “priorities in the case of a love bet, in the distance, dreams of unrepentance, early love, the specifics of the manifestation of the human and female behavior in family life” (Тищенко, Маланюк, Попко 2020: 261).

After all, the purely actional and objective code of many rituals, with the differences of cultural traditions in the territorial, genetic, regional dimension, have common, invariant verbal-semiotic and cognitive-discursive elements in their expression. And sometimes there are common cultural stereotypes and symbols and cognites (norms, prescriptions, prohibitions and recommendations, despite the significant variability of their phraseological or paremic design or modification of key content in a language).

Representatives of ethnolinguistics, ethnology, ethnopedagogy, and cultural anthropology address marriage as a sociocultural and semiotic phenomenon in various aspects. The Russian researcher A. Babicheva proposed a frame modeling of Marriage in Russian and English linguistic cultures, where she considered the processes of semantic dynamics and the transformation of certain ritual complexes, actions, performers, loci (Бабичева 2007: 8). The Slovak ethnologist K. Beňová draws attention to the social status and role of

women in a economic and cultural context by relying on certain occasional states - virginity, marriage, motherhood (Beňová 2010: 162-163).

A notable feature of ritual terms, which has long been noticed by researchers of cultural vocabulary (L. Larina, P. Romanyuk, O. Chaika), is polysemantic character, synonymy and expressiveness: the latter can also form a taxonomy of systemically interconnected units and thematic groups, among which a special place is occupied by the names of the wedding ceremony and its elements, the names of ceremonial dishes and headdresses, the names of objects used for ceremonial purposes, the names of ceremonial acts, the names of dowry and gifts, etc (see: Романюк 1984: 9).

There is a noticeable lack of such ethno-linguistic comparisons in order to identify allomorphic cultural features when comparing related and closely related ritual complexes and motives. This is evidenced in particular by the dissertations of Ukrainian linguists (O. Kharlay, O. Chaika, L. Pulatova, etc.), devoted to marriage and wedding ceremonies. Thus, L. Pulatova considers Ukrainian and German phraseology within such phrase-thematic groups as «premarital relations of youth», «youth appearance», «inner world of the future spouse», «choice of a married couple» (Пулатова 2008: 72).

A systematic and complex comparative analysis of the ritual phraseology of two or more languages was carried out by such Russian researchers as G. Abramov, D. Antonyakov, A. Mazaev, while lexical and phraseological nominations that denote different types of marriage and extramarital relations in Czech, English and Ukrainian were considered by O. Harlay (Харлай 2011). We should also mention the studies of family kinship stereotypes related to the subject of marriage, as well as the means of expressing the cognitive situation of the matrimonial state.

In this paper we will focus on one of the key conceptual spheres of folk culture: *Marriage*, which we propose to represent not as key nuclear figurative-metaphorical actional components of the wedding, its subject and other codes, but as, so-called, peripheral “near-wedding, circummarital” ones; in the terminology of A.V. Gura, a figurative component that conceptualizes and represents the linguistic and cultural image of people outside marriage (bachelors and old maids), girls who have lost their chastity, virginity, the idea of infertility, etc. Thus, the folklore motif of dragging the shoe as a symbolic punishment for unmarried youth, as well as the associated figurative-associative parallels in other languages (Polish, Czech), are described in detail by T.A. Agapkina (Агапкина 2002: 209-244).

In the proposed article, we will also address some linguistic and cultural facts that go back to non-Slavic ideas and symbolic stereotypes, reflected in

popular beliefs, prohibitions and the punishments of unmarried people. The subject of our research are also the other cognitive profiles of marriage, for example, the order of marriage, or the characterization of marriage in terms of a number of other value attributes and oppositions in the symbolic language of traditional folk culture.

The material for this study was taken from the dictionaries of proverbs and sayings, dialect-phraseological dictionaries, ethnographic works, and dictionaries of symbols and beliefs.

The subject of this research are the means of phraseological verbalization of persons who did not marry on time in Russian, Ukrainian, Polish and Slovak languages. Basically, dialectal, local phraseological units, as well as a complex of ritual and ceremonial ideas and stereotypes are studied.

Separate dialect phrasemes related to this semantic field directly include motivation by ancient pagan rituals associated with the symbolism of fire, for example, the Ukrainian Через вогонь не стрибав - *Cherez vohon ne strybav* - Lit. not having jumped over the fire 'to remain single' (ФССГД: 66). As for celibacy, in the popular mind there were certain prohibitions related to bachelors, for example, Rus. Холостого сватом не посылают - *bachelors were not allowed to be sent as a matchmaker* (БСПП: 964). A negative assessment of bachelors is also presented in the following proverb, recorded in his time by V. Dahl: Холостой – полчеловека - *Holostoj – polcheloveka* - lit. *Bachelor – is half a person* or other pejorative connotations: Холостой, что бешеный - *Holostoj, chto beshenyj* - lit. *Bachelor is like a mad man* (БСПП: 964).

Although, the ambivalent image of a bachelor in the Russian proverbs is worth mentioning: Кто холост, долго ходит, тот здоровее бывает - *Kto holost, dolgo hodit, tot zdorovee byvaet* - lit. *Those men who are single for a long time, are healthier* (БСПП: 964).

Most proverbs represent the single/married opposition: Rus. Холостой охает, женатый ахает, Холост долго мыслит, а женатый того боле - *Holostoj ohaet, zhenatyj ahaet* - lit. *The single groans, the married gasps, Holost dolgo myslit, a zhenatyj toho bole* - lit. *The single thinks for a long time, and the married one much more longer* (Pskov), Холостому хоть утопиться, а женатому хоть удавиться - *Holostomu hot' utopit'sya, a zhenatomu hot' udavit'sya* - lit. *The single man's fate is to drown himself, and the married man's one to strangle himself* (БСПП: 964). In a Belarusian song of reproach, a bachelor is compared to a tailless dog (СМ: 322).

In this regard, let us compare the prohibition to put on a man's headdress: a girl, pulling on a man's headdress, will lose her braids (Kherson), become a victim of the evil eye (Kanevshchina), remain an old maid (Polesie) or give birth

to an illegitimate child (Slovak). The bride, on whom the groom's hat was put on, may remain sterile (Rovno) (СДЭС I: 508). A negative assessment of such concepts can be compared to the behavior of animals, birds, for example, in the Russian dialect variation: Как со́рока на березке - *Kak soroka na berezke* - *Like a magpie on a birch tree* 'about a woman who has not got married' (ФСРГС: 186).

In dialect phraseology, the axiology of figurative units of this semantic circle is presented quite vividly: Ukr. нехороша дівка (дєвка) - *nekhoroSha divka (dievka)* - lit. *a bad girl (girl)* is 'unchaste bride' (ФССГД: 107). Let us compare some well-known motives of cutting off a braid as an image of singlehood and loss of maiden purity (ЗУЕ: 309).

These customs are known to many peoples, as T. Bernshtam notes, they can be linked with the prohibition for those girls who sinned before marriage (or suspected of this) to wear a braid. This prohibition is especially widespread in some Belarusian regions: the marriage of these girls seemed to take place, but in an abnormal way, as a result of which they did not have the right either to a girl's braid, or to a woman's married hairstyle and appropriate headdress, and had to cover their loose hair with a scarf (Бернштам 1988: 82).

The phraseological conceptualization of these meanings is represented in Russian phrases with the idea of an uncovered head: Rus. непокрытая/непетая головушка - *nepokrytaya/nepetaya golovushka* - lit. *uncovered / unsung head* 'a girl living with a man without a wedding' (РДФ: 96).

Singlehood and life in a natural marriage are symbolically marked with the idea of an uncovered hair or the lack of required rituals (*nie-petaya*, so not being sung, as required by special ritual ceremonies): непетый комель - *nepetyj komel*, where *komel – 'root', 'stem of a tree', 'unsung hair', *stara diva/spinster* 'about a girl who is in a relationship with a man, lives without marriage' (РДФ: 96), засиделая девка, перелетовая невеста - *zasidelaya devka, pereletovaya nevesta* - lit. *a sitting girl, a flying bride* 'a girl who has exceeded the age when they usually marry' (РДФ: 97).

In the Slobozhanshchyna region, in addition, an innovative expression with a derogatory stylistic meaning was recorded: Ukr. стара вишалка - *stara vishalka* - lit. *an old hanger* 'unmarried girl' (ФССГД: 65). I. Franko in «Galician-Russian proverbs» gives an example of the following curse: Бодаєс дівонько завила - *Bodaies divonko zavyla* - lit. *let you, the girl, be covered* in the meaning 'to become a whore' (ФрГРП I: 799). The motive of the loss of a maiden's braid is also represented in Ukrainian song folklore, in particular in curses, which will be discussed below.

In the language of traditional folk culture, general semantic and motivational models for the nomination of cultural signs have been traced (S.Tolstaya, E.Berezovich). For example, the local and vegetative signs of the nomination are objectified when designating illegitimate children, unmarried persons, and the characters of lower mythology, as well as some collective regional nicknames. This is the internal form that dialect units acquire, for example, in Perm dialects, Rus. старый подовинник - *staryj podovinnik* - lit. *an old man under the shed* 'a man who has not married for a long time, an old bachelor' (ФСПГ: 280). In special dictionaries, this dialect phraseological unit is presented mainly in its relation to the meaning подовинник - *podovinnik* 'a long dry log used to heat a barn when drying sheaves before threshing them' (Siberian) (РДФ: 100). Let us also compare the word combination Rus. старый обабок - *staryj obabok* 'a man who does not marry for a long time' (Смотри, Витя, дороешься в девках, останешься старым обабком - *Smotri, Vitya, doroesh'sya v devkah, ostanesh'sya starym obabkom* - Look out, Vitya, if you play with girls, you will remain an old *obabok*) (ФСПГ: 242) or Rus. непересаженная капуста- *neperesazhennaya kapusta* - lit. *non-transplanted cabbage* 'about a girl who does not get married for a long time' (Долго взамуж не берут, дак зовут непересаженной капустой - *Dolgo zamuzh ne berut, dak zovut neperesazhennoj kapustoj* - A girl without any prospects of marriage is called a untransplanted cabbage) (ФСПГ: 161).

Each language and culture present its conceptualization of celibacy in a unique way, of spinsters and the general idea of idleness. For example, in French linguistic culture there are terminological word combinations which are transformed, generalized and reinterpreted notions derived from chemistry and physics, for example, Électron célibataire (*Qui n'est pas apparié* - unpaired [dans un atome _atom] (Histoire généralement 1964, 3: 434), *Physique nucléaire* (Histoire généralement 1964, 3: 359). Other recent images of singlehood and celibacy among the French are also worth attention: *Solitaire ou privé d'affection* - Lonely, or devoid of feelings. *L'aubaine d'une randonnée célibataire* - the godsend of a lonely hike (Bazin 1948: 136). The images of a spinster, which in their synonymic variants are usually negatively marked (offensive, humiliating connotations), are combined with notions of temporal semantics: *jeune fille* 'a young girl', *demoiselle* 'miss'; *fille* 'maiden (*vieux* obsolete)', *vieille demoiselle* 'an old maiden', *vieille fille* 'a spinster'. The semantics of the eponym *catherinette* are also worth mentioning (that ironically refers to those who are older than 25), obviously derived from the Saint Catherine holiday celebrated on November 25).

Celibacy is a condition that characterizes, first of all, adults who have not necessarily or by virtue of a vow never entered into marriage. Broadly, the concept of celibacy can also apply to young people who have not yet passed the

age of marriage, i.e. potential spinsters and bachelors. Widows and widowers are functionally united with them, and less often-people of premarital age. The reasons for celibacy are mainly associated with the corruption and violation of prohibitions and ritual rules (СДЭС 1: 147).

In the Russian language, conceptualization of imagery means representing the image of singleness which actualize the evaluative opposition **young – old**. The second part of this evaluative opposition is related to the age and temporal characteristics of people who failed to espouse (in this case the concept of old age realizes the meaning “to be no longer in the age of marriage, not to get married in due time”, let us compare the phrase in the Novgorod dialect опустить свой ровень - *opustit' svoi rovien'* - to miss one’s chance “to remain single”, lit. “not to keep in line with peers” (БСРПог: 564).

The status of such people is equated with widowhood which is substantiated by the phraseological unit used with an ironic meaning: Rus. старый парень - *staryi parien'* - an old guy (Karelian, Pskov, Novgorod regional dialects) 'an old bachelor' 'a widower' (БСРПог: 484). The same feature of belonging to the group of the aged marks phraseological units and one-word derivatives that denote 'spinster': пристарелая дева - *pristarielaya dieva* - an old maiden (Archangelsk dialect); в девках сидеть - *v dievakh sidiet'* to remain unmarried; девица в зелени - *dievitsa v zelienu* – lit. a maiden in green; вековуха - *vekovukha*, вековая девка - *vekovaya devka* - an aged maiden (Don region dialect) 'an aged unmarried woman'; остаться вековушею - *ostatsia vekovusheyu* – lit. to remain unmarried forever (БСРПог: 76), домовая дева - *domovaya dieva* – lit. a home maiden (the latter is obviously related to the situation when an unmarried woman - a spinster remains living in her father's / parents' house rather than moving to the house of a husband, since a married usually woman moves to the house of her husband as is testified by corresponding post-wedding rituals). The same meaning is characteristic of its synonyms (Smoliensk region) уседлая девка - *usiedlaya devka* – lit. a settled maiden 'an old maiden who has not married yet', сидеть в девках - *sidiet' v dievakh* – lit. to sit (to linger on) in the maidenhood 'to be unmarried, single longer than it is appropriate' (БСРПог: 177).

The General structural model is used to form synonymous: Ukrainian and Russian expressions: in Galicia: Сиділа дівка і висідила дідька - *Sat a girl - and sat out a damn* (ФрГРНП I: 145), and in the Yaroslavl dialects recorded as Сидела в девках до сонца и высидела созонца (where соzoneц 'a man known for his bad qualities') (БСРП: 239).

Another, yet cognate principle defines the motivation of the expression остаться шерсть прясти - *ostatsia sherst' priasti* – lit. to keep on weaving the wool 'to keep parents' house' (Karelia region) 'to be a spinster' (БСРПог: 749).

It is difficult to explain the motivation of the following expression: *девка от голодного году* - *dievka ot golodnogo godu* - lit. a maiden of the hungry year, registered in Northern and Southern Russian areas (Vologda and Don regions). The following Pskov dialect expression also remains undefined *досталось мыть покойников кому* - *dostaloes myt' pokoynikov komu* – lit. to have (to be left) to wash the dead bodies, meaning the spinster destined to remain alone (БСРПог: 514). Its meaning is obviously connected to the idea of unpleasant, hard work performed by spinsters as opposed to other rituals (for example, unmarried women cannot be invited to be God-mother, they cannot adopt children as foster-mothers or participate in the ritual of baptism or pre-wedding blessings). In relation to what has been stated above, it is worth mentioning I.A. Siedakova's idea connected to the axiological characteristics of old age in folk texts and associated archaic conceptions. According to some of them, it was believed in the Russian culture that only the aged people were eligible to perform certain rituals (only the aged or widows could wash a dead body; only a woman who passed childbearing age could become a midwife) (Седакова 2000: 15).

The synonymic phraseologisms of different Russian dialects defining confirmed bachelors do not require a particular explanation since the feature underlying the nomination is identical. This very feature of old age is present in most dialectal phraseological units in the Russian language. They are related to objective or zoomorphic codes, in some dialects of the Perm' region, for example: Rus. *старый мерин* - *an old gelding*, *старый ратник* - *an old warrior*, *старый холм* *an old hill* the latter being used in the Pskov region as a metonymic expression with ironic, vulgar and humorous connotations (БСРПог: 214, 312, 717).

Immaturity and childishness are also included, referring to the age: Rus. *пожилой (старый) малец* - *an old, elderly baby*. Some nominations of this kind are motivated by profession or a type of activity related to something minute, as is observed in the Oloniet dialect: *кормить собак* - *kormit' sobak* – lit. to feed dogs 'to remain single' (БСРПог: 627). There are infrequent nominations related to proper nouns *Николаевский кавалер* - *Nikolayevskiy kavalier* – *Nikolay's cavalier* (Don dialects) (БСРПог: 270), compared to *девушка Петра Великого* - *dievushka Pietra Piervogo* – a girlfriend of Peter the First.

Some English phrases are motivated by artifacts and the symbolism of objective code – button and its magic function, clothing – a *hat*, etc.: *Bachelor's buttons*, to wear 'to be unmarried'. This sense derives from a superstition assigned to the campion-flower ('*bachelor's button*'), which was believed to have a magical effect on the fortunes of lovers (Hyamson 1922: 28), *Hat covers his family* 'he is alone, unmarried' (Hyamson 1922: 179) or from the

idea of distancing from a domesticated space of the house as something close, possessed: Engl. *Bachelor girl* 'an unmarried girl who lives away from home, either in apartments or at a club' (Hyamson 1922: 28).

In the Slovak linguistic culture there are also pejorative connotations of individual proverbs and sayings related to the 'old maid'. Most of them conceptualize the idea that an old maid carries some kind of symbolic punishment for her negative sex-and-age status. Basically, this punishment echoes the biblical motifs that contain intertextual stories about the punishment that awaits such persons in Hell after death for their sins: according to Slovak representations, such women will sell sand on the White mountain, whitewash the tower, sprinkle ashes and clear ice (*Staré dievky budú na Bielej hore piesok merat'* – lit. *Old maids will measure - count sand on the white mountain*, *Staré dievky budú na druhom svete vežu bielit'* – lit. *Old maids will whitewash the tower in another world*, *Staré dievky budú pred peklom popol osievať a lad škrabat'* – lit. *Old maids will sift ashes and scrape ice before hell*), will sell vinegar *Zostat' na ocot* – lit. *Stay on vinegar* – stay single, old maid, *stay on vinegar*, čeština: *zůstat na ocet*, *Staré dievky ocot predávajú* – lit. *Old maids sell vinegar* (Záturecký: 52), indicative in this aspect is the Czech motif, such a girl will sell brooms before entering Hell *bude prodávat kosinky před peklem* – lit. *Will sell panicles before hell* (Zaoralek: 146).

In this regard, it is appropriate to recall Czech motivations, represented mainly in popular culture and dialects: *prodávat (n. toči) ocet* in the first meaning it is 'the girl who isn't invited to dance at youth parties', and in the second – 'not to marry' (Zaoralek: 227), *zbýt (n. zůstat, zkysat) na ocet* 'do not marry' (lid. a hovor.), *Anča hryže rožeň* – lit. *Anka bites a braid (Moravian)* (Zaoralek: 304).

These and other motifs in the naive model of the world are clearly visible in V. Dahl: Rus. В девках засиделась, так на том свете козлов паси - *the unmarried girl is to feed the goats* (БСПП: 239), and in the proverb Старая девка в божатки годится - *An old maid as bogadka is good* we can see an ironic allusion to the age of godparents (the godparents, *bogatka* – godmother), usually, single people were not allowed to be godparents (БСПП: 239). Obviously, these units represent a variety of role nominations and synonymous motifs, obviously related to the original prototypes, performing some unnecessary, useless work that does not bring any benefit. These motifs echo well-known Slavonic images of punishment for celibacy in the other world and during a lifetime, well described in ethnolinguistic dictionaries and the works of A. Gura. Let us consider some plots related to youth recreation, amusements and beliefs: in Poland, young single people (usually girls) were called 'selling a bow' – she was sitting in the corner and did not participate in the dance (СДЭС I: 148); the girl who died

unmarried will reap three fields of thorns and three fields of nettles (Vyatka); bachelors and old virgins are goats (Vitebsk); spinsters and bachelors will not go to heaven, and they will join women who terminated pregnancy for the big 'cleanup', linked with iron chains, and God will crown them with iron hoops (Western Ukraine); unmarried people will not be in 'the light', and the boy or girl who died unmarried will be transformed into birds that will constantly be separated from each other (СДЭС I: 148).

Germans had many beliefs that after their death due to infertility, these girls would be in particularly unfavorable places, and their souls would be taken away by certain mythical beings. In Bavaria, old girls sat in the swamps near the town of Amberg, stretching their suffering hands over the water with a groan, begging: "Man! Husband! ... "It is believed that where the old girl lives, the devil lives nearby. It was a particularly humiliating tradition to give old brides something that emphasized their celibacy. These were usually straw figures or the stuffed animals of brides (men) who placed them under the threshold, or painted men on the porch or on the door (in particular, it was a common tradition at Trinity). In Carinthia (Austria) they were given last year's moss. It was believed that after death, old girls had to do useless work as punishment for their celibacy: measure moss with nails, carve rocks, sift snow (Thuringia), blow dandelions, sell brooms from feathers, polish bridges, sew leggings for frogs, sweep gaiters, (Carinthia - Austria), and erase old maps.

Old boys were generally much less ridiculed than old girls, but they were also punished after death: to disperse the clouds, drag sand to the mountain with perforated boxes, slap cows or old girls on the ass, chew the dark excrement of geese to white wax, etc. As usual, old girls were not invited to the New Year or Christmas festivities, as well as to the christening of girls, so as not to cause misfortune. Old girls have always been the subject of jokes. There were a great number of derogatory names: *alte Schachtel* translated as 'old drawer' *Alteisen* 'old iron', *alte Wiese* 'old stubble' (which is mown only once a year), *Tschabab* 'something completely unnecessary', etc. (Aberglaubens I: 334).

In the Polish language picture of the world, these motifs are associated with the image of the basket, which is actually objectified in the phraseology, synonymous and structural versions of many Proverbs and sayings such as Pol. *Zostawił go na koszu* – lit. *It was left on the basket*, *Zostawili mnie na koszu* – lit. *I was left on the basket*, *Nasze zamysły na koszu osiędą* – lit. *Our plans remained (settled) on the basket* and under. As noted by S. Linde, "Kobiety, gdy przebierają, najczęściej na koszu osiędą" – lit. *Girls who go through a lot of guys, most often stay on the basket, sit*) denote 'lose some business', 'be left', 'remain, stay unmarried, single', and etymologically these expressions are associated with the

medieval punishment *rzezania się w koszu* – cut out the basket (NKPP II: 149). A. Bruckner relates these expressions to a shameful punishment that existed in Germany long ago. It was applied to criminals for their amoral behaviour (especially fornicatrices). A culprit was hanged in a basket over the water and the only thing he/she could do was to cut the rope that fixed the basket and fall into the mud; this ritual thus was expressed in Pol. *zesać się w koszu* and *zostawać na koszu* 'to be left'; *panna nadto wybierająca na koszu osiędzie* – an exigent girl may end up in a basket; *na wieczną hańbę niech się w koszu rzeże* – for perpetual shame let him/her in the basket to cut the rope, etc. (Bruckner 1970: 260).

It is appropriate in this regard to cite A. Gura's observation of that the image of the owl: it is represented in the wedding grandeur of a widow. Widowhood foretells the cry of an owl among Belarusians, and a lonely life – the appearance of an owl in a dream or its cry. Some folk songs about owl's promise the birth of an illegitimate child from a widow or a girl, for example the Belarusian expletive *сава смаленая* - *Sava smalenaya* addressed to a girl who gave birth before marriage (Коваль 1999: 439).

Individual units in the Slovak language actualize the idea of the uselessness of some old things at home, the realities of life, weaving tools, tools for spinning - *Stará dievka ako krosná v dome zavadzia* – lit. *The old maid as a loom in the house interferes* (Záturecký: 52) etc. Similar semantic motivation can be found in Czech, German, and other languages. In Russian dialects, the motif of bachelorhood is also associated with everyday life, the performance of women's work, and traditional occupations: *to stay spinning wool* (Karelian) 'not to get married, to remain an old maid' (БСРПог: 749). Clearly, religious motifs can be traced in this saying, which contrasts female and male bachelorhood (celibacy): Slov. *Stará dievka – svieca pred bohom, a starý mládenec len pučlik* – lit. *An old maid is a candle before God, and a bachelor is only a baby* (*pučlik* is smart. *zdrobnělá zkomolenina ze slova puč*, Buk, buček = dítě, které has buclaté, kulaté tlusté tváře (Режим доступа: <https://www.ontola.com/cs/ondi/rzvgve/vyznam-slova-puclik>). Quite often, the repeatedly mentioned motif of the fence appears in the context of nominating people who did not get married on time: Slov. *Sama ako kôl v plote* – lit. *One as a stake in the fence*, *Žiadnu dievku miesto kola do plotu nezapletú* – lit. *Not a single girl will be plashed into the fence*, *Stará dievka, keď sa nemá s kým vadiť, aj s tým plotom sa ešte vadiť* –lit. *An old maid who has no one to swear at, swears even with a fence* (Záturecký: 52). Some Slovak proverbs and stable comparisons (an old girl is compared to a criminal, a villain) are related to similar units in Russian and Polish: *Dievka ako je zlodej v dome* (Záturecký: 52) – lit. *The girl as a criminal / villain in the*

house, Russ. Старая девка – семейная язва - *Old maid – family ulcer* (БРСП: 239). As we have noted, the image of an untransplanted cabbage is represented in Russian dialect phraseology in relation to a bachelor, in the Czech language the structural-semantic model with the core verb to stay on is also recorded, *zůstát na huseník = starý mládenec zůstane na huseník* – lit. *The bachelor will remain on rock-cress/arabis*, where the figurative concretizer is the Czech plant *huseník* (*Huseník* – lat. *Árabis*) 'a genus of perennial herbaceous plants of the cabbage family' (Zaoralek: 103). See also synonymous Slov. *budeš Cimbálem* – Literally: 'stay single', where, as we can see, the *Cimbál* component functions, which the Czechs consistently associate with the image of a fool, a stupid person. Mythological marking by means of water animal imagery is also represented in the idiom *má Vodníkovi botu = nemůže se proto oženit* (Zaoralek: 45).

Some imagery related to the somatic code are connected to the rituals of swathe, covering and braiding on the eve of a wedding, as well as unbraiding or other wedding rituals. Thus, the inner form of some phraseological units can be explained by ritual actions, wedding songs or their absence when the marriage was improper. In North Russian areas, Yaroslav and Vologda regional dialectal phrases contain synonymic expressions based on motifs such as: непетый волос - *niepietyi volos* - lit. *unsung hair 'the hair of an unwedded woman'* (БСРпор: 98), голова невенчана - *Golova nievienchana* – lit. 'unwreathed head', непокрытая голова - *niepokrytaya golova* – lit. 'uncovered head'. The Karelian dialectal expression остаться трясти косой - *ostatsia triasti kosoy* 'to go on shaking one's plait' with a similar meaning (БСРпор: 318) can be semiotically related to some Ukrainian (Galician) regional phraseological units obviously dating back to folk wedding rituals.

A complete synonymous series of similar designations associated with ritual attributes in the Ukrainian tradition is attested in the "Collection of Galician folk sayings" by I. Franko and other authoritative collections, where, in particular, the desire not to get married and remain single are presented (remaining with an uncovered head): Укр. Бодай-єс діувала до сивої коси! *Boday yes divuvala do syvoyi kosy?* – lit. *her remain single till her plait gets grey* (ФрГРНП I, 2, 577), Бодай-сь тоді мала вінець, як світу буде копець - *Boday-s' todi mala vinets' yak svitu bude kopets'* - lit. *her wear a wreath when the world ends* (ФрГРНП I, 1, 222; Пазяк 1991: 394), Бодай-сі, дівонько, завила - *Boday-si, divon'ko, zavyla* - Let you, girl, wave – a curse: let you become a whore. It is the greatest shame for the woman (Фр.ГРНП I: 799), Сидить дівчина до сивої коси, а заміж не піде, Світить волосом - *Sydyt' divchyna do syvoyi kosy, a zamizh ne pide?* – lit. *The girl remains single till her hair gets grey; Svityt' volosom* - let her hair be visible, uncovered (Пазяк 1991: 394), Стара пані й старе вино за

все добре, тільки не стара дівка - *Stara pani i stare vyno za vse dobre, til'ky ne stara divka* – lit. The aged Madam like the vintage wine are the best of all, but not an old spinster (Пазяк 1991: 394). Some Ukrainian proverbial contexts are motivated by the idea of fasting, fasting as a way of marking celibacy. In most cases the pragmatics of these expressions is obviously negatively marked: О, ще буде паску гнітити - *O shche bude pasku gnityty* lit. She is going to eat Paska (Ukrainian holy bread baked at the time of Easter) unmarried 'she 'is not going to get married this year' (Пазяк 1991: 394), Укр. Заговіла – бодай хата згоріла - *Zagovila, boday hata zgorila* – lit. She entered into the fast – let her house burn; Укр. Прийшла весна, замуж не йшла; прийшла осінь, замуж не йшло сі; прийшли місниці, таки сидит сі 'жартують з дівки, що засиділа ся в дівках, хоч її ровесниці повиходили заміж' (ФрГРНП I: 151).

Considering the ritual connected with the stocks in the system of Slavic traditions and their local forms, T. Agapkina argues that “the rituals of dragging logs are known mainly in the west of the Slavic ethno-linguistic continuum (Poles, Slovaks, Slovenes), and also, to a lesser extent, among Ukrainians and Belarusians ...” (Агапкина 2002: 209). These rituals correspond to the similar ones in a European context, thus, T. Agapkina distinguishes several interrelated motives: productive semantics (log-dragging and ritual plowing); punishment and condemnation addressed to single youth, “marriage symbolism” (stocks as a symbol of a married couple); the theme of delay in social and age development and, at the same time, the development of the motifs of obstacles, hindered, and restrained movement (Агапкина 2002: 239).

The East-Slavonic ‘block’, Slovak. *klát*, Polish. *kloc*, in particular, designates objects that serve to restrain or restrict the movement of domestic animals (Агапкина 2002: 239). The rituals related to drawing a log, called *kloc* are an integral part of the Maslenitsa festivals in a number of ethnodialectal zones in central, southern and southeastern Poland ... (Агапкина 2002: 210). On Ash Wednesday, the men dragged a huge log (*kloc*) to the local tavern, catching bachelors in the streets and tying them to it. After this, the men had to pull the log around the tavern; or the *kloc* was dragged through the village by a costumed procession of «old women», «bears», «Jews» and «dzyads»/ old men. On the way, they grabbed boys and girls, tied this log to their leg with a rope shouting: “*Kiedyś się nie ożenił (albo nie wydała) w niezapusty, To tera dźwigaj kloca ji dopoty go będziesz dźwigać jas not sie mi okup* - Since you failed to get married during ‘*niezapusty*’ (a week preceding the Lent when it is allowed to eat meat), now you should drag the *kloc* until you pay off ... there are some reduced forms of this custom called *przeczepianie, przepinanie klocka* (Агапкина 2002: 211).

The Polish ethnographer J. Bystron was the first to express the idea that a log or a stump that is dragged along the ground or brought into the house during the ceremony should be defined as typical “symbols of fertility” (Агапкина 2002: 229).

Similar customs are known in central, southern and western Slovakia, on the Slovak-Polish-Ukrainian border ... Perhaps one of the most interesting evidence referring to the territory of Western Slovakia (Nitra district) is registered by J. Goluba. Here, on Maslenitsa (Shrovetide Thursday), women dragged a log (klát) on a rope. The log was sometimes wrapped in sheepskin or decorated with ribbons so that it resembled a doll. Having brought it into the house, they tied the log to the owner’s button with a rope and demanded a ransom ... (Агапкина 2002: 214). Among the Eastern Slavs there was the main custom of dragging the stocks which aims to punish and ridicule young people and girls who missed the opportunity to marry at their due time. Less often, it was aimed at those who were unlucky in matchmaking or who had refused to have a wedding for some reason ... Most often a small log, block, stick, etc were tied to the leg of a guy or a girl who did not marry on time. The custom was called dragging, pulling, knit (tie), hanging, clinging, adjusting the stocks (Агапкина 2002: 216).

It is noteworthy that in a number of cases the Eastern Slavs and Eastern Poland used a *stupa* (a stamp mill) instead of the stocks - apparently, such substitution was determined by the physical characteristics of this object (as a heavy and low-mobility one), but also by its symbolic meanings, indicating, in particular, sluggishness (Агапкина 2002: 239).

In the language of traditional folk culture, the situation of the order of marriage turns out to be negatively semiotically and figuratively significant, in particular, when the younger sister gets married earlier, and the older one remains unmarried. This cultural slot within the subframe ‘unmarried relatives’, marrying out of order requires special consideration. Let’s dwell on it in more detail. «Phraseological units of folk language, as I. Podyukov claims, - consistently denote the deviations from the wedding ceremony that took place. So, at one time, a rule was developed for the sequence of marriage of sisters and brothers (its violation may even result in expulsion from the family); it was much more difficult to ‘find a pair’ for those who bypassed it. The marriage order was regulated in a certain way by expressions such as the following one from Kostroma, палица легла - *the club laid down* “about the impossibility of the younger sister to marry because of the eldest girl’s protracted girlhood,” making fun of the matchmaker at the wedding, who was rolled around the village in a trough and other rituals” (Подюков 1991: 45).

This cultural frame consists of phraseological units with spatial and objective meanings, correlated with the elements of living spaces and households, everyday life, a house in the Russian tradition: *выходить за огороду* – lit. *to go out of the garden* 'to marry before the elder sister' (Архангельск) (БСРПог: 460), *шагнуть через сноп* - lit. *step through the sheaf* (Mordovian) (БСРПог: 626). In the outskirts of Perm, the following expression was recorded: *Сзади хомут не надевают* - *They don't put on a collar at the back*, 'which was said about the girl who is married before the older unmarried sister' (БСРП: 965). At the same time, some units with the same semantics are associated with zoomorphic symbolism, metaphorically represented by the image of a tail: Rus. *оставить на охвостье* – lit. *to leave on the rump* (БСРПог: 472).

Ukrainian dialect phraseology also fixes the image of *the trough* as an impure and negative locus in the composition of some marriage and wedding names of the prescriptive-axiological type: *загнать під корито, покласти під корито, посадити під корито* - *to put under the trough someone* 'to marry the older sister earlier' (ФССГД: 169-170). Similar motives are found in the Siberian dialects of Russia, in which the expression *посадить под корыто* - *to put under the trough* has the meaning 'marry before the elder brother or sister' as it is presented in (ФСРГС: 148).

Researchers mention these contexts in connection with wedding customs ('When a younger brother or sister marries, the elders should sit under the trough'). English phraseology also objectifies the cultural meanings under consideration, but at the same time we are talking about an unmarried older brother: *Dance in a hog-trough wearing a silk stocking* – lit. *to dance in a pig's trough in a silk stocking*; *Be left a bachelor on a brother's wedding* – lit. *About the older unmarried brother at the junior's wedding* (TETM: 898).

Similar motivational patterns are found in Welsh and Scottish local traditions. So, in work by J. Fraser we read: It is a popular saying in Shropshire and Suffolk that an elder unmarried brother or sister should dance at his or her younger brother's or sister's wedding in a hog's trough. In 1881 a man in the Bridgenorth neighbourhood was heard to observe gravely, with reference to the marriage of the second son of the local squire, that Mr. M- (the elder brother, still unmarried) would have to dance in a pigtrough on the wedding-day. In Yorkshire there is a saying that an unmarried elder brother or sister must dance "in the half-peck" at the marriage of his or her younger brother or sister. We have seen, too, that among the mining folk of Fife an elder unmarried brother has to wear green garters, apparently as a badge of infamy, at the marriage of his younger sister.

In Shropshire and Suffolk, it is a popular saying that an older single brother or sister should dance at the wedding of his younger brother or *sister*

in a pigsty. In 1881, in the Bridgenort neighborhood, a man told what he had actually seen, in connection with the wedding of the second son of a local landowner, that Mr. M. (the elder brother, unmarried at the time) had to dance in the pigsty on his wedding day. In Yorkshire, there is a saying that an unmarried older brother or sister should dance 'in a trough' at a younger brother or sister's wedding. Also, the older unmarried brother has to wear green garters, apparently as a shameful sign, at the wedding of the younger sister (Frazer 1919: 289-290). Such symbolism is apparently very ancient, as it is recorded in many dictionaries of dialects. For example, *To wear green garters* 'to remain unmarried' (Wright 1905: 412).

Conclusions

The complex figurative nominations for bachelors and old maids in the languages and cultures compared here, is distinguished by pejorative stylistic connotations, a variety of nomination motifs in different regions, correlated mainly with object and plant metaphors (old objects, material and temporal codes, the cognition of something unnecessary, unnecessary things in the house, everyday ideas, tools of crafts and occupations, mainly associated with weaving, spinning, sewing (among Russians and Slovaks), headdresses, an ornithological codes, verbs with the meaning of immobility, something heavy, a lack of movement in the verb object, names of historical figures, realities, anthroponyms and people. Attention has been drawn to both traditional proverbs and sayings, and innovative metaphors-euphemisms in some non-Slavic traditions.

Typologically, the general motive is the invariant image of 'doing some humiliating, unnecessary, hard work that does not bring any benefit' (Slovak, Russian, German cultural contexts and symbols), speech acts of wishes not to get married for girls (the ritual symbolism of a maiden braid, the symbolism of the bare-covered head and hairstyle, etc. among Russians and Ukrainians, plant attributes, in which, in particular, the negative assessment of unmarried people in Slovaks is encoded.) The linguistic conceptualization of the cultural frame associated with the order of getting married (cf. internal form and motivation with phrases, as well as the symbolic function of animals, household items, agricultural activities (troughs, sheaves, etc.), color motivation of clothes and shoes (English-speaking idioms), symbolism of borders and obstacles (club, hedge, etc.) in the Russian naive world picture), denoting a situation when a younger sister marries earlier than an older one in the Russian, Ukrainian and English linguistic and cultural space.

References

- Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл/Т.А.Агапкина.- М.: Индрик, 2002. - 816 с.
- Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И.* Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. М.: ООО «Ити технологии», 2004.- 238 с. (РДФ)
- Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф.Алефиренко. – М: Элпис, 2008. – 272 с.
- Бабичева А.С.* Фрейм «свадьба» в английской и русской лингвокультурах: дисс.... канд. наук / Волгоград: ВГПУ, 2007.- 190 с.
- Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры /Т.А.Бернштам. – Л.: Наука, 1988.- 274 с.
- Гура А.В. /А.В.Гура* Брак // Славянские древности: этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. Том.1. А-Г. Москва: Международные отношения, 1995.- С.244-250 (СДЭС)
- Жайворонок В. /В.Жайворонок.* Знаки української етнокультури. Словник-довідник. – К.: Довіра, 2006.- 703 с. (ЗУЕ)
- Золотых Л.* Фразеологическая семантика: когнитивно-дискурсивный подход: Монография /Л.Золотых. Lap Lambert Academic publishing.- 256 с.
- Коваль В.И.* Фразеология народной духовной культуры в деривационно-семантическом аспекте: дис д-ра филол.наук / Гомель: Гомельский государственный университет им.Ф.Скорины, 1999. - 212 с.
- Мокиенко В., Никитина Т., Николаева Е.* Большой словарь русских поговорок.- М.: Олма Медиа Групп, 2007.- 784 с. (БСПпог)
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: Олма Медиа Групп, 2010.- 1024 с. (БСРП)
- Пазяк М.М.* Прислів'я та приказки. Взаємини між людьми. – К.: Наукова думка, 1991.-440 с. (Пазяк 1991)
- Подюков И.А.* Народная фразеология в зеркале народной культуры. Учебное пособие /И.А.Подюков.- Пермь: ПГПИ, 1990.- 124 с.
- Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров.- Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2002.- 432 с. (ФСПГ)
- Пулатова Л.Й.* Типологія весільних обрядових фразем в українській та німецькій мовах: дис. ... канд. філол. Наук / Київ: КНПУ ім. М.П.Драгоманова, 2008. – 201 с.

- Романюк П. Ф.* Лексика некалендарных обрядов Правобережного Полесья (на материале свадебного обряда): дисс. канд. филол. наук / Киев: Киев. гос. пед. институт, 1984. – 294 с.
- Седакова И.А.* Метаморфозы социокультурных ценностей. Вводные замечания // Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел, 2000. С.7-9.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Толстая С.М. (от. ред.).- М.: Международные отношения, 2002.- 512 с. (СМ)
- Тищенко О., Маланюк М., Попко І.* Обрядова термінологія шлюбу: перекладні еквіваленти паремій, семантична динаміка та ціннісні концепти // *Studia Linguistica*.- Київ: КНУ, 2020. С.261-277.
- Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С.М.Толстая. - М: Индрик, 2008.- 528 с.
- Ужченко В., Ужченко Д.* Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу.- Луганськ: Альма-матер, 2004. – 336 с. (ФССГД)
- Федоров А. И.* Фразеологический словарь русских говоров Сибири / А. И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с. (ФСРГС)
- Франко І.* Галицько-руські народні приповідки. Т.1-3. Львів: Львівський державний університет, 2006. (ФрГРНП)
- Харлай О.В.* Ономазіологічна характеристика мікросистеми 'ШЛЮБ' у лінгвокультурологічному висвітленні (на матеріалі англійської, польської, чеської та української мов): дис. канд. філол. Наук / Одеса: Південноукр. нац. пед. ун-т ім. К. Д. Ушинського, 2011. – 288 с.
- Bazin N.* *Vipère au poing*, 1948. 136 p. (Herve Bazen_ A Viper in a Fist 1948 p. 136.
- Beňová K.* *Žena v tradičnej kultúre Slovenska: menštruácia, panenstvo, materstvo (so zameraním na nečistotu a tabu)* /K. Beňová // *Antropowebzin*.- 2010. - №3. p.161-168.
- Bruckner A.* *Słownik etymologiczny języka polskiego*. - Warszawa: Wiedza Powszechna, 1970. -805 s.
- Frazer James George* *Folklore in the Old Testament*. Studies in comparative religion legend and law. Vol II. London: Macmillan and Co Limited, 1919.- 426 p.
- Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens*. Bächtold-Stäubli, H., Hoffmann-Krayer, E. & Daxeimüller, C. Band 1. Aal – Butzemann. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1987. (Aberglaubens)
- Histoire généralement des sc.*, t. 3, vol. 2, 1964.
- Hyamson Albert M.* Dictionary of English Phrases. 1922. Amazon.com. Free.- 365 p. (Hyamson)
- Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Т.І-ІV. Krzyżanowski, J. & Swirko, S. (ed.). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969-1978. (NKPP)

The English Dialect Dictionary. Vol. VI. T-Z. Wright J. (ed.). London: Oxford, New York, 1905.- 187 p. (Wright)

Wilkinson P. R. A thesaurus of traditional English metaphors / P. R. Wilkinson. London; New York: Routledge, 1993. – 887 p. (TETM)

Zaorálek Jaroslav. Lidová rčení. Praha: Academia, 2000.- 737 s. (Zaorálek)

Záturecký A. Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky. Bratislava: Tatran, 2018.- 717 s. (Záturecký)

Тищенко О.

Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве,
Трнава, Словацкая Республика
olkotiszczenko@gmail.com

Фразеологические номинации и паремии, обозначающие концепт брака в славянских языках

Объектом настоящего исследования являются способы фразеологической вербализации лиц, вовремя не вступивших в брак в русском, украинском, польском и словацком языках. В основном исследованы диалектные, локальные фразеологизмы, а также комплекс ритуально-обрядовых представлений и стереотипов, связанных с безбрачием. Предложенный подход опирается на теорию этнолингвистики, методику структурно-семантического моделирования фразем и паремий, фреймовой семантики, отдельные положения лингвоконцептологии и сопоставительного анализа, прагматики фольклорного текста. Комплекс образных номинаций холостяков и старых дев в сопоставляемых языках и культурах отличается пейоративной стилистической коннотацией, разнообразием мотивов номинации в разных регионах, соотносенных главным образом с предметными и растительными метафорами (локативный признак старых предметов, вещный и временной коды, когнитивы чего-то ненужного, лишних вещей в доме, бытовые предметы и представления, например, борона, хомут, ступа). Релевантными в этой связи оказываются и мотивы традиционных орудий, ремесел и занятий, главным образом связанных с ткачеством, прядением, шитьем (у русских и словаков), головными уборами, орнитологическим кодом, глаголами со значением неподвижности, чего-то тяжелого, неповоротливого, отсутствием движения, представленных в составе глагольно-объектных фразем и некоторых реалий-культурем.

Обращают на себя внимание как традиционные пословицы и поговорки, так и инновационные метафоры-эвфемизмы в некоторых неславянских традициях (германской, романской).

Освещены связанные с данным кругом фразеологических знаков (идиом, устойчивых сравнений, фразем, паремий) основные структурно-семантические модели, в частности, и старый-молодой в их аксиологическом,

символическом и символическом воплощении в разных локальных традициях и культурных представлениях (мотивы символического и ритуального наказания лиц, вовремя не вступивших в брак, общая оценка социума, культурные концепты и семантические оппозиции).

Ключевые слова: концептуализация брака, замужество, социальный статус безбрачия, холостяки и старые девы, наказание за безбрачие, фраземика, фрейм

Оригинальная научная статья/Original scientific paper/Izvorni znanstveni rad
UDK 004.774.6BLOG:<811.161.1'373:811.111

Алюнина Юлия Матвеевна

Российский университет дружбы народов, Россия
Université Lumière Lyon 2, Франция
aliunina-yum@rudn.ru
yulia.alyunina@univ-lyon2.fr

Англицизмы и их дериваты в русских и французских блогах о моды в аспекте семантической и прагматической адаптации¹

Внимание обращено на проблему семантической и прагматической адаптации английских заимствований и их дериватов в русском и французском языках в сфере моды на материале блогов. На основании преобладающего компонента значения иноязычные слова были классифицированы: названия новых референтов, внешних признаков, функций и слова-эквиваленты. Опрос носителей двух языков показал, что вне зависимости от принадлежности англицизмов и их дериватов к семантической группе респонденты предпочитают не заменять их на русские и французские эквиваленты.

¹ Статья является частью диссертационного исследования, работа над которым ведётся на базе Российского университета дружбы народов и лаборатории Centre de recherche en linguistique appliquée (CeRLA) Университета Люмьер Лион 2 (Lumière Lyon 2, Франция). Работа, выполненная в CeRLA, стала возможна благодаря Стипендии Президента Российской Федерации для обучения за рубежом в 2018-2019 гг. Автор статьи выражает благодарность Министерству науки и высшего образования за поддержку исследовательского проекта, а также сотрудникам CeRLA, оказавшим содействие в исследовании.

Ключевые слова: англицизмы в русском языке, англицизмы во французском языке, англицизмы моды, блог, семантика, прагматика

Введение

Изучение проблемы английских заимствования уже является одним из традиционных направлений лингвистических исследований, которое ведёт своё начало со сравнительно-исторических работ XIX в. (Fischer 2008: 2). В русскоязычной научной литературе заимствованием называется «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесённый из одного языка в другой» (Ярцева 2000: 158). Соответственно, англицизмом является «слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» (Ожегов).

Наиболее распространёнными аспектами изучения англицизмов являются ассимиляция заимствований в принимающем языке (фонетическая, графическая, грамматическая, семантическая адаптация), прагматика их использования (употребление в речи), морфологическая адаптация англицизмов (образование дериватов и псевдоанглицизмов).

Интенсификация процессов заимствования, обусловленная распространением Интернета, сделала англицизмы и их производные объектом внимания не только исследователей-лингвистов, но и носителей языка. Многим английские заимствования видятся уже не столько естественным механизмом развития и обогащения языка, сколько причиной его деградации (Scherling 2013: 38), «болезни, разрушения и упадка» языка-реципиента («sickness, destruction, and demise» (Onysko 2009: 34-35)). Популярным стало мнение о необходимости и возможности заменять заимствования существующими в принимающем языке лексическими единицами: «иностранный слово можно, нужно и вовсе не трудно заменять русским» (Галь 2017: 68).

Безусловно, в истории освоения англицизмов любым языком можно встретить и противоположное мнение. Так, согласно К. И. Чуковскому, «нельзя говорить, будто иноязычные слова всегда, во всех случаях плохи или всегда, во всех случаях хороши. Вопрос о них невозможно решать изолированно, в отрыве от истории, от обстоятельств места и времени, <...>» (Чуковский 2020: 41).

Поскольку язык существует в обществе и отвечает коммуникативным потребностям человека, для понимания необходимости и целесообразности заимствования иностранных слов необходимо проведение исследования с участием носителей языка. Вместе с тем ошутимое распространение англицизмов и их производных в разных сферах коммуникации определяет

актуальность изучения новой лексики на тематически ограниченном материале.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть англицизмы и их дериваты с учётом вышеназванных аспектов: отношение носителей языка к новой лексике и принадлежность иноязычных лексических единиц к определённой коммуникативной сфере. Целью статьи является описание зависимостей между семантическим и прагматическим аспектами адаптации новейших англицизмов и их дериватов в сфере моды в русском и французском языках на материале блогов о моде.

Под прагматическим аспектом адаптации в статье понимается отношение носителей языков-реципиентов к англицизмам и их дериватам (Кронгауз 2005: 19).

Семантическая адаптация рассматривается в статье как лексико-синтаксическая сочетаемость иноязычных слов (по Л. А. Новикову (Новиков 1982: 87)), определяющая значение лексических единиц в контексте.

В задачи исследования входит:

- проанализировать современные русскоязычные и франкоязычные блоги для выявления английских заимствований и их дериватов;
- выделить англицизмы и их дериваты, являющиеся наименованиями объектов моды для определения их количества в общем объёме лексики от английских этимонов;
- выделить семантические группы англицизмов и их производных на основании их лексико-синтаксической сочетаемости;
- установить отношение носителей двух языков к англицизмам моды и их дериватам методом опроса;
- определить зависимость между отношением респондентов к словам от английских этимонов и их принадлежностью к семантической группе.

Выбор сферы моды обусловлен её принадлежностью к обиходно-бытовой, повседневной лексике, а не профессиональной терминологии (Дьяков 2012: 15). Несмотря на то, что мода как индустрия представляет собой отдельную профессиональную среду, продуктом этой индустрии являются потребительские товары – предметы гардероба, которыми пользуются все носители языка.

Выбор языковой пары определён интересом сравнить две лингвокультурные традиции, противопоставленные на основании отношения к заимствованиям в сфере языка и культуры. В русском языке сфера моды представлена преимущественно заимствованной лексикой (Ягафарова 2017: 118), что связано с заимствованием референтов. Во французском языке, напротив, традиционно своя лексика: в силу языковой политики многие иноязычные слова заменяются французскими словами, для чего в 30-е гг. во Франции были созданы терминологические комиссии, а в 2008-м г. – терминологическая база данных *France Terme* (24).

Выбор источников языкового материала мотивирован устно-письменной природой блогговых текстов. В текстах блогов используются «средства двух основных функционально-стилевых сфер литературного языка – разговорной и письменной» (Гермашева 2010: 152). Это объясняется открытостью блога к изменениям, происходящим в социокультурной среде, и абсолютной свободой блогеров в оформлении своих текстов, включая использование лексических средств.

Согласно гипотезе исследования, ожидается, что русскоязычные респонденты будут более терпимы к использованию англицизмов и их дериватов в русском языке, чем франкоязычные респонденты. В блогах на русском языке ожидается большее количество слов от английских этимонов и их вхождений, чем в блогах на французском языке. Гипотеза выдвигается на основании того, что в русском языке сфера моды представлена преимущественно заимствованной лексикой, а во французском языке в силу языковой политики многие иноязычные заимствования, и в особенности англицизмы, заменяются французскими неологизмами.

Методология выборки источников и сбора языкового материала

Сбору языкового материала предшествовала трёхступенчатая выборка источников.

На I ступени был произведён выбор блогговых платформ. Источником русскоязычного материала послужили тексты блогов на сайте *LiveJournal*. Выбор источника обусловлен популярностью этой платформы в России.

Во франкоязычном сегменте Интернета не было обнаружено аналогичной *LiveJournal* платформы, поэтому поиск блогов производился среди рейтингов блогов о моде на французских сайтах. Из множества списков французских блогов о моде выбор был остановлен на рейтинге

2019г., предложенного аналитической компанией *Idole l'Agence* (30), которая специализируется на составлении обзоров на рынке.

На II ступени выборка блогов производилась на основании критериев *тематики* (о моде), *информационной мультимодальности* (представленности текстовой, визуальной, мультимедийной информации), *категории читателей* (ориентированности на широкий круг читателей), *активности блога* (отсутствии длительных перерывов в публикации).

На этой ступени выборки в список источников вошли 6 блогов на русском языке и 6 блогов на французском языке: *Стильные заметки*, блог о стиле и моде (11), *7 одёжек* (17), *Lena View* (24), *Anything for a quiet life* (19), *Дневник очаровательной киберледи* (5), *Блог визуальных осколков* (1); *N/OHOLITA* (32), *Beauté Active* (20), *You Make Fashion* (37), *SANANAS. Beauty&Fashion* (34), *Coline et Pourquoi Pas* (22), *Alex's Closet* (18).

III ступень выборки состояла в поиске блоговых статей о современной моде и исключении из выборки статей, не соответствующих тематическому критерию.

В результате трёхступенчатой выборки источников совокупный объём блоговых текстов для анализа составил:

- 173 434 слова (280 блоговых текстов) на русском языке;
- 161 198 слов (648 блоговых текстов) на французском языке.

После трёхступенчатой выборки производился **сбор языкового материала** – английских заимствований и их дериватов в блоговых текстах о моде.

В результате анализа русскоязычных источников было обнаружено:

- 304 англицизма и их производных (не только англицизмы моды)
 - с числом вхождений 4 951 словоупотребление в блоговых текстах,
 - с долей 2,85% от всех слов в блогах на русском языке.

Во франкоязычных источниках был найден:

- 251 англицизм и дериват всех тематических групп
 - с числом вхождений 4 804 словоупотребления в блоговых текстах,
 - с долей 2,98% от всех слов в блогах на французском языке.

Для дальнейшего анализа были отобраны слова от английских этимонов (англицизмы и их дериваты), являющиеся наименованиями объектов моды: названия предметов формирования образа и их комбинации (одежда, обувь, аксессуары, косметические принадлежности); названия стилей, фасонов, цветов и расцветок; наименования материалов; названия брендов и производителей; названия торговых точек для продажи предметов гардероба; наименования действий с объектами моды, их качеств, действующих лиц в моде и т.п.

Среди слов от английских этимонов в русскоязычных блогговых текстах наименованиями объектов моды является 183 лексические единицы (3 999 вхождений в блоги). Во франкоязычных блогах количество заимствований и их производных в сфере моды составляет **80 слов (3 000 вхождений в блоги)**. На диаграммах ниже (рис. 1 и 2) приведено процентное соотношение наименований объектов моды и других слов английского происхождения в блогах на русском и французском языках.

Рис. 1. Количество англицизмов и англицизмов. моды в русскоязычных блогговых текстах

Рис. 2. Количество англицизмов и англицизмов. моды во франкоязычных блогговых текстах

Согласно диаграммам (рис. 1 и 2), количество англицизмов в сфере моды и их дериватов составляет 2,3% лексики в блогговых статьях на русском языке (183 слова – 3 999 вхождений). Доля англицизмов и их производных в сфере моды составляет 80% от количества всех слов от английских этимонов в блогах на русском языке (от 304 слов). Во французском языке количество заимствований и их дериватов в сфере моды составляет 1,8% лексики от всех слов во французских блогах (80 слов – 3 000 вхождений). Доля англицизмов и их производных в сфере моды составляет 62% от числа

всех лексических единиц английского происхождения во французских блогах (от 251 слова).

Следующий этап анализа англицизмов и их дериватов производился на материале заимствований моды и их производных.

Семантическая классификация англицизмов в блогах о моде на русском и французском языках

При формировании семантической классификации англицизмов мы опирались, прежде всего, на лексико-синтаксическую сочетаемость заимствований и их производных. Согласно Л. А. Новикову, «семантический потенциал каждой лексической единицы реализуется <...> в определённой лексической и синтаксической сочетаемости с другими единицами» (Новиков 1982: 87). При анализе лексико-синтаксической сочетаемости внимание обращалось не на собственно семантическую общность лексических значений, на основании которых можно группировать лексические единицы, а на компоненты значений иноязычных слов, на основании которых они отличаются от существующих в языках реципиентах словах.

Для формирования семантической классификации англицизмов были изучены контексты их использования и наиболее частотные коллокации. Коллокации проверялись по корпусам интернет-текстов на русском и французском языках в генераторе корпусов *Sketch Engine* (36), по Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) (9) и по корпусу французского языка *Frantext* (25). Значения английских этимонов уточнялись по онлайн-словарю *Cambridge Dictionary* (21).

На основании наиболее частотных коллокаций англицизмы моды и их дериваты были распределены по четырём семантическим группам.

- Новый референт (НР) – англицизм или его дериват используется для названия новых референтов.
- Новая функция (НФ) – англицизм или его дериват используется для выделения функций, на основании которых противопоставляются референты, называемые иноязычным словом, и референты, называемые существующим в языке-реципиенте словом.
- Новый внешний признак (НВП) – англицизм или его дериват используется для выделения внешних признаков, на основании которых противопоставляются референты, называемые иноязычным словом, и референты, называемые существующим в языке-реципиенте словом.

- Замена эквивалента (Э) – англицизм или его дериват используется как абсолютный синоним существующему в языке-реципиенте слову. Семантические отличия могут быть только идеографическими.

Важно отметить, что при распределении слов по названным группам полисемия лексических единиц не учитывалась. Внимание обращалось только на лексические значения англицизмов и их производных в сфере моды.

Распределение англицизмов моды и их дериватов по выделенным семантическим группам в русском и во французском языках представлено в виде диаграмм (рис. 3 и 4).

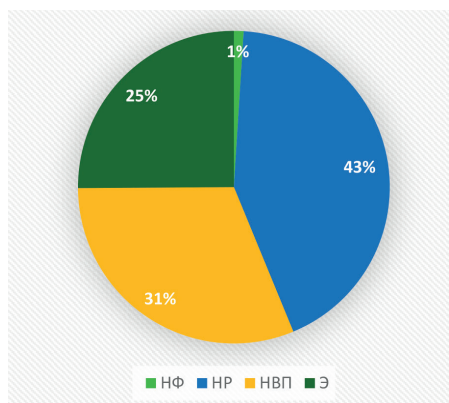

Рис. 3. Распределение англицизмов и их дериватов в русских блогах по семантическим группам.

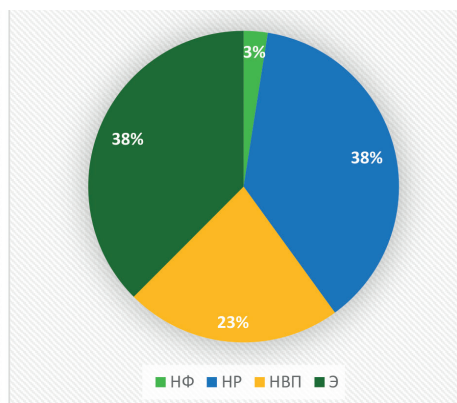

Рис. 4. Распределение англицизмов и их дериватов во французских блогах по семантическим группам.

Процентное распределение англицизмов и их производных приведено на изображениях выше (рис. 3 и 4). Аббревиатуры НФ, НР, НВП и Э соответствуют выделенным семантическим группам: новая функция, новый референт, новый внешний признак и эквивалент соответственно. Из диаграмм следует, что самыми малочисленными семантическими группами в обоих языках являются группы, которые включают слова, обозначающие новые функциональные характеристики (1% и 2,5%). Наиболее многочисленными в обоих языках являются группы, которые включают лексические единицы для обозначения новых референтов (42,6% и 37,5%).

Проанализируем несколько примеров из каждой семантической группы.

Первая по количеству заимствований семантическая группа в русском языке включает лексические единицы, которые обозначают новые референты (42,6% – 78 слов): *деним, пренпи, стринги, пирсинг, тижамa, смокинг, кейп, боди* и др.

Во французском языке самыми многочисленными группами с одинаковым количеством лексических единиц являются две:

- НР (37,5% – 30 слов): *smocking, oversize, body, dressing, legging* и др.
- Э (37,5% – 30 слов): *fashion* (фр. *mode*), *make up* (фр. *maquillage*), *half-bun* (фр. *demi-chignon*), *sold-out* (фр. *vendu*); глаголы *mixer* (фр. *mélanger*), *matcher* (фр. *associer*) и др.

На примере англицизмов *деним* рассмотрим семантические особенности этого слова, на основании которых оно было определено группу НР.

Словом *denim* – *деним* называется материал, из которого шьют джинсы. Несмотря на то, что *denim* заимствовано из английского языка и по источнику считается англицизмом во французском и в русском языках (5; Дьяков), само слово *denim* происходит от *de Nîmes*, что в переводе с французского означает из Нима – название города на юге Франции, в котором была изобретена и долгое время производилась эта ткань («*mot anglais américain, du nom de la ville de Nîmes*» (30)). В русском языке англицизм *деним* используется в качестве синонима словосочетанию *джинсовая ткань* или слову *джинса*. При этом в текстильной терминологии *джинса*, или *джинсовая ткань*, употребляется как гипероним, а *деним* является её разновидностью и используется для пошива преимущественно мужской одежды (4).

Вторая по количеству слов семантическая группа в русском и во французском языках включает заимствования и их производные, которые обозначают новые внешние признаки. В русском языке таких слов 57 (31%): *кеды, конверсы, левайсы, мартенсы, дерби, скинни, кроссбоди* и др.

Во французском – 18 (22,5%): *converse, derbies, mocassins, tote bag, skinny* и др.

Рассмотрим пример с англицизмами *skinny* и *скинни* в русском и французском языках.

Слово *скинни*, изначально называвшее фасон джинсов, в современном русском языке обозначает любые облегающие брюки. Название в английском языке произошло от *skin* – *кожа* «из-за очень обтягивающего силуэта, плотно облегающего фигуру» (14), то есть прилегающего к коже.

В русском языке джинсы скинни *иногда называют* джинсы в обтяжку (394 коллокации в *Sketch Engine*), то есть плотно прилегающие. Отдельно определение в обтяжку, *согласно Sketch Engine, встречается в сочетаниях с 43 наименованиями предметов одежды*: футболка – 891 раз; брюки – 291; штаны – 220; платье – 155; майка – 72; костюм – 54; юбка – **46 и др.** Англицизм скинни зафиксирован в коллокациях лишь с 2 наименованиями предметов одежды: *джинсы* – 107 и *брюки* – 19. Как и в корпусе, в изученных блогах этот англицизм также используется в сочетаниях только с последними двумя названиями предметов одежды:

- *Везде лежат карикатурные **джинсы «скинни»**, которые больше похожи на колготки, и мешковатые «бойфренды», <...>. (5)*
- *Ботильоны повыше для сочетаний с брюками и джинсами, а также жокейские сапоги для сочетаний с **брюками скинни**. (11)*

Кроме того, прилагательное скинни может субстантивироваться и использоваться как существительное. В качестве существительного скинни обозначает только джинсы:

- ***Скинни** очень любимы высокими стройными девушками, т.к. такой фасон очень подчёркивает красоту ног и бёдер. (28)*

Таким образом, на сегодняшний день в русском языке за англицизмом скинни закреплено значение *обтягивающие брюки* или *джинсы*, тогда как в *обтяжку* может быть любая плотно прилегающая к телу одежда. В качестве субстантивированного прилагательного *скинни* обозначает *облегающие джинсы*.

Во французском языке *skinny* используется так же, как в русском, – обозначает фасон обтягивающих джинсов. Для характеристики плотно облегающей, обтягивающей одежды во французском языке существует прилагательное *moulant*, близкое по значению русскому *в обтяжку*.

Согласно *Sketch Engine*, во французском языке *skinny* встречается в коллокациях только с двумя наименованиями предметов гардероба: *jeans* – 270 раз и *pantalons* – 66 раз. Прилагательное *moulant* используется в коллокациях с 54 наименованиями предметов одежды и обуви: *robe* – платье – 1 211; *combinaison* – комбинезон – 317; *pantalon* – брюки – 262; *jeans* – джинсы – 259; *short* – шорты – 170; *jupe* – юбка – 165; *collant* – колготки – 62; *cuissearde* – болотные сапоги – 15 и др.

Как и в русском языке, во французском англицизм *skinny* может использоваться в качестве прилагательного и существительного.

- *Vous connaissez tous le 501, la jean culte de Levi's. Ici je porte le petit nouveau, le 501 Skinny.* (37)
- *Duffle coat, chemise blanche, **pantalon skinny** en cuir, sac en cuir et bottines à lacets (coup de coeur absolu) Marks and Spencer.* (37)

Таким образом, в русском и во французском языках заимствования *скинни* и *skinny* служат разграничению референтов на основании их внешних отличий.

Третья группа в русском языке включает заимствования, являющиеся эквивалентами существующим в русском языке словам (46 англицизмов – 25%): *леггинсы (лосины), нюд (цвет кожи), фэшин (мода), битловка (водолазка), киттенхилы (каблук рюмочка), мейк (макияж), пэтчворк (лоскутное шитьё)* и др.

Для французского языка группа эквивалентов является, напротив, наиболее многочисленной наравне с группой НР, в которых по 37,5% заимствований и их дериватов.

Рассмотрим заимствование-эквивалент на примере слов *nude* и *нюд/нюдовый*.

Заимствование *нюд*, произошедшее от англ. *nude*, имеет два основных значения в *Cambridge Dictionary*: 1) «not wearing any clothes»; 2) «being the colour of skin» (21). Во втором значении слово используется в сфере моды в русском и во французском языках, называя цвет и заменяя эквиваленты *бежевый, под кожу* и *peau, beige* соответственно. В русском языке заимствование стало производящей основой для прилагательного *нюдовый*.

- *В большинстве ситуаций этот вопрос отлично закрывают всем известные мастхэвные **нюдовые** лодочки.* (17)

Согласно *Sketch Engine*, в обоих языках существуют ряды синонимов, которыми можно заменить англицизм и дериват (*beige, ivoire, peau; бежевый, персиково-молочный, нежно-розовый, розоватый* и др.), тем не менее, *nude* – *нюд/нюдовый* находит своё место в принимающих языках.

Четвёртая группа слов от английских этимонов является наименее многочисленной в обоих рассматриваемых языка. В русском языке к группе НФ относится 2 заимствования – 1%: *лукбук* и *аутфит*. Во французском – 3 заимствования – 2,5%: *lookbook, tregging* и *showroom*.

Проанализируем пример слова из этой группы в русском и французском языках – *lookbook* – *лукбук*.

В английском языке *lookbook* обозначает серию фотографий, представляющих коллекции одежды модных дизайнеров (32), что объединяет *лукбук* с модным журналом. Согласно Энциклопедии моды, в русском языке слово *лукбук* используется как синоним *портфолио* (14) в значении *портфолио фотомодели*. Основным отличием *портфолио* от *лукбука* является маркетинговый характер последнего. *Лукбук* создаётся для представления коллекции модной одежды для её продажи, а *портфолио* используется для презентации фотомодели. От журнала мод *лукбук* отличается отсутствием большого количества текста. Как правило, в нём присутствуют только названия фотографий.

Среди коллокаций в русскоязычном корпусе *Sketch Engine* зафиксировано:

- 5 адъективных конструкций, в которых *лукбук* *выступает в качестве определяемого компонента*: ноябрьский *лукбук* – 7 раз; сентябрьский – 5; осенне-зимний – 4; апрельский – 3; креативный – 2;
- 3 атрибутивные конструкции: *лукбук* коллекции – 134; *лукбук* бренда – 11; *лукбук* осень-зима – 2;
- 3 актантные глагольные конструкции: представить *лукбук* – 45; обнародовать *лукбук* – 6; отснять *лукбук* – 3.

В адъективных и актантных конструкциях *лукбук* может быть заменён на *выпуск (журнала)*, кроме атрибутивных конструкций со словами *коллекция* и *бренд*. Сочетания *выпуск коллекции* и *выпуск бренда* имеют значение *выпустить одежду в продажу*, а не сделать её рекламу. Заимствование *лукбук* объединяет в себе два этих значения, представляя одежду в виде изображений без текстового описания.

- *Рисунок вообще довольно редкий, но <...> я даже смогла найти что-то похожее в осеннем **лукбуке** Zara. (17)*
- *Фото из летнего **лукбука** белорусского бренда Heartiness взяла отсюда. (17)*

Так, в русском языке англицизм *лукбук* называет журнал, функцией которого является привлечь внимание покупателей за счёт яркого образа, а не текста.

Во французском языке использование англицизма *lookbook* идентично употреблению заимствования *лукбук* в русском языке. Во франкоязычном

корпусе *Sketch Engine* встречаются следующие типы коллокаций с этим словом:

- 6 атрибутивных конструкций: *lookbook printemps* – весенний лукбук – 11 вхождений; *lookbook printemps-été* – лукбук весна-лето – 6; *lookbook automne* – осенний лукбук – 5; *lookbook lingerie* – лукбук нижнего белья – 5 и др.;
- 2 адъективные конструкции: *lookbook autumnal* – осенний лукбук – 3; *lookbook estival* – летний лукбук – 3;
- 1 актантная глагольная конструкция: *dévoiler un lookbook* – презентовать лукбук – 25.

Как видим, в русском и во французском языках коллокации из *Sketch Engine* очень похожи, в особенности адъективные конструкции. Среди коллокаций отсутствуют сочетания со словами, подобными русским *бренд* и *коллекция*, но в изученных блогах они встречаются:

- *En effet j'ai posé pour le lookbook GORE-TEX F/W 2014/15 ! (37)*

Таким образом, на основании результатов проведённого анализа можно заключить, что в русском и во французском языках заимствования *лукбук* и *lookbook* обладают одинаковыми семантическими характеристиками и поэтому принадлежат к одной группе.

Далее рассмотрим отношение носителей русского и французского языков к современным англицизмам в сфере моды и их производным.

Отношение носителей русского и французского языков к англицизмам в сфере моды и их дериватам

Чтобы определить отношение носителей русского и французского языков к англицизмам моды и их дериватам был проведён опрос, в котором приняло участие более 600 человек. Количество полученных реакций по всем анализируемым словам в русском языке составляет 11 478, во французском – 2 939. Под реакцией понимается выбор варианта ответа в анкете с закрытыми ответами.

В опрос были включены не все англицизмы и их дериваты, являющиеся наименованиями объектов моды, а только новейшие: с корпусным вхождением до 10 и/или отсутствием лексикографической фиксации.

Вхождение англицизмов в русский язык проверялось по основному подкорпусу НКРЯ, а наличие лексикографической фиксации было проверено по онлайн *Словарю англицизмов русского языка* А. И. Дьякова

(Дьяков). В результате проверки среди слов от английских этимонов в итоговую выборку вошло 67 лексических единиц, которые использовались при составлении анкеты.

Наличие корпусных вхождений слов из франкоязычных блогов проверялось по корпусу *Frantext* (25), а лексикографическая фиксация – по словарям *Larousse* (26) и *Le Dictionnaire* (27). В опрос включались слова с частотностью вхождения менее 10 и с отсутствием фиксации в одном из словарей, либо не зафиксированные ими вообще. В результате в опрос вошло 36 англицизмов и их дериватов во французском языке.

Анкеты были созданы в Google Forms и распространялись дистанционно. Для русскоязычных респондентов было составлено две анкеты, а для франкоязычных одна, поскольку количество лексических единиц из текстов на русском языке почти вдвое больше, чем из текстов на французском.

Целью анкетирования было установить отношение респондентов к словам от английских этимонов. В опросе стимульные слова предъявлялись в мини-контекстах до двух предложений, которые были взяты из изученных блогов. Респондентам было предложено выбрать один из трёх вариантов ответа. Пример вопроса с вариантами ответов на русском языке приведён ниже.

*Принт становится стилистически нейтральным – базовым. Это значит, что его можно будет **ЗАСТАЙЛИТЬ** в любом русле, любом гардеробе и в любое время.*

- Не знаю это слово.
- Не знаю русский эквивалент, но англицизм не нравится.
- Не нужно заменять на русский эквивалент.

Для носителей французского языка вопросы были сформулированы аналогичным образом, но на французском языке.

Стимульное слово было выделено заглавными буквами, поскольку в Google Forms нет другой возможности выделить лексическую единицу, на которую необходимо обратить внимание респондента.

Основными средствами распространения анкет были социальные сети ВКонтакте и Facebook. Варианты русскоязычных анкет были разосланы студентам и аспирантам Филологического факультета РУДН, Филологического факультета и Факультета иностранных языков Томского государственного университета. Анкета на французском языке была отправлена студентам и сотрудникам университета Lumière Lyon 2.

В опросе приняло участие более 600 человек²: 1 и 2 варианты анкеты на русском языке – 232 и 242 респондента соответственно; анкета на французском языке – 146 респондентов. Общее количество полученных реакций составило 14 417. Ниже приведено процентное соотношение реакций респондентов (рис. 5 и 6).

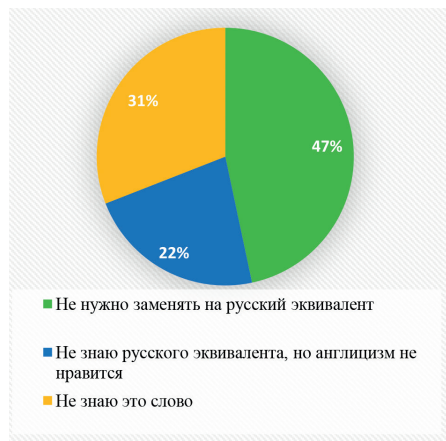

Рис. 5. Реакции русскоязычных респондентов на англицизмы и их дериваты в сфере моды.

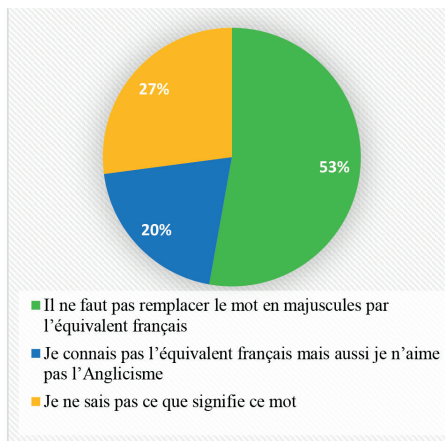

Рис. 6. Реакции франкоязычных респондентов на англицизмы и их дериваты в сфере моды.

Согласно диаграммам (рис. 5 и 6), отношение русскоязычных и франкоязычных респондентов к англицизмам моды и их дериватам практически одинаково: разница в выборе ответов отличается лишь на несколько процентов. Столь незначительная разница не является статистически значимой.

Полученные реакции были соотнесены с семантическими группами англицизмов и их дериватов, чтобы определить, как соотносятся ответы респондентов с семантическими характеристиками анализируемых слов. Результаты соотношения приведены в таблице ниже (табл. 1).

² Точное количество участников опроса назвать невозможно. Это связано с тем, что для русскоязычных респондентов было создано два варианта анкеты, и один и тот же человек мог принять участие в двух опросах.

Таблица 1. Соотношение реакций респондентов с семантическими группами англицизмов и их дериватов в сфере моды

Язык	Группа	Не нужно заменять на эквивалент	Не знаю эквивалента, но англицизм не нравится	Не знаю это слово	Сумма
Французский	НР	65%	17%	18%	100%
Французский	Э	56%	24%	20%	100%
Французский	НВП	52%	17%	31%	100%
Французский	НФ	39%	23%	38%	100%
Русский	НР	68%	21%	11%	100%
Русский	НФ	49%	34%	17%	100%
Русский	Э	49%	28%	23%	100%
Русский	НВП	45%	16%	39%	100%

Сопоставительный анализ реакций респондентов и семантических групп слов от английских этимонов показал, что вне зависимости от семантической группы большинство русскоязычных и франкоязычных респондентов считает, что англицизмы и их дериваты *Не нужно заменять на эквиваленты* в русском и во французском языках (табл. 1).

Если англицизм или его дериват обозначает новый референт, он в большинстве случаев принимается носителями обоих языков (*Не нужно заменять на эквивалент*).

Наличие эквивалентных слов в принимающих языках не является основанием для абсолютного неприятия англицизмов. Напротив, реакции респондентов говорят о том, что наличие эквивалента иноязычному слову способствует его пониманию и принятию: во французском языке 65% ответов *Не нужно заменять на эквивалент*, а в русском – 49%. Это можно объяснить тем, что известная респондентам замена не является полным эквивалентом, поэтому употребление иноязычного слова видится уместным.

Заклyчение

Семантическая классификация английских заимствований показала, что в большинстве случаев англицизмы заимствуются русским и французским языками для обозначения новых объектов для дифференциации референтов по внешнему признаку. Реже всего в сфере моды заимствуются слова для дифференциации называемых объектов по функциональному компоненту значения.

Результаты опроса носителей русского и французского языков в отношении иноязычных слов опровергли гипотезу, которая была выдвинута в начале исследования. Согласно гипотезе, ожидалось, что носители французского языка проявят меньшую терпимость к англицизмам и их дериватам, чем носители русского языка. Однако опрос позволил установить, что в целом респонденты имеют одинаковое мнение по поводу использования англицизмов в сфере моды и их дериватов в обоих языках.

Литература

- Блог визуальных осколков. Иллюстрированный журнал Алексея Наседкина. [Электронный ресурс] // LiveJournal – URL: <https://nasedkin.livejournal.com/> (дата обращения: 15.11.2019).
- Галь, Н. Куда же идёт язык? / Н. Галь // Слово живое и мёртвое. – М.: АСТ, 2017. – С. 65-79.
- Гермашева, Т. М. Исследование лингвистических и паралингвистических характеристик блог-дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. – С. 150-155.
- Джинса. [Электронный ресурс] // Интернет-магазин тканей GalaTexClub – URL: <https://galatexclub.ru/catalog/dzhinsa/> (дата обращения: 02.04.2020).
- Дневник очаровательной киберледи. [Электронный ресурс] // LiveJournal – URL: <https://kibernetika.livejournal.com/367565.html?media> (дата обращения: 18.11.2019).
- Дьяков, А. И. Особенности функционирования англицизмов тематической группы «обиходно-бытовая лексика» // Язык и культура. 2012. – № 20. – С. 5-21.
- Дьяков, А. И. Словарь англицизмов русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://anglicismdictionary.dishman.ru/> (дата обращения: 07.04.2020).
- Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. М.: Академия, 2005. 352 с.
- Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru/new/> (дата обращения: 08.12.2020).
- Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
- Стильные заметки, блог о стиле и моде. [Электронный ресурс] // LiveJournal – URL: <https://upryamka.livejournal.com/> (дата обращения: 18.11.2019).
- Толковый словарь Ожегова онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 03.02.2020).
- Чуковский, К. И. Иноплеменные слова. [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/LANG/LANG_3.HTM (дата обращения: 02.01.2021).
- Энциклопедия моды. [Электронный ресурс]. URL: <https://wiki.wildberries.ru/> (дата обращения: 25.06.2019).
- Ягафарова, Л. Т. Заимствованная лексика в вербализации концепта «мода» в современной массовой литературе // Язык и культура. 2017. – № 40. – С. 113-121.

- Языкознание: большой энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
- 7 одёжек. Свой гардероб – свои правила. [Электронный ресурс] // LiveJournal – URL: <https://7odezhek.livejournal.com/> (дата обращения: 01.11.2019).
- Alex's Closet. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alex-closet.com/2017/11/autumn-outfit-x-farfetch.html> (дата обращения: 09.12.2019).
- Anything for a quiet life. [Электронный ресурс]. URL: <https://olga-srb.livejournal.com/> (дата обращения: 17.11.2019).
- Beauté Active. [Электронный ресурс] // LiveJournal – URL: <http://beauteactive.com/> (дата обращения: 01.11.2019).
- Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 13.10.2020).
- Coline et Pourquoi Pas. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etpourquoiascaline.fr/2018/09/5-conseils-pour-une-armoire-plus-ethique/> (дата обращения: 19.10.2019).
- Fischer, R.* Introduction // *Studying Anglicisms* / под. ред. *R. Fischer*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. С. 1-15.
- France Terme. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture.fr/franceterme> (дата обращения: 16.12.2020).
- Frantext. [Электронный ресурс]. URL: <https://www-frantext-fr.bibelec.univ-lyon2.fr/> (дата обращения: 15.02.2020).
- Larousse. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/portail/> (дата обращения: 15.02.2020).
- Le Dictionnaire. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.le-dictionnaire.com/> (дата обращения: 15.02.2020).
- Lena View. [Электронный ресурс] // LiveJournal – URL: <https://lena-view.livejournal.com/profile> (дата обращения: 15.12.2019).
- LeRobert. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lerobert.com/> (дата обращения: 15.02.2020).
- Les blogueuses mode françaises les plus influentes en 2019. [Электронный ресурс] // *Idole L'Agence* – URL: <https://www.idole.net/web-marketing-2/blogueuse-mode-influentes.html> (дата обращения: 30.11.2019).
- Lookbook. [Электронный ресурс] // *Meaning of Lookbook by Lexico*. URL: <https://www.lexico.com/definition/lookbook> (дата обращения: 30.04.2020).
- N/OHOLITA. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.noholita.fr/> (дата обращения: 13.12.2019).
- Onysko, A.* Exploring discourse on globalizing English // *English Today*. – 2009. - № 1 (25). – С. 25-36.

SANANAS. Beauty&Fashion. [Электронный ресурс]. URL: <http://sananas-blog.com/2016/02/> (дата обращения: 03.02.2020).

Scherling, J. Holistic loanword integration and loanword acceptance. A comparative study of anglicisms in German and Japanese // AAA – Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 2013. – № 38 (1). – С. 37- 51.

Sketch Engine. Language corpus management and query system. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 04.03.2020).

You Make Fashion. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youmakefashion.fr> (дата обращения: 04.03.2020).

Alyunina Y. M.

Peoples' Friendship University of Russia, Russia
Université Lumière Lyon 2, France
alyunina-yum@rudn.ru; yulia.alyunina@univ-lyon2.fr

Anglicisms and their Equivalents: on Russian and French Fashion Blogs

The article is focusing on semantic and pragmatic adaptation of fashion anglicisms and their derivatives in Russian and French. The anglicisms and their derivatives were retrieved from blogs and classified basing on the key semantic component of the words: new referent, new external characteristics, new function, and words-equivalents. To know the opinion of Russian and French speakers on foreign words, a survey was conducted. According to the survey results, the speakers prefer to keep the foreign words and don't substitute them by Russian and French equivalents regardless the semantic group of the anglicisms and their derivatives.

Keywords: anglicisms in Russian, anglicisms in French, anglicisms in fashion, blog, semantics, pragmatics

Практическая статья/ Professional paper/Stručni rad
UDK 811.161.1'243:<7.046.1=16:2-853

**Бадестова Анастасия Валерьевна,
Морозова Галина Викторовна**

Российский государственный педагогический университет
имени А.И.Герцена, Россия
cwt78@mail.ru; galina-avilova@mail.ru

Религиозный компонент славянской мифологии в курсе «Древние языки и культуры»

Статья посвящена проблеме религиозного аспекта изучения дисциплин «Историко-культурного» модуля ОПОП подготовки бакалавра «Лингвистика» по направлению «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур». Актуализируются и рассматриваются теоретические и методические аспекты презентации мифологических представлений древних славян студентам-иностранцам в процессе изучения русского языка и культуры. Представлена методическая разработка по теме «Славянская мифология» с системой предтекстовых и послетекстовых заданий.

Ключевые слова: иностранный студент, русский язык как иностранный, славянская мифология, анимистические представления, религиозная картина мира, религиозно маркированные языковые единицы

В течение всего периода развития научного познания внимание исследователей было приковано к изучению древних религий и верований, изучению истоков их происхождения и влияния на современное общество. Религиозность являлась важнейшей доминантой национальной личности. В исторической ретроспективе сложившиеся религиозные течения оказали весомое влияние на формирование современной социокультурной ситуации.

Религиозная картина мира человечества выступает частью его национальной и языковой картин мира. Мифологические сюжеты, представленные в древних религиях разных народов мира, в том числе и в славянской мифологии, вербализуясь, обладают высоким лингвокультурологическим потенциалом и имеют важное значение в формировании фоновых знаний и ключевых компетенций иностранных студентов, изучающих русский язык. Именно этим продиктована актуальность исследования религиозного компонента темы «Славянская мифология» при реализации дисциплин «Историко-культурного модуля» в Институте русского языка как иностранного РГПУ им. А.И.Герцена. Презентация данной темы предполагает анализ отражения древней обрядовой культуры восточных славян в русском языке, знакомство иностранных обучающихся со славянскими мифологическими образами, изучение паремий и малых жанров русского фольклора, имеющих религиозную основу.

Как и в любой другой культуре, анимистические представления древних славян, являются частью отражаемой в народном сознании религиозной картины мира, «подвергающиеся постоянным трансформациям, ввиду изменений образа жизни и общественного строя. Примитивные языческие представления стали фундаментом формирования более поздних верований» (Тайлор 1989: 54).

Древней религией славян, их мировосприятием было язычество. Оно охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной производственной, охотничьей и собирательской. Культура древних славян была проникнута убежденностью её носителей в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех трудовых процессах. Славянское язычество не было обособлено от верований родственных и соседствующих со славянами народов, оно является самостоятельно развивавшимся в первое тысячелетие нашей эры фрагментом древней индоевропейской религии.

Формирование анимистических представлений древних славян основано на ощущении первобытным человеком рядом с собой некой

неподвластной и необъяснимой силы, управляющей окружающим миром. Человек испытывал потребность персонифицировать эту силу, а также те одушевлённые и неодушевлённые объекты и явления, через которые, по его мнению, она проявлялась и оказывала влияние на объективную реальность.

Появление представлений о духах и душах в славянской мифологии сопровождалось «очеловечиванием» природы, формированием её антропоморфного образа. Духи не только обретали «личность» и причислялись к мужскому либо женскому полу, но и различались в зависимости от своих намерений, действий и отношения к людям: последнее могло быть благосклонным, враждебным или нейтральным.

Славянское язычество содержало в себе не только свойственные ранней стадии религиозного развития анимистические верования (т.е. убежденность, что всё в природе живое – и камень, и огонь, и дерево и т.п.), но и анимические (т.е. представления о душе), «сочетающиеся, вероятно, с более поздними воззрениями о трансцендентности души (т.е. способности переходить в другую плоть) и о способности сверхъестественных персонажей к различным метаморфозам, превращениям то в козла, то в собаку, кота, копну сена, черный клубок, в младенца и т.п.» (Кайсаров, Глинка, Рыбаков 1993: 116).

Обращение к дохристианским языческим верованиям в курсе «Древние языки и культуры» позволяет вскрыть глубинные пласты культуры современных восточнославянских народов, некоторые особенности их менталитета, выявить мировоззренческие основы древних славян, являющиеся одной из базисных составляющих духовной культуры восточнославянских этносов.

Представляем методическую разработку по теме «Славянская мифология», раскрываемую в курсе «Древние языки и культуры», для иностранных студентов, обучающихся на бакалавриате Института русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена по направлению «Лингвистика». В ходе изучения данной темы студенты-иностранцы должны познакомиться с мифологическими представлениями древних славян, усвоить определённый объём лексики религиозной сферы, уметь интерпретировать значение паремий с мифологическим компонентом. В результате изучения данной темы студент будет обладать фоновой эрудицией, включающей мифолого-религиозные понятия, необходимые для адекватного восприятия ритуальной составляющей бытового коммуникативного поведения представителей иной лингвокультурной общности.

Задание 1. Посмотрите в словаре значения новых слов, которые вы встретите в тексте: гром, душа, жертва, зачатие, легенда, плодородие, поклоняться, предание, стихия, язычество.

- Переведите их на родной язык.

Задание 2. Подготовьтесь для обсуждения вопроса: Что значит «язычество»?

Задание 3. Объясните значение данных слов:

- родители
- родиться
- родник
- урожай
- народ
- Родина

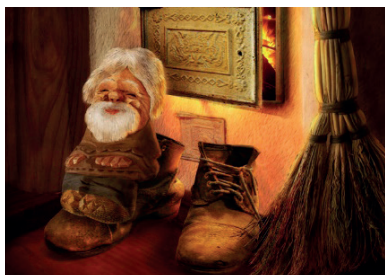
*Древние славяне – это язычники. Они поклонялись стихиям, верили в родство людей с различными животными, приносили жертвы богам. У древних славян было много богов. Самое древнее божество – Род. Он был богом неба. Это прародитель всех богов: и Отец, и Мать. В русском языке есть много слов, которые связаны с этим богом. Эти слова с общим корнем «род»: родители, родиться, родник, урожай, народ, родина. Были и другие боги: **Сварог** – бог огня; **Хорс** – бог солнца; **Перун** – бог грома и грозы; **Дажьдбог** (дающий бог) – бог плодородия; **Велес** – бог скотоводства; **Ярило** – бог зачатия; **Лада** – богиня женщин, детей, брака. Чтобы боги были добрыми, древние славяне делали им жертвоприношения. Это могли быть пища, домашние животные, а иногда даже люди.*

Древние славяне верили, что у всего вокруг есть душа: у дома, у воды, у леса. В отличие от главных богов, которых славяне никогда не видели, эти духи часто показывались людям. О таких случаях рассказывают предания, легенды, сказки.

Задание 4. Вспомните морфемный разбор слова.

 - корень - приставка - суффикс - окончание

- Разберите слова «язычество», «верования», «домовой», «водяной», «леший» по составу (Мифологический словарь 1990: 156)

(рис.1)

ДОВОВОЙ

Задание 5. Посмотрите в словаре значения новых слов, которые вы встретите в тексте: потерянный, прятать, седой, угощать, хозяин, хранитель.

- Переведите их на родной язык.

Задание 6. Посмотрите на картинки (рис. 2) Скажите, как называются данные средства уборки?

(рис. 2)

- Прочитайте текст.

Домовой – дух дома, хранитель дома. Его изображали седым старым дедушкой с длинной бородой. Живёт он обычно в углу за печкой. Хозяева дома должны были угощать домового чем-нибудь вкусным, чтобы он не злился. Иногда домовой играет с хозяевами, прячет их вещи. У русских есть примета: «Если пропала какая-либо вещь, надо сказать домовому: «Поиграй, поиграй и отдай!» Вскоре потерянная вещь найдётся. Если славяне переезжали в другой дом, то обязательно нужно было позвать

его с собой. Иначе в новом доме не будет счастья. Славяне ставили веник или метлу и говорили: «Милости просим, дедушка, на новое жильё!». Считалось, что домовый прятался в венике и таким образом переезжал в новый дом.

В древности веник и метла имели ритуальное значение. Скажите, какие предметы в вашей культуре имеют ритуальное значение с древних времён?

Задание 7. Прочитайте стихотворение, обращая внимание на ударение и интонацию.

**Домовой сидит в лукошке,
Свесив маленькие ножки,
Потому, что в том лукошке
И брусника и морошка.**

ВОДЯНОЙ

Задание 8. Посмотрите в словаре значения новых слов, которые вы встретите в тексте: водоём, дно, закат, лохматый, опасно, опухший, примета, рвать, стадо, топить, утопленник (утопленница), утонувший.

- Переведите их на родной язык.

Задание 9. Объясните значение данного слова: водоём

Задание 10. Посмотрите на картинку (рис. 3). Опишите персонажа, изображённого на ней.

(рис. 3)

Водяной – дух воды. Это лохматый, бородатый старик с большим животом и опухшим лицом - образ утопленника. Волосы на голове и бороде длинные, зелёные. Водяная трава - его одежда. Водяной живёт богато: у него есть каменный дом, стада утонувших лошадей, коров, овец, свиней. Женится он на русалке (утопленнице). Днём водяной находится на дне глубоких водоёмов. После заката солнца начинается его жизнь.

Русская примета говорит о том, что в это время очень опасно купаться потому, что водяной может забрать с собой. Если водяной злится, он рвёт рыболовные неводы и топит корабли.

ЛЕШИЙ

Задание 11. Посмотрите в словаре значения новых слов, которые вы встретите в тексте: дотронуться, заблудиться, крест, кричать, ладоши, лесоруб, охранять, плюнуть, подшучивать, поклоняться, превращаться, пугать, свистеть,

стучать, суеверие, талант, хвалить, хлопать.

- Переведите их на родной язык.

Задание 12. Посмотрите, как изображали лешего (рис. 4). Скажите, какое изображение, по вашему мнению, больше подходит к описанию лешего.

(рис. 4)

- Прочитайте текст.

А) Леший – дух леса. Он может превращаться в старика, дерево или медведя; может изменять свой рост. В лесу леший может быть выше деревьев, а в поле – ниже травы. У лешего, как и у водяного, тоже есть свои стада. Это лесные звери: волки, зайцы, лисы. Леший охраняет лес и лесных зверей. А людей он не любит, поэтому пугает их. Он кричит, свистит, хлопает в ладоши. Охотники и лесорубы боятся лешего. Лешему нравится подшучивать над людьми, которые пришли в лес. Он делает так, чтобы они заблудились. Чтобы этого не случилось, нужно оставить лешему угощение. Так советует русская примета.

Б) С древних времён люди боялись сглаза. Согласно суевериям, человек, рассказывая о чём-то хорошем, обязательно должен постучать по дереву - иначе он сглазит свой успех или здоровье. Суеверные люди и сейчас думают, что не нужно заранее хвалить кого-то или что-то. А если кто-то решил всё-таки хвалить красоту, здоровье, талант, то, чтобы не сглазить, обязательно должен постучать по дереву, три раза плюнуть через левое плечо и сказать: «Тьфу-тьфу-тьфу! Чтобы не сглазить!». Одни учёные считают, что обычай «стучать по дереву» появился тогда, когда люди поклонялись духу дерева. Другие говорят, что это появилось после принятия христианства, так как, чтобы защититься от злых сил, надо было дотронуться до креста. А изначально крест делали из дерева. Со временем люди забыли о важном значении креста и стали просто стучать по дереву. В настоящее время русские чаще всего стучат по столу, если он деревянный (Бадестова 2020: 47).

Задание 13. Проверьте, что вы запомнили:

1. Какая религия была у древних славян до принятия христианства?
2. Как называлось самое древнее божество у древних славян?
3. Назовите духов дома, воды и леса у древних славян.
4. Как выглядит домовой?
5. Что нужно сделать, чтобы домовой не злился?

В качестве дополнительного задания на закрепление изученной темы и более глубокого усвоения учебного материала, а также развития навыков аудирования, предлагается просмотр небольшого видеоролика.

На преддемонстрационном этапе предлагается выполнить следующее упражнение:

Задание 14. Посмотрите в словаре значения новых слов, которые вы встретите при просмотре видеоролика: летучий, водиться, Баба-Яга, ступа, жениться, пожалеть, удержать, справиться, заветный.

Демонстрационный этап.

Задание 15. Иностранным студентам предлагается самостоятельно посмотреть мультипликационный фильм на русском языке «Летучий корабль» («Союзмультфильм», 1979 г.).

Постдемонстрационный этап

Задание 16. Ответьте на вопросы:

1. Какие мифологические образы славянской культуры вы увидели в этом мультфильме?
2. Как они изображены?

3. Какими чертами характера обладают: положительными или отрицательными?
4. Помогают ли они главному герою или нет?

Занятия, в содержательную часть которых включены элементы древней религиозной культуры, развивают творческие поисковые навыки, предоставляют широкие возможности для повышения культуры диалога и дискуссии. Изучение ритуальной составляющей русской традиционной бытовой культуры поможет иностранным обучающимся осознать систему ценностей русского человека, позволит тем самым расширить собственный культурный опыт.

Литература

- Бадестова, А. В.* Древнерусские сюжеты: Учебное пособие для иностранных студентов по лингвострановедению / А. В. Бадестова. – СПб.: Медиапир, 2020. – С. 43-48
- Кайсаров, А. С., Глинка, Г. А., Рыбаков, Б. А.* Мифы древних славян. Велесова книга / А.С. Кайсаров. – Саратов: «Надежда», 1993. – 320 с.
- Мифологический словарь* / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
- Тайлор, Э. Б.* Миф и обряд в первобытной культуре. / Э. Б. Тайлор / Пер.с англ. Д. А. Коропчевского. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.

Badestova A., Morozova G.

Russian state pedagogical University Herzen, Russia
cwt78@mail.ru; galina-avilova@mail.ru

The religious component of Slavic mythology in the course “Ancient languages and cultures”

The article is devoted to the problem of the religious aspect of studying the topic “Slavic mythology” in the implementation of the discipline “Historical and cultural module” in the course “Ancient languages and cultures” at the faculty of Russian as a foreign language. The theoretical and methodological aspects of the formation of background knowledge of foreign students in the process of teaching RFL through the active mastering of the general fund of knowledge both at the level of the linguistic and at the level of the extralinguistic component, which has its manifestation in the cultural values and religious attitudes of the people, are updated and considered.

Keywords: foreign student, background knowledge, Slavic mythology, religious picture of the world, religiously marked linguistic units

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'373.612.2:340.113

Барабаш Ольга Владимировна

Пензенский государственный университет, Россия
olphil@mail.ru

Термин «кредит» в различных типах дискурса: функции и семантика

В статье рассматриваются особенности функционирования термина «кредит» в различных типах дискурса. Показаны сценарии преобразования его семантической структуры при употреблении в качестве элемента метафоры в текстах СМИ и поэтических произведениях; установлена корреляция функции термина и контекста его употребления.

Ключевые слова: финансово-правовой термин, деспециализация, детерминологизация, метафора, семантика, дискурс

Вводные замечания. Многие юридические термины, в частности, термины финансового права «аванс», «залог», «кредит» и др., являются консустанциональными, то есть параллельно функционируют и как специальные лексические единицы, и как общеупотребительные слова. Это связано с тем, что подобные термины обозначают целую систему понятий, являющихся значимыми для широкого круга носителей языка, вовлеченных в регулируемую законом сферу экономических отношений и хозяйственной деятельности. Такие термины, в отличие от узкоспециальных лексических единиц типа «овердрафт» или «узуфрукт», в большей степени подвержены процессам деспециализации и детерминологизации, могут становиться компонентом метафоры либо выступать в качестве цели или источника метафорической экспансии.

Цель данной статьи – на примере термина «кредит» рассмотреть особенности трансформационных процессов, происходящих в семантической структуре специальной лексической единицы вследствие ее миграции в несвойственные контексты.

Материалом исследования служат лексикографические источники, в том числе специальные словари, Гражданский кодекс Российской Федерации, Бюджетный кодекс Российской Федерации, а также художественные тексты и публикации СМИ. Выбор подобного материала исследования обусловлен возможностью проследить интенсивность семантических преобразований в зависимости от степени отдаленности чужеродного дискурса от институционального, а также продемонстрировать корреляцию функции термина и контекста его употребления.

Результаты. В современном русском языке естественной средой функционирования термина «кредит» является финансово-правовой дискурс, где реализуется прямое специальное значение данной единицы. Так, согласно определению, указанному в Большом экономическом словаре, кредит – это «ссуда в денежной или товарной форме на условиях возвратности и обычно с уплатой процента; выражает экономические отношения между кредитором и заемщиком» (Большой экономический словарь). Почти аналогичное определение находим в Большом юридическом словаре: кредит (от лат. *creditum* – ссуда) – «денежные средства, предоставленные банком или иной кредитной организацией (кредитором) по кредитному договору заемщику на условиях возвратности и, как правило, платности (в виде процентов за пользование К.)» (Большой юридический словарь).

В тексте действующих нормативных правовых актов термин «кредит» также употребляется в качестве самостоятельной специальной

единицы, как, например, в главе 42 «Заём и кредит» Гражданского кодекса РФ. Здесь дефиниция как таковая отсутствует, но в правовой норме приведены характерные признаки данного вида правоотношений: «По кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заёмщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заёмщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею, а также предусмотренные кредитным договором иные платежи, в том числе связанные с предоставлением кредита» (Гражданский кодекс).

Как видим, в финансово-правовом дискурсе за специальным понятием, выраженным термином «кредит», стоит целый сценарий правовых отношений, предполагающий наличие **предмета сделки** (денежные средства), двух ее **субъектов** (кредитор и заемщик), **обязательств** (предоставление денежных средств и возврат денежных средств) и **условий** (уплата процентов).

Эти ключевые характеристики обрастают уточняющими элементами в случае формирования двух- или многокомпонентных терминов с элементом «кредит». Так, в Большом экономическом словаре вслед за словарной статьёй с заголовочной частью «кредит» представлен ряд других дефиниций, раскрывающих содержание более узких понятий, выраженных терминологическими сочетаниями с компонентом «кредит»: «кредит банковского консорциума», «кредит без вещного обеспечения», «кредит бэктубэк», «кредит до востребования», «кредит, валютный», «кредит, вечно зеленый» (Большой экономический словарь) и т. д., всего – 74 составных единицы. Термин «кредит» выступает, таким образом, и как самостоятельная родовая специальная единица, и как элемент ее гипонимов. Отметим, что и в Бюджетном кодексе РФ рассматриваемая лексическая единица функционирует в роли определяемого слова в двухкомпонентных терминах, например: «бюджетный кредит», «иностранный кредит», «связанные кредиты», «нефинансовые кредиты» и др. (Бюджетный кодекс). Столь широкое разнообразие когипонимов обусловлено, как следует полагать, потребностью в номинации и юридическом закреплении сложившихся практик кредитования.

Как отмечает В. П. Даниленко, «в терминологической лексике преобладает один тип значения, а именно прямое или номинативное, соответствующее природе терминологии, предметно-логическому принципу соотношения означаемого и означающего» (Даниленко 1977: 62). В связи с этим термин, в отличие от общеупотребительного слова, опознается, как справедливо указывает С. П. Хижняк (Хижняк 1997), не в контексте,

а на основании его принадлежности к терминологии, в пределах которой он толкуется однозначно. Соответственно, в документах, относящихся к финансово-правовому дискурсу (нормативных, правоприменительных и правореализационных актах), термин должен пониматься единообразно.

Попадая в информационно-аналитический дискурс, смежный с финансово-правовым, термин сохраняет свои функции в том случае, если употребляется в прямом значении, например:

«Сегодня депозитная ставка в Сбербанке РФ в среднем в 2-3 раза ниже ставки, по которой банк выдаёт кредит» (Российская экономика).

Иные функции термин «кредит» начинает выполнять в ситуации его включения в состав метафоры вне институционального дискурса.

Рассмотрим в качестве примера сочетание «кредит доверия», столь популярное в медиадискурсе, особенно в его политическом подтипе. Простой запрос в поисковой системе Google выдает 12 миллионов результатов использования данного сочетания. В Национальном корпусе русского языка за период с 1848 г. по 2014 г. представлено 57 примеров его употребления, преимущественно в текстах общественно-политической направленности. Вне институционального дискурса становятся возможными такие сочетания, как «кредит доверия власти», «кредит доверия к президенту», «исчерпать кредит доверия», «оправдать кредит доверия», «поднять кредит доверия» и др. Таким образом, можно утверждать, что языковая формула «кредит доверия» стала устойчивым сочетанием, которое прочно вошло в употребление и характеризуется воспроизводимостью.

Что же послужило импульсом для ее образования и широкого распространения? Обратившись к толковым словарям русского языка обнаруживаем, что, помимо уже рассмотренного нами выше значения «ссуда, предоставление ценностей (денег, товаров) в долг» (Ожегов 2013: 254), у лексической единицы «кредит» выделяют также переносное значение – «доверие, авторитет» (Ожегов 2013: 254); «личностное доверие, авторитет» (Ефремова 2000); «о доверии, авторитете в политической, нравственной и т.п. сфере» (Большой толковый словарь 2000).

Соответственно, на первый взгляд, языковая формула «кредит доверия» является плеонастичной (*доверие доверия) и, по-видимому, должна быть признана неудачной. Однако дальнейший лексикографический экскурс позволяет заметить, что указанное переносное значение, воспринимаемое в современном русском языке как вторичное, в ранее изданных толковых словарях стоит на первом месте, иными словами, выступает как первоначальное, послужившее в дальнейшем базой для

формирования лексико-семантического варианта 'предоставление товаров или денег в долг'.

Так, в Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г. слово «кредит» фиксируется со значением «довѣріе дѣлаемое кому либо при ссудѣ его деньгами» (Словарь церковно-славянского и русского языка 1847: 218).

В Словаре иностранных слов 1894 г. «кредит» определяется как «довѣріе въ состоятельности, вѣра в долгъ, отпускъ товаровъ на счетъ» и далее дается пояснение «Имѣть кредитъ значить: пользоваться довѣріемъ» (Словарь иностранных словъ 1894 : 430).

Слово «кредит», согласно этимологическому словарю М. Фасмера, впервые зафиксировано в русском языке в 1703 г. со значением «авторитет» и заимствовано через немецкое Kredit или французское crédit из итальянского credito «вера, доверие» (Фасмер 2003: 369).

Показательно и то, что в словаре 1915 г. под редакцией Н. Абрамова в качестве синонима к слову «кредитъ» предлагается именно слово «довѣріе» (Словарь русских синонимовъ и сходныхъ по смыслу выражений 1915).

Таким образом, становится очевидным, что в современном русском языке произошла своего рода рокировка лексико-семантических вариантов. Переносное значение 'доверие' становится малоупотребимым, воспринимается как вторичное, в то время как значение 'ссуда, предоставление ценностей (денег, товаров) в долг под проценты', напротив, фиксируется в словарях в качестве основного, становится общеизвестным и часто используется не только в профессиональной, но и в обыденной коммуникации, как мы полагаем, в силу широкого распространения практики потребительского кредитования населения. В связи с этим в метафорическом сочетании «кредит доверия» в настоящее время профилируются, на наш взгляд, те компоненты семантики лексической единицы «кредит», которые в большей степени соотносятся со структурой значения финансово-экономического термина. Иными словами, толкование метафоры «кредит доверия» должно опираться на представление о взаимодействии двух сторон, одна из которых связана обязательством оправдать оказанное доверие путем совершения определенных действий.

Отметим, что возникновение и широкое распространение подобных экспрессивных метафор может быть связано, по меткому выражению В. Г. Костомарова, с «языковым вкусом эпохи» (Костомаров 1999). Однако с течением времени ставшие популярными в публицистической речи метафоры могут превратиться в штамп, что, вероятно, уже происходит и с выражением «кредит доверия».

Интересно, что метафорические преобразования финансово-правового термина «кредит» не ограничиваются формированием устойчивого сочетания «кредит доверия». Являясь неотъемлемой частью социально-экономических отношений, кредит становится объектом метафорического осмысления с позиций пользы/вреда подобного способа решения частных финансовых проблем.

В основе процесса метафоризации, как известно, лежит взаимодействие между двумя когнитивными структурами (понятийными областями знаний), обозначенными в работах Д. Лакоффа и М. Джонсона как *source domain* (структура «источника») и *target domain* (структура «цели») (Лакофф, Джонсон 2008: 144). Подобное совмещение семантики дает возможность осмыслить одну сущность в терминах другой, понять менее известное, менее понятное через более известное – путем приведения аналогии. М. Минский называет аналогии «одним из самых могущественных инструментов мышления» (Минский 1988: 291). Так, понятие кредита осмысляется путем осуществления аналогии с другими предметами и явлениями, например:

«Но кредит – это не палочка-выручалочка на все случаи жизни, а инструмент со своими рисками и издержками» (Коган 2016).

Рациональная метафорическая модель «кредит – инструмент» оказалась весьма репрезентативной, она свидетельствует о положительной оценке кредита как способа выхода из финансовых трудностей, возможности оперативно поправить ситуацию, приобрести желаемое.

Любопытно, что в Словаре иностранных слов 1949 г. при раскрытии понятия «кредит» проводится дифференциация понимания этого термина в капиталистическом мире и в СССР, что отражено путем фиксации отдельных лексико-семантических вариантов: «Кредит [*< лат. creditum долг < credere верить*] – 1) предоставление в долг товаров или денег; 2) в капиталистическом хозяйстве – ссуда денег или товара как капитала на условиях возврата через известное время эквивалента этой суммы плюс процент; 3) в СССР – мощный рычаг социалистического строительства; посредством кредита перераспределяются средства между отраслями социалистического хозяйства в интересах наиболее быстрого их развития, мобилизуются внутренние накопления, осуществляется контроль рублем; <...> 4) включенная в смету сумма, в пределах которой разрешен расход на определенную потребность; 5)* доверие» (Словарь иностранных слов 1949: 342).

Каквидим, третий лексико-семантический вариант определяется через рациональную метафору «кредит – мощный рычаг», включение которой

в словарную дефиницию термина, безусловно, имеет идеологический подтекст и предполагает наличие перлокутивного эффекта.

Модели «кредит – инструмент» и «кредит – рычаг» сближаются по своей модальности с другой метафорической моделью: «кредит – мост». Комментарий, иллюстрирующий восприятие кредита как возможности изменить ситуацию к лучшему, получить новый социальный статус, находим и в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «кредит, надлежащим образом направленный, представляет как-бы мост, перекинутый через пропасть, которая отделяет богатство от бѣдности» (Брокгауз, Ефрон 1894 : 616).

В то же время обращение к публикациям СМИ, художественным произведениям позволяет обнаружить и метафорическую модель с противоположной коннотацией: «кредит – ограничение, обязательство», которая представлена такими репрезентантами, как «кредит – хомут на шею», «кредит – кабала», например:

«Может, узнав мою историю, они осознают, что кредиты – это кабала, из которой не вылезти никогда» (Как попадают в кредитную кабалу 2018).

Словом «кабала» в древней и Московской Руси называли «договор или письменное долговое обязательство, ставящее работника в личную или имущественную зависимость от заимодавца» (Ожегов 2013: 219), а также саму такую зависимость. В переносном значении «кабала» употребляется для указания на «полную, почти рабскую зависимость» (Ожегов 2013: 219). Для метафорического осмысления кредита наиболее существенным признаком сферы-источника «кабала» становится как раз компонент ‘зависимость, близкая к рабству’.

Негативная коннотация прослеживается и в метафорической модели «кредит – болото», которая может иметь как эксплицитное («болото», «трясина»), так и имплицитное (через глаголы «погрязнуть», «увязнуть», «затягивать») выражение, например:

«Всемирный банк дал советы погрязшим в кредитах россиянам» (Докучаев 2020).

Наконец, термин «кредит» может выступать и в качестве сферы-источника для метафорического осмысления других, преимущественно, абстрактных понятий, таких, как «жизнь», «любовь», «вдохновение», «счастье». Так, в стихотворении А. Дементьева «Когда любовь навек уходит...» есть строки:

Достоин будь былого счастья,
Признаний прошлых и обид.

Мы за былое в настоящем

Должны оплачивать кредит (Дементьев 1996).

Как видим, в роли субъектов сделки здесь выступают лирический герой (заемщик) и жизнь, судьба (кредитор). Термин «кредит» вплетается в контекст философских рассуждений поэта о том, что человек должен с благодарностью принимать происходящее в его жизни, в том числе уходящую любовь, и быть готовым достойно и сполна отплатить за доставшееся ему счастье. Таким образом, в поэтическом дискурсе нейтрализуются компоненты значения термина, соотносящие его со специальной сферой употребления: они лишь высвечиваются сквозь новые образы, выстраивая поэтически преобразованную аналогию.

Выводы. Юридические, в частности финансово-правовые, термины призваны номинировать процессы и явления, коммуникативно и когнитивно значимые на данном этапе развития общества. Кредит, как явление, прочно вошедшее в экономическую жизнь современного общества и государства, подвергается осмыслению носителями языка и, соответственно, имеет определенные формы представления в различных типах дискурса. Миграция термина «кредит» за пределы институционального дискурса приводит к его детерминологизации. При этом интенсивность семантических преобразований лексической единицы зависит от степени отдаленности чужеродного дискурса от институционального, а функция, которую выполняет детерминологизованная единица, коррелирует с типом принимающего ее дискурса и коммуникативной задачей автора текста. Наиболее заметны смысловые трансформации, происходящие при употреблении термина в качестве сферы-источника метафорического осмысления какого-либо понятия. Будучи «ингредиентом» метафоры, термин становится зависимым от контекста, расширяет лексическую сочетаемость и обрывает символическими смыслами.

Литература

- Абрамовъ, Н.* Словарь русских синонимовъ и сходныхъ по смыслу выражений. – Изд. 4-е, доп. – Пг., 1915.
- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- Большой экономический словарь / Под ред А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – 469 с.
- Большой юридический словарь / [В. А. Белов и др.]; Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2. изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 703 с.
- Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А.* Энциклопедический словарь: В 86 т. Т. XVIIА (Кояловичъ – Кулонъ). – СПб., 1895. – 963 с.
- Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/055a71948dbf2a4fc2478437cd89cd864ee8e6e5/
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/76156d366a8356c87144b936b364bb5c5e87b2e3/
- Даниленко, В. П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
- Дементьев, А.* Аварийное время любви. Стихи, статьи, песни / А. Дементьев. – М.: Новости, 1996. – URL: <https://rupoem.ru/dementev/kogda-lyubov-navek.aspx>
- Докучаев, Д.* Всемирный банк дал советы погрязшим в кредитах россиянам // Московский Комсомолец: Электронное периодическое издание «МК.ru». – 23.10.2020– URL: <https://www.mk.ru/economics/2020/10/23/vsemirnyy-bank-dal-sovety-pogryazhim-v-kreditakh-rossiyanam.html>
- Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
- Как попадают в кредитную кабалу под 3000%. Откровения кредитора / Ассоциация российских банков. – 20.03.2018. – URL: https://arb.ru/b2c/fun/kak_poradayut_v_kreditnyu_kabalu_pod_3000_otkroveniya_kreditora-10187904/
- Коган, Г.* Пузырь потребительского кредитования лопнул / Г. Коган // lenta.ru. – 28.08.2016. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/08/28/mamuta/>

Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи : Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.

Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ./ Дж. Лакофф, М. Джонсон; Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд-е 2. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 291-292.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.

Российская экономика через четверть века // «Время МН», 2003.07.30 https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&myse ntsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=r u&sort=i_ grtagging&nodia=1&text=le xform&req=кредит+

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Составленъ подъ редакціею А. Н. Чудинова. – С.-Петербургъ: Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго, 1894. – 992 с.

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. II. 3-Н. – С.-Петербургъ: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847. – 475 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. Т. 2: Е-Муж: Более 4500 слов / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубочева. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 672 с.

Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / Под ред. Л. И. Баранниковой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – 136 с.

Barabash O. V.

Penza State University, Russia
olphil@mail.ru

The term “credit” in different types of discourse: functions and semantics

The article examines the features of the functioning of the term “credit” in various types of discourse. Shown are the scenarios for transforming its semantic structure when used as an element of metaphor in media texts and poetic texts; the correlation between the function of the term and the context of its use is established.

Keywords: financial and legal term, despecialization, determinologization, metaphor, semantics, discourse

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'373.7

Зензеря Ирина Викторовна

Новосибирский государственный педагогический университет
Куйбышевский филиал, Россия
zenzerja@rambler.ru

Соматические фразеологические единицы русского языка

Статья посвящена изучению соматических фразеологических единиц русского языка с различными компонентами. В работе выявлены и систематизированы семантические значения фразеологизмов, характеризующих, с одной стороны, личностные качества, индивидуальные особенности человека, а с другой – действия, состояния человека и процессы в окружающей среде. Определено количественное соотношение фразеологизмов, дифференцированных на 2 основные семантические группы. Также приведены данные, наглядно показывающие процентное соотношение единиц внутри первой фразеологической группировки и сопоставляющие количество фразеологизмов 2 основных групп в целом. На основе анализа лексического значения единиц первой группировки определена их стилистическая окраска, отмечено, что негативная коннотация во многом преобладает над положительной.

Ключевые слова: фразеология русского языка, соматизмы, идиомы, устойчивые выражения

Фразеологические единицы появились ещё в далеком прошлом, они всегда являлись средством языковой выразительности и закрепления взглядов и традиций народа в языковой картине мира. Как известно, фраземы отличает устойчивость, воспроизводимость и относительная стабильность значения и состава. Следовательно, фразеология, являясь частью языковой картины, отражает особенности формирования мировоззрения людей.

Время, когда учёные-лингвисты стали проявлять заметный интерес к особенностям фразеологических оборотов, следует относить к началу XVIII столетия. Так, «первый наш университет» М. В. Ломоносов называл эти необычные выражения «фразесами», «речениями», «идеоматизмами» и «российскими послесловиями». Создавая план словаря русского литературного языка, великий учёный отмечал, что фразеологизмы непременно должны стать частью данного словаря. Мысль о том, что фразеологические единицы служат несомненным украшением нашей речи, придавая ей яркость, эмоциональность, выразительность, была высказана А. В. Куниным, специалистом в области фразеологии английского языка: «Фразеология – сокровищница языка» (Кунин : 4).

Пристальное внимание современных лингвистов во многом сосредоточено на тех фраземах, которые имеют своей составной частью соматические компоненты. Под **компонентом-соматизмом** понимается наименование той или иной части тела человека. К таким фразеологизмам, например, относятся «клевать носом», «не верить своим ушам», «чесать языком», «взять себя в руки», «жить на широкую ногу» и др. Их объединяет общее название соматических **фразеологических единиц или фразеологических единиц с компонентом-соматизмом**. Особый интерес исследователей к данной части фразеологии, как полагает Чжан Сюеин, обусловлен её наибольшей коммуникативной значимостью и высокой продуктивностью во фразеологическом составе (Чжан 2013).

Наиболее часто в соматических фразеологизмах (около 70 % от всех фразеологизмов с компонентами-соматизмами) встречаются такие лексемы, как «голова», «глаза», «нос», «губы», «ухо», «язык», «зубы».

Без сомнения, важнейшей частью человеческого тела является именно голова. Этому органу принадлежит определяющая роль в жизнедеятельности человека. Поэтому считаем целесообразным связывать наибольшую активность соматических фразеологизмов с лексемой «голова» непосредственно со следующими факторами. Выступая наиболее визуально представленной частью тела человека, голова сосредотачивает в себе центр всей его мыслительной деятельности. Поведение, действия, чувства последнего – всё это полностью детерминировано работой

головного мозга, органа центральной нервной системы, расположенного в полости мозгового отдела черепа.

В ходе анализа фактологического материала нами были обозначены 2 основные фразеологические группы на основе первичных лексических значений фразеологизмов. Так, первая из групп включает в себя фраземы с общим значением **«описание отдельных внутренних свойств, черт человека»**, «оценка качеств индивида по определённым критериям». Внутри данной группы было выделено 6 подгрупп фразеологизмов, дифференцирующихся по своим вторичным лексическим значениям: «человек, обладающий умом, рассудительностью», «глупый, недалёкий человек», «смелость, бесстрашие», «легкомысленность, неспособность нести ответственность», «рассеянный, с плохой памятью человек» и «превосходство над кем-либо по тем или иным качествам».

Положительная оценка человека с интеллектуальной стороны, наличие у него достаточных умственных способностей зафиксированы во фразеологизмах *«светлая голова»*, *«с головой»*, *«голова на плечах»* (*«иметь голову на плечах»*), *«с царём в голове»* (*«царь в голове»*), *«голова варит»*. В последнем примере соматический компонент может быть свободно заменён лексемой *«котелок»*, употребляемой в качестве разговорного варианта со значением «голова, умственные способности» (*«котелок варит»*) (Фразеологический словарь русского языка 1986).

Коннотацию, прямо противоположную фраземам, приведённым выше, а именно смысл **«глупый, недалёкий человек»**, несут такие сочетания, как *«голова соломой набита»* (*«солома в голове»*), *«без царя в голове»*, *«голова еловая»*, *«дубовая голова»*, *«мякинная голова»*, *«пустая голова»*, *«дурья голова»*, *«без головы»*, *«голова садовая»*. Фразеологический оборот *«без царя в голове»*, как можно заметить, составляет антонимическую пару фразеологизму *«с царём в голове»*, отличаясь от него в своей внешней структуре лишь предлогом и, соответственно, предложно-падежной формой. Во фразеологизмах *«дубовая голова»*, *«пустая голова»*, *«мякинная голова»*, *«дурья голова»* главное слово имеет разговорный эквивалент *«башка»*, название головы, заимствованное из тюркских языков. Образованные фразеологизмы *«дубовая башка»*, *«пустая башка»*, *«мякинная башка»*, *«дурья башка»* непосредственно передают негативное отношение к человеку, при описании которого они используются.

Значение **«смелость, бесстрашие человека»** передаётся семантикой фразеологизмов *«буйная голова»*, *«бедовая голова»*, *«о двух головах»*, *«забубённая голова»*, *«шальная голова»*. Примечательно, что фразеологические единицы данной подгруппы исключают семантическую

однородность. Так, в используемом нами фразеологическом словаре **положительную коннотацию** рассматриваемого качества передаёт лишь сочетание «*о двух головах*», которое описывает человека с безудержной смелостью, рискующего своей жизнью, несмотря ни на что. Отрицательную коннотацию можно наблюдать в остальных фразеологизмах, значение которых – **«бесшабашный, безрассудно смелый человек, нисколько не задумывающийся о последствиях своих действий»**. Лексема «голова» в данных сочетаниях может быть заменена словом «головушка», непосредственно выражающим неодобрительное отношение к человеку с такой характеристикой («*буйная головушка*», «*бедовая головушка*», «*забубённая головушка*», «*шальная головушка*»).

Смысл «**легкомысленность, ветренность человека**» воссоздают фразеологические единицы «*ветренная голова*» и «*ветер в голове*». В них так же, как и в случаях выше, лексема «головушка» способна заменять главное слово «голова», образуя разговорный фразеологический вариант «*ветренная головушка*». Последнее сочетание («*ветер в голове*») может употребляться с глаголами, обозначающими движение («*бродит*», «*гуляет*», «*ходит*»), и с глаголом, передающим звуки («*свистит*»). Данные слова придают фразеологизму значение волнения, смятения, отсутствия порядка, гармонии, что вполне соответствует представлению о несерьёзном, опрометчивом человеке.

Значение «**рассеянный, с плохой памятью человек**» передаётся единственным примером, и это фразеологический оборот «*дырявая голова*». Прилагательное «дырявый», обозначающее что-либо прорванное, с дырочками, воссоздаёт оттенок упущения и ненадёжности, тем самым являясь весьма подходящим для характеристики забывчивого, невнимательного человека. Стоит отметить, что синонимическую пару данному фразеологизму составляет аналогичная по своей форме идиома «*дырявая память*».

Превосходство человека над другими людьми по определённым признакам нашло выражение в последней фразеологической подгруппе – практически одинаковых по внешней структуре фраземах «*головой выше*» и «*на голову выше*».

Вторая фразеологическая группа значительно более репрезентативна, чем первая группа, и объединяет единицы с общим значением «**описание и название состояний, действий человека, характеристика каких-либо явлений, процессов**». Здесь также выделены семантические подгруппы, и среди них можно назвать «отсутствие чёткого мышления, хаос в мыслях», «состояние, когда человек обременён нескончаемыми думами, заботами»,

«нести большую ответственность, подвергаться опасности, рисковать», «что-либо происходит неожиданно, ни с того ни с сего», «целиком, полностью», «испытывать чувство вины, раскаиваться», «избавляться, освобождаться от чего-либо» и другие.

Так, в большей части фразеологизмов лексема «голова» представлена в понимании «рассудок, сознание человека». К этой подгруппе относятся сочетания «голова идёт кругом», «голова кружится», «голова пухнет» («голова распухла»), «каша в голове», объединённые значением **«отсутствие ясности, порядка в мыслях, неспособность чётко соображать»**. Состояние человека, когда его сознание заполнено большим количеством мыслей, дум и они лишают человека спокойствия, передают фразеологизмы «голова забита», «вертится в голове», «держат в голове», «сидеть гвоздём в голове», «забивать голову», «набивать голову», «не выходит из головы», «ломать голову» и «лезть в голову». Значением **«представляться, доходить до сознания, думаться»** отличаются такие фраземы, как «входить в голову», «приходить в голову», «перебирать в голове», «уложить в голове». Последнему сочетанию в семантическом отношении противопоставлен фразеологизм «не укладывается в голове», обозначающий, соответственно, **невозможность восприятия сознанием какой-либо информации**.

Также к данному разряду принадлежат фразеологические единицы «крутить голову» (в 1-м значении), «кружить голову» (во 2-м зн.), «терять голову», отражающие смысл **«влюблять в себя, влюбляться в кого-то»**, и «голова (душа, сердце) горит», «кровь бросилась в голову» «хвататься за голову», выражающие **состояние сильно взволнованного, взвинченного, чем-либо обеспокоенного человека**. Следует обратить внимание, что «устойчивые фразы» в названных подгруппах обладают значительной долей экспрессивной окраски.

Описание каких-либо процессов, явлений, происходящих в жизни человека, воссоздаётся семантикой таких фразеологизмов, как «ударять как обухом по голове», «взбрёдётся в голову», «взбрёдать в голову», «как снег на голову», «ударять в голову», обозначающих **«внезапно, неожиданно, ни с того ни с сего»**. К подобным примерам относятся и фразеологические единицы «окунуться с головой» и «с головы до ног» («от головы до пят»), которые носят смысл **«абсолютно, целиком, полностью»**.

Невозможность человека что-то вспомнить, восстановить в памяти не как его постоянное качество (ср. фразеологизм «дырявая голова» из первой основной группы), а как временное состояние выражают фразеологизмы «вертится в голове», «не идёт в голову», «вылетать из

головой», «из головы вон (выскочило)», «ломать голову» и «перебирать в голове».

Значение **«уход чего-то», «избавление, освобождение от чего-нибудь, как правило, лишнего, вредного»** отмечено во фразеологизмах **«выбрасывать из головы», «выбрасывать дурь из головы», «выбивать из головы», «хмель вылетел из головы».**

Вышеприведённый языковой материал второй фразеологической группы можно дополнить единицами, обладающими преимущественно негативными смысловыми оттенками. Так, явление, когда человек имеет **слишком высокое мнение о себе, превозносится над другими, высокомерен, заносчив**, обозначается фразеологическими оборотами **«голова вскружилась»** и **«терять голову»** (во 2-м зн.). Смысл **«наказывать, отчитывать, сильно распекать кого-либо»** содержат такие идиомы, как **«выбивать дурь из головы», «сорвать голову»** и **«снять голову»** (обе во 2-м зн.), **«мыть голову», «мыть голову», «гладить по головке»** (с отрицанием). При описании **состояния скорби, отчаяния, безмерной тоски** могут быть использованы фразеологизмы **«вешать голову», «посыпать голову пеплом», «хвататься за голову», «хоть головой об стену бейся».** Антонимом к указанным выражениям является фраза **«поднимать голову».** Значение **«потерпеть неудачу, попасть в беду, пострадать от чего-либо»** отражают фразеологические единицы **«на свою голову», «свернуть <себе> голову», «сломать <себе> голову».** И последнее в данной группировке значение **«запутывать, намеренно сбивать с толку кого-либо»** представлено семантикой таких фразеологизмов, как **«морочить голову», «кружить голову»** (в 1-м зн.), **«крутить голову»** (во 2-м зн.).

Считаем необходимым обратить внимание также на такие соматические фразеологические единицы, которые были рассмотрены в ходе работы со словарём, однако не указаны ранее в составе обозначенных 2 больших групп, поскольку представляют то или иное значение единичным примером.

Так, фразеологизм **«пролётная голова (головушка)»** воссоздаёт значение **«человек, переживший много испытавший, побывавший в различных переделках».** Как указывает А. М. Молотков, данное фразеологическое сочетание обычно употребляется с оттенком неодобрения (Фразеологический словарь русского языка 1986). Можно добавить, что смысл фразеологической единицы «пролётная голова» весьма ярко и точно передаёт имя прилагательное *бывалый* ввиду особенностей своей стилистики и ей тождественны такие фразеологизмы, как «старый волк», «стреляный воробей», «тёртый калач», «травленный зверь» и пр.

Характеристику **человека, обладающего высокой степенью свободы**, имеющего возможность поступать так, как вздумается исключительно ему, независимо от мнений кого-либо, представляет фразема *«сам себе голова»*. Эквивалентами компоненту-соматизму «голова» могут выступать лексемы «хозяин», «господин». Аналогичным рассматриваемому фразеологизму можно назвать фразеологическое сочетание «в свою голову», которое характеризует не качество личности человека, а его возможности и действия. Данная единица имеет значение **«поступать, делать что-либо по личному усмотрению, на свою ответственность»**.

Фразеологизм *«с (в) булавочную головку»*, воспроизводящий смысл **«очень маленький, крошечный»**, являет пример употребления лексемы «голова» с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к-*. Такой стилистический приём весьма точно позволяет представить нечто миниатюрное, микроскопическое и хрупкое.

Для обозначения того **места или около него, куда, ложась, кладут голову (стоять, сидеть, положить, находиться и т.п.)** служат фразеологические единицы *«в головах»* и *«в головы (голову)»*.

Значение **«проказничать, озорничать, шалить»**, употребляемое, как правило, в отношении детей, подчёркивается такой фраземой, как *«ходить на голове»*. Относительно схожим смыслом обладает фразеологическое выражение *«садиться на голову»*, подразумевающее под собой действие, когда человек, **подчиняя своей воле других, заставляет исполнять свои желания, капризы, командует кем-либо**. Данное сочетание, в отличие от первого, может употребляться как при характеристике детей, так и взрослых.

Фразеологический оборот *«хоть кол на голове теши»* имеет значение **«что ни делай, что ни говори, всё бесполезно, напрасно»** и употребляется главным образом в тех случаях, когда речь идёт об очень упрямом, неподатливом человеке, ни при каких условиях не желающего что-либо понять, сделать, прийти к какому-то соглашению. Настоящий пример обладает повышенной экспрессивной окраской и характерен в частности для разговорной или грубо-просторечной речи.

Необходимость выполнить те или иные задачи, **решить что-то в первую очередь, прежде всего, безотлагательно** воспроизведена в таком фразеологическом сочетании, как *«в первую голову»*.

Аналогичные по внешнему выражению единицы *«очертя голову»* и *«сломя голову»* могут показаться на первый взгляд синонимичными, однако стоит иметь в виду, что они характеризуют отнюдь различные

процессы. Так, фразема «*очертя голову*» обозначает совершение каких-либо действий, принятие решение без анализа их возможных последствий («**безрассудно, не думая о последствиях**»). Фразеологизмом «*сламя голову*» подчёркивается значение «**стремительно, опрومتью, стремглав (бежать, мчаться, скакать и т.п.)**».

Смыслом «**не извещая, минуя того, к кому непосредственно необходимо обращаться или через кого следует действовать**» обладает лишь фразеологическая единица «*через голову*».

Фразеологическое сочетание «*валить с больной голову на здоровую*» представляет значение «**перекладывать вину с виноватого на невинного**», характеризует действия человека, не желающего и, возможно, малодушничавшего признать собственные ошибки.

Чаще в грубо-просторечной речи встречаются такие фразеологизмы с интересующим нас компонентом-соматизмом, как «*<сам> чёрт голову сломит*» и «*хрен в голову*». Первый из них раскрывает значение «**невозможно разобраться где-либо или в чём-либо, невозможно ничего понять**» и характеризует таким образом состояние беспорядка, неразберихи. Эквивалентом лексемы «голова» в выражении «*<сам> чёрт голову сломит*» может быть другой соматизм – «нога» (ср. «*<сам> чёрт ногу сломит*»). Фразеологический оборот «*хрен в голову*» в свою очередь служит для выражения **удивления, восхищения, восторга либо возмущения, негодования**.

Итак, нами был рассмотрен особый класс фразеологических единиц русского языка – фраземы с компонентом-соматизмом «голова». Анализируемый языковой материал был взят из «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова. На основе первичных и вторичных лексических значений фразеологизмов удалось составить 2 основные фразеологические группы и выделить несколько семантических подгрупп внутри каждой соответственно. Так, первую группу с исходным значением «характеристика человека, описание отдельных качеств его личности» образуют фразеологические единицы со значениями «глупость», «ум, сообразительность», «смелость, решительность», «легкомыслие», «рассеянность, плохая память» и «превосходство над кем-либо». Оказалось, что большинство фразеологических сочетаний первой группы имеет отрицательную смысловую коннотацию, описывая негативные качества человека. Во вторую фразеологическую группу, описывающую действия, состояния человека и процессы в окружающей среде, вошли единицы со значениями «неспособность ясно мыслить», «озадаченность мыслями, заботами», «влюблять, влюбляться», «убить, лишить жизни»,

«нести большую ответственность, рисковать», «о случившемся внезапно, неожиданно», «целиком, полностью (происходить, делать), «осознание вины, раскаяние», «освобождение от чего-либо», «ужасаться чему-то, отчаиваться», «распекать, наказывать» и др. Анализ фактологического материала свидетельствует, что вторая группа более репрезентативна, чем первая. В завершении исследования были представлены и такие фразеологические обороты, которые передают определённые значения лишь единственными примерами.

Компонент-соматизм «голова», называя наиболее главный орган человеческого тела, составляет весьма обширный класс фразеологизмов в русском языке. Рассмотрев соматические фразеологические единицы на примере ключевой лексики («голова»), мы смогли убедиться в том, что часть русской фразеологии, вбирающая в себя наименования частей тела человека, обладает богатейшими возможностями в выражении различных смысловых оттенков, образует самые яркие образные сочетания и потому справедливо представляет особый интерес для учёных-лингвистов.

Литература

- Кунин, А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. Издание второе, переработанное [Электронный ресурс] <https://docplayer.ru/47560669-A-v-kunin-kurs-frazeologii-sovremennogo-angliyskogo-yazyka-izdanie-vtoroe-pererabotannoe.html> (дата обращения: 06.03.2020).
- Лиджиева, А. С.* К вопросу о частотности функционирования названий частей тела человека в составе соматических фразеологизмов русского и калмыцкого языков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 4 (107). – С. 201-205.
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. – М.: «Русский язык», 1986. – 543 с.
- Чжан, С.* Исследование семантических особенностей фразеологизмов с компонентами-соматизмами // Филология и человек. – 2013. – № 4. – С. 119-126.

Zenzerya I. V.

Novosibirsk State Pedagogical University Kuibyshev Branch, Russia
zenzerja@rambler.ru

Somatic phraseological units of the Russian language

The Russian language is inexhaustibly rich and enriched at an amazing speed. An integral part of it are phraseological units - stable indivisible combinations of words used in a figurative meaning. The close attention of modern linguists is largely focused on those phraseological units that have somatic components. The component 'somatism' refers to the name of a particular part of the human body. Such phraseological units, for example, include "nodding," "not believing your ears," "scratching your tongue," "pulling yourself together," "living in a big way," etc. The article is devoted to the study of somatic phraseological units in the Russian language. Factual material is taken from the "Phraseological Dictionary of the Russian Language" edited by A.I. Molotkov. In this work, the semantic meanings of these phraseological units are identified and systematized, characterizing, on the one hand, personal qualities, individual characteristics of a person, and on the other, actions, human conditions, and processes in the environment. The quantitative ratio of phraseological units differentiated into 2 main semantic groups is determined. Also given are data that clearly show the percentage ratio of units within the first phraseological group, then comparing the number of phraseological units of the 2 main groups as a whole. Based on the analysis of the lexical meaning of the units of the first group, their stylistic coloring is determined, it is noted that negative connotations largely prevail over the positive ones.

Keywords: phraseology of the Russian language, somatisms, idioms, stable expressions

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'26:811.161.1'366

Каверина Валерия Витальевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
kaverinal@yandex.ru

Нормализация орфографии прилагательных с суффиксом -ск- в периоды формирования и развития национального русского языка

В статье на обширном материале «Ведомостей» эпохи Петра I, «Санктпетербургских ведомостей» прослеживается становление норм оформления границы морфем в словах с суффиксом <-ск-> в XVIII–XIX вв. Данные узуса сопоставляются с рекомендациями грамматических сочинений исследуемого периода. В «Ведомостях» действуют две тенденции: первая – независимо от произношения сохранять на письме фонемный состав производящей основы и суффикса; вторая – отразить на письме реальное произношение. После значительных колебаний фонематическая орфография слов данной группы окончательно стабилизируется в конце XVIII в., несмотря на полное отсутствие их кодификации. Один из первых опытов нормализации данной орфограммы в неизданной грамматике А. А. Барсова 1783–1788 гг. по времени совпадает с относительной стабилизацией ее в узусе. Наиболее основательно правила правописания слов с суффиксом <-ск-> изложены в Академической грамматике 1802 г. Таким образом, становление исследованной нормы происходит под действием общей тенденции к сохранению на письме единообразия морфемы в русле фонематического принципа.

Ключевые слова: история русского письма; норма и кодификация; орфография
границы морфем; прилагательные с суффиксом <-ск->

Вступление

Реформа азбуки, проведенная в начале века Петром I и явившаяся, по словам В. М. Живова, наиболее наглядным выражением «петровской языковой политики» имела целью противопоставление «нового и старого, европейского и традиционного, секулярного и клерикального» (Живов 1996: 72), в результате чего произошло четкое размежевание церковной и гражданской (светской) письменности. Однако «преемственность гражданского шрифта от отношения скорописи» однозначно прослеживается лишь в области начертания букв, в области же орфографии нередко «соблюдаются нормы книжного письма» (Живов 1996: 87). Большую роль в сохранении этих норм играет активно развивающееся книгопечатание, но и в книгах русская орфография сохраняет вариативность, особенно при отражении слабых фонетических позиций. Вместе с тем, по нашим наблюдениям, правописание складывается не в порядке государственных реформ, а стихийно, в практике книгопечатания, значительно опережая кодификацию в грамматиках и словарях. Прилагательные с суффиксом <-ск-> демонстрируют яркий пример стихийной нормализации орфографии производных слов с позднейшим закреплением грамматическими сочинениями.

1. Орфография прилагательных с суффиксом <-ск-> в газетах XVIII–XIX вв.

1.1. Петровские «Ведомости» как важный источник узуальной нормы письма

В первом русском периодическом издании – учрежденной Петром I в 1702 году печатной газете «Ведомости» – отразился важный этап становления русской орфографии. Разнообразие источников при существовавшей в то время принципиальной вариативности орфографической нормы и недостаточном внимании тогдашних справщиков к вопросам правописания дает основание прогнозировать различия в орфографическом оформлении не только отдельных номеров, но и разных материалов в рамках одного номера, что будет учитываться при анализе орфографии «Ведомостей». Другая возможная причина появления вариативности в письме «Ведомостей», очевидно, заключается в смене редакторов, переводчиков и других людей, ответственных за издание газеты. Важной особенностью газеты является попеременная печать отдельных номеров то церковным, то гражданским

шрифтом, введённым реформой графики 1708–1710 гг. В период с 1710 по 1715 гг. «одни номера печатались по-старому, “библейным” шрифтом, другие – новым, гражданским» (Покровский 1906: 88). При исследовании письма «Ведомостей» мы будем также учитывать тот факт, что с 1711 г. они стали печататься как в Москве, так и в Санкт-Петербурге. Первый петербургский номер, представлявший собой измененный и дополненный вариант номера, вышедшего в Москве, появился 11 мая 1711 г. Если сначала московские номера перепечатывают в Санкт-Петербурге, то с 1712 г. уже Москва копирует номера, выпущенные в новой столице, а с 1716 г. Санкт-Петербург полностью завладевает инициативой в издании «Ведомостей». При этом некоторые номера выходят только один раз – в Москве или Санкт-Петербурге, а в отдельных случаях московский и петербургский выпуски газеты оказываются совершенно различными по содержанию. Важные выводы о бытовании орфографической нормы в исследуемый период можно сделать на основании сопоставления московского и петербургского изданий одного и того же номера газеты (например, №2 за 1712 г.), а также белого и корректурного экземпляров (например, №9 за 1719 г.).

1.2. Орфография прилагательных с суффиксом <-ск-> в «Ведомостях»

В «Ведомостях», как и в памятниках деловой и бытовой письменности XV–XVII вв., исследованных Л. А. Илюшиной, прослеживаются «две тенденции в орфографии этой группы прилагательных: 1) независимо от произношения сохранять на письме фонемный состав производящей основы и суффикса, т.е. следовать тому принципу, который мы сейчас называем фонемным... 2) отразить на письме реальное произношение» (Илюшина 1988: 72).

1.2.1. Написания прилагательных с мотивирующей основой на т и д, передающие фонемный состав стыка морфем.

Эта группа наиболее многочисленная в «Ведомостях», что отражает тенденцию к сохранению единообразия морфем на письме: финландсквю, ингерманландскимъ 1703.1¹, шведскомъ 1703.2, шкотские 1703.3, нидерландской 1703.6, датской 1703.8, над’наландскимъ, седмиградсквю 1703.9, городские 1704.20, градскихъ 1704.32, седмиградская 1705.2,

высогородскихъ 1705.11, градскій 1705.12, шведсаги 1705.26 шведская 1705.43, шведскихъ (2 раза), шведской 1705.35, седмиградской 1705.39, градскихъ, новгородскомъ 1706.6, шведсаги 1708.1, посадскихъ 1708.6, шведскимъ 1708.9, шведской 1709.2, 6, 1710.1, шведсага 1709.6, шведскими 1709.12, шведскіи, свѣтскіи (2 раза), свѣтскую, свѣтского 1710.2, датскіихъ 1710.5, датское, датской 1710.8, шведскіихъ 1710.15, шведскомъ 1711.7, шведское 1712.12, датское, со шведскимъ, шведской, датской (2 раза), датская 1713.1, шведскому, шведской 1713.4, свѣтскіе 1718.2, Президентское 1719.2, Провіантскіе, Шведского и Датского, Шведскому и Датскому 1719.3, шведскіи, Шведской (2 раза), шведской (2 раза) 1719.5, шведскіе 1719.7, Шведской, шведской 1720.2, Лимеландскую 1720.8, статскимъ, Шотляндскимъ 1722.12, шведскіи 1723.2 (2 раза), Мадритскому, Мадритского, шведсага 1725.12.

Данная группа самая многочисленная, что заметно отличает «Ведомости» от скорописных вестей-курантов прошлого столетия, где при предпочтительном использовании форманта *-ц-* наблюдается значительная вариативность (Тарабасова 1986: 59–60), при этом «строго фонемные» варианты находятся «на периферии», а «явно фонетический вариант» преобладает (Демьянов 2001: 16).

1.2.2. Написания прилагательных с мотивирующей основой на т и д, отражающие фонетические изменения на стыке морфем.

Несколько меньше в «Ведомостях» вторая группа, в которой отразились особенности живого произношения: швецкой 1703.1, швецкомъ 1703.2, дацкоміи 1703.5, воевоцкой 1703.10, персицкимъ 1704.11, дацкий 1704.19, хорвацкой 1704.12, чѣцкомъ езерѣ 1704.21, салдацкихъ, швецкѣю 1704.22, швецкой, конфедерацкоги 1705.1, конфедерацкаги, дацкога 1705.5, конфедерацкихъ 1705.10, дацкаги 1705.11, швецкіа 1705.31, швецкаго 1705.35, конфедерацкіе 1705.38, швецкомѣ 1708.6, швецкимъ 1709.12, дацкой, дацкихъ, дацкое 1710.1, дацкога, дацкая (2 раза) 1710.2, дацкое, дацкіихъ, дацкую 1710.5, дацкая 1710.6, швецкому, швецкога 1710.15, швецкой 1711.7, слободцкіе 1711.9, швецкога, дацкой (2 раза), швецкой, дацкога (2 раза), швецкому 1712.11, швецкой 1712.12, дацкую 1713.1, швецкимъ, швецкіихъ, швецкому, швецкимъ, швецкой, швецкога, швецкіе 1713.4, дацкой, дацкіе, дацкой, швецкой (2 раза), дацкихъ, швецкіе 1715.11, Дацкой 1719.2, швецкимъ 1720.8, дацкой 1721.1, 1725.12.

К фонетическим, очевидно, следует отнести и очень устойчивое написание слова “голландский” с усечением конечной д корня: галансагw 1703.2, на галанскомъ 1703.10, галанскихъ 1704.13, 1707.8, галанские 1705.9, 1708.4, 5, галанскихъ, галансагw, галанской 1708.5, галанские, галанскимъ 1710.2, галанскою 1712.8, галанского, галанскихъ 1714.1, галансаго 1715.4 и под., очевидно мотивированное тем, что «вариант производящей основы без д прочно морфологизировался, судя по производным галанец – ни одного примера с д, галанка ‘род пушки’» (Демьянов 2001: 16).

1.2.3. Контаминационные написания прилагательных с мотивирующей основой на *т* и *д*.

«Фонемно-фонетические (контаминационные)» (Демьянов 2001: 16–17) написания, как и в вестях-курантах, представлены в «Ведомостях» не столь широко, сколь названные выше группы: *седмиградцкимъ* 1703.9, *седмиградцкой* 1705.7, *датцкие* 1705.23, *седмиградцкой* 1705.41, *жмодцкаго* 1706.2, *датцкое*, *дадцкого*, *дадцкую* 1710.2, *дадцкие* 1710.5, *датцкои* (2 раза), *датцкие* 1710.6, *шведцкои* 1712.6, *датцкому*, *датцкою*, *датцкого*, *датцкии* 1712.7, *шведцкомъ* 1713.4. Несколько иначе интерпретирует подобные написания в вестях-курантах Н. М. Тарабасова, полагая, что в них «над пишущим как бы довлело существование элемента *-ц-*» в случаях типа «да^тцского II 73.522» (Тарабасова 1986: 60) в вестях-курантах и еще ранее отмеченных Л.А. Илюшиной как единичные словоупотребления (*Омутцское село*) в памятниках деловой и бытовой письменности XV–XVII вв. (Илюшина 1988: 72). Исследуемые нами тексты подобных написаний не содержат, отмечен лишь случай одновременного использования *ц* и *с*: дацсаго 1710.11.

В отличие от скорописных вестей-курантов XVII в., «Ведомости» не позволяют сделать выводов о ведущей роли фонетического принципа в оформлении морфемного стыка в словах с основой на *д/т*. Вместе в тем это является нормой для скорописи того времени и соблюдается в деловых и бытовых памятниках первой четверти XVIII в.² без исключения: *таварицкои* 67.23об.³, *таварицко^м*, *прошлогоцкого* 66.19об., *таварицкомъ*, *прошлогоцкого* 61.10, *соцко^у* и *слобоцкие* 143.28. Иначе обстоят дела в

2 ПМ XVIII — Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1981. 320 с.

3 Здесь и далее число перед точкой обозначает номер текста в публикации, после точки – номер воспроизведенного в ней рукописного листа.

петровских «Ведомостях», где фонетических и фонематических вариантов оформления таких слов почти поровну, причем зависимости орфографии от происхождения слова не обнаружено, хотя образования от заимствований в «Ведомостях» заметно преобладают.

Итак, правописание прилагательных с мотивирующей основой на *т* и *д*, очевидно, находится в стадии оформления, о чем свидетельствует вариативность, обнаруживающаяся даже в пределах одного номера газеты. Приведем хотя бы несколько примеров из «Ведомостей», которые можно множить: *седмиградцкѣмь* – *седмиградскѣю* 1703.9, *седмиградская* – *седмиграцкой* 1705.2, *шведскихъ* (2 раза), *шведской* – *швецкаго* 1705.35, *шведскомѣ* – *швецкимъ* 1709.12, *шведскіхъ* – *швецкому*, *швецкого* 1710.15, *шведскому*, *шведской* – *швецкімъ*, *швецкіхъ*, *швецкому*, *швецкимъ*, *швецкой*, *швецкого*, *швецкіе* – *шведукомъ* 1713.4. Вместе с тем можно установить основные тенденции, действующие на данном участке орфографической системы. Если в ранних номерах фонематические написания даже несколько преобладают, то к 1713 году заметно возрастает число фонетических вариантов, которые к 1719 году вновь начинают сокращаться, уступая место написаниям, сохраняющим фонемный состав морфем на стыке.

1.2.4. Написания прилагательных с мотивирующей основой на *з*.

Значительно более устойчива орфография прилагательных с мотивирующей основой на *з* (представленных в основном словом “французский”). В соответствии с фонематическим принципом здесь обычно сохраняется конечная согласная производящей основы: *францѣзскими*, *францѣзскихъ*, *францѣзскомѣ* 1703.2, *францѣзскій* 1704.23, *францѣзскіе* 1705.5 (5 раз), *францѣзкагѣ*, *францѣзскіе* 1706.1, *францѣзскіе*, *францѣзскій*, *францѣзскіхъ* 1706.2, *францѣзской* 1706.7, *францѣзскихъ* 1707.4, *францѣзская* 1707.18, *францѣзскій* 1707.27 (3 раза), *францѣзскій* 1710.1, 3, *францѣзскіи* 1710.2 (4 раза), 1710.5 (2 раза), *францѣзскую* 1711.4, *францѣзскому* 1711.5, *францѣзское* 1711.10, *францѣзскомъ* 1711.13, *Францѣзскомъ* 1719.2, *Францѣзскому*, *Францѣзской* 1719.3, *францѣзскому* 1722.12.

Другой вариант предполагает усечение *з* перед суффиксом -ск-: *францѣзской*, *францѣзскій* 1703.6, *францѣзскими*, *францѣзскіе* 1703.9, *францѣзскомѣ* 1705.17. Впрочем, в «Ведомостях» сохранение *з* на стыке морфем является нормой, а написания второго типа с усечением *з*

употребляются лишь в номерах за 1703 г., после чего встречаются в единичных случаях.

1.2.5. Написания прилагательных с мотивирующей основой на *с*.

В прилагательных с производящей основой на *с* и суффиксом *-ск-* упрощенные написания отмечаются несколько дольше. В ранних номерах «Ведомостей» церковной печати обе *с* на стыке морфем не сохраняются: *прѣскю*, *рѣскимъ* (2 раза) 1703.1, *рѣскихъ* 1703.5, *рѣского* 1703.7, *прѣскій* 1704.10 (2 раза), 1704.33, 1705.7, *прѣской*, *прѣскимъ*, *прѣскагѡ* 1704.11, *прѣскихъ* 1704.32, *прѣскаа* 1704.33, *рѣского*, *прѣскомѡ* 1705.3, *рѣскагѡ* 1705.4, *рѣской* 1705.12, *рѣскіе*, *рѣскимъ* 1705.18 и др. Такие написания сохраняют устойчивость до конца 1705 г. в русле книжной традиции. Кроме того, здесь может сказываться влияние польского *pruski* (Демьянов 2001: 25). Вообще, по мнению В.Г. Демьянова, в иноязычных прилагательных в XI–XVII вв. «наиболее распространенным типом оформления морфемного стыка следует признать *-ск-* с отражением упрощения *-сск-* в *-ск-*» (Демьянов 2001: 25).

В 1705 г. возникает вариативность с преобладанием написаний с одной *с*: *прѣской* 1705.42, *прѣскій* 1705.37, *прѣскагѡ* 1706.4, *прѣскихъ* 1706.1, *рѣскомъ* 1706.6, *прѣскими* 1706.9, *прѣском* 1706.19, *прѣскіе* 1706.19, 20, 1707.27, *рускіе* 1711.5 (2 раза), 1711.7, *Прускомъ* 1719.5, *Пруссаго* (2 раза) 1725.1 и др. Однако число написаний с удвоением постепенно растет: *прѣсскомъ* 1705.33, *прѣсскимъ* 1705.38, *рѣскагѡ* 1705.46, 1706.1, 19, 20, *прѣскагѡ* 1706.2, *прѣсскіи* 1710.3, *прусскіе* 1715.12 и т.д. Вариативность наблюдается даже в пределах одного номера: *Русскои*, *Рускіе* 1719.14. А петербургский №1 за 1716 г. с удвоением в слове «пруссский» (*прусскому*, *прусского*) перепечатывают в Москве с одной *с*: *пруссому*, *пруссого*. Однако нельзя не отметить тенденцию к фонематическому оформлению данного стыка морфем, чему могли способствовать и закрепленные в Грамматике 1648 г. написания, кодифицирующие новую книжную норму: *рѣсскіи*, *рѣсска* (Грамматика 2007: 482). При этом «Ведомости» допускают удвоение согласных, в отличие от деловой скорописи XVII–XVIII вв. (*рѣски*^х 65.22, *русская* 260.97)⁴. К примеру, слово «Пруссия» пишется через две *с* даже в тех номерах «Ведомостей», где соответствующее прилагательное находим только с одной *с*: *прѣссіи* 1704.10, 33, *прѣссію* 1704.11, 1705.7.

Таким образом, если в прилагательных с мотивирующей основой на *з* фонематические написания уже утвердились, то в словах с производящей основой на *д/т* и с тенденция к фонематическому отображению стыка морфем лишь намечается. Интересно, что в «Ведомостях» не встретился ни разу вариант написания с *меной* в исходе производящей основы *з* на *ж* (*французский*) (Демьянов 2001: 16–17), преобладающий в вестях-курантах XVII в. и отмеченный нами в памятниках деловой и бытовой письменности начала XVIII столетия (*θpa^нцy^жскими* 143.28)⁵,

1.3. «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости» как важные источники узувальной нормы письма

В 1728 году на смену «Ведомостям» приходят «Санктпетербургские ведомости», руководил которыми будущий академик Г. Ф. Миллер. Он составлял текст на немецком языке, а затем его переводили на русский особые переводчики, в числе которых будущий редактор И. И. Тауберт (Берков 1952: 62). Первым русским главой «Санктпетербургских ведомостей» в 1748 г. стал М. В. Ломоносов. Нами установлено, что он не воплощал в орфографии газеты теоретических положений своих трудов (Каверина 2016: 85–86). С уходом Ломоносова в 1751 г. и возвращением в газету И. И. Тауберта, бывшего ее редактором в 30–40-е гг. XVIII в., ситуация принципиально не меняется.

«Московские ведомости» издавались Московским университетом с 1756 г. Редакция газеты осуществлялась преимущественно профессорами университета, и первым редактором данного издания являлся А. А. Барсов (Берков 1952: 112). Мы выяснили, что, как и Ломоносов, он не приводил орфографию газеты в соответствие с правилами своих грамматических сочинений (Каверина 2016: 85–86). Для нашего анализа также важно, что в «Московских ведомостях» широко использовались материалы «Санктпетербургских ведомостей». Так, в 1757 г. «магистр Барсов просил... о присылке русских петербургских газет, которые ему к сочинению здешних весьма надобны» (Берков 1952: 109).

1.4. Орфография прилагательных с суффиксом <-ск-> в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях»

1.4.1. Написания прилагательных с мотивирующей основой на *т* и *д*.

«Санктпетербургские ведомости» наследуют узуальную норму «Ведомостей», где отражается фонемный состав прилагательных с суффиксом <-ск->, например: *Голландскимъ и Персидскимъ* 1732.10, *Кадетскаго* 1735.2, *Шведскіи статскіи* 1734.68. Так называемые «контаминационные» написания уже не употребляются, однако в словах с мотивирующей основой на *д/т* нередко отражается произношение: *кабинецкаго* 1729.6, *дацкое*, *Дацкіи* 1729.39, *Дацкимъ* 1729.40, *галанскіи* (2 раза), *Персицкаго*, *Персицкои* 1729.41, *Кадецомъ* 1740.104 («Санктпетербургские ведомости»). Незначительная вариативность отмечена в орфографии слова «датский», где, как когда-то в «Ведомостях», сохраняется фонетическое написание на фоне устойчивого фонемного отображения других прилагательных: *Шведскіи – Дацкіи* 1730.93, *Дацкой – Голландской* 1761.3 («Московские ведомости»); *Дацкомъ – Датскихъ* 1775.26, *Дацкомъ – Голландскіе* 1775.6 («Санктпетербургские ведомости»).

Однаковостальных случаях фонематические написания окончательно побеждают в конце 1760-х гг. Так, в «Санктпетербургских ведомостях» находим: *Статскаго Совѣтника* 1769.46, *комисаріатскую, провіантскую, кадетскаго, кадетскомъ, Голландское* 1770.2, *Лифляндскихъ, Естляндскихъ, Финляндскихъ* 1771.74, *Шведской, комиссаріатскою, Голландскаго* 1775.4, *Голландскіе, Санктпетербургскимъ* (3 раза) 1775.6, *Ост- Готдандскій* 1775.26, *статскаго* 1775.48, *кадетскомъ, Голландскій, Голландскихъ* 1780.71, *Голандскую* (3 раза), *Шведская, Голландскихъ, Статскій* 1780.92, *Шведской* 1780.93, *Голландскихъ, Шведскій* 1784.56, *Голландскихъ, Шведскій, голландскимъ, Шведскаго* 1784.58, *Голландскою, Богородской* 1784.102, *Голландскимъ* (2 раза), *Новгородскій* 1787.2, *Голландскими, статскаго, Новгородской* 1787.15, *Шведскаго* 1806.8, *Сиротскимъ, Кадетской* 1806.14, *Шведскихъ, Шведскаго, Шведская, Шведскихъ* 1806.41, *Шведскія, Городской* 1850.147. Такая же картина наблюдается и в «Московских ведомостях»: *Датскаго* 1769.23, *Шотландскія, Шведскаго* 1771.68, *Шведской* 1775.3, *Голандскіе* 1796.54, *Кадетскаго, Кадетскому* 1796.75, *Арбатскими* 1799.22, *Ирландскихъ* 1799.45.

Таким образом, несмотря на слабую фонетическую позицию и отсутствие кодификации, фонематическая орфография прилагательных с

производящей основой на *т* и *д* окончательно устанавливается к 70-м гг. XVIII в.

1.4.2. Написания прилагательных с мотивирующей основой на *г*.

Удивительно устойчивы в «Санктпетербургских ведомостях» фонематические написания с основой на *г*: *Мекленбургскіи* 1729.6, *Анипагскаго* 1729.39, *Санктпетербургской* (2 раза), *Санктпетербургскаго* 1769.47, *Санктпетербургскаго* 1770.2, *Выборгскаго* 1771.74, *Ротенбургскій* 1780.92, *Брауншвейгскій* 1784.58, *Данцигская*, *Лауенбургской*, *Макленбургской*, *Гамбургской* 1806.41. В «Московских ведомостях» также нет исключений из этой закономерности, например: *Роттенбергскій* 1796.75.

Некоторые написания отражают исторические чередования в исходе корня: *Калужскаго* 1771.74, *Ладожскаго* 1775.4, *Норвежскомъ* 1775.6, *Норвежскомъ* 1775.26, *Ладожскомъ* 1780.92, *Калужскаго* 1806.14 («Санктпетербургские ведомости»), *коллежскимъ* 1799.3 («Московские ведомости»).

1.4.3. Написания прилагательных с мотивирующей основой на *с* и *з*

В середине 1730-х гг. в «Санктпетербургских ведомостях» возрастает число «фонетических» написаний слова «французский», где нередко на стыке морфем обнаруживается не характерное ранее для «Ведомостей» удвоение *с*: *Францускій Миністръ*, *Францусскому двору* 1736.3, *Францусскими* 1736.4, *Францусскои* 1736.96, 1746.102, *Францусскаго*, *Францусскую* 1746.70, *Францусской* 1748.3 и др. Несколько позднее возникает вариативность *с/сс* в данном слове: *Францускаго* – *Францусской* 1740.1, 1756.52. При этом фонематический состав также может отражаться в «Санктпетербургских ведомостях»: *Францускіе* 1729.5, *Францускіи* (2 раза) 1732.10, *Францускаго*, 1735.2. В это время очень сильна вариативность: *Францускаго* 1730.25 – *Францускій Миністръ*, *Францусскому двору* 1736.3 – *Францускаго*, *Францусскомъ* 1734.68. Примерно так же ведут себя в данный период прилагательные с производящей основой на *с* и суффиксом -ск- (*Прускаго*, *Прускіи*, *Прускаго* – *Прускіи* (3 раза) 1730.23, *Прускіи* 1729.39), однако вскоре фонемный состав слова начинает отражаться полностью: *Прусскія* 1850.147, *Прусскаго*, *Прусской* 1756.94, *Прусской*

1758.3, *Прусской* 1770.26, *Прусскомъ* 1787.2, *Пруссаго* 1787.15, *Прусской* 1806.8, *Прусскую* 1806.41.

Показательно, что значительно менее устойчивые в прошлом образования с мотивирующей основой на *т*, *д* и *с* сохраняют морфемный состав, тогда как формы слова “французский” в тех же номерах «Санктпетербургских ведомостей» допускают отступления в пользу произношения: *Шведскіе – Французскаго, Французскую* 1746.70, *Пруссаго, Прусской – Французское, Французскимъ* 1756.94, *Шведская, Шведской, Прусской – Французскомъ* 1758.3. Лишь изредка находим одну *с* вместо двух, например: *Рускомъ* 1758.3. Такой же орфографией отличаются и «Московские ведомости»: *Французское* 1756.69, *Прусскимъ, Французскіе, Французская, Французскую, Французскимъ, французскихъ* 1758.2, *Французской* 1761.102 (3 раза).

Как и в словах с другими производящими основами, фонематическая орфография устанавливается здесь в конце 1760-х гг.: *Французскаго* 1769.2, *Французскую, Французской, Французскіе, Французскія, Французскій* 1769.23, *Французскій* (3 раза), *Французской* (2 раза) 1769.47, *Французскіе* (3 раза) 1775.4, *Французскіе* 1784.56, *Французскаго, Французскія* 1784.102, *Французская* (2 раза), *Французскомъ* 1787.2, *Французскіе, Французскаго* 1787.15, *Французской* 1806.14, *Кавказскаго, Французскихъ* 1806.22, *Французскихъ* 1806.30, *Французскихъ* 1850.147. Такая же картина наблюдается и в «Московских ведомостях»: *Французскія* 1765.46, *Французскихъ* 1769.1, *Французское, Французскомъ* 1769.2, *Яузскихъ* 1769.27, *Французской, Французскомъ* (2 раза) 1771.39, *Французскіе* (2 раза), *Французскихъ* 1771.40, *Французская, Французскія, Французскіе* 1771.68, *Французской* 1796.54, *Французскіе* 1796.75, *Французской, Французскій* (2 раза), *Французскихъ* (2 раза), *Французское* 1799.3, *Французскую, Французскихъ* 1799.22, *Французскаго* 1799.45.

Исключительно субъективным фактором объясняется то, что в отдельных номерах «Санктпетербургских ведомостей» за 1780 г. слово “французский” вновь начинают писать через одну *с*, например: *Французскій* (2 раза), *Французскихъ, Французскаго, Французскихъ* 1780.72. В этом же номере отмечены и другие фонетические написания: *Прусскій, Пруссаго, Исланскимъ* 1780.72 – наряду с фонематическими: *Шведскаго, Шведская, Французскій, Французской* 1780.72. Несколько раз также зафиксировано название книги «*Рускія сказки*» 1787.2, 15 и др. В «Московских ведомостях» такого явления не наблюдалось, писали только *Французской, Французскіе* 1780.75 и под.

Таким образом, вопреки произношению, несмотря на слабость орфографической традиции удвоения согласных и отсутствие кодификации, фонематическая орфография прилагательных с производящей основой на с и з окончательно устанавливается к 70-м гг. XVIII в.

2. Кодификация правописания прилагательных с суффиксом <-ск-> в грамматических сочинениях XVIII–XIX вв.

Ко времени становления данной орфограммы относится один из первых опытов ее нормализации в неизданной грамматике Барсова 1783–1788 гг.: «... буквы (д) и (т) предъ согласною (к) исчезаютъ, а вмѣсто себя оставляють (ц) на пр. пишется; *Персидскій, Египетскій, Датскій*. Выговаривается: *Персицкій, Египецкій, Дацкій* (Барсов 1981: 61).

Наиболее основательно сформулированы правила правописания слов с суффиксом <-ск-> в Академической грамматике 1802 г.: «Прилагательныя имена произведенныя отъ существительныхъ на *да, дѣ, дь, та, ти, ть, въ* правописаніи сохраняють свое словопроизводство, т.е. писать надлежитъ прилаг.: отъ воевода *воеводскій*, отъ адъ *адскій*, отъ скоть *скотскій*, отъ плоть *плотскій*, а не воевоцкій или плочкій, и проч. Напротивъ того прилагательныя произведенныя отъ существительныхъ кончащихся на *ка, кѣ*, и отъ нѣкоторыхъ на *чѣ*, вмѣсто сихъ буквъ принимаютъ букву *ц*, напр.: козакъ *козацкій*, мужикъ *мужицкій*, Угличъ *Углицкій*, и проч. (Российская грамматика, 1802: 27–28). Последнее положение иллюстрирует написание Великолуцкаго 1806.22, отмеченное в «Санктпетербургских ведомостях». Кроме того, грамматика предостерегает от употребления «*коллежскій*» вместо «*коллежскій*», поскольку «нѣкоторыя рѣченія иногда отъ словопроизведенія уклоняются» (Российская грамматика 1802: 28–29).

Однако последующие сочинения кодифицируют данную орфограмму в самом общем виде, в правиле о сохранении правописания производных слов. Напротив, А. С. Шишков полемизирует с «Издателем», утверждающим, что слово *Руской* «должно писать *Руской*», и предлагает «отъ слова *Русь* писать *Руской*», ссылаясь на «проповѣди Θεофановы» 1765 г. и приводя рассуждение: «Да хотя бы кто и доказалъ, что правильнѣе *Руской*, такъбы еще не слѣдовало изъ того, что должно писать и *Французской* и *Нѣмецкой* и *отецкой* и *Соловецкой*; ибо никакая книга не можетъ увѣрить въ томъ, когда свойство языка увѣряетъ въ противномъ» (Шишков 1824: 195–196). Сам Шишков пишет: *Руской, Французскому* и др. (Шишков 1824: 197).

Иной взгляд на эту проблему представлен в грамматике Н. И. Греча, который впервые отмечает, что «согласныя буквы... усугубляются... Въ прилагательныхъ, кончащихся на *скій* (напримѣръ: *Рус-скій*, *Прус-скій*)» (Греч 1834: 485). Продолжая тему, Я. К. Грот разграничивает случаи «фонетического» и «этимологического» удвоения, к последним из которых он относит написания типа «русский» «въ составныхъ или второобразныхъ словахъ, при встрѣчѣ основной ихъ части съ приставкою (т.е. какъ префиксомъ, такъ и суффиксомъ)» (Грот 1885: 70).

Таким образом, кодификация правописания прилагательных с суффиксом <-ск-> начинается уже после стабилизации узуальной нормы и не привлекает особого внимания грамматистов.

Выводы

Итак, в ведомостях, подобно скорописным текстам XVII–XVIII вв., прослеживаются две тенденции в орфографии прилагательных с суффиксом <-ск->: сохранять на письме фонемный состав производящей основы и суффикса или отражать на письме реальное произношение. Если в прилагательных с мотивирующей основой на *з* фонематические написания уже утвердились, то в словах с производящей основой на *д/т* и с тенденция к фонематическому отображению стыка морфем лишь намечается. Фонематическая орфография слов данной группы окончательно стабилизируется в 80-е гг. XVIII в. несмотря на то, что первый опыт их кодификации в неизданной грамматике Барсова 1783–1788 гг. относится как раз к этому времени. Наиболее основательно сформулированы правила правописания слов с суффиксом <-ск-> в Академической грамматике 1802 г. Последующие сочинения, даже позднейшие издания той же Академической грамматики 1809 и 1819 гг., не выделяют данную орфограмму в особую статью, а нормализуют в самом общем виде, в правиле, предписывающем сохранение морфем при словообразовании. Таким образом, становление исследованной нормы происходит под действием общей тенденции к сохранению единообразия морфемы в русле фонематического принципа.

Литература

- Барсов, А. А.* Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой. Под ред. и с предисловием Б. А. Успенского. – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 776 с.
- Берков, П. Н.* История русской журналистики XVIII в. / П. Н. Берков – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 572 с.
- Вѣдомости времени Петра Великаго. В память двухсотлѣтія первой русской газеты. Вып. 1, 2. – М.: Синодальная Типографія, 1903–1906.
- Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 624 с.
- Греч, Н. И.* Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ. – СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834. – 526 с.
- Грот, Я. К.* Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ Я. К. Гротомъ. – СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. – 120 с.
- Демьянов, В. Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации / В. Г. Демьянов. – М.: Наука, 2001. – 409 с.
- Живов, В. М.* Восточнославянское правописание XI–XIII века / В. М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 312 с.
- Илюшина, Л. А.* Прилагательные с суффиксом -ск- в русском языке XV–XVII вв. (из истории орфографии) / Илюшина Л. А. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1988. – №2. – С. 69–75.
- Истрин, В. А.* 1100 лет славянской азбуки / В. А. Истрин. – М.: Наука, 1988. – 189, (2) с.
- Каверина, В. В.* Орфография изданий «Российской грамматики» М. В. Ломоносова XVIII–XIX столетий в контексте правописной нормы своего времени / В. В. Каверина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2016. – №1. – С. 67–91.
- Московские ведомости XVIII–XIX вв.
- Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1981. – 320 с. (ПМ XVIII)
- Покровский, А. К.* К истории газеты в России. В кн.: Ведомости времен Петра Великаго. В память 200-летия первой русской газеты. Вып. II (1708–1719) / А. К. Покровский. – М.: Синодальная типография, 1906. – С. 1–98.

Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею. –
СПб.: Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1802.
– 299 с.

Санктпетербургские ведомости XVIII–XIX вв.

Тарабасова, Н. И. Явления вариативности в языке деловой письменности / Н. И.
Тарабасова. – М.: Наука, 1986. – 162, (2) с.

Шишков, А. С. Разговоры о словесности // Собрание сочинений и переводов.
Ч. III / А. С. Шишков. – СПб.: Типография Императорской Россійской
Академии, 1824. – 387 с.

Kaverina V.V.

Lomonosov Moscow State University, Russia
kaverinal@yandex.ru

The normalization of spelling adjectives with the suffix *sk* during the formation and development of the national Russian language

This article, based on the vast material of *Vedomosti* during the era of Peter the Great, the *St.Petersburg Gazette*, and documents of business writing, traces the formation of norms for morpheme borders in words with the suffix <-sk-> in the 18th – 19th centuries. Data are compared with the recommendations for grammar during this period. There are two tendencies in *Vedomosti*: the first — regardless of pronunciation, to maintain the phonemic composition of the generating base and suffix in writing; the second is to reflect the real pronunciation of the letter. Whereas in adjectives with a motivating basis for *d/t*, the tendency to phonemic representation of the junction of morphemes is only outlined, in words with a generating basis in *z* it is already realized in a large number of spelling norms, allowing only a few exceptions in the early numbers. After considerable fluctuations, the phonemic spelling of the words of this group finally stabilized at the end of the 18th century, despite the complete absence of their codification. The most thorough rules for spelling words with the suffix <-sk-> were set out in the *Academic Grammar* of 1802. Subsequent essays do not distinguish this spelling in a special article, but normalize it in the most general form, in rules on preserving the spelling of derived words. Thus, the formation of the studied norm occurs under the influence of the general tendency to preserve the uniformity of the morpheme in writing, in line with the phonemic principle.

Keywords: history of Russian writing; norm and codification; spelling of the border of morphemes; adjectives with the suffix <-sk->

Обзорная статья/ Review/Pregledni rad
UDK 811.161.1:<811.161.3:001.4>]”19”

Любецкая Екатерина Петровна

Белорусский государственный университет, Республика Беларусь
katerina_lingvo@mail.ru

Влияние русского языка на становление белорусского научного языка в начале XX в.

В статье проанализированы особенности формирования белорусского научного языка в начале XX в. (1900-1920 гг.) Акцентировано внимание на социально-историческом и культурно-политическом контексте становления языка белорусской науки. Рассмотрены подходы к разработке научной терминологии. Определены формы влияния русского языка на белорусский научный язык в начале XX века.

Ключевые слова: белорусский язык, язык науки, терминология, влияние, формирование, становление

В авторитетной энциклопедической литературе язык науки принято рассматривать как “сложное, внутренне дифференцированное многослойное образование, строение и функционирование которого определяется задачами формирования, трансляции и развития научного знания. Язык науки – не просто форма, в которой выражается некоторое внешнее по отношению к ней содержание научного знания, а именно способ возникновения и бытия научного знания как определенной реальности. Возникновение и совершенствование науки как особого типа познания мира находит свое воплощение в генезисе и развитии языка науки» (Швырев 2010).

Нужно отметить, что белорусский научный язык – это тема, которая не нашла еще своего научного рассмотрения и не имеет систематизированного комплексного освещения в профильной литературе. Именно поэтому особую значимость представляет изучение вопросов не только синхронного состояния и особенностей современного языка белорусской науки, но и факты его зарождения, путей становления во время активного формирования нации белорусского народа, возрождения белорусского языка в начале XX в. после «перерыва письменных традиций и потере прямой преемственности между старым и новым белорусским литературным языком (Гапоненка 2012: 7). Представляется, что заложенные в начальный период правила лингвистического оформления текстов научной тематики могли повлиять на дальнейшее развитие тенденций и законов языка белорусской науки, становление национальной терминологической лексики как системы и формирование научного стиля. «... Уже в начале XX в., когда возродилось и расширилось остановленное более чем на столетие белорусское книгопечатание, в стилистической системе белорусского литературного языка начали складываться своеобразные приемы и формы научного высказывания, определялась, хоть и в незначительной степени, специфика научного стиля» (Шакун 1963: 259).

Период начала XX в. принято относить к определяющим и ключевым в истории формирования современного белорусского языка. «В истории каждого языка есть определяющие периоды, на протяжении которых осуществляется переход на качественно новый уровень языкового развития: расширяются границы литературного высказывания и формы его выражения, активизируются все жизнедеятельные средства, осуществляется стилистическая дифференциация языка и определяются новые отношения функциональных стилей, а самое главное – языковой материал начинает оцениваться с точки зрения его нормативности» (Гапоненка 2012: 3).

Внимательное изучение лингвистического наполнения белорусских научных текстов начала XX в. (тексты разной жанровой принадлежности) показало, что уже в первых материалах научной тематики отмечаются содержательные, структурные, функциональные и стилистические особенности текста науки. «Научно-популярные публикации носили в определенном смысле нормативный характер, содействовали укоренению научной терминологии в языковую практику и вмещали, таким образом, некоторые элементы работы по упорядочению белорусской терминологии» (Плотнікаў, Антанюк 2003: 359). Безусловно, в это время (качественно нового уровня языкового развития белорусского языка) еще очень рано говорить о комплексе выработанных дифференциальных примет научных текстов, но по ряду имеющихся в источниках научной тематики структурно-содержательных характеристик, можно начинать объединение этих материалов в отдельную от художественных и публицистических текстов группу.

Формирование языка белорусской науки в начале XX в. проходило в рамках тех общих тенденций, которые были характерны для этапа развития лексики белорусского литературного языка этого времени. Тексты научной тематики создавались в условиях недостаточно разветвленной системы специальной лексики в белорусском языке, при отсутствии профильных терминологических словарей, часто без учета опыта ранее разработанных переводных справочников. На выбор той или иной номинации могли воздействовать как объективные (неразработанность белорусской терминологии, нерешенность теоретических основ создания научных текстов) и субъективные (авторский вкус и приоритеты) причины. Вместе с тем задача разработки текста научного содержания стимулировала поиск языковых средств для передачи информации специального значения. В публикуемых текстах предлагались конкретные решения по структурно-содержательному оформлению материалов научной тематики, что не могло не способствовать выработке специфических примет научного текста, новых сфер терминологии, систематизации понятий и их языковому оформлению. Тексты вводили в языковой оборот новые понятия, регламентировали и стимулировали разработку их лексических эквивалентов, пропагандировали словообразовательные средства. «... Зачатки научной терминологии, которые были в этот период, показывают, что и в этой сфере белорусский язык особенных, непреодолимых трудностей не испытывала: она пополняла свой словарный запас из имеющихся источников путем заимствований, калькирования и т.д., другими словами, могла взять на себя и эту функцию» (Крамко, Юрэвіч, Яновіч 1968: 150).

В этот период отмечаются разные сценарии и варианты формирования языка белорусской науки (натуральный путь и сознательное терминотворчество как результат языковой политики). Поскольку реализация пуристической тенденции не могла быть реализована на практике в полной мере, то авторы текстов обращались к иным способам создания терминов: передача интернациональных терминов средствами белорусского языка, создание неологизмов, использование заимствованной лексики. «Несмотря на то, что не все решения по упорядочению белорусской терминологии нашли своё отражение в дальнейшем, а сам период характеризуется скорее как стихийный, важно отметить, что именно в это время были осуществлены первые попытки терминологической работы на основе средств белорусского языка» (Любецкая 2017: 301).

При формировании номинативно-терминологического фонда в 1900-1920-е гг. принцип ориентации на иноязычные термины был минимальным, в отличие от доминирующего принципа максимального использования собственных языковых ресурсов. Авторы «Семиязычного словаря» (1918) (Sieben-Sprachen-Wörterbuch), например, где белорусский язык впервые поставлен в один ряд с немецким, русским, польским, литовским, латышским языком и идиш, стараются «уловить дух языков и прислушиваются к боязливым попыткам народа, который из естественных побуждений старался создать слова для новых непривычных понятий ...» (Sieben-Sprachen-Wörterbuch: 5). Авторами отмечалось, что «однажды найденное и выделенное из списка синонимов слово приобретало определенное значение, и с этого момента вариант считался полным соответствием немецкому слову» (Sieben-Sprachen-Wörterbuch: 5).

Особое место среди способов формирования научной лексики белорусского языка начала XX в. заняло заимствование. Можно предполагать, что использование иноязычной лексики при формировании языка белорусской науки в этот период обусловлено воздействием экстралингвистических (социально-исторические, культурно-политические, экономические, идеологические и психологические) факторов совместно с языковыми. В лингвистической среде при этом бытует мнение, что на взаимодействие языков общественные условия оказывают значительное влияние, что может быть обусловлено, например, историческими обстоятельствами контактирования народов в рамках одного государства. «Основным экстралингвистическим фактором, который обуславливает межъязыковые контакты и лексическое взаимодействие, является потребность общества в номинации определенных предметов и реальности, особенно когда номинация усваивается вместе с реалиями,

которую оно называет. Среди внутриязыковых причин заимствования – стремление носителей языка к лаконичности и языковой экономии, точности номинации, эфемичности и экспрессивности выражения» (Станкевіч: 308).

В 1900-1920 гг. в условиях ускоренного развития белорусского языка заметно расширяется словарь белорусской специальной лексики. Безусловно, в это время научная тематика презентуется прежде всего в популярной форме, рассчитанной на массового читателя. Тем не менее уже в первых научных текстах реализуется специфическая для научного стиля функция передачи научной информации. Белорусский научный язык значительно пополняется новыми словами и конструкциями для отражения абстрактных и специальных значений из разных областей науки, техники, общественной жизни, сельского хозяйства, медицины, образования и т.д. «Различная тематика публикуемых материалов требовала соответствующих терминологических средств: сельскохозяйственных, языковых, литературоведческих, природоведческих, математических, географических, химических, астрономических, физических, медицинских, научно-технических, ботанических и других слов-терминов» (Красней 2011: 9).

Источником заимствования в белорусском научном языке начала столетия является прежде всего русский язык, который на территории т.н. Западно-русского края Российской империи, выполняет функции государственного языка, имеет наибольшее распространение и общественное значение. В дореволюционных условиях Российской империи использование русского языка было единственно возможным в законодательстве, судопроизводстве, официально-административных отношениях, педагогике и обучении. В начале XX в. на территории Западно-русского края «несмотря на различные препятствия царского правления, национально-освободительное движение расширилось и способствовало оживлению белорусской литературы и издательского дела на белорусском языке» (Шакун 1963: 234). Это время характеризуется возникновением белорусской легальной прессы и открытием издательств, активным возрождением художественной литературы, созданием научно-популярных брошюр. «Белорусские книги, газеты и журналы содействовали распространению белорусского литературного языка, его стилистической дифференциации, способствовали его обогащению и совершенствованию, выработке единых норм орфографии и грамматики» (Шакун 1984: 237).

В 1900-1920 гг. использование заимствованной лексики в формирующемся языке науки обусловлено прежде всего необходимостью

номинации новых для того времени явлений и понятий общественной жизни и науки. «Заимствование позволяет заполнить пробел, обычно металингвистического характера (новая техника, неизвестное понятие)» (Вине, Дарбельне: 158). Для создателей «Семязычного словаря» белорусский язык представлял, как они признаются, наибольшие трудности в сравнении с другими языками. По их мнению, «это очень старый, и, может быть, самый старый славянский язык, язык населения, которое состоит главным образом из крестьян-земледельцев и плотников и только в незначительном количестве связано с промышленностью. На территории, которая подчиняется российской администрации, он в значительной степени руссифицирован. В отношениях к нему имеет важное значение вопрос, какие термины необходимо создать вновь и какие возможно без долгих рассуждений взять из русского или польского языка» (Sieben-Sprachen-Wörterbuch: 5).

По своей тематике русские терминологические заимствования относятся к самым различным сферам науки, техники и общественной жизни, например: упраўленьне, гасударства, жыцель, правіцельство, прадседацель, прасвешчаць, самодержаўная ўласць, цяжасьць (административно-политическая сфера); бумага, жалаба, запрос, стацьця (юриспруденция); белка, *bobr*; вутка, *husienica*, ёжык, *ustryca*, *cesarka* (зоология); дзерава, *inbir*, *jaźwienik*, *plesień*, *topal* (ботаника); восход, воздух (география); *smieta*, *cennyje papiery*, *ропись*, таргоўля (экономика). Рассуждая о формировании основ официально-делового стиля белорусского языка в начале XX в., исследователями отмечается, что употреблению немотивированных заимствований из русского языка способствовали такие факторы, как: «1) государственность и широкое распространение не белорусских землях русского языка; 2) возмозжно, частичное ослабление у тех, кто писал по-белорусски, “иммунитета” к чужой лексике; 3) в конце концов, то обстоятельство, что комментировались законы, которые издавались по-русски, готовились отчеты из заседаний Государственной Думы, которые также велись на русском языке» (Кулеш 2015: 19).

«В области орфографии русское лексическое влияние проявляется в непоследовательной передаче “акання” (далікацтво, долонь, дзело, дзіво) и «дзекання» (дантіст), а так же обозначении «мяккасі» [ч] (дзичь)» (Лукашанец: 39).

Следует отметить, что в процессе создания текстов научной тематики авторы относились к заимствованию как принципу формирования специальной лексики дифференцированно в разных отраслях науки. Наибольшее число заимствованных лексем из русского языка отмечается

в таких областях, как административно-юридическое управление и хозяйственно-экономическое, например: *apiekunstwa, načalstwa, parušyciel, prysiażny*. В таких сферах, как сельское хозяйство, ботаника, зоология упорядочение терминосистем осуществлялось в основном за счет собственных языковых ресурсов. Заимствования в области медицинского языка начала прошлого столетия ограничиваются отдельными случаями, например, *wieki* (в последующем закрепился термин павека), *zaraza*.

Часть предложенных в начале столетия номинаций специального значения закрепилась в дальнейшей языковой практике. Вместе с тем, современные авторы уже отказались от многих предложений начала столетия, потому что в белорусском языке есть свои удачные варианты, сравните: вместо *atsročka kary* закрепилось своеязычное адтэрміноўка выканання прыгавору і адтэрміноўка пакарання, на месте *biazwychadnaje pałažeńnie* закрепилось надзвычайнае становішча, *daŭhowaja raspiska* – пазыковае абавязцельства, на месте *kraža* в словарях 20-х гг. фиксируется крадзьба, крадзежа, покрадзь, крадзеж, зладзейства, а с середины столетия закрепляется крадзеж, папража; вместо *narušeńnie* предложено правіна, благі ўчынак, правінка, віна, учынак, вместо *pazwaleńnie* в терминологических словарях 20-х лет предложено звальненне, пазваленне, разьвязка, разпавязка, разьвязанне, дазвол, дазваленне, а в современных словарях закрепилось дазвол, згода, адабрэнне; вместо *prawa uhałoŭnaje* – крымінальнае права; вместо *umysl* в словарях 20-х лет намысел, умысел, замер, намер, мэта, а в современных словарях замер, намер, задума; вместо *zawiereńnie* рекомендовано к употреблению засведчанне. Не нашла подтверждения в последующем и не сохранилась в белорусскоязычной терминографии часть тех номинаций, которые отражали уровень развития общественных и административных отношений начала XX века, например: *okruh, okruh načalnika upraŭleńnia, palicejskaja hadzina* и др.

Говоря о заимствованиях из русского языка, учеными отмечается, что «про масштабность и глубину этого влияния в начале XX в. может свидетельствовать хотя бы тот факт, что заимствовались не отдельные слова, а целые группы слов, созданные по одной словообразовательной модели, например, абвініцель, вучыцель, збавіцель, дзвігацель, заваявацель, настаецель, папачыцель, прадсядацель, следавацель, чытацель и др. То же можно сказать и про деепричастия несовершенного вида настоящего времени, которые заимствовались и образовывались от причастий, только с заменой суффиксов -ущ-, -ющ- на -уч-, -юч: будучы (час), ваеннаслужачы, галадаючы, глаўнакамандуючы, маючы, непрамакаючы, пішучы, прымаючы, узрастаючы, упраўляючы и др.» (Лексікалогія 1994: 35).

Одним из способов создания слов терминологического характера стали кальки, когда к заимствованному слову прибавляются собственные аффиксы. «К ... неполным калькам можно отнести такие, как барацьба, большасць, будучыня, выключны, выключаць, вышэйпамянуты, замірэнне, заява, знемажэнне, караблеходны, міжнародны, налічнасць, наступанне, неадваротны, непаважанне, павелічэнне, праціатака, прыгнечаны, прыналежны, расчаравацца, супраціўленне, узрост, которые от соответствующих русских слов отличаются словообразовательным элементом» (Крамко, Юрэвіч, Яновіч 1968: 141).

Одним из способов формирования белорусского научного языка в начале прошлого столетия стало использование составных номинаций. Можно предположить, что причина этого не столько недостаток в адекватных средствах, сколько желание авторов наиболее точно передать семантику и внутреннюю форму иноязычных терминов. Следует отметить, что такие составные специальные номинации не выдержали конкуренции во времени и уже в 30-е годы XX ст. вышли из употребления, напр.: *pišmiennaja žalaba, prastupak pa službie, učašcie u stracie, abłažeńnie areštam, prava atzywju, prava zakładu, prykaz areštawańnia, kara za narušeńnie paradku, nachodziučyjsia pad apiekaj*.

Часть авторских предложений по формированию языка белорусской науки – это объёмные по численному составу синонимические ряды, например: *založ* существует параллельно с рядом вариантов: заклад, зарука, залог, застава; *kredytor* с павернік, крэдытар, пазычальнік, вернік; *ramilawańnie* с зылітаваньне, дараваньне; *rapraўka* с паправа, падраўка, папраўленьне; *potkup* с падкупляньне, закуп. «Непосредственное восприятие, включение русских слов в словарный состав белорусского языка осуществляется с большой легкостью, поскольку грамматический лад, словарный состав и типы словообразования в двух языках чрезвычайно близкие» (Крукоўскі 1958: 11).

Таким образом, анализ условий развития белорусского научного языка в начальный период, внимательное рассмотрение подходов к его формированию и изучение принципов упорядочения представляется важным как для осмысления динамики изменений в синхронно-диахронном аспекте, так и для определения дальнейших путей его унификации и перспектив будущего развития. Оценивая степень участия русского языка в становлении языка белорусской науки в начале XX в. (1900-1920 гг.), необходимо отметить прежде всего его роль в расширении понятийно-терминологического фонда белорусского языка, когда в условиях отсутствия белорусских эквивалентов в тексты научной тематики авторами вводились

заимствования из русского языка, а также слова (как простые, так и составные по структуре). Русская лексика специального значения включалась также в синонимические ряды наряду с интернациональными и белорусскими компонентами. Не все из предложенных вариантов сохранились в течение следующего периода развития белорусского научного языка (по разным причинам: разработка собственного эквивалента, использование интернациональной лексемы и др.). Тем не менее их включение в тексты разной жанровой принадлежности на начальном этапе зарождения языка белорусской науки можно рассматривать как естественный процесс, который способствовал формированию номинативно-терминологической базы белорусского научного языка.

Литература

- Вине, Ж.-П., Дарбельне, Ж.* Технические способы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. ст.: пер. / Общ. ред. В. Н. Комиссарова. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 157-184.
- Гапоненка, І. А.* Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця / І. А. Гапоненка. – Мінск : БДУ, 2012. 307 с.
- Ефремов Л. П.* Основы теории лексического калькирования: Учеб. пособие. – Алма-Ата: Каз. гос. ун-т, 1974. – 191 с.
- Крамко, І. І., Юрэвіч, А. К., Яновіч, А. І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. 2. / І. І. Крамко, А. К. Юрэвіч, А. І. Яновіч. – Мінск: “Навука і тэхніка”, 1968. – 340 с.
- Красней, В. П.* Беларуская спецыяльная тэрміналогія на старонках “Нашай Нівы” // Беларуская тэрміналогія: зб. арт. – Мінск: БДУ, 2011. – 216 с.
- Крукоўскі, Н. І.* Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову / Н. І. Крукоўскі. – Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук Беларускай ССР, 1958. – 173 с.
- Кулеш, Г. І.* Мова беларускага заканадаўства XX стагоддзя: генезіс і эвалюцыя / Г. І. Кулеш. – Мінск: БДУ, 2015. – 303 с.
- Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы /* Пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.
- Любецкая, Е. П.* Особенности формирования белорусского научного языка в начале XX в. // Записки з українського мовознавства: зб. наук. праць. Вип. 24. У 2-х томах. – Т.1: = Opera in linguistica ukrainiana: Fascicillum 24. - Vol. 1 / Головний ред. Т. Ю. Ковалевська. – Одеса : «ПолиПринт», 2017. – С. 299 – 306.
- Лукашанец, А. А.* Міжславянскае моўнае ўзаемадзеянне і дынаміка літаратурнай нормы (беларуская мова паміж рускай і польскай) // Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання. – Мінск : Беларуская навука, 2014. – С. 33-53.
- Плотнікаў, Б. А., Антанюк, Л. А.* Беларуская мова: Лінгвістычны кампендыум / Б. А. Плотнікаў, Л. А. Антанюк. – Мінск: Інтэрпрэс-сервіс, Кніжны Дом, 2003. – 672 с.
- Станкевіч, А.* Мова і соцыум: гісторыя слоў у гісторыі народа // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый”, Мінск, 21-25 мая, 4-7 снеж. 2000 г. / Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны; Рэдкал.: Г. Цыхун і інш. – Мінск, 2001. – С. 120-123. – (Беларусіка=Albaruthenica. – Кн. 19).

- Шакун, Л. М.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / Л. М. Шакун. Мінск: Універсітэцкае, 1984. – 319 с.
- Шакун, Л. М.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / Л. М. Шакун. Мінск : Міністэрства вышэйшай, сярэдняй, спецыяльнай і прафесіянальнай адукацыі БССР, 1963. – 338 с.
- Швырев, В. С.* Язык науки. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИФ РАН Новая философская энциклопедия» [Москва, 2010]. - URL: [http:// iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b0e915c2276839b541a](http://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b0e915c2276839b541a). (дата обращения: 05.02.2021).
- Sieben-Sprachen-Wörterbuch: Deutsch-Polnisch-Russisch-Weissruthenisch-Litauisch-Lettisch-Jiddisch. – Leipzig : Otto Spamer Verl., 1918. – 420 S.

Liubetskaya K.

Belarusian State University, Republic of Belarus
katerina_lingvo@mail.ru

The influence of the Russian language on the formation of the Belarusian scientific language in the early twentieth century

This article analyzes the features of the formation of the Belarusian scientific language at the beginning of the twentieth century (1900-1920). Attention is focused on the socio-historical and cultural-political context of the formation of the language of Belarusian science. Approaches to the development of scientific terminology are taken into consideration. The forms of influence of the Russian language on the Belarusian scientific language at the beginning of the twentieth century are presented here.

Keywords: Belarusian language, language of science, terminology, influence, formation, formation

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'243:811.161.1'373

Некипелова Ирина Михайловна

Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова, Россия
irina.m.nekipelova@mail.ru

Возникновение условий, приводящих к неустойчивости процесса интериоризации языковых единиц, связанных отношениями прямого лексического соответствия

Статья посвящена исследованию условий, формирующих устойчивую языковую интериоризацию, и условий, приводящих к неустойчивой языковой интериоризации. Наиболее устойчивым условием, на первый взгляд, является ситуация полного прямого соответствия одной единицы языка одной единице другого языка. Однако исследование показало, что даже при прямом соответствии языковых единиц возможно возникновение контекстов, в которых создаются условия выбора, делающих интериоризацию неустойчивой.

Ключевые слова: языковая интериоризация, устойчивость и неустойчивость процесса интериоризации, полное лексическое соответствие, требования к верификации интериоризации

Введение. Внутреннее осмысление индивидом событий мира, проходящих через призму его сознания, позволяет говорить о процессе *интериоризации* внешнего знания и действия во внутреннее и о процессе *экстериоризации* внутреннего действия и знания во внешнее. Оба процесса рассматриваются в рамках «концепции развития личности как особой целостности, которое осуществляется только при единстве двух процессов: внешнего – социального и внутреннего – личностного» (Пушкарёва 2015).

Интериоризация и экстериоризация – термины психологии и педагогики. Однако они, безусловно, могут быть использованы в междисциплинарных исследованиях, проводимых с использованием метода проблемно-ориентированного поиска с целью изучения когнитивных и коммуникативных аспектов функционирования языка как способа формирования человеческого мышления и сознания, а также как способа осуществления коммуникации как особой деятельности человека в обществе. Это связано прежде всего с тем, что язык, будучи феноменом человеческой деятельности, а следовательно, и одной из сфер социального пространства, в котором существует человек, не может принадлежать одному человеку – он принадлежит группе людей, разделяющих этот язык. Он является одним из самых важных способов познания и освоения человеком действительности посредством прямого и непрямого опыта. Кроме того, речевое действие, как и любое другое социальное действие человека – это результат осмысления и принятия им понятий, заложенных в языке, являющемся, как уже было сказано общественным пространством, а также результат его умственной операции с языковым знаком.

Кроме того, язык, будучи принадлежностью того или иного социума, является способом выражения знаний о мире и содержит в себе существенные свойства вещей и способы оперирования информацией, выработанные коммуникативной практикой самого общества. Таким образом, процессы интериоризации и экстериоризации обеспечивают взаимосвязь внутренней и внешней стороны языковой деятельности – мышления и коммуникации. В этом случае следует утверждать, что язык может выступать объектом интериоризации, заключающейся не просто в перемещении внешнего знания во внутреннее, а в формировании умственных действий и внутреннего плана сознания через усвоение изучающим язык способов коммуникации на неродном языке. Благодаря интериоризации человек приобретает способность оперировать языковыми единицами, которые до этого времени не существовали в его мышлении.

Интериоризация языка сопровождается экстериоризацией – речевым действием, осуществляемым говорящим в ситуации устной

или письменной коммуникации, то есть в условиях, когда возникает необходимость разворачивания свёрнутой мысли, для того чтобы эта мысль была понята участвующим в коммуникации другим человеком. Понимание чужой речи является своего рода контролем процесса экстериоризации, так как экстериоризированная речь должна соответствовать, чтобы быть понятой, заданным языком требованиям. Процесс экстериоризации, таким образом, – это переход внутренних умственных действий из внутренней и свернутой формы в форму развернутого действия, иными словами, это объективизация мысли, то есть представление мысли в форме социально приемлемой структуры.

Теоретическая основа и актуальность. Процессы интериоризации и экстериоризации происходят как при усвоении родного языка, так и во время изучения иностранного языка. Они являются результатом и показателем успешности или неуспешности процесса овладения неродным языком и применимы в различных методиках обучения иностранному языку. Усвоение языка состоит в последовательности процессов интериоризации и экстериоризации – усвоения языковых единиц и последующего их использования. Эти процессы требуют участия преподавателя и других людей, побуждающих учащегося к совместному языковому действию и осуществляющих контроль за правильным его протеканием. Функция контроля может приобретать также внутренний характер, превращаясь в особую деятельность внимания.

Несмотря на то, что интериоризация является реализацией мыслительной деятельности, к ней могут быть предъявлены определённые требования и она может быть верифицирована и оценена в процессе экстериоризации по следующим критериям: 1) форма совершения речевого действия; 2) обобщенность речевого действия; 3) развернутость и полнота речевого действия; 4) самостоятельность речевого действия; 5) автоматичность и длительность речевого действия.

Интериоризация может быть охарактеризована также с точки зрения 1) глубины как степени обобщённости и развёрнутости; 2) сознательности как способности использовать полученные знания в новых и неизвестных условиях; 3) прочности как скорости использования и долгосрочности запоминания языкового материала.

Безусловно, эти процессы происходят в мышлении человека в процессе усвоения им как родного, так и неродного языка. В данном исследовании речь идёт о лексико-семантическом аспекте языковой интериоризации, то есть о способах и эффективности усвоения обучающимися лексических единиц изучаемого языка, являющимися

выражением структуры иностранного языка, отличной от привычной им структуры родного языка. В этом случае, если принимать во внимание, что «любой язык носит антропоцентрический характер, а система языка является не реальным, а мыслимым единством» (Некипелова 2013: 123) и что «язык – это когнитивная модель, определяющая мышление человека и одновременно определяемая им» (Некипелова 2015: 146], следует говорить о соотношении глубины интериоризации изучаемого языкового материала и степени овладения неродным языком, поскольку, как известно, только мышление, осуществляемое на том или ином языке, является свидетельством знания этого языка.

Обсуждение. В настоящее время можно говорить о разных способах соответствия лексического материала двух разных языков, причём исследуемое явление может касаться не только абстрактных понятий, но и предметных обозначений того, что названо в языке тем или иным словом. Наиболее простым и понятным для обучающегося способом языковой интериоризации является усвоение языковой ситуации, в которую оказываются вовлечёнными две единицы разных языков, связанные отношениями полного равноправия. Соответствие одной лексической единицы родного языка одной лексической единице изучаемого языка может быть представлено логическим соотношением: $A = B$, где A – это лексическая единица родного языка, а B – это полностью совпадающая с ней в лексическом отношении единица изучаемого языка, при этом обе языковые единицы принадлежат одной части речи. Приведём примеры:

flower (англ.) – *kvet* (словац.) – *تندرو* (араб.) → *цветок* (рус.);
sky (англ.) – *nebo* (словац.) – *ءامس* (араб.) → *небо* (рус.);
hope (англ.) – *nádej* (словац.) – *لمأ* (араб.) → *надежда* (рус.).

В этом случае при изучении языка у обучающихся, как правило, проблем с освоением новой лексической единицы языка не возникает, даже если она имеет абстрактное значение, поскольку контексты, в которых эта языковая единица встречается, предельно ясны и понятны, в них отсутствует ситуация выбора и они не расходятся в понимании обучающегося с контактами, представленными в его родном языке:

Пока человек жив, у него есть надежда.

As long as the man is alive, he has hope.

Pokiaľ je človek nažive, má nádej.

لمأ هي دلف ، ةاي حل ا دي قى لى ع ن اس ن إ ل ن اك امل ا ط

В этом случае ориентировочная основа является полной, она представлена всеми условиями, необходимыми для успешного выполнения учащимся речевого действия. Эти условия даются учащемуся в готовой и конкретной форме, чаще всего на примере одного частного случая, понимание и усвоение которого является достаточным для успешной интериоризации и последующей экстериоризации. Интериоризация в этом случае формируется быстро и безошибочно, сформированное знание носит устойчивый характер и легко переносится на новые изменённые условия.

Однако бывают случаи, когда две разные лексические единицы могут употребляться в взаимозаменяемых контекстах, но с определёнными ограничениями. В этом случае могут возникнуть коммуникативные неточности при восприятии или производстве речи. Так, например, русскому слову *общество* (рус.) в английском языке соответствует слово *society* (англ.), а слову *сообщество* (рус.) – слово *community* (англ.). На первый взгляд, языковая ситуация носит ясный коммуникативный характер, однако если обратиться к контекстам, можно увидеть, что всё не так однозначно.

С одной стороны, существуют контексты с полным соответствием исследуемых единиц, где, например, английскому слову *society* в русском переводе полностью соответствует слово *общество*:

*It is the one movie that can bring down **society** as we know it. Этот фильм способен разрушить современное **общество** до основания.*

Или: *Our **society** is founded on the bedrock of the family as an institution. Наше **общество** основывается на институте семьи.*

Есть также контексты, где английскому слову *community* в русском переводе полностью соответствует слово *сообщество*:

*It also hoped that the international financial **community** would support the implementation of that framework. Марокко надеется также, что международное финансовое **сообщество** поддержит осуществление этих рамок.*

Или: *For the first time, the worldwide scientific **community** was able to predict and track such a crash. Впервые мировое научное **сообщество** смогло предсказать такое столкновение и проследить за ним.*

Однако существуют и такие контексты, в рамках которых говорящему приходится выбирать между наиболее точным соотношением слов *society* / *community* и *общество* / *сообщество*, в результате чего появляются контексты, где, например, английское слово *community* предпочтительнее переводить русским словом *общество*, а не соответствующим ему напрямую *сообщество*:

*The houses also facilitate reintegration into the family and the **community**.*
Эти центры способствуют также реинтеграции в семью и **общество**.

Или: *In many developing countries, the protection of children was the responsibility of the family and the **community**.* Во многих развивающихся странах ответственность за защиту детей несут семьи и **общество**.

Есть также и обратные случаи, когда вместо русского слова *общество*, полностью соответствующего английскому слову *society*, в некоторых контекстах предпочтительнее использовать слово *сообщество*, не соотносящееся напрямую с английским словом *society*:

*After the declaration was adopted, a network **society** of advocates of dialogue began to take shape.* После принятия декларации стало формироваться сетевое **сообщество** сторонников диалога.

Или: *We forgot the invitations for the historical **society**.* Мы забыли приглашения в историческое **сообщество**.

Из этих примеров видно, что точное языковое соответствие не всегда бывает успешным при осуществлении коммуникации. В этом случае приходится говорить о предпочтительном соответствии, а не о точном, потому что оно позволяет добиться точности выражения и понимания авторской мысли.

Безусловно, подобные проблемные соответствия возникают в случае, когда слова имеют смежные значения. Так, русские слова *общество* и *сообщество* могут быть употреблены в следующих значениях:

общество: 1) совокупность людей, объединённых общими для них конкретно-историческими условиями жизни // исторически конкретный тип социальной системы, определённая общественно-экономическая формация; 2) круг людей, объединённых общностью происхождения, положения, интересов; // (устар.) узкий круг людей, принадлежавших к родовитому дворянству, влиятельной буржуазии; 3) группа людей, проводящих вместе время; компания // совместное пребывание с кем-либо, присутствие кого-либо; 4) среда, окружение; 5) объединение людей, ставящих себе какие-либо общие задачи; организация (Общество, 2014);

сообщество: 1) объединение народов, государств, имеющих общие интересы, цели; 2) постоянное или временное соединение животных или растительных организмов; 3) общество, организация, объединяющая людей с одинаковыми интересами, целями (Сообщество, 2014).

Из анализа значений исследуемых слов видно, что наблюдается пересечение значений: *общество* – «круг людей, объединённых общностью происхождения, положения, интересов» и *сообщество* – «круг людей, объединённых общностью происхождения, положения, интересов»; а также

общество – «объединение людей, ставящих себе какие-либо общие задачи; организация» и *сообщество* – ‘общество, организация, объединяющая людей с одинаковыми интересами, целями’. Это значит, что в русском языке возможны контексты, в которых слова *общество* и *сообщество* могут быть взаимозаменяемыми или в которых выбор одного из этих двух слов является неочевидным:

Глобальное общество – концепция человеческого общества, объединяющего в своём составе всё человечество.

Или: *Глобальное общество* – планетарное общество, международное или мировое сообщество.

Однако в большинстве случаев в русском языке контексты носят закреплённый характер:

Мировое сообщество – политический термин для обозначения взаимосвязанной системы государств мира.

Следует также отметить, что, так или иначе, значение слова *общество* в русском языке шире значения слова *сообщество*:

В последнее время в мировом научном сообществе становится все более популярной концепция глобального общества.

Английские слова *society* и *community* могут быть употреблены в следующих значениях:

Society: 1) (people) a large group of people who live together in an organized way, making decisions about how to do things and sharing the work that needs to be done; all the people in a country, or in several similar countries, can be referred to as a society; 2) the part of society that consists of people who are rich, powerful, and fashionable; 3) the state of being together with other people; 4) an organization to which people who share similar interests can belong; 5) (organization) people considered as a group, or a group of people who live together in a particular social system;

в американском английском: 1) (people) people considered as a group, or a group of people who live together in a particular social system; 2) society also refers to that group of people who are rich, powerful, or fashionable; 3) (organization) an organization for people who have special interests or who want to support particular activities;

в деловом английском: 1) people in general living together in an organized way, making decisions about how to do things, and sharing the work that needs to be done; 2) the people who live in a particular country or area and their way of life and customs; 3) used in the name of some UK banks to show that they are mutuals (= banks that are owned by the people who keep money in

them), or that they were mutual in the past; 4) an organization to which people who share similar interests can belong (Society 2008);

Community: 1) the people living in one particular area or people who are considered as a unit because of their common interests, social group, or nationality; 2) a group of animals or plants that live or grow together; 3) the general public; 4) on social media, a group of people who have similar interests or who want to achieve something together;

в американском английском: 1) all the people who live in a particular area, or a group of people who are considered as a unit because of their shared interests or background; 2) a community is also all the various living things that live in a particular area; the community is sometimes used to mean society in general;

в деловом английском: 1) the people living in a particular area; 2) a group of people who have the same interests, religion, etc.; 3) way of referring to people in general or the public (Community 2008).

Данные словарей показывают, что значения слов *society* и *community* даны более детально, чем *общество* и *сообщество*, что сводит к минимуму появление контекстов со взаимозаменяемыми позициями этих слов.

При сопоставлении значений русских слов *общество* и *сообщество* и английских слов *society* и *community* обнаруживаются позиции, которые могут затруднять выбор соответствующего слова, например: *общество* – «объединение людей, ставящих себе какие-либо общие задачи; организация», *сообщество* – «общество, организация, объединяющая людей с одинаковыми интересами, целями» и *society* – ‘an organization to which people who share similar interests can belong’. Именно эта позиция может делать выбор слова неочевидным:

The Obesity Society – **научное общество** по изучению и лечению ожирения. *The Obesity Society is a scientific society dedicated to the study of obesity and its treatment.*

Или: Польское научное общество – это **научное общество** польских историков. *Polish Historical Society is a Polish scientific society for historians.*

Ещё пример: Международное **научное сообщество** оказывает помощь Вулканической обсерватории Монтсеррата. *The international scientific community provides assistance to the Montserrat Volcano Observatory.*

Или: Однако международное **научное сообщество** эту точку зрения не поддерживает. *That view was not, however, supported by the international scientific community.*

Или: Хотя Вегенера осмеляло **научное общество**, в конце концов, оказалось, что он был прав, высказав теорию о протоконтиненте Пангее.

*Although Wegener was ridiculed by the **scientific community**, he was eventually found to be correct in his theory of an original supercontinent called Pangaea.*

В подобных ситуациях необходимо обращаться к точным и закреплённым контекстам употребления того или иного слова. Употребление исследуемых слов в данных контекстах объясняется следующими, закреплёнными за понятиями *научное общество* и *научное сообщество* значениями:

Научное общество (учёное общество или научная ассоциация) – организация, которая существует, чтобы содействовать развитию и распространению академической дисциплины или профессии, или группы связанных дисциплин или профессий.

Научное сообщество – совокупность ученых, исследователей, которые придерживаются сходных взглядов на сущность и цели науки; а также группа ученых, исследующих определенную проблему, все представители данной научной дисциплины, все учёные отдельной страны, региона или народа и, наконец, все представители науки за все время её существования.

Подобные исследования требуют детализации контекстов, что в достаточной степени осложняет процесс освоения языка.

Однако в некоторых случаях всё же приходится говорить об условном совпадении лексических единиц, например, в следующих контекстах:

*The houses also facilitate reintegration into the family and the **community**.
Эти центры способствуют также реинтеграции в семью и **общество**.*

Или: *In many developing countries, the protection of children was the responsibility of the family and the **community**. Во многих развивающихся странах ответственность за защиту детей несут семьи и **общество**.*

По всей видимости, в английских контекстах слово *community* употреблено в значении ‘the people living in one particular area or people who are considered as a unit because of their common interests, social group, or nationality’, в полном виде не представленном в русском языке, и именно поэтому оно переведено словом *общество*, имеющем значение ‘среда, окружение’, которое в наибольшей степени подходит для данного контекста.

Ситуация выбора делает интериоризацию неустойчивой, и, хотя речевое действие формируется в этом случае быстро, могут возникать условия, при которых оно будет ошибочным, поскольку выбор подходящего слова делает перенос языкового действия в новые контекстуальные условия неустойчивым.

Языковая интериоризация, ко всему прочему, может быть осложнена тем, что английский язык, сопоставление с которым проводится в процессе обучения русскому языку как иностранному, является не конечным языком, а срединным, то есть языком-посредником. В этом случае в отношении вступают единицы трёх языков, каждый из которых предлагает свои контекстные условия для каждой из сопоставляемых языковых единиц.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что процесс интериоризации предполагает не только перевод слов изучаемого языка на родной язык учащегося, но и объяснение явлений, обозначаемых словами, а также в некоторых случаях проработку контекстов и ситуаций, в которых то или иное слово может быть использовано без нарушения или потери смысла. Понимание контекстов и условий употребления слов способствует более быстрому, полному и эффективному переходу лексических единиц языка как внешних объектов социальной коммуникации в элементы мышления человека, изучающего язык. Успешная интериоризация в данном случае предполагает правильный, быстрый и безапеллятивный выбор употребляемой языковой единицы из ряда других единиц, смежных с ней по значению. В этом случае у говорящего не возникает сомнения в том, что искомая лексическая единица отобрана им правильно, потому что его речь характеризуется естественностью и спонтанностью. Неоднократное естественное и спонтанное употребление нужной языковой единицы в соответствующем контексте, то есть неоднократно состоявшаяся успешная экстериоризация, свидетельствует о завершённой интериоризации.

Литература

- Некипелова, И. М.* Конвергенция и дивергенция субъективных языков и их статистическое распределение в формировании объективного языка / И. М. Некипелова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 4 (23). Ч. I. – С. 123 – 126.
- Некипелова, И. М.* Язык и речь: рост и истинность информации / И. М. Некипелова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. – С. 146 – 148.
- Общество [Электронный ресурс] // Большой толковый словарь русского языка. [сайт]. [Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.] // – URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&wo rd=общество> (дата обращения: 20.12.2020).
- Пушкарёва, Т. В.* Проблема интериоризации знаний в психолого-педагогической науке. [Электронный ресурс] / Т. В. Пушкарёва // Современные проблемы науки и образования. [сайт]. [2015. № 1-1] – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17247> (дата обращения: 15.11.2020).
- Сообщество. [Электронный ресурс] // Большой толковый словарь русского языка. [сайт]. [Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.] // – URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&wo rd=сообщество> (дата обращения: 20.12.2020).
- Community. [Электронный ресурс] // Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. [сайт]. [Cambridge University Press, 2008, 1699 p.] // – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/community> (дата обращения: 20.12.2020).
- Society. [Электронный ресурс] // Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. [сайт]. [Cambridge University Press, 2008, 1699 p.] // – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/society> (дата обращения: 20.12.2020).

Nekipelova I. M.

Kalashnikov Izhevsk state technical university, Russia
irina.m.nekielova@mail.ru

The emergence of conditions leading to the instability of the process of interiorization of language units related to the relationship of direct lexical compliance

The article is devoted to the research of conditions that form stable language interiorization and conditions that lead unstable language interiorization. The most stable condition, at first sight, is the situation of a complete direct compliance of one unit of first language to one unit of another language. However, the research showed that it is possible to create contexts where selection conditions appear even when direct compliance of language units exists. This choice situation makes interiorization unsustainable.

Keywords: language interiorization, stability and instability of the interiorization process, full lexical compliance, requirements for verification of interiorization

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'373.43:316.744

Радченко Марина Васильевна

Задарский университет, Хорватия
radcenko@unizd.hr

Игровое словообразование в российских и хорватских СМИ

В статье исследуются особенности игрового словообразования в современных российских и хорватских средствах массовой информации. Анализируются различные приемы словообразовательной языковой игры, используемые в массмедийных текстах на русском и хорватском языках, такие как контаминация, образование слов по конкретному образцу, графодеривация.

Ключевые слова: игровая деривация, словообразование, русский язык, хорватский язык, массмедийный текст

Наряду с собственно номинативной, конструктивной, компрессивной, экспрессивной и стилистической функциями словообразования выделяется также игровая функция, которая «выполняет и номинативную роль (игровое слово непременно именуется что-либо), но в ней присутствует особое намерение говорящего – поиграть с формой речи, причем эта игра может быть и безобидной шуткой, и острой насмешкой, и злой иронией, и едким сарказмом» (Земская 2007: 186). Создание игровых дериватов¹, отличающихся, как правило, нестандартной структурой и ярко выраженной экспрессией и оценочностью, особенно характерно для языка современных средств массовой информации. Процесс образования окказиональных инноваций, активно протекающий не только в русском, но и в других славянских языках, привлекает внимание дериватологов-славистов. Так, Е. И. Коряковцева на основе изучения особенностей массмедийного словопроизводства в восточнославянских и западнославянских языках приходит к выводу о том, что тексты российских, польских и чешских СМИ «нередко сознательно насыщаются окказионализмами, созданными в ходе языковой игры, раскрывающей потенциальные связи производящего слова с тем, чтобы использовать их с максимальным прагматическим, эстетическим и комическим эффектом» (Коряковцева 2016: 127). По нашим наблюдениям, активизация процесса образования игровых дериватов является также одной из отличительных особенностей языка современных хорватских средств массовой информации.

Среди специфических словообразовательных типов, использующихся в качестве игровой функции, наиболее широкое распространение получили приемы так называемого «каламбурного словообразования» (Земская 2007: 187). Под каламбуром понимается «вид языковой игры, основанный на объединении в одном тексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» (Санников 2002: 490).

В обоих языках представлены каламбурные контаминационные дериваты, создаваемые путем соединения полных или усеченных основ исходных лексем, нередко сопровождаемого наложением совпадающих по звучанию сегментов опорных слов. При этом в окказионализме сочетается семантика обоих исходных слов. Исследователи отмечают игровой характер подобных новообразований: «Контаминация – средство языковой

¹ Под игровым дериватом понимается «такое преднамеренно созданное производное слово, которое вследствие своей яркой внутренней формы, нацеленной на достижение комического эффекта, становится средством языковой игры, выполняет игровую функцию» (Дедова, Григорьева 2018: 52-53).

игры. Вступая в нее, говорящий учитывает звуковую форму объединяемых им компонентов, их ассоциативный ареал и аллюзивность, коннотативные возможности слов-источников, а также возможность верного восприятия новой сложной единицы адресатом речи» (Николина 1996: 312).

Модели образования **контаминационных дериватов, выделяемые с учетом наличия или отсутствия неморфемного усечения исходных слов и видов усечения, а также наличия или отсутствия общего звукового сочетания у полных или усеченных базовых слов, совпадают в обоих исследуемых языках. По нашим наблюдениям, в текстах российских и хорватских СМИ наиболее частотны следующие модели:**

1) соединение полной основы первого исходного слова с финальной частью второго исходного слова, сопровождаемое наложением тождественных звуковых сегментов: Подмосковный **мэрафон** (заголовок). *Кого выбрала область* (подзаголовок) (Московский Комсомолец, 16.10.2012) [**мэр** + **марафон** = **мэрафон**]; *Istraživačko strvinarstvo* (www.portal.novosti.com, 16.06.2012) [**strvinar** ‘стервятник’ + **novinarstvo** ‘журналистика’ = **strvinarstvo**];

2) соединение начальной части первого исходного слова с финальной частью второго исходного слова, сопровождаемое наложением тождественных звуковых сегментов: **Фандализм** (заголовок). *Фанаты «Спартака» разгромили стадион в Ярославле, и им за это, похоже, ничего не будет* (подзаголовок) (Невское время, 01.11.2013) [**фанаты** + **вандализм** = **фандализм**]; *Uvjeravam te, sine, koliko god da si glup, da ležernost s kojom politička klasa prelazi preko zloupotreba demokratskog poretka pokazuje kako osnovna namjena demokracije i jest u tome da ona bude što uspješnije zloupotrijebljena. Doći će dan kada će politička klasa, umjesto što još uvijek operira s pojmom demokracije, i službeno koristiti termin zloupokracija* (www.portal.novosti.com, 28.01.2012) [**zlouporaba** ‘злоупотребление’ + **demokracija** ‘демократия’ = **zloupokracija**];

3) междусловное наложение без усечения основ, при котором на конец основы первого слова накладывается омонимичное начало второго слова: **Фуаграница на замке?** (заголовок). *Россия перекрыла кордоны для импортного продовольствия из стран ЕС, Норвегии, Канады, США и Австралии* (подзаголовок) (Московский комсомолец, 09.08.2014) [**фуагра** + **граница** = **фуаграница**]; *A po čemu sam ja to Slovenac? – Po tome što očigledno dijeliš slovensko mišljenje o Todoriju kao feudalnom vladaru Hrvatske. Gdje ti u Hrvatskoj vidiš feudalizam? – Dobro, nazovimo to **agrokorporativizmom*** (Novi list, 19.06.2013) [**Agrokor** + **korporativizam** ‘корпоративизм’ = **agrokorporativizam**].

Яркие, запоминающиеся контаминационные дериваты образуются в результате использования междометия в качестве первой производящей основы, ср.: *Ай-яй-фон* (заголовок). *Чиновникам запретят пользоваться незащищенными средствами связи* (подзаголовок) (Российская газета, 09.04.2014); *Hahahaerte* (Novi list, 12.06.2016). В первом примере возглас неодобрения ай-яй-яй соединяется с разговорным существительным айфон (англ. *iPhone* ‘семейство смартфонов, выпускаемых компанией Apple с января 2007 года’), во втором – междометие *ha-ha-ha*, обозначающее смех, хохот, совмещается с аббревиатурой *HRT* (< *Hrvatska radio-televizija* ‘Хорватское радио и телевидение’) в фонетической огласовке.

Контаминанты, отличающиеся необычностью формы и ярко выраженным оценочным характером, часто используются в газетных заголовках, оказывая эмотивное воздействие на адресата. Читателю приходится «разгадывать» значение контаминационного деривата на основе семантики и ассоциативных связей исходных слов, участвующих в его образовании. В российских и в хорватских СМИ встречаются и такие заголовки, в которых непосредственно представлен механизм создания контаминационного деривата, ср.: *Обвинение + приговор = обвивор* (заголовок). *Большую часть текста приговора братьям Навальным судья скопировала из обвинительного заключения* (подзаголовок) (Новая газета, 30.01.2015); *Josipović + Kerum = Joker* (Novi list, 17.09.2011).

В обоих исследуемых языках продуктивен прием, называемый «образование слов по конкретному образцу» (Земская 1992: 194), или «предсказамус-прием» (Ильясова, Амири 2018: 214), в результате которого игровой дериват создается по аналогии со структурой конкретного слова. В качестве словообразовательного средства, используемого при производстве окказионализма, может выступать как и морфемный, так и неморфемный сегмент узуальной лексемы, при этом сохраняется ассоциативная связь между инновацией и словом-образцом: *Грекнется ли у нас?* (заголовок). *Могут ли России пригодятся рецепты, выписанные для Греции?* (подзаголовок) (АиФ, 2015, № 29) [*грекнется* ← *аукнется*]; *Фруктоводство к действию* (заголовок). *Новый президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев говорит и про то, что фрукты теперь будут идти в Россию «по зеленому коридору» (с другой стороны, по какому же еще, ведь это же фрукты)...* (подзаголовок) (Коммерсантъ, 06.04.2017) [*фруктоводство* ← *руководство*]; *Biometeorološke prilike: nije smješko, nije plačko, nego neki ravnoduško...* (HRT 1, «Dobro jutro, Hrtvatska», 01.06.2016) [*ravnoduško* ← *smješko* ‘смайлик’]. Обладая шуточной экспрессией, новообразования подобного типа привлекают внимание читателя. Именно

поэтому данный игровой прием нередко используется в заголовках, включающих как окказиональное слово, так и слово-образец: Вьетнам и Вьетнам (заголовок). *Москва дает Ханюю не меньше, чем он берет у нее* (подзаголовок) (Коммерсантъ, 30.06.2017); *Kumrovec i Kerumovec* (Novi list, 09.11.2011) и под. Окказионализм может быть создан с опорой на иноязычное слово-прообраз, что, несомненно, приводит к усилению его выразительности: *El Slavonico* (заголовок). *Večeras u 19 sati Osijek – Cibaliija* (подзаголовок) (Jutarnji list, 27.08.2016) [*El Slavonico* ‘футбольный матч между командами из Славонии’ ← исп. *El Clásico* ‘футбольные матчи между мадридским «Реалом» и каталонской «Барселоной»’]. Аналогическое словообразование следует относиться к наиболее распространенным игровым приемам создания новообразований в обоих исследуемых языках. Анализ хорватских медийных окказионализмов, проведенный в 2011-2012 гг. хорватским исследователем Б. Штеbih Голуб, показал, что 76% окказионализмов, представленных в печатных и электронных СМИ в тот период, было образовано по аналогии с уже существующими словами (Štebih Golub 2012: 431).

В российских и в хорватских СМИ представлены окказионализмы, появившиеся в результате заменительного словообразования, т. е. путем замены одной из производящих основ в исходном узуальном сложном слове, например: Трубовладельческий строй: угрозы не отпугнули участников «Северного потока-2». Европейский бизнес подчеркивает значение проекта для внутреннего рынка ЕС (Известия, 13.03.2019) – ср.: рабовладельческий строй; Койко-пусто (заголовок). *Мест в детских лагерях этим летом на всех не хватит* (подзаголовок) (Российская газета, 24.05.2017) – ср.: койко-место; Импортостранение (заголовок). *Россия резко сократила закупки зарубежных товаров, так и не сумев насытить рынок собственными* (подзаголовок) (Новые известия, 12.05.2015) – ср.: импортзамещение; *Vlastarbijter na burzi rada* (заголовок). *Umjesto na izbore, kao što su neki očekivali od njega, Tihomir Orešković će izaći na burzu rada. I to ne na svjetskom tržištu nego u Republici Hrvatskoj* (подзаголовок) (Novi list, 19.07.2016) – ср.: *gastarbijter* ‘гастарбайтер’ и *vlast* ‘власть’; *Fürerov dvojnik. Rent-a-Hitler: Emin s Kosova nevjerojatno slični nacističkom vođi, a zarađuje oponašajući ga* (Danas.hr, 13.10.2015) – ср.: *rent-a-car* ‘прокат автомобилей’ и *Hitler* ‘Гитлер’; *Feralov bravobranitelj* (Feral Tribune, 02.07.2004) – ср.: *pravobranitelj* ‘омбудсмен; уполномоченный по правам человека’ и *bravo* ‘браво (междометие)’.

Следует отметить, что окказиональные способы словообразования поддаются систематизации сложнее, чем узуальные, поэтому не всегда

можно однозначно определить, создан ли окказионализм контаминацией или путем аналогического или заменительного словообразования. Российские исследователи также обращают внимание на подобное явление: «к контаминации близок прием создания слова по конкретному образцу, последний в ряде случаев „пересекается“ с так называемой заменительной деривацией» (Ильясова, Амири 2018: 214).

К продуктивным способам производства игровых окказионализмов относится графико-орфографический способ образования (графодеривация). Графодериваты, образованные в результате использования различных средств параграфемики, отличаются экспрессивностью и многослойностью значения, а для полного понимания их семантики необходимо визуальное восприятие. В обоих языках подобные окказионализмы создаются по сходным моделям, при этом наиболее продуктивным способом образования графодериватов в российских СМИ является капитализация (выделение части слова при помощи прописных букв), а в хорватских – парентезис (заключение сегмента исходной лексемы в скобки), например: НеСНОСная власть (заголовок). На этой неделе в Москве было снесено более сотни торговых павильонов и палаток, объявленных самостроем (подзаголовок) (Экспресс-газета, 11.02.2016); *Ideološka komisija CK HND (b)analizira uskrsne propovijedi naših biskupa ...* (Večernji list, 02.04.2016) – ср.: *banalizirati* ‘делать что-либо обыденным, банальным’ и *analizirati* ‘анализировать’. В обоих языках встречаются окказиональные контаминированные новообразования с графически выделенным сегментом, ср.: МногоБЕДная семья (заголовок). Россия уверенно движется к китайскому принципу «Одна семья – один ребенок» (подзаголовок) (Аргументы Недели, 2013, № 37) [многодетная (семья) + бедная = многоБЕДная (семья)]; *K(o)ronologija mjera* (RTL Danas, 03.05.2020) [*korona* ‘коронавирус’ + *kronologija* ‘хронология’ = *k(o)ronologija*].

Особый тип игрового словообразования, называемый в российской лингвистике «повтор-отзвучие, или эхо-прием» (Земская 2007:187), а также «фокус-покус прием» (Ильясова, Амири 2018: 222), представлен в обоих языках единичными примерами. Применение данного игрового приема приводит к образованию окказиональных рифмованных сложений, ср.: «Пануччи-Шмануччи». Главный тренер сборной России Фабио Капелло остался без своих помощников – Кристиана Пануччи и Массимо Нери (Спорт-Экспресс, 12.11.2014); «Мульти-культи» без границ. Только за минувшие выходные ФРГ приняла свыше 13 тысяч беженцев из стран Ближнего Востока, приехавших сюда транзитом через Австрию и Венгрию (Невское время, 08.09.2015); *Ovih je dana gotovo zavlada kolektivna histerija*

što dvije najveće stranke kontinuirano gube podršku <...> Nakon suza za HDZ-om i SDP-om koje je narod prozreo, analiza je u fusnotu sakrila da su u takvom-kakvom ratsu tek nedavno osnovane stranke. I među njima ima onih koji žele biti mali hadezej-esdepej, ali ima i onih koji pokušavaju biti nešto drugo (Večernji list, 11.01.2014). В последнем примере окказионализм создан на основе искаженного произношения названий двух основных политических партий Хорватии – HDZ и SDP.

Не только русскому, но и хорватскому языку свойственен тмезис – еще один достаточно редко встречающийся прием игрового словообразования, реализующийся путем вставки внутрь слова какой-либо единицы (морфемы, служебного или знаменательного слова), ср.: Вертолетонедоносец (заголовок). Франция притормозила поставку России первого вертолетоносца типа Mistral Mistral (подзаголовок) (Коммерсантъ, 04.09.2014); *Pogledaj naslovnu Slobodne: «Razgovarali smo s osumnjičenim za ubojstvo Selene Graciano». A onda otvoriš novine i vidiš da je razgovor napravio bratski tabloidiotid iz Beograda* (Novi list, 15.09.2012). В первом примере между частями сложного слова вертолетоносец появляется приставка недо-, а во втором – существительное *idiot* ‘идиот’ вставляется внутрь другого узуального существительного *tabloid* ‘таблоид’.

Отражение и оценка актуальных событий в медийном словотворчестве осуществляется с помощью разнообразных по семантике и оценочности словообразовательных средств при реализации различных способов словообразования, в том числе игровой деривации. Словообразование в массмедийном дискурсе носит креативный характер, что особенно ярко проявляется при производстве новых слов нетрадиционными способами, к которым относятся контаминация, аналогическое словообразование, графодеривация и др. Степень экспрессивности новообразований выше у тех, которые созданы незузальными способами, с нарушением словообразовательных норм. Игровые дериваты в публицистических текстах на русском и хорватском языках используются в качестве средства выражения эмоции, оценки, привлечения внимания читателя.

Литература

- Дедова, О. В., Григорьева, П. В. Игровое словообразование в современном русском языке / О. В. Дедова, П. В. Григорьева // Вестник Московского университета. – Серия 9. – Филология. – 2018. – № 5. – С. 49 – 64.
- Земская, Е. А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 186 – 193.
- Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
- Ильясова, С. В., Амири, Л. П. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 328 с.
- Коряковцева, Е. И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты) / Е.И. Коряковцева. – Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo- Humanistyczny w Siedlcach, 2016. – 152 с.
- Николина Н. А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева / под ред. З. П. Петровой. – М.: Институт Русского языка РАН, 1996. – С. 309 – 317.
- Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
- Štebih Golub, B. Okazionalizmi u hrvatskome publicističkom stilu / B. Štebih Golub // Tvorba reči i njezini resursi u slovenskim jezicima. Zbornik radova sa četrnaeste međunarodne naučne konferencije Komisije za tvorbu reči pri Međunarodnom komitetu slavista. – Beograd: Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu, 2012. – С. 419 – 437.

Radchenko M. V.

University of Zadar, Croatia
radchenko@unizd.hr

Wordplay derivation in Russian and Croatian mass media texts

This article discusses features of the wordplay derivation in contemporary Russian and Croatian mass media. Various methods of word-formative language games used in mass media texts in Russian and Croatian languages, such as contamination, word formation according to a specific pattern, graphoderivation, are analysed here.

Keywords: wordplay derivation, word formation, Russian language, Croatian language, mass media text

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'373.43:316.744

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

Рацибурская Лариса Викторовна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия
racib@yandex.ru

Экспрессивно-оценочный потенциал неударов нестандартной структуры в российских СМИ

В статье рассматриваются различные по структуре неудары в аспекте степени их экспрессивности в текстах российских средств массовой информации. Особое внимание уделяется неударам нестандартной структуры, при образовании которых нарушаются словообразовательные нормы. В статье показаны различные виды нарушений словообразовательных норм. В медийных текстах неудары нестандартной структуры, созданные с нарушениями словообразовательных норм, имеют большие экспрессивные возможности и являются эффективным экспрессивно-оценочным средством.

Ключевые слова: русский язык, неудары, словообразовательные нормы, массмедиа

Возросшая роль современных массмедиа на рубеже XX–XXI веков обуславливает актуальность в медийных текстах средств речевого воздействия, к которым относятся, в частности, различные по структуре неодериваты. В настоящее время «СМИ и социальные сети оказались одним из главных факторов активного языкового творчества...» (Зеленин, Буцева 2020: 98). Степень экспрессивности неодериватов зависит от стандартности / нестандартности их структуры. Стандартные новообразования обычно не нарушают словообразовательных норм: они создаются узуальными способами по продуктивным, словообразовательным типам и моделям, с участием активных словообразовательных аффиксов. Нестандартные по словообразовательной структуре новообразования, как правило, нарушают словообразовательные нормы, касающиеся семантики словообразовательной основы и/или словообразовательных аффиксов, ограничений в сочетаемости основ и аффиксов, а также неузуальных способов словообразования. Подобные нестандартные новообразования отличаются высокой степенью экспрессивности и способствуют экспрессивизации медийного текста.

В новообразованиях нередко нарушаются ограничения в сочетаемости морфем. Так, префикс экс- с семой 'бывший', который обычно участвует в образовании имен лиц от одушевленных существительных (экс-герцог, экс-премьер, экс-президент и под.), в нестандартных новообразованиях может сочетаться с именами собственными – названиями музыкальных групп (например, «Блестящие», «ВИА Гра»): Экс-«блестящая» Юлия Ковальчук: Бледанс отбила у меня эколога! (TOP NEWS. 11.12.2008); Неестественными фотками часто грешит и мама троих детей Анна Седокова. На снимках в Инстаграме экс-«виагра» выглядит вечно юной, худой и подтянутой (Комсомольская правда. 11.-18.11.2020). В последнем случае каламбурно сталкиваются названия музыкальной группы и медицинского препарата. С именами собственными могут сочетаться и другие префиксы, что не характерно для словообразовательной нормы: *За яркость выражений Захарову даже прозвали «Анти-Псаки»* (Теория дискредитации. 11.08.2015); *К ним добавлены Делакруа, Домье, Халс — и, как ни странно, две фальшивки: якобы Рембрандт и псевдо-Ван Гог* (Коммерсантъ, 05.05.2017); Это не второй «Мюнхен», это «супер-Мюнхен», не объявление холодной войны, а констатация, что она идет, говорит Федор Лукьянов (РБК. 01.03.2018).

К нарушениям словообразовательной нормы относится также образование неодериватов на базе нетипичных, не характерных для данного словообразовательного типа исходных основ. Так, наречия с формантом

по-...-ому обычно образуются от основ качественных прилагательных (по-хорошему, по-старому), тогда как исходными для наречий-неодериватов могут быть и относительные прилагательные, например ковидный: Сейчас ковид, работают по-ковидному (радио «Вести FM», 24.11.2020).

К нестандартным неодериватам можно отнести и такие, в которых одна из частей имеет иноязычный характер и не является достаточно освоенной (-сайз, -фест): А Россия может предоставить уникальные возможности проведения морских экспедиций, исследований на установках мега-сайз... (Союз / Беларусь. Россия. 17.12.2020); Группы «Несчастный случай», «Ногу свело», Андрей Макаревич, поэты Дмитрий Быков и Леонид Каганов и другие приняли участие в «Партизан-фесте» в поддержку белорусов... (Собеседник. 07.-13.10.2020); Знаменитый международный джазовый фестиваль теперь переехал из Риги в Санкт-Петербург <...> Создатель, вдохновитель и продюсер этого форум-феста Игорь Бутман уже на боевом посту... (Российская газета. 13.11.2020).

Активизировалось в последнее время и создание сложных дериватов гибридного характера с первой частью в латинском написании, в частности с частью COVID: Записки *COVID-волонтера* (Собеседник. www.sobesednik.ru. 15.-16.05.2020); В Уренской больнице откроется отделение для *COVID-пациентов* (Новое дело. 29.10.-05.11.2020); *COVID-мошенники* атакуют и пожилых, и молодых (МК в Питере. 29.08.2020); Коронавирус «оживил» мошенников: как уберечь себя от *COVID-шарлатанов* (Спутник Новости. 06.04.2020). «Гибридные производные – характерный и заметный факт русского словообразования последних трех десятилетий, уже многократно описанный и проанализированный в теоретической литературе, его роль и возможности всё возрастают» (Зеленин, Буцева 2020: 102–103; см. также: Маринова 2014, Попова 2007).

Особой экспрессией обладают нестандартные новообразования, созданные невузальными способами. Одним из наиболее продуктивных в последние десятилетия способов является контаминация, при которой наблюдается произвольное объединение двух исходных слов с возможным совмещением формально тождественных элементов: Вице-премьер сообщил общественности о подготовке 15 специально обученных собак, которые будут вычислять зараженных коронавирусом прямо в аэропорту. Порода хвостатых санитаров называется шалайка – помесь шакала и лайки. Она была выведена Климом Сулимовым, главным селекционером службы безопасности «Аэрофлота», чтобы ловить опасных преступников (Собеседник. 07.-13.10.2020); Родом из кадетства (Союзное Вече. 03.12.2020) – кадет(ы) + детство; То, что мы с пролетарской прямоотой

называем расчлененкой, у них (хирургов – Авт.) именуется пособиями для морфологических курсов <...> Только зачем в Питере, который Александр Невзоров предлагает переименовать в Расчленинград, тратить на это такие деньги? (Собеседник. 24.10.2020) – расчленить + Ленинград (ныне Петербург); Гудбайден, *Трамн* (Московский комсомолец. РРЕ. 11.-18.11.2020) – гуд бай (англ. *good bye* в русской графике) + Байден.

При контаминации возможные графемные видоизменения исходных слов: Роботящие люди. Можно ли наделить машину человеческим разумом и чувствами (Аргументы и факты. 2020. № 43) – рОбот + рАботящие.

Разновидностью контаминации является тмезис, при котором одно узуальное слово вставляется внутрь другого: Обмайданутые. «Если бы не глупость Януковича, майдана бы не случилось» (Наша Версия. 02.-08.11.2020) – в узуальное обманутые вставляется украинизм майдан с совмещением формально тождественных частей; Экстримальное шоу со смертельным исходом (Московский комсомолец. РРЕ. 09.-16.12.2020) – узуальное стрим вставляется внутрь узуального экстримальное и дополнительно выделяется цветом. В узуальное слово может вставляться не только другое слово, но и морфема: Импортнедозамещение (Аргументы неделј. 06.11.2020) – префикс недо- вставляется внутрь актуального в настоящее время узуального импортозамещение.

В некоторых случаях новообразование является результатом совмещения трех слов: Электромо-были большой страны (Аргументы неделј. 18.11.2020). В новообразовании электромо-были оказались совмещенными узуальные словоформы: электромобили (форма множественного числа существительного электромобиль), были (форма прошедшего времени множественного числа глагола быть) и были (существительное быть во множественном числе): Автопроизводители в 2020 году один за другим презентуют электромобили. Что это: дань моде или ответ на веление времени, а также какова история данного вопроса... (Аргументы неделј. 18.11.2020).

Пандемия коронавируса способствовала активизации медийного словотворчества и появлению многочисленных новообразований «пандемической темы», в том числе контаминированных новообразований: Карантинейджеры: *почему COVID-19 крайне редко заражает детей: на несовершеннолетних приходится лишь 2% случаев инфицирования коронавирусом.* (РИА Новости – Главное. 04.03.2020) – карантин + тинейджеры.

Наряду с контаминацией активность проявляет такой процесс неузуального словообразования, как заменительная деривация, при

которой в исходном слове заменяется одна из частей (морфемная или неморфемная). Так, исходный хештэг #крымнаш послужил исходным для «Карабахнаш»: Азербайджанцы и армяне сколько угодно могут биться за то, чтобы окончательно заявить что-то в духе «Карабахнаш»... (Собеседник. 24.10.2020). В названии соцсети Фейсбук часть -бук меняется на междометие (звукоподражание) бух, выделенное к тому же и графически: Фейс-БУХ! *Кто и как ответит за оскорбления в сети* (Российская газета. 12.11.2020). Существительные ковидобесие и коронабесие созданы путем заменительной деривации на базе узуального мракобесие: Ковидобесие в РФ стало страшнее любой инфекции (REGNUM.RU. 15.04.2020); Делягин и Хазин опасаются губительных последствий «коронабесия» для РФ (<https://regnum.ru/news/economy/3123805.html>). Заголовок публикации «Приключения мехатроника» (Российская газета. 28.10.2020) перекликается с названием фильма «Приключения Электроника»: в исходном имени Электроник заменяется первая часть на часть меха-.

В некоторых случаях наблюдается замена префикса в исходном слове: в новообразовании «Жертвоотношения» (Новая газета. 18.11.2020) префикс от- используется вместо префикса при- в исходном узуальном жертвоприношение. Статья под заголовком «Жертвоотношения» посвящена незаконному судебному преследованию. В существительном здравоохранение префикс о- заменяется префиксом за-: Оптимизаторы медицины, превратившие ее почти в здравозащоронение, *кричат о ста несчастных погибших...* (Аргументы неделѣ. 06.11.2020).

Нестандартную структуру имеют графические дериваты, результаты графического словообразования, к которым относятся, в частности, новообразования, созданные путем капитализации – выделения в узуальном слове прописными буквами части, соответствующей другому узуальному слову: Цена врачебной ошибки. КаЛечение (Комсомольская правда. 14.-21.10.2020); Прошли сОБСЕдование: *спасут ли организацию от кризиса новые назначения* (Известия. 04.12.2020); Наденьте, пожалуйста, МАСку (Glamour. 2020, ноябрь); Если бы да ОДКБы. *Как Владимир Путин побыл и с Николом Пашиным, и с Александром Лукашенко и чего всем это стоило* (Коммерсантъ. 03.12.2020). В последнем случае наблюдается совмещение контаминации с капитализацией: ОДКБ + (если бы да) кабы.

Анализ новообразований нестандартной структуры свидетельствует об их значительном экспрессивно-оценочном потенциале в современных медийных текстах. Подобные новообразования могут служить не только средством экспрессивизации медиатекста, но и средством негативной оценки, иронии (экс-»виагра», по-ковидному, COVID-мошенники,

COVID-шарлатаны и др.). Особенно выразительными являются неодериваты, созданные неузвальными способами: контаминированные новообразования (кадетство, шалайка), результаты заменительной деривации («*Карабахнаш*», Фейс-БУХ, жертвоотношения) и графического словообразования (МАСка, сОБСЕдование и др.). Такие новообразования становятся средством не только экспрессивной оценки (Расчленинград, обмайданутые, экстримальное, импортнедозамещение, ковидобесие, коронабесие, здравозахоронение, КаЛечение и др.), но и языковой игры (Гудбайден, Трамп, роботящие люди, электромо-были, карантинейджеры и др.). Неодериваты нестандартной структуры в российских медиа отражают актуальные реалии российской действительности и их осмысление современным русскоязычным социумом.

Литература

- Зеленин, А. В., Буцева, Т. Н.* От сидимцев до коронапофигистов (Наименования лиц в период пандемии коронавируса) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 6. С. 97–106.
- Маринова, Е. В.* Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллективная монография. Нижний Новгород, 2014. С. 65–149.
- Попова, Т. В.* Новые явления в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. // Opera Slavica (Slavistické rozhledy). Brno, 2007. Т. XVII. Č. 4. S. 1–5.

Ratsiburskaya L.V.

National Research Nizhny Novgorod State Lobachevsky University, Russia
racib@yandex.ru

Expressive and evaluative potential of neologisms with non-standard structure in the Russian media

The article discusses neologisms with different structures in the aspect of the degree of their expressiveness in the texts of the Russian media. Particular attention is paid to neologisms with non-standard structure, the formation of which violates word-formation norms. The article shows various types of violations of word-formation norms. In media texts non-standard structure neologisms created with violations of word-formation norms have rich expressive abilities and are an effective expressive-evaluative means.

Keywords: Russian language, neologisms, word-formation norms, mass media

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 821.161.1-3Paustovsky, К.:004.4'412

Сивова Татьяна Викторовна

Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы, Беларусь
sitavi@tut.by

Дендроним *осина* в цветовой концептосфере дендронимического пространства художественного текста (на материале НКРЯ и прозы К. Г. Паустовского)

На фоне колористической традиции, присущей русской лингвокультуре в визуализации осины, представлен фрагмент описания цветовой концептосферы дендронимического пространства прозы Паустовского. В ходе исследования выявляется состав цветowych концептов, значимых в визуализации дерева, описывается специфика функционирования цветолексем, устанавливается соотношение индивидуального и национального в цветоописании осины, констатируется продуктивность образования терминов цвета на основе цветowych дендронимических описаний в современном русском языке, что обуславливает актуальность работы.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвистика цвета, термин цвета, концепт, дендроним

Дендронимический код культуры в силу заключенного в нем аксиологического потенциала оказывается в фокусе многовекторных научных исследований филологов. Одним из значимых в лингвокультуре деревьев является осина, восприятие которой во многих культурах¹, согласно Ю. Н. Исаеву, отмечено негативной коннотацией: «у славян, кельтов, индейцев и многих других народов осина – символ предательства, “проклятое” дерево², “Иудино” дерево³, символ смерти» (Исаев 2019: 217), вместе с тем⁴ отмечает исследователь: «во времена язычества считали, что осина исполнена жизненной силы, именно поэтому листья ее всегда трепещут, колеблются, “разговаривают между собой”» (Исаев 2019: 217). Преимущественно негативная оценочность подтверждается исследованиями Л. В. Борисовой, которая, проводя сопоставительный лингвокультурологический анализ «вербализованных этнокультурных архетипов и стереотипов традиционного народного сознания русских и чувашей» (Борисова 2014: 34), доказывает, что «концепт осина в русской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией» (Борисова 2014: 43), В. А. Масловой, рассматривающей специфику восприятия деревьев восточными славянами и его отражение в языке и отмечающей, что осина «в народных представлениях считалась плохим деревом», символом несчастья (Маслова 2013: 8). Вместе с тем осина входит в дендронимический код художественных произведений представителей русской лингвокультуры. Так, Ю. Л. Дмитриева, обращаясь к авторскому идиостиллю и характеризуя средства «экспликации фитоморфного кода русской лингвокультуры в произведениях С. Есенина», выявляет частотные

1 Ср. на уровне фразеологии: польск. (*trząć się, drzeć*) *jak liść (osiki)*; рус. как *осиновый лист (дрожит, трясется)*; укр. як (*мов, неначе, немов, наче*) *осиковий лист / осикове листя / осичина тремтить (дрижить)*; нем. *zittern wie Espenlaub* (Пляскова 2018: 326).

2 Согласно НКРЯ: *Вот осина, проклятое дерево, все что-то лопочет, – и ветру нет, а она трясется* (Короленко «Лес шумит», 1886); *боярин Прозоровский многие беды нам сотворит, и дабы сего не случилось, надобно на первой поганой осине <...> вздернуть* (Герман «Россия молодая», 1952).

3 НКРЯ: *Иуды несут заслуженное возмездие; ведь для них существует и специальное дерево – осина!* (Крестовский «Панургово стадо», 1869); *как бы с трудом сыщик шел по дорожке мимо столов и, согнув шею, смотрел в землю, а руки его висели вдоль тела, точно вывихнутые. – Идет, как Иуда на осину!* (Горький «Жизнь ненужного человека», 1908); *говорить, что лгун есть лгун, враль есть враль, а Иуда есть Иуда, и не зря мелко дрожат осины* (Л. Ковров «В поле – две воли» // «Сов. Россия», 2003).

4 НКРЯ: *Не спасает ни серебро, ни осина, ни святой крест* (Лукияненко «Ночной дозор», 1998); *осиновым лемехом на Руси крыли церкви, испокон веков из осины делали лечебные плашки и обереги* (Тайна узнавания // «Народное творчество», 2003). Более того, попытка восстановить репутацию дерева: *Сосна, что гордиться своей прямою, // Осина, обиженная клеветою* (Солоухин «Третья охота»).

в языке его поэзии лексемы, среди которых – *береза*, *клен*, а также *осина* и *ель* (Дмитриева 2019: 264). Г. И. Шипулина, констатируя факт, что «в русском фольклоре осину, как правило, соотносят с бедной и горькой судьбой, наделяют постоянным эпитетом *горькая*⁵», выявляет индивидуально-авторское отношение С. А. Есенина к дереву: поэт «обращается к ней как к матери: *Здравствуй, мать голубая осина!*» (Шипулина 2011). **Е. П. Акулинина, рассматривая функционирование фитонима осина в структуре художественных произведений Б. Л. Пастернака, приходит к выводу о том, что данный фитоним в творчестве писателя «подчеркивает закрепленные в сознании современного человека представления об этом дереве» (Акулинина 2009: 168).**

Дендроним⁶ *осина* значим в конструировании дендронимического пространства прозы К. Г. Паустовского⁷, что подтверждается на количественном уровне более 70 словоупотреблениями лексемы *осина* и дериватов; на качественном уровне – представленностью лексем и их широкой сочетаемостью: *осина* / уменьш.-ласк. *осинка*, преимущественно в корреляции с партитивным фитонимом *лист* / *листок* (*дрожат листья осины; самый ничтожный листок осины*); с лексемами со значением совокупности растений *заросль, роща, чаща* (*с зарослями осины; рощица молодых осин; в густых чащах осин*); *осинник* (*густой мелкий осинник; много молодого осинника; затрещал осинник; заросли осинника; озеро, заросшее осинником*); *осиновый* (*осиновый лист / листок / листик, ствол, лес, перелесок, яр; осиновая роща, чаща; осиновое мелколесье*). А также актуализацией в тексте широкого спектра характеристик, среди которых: 1) акциональная: а) *осинник, осыпавший листву; роняет листья осина; стали опадать листья осин; осины трепетали и сбрасывали в воду листья*; б) *осина дрожала; дрожь осиновых листьев; в дрожании осенних осин; задрожали все осины*; в) *лист осины лежал на воде*; г) *осиновые листья блестят на солнце* и др.; 2) аудиальная (*шумящая гуща осин; шум осинового мелколесья; слышался трепет одинокого уцелевшего на ветке осинового листка*): *Осины на берегу торопливо зашуршали листьями и стихли* (Паустовский 1983а: 224); 3) темпоральная (*молодой, юный, осенний*): *снова ехать дальше в шуме сосен, в дрожании осенних осин, в шорохе*

5 Что находит отражение и в авторской прозе. См. НКРЯ: *Спалит, ответит душеньку, а потом либо за решетку тюремную, либо на осину горькую* (Васильев «Не стреляйте в белых лебедей», 1973).

6 Следуем традиции широкого понимания термина.

7 Материалом для исследования послужили тексты, представленные в Собрании сочинений в 9 т.

крупного песка (Паустовский 1982в: 472); 4) антропоморфная (осиновые разговорчивые рощи; осинки мелко тряслись от смеха; листок осины живет своей жизнью); 5) влажностная (сырость, сухой лист): **осиновые рощи хлестали в лицо сыростью перестоявшего листа** (Паустовский 1982б: 290); 6) параметрическая (исполинский, тонкий): Он вывел породу **исполинской осины** (Паустовский 1982а: 149); 7) пространственная (на берегу, прибрежная): синицы стряхивают на землю лимонные **листья с прибрежных осин** (Паустовский 1982в: 462); 8) оценочно-эмоциональная, отражающая как негативный стереотип восприятия дерева: *Нету хорошей осины, чтобы ее повесить* (Паустовский 1982б: 501), так и авторское его восприятие (интимизация, соотнесение с родиной⁸): *Кроме того, я успокаивал себя тем, что страшно соскучился по России, по Москве, по любой речонке, где растут кувшинки, по шуму осинового мелколесья* (Паустовский 1982в: 383); 9) температурная: **прогретое до корней осиновое мелколесье** (Паустовский 1983а: 401); 10) одоративная: **в мохнатых комьях снега, остром воздухе осиновых чащ** (Паустовский 1983а: 478).

Колористическая составляющая в репрезентации осины, даже в лексикографическом описании которой фигурирует цветовой признак: *осина* 'лиственное дерево рода тополей, с зеленовато-белой гладкой корой' (БТСРЯ 2000: 729), представляет особый интерес для наших исследований, лежащих в русле лингвистики цвета (А. П. Василевич, В. Г. Кульпина, В. К. Харченко и др.). Согласно данным Национального корпуса русского языка⁹, текстам, репрезентирующим поэтический подкорпус как характеризующимся наибольшей выразительностью, колористический диапазон, актуализируемый в визуализации осины, включает следующие основные цветовые концепты (в алфавитном порядке): **Багровый**: *В багровом полyme осины* (Клычков), *Осинник жгуч, багров и пестр* (Клюев); **Багряный**: *Столбы берез, осины багрянец* (Брюсов); **Белесый**: *В белесоватый страх в листве осины* (Бальмонт); **Белый**: *Гробичек не больше рукавицы, // В нем листочек осиновый белый, // Говорят, что младенческое тело* (Клюев); **Болотный**: *Столбы осин // болотного оттенка* (Межиров); **Бурый**: *Бурее кирпича // Осиновая глушь* (Клюев); **Голубой**: *Здравствуй, мать голубая осина!* (Есенин); **Железный**: *Лишь пять осин с железною листвою* (Сельвинский); **Желтый**: *Желтеет робкий лист осин* (Максим

⁸ Ср. с зафиксированным в НКРЯ: *Суворов стосковался по огненно-красной, трепетно-листной осине и по кукушке, грустно кукующей в березняке* (Григорьев «Александр Суворов», 1939).

⁹ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/old/search-poetic.html>. (дата обращения: 10.01.2021).

Горький), *Осинник желтый бьет тревогу* (Майков); **Зеленый**: *И зелень коры осинового* (Твардовский), *Зеленоватый ствол осины юной* (Минский); **Золотой**: *на дорогу сыпано золото осин* (Корнилов), *В сережках золотых осины* (Зарудин); **Изумрудный**: *безмолвно расстилает // Осина свой покров живой // И изумрудною листвою // Его, как друга, обнимает* (Надсон); **Красный**: *В красном пламени осина* (Городецкий), *И красен круглый лист осины* (Баратынский); **Лимонный**: *Осыпался осинник голый // Лимонной мелкою листвою* (Бунин); **Медный**: *отряхая с осинника медь* (Есенин); **Рдяный**: *И нигде уже осина так не рдела на ветру* (Семенов); **Розовый**: *С бледнорозовой осинки // Чуть шуруша, спадает лист* (Бартольд); **Серебряный**: *Дрожащим отликает серебром // На берегу осинового рощица* (Алексеева); **Серый**: *и серы листья осин, как символ веры* (Петров); **Цинковый**: *И листья осин, как из цинка цехины* (Пастернак); **Червонный**: *Звенит червонный лист осины* (Обрадович).

Цветовой диапазон, зафиксированный в НКРЯ, расширяется лексемами с корнем -цвет-: **Цветные** *саваны накинута осины* (Лозина-Лозинский); *бассейн отражает // Разноцветные листья осин* (Лесная); содержащими цветное значение имплицитно: *Под осенними осинками // Зайка зайке говорит* (Есенин); со значением интенсивности: *росы трясутся зерна на осинах сочных* (Берггольц); *надменная осина // В траву роняет яркие листочки* (Мартынов); с цвето-световым значением: *Осинка лепечет. // Листики пламенные // Мечет* (Андрей Белый); *То рощей молодой веселье осины // Столпились на берегу, и легкие листья, // Завесой редкою задернув солнце, блестят* (Жуковский, 1819) и др. Доминируют в цветовой палитре осины *желтый, золотой, красный*, коррелирующие преимущественно с лексемами (соответственно) **желтый**: *лист* (образн. *ладоши, слеза, червонец*), *вершина, осинник*; **золотой**: *осина, лист* (образн. *копейка*), *сережка*; **красный**: *осина, осинник, лист*.

Цветовой спектр расширяется зафиксированными в основном корпусе НКРЯ¹⁰ цветообозначениями **Алый**: *взлетит с березы желтое облачко, с осины алое* (Ливеровский); **Вишневый**: *голые осины – на земле истлевают вишневого цвета листья* (Нагибин); **Канареечный**: *дорога усыпана их [осинок] листвою круглой – палевый, почти канареечный есть* (Бунин); **Кровавый / Кровяной**: *Они [листья осины] казались кровавыми* (Мариенгоф); *кровавая печать иудина дерева* (Пришвин); *кровавые денежки осин* (Пришвин); **Лиловый**: *увидишь зеленый снег и лиловые*

¹⁰ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html>. (дата обращения: 10.01.2021).

осины (Ливеровский); **Малиновый**: Макушки осин перекрасились в горящий малиновый цвет (Марков); **Огненный**: кроткие березки и огненный осинник (Марков); **Оранжевый**: поразил осинник на мысу – совершенно оранжевый (Бунин); **Палевый**¹¹: дорога вся усыпана их [осинок] листвой круглой – лимонный, палевый [лист] (Бунин); **Пурпурный / Пурпуровый**: осины стоят совсем пурпурные (Куприн); береза и осина золотые и пурпуровые (Козлов); **Синий**: писал и черные березы, и синие осины (Коваль); **Черный**: красоту ястреба на черной осине (Бурлак), увеличивающими оттеночный диапазон колористических описаний дерева: **болотно-зеленые** стволы осин (Катаев); **бурокрасные** [листья] с осинника (Гуль); [осины] узоры **голубо-синим**, – с жемчугом (Вс. В. Иванов); [листья] вянут, принимают **грязно-бурый** цвет (Дубровский); прерванной **дымчато-бледным** осинником (Набоков); **золотисто-багряные** березы и осины (Айтматов); [листья] с осин – **красновато-пятнистые** (Бурлак); **красновато-серый** осинник (Драгунский); горькая осина с своим **металлически-серым** стволом (Мамин-Сибиряк); **стосковался по огненно-красной** осине (Григорьев); оставшиеся на осине **серебряно серенькие** листья (Тропольский); сквозь **сизо-зеленую** листву нескольких осин (Боборыкин) и др. Среди цветообозначений, помимо прочих, авторские термины цвета: **листы осинника, уже налившись винным багрянцем** (Домбровский); **Осина, убитая грозой, грифельна** (Шишкин); **осинки отсвечивали** каким-то **дрянным металлом** (Лазарчук, Успенский); **при определенной обработке она [осина] приобретает серебристый оттенок, имитирующий лунный свет** («Народное творчество», 2003); **стволы осин нежно-фисташкового цвета** (Мусатов); **дорога усыпана их [осинок] листвой круглой – сафьян**¹² **малиновый** [лист] (Бунин); **осины были желто-зелены наверху, совсем как цвет кошачьих глаз** (Казаков); термины живописи: **по осеням, когда умирали киноварью осины** (Пильняк); другие зафиксированные лексикографией содержащие сему ‘цвет’ лексемы: **я видел под ногой румяный**¹³ **лист осины** (Пришвин); **шнырявшая в седицах**¹⁴ **осины синица** (Есенин); **раскрашиваются во все цвета радуги** бельники и осинники (Марков). Итак, отраженный в НКРЯ диапазон цветовых описаний осины представлен получающим развитие списком из более чем 30 цветовых

11 *палевый* ‘бледно-желтый, цвета соломы’ (БТСРЯ 2000: 775).

12 *сафьян* ‘тонкая, мягкая окрашенная кожа, выделываемая из шкур коз и овец’ (БТСРЯ 2000: 1150).

13 *румяный* ‘алый, густо-розовый’ (БТСРЯ 2000: 1133).

14 *седой* ‘серовато-белый, белесый’ (БТСРЯ 2000: 1170).

концептов (в алфавитном порядке): *алый, багровый, багряный, белесый, белый, болотный, бурый, вишневый, голубой, железный, желтый, зеленый, золотой, изумрудный, канареечный, красный, кровавый / кровавой, лиловый, лимонный, малиновый, медный, огненный, оранжевый, палевый, пурпурный, рдяный, розовый, серебряный, серый, синий, цинковый, червонный, черный*, что, наряду с другими фиксируемыми в НКРЯ характеристиками, подтверждает значимость дерева в русской лингвокультуре, важность его цветовой репрезентации.

Цветовой диапазон, используемый Паустовском в визуализации осины, включает следующие цветовые концепты¹⁵ (в порядке значимости): *лимонный, черный, золотой, красный, багровый, лиловый, пурпурный, зеленый, желтый, медный, серый, синий*. Спектр закономерно расширяется лексемами с имплицитным цветовым значением (*нарядный, осенний*); лексемами, принадлежащими сфере изобразительного искусства (*раскраска*); образными колоративами: *Палый лист осины лежал на этой воде как драгоценность, небрежно брошенная юной осенью (Паустовский 1983а: 416)*; лексемами со световым значением (*блестеть, блестящий, костер*).

Доминантами цветового кода осины являются *лимонный* и *черный*, в чем усматриваем авторскую специфику колористической визуализации дерева, проявление уникальной цветовой картины мира Паустовского. Ср. с зафиксированными в «Русском ассоциативном словаре» «цветовыми» реакциями на стимул «осина»: *зеленая, в цвету, облезлая (РАС 2002: 414), с коррелирующими с дендронимом осина эпитетами, приведенными в «Словаре эпитетов русского литературного языка»: бледно-лиловая, лиловая, нарядная, серебристая, серо-зеленая, темная (Горбачевич 2002: 125)*, с расширяющим данный цветовой спектр цветообозначением *рдяный*, фиксируемым на основании лексикографических источников В. Г. Кульпиной при описании сферы денотации цвета *рдяный*: природные явления *полоска зари, закат*; растения *листья осины*, см. (БТС. с. 1107) (Кульпина 2019: 75). Выявив состав цветовых концептов, опишем характер функционирования цветолексем, значимых в описаниях осины.

Лимонный ‘светло-желтый’, ‘имеющий цвет кожуры лимона’ (БТСРЯ 2000: 497) преобладает в авторском цветовом коде дерева. Данный

¹⁵ Группировка цветовых концептов в крупные хроматические категории осуществляется на основе классификации имен цвета, предложенной Р. М. Фрумкиной (Фрумкина 1984). Например, **КОНЦЕПТ КРАСНОГО ЦВЕТА** Багровый, Пурпурный, Красный. **ЖЕЛТОГО** Золотой, Желтый, Лимонный. **СЕРОГО** Серый, Черный. **ЗЕЛЕНОГО** Зеленый. **СИНЕГО** Синий. **ФИОЛЕТОВОГО** Лиловый.

термин цвета коррелирует преимущественно с фитонимами **листва, листок**: *Сквозь мелкий осинник, осыпавший лимонную листву, в полном переполохе спасался глухарь* (Паустовский 1983а: 114), при этом значимой для писателя становится интенсивность лимонного цвета (*бледный, бледность, нежный*): *Молодая осина дрожала над головой лимонными нежными листьями* (Паустовский 1983а: 411). Допускаем, что фиксируемая нами в произведениях Паустовского устойчивая корреляция лимонный – осина в некоторой мере обусловлена влиянием цветовой манеры письма И. А. Бунина, творчество которого Паустовский высоко ценил. Так, НКРЯ фиксирует данную корреляцию у Бунина как на материале поэтического корпуса: *Я перейду луга и доли, // Где серо-сизый, неживой // Осыпался осинник голый // Лимонной мелкою листвой* (Бунин «Пустыня, грусть в степных просторах...»), так и основного: *По дорожке среди осинок. Еще не желтые осинки, но дорога вся усыпана их листвой круглой – сафьян малиновый, лимонный, палевый, почти канареечный есть* (Бунин «Дневники»). Помимо произведений Бунина, НКРЯ (основной корпус) отмечает корреляцию лимонный – осина лишь в прозе Паустовского: *Иногда в таком пузыре лежал, как в полом хрустальном шаре, багровый или лимонный лист осины или березы («Золотая роза»); Громады лип и кленов, переплетаясь с лимонной бледностью осин, открывались перед глазами, как преддверие пышного и тихого края («Повесть о жизни»)*. Примечательно, что в прозе Паустовского обнаруживается устойчивая соотнесенность осин лимонного цвета с образом родины, России: *С необыкновенной силой я понял, что все это – родина, родная земля, любимая до последней прожилки на лимонном листке осины, до едва уловимого курлыканья журавлей в высоком и прохладном небе* (Паустовский 1984: 235); *Многого не надо, чтобы догадаться, что ты в России. Достаточно увидеть, как синицы стряхивают на землю лимонные листья с прибрежных осин* (Паустовский 1982в: 462).

Черный, коррелирующий с лексемами *лист, уменьш. листок, прожилка, пятно*, создает как темпорально обусловленное описание осинового листа: *Рядом с ним под черным осиновым листком прятался клейкий масляк* (Паустовский 1982а: 157), так и, в большей мере, описание его цветочных вкраплений: *с черными прожилками листья осин* (Паустовский 1983б: 371); *с черными блестящими пятнами* (Паустовский 1983б: 390), что на фоне зафиксированных в НКРЯ (основной корпус) корреляций представляется индивидуально-авторским цветовым решением. Ср.: **осина**: *молодая осинка в стороне, узенькая и черная* (Сергеев-Ценский «Лесная топь»); *квадратец из зелени, сплошь обнесенный заборами, черной*

осиной шумел (Андрей Белый «Москва»); *черное безлистое дерево рядом со мной – осина* (Катерли «Сорокопуд»); *почерневшая от старости осина* (Бурлак «Хранители древних тайн»); **ствол**: *утыканные почерневшими стволами сгнивших осин* (Шпанов «Голубеграмма из Усть-Сысольска»); *черные стволы опаленных осин* (Белов «Привычное дело»); *осина, с высокой кроной и совсем темным, почти черным, в крапинах, выемках и наростах, стволом* (Макушинский «Город в долине»); **ветка / ветвь**: *казалось, будто черные ветви березок и осин посыпаны укропом* (Пантелеев «Ленька Пантелеев»); *мои нервы плутали и запутывались в голых черных ветках осин* (М. Зайчик «В нашем регионе» // «Звезда», 2002); **лист**: *и блеклые, черные тоны оттуда посыпались, как переблеклые, черные листья осин* (Андрей Белый «Москва»); **осинник**: *встал лес, черный осинник* (Огнев «Ши республики»).

Синий (единичный случай зафиксирован в *рассказе «Акварельные краски»*), использование которого обусловлено восприятием цвета через призму изобразительного искусства, характерным для *цветописи Паустовского*, также актуализируется в описании цветковых вкраплений осинового листа: *Берг собирал ягоды шиповника и пахучий можжевельник, длинную хвою, листья осин, где по лимонному полю были разбросаны черные и синие пятна* (Паустовский 1983а: 170) и видится авторским колористическим решением. Ср. с НКРЯ (основной корпус): **осина**: *я писал и черные березы, и синие осины, но только красная сосна получила приз* (Коваль «Красная сосна»); **листва**: [лучи] *обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела и над нею поднималось бледноглубое небо* (Тургенев «Отцы и дети»); *от теплоты солнечных лучей «стволы осин становились похожи на стволы сосен, и листва их почти посинела»; может, и выйдет из этого картина поэтическая и ею zalюбуется Николай Петрович или Фенечка* (Антонович «Асмодей нашего времени»); **кора**: *лес обмытый, – кора осины синее, весенние утреники схватили рыхлый снег* (Твардовский «Рабочие тетради 60-х гг. // «Знамя», 2000).

Золотой также актуализируется в создании цветковых вкраплений: лиловые [листья] *с пятнами чисто золотыми* (Паустовский 1983б: 390); [лист] **черный с золотым крапом** (Паустовский 1982а: 367). Цветовое значение ‘блестяще-желтый, подобный цвету золота’ (БТСРЯ 2000: 369), а также ‘цвета меди, желто-красный’, ‘рыжий’ (БТСРЯ 2000: 529) передается посредством номинаций металлов: *Стояла осень. Если бы можно было собрать все золото и медь, какие есть на земле, и выковать из них тысячи тысяч тоненьких листьев, то они составили бы ничтожную часть*

того осеннего наряда, что лежал на горах. К тому же кованые листья показались бы грубыми в сравнении с настоящими, особенно с **листьями осины** (Паустовский 1983а: 495).

Серый значим в колористическом описании сплошной массы осинового леса: *То по крутым берегам серой стеной стояло осинное мелколесье и на отдельных осинах висел желтый хмель, будто кто-то развесил сушить на солнце новые рогожи* (Паустовский 1983а: 332). В корреляции с лексемой осина проявляет одну из черт цветописы Паустовского – создание зарисовки на основе цветового отождествления¹⁶: *Тонкие серые осинки стояли рядами, и на них такими же тонкими серыми струями падал дождь* (Паустовский 1982б: 395). Примечательно, что, согласно НКРЯ (основной корпус), серый актуализируется в художественном и публицистическом дискурсе преимущественно в описаниях ствола осины, в меньшей мере – соцветий, а также осинника и осины в целом. Ср.: **ствол**: *между белыми березовыми стволами серели стволы осины* (Толстой «Анна Каренина»); *подымались серые стволы старых осин, с их трепетной листвой* (Григорович «Город и деревня»); *группа тонких осин серыми стволами выставлялась из желтой сухой болотной травы* (Пришвин «Дневники»); *зеленее становятся серые стволы осин и тополей* (Райт-Ковалева «Роберт Бернс»); *мелькала тоненькая, словно забинтованная, ножка березки и серенький ствол осины* (Курочкин «На войне как на войне»); *горькая осина с своим металлически-серым стволом* (Мамин-Сибиряк «Бойцы»); **соцветие** (*сережки / червяк*): *Осины выбросили червяки свои серые* (Пришвин «Лесная капель»); *Так же рано цветет осина. На мужских растениях сережки очень крупные, светло-серые, шелковистые и пушистые* (Лапина «И начало все расти и распускаться» // «Наука и жизнь», 2007); **осинник**: *складывается что-то большое, серое в частом сером осиннике* (Пришвин «Кладовая солнца»); **осина**: *на серой осине глухо трижды прокричала кукушка* (Беляев «Старая крепость»).

Репрезентирующие **КОНЦЕПТ КРАСНОГО ЦВЕТА** **Багровый** ‘густо-красный’, ‘цвета крови’, ‘пурпурный’, ‘темно-красный с синеватым отливом’ (БТСРЯ 2000: 54) и **Пурпурный**, пурпур ‘темно-красный или лиловато-красный цвет’ (БТСРЯ 2000: 1046) в корреляции с фитонимом **лист** *создают присущий цветописы Паустовского «эффект многоцветности», построенный на использовании цепочек цвета,*

¹⁶ В то время как *желтый* актуализируется в создании цветового контраста (например *черный – желтый*): *Этот цвет особенно хорош осенью, когда на черную воду летают желтые и красные листья берез и осин* (Паустовский 1982а: 615).

*некоторых последовательностей имен цвета, функционирование которых ограничено рамками одного предложения (Сивова 2007), лежащий в основе как колористического описания осинового листа: **Пурпурный**,¹⁷ **лимонный**, **лиловый** и даже **черный** с **золотым** крапом (Паустовский 1982а: 367); *сегодня стали опадать багровые, с черными прожилками листья осин (Паустовский 1983б: 371);* так и осеннего пейзажа в целом: *Но через полчаса земля начала одеваться в багрянец, в ржавчину сжатых полей, в сырую и яркую зелень озимой, в пурпур осиновых листьев и желтизну трепещущих без ветра берез (Паустовский 1983а: 336).* Красный, коррелирующий с лексемами **лист**, **осина**, наравне с терминами цвета **черный** и **зеленый**, вовлечен в реализацию идеи времени (темпоральная координата «Время года»): *Вокруг стволов лежали широкие круги от палых листьев. Деревья начинали желтеть снизу: я видел осины, красные внизу и совсем еще зеленые на верхушках (Паустовский 1983а: 158).**

Лиловый ‘светло-фиолетовый, имеющий цвет сирени или фиалки’ (БТСРЯ 2000: 497), коррелирующий с фитонимом **лист**, участвует в создании многоцветных, опосредованных перцепцией живописца, колористических описаний: *Береза роняет лимонные листья, осина – красные с черными блестящими пятнами или лиловые с пятнами чисто золотыми, ива – зеленовато-желтые, дуб – коричневые, хмель – листья цвета рогожи, рябина – розовые, а конский щавель пылает в сухой траве, как рыжее пламя (Паустовский 1983б: 390); Там у меня облюбовано одно место, – доверительно ответил художник. <...> Чистый осиновый лес! <...> Осина дает осенью такой нарядный убор, как ни одно дерево. Лист у нее чистой раскраски. Пурпурный, лимонный, лиловый и даже черный с золотым крапом. Под солнцем получается великолепный костер (Паустовский 1982а: 367), в которые закономерно вовлекаются лексемы с имплицитным цветовым значением (нарядный убор); лексемы, принадлежащие сфере изобразительного искусства (чистая раскраска); лексемы с световым значением¹⁸ (костер).*

Таким образом, создавая описания осины, Паустовский не выходит за пределы цветового спектра, репрезентирующего колористическое представление о дереве в русской лингвокультуре. Вместе с тем

¹⁷ НКРЯ (основной корпус) фиксирует преимущественную сочетаемость термина цвета пурпурный с цветолексемой золотой: ольха, береза, осина переливались золотом и пурпуром (Солоневич); береза и осина золотые и пурпуровые (Козлов).

¹⁸ *Рожицы молодых осин толпятся на берегу, и все осиновые листья дружно блестят на солнце (Паустовский 1983б: 23).*

обусловленная как передачей идеи времени, так и «живописным» восприятием окружающего мира визуализация осины, в которой в количественном отношении преобладают репрезентанты КОНЦЕПТА СЕРОГО и ЖЕЛТОГО ЦВЕТА, в качественном – КОНЦЕПТА КРАСНОГО и ЖЕЛТОГО, несет отпечаток индивидуально-авторского цветового видения писателя (доминирование *лимонного* и *черного*), отражает черты его цветовой манеры письма, раскрывая уникальность языковой личности Паустовского.

Значимость для авторского художественного стиля и русской лингвокультуры в целом характеризующихся широким цветовым спектром и сочетаемостью лексем¹⁹ колористических описаний осины определяет функционирование данных дендронимических номинаций в качестве терминов цвета как на диахроническом срезе, так и в синхронии. Так, С. В. Кезина и М. Н. Перфилова, анализируя динамику валентности цветообозначений в истории русского языка, обращаются к «Словарю русского языка XI–XVII вв.» и фиксируют функционирование (XV–XVII вв.) трехвалентного колоратива *светлоосиновый* (Кезина 2017: 74) и поливалентного *осиновый* ‘цвета коры осины’ (Кезина 2017: 75). В «Словаре цвета» В. К. Харченко отмечен термин цвета *осиновый* ‘зеленый с сероватым оттенком’ (Харченко 2009: 295). А. П. Василевич фиксирует термины цвета осиновый ‘светло-зеленый цвет осинового листа’ (Василевич 2005: 176), а также лист осины (Василевич 2005: 136), осиновая кора (Василевич 2005: 137), ствол осины (Василевич 2005: 139). Данная модель демонстрирует свою устойчивость и продуктивность, в связи с чем можно прогнозировать пополнение фонда терминов цвета, в основе которых лежит дендронимическая номинация, что делает изучение специфики колористической визуализации растений плодотворным в свете стоящей перед лингвистикой цвета задачей создания полной версии цветовой концептосферы русского языка.

¹⁹ Ср.: *вершина*; *ветка*, книжн. *ветвь*; *глушь*; *заросль*; *кора*; *лес*; *лист* (образн. *червонец*, *копейка*, ласк. *денежки*, *ладоши*, *слеза*, *печать*), уменьш. *листок*, уменьш.-ласк. *листик*, разг. уменьш. *листочек*, собир. *листва*; *макушка*; *мелколесье*; *осина*, уменьш.-ласк. *осинка*; *осинник*; *перелесок*; *прожилка*; *пятно*; *роца*, уменьш. *рощица*; соцветие (*сережки* / *червяк*); *ствол*; *чаща*; *яр* и др.

Литература

- Акулинина, Е. П.* Фитоним «Осина»: отражение менталитета русского народа в творчестве Б. Л. Пастернака / Е. П. Акулинина // Вестник Тамбовского университета. – 2009. – Вып. 4 (72). – С. 165 – 169.
- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- Борисова, Л. В.* Концепт «дерево» как лингвокультурный код / Л. В. Борисова // Rhema. Рема. – 2014. – № 1. – С. 34 – 45.
- Горбачевич, К. С.* Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – СПб.: Норинт, 2002. – 224 с.
- Дмитриева, Ю. Л.* Средства объективации фитоморфного кода русской лингвокультуры в произведениях С. Есенина / Ю. Л. Дмитриева // Русский язык в поликультурном мире: сб. научных статей III Международного симпозиума. – Симферополь, 2019. – С. 262 – 267.
- Исаев, Ю. Н.* Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках / Ю. Н. Исаев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – 348 с.
- Кезина, С. В.,* Перфилова, М. Н. Динамика валентности цветообозначений в истории русского языка / С. В. Кезина, М. Н. Перфилова // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, №1. – С. 67 – 81.
- Кульпина, В. Г.* Лингвистическая цветология: от истории к современности цветowych концептосфер / В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
- Маслова, В. А.* Архетип природы как модель мировосприятия / В. А. Маслова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 2. – С. 5 – 14.
- Паустовский, К. Г.* Собрание сочинений: в 9 т. / К. Г. Паустовский. – М. : Худож. лит., 1981–1986. – Т. 1: Романы и повести. – 1981а. – 623 с.; Т. 2: Роман и повести. – 1981б. – 615 с.; Т. 3: Повести. – 1982а. – 687 с.; Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3. – 1982б. – 734 с.; Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. – 1982в. – 591 с.; Т. 6: Рассказы. – 1983а. – 623 с.; Т. 7: Сказки. Очерки. Литературные портреты. – 1983б. – 575 с.; Т. 8: Пьесы. Теория капитана Гернета. Документальная повесть. Статьи и выступления. – 1984. – 447 с.; Т. 9: Письма, 1915–1968. – 1986. – 542 с.
- Пляскова, Е. А.* Общевропейские образы-символы в польских компаративных фразеологизмах / Е. А. Пляскова // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. научных трудов. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2018. – Вып. 34. – С. 324 – 329.
- Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. I: От стимула к реакции. 2002. – 784 с.

Сивова, Т. В. Цепочки цвета как фрагменты колористической палитры прозы Паустовского (на материале автобиографической повести «Повесть о жизни») / Т. В. Сивова // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. ст. – М.: Моск. лит. музей-центр К. Г. Паустовского, 2007. – Вып. 3. – С. 546 – 552.

Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

Харченко, В. К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское / В. К. Харченко. – М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2009. – 532 с.

Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. – 216 с.

Шипулина, Г. И. Обращение к родине и природе в лирике Сергея Есенина: лингвистический аспект / Г. И. Шипулина // Современное есениноведение. – 2011. – № 17. – С. 52 – 59.

Sivova T. V.

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus
sitavi@tut.by

The dendronym *aspen* in color conceptosphere of the artistic text dendronymic space (on Russian National Corpus and K. Paustovsky's prose)

Against the background of the coloristic tradition inherent in Russian linguoculture in aspen visualization, a fragment of color conceptosphere of Paustovsky's prose dendronymic space description will be presented here. In the course of this study, the composition of color concepts that are significant in tree visualizations will be presented revealed, the specificity of color lexemes and their function will be described, the ratio of individual and national in the color aspen aswell, and the productivity of color terms formation based on color dendronymic descriptions in modern Russian.

Keywords: Linguistic Picture of the World, Linguistics of Color, Color Term, Concept, Dendronym

II.

**Književnopovijesna
i književnoteorijska
istraživanja**

**Литературоведческие
исследования**

Literary Studies

Izvorni znanstveni rad / Original scientific paper
UDK 821.163.42'38Jergović
821.163.4(497.6)Jergović

Dubravka Bogutovac

Sveučilište u Zagrebu, Hrvatska
dbogutov@ffzg.hr

Je li Wilimowski sinegdoha?

Članak prikazuje sinegdohalnost kao konstitutivni princip teksta na primjeru kratkog romana Miljenka Jergovića *Wilimowski* (2016). Sinegdohalnost se promatra s jedne strane kao svjetotvorni princip, shodno konceptima Nelsona Goodmana, a s druge strane kao kompozicijski princip uspostave romana. Članak analizira sinegdohalnost ovoga teksta na nekoliko razina: na razini naslova, kategorije lika, početku romana u odnosu prema njegovoj cjelini, romanu u kontekstu opusa. Pars pro toto kao formativni kriterij reflektira se fraktalno u strukturi romana i demonstrira njegovu složenost.

Ključne riječi: Miljenko Jergović, metonimija, sinegdoha, metaftonimija

1. Metafora – metonimija– metaftonimija

Metafora i metonimija mogu biti međusobno isprepletene na više načina i razina. Barcelona (2000) zastupa stav da metonimija motivira sve metafore, a Kövecses (2013) smatra da se korelacijske metafore temelje na metonimijama. Goossens (1990) uvodi pojam metaftonimije kako bi označio njihovu interakciju na konceptualnoj razini koja rezultira jednim jezičnim ostvarenjem, pri čemu se mogu razlikovati četiri tipa odnosa:

1. metafora može nastati iz metonimije poopćavanjem;
2. metonimija može djelovati unutar metafore;
3. metafora može djelovati unutar metonimije;
4. unutar metafore može naposljetku doći i do demetonimizacije metonimije odnosno do odvajanja dijela od cjeline kao pretpostavke za djelovanje metafore.

U svim slučajevima koje opisuje Goossens radi se o interakciji jedne konceptualne metafore i jedne konceptualne metonimije, ali proučavanje jezične upotrebe pokazuje da interakcija može biti i znatno kompleksnije naravi te da može proizvesti pojave poput hiperbole ili antonomazije (Brdar, 2019: 51). Prema Goossensu, najčešći tip metaftonimije je prvi tip – metafora iz metonimije. Primjer za ovakav tip metaftonimije jest *Potez je dočekan pljeskom*. Pljesak u kontekstu neke predstave ili nastupa metonimijski stoji umjesto odobravanja ili priznanja, što se metaforički može proširiti na različite tipove situacija u kojima dolazi do odobravanja i prihvaćanja. U početnoj se fazi dvije domene, A i B, preklapaju unutar šire domene, tj. imamo metonimiju tipa DIO UMJESTO DRUGOG DIJELA, a iz toga se razvija metaforičko značenje gdje se radi o dvjema različitim i odvojenim domenama (ibid. 77).

Drugi slučaj koji Goossens izdvaja jest metonimija unutar metafore. Iako to nije čest slučaj, metonimija može djelovati unutar metafore, kao u izrazu *zapeti za oko* gdje se ono što privlači pozornost konceptualizira metaforički kao neki objekt koji se kreće i može na nekom mjestu zapeti, a oko kao organ vida metaforički se konceptualizira kao mjesto u čijoj se neposrednoj blizini kreću predmeti. Samo zapinjanje za oko metaforički se prikazuje kao dopadanje odnosno privlačenje pažnje. Oko pri tome metonimijski stoji umjesto perceptivne sposobnosti vizualnog zamjećivanja.

Treći slučaj jest metafora unutar metonimije. Metafora može djelovati unutar metonimije na način da joj priprema teren. To se očituje, primjerice, u

izrazu *imati nešto na pameti* gdje je PAMET koja metonimijski stoji umjesto PAŽNJE prethodno metaforički konceptualizirana kao SPREMNIK.

Četvrti slučaj je demetonimizacija metafore. Ovaj rijedak slučaj interakcije metafore i metonimije na prvi pogled može izgledati kao metonimija unutar metafore. Goossens ga ilustrira engleskim primjerom *to pay a lip service* – podržavati samo na riječima, ali ne i u stvarnosti. Glagol *pay* – plaćati naznačava kontekst poravnavanja nekog duga, što je prema Goossensu metaforički okvir. Unutar izraza *lip service* imenica *lip* – usna metonimijski stoji umjesto sposobnosti govorenja. Goossens tvrdi da se, kako bi cijeli figurativni izraz mogao funkcionirati, taj izraz mora interpretirati, tj. proširiti, u smislu ‘usluga samo pomoću usana’, pri čemu se gubi metonimijski cilj, tj. dio tijela sada je odvojen od sposobnosti govorenja odnosno demetonimiziran (ibid. 79).

Goossensov bi prijedlog, ističe Brdar, trebalo uzeti kao ono što zapravo jest – polazište u diskusiji. Termin *metaftonimija* trebalo bi koristiti kao krovni naziv za različite oblike prožimanja metafore i metonimije (ibid.). Njegova bi se četiri tipa, sugerira Brdar, mogla svesti i na samo dva jer razlikovanje tipova na temelju činjenice da i nešto manje transparentni dijakronijski procesi mogu, odnosno ne moraju biti uključeni ne mijenja bitno narav procesa. Bitno je što prethodi čemu – metafora metonimiji ili pak metonimija metafori.

Prema Brdaru, Goossensov prijedlog je relativno nefleksibilan – postavlja konceptualno ograničenje jer sugerira da su uvijek uključene samo po jedna metafora ili metonimija, a zapravo u stvarnosti nema ograničenja koliko figurativnih slojeva možemo imati (ibid. 80).

2. NOSILJKA – KOVČEŽI – UTAKMICA

Trajao je mali seoski rat, započet jučer, nenadano, ranim jutrom, kada je kolona s nosiljkom prošla kroz selo.

Wilimowski

Prva metaftonimija s kojom se čitatelj susreće u romanu *Wilimowski je nosiljka*. Mogli bismo reći da je nosiljka sinegdoha priče. Pojava nosiljke na početku romana nagovještaj je priče – obećanje priče. Nosiljka je začudan predmet, strano tijelo ubačeno u mediteranski pejzaž koje izaziva čuđenje okoline, radoznalost i strah. Nosiljka je prekrivena koprenom, kao što je svaka priča prekrivena velovima koje tek pripovijedanje treba otkriti. U nosiljci je David, dječak od osam godina koji boluje od tuberkuloze kostiju. Nije prekriven gazom da bi se sakrio, nego se skriva od komaraca. „Shvatio je da su ljudi sitniji od svega što ih okružuje.“ (Jergović, 2016: 21) Karakter priče, koju kao nosiljku

nose na svojim ramenima njeni protagonisti, označio je i sam pripovjedač, u slobodnom neupravnom govoru:

„Umirovljeni profesor krakovskog sveučilišta Tomasz Mieroszewski u tom je trenutku prvi put pomislio da bi, možda, bilo mudrije da nije pokretao karavanu prema jugu, nego da su ostali kod kuće i u miru nastavili čekati Davidovu smrt. Ova djetinja sjenkijevičevska avantura suprotna je njegovom karakteru.“ (ibid. 45)

Druga važna metaftonimija u tekstu je *radijska antena*. U očima kolektiva, radijska antena znak je špijunske djelatnosti:

„Nije to mogla biti špijunaža u korist Adolfa Hitlera, za koju je Švabicu i njezina muža od ranije sumnjičila polovica sela, ni u korist Josifa Staljina, za što ih je sumnjičila druga polovica. Pojava Karadoza, o kojem se još uvijek ništa nije znalo, niti ga je itko vidio ispod vela od bijele gaze, budila je saznanje kako ovo ne može biti špijunaža u korist neke države ili carstva, koliko god to carstvo bilo moćno, nego se državne tajne, ali i mijene i stanja naših duša, dojavljuju iz Švapske kuće lično Sotoni, njegovu posinku Luciferu, ili nekome tko je s tom dvojicom blizak i dijeli s njima bezgranično i sveprožimajuće carstvo zla, podzemno i zemaljsko, ili ono najveće i najstrašnije, koje nastaje u mašti svakoga kome Sotona i Lucifer na um padnu, i u dušama im se trajno nastane.“ (ibid. 52)

Antena se vidjela iz cijeloga sela i iz svake kuće – pripovjedač konstatira da ne zna kome je bilo teže: onima koji su gledali antenu ili onima koji je nisu mogli vidjeti. Kakvo je značenje antene? Kao i radio, i antenu je profesor Mieroszewski projektirao i sagradio za dvije umirovljeničke godine, samostalno, bez pomoći drugih, ne služeći se pritom čak ni shemama i planovima. Načinio je radio aparat, zvučnike i antenu koji se nisu mogli usporediti ni s jednim uređajem poznatim na svijetu. „Radio je iz straha od starosti, smrti i besposlice, onog straha koji spopadne, a često i ubije, ljude njegove dobi, nakon što pođu u mirovinu.“ (ibid. 56) Antena, radio i zvučnici životno su djelo ovoga lika, koje će se, kako izvještava pripovjedač, činiti uzaludnim i nevrijednim života kao i svako drugo životno djelo čovjekovo.

Treća velika metaftonimija ovoga teksta je *Karadoz*. To je ime koje je kolektiv dalo Davidu. Od prvog pogleda na Davida kolektiv je počeo pričati priču o njemu – o onome što skriva koprena na nosiljci. Pripovjedač kazuje da

je ta priča, kao i mnoge druge, upamćene i neupamćene, koje su se kroz povijest prenosile, učinila ovaj kolektiv ljudima kakvi danas jesu.

Teško je procijeniti je li Karadžo, odnosno David, glavni lik ove priče. Da bismo to utvrdili, potrebno je vidjeti u kakvoj je on relaciji spram Wilimowskog, po kojemu je roman naslovljen. Stoga prvo moramo prikazati princip konstituiranja četvrte metaftonimije ove priče, a to je *utakmica*. Utakmica u ovoj priči označava sinegdohu poraza. Metaforika utakmice obuhvaća borbu za pravdu, čast, dostojanstvo kontinentata, povijest. Utakmica je mjesto drame u romanu. Nogomet je u tom kontekstu metafora:

„A o metaforama se u životu ne govori, ne rasklapa ih se i ne tumači što one znače, jer kada bi se to činilo, život bi se pretvorio u mučenje i u nevolju koju ne bi mogla uljepšati i popraviti nijedna metafora, jer bi i ona bila rasklopljena i protumačena, čim bi se pojavila kao metafora.“ (ibid. 69-70)

Tako dolazimo do ključne, središnje, nosive metaftonimije teksta: *Wilimowski*. On je u ovome romanu sinegdoha pamćenja i metafora borbe protiv zaborava povijesti. Njegova uloga u ovoj priči je spašavanje od zaborava: „On igra da se ne zaborave on i njegovi, kada uskoro dođe vrijeme smrti i zaborava.“ (ibid. 92). Iako se Wilimowski ne pojavljuje u romanu kao klasični lik, nego o njemu saznajemo tek posredno, putem prijenosa utakmice koju likovi romana prate kao da se radi o njihovoj vlastitoj sudbini, možemo reći da je Wilimowski središnja figura romana. On nije glavni lik – oko te pozicije se bore za mjesto David i njegov otac – ali je figura u koju je upisano najviše značenja. Wilimowski nosi snažan simbolički naboj, on je najjača metaftonimija teksta jer simultano predstavlja snažne poruke o borbi, konfliktu, čak svojevrsnom ratu za povijesno pamćenje. Ovaj sloj značenja u izravnoj je vezi s *pripovijedanjem* i *pričom*, koje, pak, predstavlja nosiljka s tajnim teretom – zazornim, čudovišnim Davidom-Karadžom, čije imenovanje pak dijalogizira s dva vrlo jaka mjesta literarne tradicije, od kojih je jedno Stari zavjet sa simboličko-metaforičkim slojem priče o borbi Davida i Golijata i sanjanoj pobjedi pameti i mudrosti nad pukom silom i sirovom snagom, a drugo pak ime priziva Andrića i jednoga od njegovih najupečatljivijih likova, Karadžoza, upravitelja tamnice znane kao Prokleta avlija, tajnovitog, zastrašujućeg, podvojenog, opasnog, demonskog junaka, od kojega strepi čitav kolektiv, kao što i u ovom idiličnom mediteranskom naselju nastaje kolektivni kaos pojavom nosiljke ispod koje se nazire – Karadžo. Nosiljka možda nije čak ni sama priča, nego *predodžba* – *slikakuju* kolektiv ima o priči. Nosiljka je kolektivna vizualizacija priče koja potiče imaginativnost i širenje glasina. A glasina je – kao i trač – mitski praoblik priče. Sve se u ovom naoko

kratkom romanu vrti oko priče i pričanja, pripovijedanja i pripovijedanoga, govorenja priče, širenja priče, prenošenja priče, slušanja priče, tumačenja priče, prepričavanja priče, izmišljanja priče. U tom kontekstu možemo reći da je *Wilimowski* kao tekst sinegdoha jednog opusa – ne samo sinegdoha, nego metaftonimija. Pomnije čitanje Jergovićeve proze upućuje na zaključak da je ona u cjelini usmjerena na fenomen *priče* i svega što sačinjava priču: na odnos fikcionalnog i dokumentarnog, na teme sjećanja i pripovijedanja, na problematiku *zasluživanja* priče, na bilježenje, prenošenje i ponavljanje priče, na katalogizaciju, na svjetotvornost priče.

Prema Nelsonu Goodmanu i njegovoj studiji *Načini svjetotvorstva*, mogu se izdvojiti sljedeći načini svjetotvorstva: a) sastavljanje i rastavljanje – s jedne strane dijeljenje cjeline na dijelove i vrsta na podvrste, raščlamba skupova na sastavna obilježja, razlikovanje; s druge strane sastavljanje cjelina i vrsta od dijelova te članova i podrazreda, kombiniranje obilježja u skupove, povezivanje; „mi ne stvaramo novi svijet svaki put kad rastavimo stvari ili ih drukčije sastavimo, ali svjetovi se mogu *razlikovati* prema tome da nešto od onoga što pripada jednomu svijetu ne pripada i drugomu.“ (Goodman, 2008: 17); b) isticanje – neke razlike između svjetova u prvome su redu razlike u emfazi ili naglasku, a ne u obuhvaćenim entitetima, i te su razlike jednako važne (ibid. 18). Kao emfaza se računa odmak od relativne prominentnosti koju pridajemo nekolicini obilježja u aktualnome svijetu našega svakodnevnog viđenja; c) sređivanje – svjetovi koji se ne razlikuju prema entitetima ili emfazi mogu se razlikovati prema sređivanju (ibid. 20); d) brisanje i dopunjavanje – stvaranje jednoga svijeta od drugoga obično uključuje ponešto *čišćenja od korova* i punjenja (ibid. 21) – stvarno izrezivanje dijela stare građe i opskrbu novom građom; e) izobličjenje – neke su promjene preoblikovanja ili izobličjenja koja se, ovisno o motrištu, mogu smatrati ili ispravicima ili iskrivljenjima (ibid. 23).

U ovoj analizi se u središtu pozornosti nalazi prvi način svjetotvorstva koji izdvaja Goodman: *sastavljanje i rastavljanje*. Ovaj način svjetotvorstva u izravnoj je vezi sa sinegdohalnosti teksta. Mogli bismo reći da pripovjedač adira sinegdohu – koje imaju funkciju metaftonimija – stvarajući pripovjedni svijet oko značenja koje one generiraju. U tom smislu, osobito je važan početak romana, jer uvodi središnju sinegdohu / metaftonimiju – *nosiljku* – koja *nosi* priču na način da u prvi mah izaziva šok i nevjericu kolektiva, a potom glasine i nove priče koje se naslanjaju jedna na drugu i tako formiraju veliku priču o liku kojemu ne znaju ni ime. Zanimljivo je da pritom roman nosi naslov sasvim drugoga lika, odsutne figure, o kojoj se saznaje opet – *pripovijedanjem*, prijenosom, pričom. Središnji, odsutni lik također je sinegdoha / metaftonimija koja utjelovljuje

značenje neophodno za priču i pripovijedanje: otpor prema zaboravu, prisjećanje, pamćenje, borbu protiv beznačajnosti.

Nakon sudbonosne utakmice, David sanja Wilimowskog: taj *san* je također metaftonimija. David sanja da trči po prvi put u životu. U snu vidi sam sebe kako igra na praznom igralištu protiv brazilske reprezentacije. U snu shvaća da to nije san – san je bilo sve ono prije. David zabija gol šutom Wilimowskog i shvati da je gledalište prazno. Nema publike. Samo on sjedi u prvom redu. Prilazi njemu, tj. sebi i shvaća da je tijelo te persone njegovo, ali glava pripada Wilimowskom.

U snu se potvrđuje identifikacijska veza Davida i Wilimowskog – Wilimowski u kontekstu sna funkcionira kao Davidovo nesvjesno ili projekcija Davidovih žudnji, htijenja, želja, ambicija i namjera: biti bolji, brži, jači, uspješniji, efikasniji, važniji, adekvatniji. San u cijelosti možemo metaftonimijski čitati kao sinegdohalno-metaforički prikaz Davidovog *neproživljenog* života. Utakmica koju on igra s umom Wilimowskog sam protiv cijelog svijeta, bez ijednog svjedoka osim sebe i Wilimowskog, njegova je borba za vlastitu muškost, važnost, značaj, mjesto u svijetu – njegov je to otpor prema vlastitoj beznačajnosti.

Mjesto koje David ima u svijetu i odnos koji kolektiv ima prema Davidu sažet je u rečenicama: „Ne zna se što im je bilo gore. To što ga vide, ili što on vidi njih.” (Jergović, 2016: 103) Također, David je često *suvišan*: „Tog podneva svi su na Davida bili ljuti. Bez njega im se sve učinilo jednostavnijim. Osjećali su se kao da žive u njegovoj glavi, i nikako ne mogu van.” (ibid. 111) Odnos okoline prema Davidu osobito se jasno vidi u dijelu romana u kojemu David priča svojim ukućanima san o Wilimowskom. Prepričava im detalje, ali izostavlja dio priče u kojemu shvaća da su tribine prazne i da na njima sam sjedi Wilimowski u Davidovom tijelu, sa svojom glavom, i govori mu *sad si ti ja, ovo je moj dar za tebe*, a David mu odgovara *dobro, nakazo* i bježi kako mu nikada više ne bi vidio lice. Zašto je David to prešutio? Pripovjedač daje odgovor: „To je prešutio, jer je i to bilo stvarno. Bio je kriv pred Wilimowskim, koji mu je velikodušno prepustio svoje tijelo, i htio je da to nitko nikada ne sazna.” (ibid. 125) Reakcija okoline na Davidov san bila je čudna i neugodna. Otac mu je rekao da snovi nisu stvarni, na što je David odgovorio da neki nisu, a drugi jesu. David nije shvatio kako nikome nisu jasne jednostavne stvari. Također, nije mu bilo jasno zašto su svi potonuli nakon što im je ispričao svoj san.

Ovaj san ima višestruku strukturno-semantičku funkciju u priči. Osim uspostavljanja relacije identifikacije između lika Davida i polu-fantazmatskog lika Wilimowskog, ova umetnuta priča o neproživljenom, projiciranom životu jednog osujećenog bića demonstrira snagu mehanizma samouspostavljanja ili

autopoieze kojom se koristi ova pripovjedna struktura u cjelini i dijelovima. Kada govori o autopoiezi ili samouspostavljanju, Schwanitz upozorava da

„ (...) sistem ipak nastaje skupa s elementima koji su se konstituirali po njemu samom na temelju božanskog udara munje prilikom djela stvaranja. Taj božanski plamičak stvaranja koji sistem pobuđuje na život polazi od samoodnosnosti (...). To „neka bude“ zove se autoreferencija. Samo stvaranje i rađanje pokriva se sistemsko-teorijskim pojmom „emergencija“. „Emergere“ je latinski glagol koji znači izroniti, iskrnuti, izići na vidjelo, pa se time izražava i to da se sistemi ujedno sa svojim elementima pojavljuju kao totalno nove pojave koje se ne mogu objasniti svojstvima ma koje baze koja bi bila u njihovoj osnovi.”(Schwanitz, 2000: 51)

Ovaj san tako *izranja* na površinu priče, unosi nelagodu u diskurs, posramljuje svoga pripovjedača i čini vlastita značenja nedovoljno prozirnim. Konstituiran je kombinacijom nekoliko mehanizama, poput ostatka romana, s razlikom u stupnju očuđenosti. U osnovi mu se nalazi kombinacija metafore i sinegdohe – metaftonimija. Ova analiza ima namjeru pokazati da je priča ispričovijedana mehanizmom adiranja metafora/sinegdoha, tj. metaftonimija, pri čemu je sinegdohalnost temeljni princip izgradnje priče, jer svaki znak priče stoji na mjestu nečega većeg i predstavlja cjelinu koja ga nadilazi. Mehanizmi sinegdohalnosti, samouspostavljanja i emergencije povezani su, a objedinjuje ih princip „neka bude“: svjetotvornost. Stvaralačka figura koja pokreće samouspostavljanje, emergenciju i svjetotvornost je figura pripovjedača, koji je eksplicitno i implicitno autoreferencijalan: ovaj roman u svakom svome segmentu i u svojoj cjelini pripovijeda o tome što je to priča. Pripovijedač je u njemu samosvjesna figura koja propituje granice fikcionalnosti. Paradoksalno – ili pseudoparadoksalno – za središnji lik romana – Davida – najstvarniji događaj njegove sudbine događa se u njegovom snu. Tek u pokušaju da pripovijedanjem posreduje ono što doživljava kao vlastitu istinu o sebi David se suočava s jazom koji postoji između njega i njegove okoline i spoznaje dubine vlastite osamljenosti i izolacije. Njegov poredak fikcionalnosti drukčiji je od konvencionalnoga: podatak iz sna stvarniji je za njega od sirovih činjenica zbilje i to je ono što njegovu okolinu plaši i zbunjuje. Čini se kao da njegova uskraćenost postaje veća što on manje u nju vjeruje.

„Životi odraslih slični su jedan drugome. Ili se istih stvari sjećaju, a zaboravljaju sve po čemu bi se razlikovali jedni od drugih“, zaključuje David u tehnici slobodnog neupravnoga govora, kojom se pripovjedač u ovome romanu

obilato koristi. I ovaj zaključak u skladu je s temeljnom *istraživačkom* pozicijom pripovjedača romana: zaokupljen je neprestano pitanjem pamćenja i zaborava kao konstitutivnih načela identiteta.

Posljednja velika sinegdoha/metaftonimija romana su *kovčezi*. Oni se pojavljuju na dva važna mjesta u romanu: na početku i na kraju.

„Kovčezi su bili golemi i glomazni, kao da se u njima prenosi pismohrana neke slavne tvrtke koja se našla u bankrotu ili u ratnoj bježaniji, ili pripadaju bogatim ljudima, koji nikada sami ne putuju željeznicom, nego vazda kraj sebe imaju mnoštvo nosača i pomoćnika, što će se pobrinuti da svaka stvar stigne do odredišta i da na koncu bude tako udešena, smještena i poslagana da sve biva raspoređeno kao što je kod kuće, pa da se na kraju puta i ne primijeti da se putovalo, i da svako mjesto do kojega se dođe izgleda isto onako kao i ono s kojega se pošlo. Možda i zato bogatija gospoda djeluju kao da im je uvijek i svugdje pomalo dosadno.“(ibid. 10)

Prvo pojavljivanje *kovčega* u priči najavljuje i objavljuje njezinu fikcionalnost: važno je da svijet ostane netaknut nakon što priča završi. Priče ne mijenjaju svijet, čini se da je poruka koju ovaj pripovjedač prenosi i najavljuje. Nakon napornog i dugog putovanja punog doživljaja svijet se vraća u svoj prvobitni oblik. Mjesta svijeta su jednaka. Ishodišni prostor ne razlikuje se od prostora u koji smo pričom doputovali. Ovakva premisa u neposrednoj je relaciji s kasnijim izjednačavanjem sna (David-Wilimowski) i zbilje: svejedno je u kojem smo prostoru jer smo uvijek u prostoru priče. A kad priča završi, pričat ćemo priču da se ništa zbog nje nije promijenilo.

Citirani ulomak o kovčezima obilježen je također i jednom vrlo važnom značajkom Jergovićevog pisma: humorom. Ovaj paragraf intoniran je ironijom koja kao da dolazi iz tradicije jedne posebne, *imaginarne* britanske književnosti koju pripovijedaju obrazovani *butleri*, uvijek na usluzi gospodi, spremni prešutjeti u javnosti sve njihove slabosti, a svjesni u potpunosti sadržaja njihovih kovčega. Takav pripovjedački glas poznat je, primjerice, iz romana *The Remains of the Day* Kazua Ishiguroa.

Kovčezi se pojavljuju ponovo na kraju romana:

„Iako su ubrzo, za manje od pola sata, kovčezi bili spremni za put, i sve stvari s kojima su došli već su bile u njima, užurbanost se nastavila do duboko u noć, jer nitko nije htio prvi da stane i objavi da je sve gotovo i da je došao kraj, nego su trčali gore-dolje po stepenicama i oko recepcije, sudarali se po

hodnicima i sobama, zavirivali pod krevete i iza ormara, da neka sitnica slučajno nije ostala nepospremljena.

Na kraju, nije ostalo traga da su ikada boravili tu.“ (ibid. 148)

Iz ovog ulomka je jasno da se priča odbija završiti. Na kraju su tragovi protagonista izbrisani iz prostora u kojem su boravili, ali priča još nije gotova.

Dok je kolona s nosiljkom u kojoj je bio Karadoz još jednom prolazila kroz Mirila, putem prema Crikvenici, ljudi su uglavnom spavali i nije bilo svjedoka, tako da pripovjedač zaključuje da kolektiv neće moći pričati kako je ispraćao Karadoza i što je tko pritom vidio i osjetio – i što to sve skupa *znači* – nego će biti prisiljeni slušati druge i šutjeti. „A teško da ima veće kazne od mučanja dok drugi govore, i od života koji prolazi u slušanju jedne iste priče, u kojoj čovjek ne može sudjelovati.“ (ibid. 149)

Nakon što je Karadoz na svojoj nosiljci napustio Mirila, u kolektivu se nastavila pričati priča o njemu. Rasla je do tolikih razmjera da je došla do zaključka da je dobro da je na vrijeme otišao, dok nije izbio veliki rat, jer tko zna što bi se dogodilo da je uz rat i on bio tu. U priči je poprimio karakter nečastivog.

3. KRAJ-EPILOG-POČETAK

Sve važno čuvalo se u riječima. Riječi pamte ono što čovjek zaboravi.
Wilimowski

Priča završava u oblaku prašine koji nastaje iza crnog mercedesa koji se spušta prema Crikvenici. Sljedećih nekoliko završnih stranica romana predstavljaju njegov svojevrsni epilog. U njemu saznajemo ponešto o sudbini likova. Pripovjedač kaže da se jezgri likovi vode kao nestali. Ako su ikada i živjeli.

Roman završava konstatacijom da David sigurno nije doživio završetak Drugog svjetskog rata, a ljubavnu priču vjerojatno jest – od početka pa do njezina logičnog kraja. Davidovu ljubavnu priču pripovjedač ne pripovijeda u cijelosti, nego samo sinegdohalno sugerira njezino osnovno značenje: „Oduvijek je ta ljubav.“ (ibid. 82)

Roman završava *Bilješkom o Ernestu Wilimowskom*, u kojoj piše da nijedan nogometaš u povijesti nije Brazilcima u službenoj utakmici dao četiri gola, osim Ernesta Wilimowskog, te da nijedan tim Brazila nije dao pet golova, a da je ipak izgubio, osim Poljske. Wilimowski je život proživio u nekoj vrsti progonstva. Pripovjedačev komentar njegovog života glasi: „Tugu

Ernesta Wilimowskog, i ljudi sličnih sudbina, vrijedilo bi opričati, kada bi se još moglo.”(ibid. 158) Ovu bilješku piše isti onaj samosvjesni pripovjedač koji, primjerice, ispisuje komentar: „Katarina će biti malo razočarana kad gosti i ne primijete znak na šalicama, ali nikome neće ništa reći. Ili će nam se samo učiniti da u njezinu pogledu primjećujemo razočaranje.”(ibid. 51) To je pripovjedač koji *previše vidi*. On je naglašeno autoreferencijalan. *Bilješka o Ernestu Wilimowskom* komentar je romana *Wilimowski*, a roman *Wilimowski* komentar je *Bilješke o Ernestu Wilimowskom*. Jedan tekst hini vlastitu fikcionalnost, a drugi tekst hini vlastitu dokumentarnost. U igri ovih tekstova ogleda se Jergovićeve opsesija odnosom zbiljskog i imaginarnog. U tom kontekstu, on se primjerice igra sa čitateljem uvodeći u roman lik tajanstvenog diplomata, sklonog pjesničkim izletima, bosanskih korijena – bašon priča profesoru Tomaszu, Davidovom ocu, o malenom hotelu u zaleđu sjevernoga Jadrana, koji je otvorila jedna njemačka dama. Ovaj sporedni lik ilustrira Jergovićev tip humora: čitatelj stječe dojam da baš ovog tuberkuloznog „idealnog diplomata“, kako ga profesor Tomasz procjenjuje i ocjenjuje, pripovjedač uvodi jer mu je to –*čejf*. Užitak u tekstu ono je što nagoni pripovjedača da čitatelju baca udice, navlačeći ga na boležljive bosanske diplomate s literarnim sklonostima.

Završetak romana vraća nas njegovom početku: *Vincere o morire* moto je koji stoji prije prve rečenice. Ovdje je riječ o pobjedi koja je ujedno i osvajanje, suprotstavljenoj smrti. Što je u ovom romanu pobjeda, što se osvaja? U njegovom mikrosvijetu to *jeutakmica* sa svim svojim metaforičkim i sinegdohalnim – metaftonimijskim značenjima. Na makrorazini osvaja se *pravo na priču*. Priča govori o dva izopćenika – Davidu i Wilimowskom. David je izdvojen iz svijeta svojom bolešću koja ga osujećuje u punoj participaciji u zajednici. Wilimowski je pobjednik koji gubi, Nijemac koji je Poljak. Priča koju priča pripovjedač romana *Wilimowski* je priča o pripadnosti nepripadanja, zdravlju bolesti, gubitništvu pobjede. Zato nije neobično kad ovi likovi međusobno zamijene glave, kao što nije neobično kad se u vantekstualnoj zbilji dogodi da Poljska izgubi od Brazila nakon što Wilimowski zabije četiri gola. *Vincere o morire*. A na kraju priče ljubav.

LITERATURA

- Brdar, Mario (2019) Metafore i metonimije u interakciji. *Metafore u hrvatskome jeziku, književnosti i kulturi. Zbornik radova 47. seminara Zagrebačke slavističke škole*. Ur. Lana Molvarec i Tatjana Pišković, Zagreb, FF Press, 51-94.
- Goodman, Nelson (2008) *Načini svjetotvorstva*, Zagreb: Disput
- Jergović, Miljenko (2016) *Wilimowski*, Zaprešić: Fraktura
- Kövecses, Zoltán (2013) The metaphor–metonymy relationship: Correlation metaphors are based on metonymy, *Metaphor & Symbol* 28, 75–88.
- Schwanitz, Dietrich (2000) *Teorija sistema i književnost*, Zagreb: Naklada MD

Bogutovac D.

University of Zagreb, Croatia
dbogutov@ffzg.hr

Is Wilimowski a synecdoche?

This article demonstrates synecdochism as a constitutive principle of the text by using Miljenko Jergović's novela *Wilimowski* (2016) as an example. According to Nelson Goodman, Synecdochism is viewed, on the one hand, as a world-creating principle, and on the other, as a compositional principle in establishing a novel. The article analyzes the synecdochism of this text on several levels: title; character category; the beginning of the novel in relation to its whole; a novel in the context of an opus. *Pars pro toto* as a formative criterion is reflected fractally in the structure of this novel and demonstrates its stratification.

Key words: Miljenko Jergović, Wilimowski, metonymy, synecdoche, metaphonymy

Izvorni znanstveni rad / Original scientific paper

UDK 17.026.2(=16):316.344.32>(497.15-04)

141.131:316.344.32(=161.42)

Ivana Čagalj

Uniwersytet Śląski w Katowicach, Polska

ivana.cagalj87@gmail.com

Sloga i pobuna u književnim i političkim djelima petorice svećenika intelektualaca s imotsko-hercegovačkog pograničja

Rad analizira kulturno-književno i političko djelovanje petorice svećenika podrijetlom, djelima i/ili službom vezanih uz prostor Imotske krajine i Hercegovine. Analiza odabranih političkih i književnih tekstova nastalih u posljednjim dvama desetljećima 19. stoljeća te na početku 20. stoljeća pokazat će kako je svećenički diskurs pratio razvoj misli hrvatske inteligencije balansirajući između dviju alternativa: hrvatskoga separatizma i slavenskoga jedinstva. Dok su u političkim djelima svećenici iskazivali jaču buntovnost, njihova književna djela nastavak su pastoralnoga rada, bez veće umjetničke vrijednosti s jasnom didaktičkom porukom. Svrha obiju vrsta tekstova jest nastavak preporoditeljskoga rada, prosvjećivanje zagorskoga dijela Dalmacije i Hercegovine te širenje hrvatske misli. Pritom se razlikuju u viđenju rješenja hrvatskog pitanja, političkim afinitetima, stupnju angažiranosti, položaju i funkciji, a zajednički im je rad na unutrašnjoj slozi koja je kod onih više politički angažiranih uključivala pobunu protiv hrvatskih unutrašnjih i vanjskih neprijatelja.

Ključne riječi: hrvatska inteligencija, književni i politički pluralizam, glagoljica, pučka i slavenska solidarnost, (svjetovno-)nabožna književnost

Uvod

Pluralizam političkih i književnih ideja hrvatskoga društva u posljednjim dvama desetljećima 19. stoljeća te na početku 20. stoljeća odrazio se i u zagorskom dijelu Dalmacije te imotsko-hercegovačkom pojasu. Hrvatski povjesničari književnosti obično naglašavaju da se tijekom 19. stoljeća hrvatska književnost razvijala atipično zbog specifične političke, „nedržavne“ realnosti zemlje. Hrvatski se narod formalno našao u jednoj državi te jačaju težnje za ujedinjenjem svih hrvatskih zemalja, uključujući Bosnu i Hercegovinu, što će se vidjeti u produženom preporoditeljskom radu predstavnika redovničke i svjetovne inteligencije. Iako je hrvatska literatura zahvaljujući vodećem protorealistu i tvorcu moderne hrvatske književnosti Augustu Šenoi već ranije dobila čitalačku publiku i počela se razvijati kao samostalna grana života (usp. Bogdanović, 745 – 746), ipak pred kraj stoljeća hrvatska književnost zaostaje za europskim stvaralaštvom i do 40-ak godina (usp. Šicel 1978: 7, Jelčić 1997: 176). Usprkos otežanoj periodizaciji te isprepletenosti različitih stilova, može se primijetiti promjena paradigme 1890-ih. Zajedničko je tzv. novijoj hrvatskoj književnosti (1830-e – 1890-e) naglašeno angažiranje u rješavanju širih društvenih i političkih pitanja,¹ dok se moderna² javlja s godinom 1892.³ pred književnost stavljajući nove zahtjeve, ovaj put u vidu autonomije, odnosno oslobađanja književnosti od bilo kakvih pragmatičnih funkcija.

U takvim političkim i književnim prilikama djeluju petorica svećenika – podrijetlom i/ili službom vezanih uz prostor Imotske krajine i Hercegovine – koji nisu ni jedini ni najreprezentativniji predstavnici inteligencije hrvatskoga društva, ali su političkim, pastoralnim i književno-kulturnom radom pridonosili razvoju hrvatske misli na ovdje istraživanom teritoriju, a neki od njih i šire.

U prvom dijelu rada prikazat će se značaj (ponajprije franjevačkog sloja) inteligencije te širenje različitih ideja vezanih uz rješavanje hrvatskoga državnoga pitanja, pri čemu ćemo se posebno osvrnuti na položaj Dalmacije i Hercegovine,

1 Odgojno-prosvjetiteljska, a ponekad i utilitaristička shvaćanja smisla i funkcije književnosti glavnu formu izražavanja našla su u epskim žanrovima. Na pragu 1890-ih dolazi do korjenitih promjena, izrazit je poetski realizam, koji se očituje u psihološkoj motivaciji i lirskom akcentu (Šicel 1978: 8).

2 Hrvatska moderna smjer je u hrvatskoj umjetnosti i filozofiji za koji se kao donja granica uzima 1892., a gornja 1914. ili 1916. kad izlazi časopis „Kokot“ koji najavljuje novo razdoblje ekspresionizma. Modernu obilježava sukob starih i mladih, odnosno generacijska, a ne isključivo literarna borba (usp. Šicel 1978: 16).

3 Uz navedenu godinu bitno je naglasiti i 1895. Naime, u Hrvatskoj su prijelomni politički događaji često bivali prekretnice u književnosti. Politička demonstracija i paljenje mađarske zastave povodom dolaska Franje Josipa I. na otvorenje zgrade Hrvatskog zemaljskog kazališta 1895. nije izravno potakla modernistički pokret, ali ga je pospješila (Jelčić 1997: 172).

odnosno nastojanja za njihovim stvarnim priključivanjem hrvatskim zemljama. Političku heterogenost prati književna, ali samo na području hrvatske kanonske literature. Naime, heterogenost u ovdje analiziranim djelima ne odnosi se na ranije spomenute književne dileme jer svećenička književnost, čak i ona svjetovnog karaktera, poput novela, putopisa, povijesnih epova, rodoljubnih poslanica i pjesama, ostaje uglavnom izvan aktualnih književnih strujanja.

U drugom dijelu rada analizirat će se tekstovi petorice intelektualaca koje tematski i funkcionalno spajaju pojmovi sloga i pobuna. Ovisno o vlastitim uvjerenjima, položaju, opsegu djelovanja te vrsti teksta, pojam *sloge* različito su shvaćali: od sloge narodnjaka i autonomaša, preko imotske, a zatim i hrvatske sloge i ujedinjenja, do sloge južnih Slavena u okviru dvojne ili, za neke, trojne Monarhije. Uz slogu razmatrani koncept bit će *pobuna* u smislu aktivnog djelovanja petorice u različitim intenzitetima i opsezima (od lokalnog i župničkog djelovanja Bušićeva i Ujevićeva preko šireg djelovanja Rudežova na području Imotskoga dekanata i Dalmacije do djelovanja hrvatskih zastupnika u Dalmatinskom saboru i Carevinskom vijeću u Beču Prodana i Perića) u pravcu koji bi se mogao svesti pod moto „Bog i domovina“.⁴

Hrvatska inteligencija krajem 19. i početkom 20. stoljeća

Položaj hrvatske inteligencije u razdoblju 1848. – 1918. vjerojatno je najsloženiji u čitavoj jugoistočnoj Europi. Osim dvostruke tuđinske vladavine položaj dodatno komplicira velikosrpska ideologija. Javljaju se napetosti između Crkve i države (liberalizam, klerikalizam i dr.), što dovodi do duhovne ideološko-političke diferencijacije hrvatske inteligencije (usp. Džaja 2002: 26 – 27).

U Hrvatskoj, inteligencija zastupa dvije različite ideologije o budućnosti svoje nacije: jugoslavizam koji se nadovezuje na ilirizam te velikohrvatstvo koje dominira 1880-ih i 1890-ih. Prva jugoslavenstvo vidi kao političku, državotvornu i nadnacionalnu/internacionalnu kategoriju. Drugu zagovara Starčević pod utjecajem ideja Rousseaua (Džaja 2002: 29 – 31). U okviru ovih dvaju načina za rješavanje hrvatskoga pitanja djelovat će ovdje istraživana petorica svećenika.⁵

⁴ U člancima iz 1884. pod naslovom „Naš program“ don Ivo Prodan razrađuje poznatu Starčevićevu tezu „Bog i Hrvati“ u načelo „Najprije Bog, najprije vjera, pa domovina“ (Diklić 2003: 23), iz kojega se vidi dvostruki cilj programa – očuvanje vjerskih i nacionalnih osjećaja. Ovo načelo može se primijeniti i na ostale intelektualce čije radove članak analizira.

⁵ Šarić će naglasiti promjenu u diskursu koja se vidi u usporedbi starije generacije hercegovačkih franjevac koji pokazuje odlike zavičajnoga identitetskoga određenja s utjecajem ilirizma, što se

Položaj je inteligencije u BiH specifičan. Od 1878. do 1908. na tom području djeluju tri skupine inteligencije koje postaju nositeljima kulture: hrvatska i srpska koje se priklanjaju već postojećim nacionalnim kretanjima sunarodnjaka izvan BiH, te muslimanska koja je morala tek pokrenuti nacionalni proces identifikacije (Džaja 2002: 218). Još od sredine 19. st. na području BiH zbog nerazvijenosti građanskog sloja nositelji hrvatskog nacionalno-integracijskog procesa su franjevci koji slijede poticaje iz Hrvatske, a od Berlinskoga kongresa 1878. tu ulogu ima i katolička crkvena hijerarhija. Tek krajem 19. st. i početkom 20. st. hrvatska svjetovna inteligencija osniva prve političke organizacije i uključuje se u oblikovanje hrvatske politike u BiH (usp. Grijak, 2011:90 – 91).

Zajedno s rijetkim dijecezanskim svećenicima franjevci u 19. st. čine jedini obrazovani sloj u zagorskom dijelu Dalmacije koji njegujući tradiciju pridonosi duhovnoj integraciji sjevera i juga (Grbavac 93). Ranije su odigrali veliku ulogu i u duhovnom i kulturnom životu Hercegovine⁶ koja tek 1844. dobiva dopuštenje za gradnju samostana na Širokom Brijegu odvojivši se od provincije Bosne srebrne (usp. Pandžić 2001: 49 – 52; Alilović 1980: 7 – 9).

Franjevci nisu bili samo duhovni vođe naroda, već su se angažirali u politički,⁷ kulturno-prosvjetni⁸ i književni rad. Općenito se može reći da književno stvaralaštvo franjevaca, ali i dijecezanskih svećenika, nije nastalo iz umjetničkih pobuda niti ima veliku umjetničku vrijednost. Dok su u političkim brošurama i govorima znali biti poprilično borbeni, što će se pokazati u drugom dijelu rada na

nakon okupacije pretvara u potpuni hrvatski nacionalni diskurs kod novije generacije (Šarić 2011: 42 – 43). Ova promjena vidi se i u nekim djelima imotskih franjevaca, poput fra Josipa Vergilija Perića.

6 Do 16. st. u Hercegovini nije postojao franjevački samostan koji bi mogao biti kulturno žarište u tom graničnom području turske carevine. Do 1718. veći dio Hercegovine pasterizirali su franjevci iz dalmatinskih samostana Zaostroga, Makarske, Živogošća. Potom i Turci i Mlečani zabranjuju prelazak granice, što će se odraziti negativno na duhovni i kulturni život Hercegovine. Ona dolazi pod samostane u Kreševu i Fojnici koji su joj bili predaleko te su se u svom radu franjevci morali izlagati životnoj opasnosti (Alilović 1980: 7). Nakon odvajanja od bosanskih franjevaca, sljedećih 50 godina glavno sjedište hercegovačkih franjevaca bit će u Širokom Brijegu, a 1894. prebacuje se u novi samostan u Mostaru (Pandžić 2001: 139).

7 Za vrijeme Rudeža i Perića, Imotski samostan bio je političko središte narodnih težnja (usp. Vrčić 2018: 89). O važnosti samostana za narod i njegovu kontinuitetu svjedoči i činjenica da je jedan od najstarijih samostana u bosanskoj vikariji (Zlatović, prema Vrčić 2013: 69). Prvi se put spominje 1343. godine (Korać 2007: 26), dok je Imotska župa osnovana 1717., nakon oslobođanja Imotske krajine od Turaka (Vrčić, 2018: 38). Dozvola za gradnju novog samostana pribavljena je 1738. (Vrčić, 1989: 72).

8 Kulturno djelovanje fratara predvođenih mostarskim biskupom fra Paškalom Buconjićem od posebnog je značaja za Hercegovinu kojoj nedostaje svjetovne inteligencije, gdje će se stasanje hrvatskog građanstva očitovati tek 1906. osnivanjem prve političke organizacije Hrvata u BiH pod imenom Hrvatska narodna zajednica, dakle gdje zbog nepostojanja političkih stranaka i institucija do prvog desetljeća 20. st. Hrvati svoje nacionalne težnje pokušavaju ostvariti putem kulturnih institucija, pjevačkih društava, škola, čitaonica, tiskara, novina i dr. (usp. Grijak 2011: 117; Alilović 1980: 11 – 14, 38, 41 – 49; Nikić 2002: 295).

tekstovima Prodana, Perića i Rudeža, vjersko-bogoslovna i svjetovna djela poput Ujevićevih i Bušićevih, imala su biti na korist živom puku.

Sloga i pobuna u djelima dvojice zastupnika

Jačanje pravaštva na političkom i književnom polju u Hrvatskoj⁹ održava se u djel(ovanj)ima don Ive Prodana i fra Josipa Vergilija Perića, hrvatskih zastupnika u Dalmatinskom saboru i Carevinskom vijeću u Beču.

Don Ivo Prodan: ni Beč ni Pešta, već (pravaška) sloga

Starčevićanske ideje don Ive Prodana¹⁰ iz Dalmacije prodiru i do Hercegovine preko njegovih vjersko-političkih novina „Katolička Dalmacija“¹¹ koje za razliku od pravaških listova iz Hrvatske, nisu bile zabranjene (Malbaša, 1940: 28, prema Gross 1966 – 1967: 14). Gotovo 60-ogodišnja borba protiv protuhrvatskih utjecajastajat će ga gubitka profesure i tiskare¹² kao i dvostruke privremene zabrane obavljanja crkvenog bogoslužja uslijed njegova stavljanja na čelo pokreta u obranu glagoljice.¹³

Naime, 1898. Zbor za svete obrede u Rimu izdaje okružnicu *Litterae De usu Linguaslavicaein S. Liturgia* kojom se već u prvoj odredbi traži od biskupa i

⁹ Vodeći realistički pisci su bili pravaši (Kovačić, Kumičić, Harambašić, Gjalski, Kranjčević, Osman-Aziz i dr.). Stoga će Jelčić ustvrditi da, ako su ruski realisti potekli iz Gogoljeve kabanice, hrvatski realizam potekao je iz Starčevićeva tobolca (s aluzijom na njegove feljtone „Tobolac“) (Jelčić 1997: 144).

¹⁰ Don Ivo Prodan (Janjina, 1852. – Zadar, 1933.) novinarski i politički život ostvario je u Zadru, almoćanin je prema precima s očeve strane. Vlasnik je Katoličke hrvatske tiskare koju je osnovao u Zadru, a značajna je za razvoj hrvatske nacionalne svijesti. U razdoblju 1876. – 1919. uređuje i tiska ukupno 12 novina i časopisa (između ostaloga urednik je vjersko-političkih novina „Katoličke Dalmacije“ i prvog dnevnog lista u Dalmaciji „Hrvatske krune“ koja je u početku bila prilog vjersko-političko-književnoj novini „Hrvatska“ tiskanoj u Zadru) (Jerolimov, 1998: 134 – 136). Osnivač je Stranke prava i Čiste stranke prava u Dalmaciji. Zastupnik je u Dalmatinskom saboru 1901. – 1918., a u Carevinskom vijeću 1907. – 1918.

¹¹ Pod utjecajem pravaških ideja iz Dalmacije hercegovački franjevci sve više prohrvatski su orijentirani, što utječe i na osnaživanje hrvatskog identiteta u širim slojevima stanovništva. Prema Vukšiću, hercegovački franjevci su BiH smatrali sastavnim dijelom povijesnoga hrvatskog državnog područja, za razliku od bošnjačkih franjevaca kod kojih postoje dvije struje. Prva je bošnjačka fra Ante Kneževića, a druga jugoslavenska okupljena oko Glasnika jugoslavenskih franjevaca (Grijak 2011: 115 – 116).

¹² Nakon Londonskog i Rapallskog ugovora iz 1915. i 1920. Zadar u kojemu je Prodan djelovao pripada Italiji, a Prodanova tiskara zbog pritiska iredentista i fašista mora se seliti na otok Ugljan, da bi je dokrajčili Titovi partizani tijekom Drugoga svjetskog rata (Diklić 2003: 15 – 16).

¹³ Prvu je zabranio izrekao autonomašima sklon nadbiskup msgr. Pietro Doimo Maupas 1888., a drugu msgr. Grgur Rajčević 1889. zbog neslaganja oko uporabe glagoljice u crkvenom bogoslužju (Diklić 2003: 19 – 20).

nadbiskupa da naprave popis crkava u kojima se kontinuirano glagoljalo barem posljednjih 30 godina, što je bilo gotovo nemoguće dokazati,¹⁴ da bi se 1899. odlukom nadbiskupa Grgura Rajčevića u zadarskoj nadbiskupiji glagoljica ukinula. Prodan u knjizi *Je li glagolica pravo svih Hrvata* iz 1904. glagoljicu proglašava i pravom, i običajem i povlasticom *cjelokupnog* hrvatskog naroda ustvrdivši da protivnici Svete Stolice krivo tumače ranije izdanu okružnicu *Grande Munduspape* Lava XIII. od 30. rujna 1880. (Prodan 1904: 22) i krivo govore o zloporabi glagoljice:

Da je posrijedi zloporaba, Crkva ne bi toj zloporabi *pogodavala*, a glagolici pogoduje. Ona bi zloporabi stvarala poteškoća, ili bi ju naprosto ukinula. Ako li to Crkva ne čini, nego u sve i po sve izjednačuje glagolicu latinici, odatle možemo zaključiti da Crkva, najkompetentniji sudac, ne nahodi u porabi glagolice kod stanovitih crkava nikakvu zloporabu, nego skroz zakonito stanje, koje ona sama svojim svojim vrhovnim autoritetom uvela. Da je po sriedi zloporaba ne bi Crkva govorila o povlastici („privilegium“), jer zloporabom nitko do povlastice ne dolazi“ (Prodan 1904: 71).

U obrani glagoljice branit će i Rim te zaključiti da je uporaba glagoljice zakonita kod svih Slavena, pa i kod Hrvata, da Sveta Stolica nije sužavala pravnu uporabu glagoljice te da nije ona kriva za sužavanje njezina opsega, već su uzroci mnogobrojni: od ratova, nestašice škola i knjiga za glagoljaše, prevlasti latinskoga, uporabe ćirilice do samih „unutarnjih“ protivnika, uključujući i neke biskupe (Prodan 1904: 188, 194, 195, 197), a „da nje [Svete Stolice] nije bilo, ne bi bilo ni ovih ostataka“ (Prodan 1904: 186).

Nadalje, pojam sloge i bunta u Prodanovim djelima odnosi se na pokušaj rješavanja hrvatskoga nacionalnog i državnog pitanja u okviru trijalizma, a s krajnjim ciljem stvaranja samostalne Hrvatske, na temelju unutarnje sloge, žustro kritizirajući sve koji prema njegovu mišljenju ne rade za hrvatsku stvar. Njegova „velikohrvatska“ politika predviđala je također pripajanje BiH hrvatskim državama te je u tu borbu pokušao uključiti sve hrvatske političke stranke i zastupnike, uključujući Muslimane i Srbe.¹⁵

¹⁴ Nadbiskupski ordinarijat u Zadru 1900. izdaje Dekret kojim dopušta uporabu glagoljice čak i u župama gdje je nepotrebno obustavljena u zadnjih 30 godina, ali pravo na uporabu svaka je crkva morala dokazivati čvrstim pismenim dokazima i drugim svjedočanstvima kako bi se napravio valjan popis glagoljaških župa. Popisi zavise o volji nadbiskupa, što se vidi prema Rajčevićevu popisu koji gotovo da i ne sadrži glagoljašku župu, dok su prema popisu njegova nasljednika nadbiskupa Mate Dvornika na početku 20. stoljeća sve župe u zadarskoj nadbiskupiji, osim nekih u gradu Zadru, glagoljaške (Diklić 2003: 57).

¹⁵ Prodanov odnos prema Srbima je ambivalentan. Diklić naglašava da je čak bio spreman na ustupak Srbima u hrvatskim zemljama u vidu priznavanja kulturne autonomije, vjere, pisma i zastave ako pristanu na ujedinjenje BiH s hrvatskim zemljama. Zbog toga su ga naknadno napadali zagrebački

U ranijim će se političkim spisima često osvrutati na konformizam narodnjaka te će tako u tekstu „Razmišljaji i istina“ iz 1884. i u tekstu „Za sjedinjenje ili Nekoliko opazaka ‘narodnomu’ proglasu“ 1885. oštro kritizirati narodnjake predvođene don Mihovilom Pavlinovićem koji koketiraju s Bečom i Peštom (Prodan 1884: 7) te ispunjavaju austrijske težnje u pogledu vojske, uređenja financija, obnove austro-ugarske nagodbe i statusa Bosne (Prodan 1885: 21). Budući da novi narodnjački program ne spominje sjedinjenje hrvatskih zemalja, Prodanov bunt raste te narodnjačke zastupnike stavlja uz bok političkim protivnicima Srbima, Talijanima i hrvatskim poturicama (Prodan 1884: 32) tvrdeći da novi program vodi „k grobnici hrvatskih prava, k izvoru novih nesreća po hrvatski narod“ (Prodan 1884: 56).

Prodan budućnost Hrvatske stvari vidi u unutarnjoj slozi, a ne pomoći velesila. To se očituje u različitim prijedlozima za rješenje hrvatskog pitanja u govorima zastupnika Prodana i Perića tijekom sjednica Dalmatinskoga sabora u studenome 1905. Naime, Perić, o kojemu će biti riječi u sljedećem poglavlju, razočaran mađarskim postupcima nakon 1868., drži da se u sporu između Beča i Pešte Hrvati na kraju trebaju prikloniti Austriji (Perić 1905: 6 – 9). Prodan je skloniji staroj pravaškoj politici „ni Beč ni Pešta“ (Diklić 2003: 129) te se oslanja na pravašku slogu:

U nedalekom vremenu riešavat će se sudbonosna pitanja za cielu Tvoju budućnost, Narode, i ako Te to vrieme na nadje pripravna na obranu, odvažna u navali, *složna* u zahtievima, i nadalje ćeš ostati potlačen, razdvojen i podložan svim mogućim tudjinskim upravama, koje će te kao i do sada spriečavati u svakom napretku. Stranka prava jedna i *složna* od Raba do Spiča (...) (Hrvatska kruna 1908: 1, kurziv dodan).

Kulminacija Prodanova bunta vidi se u govoru u Carevinskom vijeću 1907., kad se slikovito suprotstavlja austrijskom i mađarskom podređivanju Hrvatske:

(...) najprije su se pomirili *ugarski Irud i bečki Pilato*, pa onda su oba skupa prisilili Hrvatsku na križ hrvatsko-ugarske nagodbe (...) kako su uz privolu

i dubrovački frankovci, nazivajući ga izdajnikom i srbofilom (Diklić 2003: 67). S druge strane, Prodan iznosi žustre protusrpske stavove ne razlikujući kategorije naroda, nacije i države. Negira postojanje ijednoga drugoga naroda osim hrvatskoga u Hrvatskoj, dok Srbe u Dalmaciji priznaje samo u vjerskom, no ne i u političkom smislu (Diklić 2003: 34). Nije zamišljao samostalnu Hrvatsku u zajedništvu s drugim južnoslavenskim narodima, ponajmanje sa Srbima, po čemu se razlikuje od narodnjaka (Diklić 2003: 26). U tekstu *Dva dokumenta srbskih težnja u hrvatskoj zemlji* iz 1879. se žustro suprotstavlja srpskom svojatanju ističući kako sloga u Srbiji funkcionira drukčije nego u Hrvatskoj: „U Srbiji neće katolik Hrvat ni mucnut; to bi kvarilo slogu; u nas će srpski namjestnici sliediti jedan za drugim i moći će se dičiti: I ja sam Srbin! – Predsjednici Sabora hvastat će se i gore, al se sloga za to neće razpasti“ (Prodan 1879: 4, kurziv dodan).

Beča Magjari zauzeli Rieku i Medjumurje, tako su uz privolu, pače uz volju Beča, *podjarmili* Hrvatsku i Slavoniju. Sad kao *jastreb na golubicu vrebaju* kako bi u ime svete krune ugarske počinili još jednu svetu međunarodnu *lupeštinu* u velikom stilu, prisvojivši Dalmaciju. Ako Bog ne spasi Hrvatsku, i to će se dogoditi. Beč nas spasiti neće (Prodan, 1907: 14, kurziv dodan).

Na kraju, Prodan izjednačava odnos obiju vodećih država Monarhije prema Hrvatskoj te svjestan svoje teške pozicije kaže: „A je li se našao koji Hrvat, koji se je usprotivio ovomu *jarmu*, te pokušao da svoj narod oslobodi od austro-magjarskog nasilja, to ga se je uvijek koliko u Beču toliko u Pešti označilo *izdajicom ili buniteljem*“ (Prodan 1907, kurziv dodan).

Fra Josip Vergilije (Virgil) Perić: slavenska solidarnost i duhovno jedinstvo

Drugi zastupnik fra Josip Vergilije (Virgil) Perić¹⁶ Pavlinovićev je nasljednik, radikalni narodnjak, antikonformist koji se zalagao za jedinstvo Trojedne kraljevine, ali i duhovno jedinstvo Slavena. Za razliku od Prodana, više se oslanjao na rješavanje hrvatskog pitanja u okviru Monarhije, a u daljnjem razvoju samostalne ili u širem okviru konfederalne zajednice (usp. Šimundža 1989: 528). Pastoralnim i književno-prosvjetnim radom nastojao je prosvjetliti puk koji je stjecajem prilika stoljećima bio zapušten (usp. Jakša Ravlić, 1961, prema Šimundža 1989: 530).

Iz *Govora na carevinskom vijeću* 1891. vidljivo je da slogu shvaća kao slavensku solidarnost te zagovara „bratsko sporazumljenje između svih austrijskih narodnosti“ tvrdeći da „Valjalo bi, dakle, da tražimo sve naše snage ujedno okupiti, što će nam jedino moći zajamčiti skladno, slobodno i napredno živovanje jednih uz druge“ (Perić 1891: 9). Pozivajući se u svim svojim prijedlozima na „narodno pravo i pravo historično“ (Perić 1891: 8 – 9), naglašava težak položaj Dalmacije, „pola zaboravljene i zapuštene zemlje“ (Perić 1891: 16) te dijeli mišljenje s Prodanom po pitanju njezina stvarnoga priključenja hrvatskim zemljama jer Dalmacija „bez ikakove sumnje stoji u svezi za Hrvatskom i Slavonijom i po historičnim državnim spisima i po živoj svijesti i osjećaju hrvatskoga naroda“ (Perić 1891: 3).

Promjena u odnosu prema Pešti vidi se u *Govoru u dalmatinskom saboru* „*Za što se ne slažem sa riečkom resolucijom*“ 1905. Ovdje je očit utjecaj pravaša,

¹⁶ Fra Josip Vergilije Perić (Podbablje Gornje, 1845. – Zadar, 1919.) od 1889. zastupnik je u Dalmatinskom saboru i Carevinskom vijeću, književnik, prevoditelj, kulturni i prosvjetni radnik.

kojima se priklonio nakon 1892.¹⁷ U govoru izražava bojazan da će se s Riječkom rezolucijom dogoditi isto što s Hrvatsko-ugarskom nagodbom iz 1868. koja

„(...) jest čisto negacija hrvatskog državnog i historičkog prava, jer njom nije Hrvatskoj kraljevini zajamčena financijska samostalnost, jer po njoj banska čast spala je na prosto magjarsko „povjerenstvo“. Ban je jednostavno povjerenik magjarskog ministra-predsjednika. Po tom riečka resolucija stoji u direktnoj opreci sa svim adresam Sabora u Zagrebu i u Zadru“. (Perić 1905: 12)

Navodi kako se nakon rezolucije i ostali slavenski narodi boje mađarizacije. Stoga zaključuje: „Ovi pojavi, gospodo, očit su dokaz, kako rieška resolucija i slavljanska solidarnost jesu dva pojma, koja se izključivaju, kako smo s njom sve prije nego li sućut naše slavljanske braće u Austriji postigli“ (Perić 1905: 10).

Istu misao iznijet će u didaktičnoj „Poruci“ u desetercima gdje romantičarski pjeva o slavnoj hrvatskoj povijesti od naseljavanja na Jadranu, poručujući da Hrvati spas mogu naći u narodnoj, slavenskoj slozi:

*Do tolike veličine doći
odlučna je pomogla mu volja,
čelik-značaj i narodna sloga
i s prirodom vjekovita borba,
jer postoji u prirodi zakon,
da odoli sili i vremenu,
narod onaj, što se oslonio
na značajne svoje djece slogu* (Perić 1905: bez paginacije).

Sloga kod Perića ne odnosi se samo na rješavanje političkog pitanja, već se on zalaže za jedinstvo na području kulture i prosvjete (Perić 1912: 12). U *Govoru prigodom 25. godišnjice „Hrvatskog starinarskog društva“* 1912. svraća pozornost na nebrigu i nemogućnost velesila koje su vladale ovim teritorijem da se brinu o spomenicima. Kulturu vidi kao rješenje nesuglasica sa Srbima nazivajući Hrvate i Srbe jednim narodom pod dva imena (Perić 1912: 10). Uz kulturno sjedinjenje zagovara i sjedinjenje preko prosvjete koje je moguće nakon oslobađanja od turskog jarma (Perić 1912: 12), a u samom starinarskom društvu vidi se to jedinstvo u stvaranju duševne zajednice bez obzira na vjeru i narodnost. O slozi kaže: „bratska sloga jest kategorični imperativ za napredak i opstanak

¹⁷ Nakon što se iz pragmatičkih razloga u čitankama za hrvatske škole htjelo izostaviti hrvatsko ime, Perić se suprotstavlja i 1892. istupa iz Narodne stranke te sudjeluje u osnivanju Hrvatskoga kluba s J. Biankinijem, S. Buzolićem, K. Ljubićem, J. Paštrovićem i M. Šarićem (Šimundža 1989: 527). Kad su 1905. u Dalmaciji nastale dvije stranke, Čista stranka prava i Hrvatska pučka napredna stranka, Perić se opredijelio za prve te se u tom razdoblju imotski samostan dosta angažirao u političkim borbama (Vrčić, 2018: 89).

Srba i Hrvata kao narodne i prosvjetne osebine, osobito s toga, što nas sa svih strana moćni i napredni narodi zaokružuju“ (Perić 1912: 12 – 13). Vjeruje da će se otkrivanjem spomenika otkriti narodna umjetnost, duševna zajednica Slavena, posebno južnih (Perić 1912: 19).

O duhovnom jedinstvu i vjerskoj snošljivosti piše u svom najvažnijem književnom djelu *Kula od uzdaha* 1900. Novela je pisana jednostavno, pučki, čitko i jezično jedro (Šimundža 1989: 530), izražajem podsjećajući na don Iliju Ujevića koji u osvrtu piše da je ovo Perićevo djelo svjedok „da i mi Hrvati imadosmo naših vrlih pera koja proslaviše svoje neumrlo ime i našu hrvatsku knjigu“ (Ujević 1900: 547, prema Parlov, 2001: 119). Uz jezik hvali i realističke tehnike autora: „pače je preč. Perić vjerno snimio pravu pravcatu sliku okrutnosti, gnjeva i nepravde turskog starešinstva nad časnim Krstom [...] Osim što je preč. Perić čisto – bistro shvatio okrutničko tursko srce, da li nam ovo svoje shvaćanje krasno na papir izlijeva“ (Ujević, prema Glibota, 1998: 270). Iako su prisutni elementi realizma, riječ je o romantičarskoj noveli o pobjedi malog čovjeka pri čemu se ističe i suradnja predstavnika triju vjera u 17. stoljeću na području krajine oko Knina i rijeke Krke. Perić naglašava pučko zajedništvo kršćana i muslimana te uz opis brutalnog odnosa Mehmed bega Ljubunčića i slugu prema franjevcima – koji su neprestano morali davati mito kako bi mogli prijeći preko Krke i obavljati svakodnevne dužnosti, a često su stradavali uslijed lažnih optužbi franjevacu begovih sluga – autor hvali odnos begova nasljednika, sina Alije koji pomaže kršćanskoj raji i franjevcima koji su bili narodu „sve i sva“ (Perić 1900: 19).

Ideju o slavenskoj solidarnosti razvija i u kasnijim djelima, kao što su *Pjesme i poslanice* iz 1906. pisane pod narodnim, kačićevskim utjecajem. U trima poslanicama don Iliju Ujeviću te Ujevićevim odgovorima (Perić 1906: 10, 19, 33) vidljivo je da se dvojica Imočanaslažu oko pojma sloge. Na Ujevićev poziv: „Sklada! Sklada! – svaka naša gruda / vapi sincem istoga plamena, / jedne krvi, što u žilam teče, / jednog tiela i sudbine jedne“ (Perić 1906: 31), Perić odgovara u trećoj poslanici: „Nek je samo sloge i pameti / past će sila, past će dušman kleti“ (Perić 1906: 39). Pojam sloge dostiže vrhunac u destercima *Poslanice slavodobitnim Balkancima* (1913.) pod motom „Slogom rastu male stvari, nesloga sve pokvari“. Podsjeća kako su slavenska braća prije pet stoljeća bila pod turskim jarmom, ali „složna braća osvetiše poviest“ (Perić 1913: 6), te poziva na rad na budućnosti u kojem „mogu ponajbolje pomoć / slavska braća što su na domaku“ (Perić 1913: 9). Poziva iseljenike da se vrate na slavnu djedovinu, gdje će naći „svog po krvi brata“ (Perić 1913: 9), pod braćom podrazumijevajući južne Slavena: „deder Srbe, rodila te majka, / Bugarine, vesela ti glava, / Crnogorče, diko od junaka“ (Perić 1913: 10) koji trebaju pokazati kako su

Slaveni sposobni za državnu zajednicu: „Izbrisaste sa Balkana Tursku / sad brišite svaku razmiricu, / što bi nastat među vami mogla, / i držite dobro na pameti / da svoj svoga u jamu ne baca“ (Perić 1913: 14).

Imotska sloga i pobuna

Dok je opseg djelovanja dvojice zastupnika prelazio lokalne okvire, sljedeća tri svećenika svojim su radom većinom bila usmjerena na područje imotskih i zagorskih župa.

Fra Rajmund Rudež: Imotska sloga kao kompromis narodnjaka i autonomaša

Preporoditeljsko djelovanje fra Rajmunda Rudeža, dekana Imotskoga dekanata i vođe Narodne stranke u Imotskoj krajini, odvija se u doba kad je gospodarski i kulturni razvoj Imotske krajine već započet te se javlja i svijest o imotskom čovjeku kao Hrvat u pokrajini Dalmaciji (usp. Vrčić, 1991: 200).¹⁸

Njegov najvažniji politički spis je knjižica *Hrvati i talijanaši* koja 1884. izlazi kao podlistak Narodnog lista. Bila je zabranjena, a naklada joj uništena tako da je samo sačuvan jedan primjerak uz pretiske. Svjestan političkih podjela u Imotskoj krajini te opadanja autonomaške struje, Rudež upućuje poziv autonomašima¹⁹ i članovima društva Casino, „na bratsku izmirbu, slogu i složan rad, koli u javnom, toli u privatnom životu“ (Rudež 1884: 3) s narodnjacima jer „Politična naša nesloga tokom godina doprinosila je nazadak i materijalni i moralni našoj otačbini; uplivala je na obću štetu i materijalnu i moralnu u mjestu i u Krajini“ (Rudež 1884: 6). Narodnjaci traže da im autonomaši prepuste većinu općinskog vijeća i slanje narodnjačkog zastupnika na pokrajinski sabor jer u cijeloj Dalmaciji opada autonomaška snaga, a ortaci Srbi okrenuli su im leđa. Ističe da Dalmacija, u kojoj žive i autonomaši koji su naposljetku Hrvati, prirodno i povijesno pripada hrvatskoj trojednoj kraljevini „kako historija i obstojeći

¹⁸ Fra Rajmund Rudež (Vinjani Donji, 1844. – Imotski, 1893.) javlja se u vrijeme kad je Imotska krajina i dalje izolirana prometno od Dalmacije (1890-ih tzv. rimskim putem spojena je s Dalmacijom) odnosno od kulturnih središta. Mali je broj školovanih ljudi. (Usp. Ujević, 1991: 37; 248. Prema njegovim podacima, godine 1798. nepismenost je viša od 99 %, a 1807. iznosi oko 97 %. Do 1971. nepismenost se spustila na 15,71 %.) Taj kraj našao je nositelje narodne misli u župnicima 24-iju imotskih župa, među kojima se Rudež posebno isticao skupa s profesorima europskih sveučilišta fra Paškalom Vujčićem i fra Šimunom Milinovićem mlađim.

¹⁹ Rudež ističe da u Imotskom kotaru ima tek oko 10 obitelji koji se žele zvati talijanskima bez poznavanja jezika, Srba ima oko 900, a Hrvata oko 28 000 (Rudež 1884: 21).

ustav bistro dokazuju [...]“ spominjući još i „prava koja jih [narodnjake] idju po Bogu, po prirodi“ (8). Nadalje, predlaže sjedinjenje autonomaškoga društva Casino i narodnjačke Čitaonice u društvo Imotska sloga koje će imati zastavu i narodnjaka i autonomaša te se u društvu zabranjuje svaki politički iskaz koji ne bi izricao zajedničke težnje (Rudež 1884: 13). Autonomaši nakon tri mjeseca odugovlačenja napokon odgovaraju da im je želja „povratiti mir i slogu našoj domovini“ (Rudež 1884: 20), ali Rudežov poziv na slogu smatraju jarmom, a ne pogodbom. Rudež ovaj odgovor razumije kao iredentističku, odustaje od sloge i buntovno odgovara „da narodna stranka ista nova pretrgava svako dogovaranje i da prima rat“ (Rudež 1884: 29 – 31).

Motiv sloge javlja se također u epu *Jubilej* inspiriranom jubilejom prigodom papine okružnice *Quanta cura* 1865., a koji opisuje put Pjesnika kroz dubravu predvođenog vilom Hrvaticom. Razmatrajući „rat među Crkvom i svijetom“ (Rudež, prema Vrčić, 1991: 196), autor ističe problem hrvatske nesloge:

*Nesloga je baštinstvo Hrvatske,
Al tko brata za svog brata neće,
Tuđeg hoće za svog gospodara!* (Rudež, prema Vrčić, 2018: 94).

Rukopis ovog epa ispisanog u čak 9700 stihova u desetercupisanom po uzoru na Kačića Miošića (Vrčić, 1991: 192) čuva se u Franjevačkom samostanu u Imotskom. Imotska je krajina ostala zakinuta za tisak jer je provincijalni cenzor tražio izmjene i izostavljanja određenih opisa na 15 mjesta, npr. potencijalni sablažnjivi opis djevojke iz 3. pjevanja (Vrčić, 1991: 180, 196). Dodatna vrijednost epa vidi se u odabiru riječi gdje je očit jednak žar i briga za čistoću hrvatskoga jezika kao kod Ujevića.

Don Ilija Ujević: pučka solidarnost

Tijekom Rudežova nadžupnikovanja javlja se mirniji glasdon Ilije Ujevića, književnika,²⁰ kritičara, prevoditelja.²¹ U hrvatskoj književnosti njegov rad je minoriziran, što zbog narodnoga imotskoga izričaja, što zbog manjka literarnosti i pobožne retorike, dok Glibota kao glavni razlog vidi razasutost objavljenih djela po časopisima i novinama (Glibota, 1998b). Nasuprot tome,

²⁰ Don Ilija Ujević (Krivodol, 1858. – Split, 1921.) pisao je pjesme, poslanice, pripovijetke, putopise, književne prikaze, zapisivao je narodne poslovice i zagonetke. Službovao je po imotskim župama koje dr. Mate Ujević (Glibota, 1998b) naziva najgorima, najviše krševitima i patrijarhalnima. Primaio je sve važnije tadašnje časopise i bio među najpismenijim ljudima u krajini.

²¹ Vjerojatno pod utjecajem Tresića Pavičića počinje prevoditi Pirandella, što je uopće prvi prijevod tog autora na strani jezik (Glibota 1998: 96-98).

Matoš (s kojim započinje hrvatska moderna)²² stavlja ga za uzor književnicima koji pišu na narodnom jeziku te kaže da „Ujević opisuje taj puk znajući mu jezik i običaje još bolje od Šimunovića“ (Matoš 1973: 211 – 212).

Uz narodni izričaj ljubav prema narodnom duhu i hrvatstvu vidi se u žarkoj Ujevićevoj želji za glagoljanjem. Tako je zbog potpisivanja pisma u obranu glagoljice 1891, naknadno objavljenog u „Narodnom listu“ s dodanim prozivanjem biskupa Filipa F. Nakića, pozvan na ispitivanje kod imotskog nadžupnika na poticaj Ordinarijata. Ujević je izjavio da ne želi biti nepokoran Crkvi te da je pismo potpisao isključivo jer je za „obstanak glagoljice“ (Parlov 2001: 47). Dopuštenje „glagoljati kroz dnevesvetčane“ Ordinarijat će mu udijeliti šest godina kasnije (Parlov 2001: 62).

Iako za razliku od prethodno spomenutih njegovih zemljaka nije bio politički aktivan, imao je podršku pravaša.²³ Slično kao Perić, zagovara solidarnost živoga puka. Glavni likovi koji su često groteskni ne djeluju kao predstavnici jedne od triju konfesija župa u dalmatinskoj Zagori ili u susjednoj BiH kamo smješta većinu radnje, već kao predstavnici običnoga puka.²⁴

Sudbine koje opisuje Ujević nisu isključivo sudbine katolika, iako je očit moralno-didaktični ton pripovjedača. Humorom i dovitljivošću glavnih likova oni sebi spašavaju život, ugroženi većinom od turskoga zuluma, ali i od vlastitih članova obitelji. Tu se vidi univerzalnost pouke i teme popa glagoljaša, čime on prelazi provincijalnost, lokalnost koju su mu kritičari ponekad zamjerali. Utjecaj zavičaja jest vidljiv, posebno u jeziku koji je nakićen poslovicama, lokalizmima i dijalektizmima, kao i stilskim sredstvima karakterističnim za pučki izraz. Humor tako on postiže groteskom, hiperbolama, slikovitim metaforama, posebno u opisu likova.

Iako *Dokonice* izlaze u službenom razdoblju moderne, one vidno zaostaju za takvim strujanjima:

Današnja je umjetnost postala obična i svestranija: ona se – dopustite mi – veliku i preveć zlorablenu rieč – socijalizuje (...) Don Ilija je umjetnik sa jakim realističnim instinktom. (...) to je isti onaj divni i vječni realizam, koji je našoj

²² Vjerojatno se s Matošem Ujević nije osobno poznao, ali ga je novčano potpomagao (Parlov 2001: 122) kao i Tresića Pavičića, a vjerojatno i druge hrvatske književnike (Glibota 1998a: 8).

²³ Uz Matoša, podržavali su ga Kumičić, Harambašić, kao i Antun Radić, tadašnji tajnik Matice hrvatske, koja mu je ipak odbijala tiskanje zbirke priča *Dokonice* zbog manjka umjetničke obrade i neoriginalnosti uz pohvale čistom i narodnom jeziku (Parlov 2001: 101 – 104).

²⁴ Primjerice, u priči „Pred kadijom“ pokazuje kako mito funkcionira bez obzira na naciju i vjeru, a zajednička tuga katolika i pravoslavca uzrokovana turskim zulomom spaja pripadnike dviju vjera, dok se žal nad zlom sudbinom nevine djevojke bez obzira na to što nije katolkinja osjeti u pripovjedačevu tonu.

narodnoj pjesmi opredielio tako ugledno mjesto u svjetskoj književnosti. (Radić, prema Glibota 1998a: 293)

S druge strane, ova je zbirka priča pratila zahtjeve onih kritičara poput Jovana Hranilovića, Ujevićeva poznanika:

Novelista neka vadi kao i romanopisac svoje gradivo iz historije, iz socijalnoga života, iz salona, iz građanskoga i idiličnoga selskoga života [...] neka ih iskiti krasnim jezikom. Samo će takove novele pomoći narodu do samosvijesti [...]. Našoj noveli neka bude zadaćom: izmiriti salon sa građanstvom i seljaštvom, uspomene historičke sa sadašnjošću; uspaliti u čitaocu neposrednim slikanjem ljubav prema onomu: što je lijepo, što je istinito, što je dobro, što je hrvatsko. (Hranilović 1976: 398)

Fra Klement Bušić: pučka poslušnost

Poput Ujevića, Fra Klement Bušić²⁵ ne slijedi aktualna književna strujanja, već svoj pastoralni rad nadopunjuje književnim, većinom u obliku vjerskih spjevova, pozivajući puk na poslušnost Bogu i vladaru.

Ep „Makabejevići ili Neumrli Vjere Objavljene Zatočnici“ izlazi 1906., dakle iste godine kad i Ujevićeve *Dokonice* te Perićeve *Pjesme i poslanice*. U epu se također vidi utjecaj ideja o solidarnosti i pučkim krepostima. U uvodu djela namijenjenog jednostavno obrazovanom, širem puku, autor napominje kako mu je namjera prikazati junačka djela hvaljena i isticana u Bibliji kako bi probudio junačku pradjedovsku krv u svom narodu jer smatra da mu je to neophodno za opstanak (Bušić, 1906: 303). Ep je posvećen fra Rajmundu Rudežu, njegovoj „žrtvi rada za vjeru i domovinu“. U proslavu se obraća rodu tvrdeći da su junačka djela uvijek bila hvaljena, a da mu se biblijska priča o židovskoj junačkoj obitelji učina pretećom naših opjevanih Jugovića, što se borili za „krst časni i slobodu zlatnu“ (Bušić, 1906a: 5). Puk poziva na molitvu, rad i sklad te se poput Perića koristi uzrečicom „slogom rastu male stvari, nesloga sve pokvari“ (Bušić, 1906a: 6). Makabejski je ustanak protiv sirijskih Seleukovića 166. pr. Kr. doprinio postizanju vjerske i političke slobode Izraela, a pisac je, kako sam kaže, te ratne zgrade u ovom biblijsko-hagiografskom djelu „nastojao u hrvatsko ruho zaodjeti i narodnim stihom protkati“ (Bušić, 1906a: 89).

Uz slogu, u drugim djelima autor poziva na poslušnost vladaru koja će biti nagrađena, što možemo vidjeti u prepjevanim Salamonovim izrekama u desetercu pod nazivom „Salamunovo slovo“:

²⁵ Fra Klement Bušić (GavrilSvetozorac, Svetogorac) (Vinjani, 1865. – Omiš, 1935.) nakon školovanja u Hercegovini, Tirolu i Zadruobavljaslužbu župnika u okviru franjevačke provincije Presvetog Otkupitelja u Splitu.

*Kralja valja poštovati svoga,
To je dužnost čovjeka svakoga,
Ako želi Bogu ugoditi
I kraljevu ljubav zadobiti (1907 [2005]: 27).*

Franjevački autor hercegovačkih korijena ide dalje od svojih prekograničnih kolega te poziva na slijepu poslušnost, čak i ako je vladar neispravan, jer nije na malome čovjeku da ga kritizira, već pravednik osvetu prepušta Bogu (15):

*Ti ne gledaj kako kralj se vlada,
Dužan nije da ti se opravda,
Podložnik mu predbacit ne smije:
Svietli kralju, to pravedno nije! (1907 [2005]: 27)*

Poziv na poslušnost i obraćenje vidi se i u „Kralju Davidu“ (1906.) te u knjizi „Dobra Ruta ili prava nevjesta po svetom pismu starog zavjeta“ za koju je temeljna autorova misao usmjerena protiv aktualnog rasipanja seoskih zadruga (Zvonković, 2015: 303). Biblijski lik Rute stoji kao primjer nagrađene poslušnosti:

*Evo uzor, evo ogledalo,
Kog ostavi Ruta Moabkinja,
U kom treba da se ogledaju
Mlade majke i kičene neve
Kako štovat imadu svekrve (Bušić, 1905: 13).
Završava ep pozivom na slogu:
Mir, sklad, ljubav, tri najveća dara,
Gdje ih nema, nij' u kući hara (Bušić, 1905: 14).*

Za razliku od ranije spomenutih svećenika, Ujevićevo i Bušićevo djelovanje nije imalo politički karakter, već su to primjeri popa glagoljaša i fratra koji pokušavaju protegnuti svoj pastoralni rad na književno polje te puku narodnim, često romantičarskim, izričajem dati smjernice za ispravan život Hrvata katolika.

Zaključak

Rad prikazuje kako se politički i književni pluralizam u posljednjim dvama desetljećima 19. stoljeća te na početku 20. stoljeća odrazio u zagorskom dijelu Dalmacije te imotsko-hercegovačkom pojasu. Pritom je naglasak stavljen na djel(ovanj)a petorice svećenika koji se razlikuju u viđenju rješenja hrvatskog pitanja, političkim afinitetima, stupnju angažiranosti, položaju i funkciji, a zajednički su im pojmovi sloge i pobune. Najžustriji od njih je zastupnik don Ivo Prodan, vođa pokreta za obranu glagoljice, sa svojim „velikohrvatskim programom“ temeljenim na unutrašnjoj, pravaškoj slozi. Njegov kolega zastupnik, a kasnije i stranački kolega, fra Josip Vergilije Perić dijeli ideju o samostalnosti, naglašavajućipotrebuslavenske solidarnosti i duhovnog jedinstva južnih Slavena preko kulture i prosvjete. Djelovanje je preostale trojice lokalnije. Perićev nadžupnik fra Rajmund Rudež neuspješno pokušava pomiriti imotske autonomaše i narodnjake, dok se u isto vrijeme javlja mirniji glas popa glagoljaša don Ilije Ujevića. Zajedno s nešto mlađim fra Klemom Bušićem djelovat će u pravcu razvijanja kreposnog života puka, s tim da će Ujević naglasak staviti na vjersku snošljivost, a Bušić na poslušnost Bogu i vladaru. Petorici svećenika zajednička je misao o hrvatskoj slozi i ujedinjenju svih hrvatskih zemaljate poziv na vjernost Bogu i domovini. U tom okviru treba promatrati i njihova, često minorizirana, književna djela.

Literatura

- Alilović, Ivan (1980) *Tragom hrvatske kulturne baštine u Hercegovini*. Zagreb. Hrvatsko književno društvo sv. Ćirila i Metoda.
- Bogdanović, David (1918) Hrvatska književnost poslije Šenoe. U: *Pregled književnosti hrvatske i srpske, knjiga druga*. Zagreb. Knjižara L. Hartmana, str. 745 – 916.
- Bušić, fra Klement (1905) *Dobra Ruta ili prava nevjesta po svetom pismu starog zavjeta*. Split. Tipografija Sociale Spalatina.
- Bušić, fra Klement (1906a) *Makabejevići ili Neumrli Vjere Objavljene Zatočnici*. Spljet: vlast. nakl., Spljet.Spljetska društvena štamparija.
- Bušić, fra Klement (1906b) *Kralj David*. Zaostrog. [s. n.]. Zagreb. Dionička tiskara.
- Bušić, fra Klement (2005) *Salamunovo slovo*. Split: Hrvatsko kulturno društvo Napredak; Imotski. Matica hrvatska, Ogranak.
- Diklić, Marjan (2003) *Don Ivo Prodan: političko djelovanje i parlamentarni rad*. Zadar. Matica hrvatska.
- Džaja, Srećko M. (2001) *Bosna i Hercegovina u austro-ugarskom razdoblju (1878. – 1918.)*. Ziral. Mostar – Zagreb.
- Ganza Aras, Tereza (1986) Franjevci Dalmatinske Zagore između desnih i lijevih ideologija i djelovanja na prijelazu 19. u 20. stoljeće. U: *Jubilej Franjevačke provincije presvetog Otkupitelja (1735 - 1985), II dio*. Split, 18/1986; str. 13 – 40.
- Glibota, Milan (1998a) *Ilija Ujević. Književni izbor*. Imotski. Matica hrvatska.
- Glibota, Milan (1998b) Don Ilija Ujević, svećenik i književnik. „Imotska krajina“, br. 559, 22. 12.
- Grbavac, Jozo (2017) *Povijest, vjera i kulturna baština u Imoti*. Zagreb. Školska knjiga.
- Grijak, Zoran (2017) Analiza identitetskih odrednica bosanskih i hercegovačkih Hrvata u austro-ugarskom razdoblju. U: *Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenoga skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenoga 2009. Knjiga II*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest.
- Gross, Mirjana (1966 – 1967) Hrvatska politika u Bosni i Hercegovini od 1878. do 1914. „Historijskizbornik“ 19 – 20. Zagreb, str. 9 – 68.
- Hranilović, Jovan (1976) O teoriji novele. U: *Kritika u doba realizma. Pet stoljeća hrvatske književnosti 62*. Zagreb. Zora; MH, str. 383 – 398.
- Jelčić, Dubravko (1997) *Povijest hrvatske književnosti*. Zagreb: Naklada PIP Pavičić.
- Jerolimov, Pavao (1998). Don Ivo Prodan, Starčevićev duh u Dalmaciji. „Župni list“ br. 4, god. 4, Zagvozd. Župni ured, str. 133 – 140.

- Korać, Dijana (2007) Franjevci i njihovi samostani u Humu. „Croatica Christiana periodica“, br. 60, god. 31, str. 17–33, <https://hrcak.srce.hr/24304> (preuzeto 1. 10. 2020.).
- Matoš, Antun Gustav (1973) *Sabrana djela o hrvatskoj književnosti (1898 – 1909). Svezak VI.* Zagreb. JAZU; Liber; Mladost.
- Nikić, Andrija (2002) *Kratka povijest Bosne i Hercegovine do 1918.* Mostar. Franjevačka knjižnica i arhiv.
- Pandžić Bazilije S. (2001) *Hercegovački franjevci: sedam stoljeća s narodom.* Ziral. Mostar – Zagreb.
- Parlov, Mladen (2001) *Život i djelo don Ilije Ujevića.* Split. Crkva u svijetu.
- Perić, Virgil (1913) *Poslanica slavodobitnim Balkancima.* Spljet. Brzotiskom Narodne tiskare.
- Perić, fra Josip Vergilij (1989) *Kula od uzdaha: historički događaj iz prve polovice XVII. vieka /* Reprint izd. Split. Zbornik Kačić; Podbablje. Župski ured sv. Luke.
- Perić, fra Josip Vergilije (1912) *Govor prof. J. V. Perića, nar. zastupnika, izrečen dne 1. rujna u Kninu prigodom 25-godišnjice „Hrvatskog starinarskog društva“.* Split. Brzt. Nar. tisk.
- Perić, fra Josip Vergilije (1905) *Za što se ne slažem sa riečkom resolucijom : govor J. V. Perića izrečen u sjednici dalmatinskog sabora dne 18. Studenoga 1905.* Zadar. Brzotiskom Narodnog lista.
- Perić, fra Josip Vergilije (1891) *Govor zastupnika J. V. Perića pri glavnoj razpravi o proračunu : u sjednici dne 19. lipnja na Carevinskom vieću u Beču : (po brzopisnom izvješću).* Zadar. Brzotiskom Narodnoga lista.
- Perić, fra Josip Vergilije (1906) *Pjesme i poslanice : (god. 1894-1906).* Zadar. Vlast. nakl.(Zadar. Narodni list).
- Prodan, don Ivo (1879) *Dva dokumenta srbskih težnja u hrvatskoj zemlji: obielodanilo s opazkam i s opomenom uredništvo „Katoličke Dalmacije“.* Zadar. Uredništvo „Katoličke Dalmacije“(Zadar. Tiskarnica Ivana Wodicke).
- Prodan, don Ivo (1904) *Je li glagolica pravo svih Hrvata?* Zadar. Katolička hrvatska tiskara.
- Prodan, don Ivo (1907) *Prvi govor zast. D. I. Prodana dne 9 prosinca 1907 u cesarevinskom vieću.* Zadar . [s. n.](Zadar. Brzotiskom „Katoličke Hrvatske Tiskare“).
- Prodan, don Ivo (1884) *Razmišljaji i istina: odgovor na Pavlinovičev pamflet „Hrvatski razmišljaji“.* Zadru. Tisak I. Vodicke.
- Prodan, don Ivo (1885) *Za sjedinjenje ili Nekoliko opazaka „narodnomu“ proglasu: objelodanila „Katolička Dalmacija“.* [Zadar].Uredništvo „Katoličke Dalmacije“(Zadar. Brzotiskom „Kat. hrv. tiskarne“).

- Prodan, don Ivo (1908). Hrvatski narode! „Hrvatska kruna“, br. 160-165, god. XVI/1908.
- Rudež, Rajmund (1993) *Hrvati i talijanaši u Imotskoj krajini*. Imotski. Matica hrvatska, Ogranak Imotski (Grude.GrafotisaK).
- Šarić, Ivica (2011) Hercegovina u razdoblju austro-ugarske uprave. U: *Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenoga skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenoga 2009.Knjiga II*. Zagreb. Hrvatski institut za povijest.
- Šicel, Miroslav (1978) *Povijest hrvatske književnosti, knjiga 5, Književnost moderne*. Zagreb. Liber; Mladost.
- Šimundža, Drago (1989) Josip Vergilij Perić – život i djelo. U: Čuvari baštine. Zbornik radova simpozija u prigodi 250. obljetnice prijenosa franjevačkoga samostana u grad Imotski. Ur. Marko Babić, Bruno Pezo, str. 521–532. Imotski. Franjevački samostan; Makarska. Služba Božja.
- Šurmin, Đuro (1898) Literarni rad od hrvatskoga pokreta do 1850. godine. U: *Povijest književnosti hrvatske i srpske*. Zagreb. Hartman, str. 161 – 188.
- Ujević, Ante (1991) *Imotska krajina*. Imotski. Matica hrvatska.
- Ujević, don Ilija (1906) *Dokonice: slike i priče iz Dalmatinskoga zagorja*. Zagreb. Matica hrvatska.
- Vrčić, Vjeko. Život i djelo fra Rajmunda Rudeža (1844 – 1893) (1987 – 1988[i. e. 1991]). *Kačić: zbornik Franjevačke provincije Presvetoga Otkupitelja*. Ur. Hrvatinić Gabrijel Jurišić, br. 19 – 20, str. 177 – 201.
- Vrčić, Vjeko. *Odjeci 250-godišnjeg rada Imotske župe 1717. – 1967.*(2018). Imotski. Udruga „Kap“.
- Vrčić, Vjeko (1989) Povijest franjevačkog samostana i crkve sv. Frane u Imotskom. U: Čuvari baštine. Zbornik radova simpozija u prigodi 250. obljetnice prijenosa franjevačkoga samostana u grad Imotski. Ur. Marko Babić, Bruno Pezo, str. 65 – 94. Imotski. Franjevački samostan; Makarska. Služba Božja.
- Vrčić, Vjeko (2013) Zaboravljena baština. U: *Fra Vjekin vijek (Zapisi o prošlosti i životu ljudi Imotske krajine)*. Imotski. „KUD Ujević“, str. 69 – 70.
- Zvonković, Mirjana (2015) *Verbamoment, exemplatrahunt: don Nikola Batistić i hrvatska pučka hagiografska književnost krajem 19. i početkom 20. stoljeća „Kroatologija“*, br. 1 – 2, god. 6, str. 294 – 308, <https://hrcaak.srce.hr/154774> (preuzeto 1. 10. 2020.).

Čagalj I.

University of Silesia in Katowice, Poland
ivana.cagalj87@gmail.com

Unity and Rebellion in the Literary and Political Works of Five Priests/Intellectuals from the Imotski-Herzegovina Border Area

The paper analyses the cultural and literary, along with the political activities of five priests according to their origin, works and/or service related to the area of Imotska Krajina and Herzegovina. An analysis of selected political and literary texts written in the last two decades of the 19th century and at the beginning of the 20th century will show how these priests' discourse followed the ideas of a burgeoning Croatian intelligentsia on the balance between two alternatives: Croatian separatism and South Slav unity. While the priests showed stronger rebellion in their political works, their literary works present a continuation of their pastoral activities. Such texts are mostly without greater artistic value, with a clear didactic message. The purpose of both types of texts is to continue the work of revival, to enlighten the Zagora regions of Dalmatia and Herzegovina and to promulgate Croatian thought. They differ in their views on the solution to the Croatian issue, their political affinities, level of engagement, position, and function. What they have in common is their work on internal harmony which among those more politically engaged included a rebellion against Croatia's internal and external enemies.

Keywords: Croatian intelligentsia, literary and political pluralism, Glagolitic, popular and Slavic solidarity, (secular-) religious literature

Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK B21. 161.1.09Bryusov. V.: 305

Josef Dohnal

University of ss. Cyril and Methodius Trnava, Slovak Republic
Masaryk University Brno, Czech Republic
josef-dohnal@volny.cz

V. Bryusov's Short Story "Sisters" in the Context of his Short Stories about Women

Some stories by V. Y. Bryusov are devoted to the theme of woman, their behavior, attitudes towards men, their life goals and how they meet social norms. As a rule, the stories make actual one of the archetypal images of woman, and sometimes (for example, in the stories "The First Love", "The Last Pages from a Woman's Diary"), they are devoted to how female character do not fulfil the "norms" of socially expected behavior, even directly violating them. This paper touches upon the specific features of V. Y. Bryusov's short story "Sisters", which shows three different female archetypes. Each of the female characters incorporates some of the features of the female archetype, which are depicted in other stories by this writer. In this story, however, they are shown in relation to a single male character. Bryusov thus shows not only three female archetypes, what he never did in other stories, but also touches on the question of the archetypal expectation and behavior of men and women, raising the question of the "compatibility" of the depicted archetypes. The story analyzed here thus fits into the discussions that took place at the turn of the 19th and 20th centuries in Russian literature and reflected changes in the position of women in society.

Keywords: V. Y. Bryusov, short story, woman, "Sisters", archetype

The prose works of V. Y. Bryusov are usually studied to a lesser extent than his poetry. In the author's poetry, we can find a number of themes which, like his journalism, respond to the context of his era and focus on what was relevant to the social processes that European culture was undergoing at the turn of the 19th and 20th centuries. This applies to Bryusov's novels and even more to his short stories.

One of the themes to which V. Y. Bryusov often devoted his works, is the "eternal" theme of the relationship between man and woman. We can find it in the author's short stories such as "In the Underground Prison" (1903), "Right Now, When I Have Woken Up" (1903), "The First Love" (1904), "Sisters" (1906), "After Fifteen Years" (1909), "For Myself or for Other" (1910), "Last Pages from a Woman's Diary" (1910) or "Mozart" (1915) but this topic is also in found other works, not only in his short stories.

The great frequency of this theme can be taken as a strong indication that these short stories form a certain cycle, in which Bryusov tries to capture an age-old topic from various angles, which was partly 're-themed' in Russian literature at the beginning of the 20th century as "conflict between men and women" in the works of, L. N. Tolstoy, M. P. Artsybashev, V. Y. Bryusov and others.

The actualization of the topic was, of course, related to the thematization of the meaning of sexuality in psychoanalytic theory and to the developments in a society in which the idea of female emancipation promoted by the feminist movement increased. How controversial this topic was at the time, is revealed by Nikolas Berdyaev's contemplations in his work "The Meaning of the Creative Act" (1916), in which he claims: "Up to now the idea of woman's emancipation has been based upon the profound enmity between the sexes, upon envy and imitation. The feminine movement is the last place in which to seek the "ultimate men," the androgynic mystery of union. Out of envy and enmity, by mechanical imitation, woman assumes for herself male qualities and becomes a spiritual and physical hermaphrodite, a caricature, a pseudo-being. The enmity between the sexes, envy and competition and imitation, are opposed to the mystery of union. The emancipation of woman is, of course, a symptom of the crisis of the race, the breakdown of sex now evident, and it is better than the hypocritical compulsion in the old family, but its bases are old: in it we find neither the new man nor the new life." (Berdyaev 1962: 188).

At the time, a number of dichotomies were usually discussed concerning the basic question of the nature of the relationship between men and women, such as harmony – disharmony, selfishness – altruism, superiority – subordination, strength – weakness, rationality – emotionality, aggression – passivity, but also external world – inner world, (economic and mental/emotional) independence

– addiction, or tendency to monogamy or polygamy. The topic of the so-called *femme fatale*, fateful women, was also of interest.¹ Juliana Damm states that the fact that the theme of the manipulative relationship of a fateful women to a man was not selected randomly in Bryusov's prose works such as "Altar of Victory", "Jupiter Defeated": "... with the help of this image, Bryusov tries to comprehend the specifics of *critical historical eras* and, moreover, the situation in pre-revolutionary Russia..." (Дамм 2009: 131).²

We can include in this significantly polemical context his short story "Sisters", one of the most significant texts in the aforementioned "cycle", which, like some of the writer's other short stories, refers to a seemingly factual event, subtitled "Of Forensic Mysteries": this adds the appearance of a real event and a sense of mystery to the text. This is also confirmed by its specific epilogue, which deviates from the line of narration – the narrator's time of speaking is distanced from the events in the story, and there is a shift in perspective, as the story is no longer viewed "from the inside" but "from outside". He comments on something that has ended (four dead bodies were found), yet remains undisclosed (it was not possible to clarify exactly how these deaths occurred).

The content of the story consists of a confrontation of a single male character, Nikolai, and three sisters, Katy, Mary and Lydia. On a single stormy night, a chamber drama takes place, a culmination of a long-standing relationship between Nikolai and all three sisters, one of whom, Lydia, is Nikolai's wife. What is implied in this story is that Nikolai wanted to end strained relations and leave, yet missed the train and returned home for the night, because the next train would not leave until the next morning. There is snowstorm that night corresponding to the dramatic course of events, during which Nikolai is confronted by all three women. His mental state is so tense that he is not able to clearly realize how real the confrontations are and how much is simply fantasy and delirium. His mentally unstable position and the oscillation between dream, imagination, memory and reality is presented by the narrator as the culmination of a long-term relationship with all three sisters, the solution to which Nikolai could never find. He was never able to opt for a single sister, he never escaped the conflicting feelings that are now concentrated in an emotionally tense but still ambiguous situation: "Visions of reality, visions of the past, swirl like flakes outside the window. Three women, taking turns, tilt their faces, at times happy

¹ About this theme see for example: Дамм Ю. Гесперия – образ роковой женщины в романах В.Я. Брюсова (Дамм 2009) or Молнар, А. Метафоризация вражды полов в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (Молнар 2014).

² «... с помощью этого образа Брюсов пытается осмыслить специфику переломных исторических эпох и, более того, ситуацию в предреволюционной России, ...».

intoxicated, distorted by despair, insane, or contemptuously insulting. He hears words of caresses and fierce reproaches. He wants, he wants everything: this happiness and this torment.”³ (*Брюсов* 1911: 114).

The text of the short story (in Nikolay’s memory) reveals how different the sisters are (in either apparent or real encounters). One by one, they appear in front of Nikolai, who is in a state of disturbed consciousness, and has a dialogue with each of them, in which, however, he is always the one who is passive. The women open their hearts to him, revealing to him something he hadn’t known before.

Katy appears first in front of him. She accuses Nikolai of not meeting her expectations and desire for absolute love, after a complete surrender to one another. She blames him for not having the strength to decide on her alone, and that he had given her only a third of his love, even though she considered him a man worthy of her unlimited love, to whom she was willing to surrender herself completely. Katy turns her disappointment into contempt – according to her, Nikolai is weak, inconsistent, so she did not surrender herself to him: “Did you believe that I loved you? I was just gaining experience! I wanted to see in your soul the flame of true love that burns everything. Well yes! My dreams did not come true!”⁴ (*Брюсов* 1911: 116). Their dialogue turns into an argument full of mutual accusations, after which Katy’s desire for an absolute results in her decision: “If I could not give my being to the love that I was looking for, I want to give it to that death. Goodbye!”⁵ (*Брюсов* 1911: 116). The quarrel ends tragically – Katy takes her life voluntarily and demonstratively, but Nikolai does not know if this event was real or imagined.

This is followed by a second encounter: Lydia, Nikolai’s wife, at first a little naïve and inexperienced, only slowly and shyly recognized the joys of physical love. When she later realized that Nikolai did not love her alone, she became jealous, but adjusted herself to it and suffered quietly. Her jealousy gradually grew to such an extent that she killed their only son in a fit of hatred for her husband and in despair. She confesses this murder, which she says she committed out of revenge for obeying him, for enduring her husband’s relationship with her

3 «Видения действительности, видения прошлого кружатся, как хлопы за окном. Три женщины, сменяясь, наклоняют свои лица, то счастливые упоенные, то искаженные отчаянием, то безумные, то презрительно-оскорбляющие. Он слышит слова ласк и ожесточенных упреков. Он хочет, он хочет всего: и этого счастья, и этой муки.»

4 «А ты верил, что я люблю тебя? Разуверся; я только делала опыт! Мне хотелось увидеть в твоей душе пламя истинной, все сжигающей любви. Ну, да! опыт не удался!»

5 «Если я не могла отдать своего существа той любви, какой я искала, я отдам его той смерти, какой хочу. Прощай!»

two sisters. She blames him for misunderstandings, the feeling of loneliness she suffered, she blames him for the inner emptiness that seized her without his love and without the fulfilment of motherly feelings. The meeting with Lydia ends with Nikolay's vision – he sees a morgue filled with the corpses of children. Even this encounter is associated with uncertainty as to whether this was real or imagined, as the morbid and fantastic ending would suggest.

Mara, Nikolai's third encounter, leads him to the living room, where her two sisters are already dead on the sofa. Once again, Nikolai has no idea if this moment is real or just a fever-dream. Mara informs him that she has become an instrument of Destiny and that she has killed both her sisters. According to her, death is the fateful end of true, but essentially selfish love: "Only that love is truly beautiful, which is crowned with death. Our duel is an eternal duel between a man and a woman. You would like the women of the whole world to belong to you; I would be ready to devastate the whole world so that we two would stay together."⁶ (*Брюсов* 1911: 121–122). Mara undresses and invites Nikolai to a final session of lovemaking, which ends in an easeful death, ending a passionate, spontaneous relationship based only on corporeality, on physical ecstasy. Their voracious and fateful last lovemaking subsides with the rage of the storm. Even this final ecstatic state does not provide a clear answer to the extent Nikolai's is experiencing reality or delirium.

The confrontation of a single male character with a female counterpart (in this short story with three women) seems to be a motif that is also significant in Bryusov's other short stories about the relationship between men and a women. It turns out that none of these relationships were balanced or harmonious. The three sisters are not chosen at random – in this triad it is as if three types, three forms of womanhood, have been actualized. In the short story, Bryusov actualizes these types in relation to a male character. Thus, the writer's goal is obviously not to "describe" the inner arrangement of each of these types separately, it focuses on the relationship between a woman of a given type and a male counterpart.

Katy is portrayed as an archetype of an internally contradictory maximalist, who, on the one hand, wants to belong to a man she dreams of as an idol, yet, on the other, is not willing to compromise any of her maximalist demands. She does not forgive any deviation from her ideal: her motto is "all or nothing". Physical love plays a secondary role for her; she tests the man, checks if he is able to meet her expectations. Nikolai disappointed her twice: partly by proving that he was

6 «Только та любовь истинно прекрасна, которую венчает смерть. Наш поединок – вечный поединок мужчины и женщины. Ты хотел бы, чтобы женщины всего мира принадлежали тебе; я готова была бы опустошить весь мир, чтобы мы остались с тобой двое.»

not the ideal of which she had dreamed, and partly by not choosing her as the only one among other women. Therefore her anger turns against Nikolai and herself: she punishes Nikolai by removing the illusion of her boundless love for him, and at the same time humiliating him, because she was just playing with him, trying him. Moreover, if we take into account the first version of her death, that is, the suicide mentioned in Chapter III, Katy punishes herself: she was wrong; she was unable to recognize that Nikolai was not the ideal she had dreamed of. Her suicide is also a punishment for Nikolai: it definitely deprives him of herself, a proud, demanding woman and defying his desire for rapid physical rapprochement. Nikolai did not deserve everything; he will have nothing.

Lydia is the archetype of a flexible woman, looking for a harmonious home, a quiet functioning family. Lydia accepts the fact that she shares her love for Nikolai with both of her sisters up to a time, enduring humiliation and feelings of jealousy. Gradually, however, a negative emotional charge prevails, especially feelings of humiliation and the loss of a chance for a harmonious family relationship, and the desire for revenge begins grow. The text does not say whether Katy kills their son because she cannot direct her revenge directly to Nikolai, or because she wants to take revenge on him in this cruel way, also hurting herself as woman and mother. As in the case of Katy, Lydia also hurts everyone, Nikolai and herself, but also her innocent son.

The third of the sisters, Mara, is the archetype of the elemental woman for whom physical love is everything. She can't be without it, she's ecstatic, Dionysian; the important thing for her is "hic et nunc – here and now". Physical love is both a devilish and an angelic principle, she wants to give and take, but she is largely selfish – she does not want to share the object of her love with anyone – it's Mara who tells Nikolai that she killed her sisters so that she and Nikolai could be together. Their last hours together are ecstatically spontaneous, mixing the ecstasy of love with an awareness of sin, a crime that has already taken place, and therefore with the awareness of death, which is the only way they can avoid earthly punishment.

The whole atmosphere of the story is one of feverish madness, as the main male character is almost never able to reliably determine whether the events described in the text are a reality, in the fictional, model world of the story, or just a vision, an illusion, a projection of Nikolai's thoughts and ideas into characters of the women, with whom he is gradually confronted. It creates the impression that Bryusov does not consider only the description of female types to be the dominant thematic feature of the short story. We are convinced that the writer's intention is different: he wants to show the fragmentation, ambiguity of the male hero in his relationship with women. Katy, Lydia and Mara, as sisters, with whom

Nikolai has lived in a strange union for two years without any of them moving away, represent a man's desire for a woman who would unite the qualities of all three types of womanhood. The synthesis of all three significant lines of the feminine principle seems to be what Nikolai desires. Such a woman would be able to satisfy Nikolai's idea of a perfect woman.

The female characters are presented in internal contradiction with the maxims they hold, which ultimately lead them to their respective deaths. Proud Katy, longing for the ideal of a perfect man, ends in suicide, Lydia dies indirectly by killing her son and burying her ideal of harmonious marriage and motherhood, while the the animally selfish Mara murders her sisters and draws Nikolai into the spiral of crime, following her last ecstatic lovemaking, which ends in the deaths of both, avoiding absolute punishment. Nikolai is also an uncertain and contradictory depiction of a representative of the male principle. For two years, Nikolai maintained an intimate relationship with all three sisters, in a situation where all three knew all. Implicit in the story, he returns from the station because he failed to leave. After returning home, however, Nikolai realizes that he is unable to leave; he cannot give up any of the sisters and that which each relationship provides him. If each of the sisters points to one maximum in relation to him as a male principle, his maximum is the synthesis of all that the sisters could provide him if they would transform into a single female being.

The analysis of the short story points to the fact that Bryusov reacts to the contemporary debate concerning the "hatred between men and women", not only reacting to the external manifestations of discord in a contemporary setting. The short story "Sisters" goes deeper: it tries to understand and (in how it constructs the inner world of male and female characters) it illustrates what underlies this apparent "hatred". The model of the three sisters and their only male partner evokes a dissonance between the ideal and the possibilities of its fulfilment. While the female characters of Bryusov's short story always tend to focus on only one of the maxims he presents, the male hero intends to synthesize these maxims. The text of the short story clearly communicates Nikolai's awareness that he can neither leave nor decide one the option: "He understood, he understood today that outside this atmosphere of mutual insults and adoration of each other there is no life for him that he will die without it, like a tropical plant outside a greenhouse. He knew he was back here forever."⁷ (Брюсов 1911: 112)

7 «Он понял, он понял сегодня, что вне этой атмосферы взаимных оскорблений и боготворения друг друга для него нет жизни, что он умрет без нее, как тропическое растение вне теплицы. Он знал, что вернулся сюда навсегда.»

In this sense, the short story “Sisters”, becomes an attempt to understand the tension in the relationship between men and women, not content to only refer to some mysterious antagonistic force acting in men and women a priori without any comprehensible cause. A difficult decision with which a male character is faced concerning two women is the subject of the short story “Mozart” (1915). In the other short stories in the aforementioned cycle, we meet a dyad of characters whose relationship follows themes such as the death of the beloved, and states of madness and ambiguity in relation such as in the short story “Right Now, When I Have Woken Up” (1903).

In the framework of the aforementioned cycle, the short story “Sisters” is in close thematic connection to others, especially to the short story “Last Pages from a Woman’s Diary” (1910). Here there is twist in the plot, and there are three, respectively four men against a single female character (Nathalie): the mature, purposeful artist Modest, who loves the protagonist but wants to maintain an autonomous position in their relationship, the young student Volodya, who accepts his subordinate position, and is able to do anything to satisfy her, thirdly, a random man who spends one night with her, without feeling anything more and without wanting to be tied to her. The fourth man in her life is her murdered husband, whom she abused as the source of a carefree life in abundance and comfort. In this text, however, Nathalie is placed in the position of a femme fatale, which destroys all men close to her: her husband dies at the hands of Modest, who sees it as the only way Nathalie, as widow, could become his wife. Volodya commits suicide after being refused by Nathalie. Only a casual acquaintance is spared, as their anonymized acquaintance for one night does not give either of them a chance to establish any deeper relationship. Even in this short story, Bryusov tries to determine certain archetypal features of men entering into a relationship with their beloved woman: a man-partner (Modest), a man-admirer (Volodya) who renounces himself in love, as well as a self-confident and non-binding man-conqueror. Nathalie remains unperturbed and unpunished for her guilt, despite being the cause of tragedy. In the short story “Last Pages from a Woman’s Diary”, Bryusov reverses the plot scheme so that it is three different men who love a single woman. Nathalie is satisfied with such a situation, just as the relationship with the three sisters satisfied Nikolai. However, while Nikolai was not given the opportunity to disengage from this triune relationship with the sisters (actually from the search for three female archetypes in one), Nathalie, as a perfect femme fatale, separates archetypal partners (in the short story they never meet), remains unaffected by the tragic consequences of her indulgent conception of love, and eventually leaves Russia with her sister, who confesses her tender feelings for her.

The comparison of the two short stories and their characters seems to lead to the conclusion that the male character is in Bryusov's conception more vulnerable and internally "weaker", which is a theme in other short stories in the cycle "In the Underground Prison" (1903), "The First Love" (1904), "For Myself or for the Other" (1910) and basically the short story "Mozart" (1915) as well.

The whole cycle, definitely worth detailed analysis and comparison, shows that the theme of relations between men and women in Bryusov's work is important, ambiguous and so variable that it seemed impossible to find a simple "solution".

Valery Yakovlevich Bryusov was not the only writer who paid intense attention to the theme of the relations between men and women. At that time, many Russian and European writers paid relatively intense attention to this topic, but also to relationships between individuals of the same sex. The beginning of the 20th century opened up space for new themes, which until then had been treated by Russian literature in the spirit of romantic or realistic traditions superficially, so that many themes were omitted or deliberately hidden as they were considered taboo. Bryusov himself felt this when he wrote in 1904: "From some new road the artists have approached the black whirlpool, where two eternal forces are fighting - chastity and sin. Some new chasms and gaps opened in the land of love, where all the slightest irregularities seemed to be mapped."⁸ (Брюсов 1990: 114) Thanks to his prose, the hitherto rather closed door to the inner world of women began to open, on which C. G. Jung (who later elaborated a typology of archetypes based on psychoanalysis) wrote that from a male point of view it appears "... as a kind of opaque mask, by which one senses everything possible and impossible... without touching the essential."⁹

⁸ «С какой-то новой дороги подступили художники к черному водовороту, где борются две вековые силы – целомудрия и греха. Какие-то новые пропасти и провалы открылись в стране любви, где, казалось, были нанесены на карту все малейшие неровности.»

⁹ „... jako jakási neprůhledná maska, za kterou člověk tuší všechno možné i nemožné ... aniž se přitom dotýká podstatného.“

References

- Berdyayev, N.* The Meaning of the Creative Act. – New York: Collier Books. – 1962. – 320 p.
- Jung, C. G.* Výbor z díla IX. – Brno: Nakladatelství Tomáše Janečka. – 2012. – 424 s.
- Брюсов, В. Я. Сестры / Брюсов, В. Я. // Земная ось. – М.: Скорпион, 1911. – С. 109–124.
- Брюсов, В. Среди стихов: 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. – М.: Советский писатель, 1990. – 720 с.
- Дамм, Ю. Гесперия – образ роковой женщины в романах В.Я. Брюсова. // Научно-аналитический журнал Дом Бурганова «Пространство культуры». – 2009. – № 3. – С. 125–132.
- Молнар, А. Метафоризация вражды полов в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2014. – Issue 2. – P. 425–434.

Догнал Й.

Университет им. св. Кирилла и Мефодия Трнава, Словацкая Республика
Университет им. Масарика Брно,
Чешская Республика
josef-dohnal@volny.cz

Рассказ В.Я. Брюсова «Сестры» в контексте его рассказов о женщинах

Некоторые рассказы В.Я. Брюсова посвящены теме женщины, ее поведению, ее отношению к мужчинам, ее жизненным целям и тому, насколько она удовлетворяет социальным нормам. Как правило, рассказы актуализируют одну из примет архетипического образа женщины, причем иногда (напр. в рассказах «Первая любовь», Последние страницы из дневника женщины») они посвящены тому, как их героиня не выполняет «нормы» предполагаемого поведения, даже прямо нарушает их. В статье затрагивается вопрос о специфических чертах рассказа В.Я. Брюсова «Сестры», который показывает три разных архетипа женщины. Каждая из героинь вбирает в свое поведение некоторые из примет архетипа женщины, которые изображены в других рассказах писателя. В данном рассказе, однако, они показаны по отношению к единственному мужскому персонажу. Брюсов, таким образом, показывает не только три архетипа женщины, чего он никогда не делал в других рассказах, но затрагивает и вопрос об архетипичном ожидании и поведении мужчины по отношению к женщине, ставя вопрос о «совместимости» изображаемых архетипов. Анализируемый рассказ, таким образом, вписывается в дискуссию, которая проходила на рубеже 19-20 веков в русской литературе и отражала изменения в позиции женщины в обществе.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, рассказ, «Сестры», женщина, архетип

Review/Pregledni rad
UDK 821.161.1.09Tolstoj, L. N.:792.021](437.6)

This article was created with the support of Scientific grant agency of the Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic. The author wishes to acknowledge the agency for the support of this research by grant 021UCM-4/2020 Tvorba učebníc pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských gymnázií.

Marianna Figedyová

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia
marianna.figedyova@ucm.sk

Theater as a form of communication in a Slavic context. Anna Karenina on the boards of the Slovak National Theater

The article focuses on the rendition of the novel Anna Karenina by L. N. Tolstoy on the boards of the Slovak National Theater. It focuses mainly on theater direction, scenography and costume design, for which the creators received some prestigious awards by the national theater scene DOSKY. It also pays attention to deviations from the literary model, reflects on their functionality, suggests the pitfalls of a possible misunderstanding of the higher contextual lines in changing the literary genre of drama to comedy. It examines the reasons for the current popularity of original Russian works on Slovak theater stages.

Keywords: dramatization, Anna Karenina, scenography, theater direction, costume design

This pandemic has had an impact on cultural life, as it has prevented the natural development of art and cultural communication not only within individual cultures but also between them. It is natural that people, recipients of art, are looking for available forms of cultural life. Already during the first wave of the pandemic, which brought the closure of theaters, cinemas, music halls and galleries, cultural life was transferred to the virtual world in a limited form. In the Slovak environment, viewers had the opportunity to see only a few comprehensive theatrical productions on YouTube. The most reputable Slovak theater, the Slovak National Theater, contributed significantly to this. Among its performances was also a theatrical adaptation of Lev Nikolayevich Tolstoy's greatly renowned *Anna Karenina*. People had the opportunity to see the play, which premiered in 2009 and had its last performance in 2012.

At the time of its creation, the theatrical performance was positively received by audience and also by specialists in this branch, as evidenced by its nomination in the national theater competition. "Since its establishment in 1996, the DOSKY theatrical awards have become prestigious awards presented in Slovakia in the field of theater. The DOSKY prizes can be awarded for creative works in the field of professional theater in Slovakia, in all genres: drama theater, opera, musical, puppet theater, ballet and contemporary dance. DOSKY are awarded regardless of the nationality of the creators for the artistic performance that had its premiere in theaters in Slovakia in the previous season."^[1] The nominated theatrical premieres compete in eight categories: the best production of the season, directing, female acting, male acting, scenography, costume, stage music and discovery of the season. The theatrical performance of *Anna Karenina* won the award for the best director - Roman Polák and the best costume - Peter Čanecký.

From the point of view of communication in a Slavic context, its theatrical depiction is represented by wide range of interpretive possibilities. However, the possibility of a theatrical adaptation of this extensive and epic work is worth thinking about. We are in favor of the opinion of experts who clearly prefer dramatizations in film. In the case of a theatrical performance inspired by an epic literary masterpiece, one can speak more of an adaptation. From the official poster of the performance, it can be deduced that the authors relied on this form of retelling of the work as it is the extensive epics of Russian literature such as *Anna Karenin*, *War and Peace*, or the *Brothers Karamazov*, that have achieved record ratings in modern theatrical history.

According to screenwriter Jaroslav Valek, the task of the creators of the theater performance was to create images of various women living inside Anna, but also outside her, and they completed this task brilliantly.

The storyline does not strictly follow the literary model. Paradoxically, the creators omitted episodes of mass events such as balls, parties, scenes at train stations and theater performances. The whole story is conveyed in an intimate atmosphere with a minimum number of characters on stage.

Anna Karenina becomes her own shadow during the four-hour performance. The rebirth on the stage did not take place only in dramatic breaks, but the beauty and theatrical prowess of this task lies in a systematic, almost unexplored shift in a character from a balanced to an impoverished being. Among the female supporting characters, it is Anna's alter egos Kitty, Dolly and Beci who stand out in particular.

The creator of theatrical costumes, which underline the play's austerity and allusiveness, earned a significant DOSKY award. We are pleased to say that in recent years, the vulgarization by an exaggerated focus on Russian national clothing in a Slovak environment has almost completely disappeared. Costumes in the play of *Anna Karenina* are not only aesthetic garments, but have also become a highly telling part of the play. The implementation team worked almost exclusively with a small number of colors that are highly functional. Anna appears at the beginning in a black elegant robe of austere shapes, strikingly reminiscent of the emblematic work *The Portrait of an Unknown Woman* by Kramskoy, one of the most famous Russian painters of the 19th century.

Gradually, the dress of the main protagonist in the theater performance changes to white. The choice of costumes underlines the game of averted worlds. At the first meeting between Anna and Kitty, the viewer has the opportunity to see a brilliant mirror game. Anna in black and Kitty in white represent a meeting of two worlds, between which lies an abyss of knowledge, and both express mutual admiration and a desire to resemble each other. The wedding in the Shcherbatsky family house was also depicted in a brilliant way thanks to the costumes and the scene used in the play. Levin arrives only as a casual guest at a family celebration and is seated at a table with Kitty, her white dress on a black background merging with the tablecloth into a wedding gown. This visual perception is very strong in the performance. It also replaces the wedding ceremony itself. During the conversation with Levin, Kitty feels shy at first, gradually gaining trust and their dialogue is immediate. Then the guests take the table away and the bride suddenly turns into a newlywed in a white blouse and a brown skirt.

The principle of concordance and closeness is expressed by the same shade of Levin and Dolly's dress. Several times the couple wore pleasant pearl-gray color dresses. It was the first time when the audience had the opportunity to see the protagonists in this way. High society meets in the house of the Shcherbatsky family, Dolly and Kitty's parents. At the time of her marital breakdown, Dolly

fulfills all the attributes that she has in the book. She is indignant and disgusted but thanks to the theatrical costumes, she is the most impressive lady on the stage at that moment. The gloss of the pearl-gray robe stood out among the guests' matte dark clothes, and elements of this material can also be found in Levin's clothing. This underlines their pure love and old affinity. The scene and costume design also show the affinity between Dolly and Levin in the scene of the rural visit. Dolly comes to Levin to thank him for his help in managing the manor, and at the same time brings him news about his sister. The scene is cordial and relaxed. Dolly, a representative of the aristocracy, comes in a thick skirt and woolen boots. An illusion is created by a table and a bouquet of meadow flowers, indicating a desire for a corrective marriage with the right person. This is how the leitmotif is repeated in the play. The moment of kinship is also expressed by the fact that Dolly and Levin eat at the same table. Levin first takes some food for himself and immediately and kindly offers some to Dolly. This moment would not be so amazing if it were not the only food that was depicted throughout the performance and also had a very symbolic meaning. Dolly renounces the phrases from the book, but the disappointment of her husband (Stepan Arkadyevitch, Anna's brother) results in loud laughter in the audience. Dolly says, "He's a good husband, but he doesn't remember having a wife and children." She mentions the fate of her sister and tries to bridge the gap that arose between Levin and the younger sister. Immediately, an unspoken declaration of love takes place in front of the audience with the help of costumes and a scene. Since Dolly's arrival, Levin has been hiding from the Kitty's talk behind a bouquet of flowers, at a turning point Dolly takes them from him, and they both are standing at a large square table covered with an embroidered tablecloth. Dolly is in a white blouse holding a bouquet and Levin is standing next to her, smiling, dressed in a white shirt. This is the second picture of an unrealized wedding and a happy future, which was created in the Slovak National Theater performance and is not based on the novel. "Dramatization does not arise for a theater (as is often the case with dramas), it usually arises for the needs of a specific theater. The connection of a dramatic text on the one hand, the theatrical style and theatrical technique of a certain scene on the other hand can be maximal in the case of dramatization."^[2]

In the performance of simple rural happiness in the dramatization of Lev Nikolayevich Tolstoy's work, the creators used simplicity and naturalness in the depiction of a superficial St. Petersburg society. To a large extent we here find slightly riskier costumes and scenes. The ladies of high society, whom Anna chooses more and more often as her confidants, are visually presented with the help of male elements in a women's dress in the form of a men's hat, vest, trousers partially covered with a skirt.

The creators provide a relatively wide space for the line of the Levins. The older brother of the main character, the thinker and publicly well-known Kozyrev, as well as the family and social outcast, alcoholic and communist Nikolai Levin appear in the play.

In this way, the director Roman Polák managed to capture not only the question of the personal freedom of a particular woman, but also to outline the struggle for freedom within the Russian empire. Even in this case, the visual side of costume design and scene played an important role and thus created a space for a series of layering time - historical and social development from the time of the author to the present day. In a short episode of the brothers' return to their home village, Levin is dressed in a costume reminiscent of the Russian country style, ready to work on the inherited property. The contrast is his brother Nikolay, who evokes a harmless thinker. He is dressed in light pants, a shirt and is barefoot. Nikolay mentions that the spark of revolution could easily be set on fire among the peasants. By portraying this scene, the visual side and the voice of the performing characters, the authors apparently wanted to make the audience laugh, which they also succeeded in doing. However, with such deliberate preparation for the theatricalization of the social issues of the production, we subsequently encounter a certain degree of misunderstanding among the audience in these scenes, which were to remain dramatic and not comedic according to the acting, preparation of the scene and music. The laughter in the audience did not pleasantly surprise Vronsky's friend, who advises the hesitant character not to be bound by love for Anne, but to love Russia. There is also a scene in which Kozyrev and Karenin talk about the need to disrupt ethnic groups living in Russia. Even in the case of the play based on the novel, we must agree with Dimitriy Bykov, who claims: "In Anna Karenina there is one essential plan that almost always escapes the attention of the reader. This is a political plan."^[3]

It is noticeable how important it is to work with the cultivation of the audience. The viewer is a co-creator of a specific performance, if certain images are offered to him in an easily comedic form, it can be expected that he will react analogously to a similar theme in the work which, in the case of the first scene in the dramatization of Anna Karenina's work, was probably not the intention of the creators.

From the point of view of the director's conception of the work, it is interesting what moments Roman Polák chose in the Slovak National Theater. The key interpretive moments of the novel are the journey by train, the acquaintance at the station, interview at the ball were omitted from the theatrical production. The dramatization replaced these missing moments with a conversation of the participating characters about what they experienced. In

this way, the characters of the individual people are revealed, and do not always copy the models in the novel. The death of a station worker and Vronsky's financial gift to his widow during the arrival of the train are described by Stiva - Konstantin Arkadyevich as a sign of pure charity. Anna Arkadyevna, openly reveals his immorality and hidden attempts to impress her. We see a sharp discrepancy in the depiction of the novel's character and theatrical play in the character of Konstantin Arkadich. In the performance, this character is presented as an indistinct, incompetent breadwinner and weakling. However, such a characteristic does not correspond to the character created by Tolstoy. An even more striking difference is in the depiction of Alexey Karenin, whose role was entrusted to the Slovak acting legend Martin Hub. Karenin is cold in the play only according to his wife's speeches, but on stage the viewer sees a loving and considerate husband who holds a high state position, is to some extent childishly selfish, but does not expose his beautiful young wife to disinterest and solitude. Since there is no doubt about the quality of acting performed by an engaged artist, we must work with the idea that the creators of the play deliberately wanted to show us Anna, whose inner turmoil existed long before a young officer comes to her life.

In terms of scenography, the Slovak National Theater came up with an interesting idea. The scenes are austere black or white, all the necessary parts of the furniture such as tables, chairs, and beds are on wheels.

Concerning functionality, the chair, a frequent prop of this performance, became the subject of spectator disputes in Anna Karenina's play. The actors run around the stage on massive white chairs with mounted wheels. This piece of furniture thus allows them to quickly change places, but also to express their dislikes with a quick escape. The chair as a prop in many scenes of this play serves as a shortcut, it is a disturbing and also a connecting element in this play.

To differentiate the scenes and the environment, the creators of the performance used a double way of telling. The scene is intersected by a series of movable tunnels, which slide into each other as needed to form a corridor, a space reminiscent of, among other things, a train, or, after subsequent separation, as if they were separate halls. The principle of insertion in today's viewer can also evoke the process of composing the matryoshka as one of the basic symbols, but also stereotypes associated with Russia.

A much more pragmatic and generally easy-to-read tool are illuminated signs - glowing neons, which inform the audience when the image changes, whether the event takes place in Moscow or St. Petersburg, or provide accurate information whose household to which the theater currently moved.

All the aforementioned visual solutions and actions of individuals and little-understood signs of social change become a mirror wall of the fate of the main protagonist Anna Arkadyevna. Its visual design corresponds to umpteen number of plays, films, operettas and operas in which her current form has been portrayed. Viewers in the Slovak National Theater also encountered an ethereal being who does not quite correspond to the literary model. Anna is initially portrayed as a tender, thoughtful and loving being. Gradually, she becomes entangled in the fate assigned to her by Tolstoy and loses her balance. Her addictions are not directly shown on the stage, but the sharp changes in moods leave no one in doubt as to what insidious enemy she has fallen. Mania alternates with depression. Here, too, the excellent work of the costume designer was on display. A Suffering Anna in her last days is depicted in a white simple silhouette. The visual cues are relentless, this Anna no longer belongs to a previous society or previous world.

The destiny of Anna and those related to her are original in the Slovak National Theater's adaptation, but their emotional world and the values they present to the audience are partially altered. Viewers had the opportunity to see the play without negative characters. Each of the characters was deeply convinced of his or her inner truth. Anna Karenina's story consists of depicted microworlds that cannot exist alone, but also exclude coexistence. Together with the Nestor of Russian theatrical art, Konstantin Sergeevich Stanislavski, we can also say the following regarding these performances: "I believe."

Anna Kareninova's performance met with record popularity at the Slovak National Theater for three years. An inclination to Russian theatrical performances has been characteristic of the Slovak cultural environment in recent times. They are a guarantee of cultural experience and refinement for the Slovak viewer. Perhaps the realization team should be more all the more careful in conveying images, scenes and characters. And although we are in favor of cultural convergence by preserving the clear features of individual cultures leading to mutual enrichment – without erasing individualities - in the case of the dramatizations of epic stories, we are inclined to believe that viewers should be made aware of a diversion from the original work, which is the result of genre syncretism.

References

- Bykov, D.* Anna Karenina kak političeskij roman [elektronnyj resurs]. [Moskva, 2020]. URL: https://www.pryamaya.ru/dmitriy_bykov_anna_karenina_kak_politicheskij_roman (data obrashcheniya: 11.12.2020).
- Plešák M.* *K otázce dramatisování epických děl [elektronnyj resurs]*. [Brno, 1973]. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/120914/SpisyFF_181-1973-1_14.pdf?sequence=1 (data obrashcheniya: 09.12.2020).
- Šimonek M.* Divadelné ocenenia sezóny DOSKY 2009 [elektronnyj resurs]. [Bratislava, 2009]. URL: <https://www.nitralive.sk/info-o-nitre/historia/554-divadelne-ocenenia-sezony-dosky-2009.html> (data obrashcheniya: 09.12.2020).
- Tolstoy L. N.* Anna Karenina SND [elektronnyj resurs]. [Bratislava, 2020]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=04vpdMRgYN0> (data obrashcheniya: 11.12.2020).

Фигедьова М.

Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия
marianna.figedyova@ucm.sk

Театр как форма общения в славянском контексте. «Анна Каренина» на сцене Словацкого национального театра

В основе статьи постановка романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» на сцене Словацкого национального театра. В данной работе мы уделяем внимание рассмотрению следующих аспектов: декорации, сценография, выбор костюмов, основания для вручения престижной премии в области театрального искусства DOSKY создателям пьесы. Цель статьи – определить причины возможных расхождений в высших контекстных линиях при смене литературного жанра комедийной драмы.

Ключевые слова: драматизация, «Анна Каренина», сценография, театральная постановка, костюмная постановка

Pregledni rad / Review

UDK 821.161.1Osorgin, M.A.:908(450)

Yana Goncharova

Università degli Studi della Campania “Luigi Vanvitelli, Italia
yana.goncharova@unicampania.it

“Frutto dell’illegittimo amore”: Italia nella vita e nelle opere di Michail Osorgin

In questo articolo viene tracciata l’influenza dell’Italia sulla vita e sulle opere dello scrittore e giornalista russo della prima metà del Novecento, Michail Osorgin, e viene analizzata l’immagine dell’Italia nei suoi articoli e nei suoi saggi scritti nell’arco di diversi anni. Osorgin scappò dalla Russia per motivi politici dopo gli eventi rivoluzionari del 1905. In Italia lavorava come corrispondente del più grande giornale liberale russo dell’epoca, *Russkie Vedomosti*. Una delle sue raccolte più rilevanti è *Studi sull’Italia contemporanea (Očerki sovremennoj Italii, 1913)*. In questa ricerca viene ricostruito il percorso biografico e professionale di Osorgin, le sue idee politiche e sociali, con particolare attenzione alle immagini “regionali” da lui create, soprattutto quella di Roma, e alle peculiarità di argomenti, di genere e di stile dello scrittore.

Parole chiave: Michail Osorgin; scrittori russi in Italia; immagine dell’Italia, Roma russa, giornalismo

Michail Andreevič Osorgin (pseudonimo di M.A. Il'in) fu un famoso scrittore e pubblicista dell'emigrazione russa all'inizio del secolo scorso. Diede un importante contributo alla vita e al pensiero politico-sociale della Russia e lasciò moltissimo materiale su diversi aspetti dell'Italia della prima metà del Novecento. Gli articoli, gli appunti e le memorie da lui lasciate non sono soltanto una miniera di materiale di carattere politico, storico, socio-culturale ma sono soprattutto scritti di grande interesse artistico. Ciononostante, il patrimonio artistico come pure il percorso biografico di Osorgin rimangono poco studiati, misconosciuti e sottovalutati, soprattutto in Italia, sebbene essa sia una delle protagoniste più notevoli delle sue opere. Le tematiche dei saggi di Osorgin sono varie e portano in piena luce il suo ingegno sottile e il suo gusto raffinato: politica, cultura, arte e letteratura, istruzione e scuola, conflitti internazionali e la struttura democratica della società. Questo articolo, che fa parte di una ricerca più estesa, è un contributo al riconoscimento e alla diffusione delle opere di questo notevole rappresentante della cultura russa del Novecento.

Michail Osorgin nacque il 19 ottobre del 1878 a Perm', una città di provincia dell'Est degli Urali, in una famiglia nobile e colta. Suo padre Andrej Il'in si laureò all'Università di Kazan' ed intraprese la carriera di giudice, la madre Elena Savina studiò all'Istituto di Varsavia, dove acquisì un'ottima conoscenza delle lingue straniere. Osorgin passò i primi anni della sua vita a Perm', dove già nel 1897 ancora studente di ginnasio fece le prime esperienze giornalistiche. L'influenza dei genitori sulla formazione di Osorgin fu di straordinaria importanza, innanzitutto a causa delle loro simpatie per i liberi pensatori e i detenuti politici. Da loro acquisì il concetto di libertà che riteneva essere "mille volte più importante della vita" Nesterova (2009: 14).

Si iscrisse ai corsi di giurisprudenza all'Università di Mosca e continuò il percorso giornalistico nella stampa provinciale, come *Il Notiziario Provinciale di Perm' (Permskie Gubernskie Novosti)* ed altri quotidiani della regione degli Urali e di Mosca, al *Corriere (Cur'er)* e *Pensiero Russo (Russkaja Mysl')*. Gli articoli da lui pubblicati all'epoca erano dedicati per lo più ai problemi sociali e alle discussioni degli eventi più notevoli della vita metropolitana. I primi saggi che scrisse, tra cui il *Diario di un moscovita (Dnevnik moskviča)*, le *Lettere da Mosca (Moscovskie pis'ma)*, mostrarono fin da subito il suo particolare modo di scrivere, il suo stile leggero, ironico e confidenziale.

Dopo la laurea Osorgin iniziò a Mosca la carriera forense che, però, finì presto per motivi politici. Nel 1904 Osorgin si iscrisse al partito dei socialisti rivoluzionari che combatteva contro lo zarismo e rivendicava la costituzione. Non si associò, però, con i movimenti estremisti e rifiutò di partecipare agli atti terroristici di quel periodo e che successivamente biasimò nei suoi saggi. Dopo

gli eventi del 1905 si allontanò dai socialisti perché il programma del partito non corrispondeva più ai suoi principi morali. Nello stesso anno fu arrestato e passò circa sei mesi in prigione. Fu condannato all’esilio per 5 anni, ma venne subito liberato dietro cauzione.

Nel periodo post-rivoluzionario, tra il 1906 e il 1914 emigrò per evitare ulteriori arresti. Nel dicembre del 1906 arrivò in Italia, nel paesino di Sori vicino a Genova, e successivamente si trasferì a Roma nel 1908, al quartiere Prati di Castello vicino al Vaticano.

L’Italia diventò la sua nuova casa. Fin da subito dimostrò un forte e costante interesse per la vita del paese dove si trovava, ma al contempo non perdeva mai il legame culturale con la patria. Infatti, continuò la sua attività di giornalista sulle riviste liberali d’Europa, collaborando, ad esempio, con l’importante quotidiano *La Ricchezza Russa* (*Russkoe Bogatstvo*), con *Le Notizie Russe* (*Russkie Vesti*, collaborazione dal 1908), con uno dei quotidiani più prestigiosi non solo in Russia, ma in tutta Europa, *Il Notiziario d’Europa* (*Vestnik Evropy*, collaborazione dal 1909) e con *Il Notiziario dell’Istruzione* (*Vestnik Vospitania*, collaborazione dal 1912). Manteneva stretti contatti con altri emigrati russi in Italia, per esempio, con Maxim Gor’kij, che aveva già conosciuto a Mosca.

I suoi saggi di quel periodo furono pubblicati con il titolo *Studi sull’Italia contemporanea* (*Očerki sovremennoj Italii*, 1913) e poi nella raccolta di racconti di genere memorialistico *Là, dove ero felice* (*Tam, gde byl sčastliv*, 1916) e nel saggio memorialistico *Tempi* (*Vremena*, 1942), dove condivise la sua esperienza dei viaggi per l’Italia. Scriveva sulle cose “piccole” e “grandi” del mondo italiano: processi ai camorristi, la guerra turco-balcanica del 1912, le novità di letteratura e teatro. Per Osorgin era molto importante scrivere dell’Italia del suo tempo, e non solo quell’Italia che lui soleva chiamare “rovine antiche”. In più, insieme agli *Studi* scrisse un articolo sull’Italia contemporanea per il libro *Storia dei nostri giorni* (casa editrice *Granat*), dove dimostrò la sua ottima conoscenza della situazione economica e dell’organizzazione politica e amministrativa dell’Italia.

Gli *Studi sull’Italia contemporanea* portarono subito ad Osorgin la fama di giornalista professionista in Europa. Lo stesso autore chiamava questo libro “un frutto dell’illegittimo amore” per l’Italia. Nei *Tempi*, ci lasciò questa immagine vivace ed animata del paese dove fortuna volle trovò nuova casa:

“Я очень любил Италию и прилежно ее изучал, не музейную, а современную мне, живую; Италию в труде, в песне, в нуждах и надеждах. Я написал о ее жизни две книги и рассказывал о ней в сотнях статей, печатавшихся в России. Города Италии были моими комнатами: Рим – рабочим кабинетом, Флоренция – библиотекой, Венеция – гостиной,

Неаполь – террасой, с которой открывался такой прекрасный вид. Мне были одинаково знакомы север и юг, Ривьера и каштановые леса Тосканы, лики Джотто в Ассизах и фреска “Венчание” в Витербо. Я уходил писать в домик Цезаря на Форуме – еще были целы в домике шесть дубков, слушал орган во Фьезоле, тонул в бурный день при выходе из каприйского голубого грота, брал приступом с генуэзскими рабочими портовые угольные насыпи, негодовал с толпой в дни казни в Испании Франческо Ферреро, томился на процессе каморры, бродил по доверху наводненному вулканическим пеплом местечку Торедель-Греко, отличал вино Фраскати от его орвьетских и каприйских соперников...”

Osorgin (1989: 97)

[Amavo e studiavo bene l'Italia, non quella dei musei ma quella contemporanea, viva, l'Italia che lavora, canta, stenta e spera. Ho scritto due libri sulla sua vita e l'ho raccontata nelle centinaia di articoli pubblicati in Russia. Le città italiane erano le mie stanze: Roma era il mio studio, Firenze – la biblioteca, Venezia – il salotto e Napoli – il terrazzo che mi faceva vedere una prospettiva così bella. La riviera e le foreste di castagne in Toscana, i volti di Giotto ad Assisi, l'affresco dello Sposalizio della Vergine a Viterbo. Andavo a scrivere alla casetta di Cesare al Foro – c'erano ancora le sei giovani querce là, andavo a sentire l'organo a Fiesole, naufragai in una giornata di tempesta all'uscita della Grotta di Capri, prendevo d'assalto insieme agli operai di Genova cumuli di carbone al porto, m'indignavo insieme alle folle nei giorni dell'esecuzione di Francesco Ferrero in Spagna, languivo ai processi dei camorristi e passeggiavo a Torre del Greco piena di cenere vulcanica, cercavo di distinguere il vino di Frascati dai suoi rivali orvietani e capresi].

Dieci anni trascorsi a Roma furono un grande periodo nella vita e nella carriera di Osorgin. Durante questo soggiorno, diventò molto esperto della città e di essa ci lasciò descrizioni tanto dettagliate quanto poetiche; non solo della sua facciata con palazzi, piazze, musei e monumenti d'architettura, ma anche di vicoli, casette e trattorie, della vita semplice e quotidiana degli abitanti di Roma. La Città Eterna era anche una sorgente dei suoi ragionamenti filosofici sull'eternità e sul destino.

Dal 1909 cominciò a lavorare come rappresentante italiano della Fondazione che aiutava gli insegnanti provinciali di Russia a viaggiare per l'Europa. Questi viaggi erano di importanza straordinaria per la formazione e lo sviluppo culturale degli insegnanti. Secondo i ricordi dell'amico di Osorgin, lo scrittore emigrato Boris Zajcev, Osorgin era la migliore guida per Roma e anche per le altre città italiane:

"...он очаровывал юных приезжих вниманием, добротой, неутомимостью. Живописно ерошил волосы свои. Несомненно, некие курсистки влюблялись в него на неделю, учителя почтительно слушали"
Kara-Murza (2014)

[...ammaliava i giovani viaggiatori con le sue attenzioni, la sua bontà, il suo essere instancabile. Si aggiustava in modo pittoresco i capelli. Alcune studentesse immancabilmente si innamoravano di lui per una settimana, e tutti lo ascoltavano con deferenza.] Kara-Murza (2015: 199)

Osorgin descrisse una di queste gite nel libro *Là, dove ero felice*:

"В страну апельсинную, все же чужую, страна еловая, все же нашенская, вторгалась периодически, большие – летом, когда по улицам Рима бегали, высунув язык, собаки и иностранцы... Я подсел к ним «к русским», научил, как подвертывать макароны на вилку и отправлять куда полагается, объяснил, что любой предмет называется в Италии „куэсто“, если показывать на него пальцем. И что русских рубашек носить на выпуск нельзя: подумают, что рубашка выползла нечаянно. Что итальянцы на улице щиплются – ничего не поделаешь, это они любя. Что на Форуме Траяна кошки – кому они мешают? Под купол Петра Иван Великий, действительно, умещается. Огурцы здесь большие, но невкусные. К Папе ходят в черном, а девушки могут и в белом. Каши гречневой нет; ну что же делать, потерпите. Аполлон Бельведерский здесь, а Венеры Милосской, право же, нет, она переехала давно в Париж. Пизанская башня в Пизе. Везувия отсюда не видно, он под Неаполем. Что? Ну полноте, зачем вам в Италии калоши?.." Kara-Murza (2014)

[Il paese degli abeti, il paese nostro, faceva periodicamente irruzione nel paese degli aranci, il paese sconosciuto, specialmente d'estate quando i cani e gli stranieri corrono per le vie di Roma con la lingua penzoloni... Mi sedevo accanto a loro (ai russi) e insegnavo loro come si avvolgono gli spaghetti attorno alla forchetta e come si mettono in bocca, e che ogni oggetto indicato col dito si chiama 'questo'. E che non si può portare la camicia alla russa senza infilarla nei pantaloni, perché la gente crederà che è uscita fuori senza volere. Che gli italiani per strada si danno dei pizzicotti, e che non ci si può fare nulla, perché a loro piace. Che il Foro Traiano è pieno di gatti, ma non danno fastidio a nessuno. Che Ivan Velikij davvero scompare al cospetto della cupola di San Pietro. Che i cetrioli qui sono grossi, ma poco saporiti. Che dal Papa si va vestiti di nero, ma che le fanciulle possono andare anche vestite di bianco. Che la kaša qui non esiste, che volete farci, bisogna portar pazienza. Che l'Apollo del Belvedere è qui, mentre la Venere di Milo è stata portata da un pezzo a Parigi. E la Torre di

Pisa è a Pisa. E il Vesuvio da qui non si vede. Si trova vicino a Napoli. Suvvia, a che vi servono in Italia le galosce?] Kara-Murza (2015: 200).

Assumendo questa esperienza delle gite, nel 1913 scrisse:

“За четыре года существования экскурсий я перевидал в Италии до двух тысяч экскурсантов, и порою мне кажется, что здесь перебивала вся Россия. В прежние годы ядро групп составляли москвичи, в последний год преобладала провинция, притом отдаленная, в одной и той же группе сталкивались петербуржцы, пермяки, тифлисцы, туркестанцы, иркутяне и обитатели Дальнего Востока”.

Revjakina (2016: 143)

[In quattro anni di gite ho visto in Italia circa duemila escursionisti, e spesso mi sembra, che ci sia stata tutta la Russia. Negli anni precedenti il nucleo dei gruppi erano i moscoviti, l'ultimo anno quelli di provincia lontana, e nello stesso gruppo potevano stare insieme persone di San Pietroburgo, Perm', Tifliss, Turkestan, Irkutsk e dell'Estremo Oriente]

Gli ultimi gruppi di russi rimasero bloccati in Italia nel 1914 con l'inizio della guerra, e grazie all'aiuto e al supporto di Osorgin riuscirono a rientrare in patria.

Capri fu uno dei posti frequentati spesso da Osorgin sia con le gite che per motivi professionali. In una di queste visite, dal 28 febbraio al 2 marzo del 1913 fu ospite di Gor'kij con l'intenzione di fare un'intervista con lo scrittore, che poco prima era stato amnistiato dall'Imperatore russo e aveva l'opportunità di tornare a casa. Naturalmente, durante l'intervista si era parlato dell'amnistia e della vita in emigrazione, ma alla fine Gor'kij rifiutò di dare il permesso di menzionare il suo nome nelle polemiche di stampa per non attirare troppa attenzione al suo ritorno. Alla fine del 1913 Gor'kij partì per la Russia, ma i due scrittori continuarono a mantenere i rapporti. Sappiamo che dopo la rivoluzione si incontrarono a Mosca, anche se non ci è rimasto alcun dettaglio di questi incontri e delle loro conversazioni.

Nel 1916, in piena guerra, Osorgin ritornò in Russia in modo illegale per continuare il proprio lavoro pubblicistico. In quel periodo scriveva principalmente sulla crisi politico-sociale del paese. Tra gennaio e febbraio del 1917 fece un viaggio al fronte dove osservò una situazione lamentevole e trovò il morale dei soldati completamente a terra. Riuscì ad unire questi saggi in una brossura dal titolo *Sulla guerra di oggi e sulla pace eterna (Pro nyneshnjuju vojnu i večnyj mir*; casa editrice *Zadruga*, 1917). Scriveva e pubblicava articoli quasi ogni giorno, reagendo in maniera molto sveglia e sensibile a ciò che succedeva nella Russia dell'epoca. Per Osorgin la guerra era una grande tragedia, ma anche una fase di distruzione necessaria per riedificare da zero il sistema socio-politico ormai

disperatamente antiquato. Conoscendo perfettamente la logica dei processi politici, Osorgin capì ed accolse con trasporto la rivoluzione di febbraio del 1917, che mise fine allo zarismo e all'Impero e fu, secondo Osorgin, il primo passo verso il sistema liberale-democratico. Secondo lo scrittore, questi furono i giorni migliori che la Russia abbia mai conosciuto e mai potrà conoscere. Ossorguine (1984: 299).

Queste speranze, però, non si realizzarono, e Osorgin rifiutò la successiva presa del potere da parte dei bolscevichi. Dopo gli eventi rivoluzionari continuò la sua attività da giornalista e cittadino, evitando nel frattempo sia di associarsi con qualsiasi partito politico sia di lavorare nelle strutture amministrative dei bolscevichi. Già in quel periodo era riconosciuto come un pubblicista rispettabile ed onesto, e fu spesso descritto dai propri contemporanei come un intellettuale colto e coraggioso. Continuò a lottare per la libertà di stampa anche nel 1918, quando i sovietici cominciarono a chiudere i giornali indipendenti e di opposizione. Lavorava in questo periodo per il giornale *Potere del Popolo* (*Vlast' Naroda*) e nel 1921 per il giornale *Aiuto* (*Pomošč*). Organizzò il lavoro del *Banco dei scrittori*, l'associazione sorta con lo scopo di salvare e proteggere i fondi librari. Raccolse in questo periodo una notevole collezione di libri dedicati all'Italia.

Nel 1918 pose i fondamenti dell'Associazione panrusa dei giornalisti della quale fu eletto primo presidente. Faceva parte del gruppo degli intellettuali dello *Studio Italiano*. Fece traduzioni delle fiabe teatrali di Carlo Gozzi, delle opere di Carlo Goldoni e Luigi Pirandello per il Teatro d'arte di Mosca sotto cura del regista Evgenij Vachtangov. Nel 1921 fu messa in scena la *Turandot* tradotta da Osorgin.

In questo periodo così difficile e intenso non smise di scrivere opere letterarie, che poi riunì in una raccolta di saggi, racconti e novelle sotto il titolo *Dalla piccola casetta* (*Iz malen'kogo domika*), dove l'immagine dell'Italia e i ricordi dei tempi più felici e tranquilli diventarono i temi principali.

Presto sia Osorgin che Zajcev vennero arrestati con l'accusa di attività antisovietiche. Osorgin fu condannato alla fucilazione, ma la pena fu commutata, e il giornalista fu mandato in esilio prima a Kazan', e poi nel 1922 insieme ad altri settanta scrittori, filosofi e personalità della cultura e dell'arte fu costretto a lasciare il paese sulle famose *Navi dei filosofi* proposte e organizzate da Lenin. Inizialmente il periodo dell'esilio doveva durare tre anni, ma Osorgin capì subito che sarebbe stato per sempre. Valutò la sua partenza forzata come un grande segno di riconoscimento da parte dei sovietici dell'importanza del suo lavoro nel campo liberale-democratico.

Nell'autunno del 1923 tornò in Italia per sentire le lezioni del famoso rassista italiano Ettore Lo Gatto. Non rimase a lungo in Italia, e alla fine del 1923, reagendo in modo estremamente negativo all'arrivo dei fascisti al potere, si trasferì in Francia. Negli ultimi venti anni della sua vita lavorava per numerose riviste destinate agli emigrati del campo liberale e si dedicava agli studi dei sistemi totalitari, soprattutto del fascismo. Inizialmente lo vedeva come "una cosa tipicamente italiana" e momentanea, ma già dal 1936 cominciò a parlare del suo pericolo per tutto il mondo. Nei saggi di quel periodo ragionava sui problemi del nazionalismo, dell'antisemitismo e della xenofobia, della quale ebbe una triste esperienza personale: dopo il 1923 l'Europa era piena di emigrati russi che spesso furono trattati con arroganza da parte dei popoli europei.

Oltre al lavoro giornalistico nel periodo tra il 1928 e il 1938 pubblicò 9 libri: romanzi, racconti, saggi, tra cui il suo romanzo più famoso *Un vicolo di Mosca (Sivcev-Vražek)*, dedicato alla guerra, agli eventi rivoluzionari, alla fame e allo sfacelo totale della Russia.

A luglio del 1940 fu costretto a scappare da Parigi e si trasferì a Chablis dove morì nel 1942 a causa di una vecchia malattia di cuore e fu quindi sepolto nel cimitero locale. Il patrimonio letterario di Osorgin fu riconosciuto in Russia molto più tardi, solo alla fine del XX secolo, dopo il crollo dell'Unione Sovietica.

Bibliografia

- Kara-Murza, Aleksej (2015) *Roma russa*, Sandro Teti Editore.
- Kara-Murza, Aleksej Alekseevič (2014), *Znamenitye russkie o Rime* [Famosi russi parlando di Roma], Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoj.
- Konečnyj, Al'bin (1998), *Obraz Italii v korrespondencijach i očerkach M.A. Osorgina* [L'immagine d'Italia nelle lettere e saggi di M.A. Osorgin], in «Europa Orientalis» 17 (2), 103-124.
- Nesterova, Natal'ja Vladimirovna (2009), *Obščestvenno-političeskie vzgljady i dejatel'nost' M.A. Osorgina* [Idee e attività socio-politiche di M.A. Osorgin], Tesi di dottorato, l'Università Statale di Brjansk.
- Osorgin, Michail Andreevič (1989), *Vremena: Avtobiografičeskoe povestvovanie. Romany* [Tempi: Autobiografia. Romanzi], Mosca, Sovremennik.
- Ossorguine, Tatiana (1984), *Pis'ma i stat'i Michaila Osorgina* [Lettere e saggi di Michail Osorgin], in «Cahiers du monde russe et soviétique» 25 (2-3), 295-332.
- Revjakina, Irina Aleksandrovna (2016), *M.A. Osorgin o Kapri: vozvraščenie k nepovtorimomu* [M.A. Osorgin parlando di Capri: ritorno all'irrePLICabile], in «Russkoe zarubež'e», 140-153.

Yana Goncharova

University of Campania “Luigi Vanvitelli, Italia
yana.goncharova@unicampania.it

“Fruit of illegitimate love”: Italy in the life and works of Mikhail Osorgin

This article traces out the influence of Italy on life and literary works of Russian writer and journalist of 20th century Mikhail Osorgin and analyzes the image of Italy in his collection of articles Notes on contemporary Italy (*Očerki sovremennoj Italii*, 1913). Osorgin escaped from Russia on political charges after the revolution of 1905. In Italy, he worked as a journalist for the most influential liberal newspaper in Russia of that time, Russian News. The collection of his Notes under discussion includes his works written between 1908 and 1915. This research reconstructs his life journey and pays particular attention to the “images” of Italian cities he created, and to genre and compositional peculiarities of the book, as well as to the specific dialogue between the articles by Osorgin and another collection of notes, *Images of Italy*, published on the cusp of the 19th and 20th centuries by a Russian Italianist, critic, museologist and art historian, Pavel Muratov.

Keywords: image of Italy, Mikhail Osorgin, Russian writers in Italy, Pavel Muratov

Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 821.161.1.02

This article was created with the support of Cultural and Educational Grant Agency of the Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic. The author wishes to acknowledge the agency for the support of this research by grant 021UCM-4/2020 Tvorba učebníc pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských gymnázií.

Andrea Grominová

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovak Republic
andrea.grominova@ucm.sk

Neo-baroque as an artistic method?

In the works of the authors most often referred as “meta-realists” (sometimes also “metametaphorists”) – I. Zhdanov, A. Eremenko and A. Parshchikov, we will identify the common and distinctive features of their poetics, and prove that the artistic method they used is neo-baroque.

Keywords: I. Zhdanov, E. Eremenko, A. Parshchikov, neo-baroque

Poets build their poetic world from very similar elements, but each of them has an individual way that distinguishes it from that of the others. In the poetic world of **I. Zhdanov**, the store represents the entire cosmos, embodying the abandonment and emptiness of life for the sake of money, the loneliness of man. A reflection of today's way of life is also found in the concept of language as the tool of the poet, as a means of getting closer to understanding the secrets of life and death. The "word" has lost its meaning, so the poet's task is to revive it by renewing his view of the world and the word as a means of constructing a poetic model of the world and super-worlds. Zhdanov, in connection with the word, speaks of "two-dimensional death", since its first death – destruction (according to J. Derrida), represents resistance to its Creator, God, and the second is the result of the use of the technical means of replication and reproduction (rolling mill, linotype, etc.), which devastates it. Proceeding from the author's desire to return the word to its original meaning, in Zhdanov's poetry we find a connection with the poetry of Acmeism. In an effort to overcome chaos with the help of music, we see a connection with a predecessor of symbolism – the post-romantic poet A.A. Fet, who attributed music to the eternal values of being – "schön, gut, wahr", in order to achieve harmony throughout the world. The lyrical subject of Fet, like Zhdanov, is therefore presented in the form of a singer who, with his singing, will bring harmony to the whole world.

In a more dynamic overcoming of chaos, and merger with it precisely at night, when the lyrical subject as a microcosm feels his sense of belonging to the universe – macrocosm, there is a connection with the next representative of art for art's sake, the post-romanticist F.I. Tyutchev. The motif of silence found in Zhdanov's works, also became one of the main motifs in the system of imagery of Tyutchev's lyrics. Just as these post-romantics often used the motifs of ancient myths, Zhdanov likes to resort to them, but builds a new reality on their basis (for example, Orpheus, puffing because of his loneliness in the artistic text "Rhapsody of a Heating System Battery"). If we interpret the image of Eros as a "symbol" of love, then the author either hints at the eternal value of being – love, or feels a connection with symbolism, more broadly – with modernism.

Zhdanov's love, beauty and their combination with the soul and immortality, are an expression of the eternal values of human life, the meaning of human existence. The motives of pain, sin and guilt relate to the "metaphysical", so Zhdanov is also considered a metaphysical poet. One very important feature of his poetry is the striving for total unity and the wholeness of being.

Zhdanov's favorite motifs include those of the window and the mirror as a means of transforming one into another, which is closely associated with moral issues, conscience, and a delving into the inner world of the lyrical subject. The

category of pain, loss, conflict of chaos and harmony in the reader often evokes the image of a catastrophe or the inability of the lyric hero to free himself from their shackles.

The rapid change of colors, motifs, details, the emphasis on light and sound as images of the metaphysical primordial foundations of the universe in Zhdanov's poetry, the combination of the incompatible, even the contradictory, only enhances the vagueness and blurred vision of Zhdanov's poetic world. The yellow color of hazy, vague photographs, the metaphorical complexity of the perception of his poetry can be understood as a symptom of a person's unclear future in this world.

At first glance, the combination of incompatible phenomena takes an important place in the poetry of **A. Eremenko**. It seems that among the three poets studied, it is he who achieves the highest degree of analogy between the worlds of technology (or man) and nature. This is clearly seen both in the choice of vocabulary from the semantic field of technology, and in the accumulation of individual metaphors, or expanded metaphors (in our opinion, the metaphor "in the dense metallurgical forests" seems to be the most illustrative). The mechanism of combining the technical and natural worlds expresses the author's desire to show the coexistence of both worlds in space, their connection into one whole, and their unifying link is the subordination of time. In Eremenko, just like in Zhdanov, neither time nor space, as a rule, have precisely defined coordinates and timelessness "reigns" there. After all, time has already run out.

"Nature", created by human hands, gradually overcomes real nature and absorbs it. It accelerates, even replaces the processes of the natural world, thanks to which a person gains superiority over nature and feels himself in the place of God, the Creator of a new reality. The world around Eremenko looks like some kind of industrial facility. "Fuel tanker" acts as a means of movement in the sky – in this sense, we can talk about swimming, swimming in the air, such as Parshchikov's airship. Some images are accompanied by irony, sarcasm or the grotesque, such as the perception of cinema as a monster of mass culture, a monster that destroys the eternal values of being. However, in comparison with Zhdanov and Parshchikov, Eremenko's feeling of tension from the cyclical nature of a person's life in the embrace of industry is so strong that some of his images are characterized by "audacity", which can be understood as a sense of disaster. All living things often turn into a plane, a stencil. Therefore, the attributes of the artistic model of Eremenko's world are squeezed, frozen, broken. The eternal theme of life and death here often tends towards death rather than life, although it seems that the poet always leaves hope for life.

The destruction of reality is also manifested in language, and is achieved by separate metabols, which are inherent in internal tension, contradiction. A new reality arises with the help of the repetition of words, references, intertexts hinting at the duality of objects (which is also emphasized by Epstein), and new meanings, motives, associations arise. Eremenko often relies on the texts of O. Mandelstam, V.G. Travnikov and B. Pasternak and other authors, but such an “excessive” accumulation of citations further obscures the already difficult perception of his texts, which critics have warned about. It seems to us that this is the poet’s intention, but in essence he, like Zhdanov, is faced with the phenomenon of “exhaustion” of the word. We believe that this is a reflection of the postmodernist thesis about the impossibility of a fundamentally new word, although in this way Eremenko wanted to achieve the formation of new meanings. He is also connected with Zhdanov by the theme of pain. But among the three brightest poets – “meta-realists”, we should not forget the melodiousness of Eremenko’s poems, which were set to music (like some of Parshchikov’s poems), or about the constant and rapid change of “masks”.

If we were to determine who among the three poets seems “the most ironic”, it would be Eremenko. However, we believe that other critics would choose **A. Parshchikov**. His poetic world is often composed of the accumulation of various object realities, details, everyday objects or from the industrial field, which, with the help of metaphors or metabols, “objectify” the beauty and richness of human existence. The lyrical subject (as in Zhdanov and Eremenko) is felt in some other reality, “super-reality”, where the laws of the real world, time and space do not operate. It would seem that the poet glorifies the modern technogenic civilization, its inventions and achievements. However, he clearly shows its other side, which brings death. The artistic model of the poetic world of Parshchikov, in our opinion, is very well represented by “an airship that has risen from the wreckage, again turning into a proudly soaring aerial monster.” We believe that through this metabol of resurrection (some critics speak of a “metaphor of death”) Parshchikov expresses hope for the revival of the word, its cleansing from the debris of past culture, as well as a new language of the poetry of a new generation (not forgotten).

When analyzing and interpreting the texts of all three poets, it was with Parshchikov that we felt the virtual sci-fi world. The author seems to introduce his reader to the cinema (a theme shared with Eremenko), where the story of the emergence of the film is expressed and based on the poetic text of Parshchikov. This feeling can be explained by the fact that the reader feels a good orientation of the author in this topic. The diversity and choice of individual details, and – most importantly – the autobiographical elements inherent in Parshchikov’s

poetry, lend authenticity to the statement or action. A close connection with the category of memory is achieved by listing real historical figures attributed to the central theme of the poem, and other hints in order to forget the past and look forward to the future. Like Eremenko and Parshchikov, we find some features of postmodernism.

Although some critics see laughter and humor in Parshchikov's poetry, it still seems to us that the Parshchikov's lyric character looks more pathetic or serious than laughable. This, for example, is seen when using metaphors or metaphors of actions trying to break through to the superworlds or into the afterlife, like airships. We can talk about irony or sarcasm when the author describes the position of today's person in the world. He reminds him of a "morose monkey" making his way to his goal. Sarcasm can be felt in this metaphor.

Based on the analysis of several poetic texts by I. Zhdanov ("Neon Kaleidoscope", "Love, like a flying mouse, glides...", "Counterpoint"), A. Eremenko ("In the dense metallurgical forests...", "Oh, Lord, guide me in the cinema...", "A man looks like a thermocouple...", "I look at you from such deep graves...") and A. Parshchikov ("Rural cemetery", "Introduction "to the cycle" I lived on the field of the Poltava battle", "Coal Elegy") we found many common features, but, of course, we also found differences inherent in the individual styles of each author. Still, the analysis and interpretation of their poetic texts are by no means considered complete and exhausted. On the contrary, it takes time and the involvement of other researchers and commentators, since the accusation of literary criticism for the incomprehensibility, complexity of the perception of their poetry is, in sense, justified.

After defining the common features of the aforementioned authors and the peculiarities of their poetry, we will move on to substantiating why we consider their poetic strategy neo-baroque. We find it useful to first show that the characteristic features of the baroque and neo-baroque can be applied to the poetry of Zhdanov, Eremenko and Parshchikov.

We believe that one of the key ideas in this matter is A.A. Morozov's the definition of the emblem of "baroque", which is a "visible metaphor in which word and image enter into a complex interaction. A metaphorized mental image arises behind the visible image. By means of emblems, the speculative and abstract became clear and accessible. The emblem imprinted in the memory and inspired religious truths, moral rules and political principles" (Morozov 1974: 184). On the basis of the analysis and interpretation of the poetry of all three "metarealists", it can be argued that this baroque feature finds its application in the verses we have taken into consideration. The difference is that the "emblem"

in the poetry of the selected poets – “supermetaphor” or metabolism, is not visual and accessible, and sometimes seems unsubduable to a final decoding.

The poetry of Zhdanov, Eremenko and Parshchikov reflects the three main motifs of the baroque, namely “Vanitas”, “Memento mori” and “Varietas”. The feeling of the transience of life, the frailty of life, disregard for life, presented as a fickle, unreliable, cruel, transient life, full of poverty and delusion, finds echoes the motifs in the poetic texts of all three authors.

In all these poets we find an attempt to resolve the eternal question of life and death. Eremenko’s lyrical character gravitates towards death, although he still has hope for life. Death in Parshchikov’s poems is associated with the poetics of universal “recycling”, which means that death is felt in equivalence with poetry and ascension into the sky, that is, by “moving” in other worlds. Zhdanov has no border between life and death. He talks about immortality and metaphysical worlds.

Based on the above characteristics, we can summarize the following main features of the baroque, applicable to the poetry of Zhdanov, Eremenko and Parshchikov, namely:

- florid style;
- complexity, sophistication of figurative motives;
- love of contrasts;
- intentionally obscuring the meaning of the text, phrases, words, which is associated with the intention of the baroque artist, as if forcing the reader, deciphering the text, to find the truth, hidden meaning;
- enhanced inclusion in the text of numerous tropes and figures (mainly metaphors and metabols, unexpectedly juxtaposing infinitely distant phenomena);
- the use of various paraphrases, antitheses, allusions and allegories (from ancient mythology, the Bible, medieval literature, etc.);
- mastering new tendencies and motifs characteristic of baroque literature and a simultaneous appeal to traditional imagery;
- a metaphor of life – for example, swimming (in a stormy sea) or the flight of an airplane, which further unfolds in the text and provides symbolic meaning to real events and things;
- polystylistic (based on the definition of what this concept means the aesthetic principle and technique of musical composition, the deliberate unification of heterogeneous stylistic elements within one piece of music, which is also manifested in the “free” combination of various kinds of vocabulary – we can talk about

the use of this baroque feature in all these authors. Ranchin, in connection with polystylistics, emphasizes the use of colloquial vocabulary, which we find, for example, in many of Eremenko's texts);

- combination of “realistic” (or “naturalistic”) scenes with emphasized conventional, symbolic and emblematic episodes;
- visionary – verses about prophets and prophecy in all three poets (Zhdanov and Eremenko);
- the motive of overcoming the border, the alienation of the human (own) body from the universe (it seems to us that by layering metaphors, the authors overcome the boundaries, the limits of the real world – both in the field of content and in the field of word form);
- the motif of the isomorphism of the human being-microcosm and macrocosm-natural world;
- assimilation of the Artist to God, and God to the Artist (this is manifested to the greatest extent in Eremenko). We consider the main features of **neo-baroque** to be defined according to the ideas and methods of the Italian theorist Omar Calabrese, namely:
 - *aesthetics of repetitions*: in all three poets we can speak about the repetition of the same elements, leading to the build-up of new meanings, new connotations, new transformations, starting with repetitions at the word level, and ending with repetitions at the line level;
 - *aesthetics of excess*: the experiments of poets on the extensibility of natural and cultural boundaries are expressed to the last in a hypertrophied corporeality, the monstrousness of the characters, for example, the motif of the fuel tanker in Eremenko, the motif of the airship in Parshchikov. We do not find such images in Zhdanov, but we do find words such as “heal”, “kiss” and “whole” with a common root in the Russian language, whole, which can be considered as a striving for wholeness, the complexity of being in the universe with love, providing meaning to human life. The poetics of excess is also metaphorical redundancy, which can be applied to the texts of all three poets;
 - *the aesthetics of fragmentation*: as mentioned above, all the poets considered here use a variety of details in their poems, and it is from this point of view that the accumulation of these details could be called in neo-baroque terminology – their

“redundancy”. We find details that “actually become a system” in all poets. For Zhdanov, “electric light cuts a drop of rain into two halves.” The drop represents the “two-dimensionality” of the word, which is one of the author’s (authors’) theses. For Eremenko, we consider such a detail as “a pushpin with an owl pinned”. The button participates in the construction of a violent image that appears before the reader as a sense of disaster. From here the definition of the artistic model of the “Eremenko” world as squeezed and broken arises;

- *the illusion of chaos*: it is undoubtedly characteristic of Zhdanov, Eremenko and Parshchikov that they (over-) use metaphors and expanded metaphors to a large extent, which create the illusion of chaos, dynamism, tension. Formally, this is one of the reasons for the complexity of their poetic language, obscurity, and, in some cases almost incomprehensible meaning. But we believe that all these authors essentially seek to provide chaos an organization (the reader should feel this). In addition, we can talk about the neo-baroque “dominance of formless forms”, vague, blurred forms (very noticeable in Zhdanov), internal tension (Parshchikov), the emerging labyrinths of individual metaphorical images (Eremenko), etc.

Based on the summation of the above-mentioned features of neo-baroque, we can talk about their reflection in the poetry of Zhdanov, Eremenko and Parshchikov:

- tension between sensual and intellectual;
- combination of sophistication and rudeness, asceticism and hedonism, science and mysticism;
- combination of abstract symbolism with emphasized naturalism;
- a deep sense of the ghostly, inauthenticity, theatricality of life, which is hidden behind external carnivalism, pomp, demonstrative well-being and lightness;
- the principle becomes a kind of motto of neo-baroque society: The main thing is not to be, but to seem (this principle manifests itself in the increased role of sight, gaze, visual perception of the world and in the desire to visualize mental representations).

Based on the definitions of the main features of the “baroque”, it can be argued that they are reflected in the poetry of Zhdanov, Eremenko and Parshchikov as a kind of neo-baroque poetry. Proceeding from the definition of M. Lipovetsky that neo-baroque sometimes naively and touchingly, and sometimes stoically

preserves connections with the modernist tradition and their devastation occurs through the formation of a zone of continuous semantic flickering within the neo-baroque text, and relying on the above findings of analyzes and interpretations of literary texts, it can be argued that all three authors gravitate towards modernism, although in time they refer to trends, schools or tendencies of postmodernism (although one cannot fail to mention the intertwining of postmodern tendencies in the texts of the selected authors). This can be seen, for example, on a theme often used by all three authors – the devastation of the current meaning of the word, which they are trying to resurrect and create a new language to denote the new reality of life. Despite the fact that the poetry of Eremenko was defined by critics as standing on the verge between conceptualism and meta-realism / non-baroque, and Parshchikov, “treated these terms with interest, but also with caution” (Kukulin), we believe that the features of the similarity with the baroque and neo-baroque, highlighted by literary scholars, are indicative.

The results of this study prompt us to choose the term “neo-baroque” to denote the artistic method of poetry by Zhdanov, Eremenko and Parshchikov, in which a lyrical subject, disappointed with life, feels his being in the world and, more broadly, in space, in the form of an impending catastrophe, often without hope to change it. Baroque, as a transitional artistic system between great cultural eras, and neo-baroque did not last long. The visual began to dominate (Zhdanov and Parshchikov took up photography), because the attempt to acquire meaning through the word failed. It has remained very attractive, and these attempts continue in the works of many contemporary poets.

References

- Calabrese, O.* Neo-Baroque: A Sign of the Times. Princeton University Press, Reprint edition, 2017. 252 p. ISBN-13: 978-0691607139.
- Kukulin, I.* Agenturnyj otchet o voskreshenii chuvstv. Pojezija Alekseja Parshhikova v evropejskom kul'turnom kontekste. [Elektronnyj resurs] // Aleksej Parshhikov. Retrieved July 7, 2020, from <http://parshchikov.ru/pamyati-parshchikova/agenturnyy-otchet-voskreshenii-chuvstv>.
- Lipoveckij, M.* Konceptualizm i neobarokko // Nezavisimaya gazeta. [Elektronnyj resurs]. – Retrieved July 6, 2020, from http://www.ng.ru/kafedra/2000-09-07/3_postmodern.html.
- Morozov, A. A.* Emblematika barokko v literature i iskusstve petrovskogo vremeni / A. A. Morozov // XVIII vek. Sbornik 9. Problemy literaturnogo razvitija v Rossii pervoj chetverti XVIII veka. Pod red. G. P. Makogonenko, G. N. Moiseevoj. Leningrad: Nauka, 1974. pp. 184–226.

Громинова А.

Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Словацкая Республика
andrea.grominova@ucm.sk

Необарокко как художественный метод?

Анализируя выбранные стихотворения трех наиболее известных поэтов-метареалистов (иногда именуемых литературоведами «метаметафористы») – Ивана Жданова, Александра Еременко и Алексея Парщикова, в данной статье мы попытаемся выявить общие и отличительные черты их поэтики, а затем попробуем доказать использованный ими художественный метод – необарокко.

Ключевые слова: Иван Жданов, Александр Еременко, Алексей Парщиков, необарокко

Prethodno priopćenje / Preliminary communication
UDK 821.163.42Brlić Mažuranić, I.:087.5

Svetlana Kalezić Radonjić

Univerzitet Crne Gore, Crna Gora
svetlanak@ucg.ac.me

Novo čitanje *Jaše Dalmatina* Ivane Brlić Mažuranić

Posljednje djelo Ivane Brlić-Mažuranić, nedovršeni povijesni roman *Jaša Dalmatin*, ujedno je i najopsežniji tekst ove ugledne spisateljice. Kritičari su često isticali da je *Jaša Dalmatin* nastao kao beletristička verzija studije koju je napisao njezin otac Vladimir Mažuranić, znanstvenik. U radu dokazujemo da se Ivana Brlić-Mažuranić nije strogo pridržavala gore spomenute studije, niti ju je široko koristila, već ju rabila puno slobodnije. S druge strane, roman je u mnogim elementima utjelovljenje šenoinske poetike. U radu analiziramo i kompoziciju i likove, kao i koncept i duh romana, pokušavajući djelo pravilno smjestiti unutar cjelokupnoga opusa Ivane Brlić-Mažuranić.

Ključne riječi: Jaša Dalmatin, Ivana Brlić-Mažuranić, povijesno-avanturistički roman, August Šenoa

Uvod

Posljednje djelo Ivane Brlić-Mažuranić, historijsko-avanturistički roman *Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata*, objavljen je 1937. godine u izdanju Dvorske knjižare Vasić (u Ilustrovanoj biblioteci).¹ Radi se o njenom najobimnijem, ali i kritički najmanje propraćenom literarnom tekstu. Gradila ga je kao beletrizovanu verziju studije svoga oca, historičara i pravnika Vladimira Mažuranića, *Melek „Jaša Dubrovčanin“ u Indiji godine 1480-1528 i njegovi prethodnici u Islamu prije deset stoljeća*, objavljenom u *Zborniku kralja Tomislava* u Zagrebu, 1925. godine.² Kako je sama istakla: „Ova je radnja uglavnom služila kao temelj mojoj historičnoj pripovijetci“ (Brlić-Mažuranić a, 1937: 191), a to su objašnjenje, interpretirajući ga na svoj način, koristili i kritičari koji su se bavili ovim djelom.³ Novija proučavanja proširuju krug odrednica ovog djela, te ga tako Vinko Brešić svrstava u kategoriju povijesno-pustolovnog romana (2010: 478), a Berislav Majhut u adolescentski (2010: 481-483). Smještajući *Jašu Dalmatina* u kategoriju historijskog romana, Stanko Korać je u svojoj panorami hrvatskog romana od 1914. do 1941. konstatovao da Ivana Brlić-Mažuranić u ovom svom djelu nije favorizovala odlike novog stila, već je pretežno ostajala „u granicama domaće tradicije (ovog žanra) i to one tradicije koju su izgradili Šenoini epigoni, a ne sam Šenoa“. Prema njegovom mišljenju, autorka je držala

1 Urednik toga izdanja bio je Veljko Stepanović, obuhvatalo je 28 crnobijelih ilustracija Vladimira Mažuranića mlađeg, na omotu se nalazila ilustracija Omera Mujadžića, dok je ornamente radio Tomislav Krizman. Pomenuto izdanje je obuhvatalo i predgovor Ljubomira Marakovića, prvi i drugi dio romana, te autoričin dodatak *Kratki tumač nekojim stavkama Jaše Dalmatina*, vrlo važan za razumijevanje romana. (Majhut / Kralj, 2010: 472,473).

2 Zanimljivo je da ju je na pisanje toga djela posebno podstakao Vladimir Nazor. Radeći u to vrijeme na gimnazijskim čitankama i želeći da popuni odjeljak „Naši mrtvi“ u kojem mu je nedostajao „graditelj“, Nazor je pobudio Ivanu Brlić Mažuranić „da se ozbiljno primi posla i pretoči u narativni tekst jednu znanstvenu temu svoga oca“. (Majhut / Kralj, 2010: 456) Upravo se tada i rodila ideja o Jaši graditelju a ne borcu (Majhut, 2015: 84).

3 Up. Nikola Zec (*Ivana Brlić-Mažuranić: Jaša Dalmatin*, „Letopis Matice srpske“, Novi Sad, 1938, knj. 349, sv. 4, str. 290) i Vladimir Kovačić (*Jaša Dalmatin*, „Savremenik“, Zagreb, 1938, br. 4, str. 386). Ljubomir Maraković je to objašnjenje proširio dodajući, kao paralelizam, jedan odavno poznati primjer iz „dinastije Mažuranić“: „Kao što bi bilo ljudi koji bi natčovječne muke raje u *Haraču* pripisivali razigranoj i pjesničkoj mašti, da nije pjesnikov brat Matija Mažuranić, vidjevši sve to vlastitim očima, dao pjesničku nepobitnu građu u svome *Pogledu u Bosnu*, tako i ovdje pjesnikinja stojina čvrstim temeljima historijske zbilje, ali ih spaja, popunja i zadiše životom“ (Maraković, 1937: 7). Od opsežnijih i složenijih djela Brlić-Mažuranićeve *Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata* izazvao je najmanje kritičkih osvrta. Poput upravo navedenih, uglavnom se radilo o površnim prikazima, a u kasnijim radovima o ovoj spisateljici, uključujući i predgovore i oglede iz zbornikā, izostajali su detaljniji analitički osvrti na ovaj roman sve do pojave prve monografske sinteze iz pera Dubravke Zima (Dubravka Zima: *Ivana Brlić-Mažuranić*, Zagreb, 2001, poglavlje o „Jaši Dalmatinu“, str. 84-95). O recepciji ovog romana instruktivno je pisao Berislav Majhut u tekstu *Nastanak i recepcija Jaše Dalmatina* (2010).

da u literarnoj konkretizaciji „čitaoca treba uvjeriti u istinitost historijske priče i treba mu dati vizuelnu zabavu“ (Korać, 1975: 480, 481). To znači da se u strukturi *Jaše Dalmatina* susreću i prožimaju dva autorska stava, da djelo zbog dokumentarnosti bude uvjerljivo i radi zabave „dekorativno“.

Intertekstualne relacije

Kada je riječ o odnosu umjetničkog teksta i građe koja mu je prethodila, treba reći da se Brlić-Mažuranićeva upravo nije držala strogo studije svoga oca Vladimira Mažuranića, niti se njegovim radom koristila izdašno. Kada se direktno uporede ova dva djela, historiografsko i beletrističko, vidi se da se spisateljica prema datoj građi odnosila sasvim drugačije, neuporedivo slobodnije nego što su o istoj relaciji pisali ona sama ili nekoliko navedenih kritičara. U studiji, naučnik Vladimir Mažuranić je otpočeo širokim zahvatom svjetskih događaja, u kontekstu pomorskih otkrića i putovanja portugalskog moreplovca Vaska de Game oko Južne Afrike i pronalaženja novog puta za Indiju. Slijede portugalske kolonizatorske misije i upadi, sa odbranama od strane indijskog potkontinenta i dokazima da je melek Az – potkralj Jaša porijeklom sa jadranskih obala, a ne sa područja Južne Rusije. Potom na temelju raznovrsnih, u većini slučajeva iz raznih razloga teško dostupnih izvora slijedi prikaz krupnih događaja u procesu kolonizacije, narastanje na zapadnoindijskoj obali države Gudžerat i figure kapetana Aza u njoj, postignuća i uspjesi te ličnosti u saradnji sa sultanom Mahmudom Begrom do statusa nasljednog meleka-potkralja, te najzad panoramski prikaz zbivanja u vezi sa njegovim nasljednicima-sinovima.

U romanu Ivane Brlić-Mažuranić najveći dio hronološki prezentirane građe je izostavljen ili zaobiden. Ono što je značajno, a preuzeto je iz studije *Melek „Jaša Dubrovčanin“ u Indiji...* jeste pojava i lik glavnog junaka o kojem nema traga u drugoj literaturi, njegov razvoj, postignuća i izuzetni dometi u Gudžeratu. Ovdje spada i psihološko-moralni profil toga lika, njegov karakter sa obilježjima vjernosti prema svom sultanu Mahmudu Begru i otpora neslobodi portugalskog kolonijalizma. Sve mimo ovih „krugova“ u romanu i sve što predstavlja „unutrašnju sliku“ prikazanog, prvenstveno one slojeve sa funkcionalno ugrađenim sistemima motivacije i karakterizacije, jeste fikcijske, a ne dokumentarne prirode. Pored studije kao osnovnog, dokumentarno je preuzimano i iz drugih izvora, što je taksativno naznačeno nabranjem u *Kratkom tumaču nekim stavkama Jaše Dalmatina*, priloženom kao posebni dodatak na kraju romana.

Sudeći prema ovom izvorniku, Ivana Brlić-Mažuranić je u *Jašu Dalmatina* ugradila veliki broj pojedinačnih, naoko sitnih, ali za određeno vrijeme, mjesto ili društvene odnose neosporno važnih saznanja dokumentarnog karaktera. Tako, primjera radi, u pojedinim segmentima ovog romana govori se o trgovini robljem na jadranskom području od početka XVI vijeka, o razvijenosti vještine gađanja strijelom na ostrvu Visu, ali vjerovatno i drugdje, o „putovanju“ kafe u Evropu, od Carigrada do Beča između početka XVI i kraja XVII stoljeća, o robovima kao tjelesnoj i dvorskoj straži, zatim, kao vojnoj sili i njihovom izgledu i opremi, o porijeklu i vrstama arapskih konja i slično. U drugim segmentima izložena su u odgovarajućoj formi saznanja o tome kako je vojnički turski sistem u pojedinim prilikama uzimao u zaštitu bosanske hrišćane i njihovo sveštenstvo, o prenošenju iz Italije u Indiju vještine izlivanja vatrenog oružja, o noćnim napadima arapskih hajduka-razbojnika, o indijskim vjerovanjima u natprirodnu moć navodnih vještica i opisu ritualnih obreda u njihovu slavu, o geografskim predstavama nekih dalekih predjela u srednjem vijeku. Isto tako, u detaljima data su objašnjenja rijetkih atrakcija kao što su dokumentarne osnove raskoši srednjeg i dalekog Istoka na koje se oslanjaju priče iz *Hiljadu i jedne noći* i drugih raznih zbornika, o tetovažama, njihovoj rasprostranjenosti i simbolici, o umjetničkom zanatstvu u kojem dominira raskošna dekorativnost istočnjačkih ćilima, o načinu ustrojstva i simbolike oznaka janjičarskih vojnih formacija, o raznim vrstama prenošenja tajnih poruka i tajnih pisama, osobito arapskog, o davnim zemljotresnim stradanjima velikih gradova, u ovom slučaju Carigrada, i njihovim posljedicama. Najzad, u fragmentima ili kroz pojedinačne slučajeve izložena su specijalistička znanja iz raznih domena, o muziciranju na „vini“, prastarom indijskom muzičkom instrumentu i o našim bugaršticama i načinu njihove muzičke interpretacije,⁴ o novim zanatskim iskustvima, kao što su izlivanje ratarskih plugova i crkvenih zvona, o izuzetnim dometima iz pojedinih disciplina sa naglašenom istorijskom dimenzijom, na primjer geološkom i lingvističkom i tako dalje...

Kao što se prilično lako može zaključiti, *Jaša Dalmatin* je pun raznih informacija i objašnjenja dokumentarnog karaktera. Dakako, u njemu najviše ima istorijskih činjenica i građe uopšte, i to „materijala“ koji nije parcijalnog ili lokalnog karaktera, već spada u kontekst tzv. opšte ili svjetske istorije, kao

⁴ Radi se o pjesmi *Kada mi se Radosave vojevoda odiljaše* koju je *Ribanju i ribarskom prigovaranju* donosi Petar Hektorović. Ovaj detalj usmjerava modelovanje Jašinog lika u pravcu pjesnika zbog čega se u novijoj kritici sve češće može pronaći mišljenje da je u pitanju junak-graditelj, vizionar i pjesnik koji upravo tim svojim osobenostima odstupa od standardnoga lika pustolovnog romana (Majhut / Kralj, 2010: 457). Intertekstualno referiranje na Radosavovo junaštvo pravi novu poveznicu sa junaštvom glavnog junaka.

što su pojedine, već u srednjem vijeku razvijene i moćne države u udaljenim krajevima svijeta, otkrića novih pomorskih puteva i veza u svijetu za koje se do tog doba nije znalo, prve kolonijalne ekspedicije i osvajanja. Ono što predstavlja posebnu vrijednost jesu slučajevi učešća i uspona u svjetskim zbivanjima ponekog ko je „naše gore list“, sa jadranskih obala ili balkanskog zaleđa. U ovom kontekstu osobito su zanimljive pojave takvih premještanja iz hrišćanske u islamsku civilizaciju⁵ i vanserijskih uspona pojedinih ličnosti, kakav je u romanu Jaša Dalmatin, njegov put od slobodnog pučanina sa jadranske obale do roba u Carigradu, od roba do slobodnjaka u Indiji, pa od slobodnjaka do vojnog zapovjednika i meleka, tj. potkralja u Gudžeratu, jednoj od najbogatijih zapadnoindijskih država krajem XV i početkom XVI vijeka.

Već je rečeno da se u bukvalnom značenju ne može prihvatiti često izricano tvrđenje o tome da je navedena studija Vladimira Mažuranića poslužila kao osnova za roman Ivane Brlić-Mažuranić *Jaša Dalmatin*. Pored brojnih pojedinačnih detalja na takav zaključak upućuje globalno sagledavanje građe. Naime, od ukupnih 185 ili 190 strana (zavisno od izdanja), skoro je na polovini izložena materija o kojoj u studiji nema ni riječi. Ako se ova mehanička mjera primijeni na poglavlja romana, na njihov broj i odnos, onda je navedeni pokazatelj još očigledniji. Od osamnaest poglavlja posljednjeg i najobimnijeg djela Brlić-Mažuranićeve, u osam uvodnih, autorka prati životni put i sazrijevanje mladog carigradskog roba Jaše Dalmatina, da bi kasnije dio od XIII do XV posvetila problematici slovenskog svijeta u Carigradu, Bosni i Bugarskoj, o čemu u studiji njenog oca takođe nema ni pomena. Posmatran sa stanovišta naučno ili beletristički oblikovane materije, roman se „poklapa“ sa studijom samo u IX–XII i XVI–XVIII poglavlju. Za ostale djelove, u kojima se u romanu i studiji ne govori o istom, spisateljica je neposredno ili posredno koristila druge izvore i saznanja. Poslije studije o „Jaši Dubrovčaninu“, najviše se oslanjala na djelo koje je napisao Joao de Barros, u staro doba poznati historičar, o otkriću puta u Indiju, pod naslovom *Geschichte der Entdeckungen und Eroberungen der Portugiesen*, iz kojeg je preuzela motive za nekoliko poglavlja, i to za ključne djelove priče o

⁵ Novija kritička misao je argumentovano razradila tezu koju je među prvima iznio Maraković o neobičnom pogledu Ivane Brlić-Mažuranić na istok. U tom smislu Hranjec (2004: 11) smatra kako je autorkina tema nova i začudna zbog načina na koji se tretira islamska prošlost, Brešić (2010: 462) kako je jedan dio autorkinog duha „uvijek okrenut istoku“, Majhut (2010: 39) kako je upravo ona učinila „najradikalniji zaokret u stvaranju nove slike o islamu, zauzimajući stav koji se veoma razlikuje od stava Ivana Mažuranića prema Turcima u *Smrti Smail-age Čengića* (2015: 83), a Kos-Lajtman (2012: 135) kako romaneskni tretman osmanlijske prošlosti „svojom višedimenzionalnošću i izbjegavanjem isključivo negativnih konotacija prije svega ukazuje na svjetonazorno-idejni otklon od dominante ovjerene u hrvatskoj tradiciji“.

iznimnom Jašinom junaštvu i o izuzetnom postignuću nakon kojeg sultan Beger oslobađa Jašu statusa roba.⁶

Sva narativna djela Ivane Brlić-Mažuranić karakteriše bujna maštovitost, ali od naslova do naslova ta je maštovitost različitog tipa. Mada u ovom ostvarenju maštovitost nije potisnuta, faktografija u njemu je bogatija, a autorski odnos prema njoj raznovrsniji nego što je i autorka sama nagovještavala. Dinamična motivska struktura, sa „divljim“ i pustolovnim junakom u središtu, čine ovaj roman – pustolovnim. Obilje relevantne istorijske građe čini ga – istorijskim. Po duhu i intonaciji namijenjen starijem omladinskom uzrastu, ova ga kombinacija u žanrovskom smislu čini rijetkim u hrvatskom književnom, odnosno u širem HSBC jezičkom kontekstu.

Kompozicija

Već je konstatovano da je ovo djelo, sa poetičkog stanovišta, oblikovano na temelju globalnog poetičkog iskustva u to doba već dalekog Augusta Šenoa. Prema ovom modelu, pisac se oslanja na pozitivno datu istorijsku građu, jer u istoriji je sadržana istina o životu naroda u prošlosti. Osim toga, samo na temelju iskustva iz prošlih epoha moguće je doći do pouzdanog „vodiča“ za buduća vremena. U strukturi takvog romana junaci i njihovi interni odnosi raspoređeni su saobrazno značaju i funkciji koje „preuzimaju“ u romanu. Odnos dokumentarnog i izmašanog, stvarnosnog i fikcijskog je uslovan, roman je sastavljen od različite građe, ali je strukturno koherentan sa stanovišta motivacije i uvjerljivosti. Najzad, pisac nije neutralni ili bezlični subjekt, već se preko njegove samosvijesti izražava manje ili više vidljiva, ali neprikosnovena tendencija romana.

U odnosu na ovakav tip romana i doživljaj istorije u njemu, Brlić-Mažuranićeva je zauzela poziciju kojom je najmanje bila ograničena njena stvaralačka sloboda. U čitavom nizu elemenata *Jaša Dalmatin* predstavlja ovaploćenje šenoinske poetike. Kao i u Šeninim romanima ili pod uticajem kasnijih ostvarenja, proizašlih iz iste škole beletrizovanja velikih pojava iz nacionalne povijesnice, i ovdje je glavni junak toliko nadređen da je novo djelo sa razlogom naslovljeno prema njegovom imenu. Bogatstvo i raznovrsnost građe nijesu usloveli dominaciju dokumentarnog karaktera, jer je fikcijsko

⁶ O ovom djelu i njegovom korišćenju data su sažeta objašnjenja: 1) Vladimir Mažuranić: *Melek „Jaša Dubrovčanin“ u Indiji (...) Opaske*, u: „Zbornik kralja Tomislava“, Zagreb, 1925, str. 554, i 2) Ivana Brlić-Mažuranić: *Kratki tumač nekojim stavkama „Jaše Dalmatina“*, u: „Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata“, Zagreb, 1937, str. 194-195.

prema stvarnosnom postavljeno tako da ova dva fona konstituišu odnos globalne ravnoteže.

Kada se sagleda iz jedne ovakve perspektive, o *Jaši Dalmatinu* bi se zaista mogla stvoriti predstava kao o djelu u kojem je prilično dosljedno realizovan određeni, makar po segmentima zastarjeli romansijerski model. Međutim, kada se ostvari „unutrašnji snimak“ ove strukture, onda se lako uočavaju njene slabosti, nekoherentnost u prvom redu. Umjesto da djeluje kao roman „volumena“, *Jaša Dalmatin* više ostavlja utisak „plošnosti“, umjesto da otkriva dubine jednog svijeta i njegovu pravu prirodu, bitno različitu od drugih civilizacijskih modela, autorka se pretežno kreće linijom tek spolja vidljive predmetnosti. S obzirom na to da se radi o ostvarenju veoma bliskom poetici realizma, onda je bilo uputno i korpus predmetnosti „rasporediti“ prema uravnoteženo dimenzioniranim poglavljima. Takav raspored je, međutim, izostao. Primjera radi, najmanje predmetnosti sadržano je u prvom, uvodnom dijelu romana – to su Jašini mladalački doživljaji u Carigradu i putovanje kroz Mesopotamiju. Ovaj blok takođe zahvata najmanji vremenski period, a posvećeno mu je najviše poglavlja – od ukupno osamnaest naglašeno neujednačenih djelova, ovaj segment zauzima čitavih jedanaest.

Navedeni slučaj nije jedina kompozicijska omaška. Realistički i istorijski roman, kao strukture izrazito epskog formata, usavršili su tehniku paralelnih motiva, ili paralelnog vođenja radnje. U *Jaši Dalmatinu* prisutno je nastojanje da se proširi naratorska opcija, ali tri poglavlja, umetnuta sa ciljem prezentacije ključnih problema jednog vremena i jedne sredine, od kojih dva pokrivaju aktuelne bugarske teme druge polovine XV vijeka, grubo dekomponuju roman i narušavaju njegovu koherenciju. Posljedice pomenutog dekomponovanja su krupne. Spisateljica je mogla da se bavi fundamentalnim problemima jedne, indijske sredine sa konstituisanjem njenih država i njihovom političkom emancipacijom, na primjer, pa paralelno sa tim – sa kolonizatorskim osvajanjima i važnim učešćem jednog porijeklom hrišćanina, naturalizovanog u islamski svijet. Međutim, umjesto jednog etničko-političkog kompleksa, ona je izabrala dva – indijski, na jednoj i bugarski (balkanski) na drugoj strani. U vezi sa preopširnom bugarskom epizodom, postoji još jedan problem. Ako išta karakteriše roman, to su lik i funkcije glavnog junaka. Sa Jašom Dalmatinom počinje i završava se roman, on je na početku „sužanj u Carigradu“, a na kraju pored sultana Begra doživljava uspon kao njegov „melek“. Svuda, u svim djelovima romana *Jaša Dalmatin* se javlja kao glavni junak. Samo ga nema u „bugarskim poglavljima“ – njegovu ulogu glavnog junaka u ovim djelovima ne preuzima niko.

Izrazita dekomponovanost karakteriše završna poglavlja romana koja bi trebalo bi da budu ujednačena i poentirana. Ako se deveto poglavlje (*Indijsko*

selo) može shvatiti kao prelazno, onda nakon osam uvodnih (od *Sužanj u Carigradu* do *Noć na Eufratu*) slijede na tri mjesta po tri – u Indiji (*Kombaja*, *Mahumud Begr* i *Poklonstvo*), pa već spomenute epizode o potresu u Carigradu, zatim zbivanja u Carigradu i Plovdivu, sa dopremanjem novog, vatrenog oružja, najzad „horo“ pod Plovdivom, pa opet u Indiji (*Strelica pogađa*, *Vo imja oca...*, *Mahmud Begr* i *Jaša Dalmatin*). Prvo od ovih poglavlja i nije nikakva cjelina, već fragmenat od svega dvije strane. Da se radi o fragmentu malog značaja ne zaključuje se samo po broju strana, već po njihovom sadržaju, funkciji i karakteru. Radi se o anegdoti koja ima minimalnu i isključivo autonomnu vrijednost. U njoj je ispričano kako je mladi rob Jaša strijelom pogodio pticu u letu, i to pticu koja je u prethodnom trenutku svojom nečisti „ugrozila“ dostojanstvo sultana. Samo trenutak ranije bogati carigradski trgovac Ahmed „bijaše poklonio Jašu sultanu“. A trenutak kasnije, na početku posljednjeg, osamnaestog poglavlja, slijedi tekst: „– Poklanjam ti slobodu – reče Mahmud Begr Jaši pruživši mu ispisan komad tanke kineske hartije“ (Brlić-Mažuranić, 1937: 137, 142). Sve najvažnije što se dogodilo u životu glavnog junaka, ključna prekretnica po kojoj mu se egzistencija dijeli na dva posve različita dijela koji se zbivaju u različitim sredinama i državama, desilo se za nekoliko trenutaka i narativno je izloženo na nekoliko strana.

Kao što su završna poglavlja zapravo fragmenti od po dvije–tri strane (XVI i XVII) tako je posljednje koncipirano kao čitava hronika događaja u kojima Jaša Dalmatin učestvuje kao slobodna ličnost. Ako je u prvom, vremenski neodređenom dijelu obuhvaćen kraći period od nekoliko godina u životu mladog roba u Carigradu, njegov put od Carigrada do Indije i oslobađanje u ovoj zemlji, što je predmet drugog dijela, svakako pretpostavlja period u trajanju od barem tridesetak godina. Ovdje spadaju njegov aktivni lični i javni život, učestvovanje u događajima i napredovanje u službi kod sultana. Pored toga što ovo jedno poglavlje „pokriva“ tako dugo vrijeme, ono je ispunjeno krupnim i burnim događajima, a prostire se na četrdeset pet strana, po čemu predstavlja ubjedljivo najobimniji dio romana. Svi navedeni detalji govore da je kompozicija *Jaše Dalmatina* slabija ili možda najslabija njegova strana.

Likovi.

Rad na romanu *Jaša Dalmatin* odvijao se sa jednim konkretnim ciljem – da se kroz izvjesnu personalnu istoriju prikaže figura čovjeka našeg, južnoslovenskog prostora i mediteranskog mentaliteta koji, oslanjajući se isključivo na svoje sposobnosti i urođene predispozicije, u dalekom i tuđem svijetu uspijeva da ostvari uspjeh i rast od sužnja do potkralja.⁷ Razumije se da su se uz stablo osnovne priče ovdje uplitali kao atraktivnosti sporedni motivi, od izgleda Carigrada i atmosfere sultanovog dvora do dočaravanja bajkovitog Istoka. Paralelno sa ovim tokom odvija se drugi, naoko nevidljivi, koji se sastoji od takoreći neprestanog podsjećanja na korijene vlastitog identiteta⁸ i unutrašnje veze u razvoju ličnosti između „nekada“ i „sada“, između osnove i nadgradnje. U tako romansijerski razućenoj priči „poučavanje“ je dominiralo nad „povjeravanjem“.⁹

Pridržavajući se u osnovnom šenoinski shvaćene poetike istorijskog romana Brlić-Mažuranićeva nije posjedovala ispunjen tek jedan uslov, već je nastojala da sama dođe do njega. Naime, po ovoj teorijskoj pretpostavci, glavni junak romana je lik uzet iz istorije i predanja, činjenično provjerljiv, koji se u dovoljnoj mjeri javlja kao sinteza narodnog iskustva, ali je primjenom oblikotvornih postupaka dovoljno individualiziran. Sa Jašom Dalmatinom je obrnut slučaj. Ovaj lik u novu umjetničku obradu ne ulazi iz istorije i predanja, već ga autorka oblikuje tako neočekivanim potezima, da ga na momente čini pustolovnim. Ukrepljujući ga već postojećim pojedinačnim znanjima i globalnim predstavama, ona ga vraća takvog u korpus nacionalne istorije ili usmenog predanja. Govoreći o ovoj relaciji, Dubravka Zima kaže:

„Jaša je u romanu hrabar, poduzetan, strpljiv, mudar, ponekad nagao, baš kao što su to junaci iz narodne pjesme, odlučan, nepokolebljiv, izravan gdje je to potrebno, skroman gdje je to vrlina i slično“ (Zima, 2001: 88).

⁷ Zanimljivo je da ovaj model Hranjec (2004) vidi kao *hlapićevski model* u kojem malen postaje velik ili mali/nejaki pobjeđuje velikog/snažnog prije svega zahvaljujući svojoj snažnoj volji, snalažljivosti, bistrini, mudrosti i hrabrosti.

⁸ Kada je riječ o identitetskim odrednicama pripisanim Jaši, možda je najizrazitija ona koja se naslanja na tipove ličnosti, koje je čuveni antropogeograf Jovan Cvijić iznio u svojoj knjizi *Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje* (2013) izdvojivši dinarski, centralni, istočnobalkanski i panonski tip čovjeka: „... sina i unuka dinarskih boraca, odgojenog uz pjesme slijepog guslara, mamila je prije svega bojna slava“ (Brlić-Mažuranić, 2010: 250).

⁹ Ivana Brlić-Mažuranić u svojoj *Autobiografiji* ističe: „Nipošto nije ista vrijednost u poslu poučavaš li koga ili povjeravaš li se komu“ (1968: 184).

Kontekst iz kojeg se Jaša Dalmatin javlja nije zamišljen kao usko parče nacionalne istorije, niti kao fragmenat iz narodnog predanja, već je to otkrivena svjetska istorija koja ga u njegovoj iznimnosti i idealitetu afirmiše na način koji može biti prepoznatljiv za našeg čitaoca. Prema ovoj zamisli, ne bi trebalo da bude teškoća u prihvatanju jednog novog junaka tako visoke uzornosti, junaka po svim bitnim svojstvima „bez mane i straha“. Spisateljica kao da je osjećala da iz ove okolnosti, koja sama po sebi treba da znači prestižnost, vreba određena opasnost. Da bi glavnog junaka učinila još važnijim i pozitivnijim, Brlić-Mažuranićeva ga je ukasila sve samim izabranim „rekvizitima“ moralnog i psihološkog portretisanja. Kao takav, Jaša Dalmatin je oblikovan kao *lik visokomimetskog modusa* po tipologiji Notropa Fraja (Frye, 1979) – u pitanju su superiorni likovi koji ubjedljivo dominiraju nad svim ostalim ljudima, uključujući i čitaoce, pri čemu ih krasi hrabrost, mudrost, sposobnost, patriotizam, vjernost itd. Iako ovaj tip junaka prvobitno nije bio namijenjen dječijoj književnosti, postaje sve više zastupljen naročito u XX vijeku. Funkcija likova visokomimetskog modusa je edukativnog karaktera, bez obzira na to da li se pisac obraća djeci ili odraslima. Likovi ovog tipa služe ne samo kao modeli za druge likove u priči, već i za čitaoce, zbog čega, pored edukativne imaju i moralnu svrhu.¹⁰

Na taj način je nastao „uglačani“ lik, podjednako lak za pamćenje i za zaborav. On je pozitivan ali nije kompleksan, on rješava krupne probleme, ali to čini bez bore na licu, bez dileme i muke. Kada buzdovan Marka Kraljevića stigne do oblaka, on dopire u mitsko vrijeme, pored ostalog i zato što domete posljedica takvog poteza niko ne može procijeniti. Kada strijela meleka Aza – Jaše Dalmatina, međutim, stigne do orla ili do vrane, ona dopire u realno vrijeme, u vrijeme koje je podjednako sadašnjost junaka i njegovih savremenika – učesnika i svjedoka – pored ostalog i zato što su konsekvence takvog postignuća svakom vidljive i mjerljive. Za izuzetno postignuće dobija se najveća nagrada – sužanj se preobraća u slobodnog čovjeka. Sloboda je najveća cijena za život ili mjera najveće vrijednosti života. Jaša Dalmatin takvu cijenu ili mjeru doseže, ali to se ne događa u neko mitsko, neodređeno vrijeme, već upravo obratno, u istorijsko i sasvim određeno. Za takav ambijent važi princip uvjerljivosti. Možda je negdje neko starom strijelom pogodio orla u letu, ali u to savremeni čitalac ne vjeruje. Isto tako, proces stvaranja legende i predanja, fenomen mitizacije

¹⁰ Ivana Brlić-Mažuranić je čvrsto vjerovala da književnost, kao medij sa performativnim učinkom, i te kako može da utiče na svoje čitaoce. Stoga, ne iznađuje što je glavnog junaka upravo modelovala kao “čovjeka velikih razmjera” insistirajući na sistemu vrijednosti koji u sebe uključuje: rodoljublje, pobožnost, slobodu, pravednost, dobrotu, hrabrost, marljivost, mudrost, obrazovanje, saosjećanje, nesebičnost, odanost, povjerenje, poštovanje tuđih običaja... (Huljev, 2018)

vremena podrazumijeva onu vrstu zaborava u kojem se individualno sjećanje preobražava u kolektivno.

Prikazujući formiranje Jašinog lika do razmjera njegove bajkolikosti,¹¹ makar to i ne bilo urađeno na uvjerljiv način, Brlić-Mažuranićeva ovom junaku obezbjeđuje apsolutnu strukturnu superiornost u odnosu na sve druge konstituente romana. Zapravo, koliko god da je ovo djelo u literaturi imenovano kao *istorijski* ili kao *pustolovni* roman, ili pak načinom koji znači „udruživanje“ ovih odrednica, Jaša Dalmatin je istovremeno i *roman lika*. Teško je, gotovo nemoguće, zamisliti makar jedno svojstvo ove umjetničke strukture, a da nije najuže i najfunkcionalnije u vezi sa glavnim junakom, osobito njegovim izgledom i karakterom, njegovim spoljašnjim i unutrašnjim portretom.

Jednostranost kompozicijske strukture – o čemu je već bilo dovoljno govora – ima svoj adekvat u sferi lika i duha romana. U književnoj kritici je zapaženo kako je Jaša nadmoćan u odnosu na druge likove, koliko je on „isforsiran“, a oni „potisnuti“:

„Lik Jaše je najcjelovitiji i najpomnije zamišljen i oblikovan lik u romanu – primijetila je Dubravka Zima – što s druge strane uzrokuje 'zapuštanje' ostalih likova, u tolikoj mjeri da gotovo i nema sporednih, nego samo epizodnih likova. Likovi dvaju Jašinih gospodara u Carigradu, carigradskog sultana, njegovih slugu, služavki i kćeri, zatim lik trgovca Ahmeta koji Jašu vodi u Indiju, te ostali likovi koji se pojavljuju u pojedinim epizodama, ne zauzimaju dovoljno prostora u radnji da bi ih se moglo proglasiti sporednima“. (Zima, 2001: 89)

Većina likova na koje se u ovom slučaju misli ne samo da su pravi epizodisti, da „više“ odvojeni od glavnog junaka i glavne linije motiva u romanu, već su epizode i čitavi djelovi priče u kojima se oni pojavljuju, izdvojeno i slabo funkcionišući u datom kontekstu. U odnosu na ove, od još manje važnosti su drugi likovi, kao na primjer Hadži Osman iz Carigrada koji gine u zemljotresu, pa njegova kćerka Zeina i sljepica Irina, zatim bugarski dječaci-blizanci Dančuo i Naum, koji su kratko vrijeme žitelji u Hadži Osmanovoj kući.

Lik u kojem se slutila potencijalna mogućnost, koji je mogao da izraste u Jašinu adekvatnu pratnju, bio je lik Mirjam. Takva mogućnost slutila se barem iz dva razloga. Prvo, Mirjam je „postavljena“ kao lik, kao junakinja u razvoju,

¹¹ Najizrazitiji primjer za to može se pronaći u činjenici da ni Jašin lik, kao ni likovi bajkovnih junaka, nije transformativan, ostajući isti od početka do kraja. Marina Protrka Štimatec (2016) u nepromjenjivosti vidi zapravo dosljednost vlastitome profilu čime se potvrđuje i etička kondicioniranost.

jer sa svakom pojavom njoj je dodavana jedna nova karika. I drugo, mada se tokom romana ne pojavljuje u kontinuitetu, Mirjam je figura koja se, poslije Jaše Dalmatina, u ovom djelu i čitavim njegovim djelovima (od V do XVII poglavlja), najčešće javlja. Ona se čas vidi, a čas kao da se gubi iz pripovjednog tkanja romana. Kada na kraju dvoje mladih ljudi izukrštaju svoje živote, jedna ljubavna drama, opterećena romantičarskim predznakom, počinje postojano, nezaustavljivo da gubi čar svoje autentične egzotike. Mirjam je u romanu epizodni lik sa „zadatkom“. Njena funkcija se iscrpljuje u prvom i osnovnom sloju – glavni junak sa njom doživi ljubav i dobije sinove. Od njene ljubavi i razuđenog funkcionalnog djelanja ne ostaje ništa. Ako nije individualizovana – ljubavna priča ostaje shematizovana, pa zato neuvjerljiva, jer je stvaralačkim iskustvom usmenosti reducirana na elementarnu formulu.

Novija kritička misao insistira na tome da ovaj roman, i pored obilatog prisustva shematizovanosti, donosi značajan iskorak izvan granica žanra i teme pustolovnog romana. (Majhut / Kralj, 2010: 478). U prilog tome, prije svega, ide lik glavnog junaka koji svoje poduhvate ne ostvaruje borbom i destrukcijom, već vizijom i graditeljstvom. Tematski gledano roman predstavlja iskorak zato što donosi nekliseiziran pogled na prošlost u vezi sa pripadnicima islama i njihovim kulturnim kontekstom.

Zaključak

Teško je do kraja reći kako je Ivana Brlić-Mažuranić zamislila i planirala svoj roman i pored toga što je sačuvano nekoliko njegovih nacrti (Majhut / Kralj, 2010: 263-268). Jedno je sigurno – ona je bila majstor zatvorene, koherentne koncepcije, a *Jaša Dalmatin* upravo nije takav. Naprotiv, ne samo svojom poetskom linijom već ukupnim svojim strukturnim sklopom on je „raskidan“ i „necjelovit“. Takav je uprkos pojedinačnim vrijednostima kojih ima. Na strukturi romana *Jaša Dalmatin* ostao je otisnut pečat njegovog nastajanja. U uvodnim partijama ovo djelo je zasnovano kao sugestivno kazivanje o jednom ambijentu sa glavnim junakom u središtu. Što priča dalje odmiče, ona sve više gubi u širini i kompleksnosti, a sve se više u njoj prepoznaju na brzinu, sa stvaralačkom nervozom i pojednostavljenošću oblikovana poglavlja. Na kraju, glavni dio „indijske istorije“, upravo onaj koji je u studiji Vladimira Mažuranića najbolje obrađen, pretežno je ostao na nivou skice, neujednačeno, u fragmentima, negdje kao naracija, drugi put kao informacija, a opšte uzev, ipak, kao nedovršeno djelo. Narušeno zdravlje spriječilo je čuvenu spisateljicu da djelo finalizuje dajući mu onakav oblik kakav su zahtijevali njen nesporni talenat i zanimljivost teme.

Ipak, i u ovakvoj formi, *Jaša Dalmatin* predstavlja zanimljivo štivo koje ne svjedoči toliko o autorkinim književnim interesovanjima pred kraj života, već više o želji da, odlazeći sa ovog svijeta, oduži dug ocu. Kao takav, on nije samo historijsko-pustolovni roman, nego i porodični, intertekstualni dijalog historičara i bajkospisateljice.

Literatura:

- Brešić, Vinko. (2010) *Napomene uz kritičko izdanje*. u: „Sabrana djela Ivane Brlić-Mažuranić“, Vinko Brešić, ur., Slavonski Brod: Ogranak Matice hrvatske. str. 453-483.
- Brlić-Mažuranić, Ivana. (1937) *Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata*. Zagreb. Dvorska knjižara Vasić.
- Brlić-Mažuranić, Ivana. (1937) *Kratki tumač nekim stavkama „Jaše Dalmatina“*, u romanu: „Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata“. Zagreb. Dvorska knjižara Vasić. str. 191-196.
- Brlić-Mažuranić, Ivana. (1968) *Autobiografija*, u: „Izabrana djela“, Ivo Frangeš ur., Zagreb: Zora/Matica hrvatska, str. 175-185.
- Brlić-Mažuranić, Ivana. (2010) *Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata*, u: „Sabrana djela Ivane Brlić-Mažuranić“, Vinko Brešić, ur., Slavonski Brod: Ogranak Matice hrvatske. str. 247-451.
- Cvijić, Jovan. (2013) *Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje*. Beograd: Narodna biblioteka Srbije / Gradska opština Voždovac.
- Frye, Northrop. (1979) *Anatomija kritike*. Zagreb. Naprijed.
- Hranjec, Stjepan. (2004) *Dječji hrvatski klasici*. Zagreb: Školska knjiga.
- Huljev, Antonija. (2018) *Odgojne vrijednosti u romanu Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata Ivane Brlić-Mažuranić*. u: „Anafora. Časopis za književnost“, godina V., broj 2., str. 357-379.
- Korać, Stanko. (1975) *Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata*, u: „Hrvatski roman između dva rata 1914–1941“, II izdanje. Zagreb. August Cesarec. str. 480-481.
- Kos-Lajtman, Andrijana. (2012) *Sustavna i kritička katalogizacija djela Ivane Brlić-Mažuranić*. u: „Libri et Liberi. Časopis za istraživanje dječje književnosti i kulture“, 1/1. str. 133-135.
- Kovačić, Vladimir. (1938) *Jaša Dalmatin*, „Savremenik“, Zagreb. br. 4, str. 386.
- Majhut, Berislav, Lovrić-Kralj, Sanja. (2010) *Napomene uz kritičko izdanje*, u: „Sabrana djela Ivane Brlić-Mažuranić. Romani“, Vinko Brešić ur., Slavonski Brod: Ogranak Matice hrvatske. str. 453-486.
- Majhut, Berislav. (2010) *Nastanak i recepcije Jaše Dalmatina*, u: „Društvo i jezik: višejezičnost i višekulturalnost“, Dunja Pavličević-Franić i Ante Bežen, ur., Zagreb: Učiteljski fakultet Sveučilišta u Zagrebu. str. 142-161.
- Majhut, Berislav. (2010) *Muslimanska tema i njezin razvoj u hrvatskom povijesnom romanu za djecu i mladež do 1945*. u: „Nova Croatica. Časopis za hrvatsku književnost i kulturu“, Godište IV., broj 4. Zagreb: FF-press Filološkog fakulteta u Zagrebu i Hrvatsko filološko društvo. str. 25-47.

- Majhut, Berislav. (2015) *Predodžbe muslimana u hrvatskom povijesnom romanu za djecu i mladež*. u: „Hrvatska revija. Časopis Matice hrvatske“, broj 2, Zagreb: Matica hrvatska. str. 78-85.
- Maraković, Ljubomir. (1937) *Predgovor*, u: Ivana Brlić-Mažuranić: „Jaša Dalmatin, potkralj Gudžerata“. Zagreb. Dvorska knjižara Vasić. str. 7-11.
- Mažuranić, Vladimir. (1925) *Melek „Jaša Dubrovčanin“ u Indiji godine 1480-1528. i njegovi prethodici u islamu prije deset stoljeća*, u: „Zbornik kralja Tomislava“. Zagreb. str. 219-290.
- Protrka-Štimec, Marina. (2016) *Ivana Brlić-Mažuranić između dva kanona*. u: „Le monde diplomatique“, hrvatsko izdanje. Ivana Brlić Mažuranić između dva kanona – Le Monde diplomatique, hrvatsko izdanje (arhiva 2013-2017) (wordpress.com) (1.9.2021)
- Zec, Nikola. (1938) *Ivana Brlić-Mažuranić: Jaša Dalmatin*. „Letopis Matice srpske“. Novi Sad. knj. 349, sv. 4, str. 290.
- Zima, Dubravka. (2001) *Ivana Brlić-Mažuranić*, Zagreb: Zavod za znanost o književnosti FFZG.

Kalezić Radonjić S.

University of Monte Negro, Monte Negro
svetlanak@ucg.ac.me

A New reading of *Jaša Dalmatin* by Ivana Brlić Mažuranić

Ivana Brlić Mažuranić's final work of, the unfinished historical novel *Jaša Dalmatin*, is also the most extensive text by this renowned author. Critics have often pointed out that *Jaša Dalmatin* was created as a fictional version of a study written by the scientist Vladimir Mažuranić, her father. In this paper we will show that Ivana Brlić Mažuranić did not adhere strictly to the abovementioned study, or used it extensively, but used it more freely. On the other hand, the novel in its many elements is the embodiment of a Šenoan poetics. In this paper, we also analyse the composition and characters, as well as the concept and spirit of the novel, attempting to correctly place the work within Ivana Brlić Mažuranić's entire opus.

Keywords: *Jaša Dalmatin*, Ivana Brlić-Mažuranić, historical-adventure novel, August Šenoa

Izvorni znanstveni rad/Original scientific paper
UDK 821.163.42-32"18/19"

Daniel Mikulaco

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
daniel.mikulaco@unipu.hr

Hrvatska fantastična novela

Rad istražuje teorijske, stilsko-periodizacijske i književnopovijesne okvire, aspekte i osobine hrvatske fantastične novelistike, odnosno, fantastičnih kratkih proznih vrsta (vrlo kratke priče, kratke priče, novele, pripovijesti) od njenih početaka polovinom devetnaestoga stoljeća do polovine prošloga desetljeća. Cilj rada je ponuditi potpuniju i periodizacijski usustavljenu sliku osobitosti hrvatske fantastične novelistike te njene produkcijske kvantitete i kvalitete.

Ključne riječi: hrvatska književnost, fantastika, vrlo kratka priča, kratka priča, novela, pripovijest

Uvodne teorijske i terminološke napomene

Što je stvarno? Da li je ono što promatramo, mislimo ili osjećamo uvijek i nužno stvarno ili ne; i je li ono što zamišljamo, pretpostavljamo ili čeznemo, baš uvijek tek fikcija? Granica između fantazije i realnosti, između zbiljskog i fikcionalnog oduvijek je diskutabilna i predmetom mnogih filozofskih, znanstvenih i teoloških rasprava od najstarijih vremena do danas. Referiramo li se u tom smislu na Ksenofanovu i Heraklitovu tezu da *književnost laže*, odnosno *ne bavi istinom*, a na što se potom nadovezuju polemički Platon i Aristotel (Solar, 2000: 195) nužno se upućujemo u strukturne osobitosti *priče* kao izlaganja nekog događaja koji biva preoblikovan subjektivnim iskustvom te time prestaje biti *pukim događajem* i postaje *slikom događaja* – artifičijelnom strukturom koja je *vjerojatna, moguća* i samim time izvan poimanja unutar opreka *istinito / lažno*.

Fantastika (lat. *phantasticus* < grč. *φανταστικός*: koji stvara predodžbe, maštovit), plod mašte, čudnovato natprirodno (Klaić, 1990: 410); sablasti, priviđenja; likovi, događaji i doživljaji strani normalnomu, svakodnevnom životu. Fantastička umjetnost prisutna je u kulturi još od najstarijih civilizacija kroz cijelu povijest; kroz mitove, legende, sage, bajke, predaje; u likovnim umjetnostima, književnosti, operi, ..., a od nedavno i u filmu. Svoju punu afirmaciju doživljava za romantizma, kada se značajnije iskazuje interes za egzotično, drugačije, odmaknuto, tajnovito, mračno, mistično, magijsko, demonsko okultno i spiritističko - za odmak od zbilje prema mašti.

Fantastična književnost (*fantastika*) je u širem smislu sva ona književnost u kojoj se gubi razlika između zbilje i fikcije, stvarnog i imaginarnog, prirodnog i natprirodnog, mogućeg i nemogućeg, racionalnog i iracionalnog, ovostranog i onostranog, sna i jave, realnog i irealnog / nadrealnog, naravnog i nadnaravnog, ...; sva ona književnost koja zalazi u područja slutnji, tajnovitog, nokturalnog, mističnog, okultnog, stravičnog, nestvarnog, čudesnog, bajkovitog, grotesknog, transcendentnog...; i kojoj se više ne razaznaje jasna granica pa se i fantastično doživljava kao normalno, kao objašnjenje do kojeg je nemoguće doći isključivo racionalno pa je nužno uplitanje mašte, podsvijesti, simboličnog, ... Fantastici su bliski romantizam, moderna i nadrealizam. Takva, fantastička književnost i umjetnost općenito, danas se promatra kao žanr koji nije nužno u opoziciji žanrovima zbilje te se, štoviše, isprepliće s njima.

Može se reći kako se ovaj model nadovezuje na (i u sebi objedinjuje) više tradicija. Tu je iznimno bogata evropska fantastička tradicija, još od romantičara nadalje (Hoffman, Poe, Gogolj, Orwell, Kafka, Tolkien, Lewis, ...). Jednako tako nasljeđuje i najrazličitije strukture, načela, formule, motive, ... iz mitološke i biblijske tradicije te drugih svetih spisa, zatim iz srednjovjekovne mistike

(egzempluma, hagiografija, legendi, apokrifnih priča, ...) i usmenog (pučkog, predajnog) naslijeđa te gotske tradicije okultnog i demonološkog.

Znanstvena fantastika se, pak, smatra zasebnim žanrom ili podžanrom fantastike te se ovdje neće razmatrati; (tzv. *science fiction*) - *književnost znanstvenih anticipacija* (Zidić) kao literarizirana aplikacija tehnike i znanosti koja se bavi ljudskim odnosom naspram tehničkom, kibernetičkom, futurističkom, ... Produkcija znanstveno-fantastične literature (i pratećih časopisa) popularizirana je u drugoj polovini 20. st., kvantitativno je značajna, no uglavnom se zadržava u okvirima trivijalne literature i smatra manje umjetnički (estetski) relevantnom od primjerice tzv. *visoke fantastike* (klasičnih, kanonskih djela fantastike).

Utemeljiteljem suvremene teorije fantastične književnosti drži se Tzvetana Todorova – bugarsko-francuskog teoretičara koji je 1970. napisao studiju *Uvod u fantastičnu književnost*. Prema Todorovu, da bi se djelo smatralo fantastičnim, trebaju biti zadovoljena tri uvjeta: 1. čitatelju se treba činiti da tekst upućuje na zbiljski svijet te izazivati nedoumice na granici naravnog i nadnaravnog; 2. iste nedoumice mogu mučiti i lika unutar djela; 3. čitatelj treba odbaciti alegorijska, metaforička, ... ili *pjesnička* razrješenja ili obrazloženja te i naravno i nadnaravno, *čudno* i *čudesno*, razumjeti kao „normalno“.

Novija promišljanja (B. McHale, W. R. Irwin, E. Rabkin, R. Jackson, C. Brooke-Rose, K. Hume, ...) izdvajaju dva fantastička modela: *dominantni* i *alternativni*. Prvoga odlikuju: subverzivnost (ubacivanje fikcije u svakodnevno zbiljsko), demonsko, neobjašnjivo, halucinatorno, pseudo-fakcija, čudesno, kumulativnost (postupnost pri uvođenju fantastičnog) i konvertivnost (nasumično uvođenje fantastičnog); a drugoga: reduktivnost i alternativni svjetovi. U hrvatskoj fantastičnoj noveli prvi je model prevladavajući, dok je drugi zamjetan u bitno manjoj mjeri (Nedjeljko Fabrio, Stjepan Čuić, Irfan Horozović, Pavao Pavličić).

Kao podvrste (podžanrovi) fantastične proze mogu se izdvojiti npr.: *romantičarska*, *folklorna* ili *naivistička*, *poetska*, *somnambulna*, *psihološka*, *okultna*, *transcendentalna* ili *metafizička*, *demonsko-dijabolička*, *subverzivna*, ... *fantastika*.

U Hrvatskoj, fantastiku su proučavali i/ili uredili neki antologijski izbor ponajprije Branimir Donat i Igor Zidić (*Antologija hrvatske fantastične proze i slikarstva*, 1975.); Ivica Župan (*Guja u njedrima : panorama novije hrvatske fantastične proze*, 1980.); Velimir Visković (*Mlada proza*, 1983. i *Nova hrvatska proza*, 1985.); Jurica Pavičić (*Hrvatski fantastičari – Jedna književna generacija*, 2000.); Jagna Pogačnik (*Prodavaonica tajni - Izbor iz hrvatske fantastične proze*, 2001.); Kornelija Kuvač-Levačić (*Moć i nemoć fantastike*, 2013.), ...

Počeci hrvatske fantastične kratke proze

Novela kao kratka prozna vrsta zastupljena je u tradiciji hrvatske književnosti od prve polovine 19. st. – od prve ilirske *hajdučko-turske novelistike* 30-ih godina pa sve do današnjih dana kada je sveprisutna među brojnim trendovskim stilovima i oblicima. Njena izuzetna popularnost u posljednjih 190 godina nacionalne književnosti proizlazi iz specifičnosti njenog kratkog, sažetog i koncentriranog oblika kojim uvijek nastoji predstaviti stvarnost, odnosno moguću stvarnost, na način da *u svakodnevnom traži izuzetno* (Solar, 1981: 7), što i znači njeno ime (tal. *Novella* = novost), ili kako ističe Todorov (1981: 58) struktura novele je takva *da teži prikazivanju prekida s ustaljenim sistemima u ime osobne poduzetnosti i individualnosti (...)*. Ovakva razmatranja polaze novele kao vrste koja se nametnula nastankom građanskih društava i razvojem individualističkog, poduzetničkog i modernog duha tijekom *novoga vijeka*. Stoga Todorov logično zaključuje da novelistički principi počivaju na istom duhu, pa se i tu nalazi razlog popularnosti novele srodnih kratkih proznih vrsta (*vrlo kratke priče/crtice, kratke priče, pripovijesti...¹*).

U razdoblju *predrealizma* ili *protorealizma* (60-ih i 70-ih) godina 19.st. za tzv. 3. generacije novelista – *nakon apsolutizma* novelistika intenzivnije i ozbiljnije kreće prema postupcima realističkog fabuliranja, oblikovanju i analizi karaktera, razradi motivacijskog sustava te tematiziranju socijalne i etičke problematike suvremena svakodnevlja (problemi: sela, učitelja, seljaka, poluinteligenata, intelektualaca, deheroiziranih likova, ...). Osobit doprinos takvim tendencijama dao je August Šenoa (1838.-1881.) svojim programatskim člankom *Naša Književnost* (*Glasonoša*, 1865.), a u kojem se zalaže za prikazivanje suvremene domaće tematike, socijalnu funkcionalnost, etičnost i ilirsku (nacionalnu) tendencioznost, ali i za istovremeno uvažavanje umjetničkih principa i estetskih kriterija (*mimetički + prosvjetiteljski (šenoinski) model književne prakse*). Radi se zapravo o podilaženju još uvijek neznatnoj čitateljskoj publici koju se nastoji privoliti i poučiti hrvatskom jeziku aktualnim, no ne i suviše zahtjevnim, *hrvatskim štivom*; ponajčešće intrigantnom idealnom ljubavnom pričicom, a pod koju se onda podmeće i ozbiljnija društvena problematika; tj. povezuje intiman svijet fikcionalnih likova sa širom društvenom stvarnošću vremena. Ti novelistički tekstovi zapravo predstavljaju mješavinu realističkih pogleda, historicizma i sentimentalizma.

¹ U ovom se radu kratka priča smatra podvrstom novele, a vrlo kratka priča podvrstom kratke priče. Sve se narativne kratke prozne vrste (vrlo kratka priča/crtica, kratka priča, pripovijest) ovdje drži novelističkim podvrstama.

Upravo će u ovom periodu započeti i tradicija hrvatske *fantastične novelistike*. Kako novela svoje zanimanje iskazuje za *izuzetno, čudno, neobično*, ili jednostavno *drugačije*, ona se veoma često odmiče od *zbilje* i zalazi u *fantastično*. Tako se unutar hrvatske novelistike može početi pratiti cijela jedna linija *hrvatskih fantastičara* (Donat, Zidić 1975), od 70-ih godina 19. stoljeća i Rikarda Fliedera Jorgovanića, pa preko modernista, postmodernista i grupe *fantastičara* iz 70-ih godina 20. stoljeća do danas, kada noveli *ništa više nije strano* - ni jedan problem, ni jedan pristup.

Dakle, prvi hrvatski fantastičari bili su:

Rikard Flieder Jorgovanić (1853.-1880.) kao začetnik hrvatske fantastične proze i autor s osobitim osjećajem za suptilno oblikovanje ženskih likova; autor je slijedećih fantastičnih novela (pripovijesti): *Divlja djevojka* (1874), *Ženske suze* (1875), *Crne niti* (1875), *Na jezeru* (1875) *Ljubav na odru* (1876), *Žena i ljubovca* (1878), *Čovjek bez srca* (1878), *Dada* (1878), *Za jedan časak radosti* (1879) i *Stella Raiva* (1880).

Ksaver Šandor Gjalski (1854.-1935.), pripovjedač poetskoga realizma, ali i fantastike; zbirke: *Pod starimi krovovi* (1886), *Tri pripovijesti bez naslova* (1887), *Bijedne priče* (1888), *Male pripovijesti* (1894), *Tajinstvene pripovijesti* (1913) *Ljubav lajtanta Milića i druge priče* (1923); fantastične novele (ukupno 6): *San doktora Mišića* (1890), *Notturmo* (1893) – programatska fantastična priča pod utjecajem filozofije A. Schopenhauera (*Svijet kao volja i predodžba*, 1819.), *Kobne slutnje* (1894), *Mors* (1897), *Ljubav lajtnanta Milića* (1915), *Sasvim neobični i čudnovati doživljaj illustrissimusa Šišmanovića* (1927).

Moderna

Razdoblje *moderne* (1892.-1916.) svojim je kultom individualizma i slobode djelovanja i stvaranja otvorilo vrata još većoj popularnosti novele i njenog daljnjeg razvoja kao oblika iz čije se strukture daju iščitati i strukturne promjene društva, društveni ideali i razočaranja.

Trusno i krizno hrvatsko društveno-političko tlo za Khuenova apsolutizma s jedne strane i pravovremeni susret s aktualnim europskim modernističkim umjetničkim, filozofskim i uopće duhovnim tendencijama, s druge strane: školovanja mlađeg naraštaja *po Europama*², susret s *modernim svijetom*,

² *Bacili smo se kao čopor izglednijih skakavaca na ono, što je bilo u Europi i jeli sve, bilo travu, ili drač, bilo cvijeće ili plod, pelin ili grožđe. (...) Sve se pokušalo izreći, sve imitirati. Složni su bili svi samo u tome, da neće nikakvih "načela", nikakvog "ograničenja".* (Marjanović, 1906: 142-143)

rezultiralo je i jasno izraženom potrebom za promjenom jedne istrošene paradigme koja je obilježila najveći dio 19. stoljeća. Od početka stoljeća i prvih preporodnih nastojanja za uspostavom i standardizacijom hrvatskog jezika, za ukidanjem kmetstva, pa preko germanizacije i potom osnivanja prvih nacionalnih i građanskih institucija te mađarizacije, industrijalizacije i recesije koja je uslijedila, hrvatska književnost podređena je *prosvjetiteljsko-preporodnoj paradigmi*. U tom gotovo *griffitovskom* procesu *rađanja jedne nacije*³, paradoksalno, njen uspostavljanje / završni čin - spaljivanje mađarske zastave na Jelachich-Platzu (16. listopada 1895.), odigrala je nova, tzv. *mlada generacija*, koja će prigrliti i uspostaviti novu, *modernističku (esteticističku) paradigmu*.

Za razliku od istaknute 1895. godine, koja zasigurno ima veliko simboličko i povijesno značenje, no ono je izvanknjiževno, za hrvatsku književnu historiografiju bitnijom se nadaje 1892. godina te godina prije i poslije, kao godine početka hrvatske moderne (esteticističke književne prakse). Na samom početku 90-ih tiskaju se neka djela, koja po svojim bitnim poetičkim i stilskim odrednicama pripadaju modernističkoj pa i fantastičkoj književnosti. Tu se ponajprije misli na: Gjalskog i njegove *mistične novele* (*San doktora Mišića*, 1890. i *Nocturno*, 1894. te *Kobne slutnje*, 1894.), Leskovara s novelom *Misao na vječnost* (1891) i Matoša s novelom *Moć savjesti* (1892).

Razvidno je da će upravo novelistika (kratka proza), više od romana, drame ili lirike, imati onu bitnu prevratničku ulogu rastakanja stare, prosvjetiteljsko-preporodne i uspostave nove, modernističke paradigme; ili može se reći kako je novela (kratka proza) prva *modernizirala* vlastitu strukturu prilagodivši se duhu i prohtjevima novog vremena. Novelistika će stoga za moderne, inzistirajući na estetskom, izići iz sjene romana i dostići svoj prvi veliki uspon i popularnost u hrvatskoj književnosti.

Sklonost moderne prema kraćim i hibridnim formama afirmira jednako i *kratku* te *vrlo kratku priču* (crticu, *skicu*, *sličicu*, *priču*).

Valja spomenuti i još jedan drugi, kako će se pokazati za novelu i umjetnost uopće, vrlo bitan novitet na prijelazu u 20. stoljeće, a to je otkriće *filma* (1895), tj. razvoj nove, filmske, umjetnosti (*7. umjetnosti*). Film, odnosno filmska naratologija i karakteristični filmski postupci (*filmska priča*, *filmski planovi*, *kadriranje*, *fokalizacije* i *rakursi*, *montaža*, *dokumentarizam*,...) intenzivno će se tijekom 20-og stoljeća ispreplesti osobito s novelističkom naratološkim postupcima, tehnikama i strategijama. Sličnost i suodnosnost ova dva medija proizlazi iz njihove zajedničke osnove, a to je *priča*. Njihov daljnji razvoj tijekom 20-og stoljeća uvelike će biti obilježen međusobnim *intermedijalnim*,

intertekstualnim i citatnim odnosima; prvo će film preuzimati od novele, a potom novela od filma, sve do današnjih dana, kada je o interakcijama između ovih umjetnosti (medija) ispisiva jedna cijela zajednička povijest.

Hrvatska fantastična novela ovog razdoblja prisutna je krz dva od tri postojeća poetička projekta moderne: 1. *estetički*, (Leskovar, Matoš, Livadić, Nazor, ...) 2. *orgijastički*⁴ (Kamov, Galović, Donadini, ...), dok 3. *realistički / naturalistički*, s izuzetkom Dinka Šimunovića s novelom *Duga* (1907), izostavlja fantastične elemente iz svojih pripovijesti te predstavlja sintezu impresionističko-simbolističke prakse i naslijeđa realizma.

Ono što im je većini zajedničko jest protagonist novele, koji je evoluirao / retardirao iz prvih likova društveno angažiranog ili neshvaćenog tipa inteligenta s polovine 19-og stoljeća u nesretnu i najčešće samosvjesnu, introvertiranu, asocijalnu i hipersenzibilnu individu (antijunaka), neshvaćenog intelektualca ili umjetnika (nerijetko dijelom i autobiografskog): bljedunjavog, omršavjelog i izmoždenog od psihičkog trošenja, nesređena života i kronične bolesti koja će ga još za mladosti i dotući. Njegov je život (egzistencija), kalderonovski rečeno, *ružan san*⁵. Nadalje, centralni estetički motiv, oko kojega se motivira (očučuje i izgrađuje) priča je žena (objekt adoracije), fantastična secesijska femina: tajnovita, mistična i strastvena, obgrnuta velom gracioznosti, egzotične ljepote i samosvijesti, no ujedno i poduzetna i praktična te najčešće ode svojim putem. Često, u pozadini fantastične modernističke novele, stoje reference motivirane filozofijom shopenhauerovskog i nietzscheanskog tipa te frejdovskom psihoanalizom.

Među najznačajnije predstavnike fantastične novele, koji će svojom i *formalno-sadržajnom* i *tehnologijskom raznolikošću* (inovativnošću), kvantitativno i kvalitativno problematizirati, opisati i prikazati duh novog vremena (*Zeitgeist*) i u njemu zatečena pojedinca kroz prizmu fantastičnog, spadaju:

Janko Leskovar (1861.-1949.), vrstan novelist, čijom novelom *Misao na vječnost* (1891) i njenim protagonistom, Đurom Martićem (prototipom modernog antijunaka, *hrvatskim Hamletom*) stilsko-formacijski i započinje hrvatska moderna. Pisao je vrlo kratko (1892.-1905.), no i u tom kratkom razdoblju napisao nekoliko izvrsnih novela sakupljenih u zbirci: *Pripovijesti* (1917). Među Leskovarovim novelama fantastično-romantičarskoga (mističnoga) ugodaja ističu se: *Misao na vječnost*, 1891. i *Poslije nesreće*.

⁴ *Orgijastički projekt* (Milanja): iznimno, originalno, eksperimentalno, osporavateljsko, ... - anticipacija avangarde, avangardnih stilova (ekspresionizma, futurizma, dadaizma, nadrealizma, ...).

⁵ Pedro Calderon de la Barca (1600.-1681.): *Život je san*.

Antun Gustav Matoš (1873.-1914.): svestran pisac; kritičar, pjesnik i prozaist, jedan od najznačajnijih predstavnika hrvatske moderne. Svoje književno stvaralaštvo započinje upravo kratkim narativnim prozama, ne imenujući ih, poradi svijesti o njihovoj hibridnosti, novelama, već pričama, *injem*, crticama, sličicama, ... No, uzevši u obzir predloženi model ovog rada, govori se o novelama, kratkim pričama i crticama. Matoševa novelistika ostvaruje se na ideji esteticizma i kulta ljepote te slijedi ideju *impresionističko-simbolističke poetike*. Naglašena defabularizacija, miješanje lirskog i epskog (*poetizacija diskurza*), naglašena stiliziranost izraza, istraživanje podsvjesnih razina psihe likova, metaforičnost, simboličnost, grotesknost, ironičnost te, na sadržajnoj razini, bizarnost, izuzetnost (nesvakidašnjost), tajnovitost i mističnost (po uzoru na Poe-a i Maupassanta) - osnovne su karakteristike njegova novelističkog izraza. (zbirke: *Iverje*, 1899., *Novo iverje*, 1900., *Umorne priče*, 1909.; među antologijske fantastične novele ubrajaju se: *Moć savjesti* (1892), *U čudnim gostima* (1898), *Miš* (1899), *Camao* (1900), *Samotna noć* (1900), *On* (1903), *Ubio!* (1904), *Osveta ogledala* (1907). Ove novele i kratke priče karakterizira nekonvencionalan protok fabule, intenzivno ispreplitanje podsvjesnog, realnog i fantastičnog te nevjerojatni završeci.

Vladimir Nazor (1876.-1949.), slično kao i Begović, pisac duga vijeka i velika opusa koji je najduže ostao vjeran *esteticističkoj poetici* (*spiritualno-metafizička* i *impresionističko-simbolistička* koncepcija), kojoj je, kao književnik nacionalnog i zavičajnog predznaka, pridruživao i *nacionalno-prosvjetiteljsku praksu* (funkciju), s *mitsko-herojskom* i *nacionalno-povijesnom* motivikom (bajkovitost, fantastičnost, alegoričnost, simbolističnost, poetičnost...) počesto izmiješanom sa socijalnim senzibilitetom i zavičajnošću. Unutar bogata i raznovrsnoga pripovjedačkoga opusa, fantastikom se izrazito ističu svije bajkovite (mitsko-legendarno-folklorno-zavičajne) zbirke: *Istarske priče* (1913) i *Stoimena* (1916) te novele i bajke: *Veli Jože* (1908), *Boškarina* (1910), *Divičin grad* (1910), *Albus Kralj* (1917), *Halugica* (1913), *Djevica Placida* (1913), *Šuma bez slavuja* (1913), *Anđeo u zvoniku*, (1927)...

Ulderiko Donadini (1894.-1923.) prozaik i dramatičar, poetski blizak Kamovu (avangardan), koji u svojim prozama nabijenima ironijom i groteskom te bizarnim motivima i likovima čudaka (čudačke novele) beskompromisno kritizira i razgolićuje naličja i moralni rasap malograđanštine. (zbirka: *Lude priče*, 1915.), novele Đavo gospodina Andrije Petrovića, *Dunja*, ...)

Poseban slučaj predstavlja Janko Polić Kamov (1886.-1910.), iako primarno radikalni avangardist pretežito naturalističke pripovjedne prakse sa snažnim uplivima psihološkog, iz nekih od njegovih *lakrdija* (osobito novela

Katastrofa i Sloboda) moguće je iščitavati elemente tzv. *groteskne fantastike* ili *ostvarene metafore*.

Među ostale autore koji su za moderne pisali i fantastične proze valja ubrojiti ponajprije Ivanu Brlić Mažuranić (*Priče iz davnine*, 1916., ...), a potom i Branimira Livadića (*Legenda o Amisu i Amilu*, 1913.), te Frana Galovića (*Začarano ogledalo*, 1913.; *Ispovijedi* 1914. – mješavina spiritizma i *magijskog realizma* te avangardističke prakse).

Kako je već od ranije uobičajeno, ove kratke proze većinom su pojedinačno tiskane u onovremenim časopisima, poput: ranijeg *Vijenca*, glavnog časopisa za moderne - *Savremenika*, pa *Hrvatske misli*, *Zvona*, *Juga*, *Nade*, ..., a tek potom kao knjige.

Moderni objektivizam i kasni modernizam

Slijedeći totalitarizmi i ratovi, pa i razvoj različitih umjetničkih *izama* i koncepcija (*avangardnih stilova*), sve je to utjecalo na daljnji razvoj i mijene novele.

Dvadesete, tridesete i četrdesete godine prošlog stoljeća (tzv. *međuratna književnost* - Frangeš; *književnost prve polovine XX. stoljeća* - Šicel) iznjedrile su tako cijeli niz vrsnih novelista i ostvarenja koja svojim estetskim i umjetničkim dometima pripadaju samom vrhu svjetske produkcije ove književne vrste. Dovoljno je spomenuti imena poput: Miroslava Krleže, Augusta Cesarca, Ive Andrića, Slavka Kolara, Dinka Šimunovića (još za *moderne*), ... Pri razmatranju slijedeća tri desetljeća, svakako treba naglasiti kako je riječ o stilski vrlo heterogenim razdobljima, unutar kojih paralelno supostoje različite literarne matrice (tendencije i izričaji): neke kao dominantne, a neke su prisutne kraće ili u manjoj mjeri.

U dvadesetima će prevladavati avangardne, uglavnom ekspresionističke prakse, a ako se pojam avangarde shvati benevolentnije, u smislu istraživanja jezičnih mogućnosti i eksperimentiranja novim književnim postupcima te u idejnom smislu podržavanja nekog od onovremenih društvenih projekata, može se reći kako su avangardne tendencije, u manjoj mjeri, prisutne i kroz slijedeća dva desetljeća.

Svakako valja napomenuti kako se, neovisno o dominantnim modelima književnih praksi, nastavlja već potvrđena tradicija pisanja *kratke fantastične proze*. To začudo vrijedi za većinu pripovjedača (za neke u većoj, a neke u manjoj mjeri), koji se, u okvirima esteticističke prakse, pomalo ekskluzivistički i u sjeni od glavnine vlastitih opusa i prevladavajućih praksi, okušavaju i u fantastičnoj

prozi. Nakon moderne, u dvadesetima takvu praksu nastavljaju autori poput: Miroslava Krležę (*Kako je doktor Gregor prvi put u životu susreo nečastivoga, Hodorlahomor Veliki ili kako je Pero Orlić prebolio Pariz* – posvećena Kamovu...), Augusta Cesarca (*San doktora Lupusa*), Slavka Batušića (zbirka *Čuda i čarolije*, 1931.; novele: *Pred kineskim ratnim sudom, Zbilo se čudo u gradu, ...*), Iva Andrića (*Jelena, žena koje nema, Aska i vuk, ...*), ...; a kasnije, u tridesetima, četrdesetima i pedesetima: Đure Sudete (pripovijest *Mor*, 1930.), Vjekoslava Kaleba (*Gost*), Vladana Desnice (*Fratar sa zelenom bradom, Delta*), Jure Kaštelana (zbirka poetskih proza *Čudo i smrt*, 1961.), Ranka Marinkovića (*Proze, Benito Floda von Reltih*), Petra Šegedina (*Mrtvo more*), Krste Špoljara (*Paramnezija*), Antuna Šoljana (*Brod u boci*), ...

Kao izrazitije fantastičare valja izdvojiti:

Nikolu Šopa (1904. – 1982.) sa zbirka: *Tajanstvena prela* (1943), *Svete žene i svanuće u mom bunaru* (posmrtno, ur. B. Donat, 1997.); novele *Priča o tome kako je moj gradić potonuo, Mrtvi grad kraljeva, Najčudnija posjeta, Legenda o tišini noći, Nina, Oh, Zapis o satu, Kobna budilica, Nijemi čovjek s ključem, ...* Iako prvenstveno pjesnik, Šop je i u svoje novele i lirske proze unosio slična poetička obilježja karakteristična za fantastično: metafizičnost, onostranost, religioznost, propitivanje kategorije vremena.

Ivana Raosa (1921.-1987.): koji u pripovijedanju nasljeđuje tradicionalnu (*ruralističku, rustikalnu, zavičajnu, regionalnu* - realističku) matricu hrvatskog proznog pisma blisku usmenoj tradiciji (*kazivanja*) sa *spontanim pripovjedačem* (Lederer, 1998) tematski i motivski određenu autorovim zavičajnim prostorom - *Imotskom krajinom*, ali i tradiciju hrvatske fantastične proze. Uz zavičajnost socijalno-psihološkog određenja, bitne odrednice njegovih novela predstavljaju i naglašena autobiografičnost, sklonost pučkom humornom izrazu nerijetko transponirana do razina univerzalnosti te, u dijelu opusa, fantastičnost i erotičnost. Unutar Raosova novelističkoga opusa fantastikom se odlikuje zbirka: *Guadamada i druge neobične priče* (1956) te novele: *Guadamada, Strah od smrti, Lagabaettarevo oko, Partija preferansa, Vječni rašomon, Kraljevstvo riba i ptica, Gospodine, dobro nam je ovdje, ...*

Novelistika Nedjeljka Fabria (1937.-2018.): uklapa se u tendencije (trendove) druge polovine 60-ih i 70-ih godina. Premda ne pripada grupi (naraštaju) hrvatskih fantastičara *ni generacijski ni deklarativno* (Prosperov Novak, 2004: 276), poetičke sličnosti, istosti i zajednička lektira (Kafka, Bulgakov, Borges, Márques, Calvino, ...) su svakako zamjetne: prividni odmak od društvene zbilje prema fantastici (neobične fabule i likovi čudaka), poigravanje povijesnim, kulturološkim i literarnim okvirima, profinjeni maniristički izraz (ironičan, groteskni, učen) i sklonost jezičnom eksperimentu, alegoričnost te dvostruka

kodiranost kao opća odlika postmodernističke prakse. U tri zbirke / knjige novela pronalazi se mnoštvo fantastičnoga: *Partite za prozu* (1966), *Labilni položaj* (1969), *Lavlja usta* (1978); antologijske novele: *Zaraza*, *Frottola o Dubrovniku*, *Nagrada*, *Pismo krvnika iz St-Gilles-du-Garda*, *Paklenski dominikanac*, *Cavalleria rusticana*, *Prilaz izazovu*, *Čudnovata smrt i život Hortenzija našeg*, *crvuljka božjeg*, *Posljednja večera*, *Minuten-novelle*, *Grigon i kasni noćni gost*, *Kukavica*, *Brada*, ...

Postmodernizam

Naraštaj fantastičara

Prijelaz 60-ih u 70-te ujedno predstavlja i evidentan prijelaz s *modernističke*, tj. *kasnomodernističke paradigme* na *postmodernističku*, ne samo unutar književnog, odnosno umjetničkog sistema, već u najširem smislu kulture i društva - prelazak s principa razuma, individualnosti i originalnosti na omasovljavanje i tržišnu orijentaciju. Nakon 50-ih i egzistencijalno i društveno zabrinutih *krugovaša* te *razlogaških* 60-ih s alegorijskim ključevima, prozom u trapericama, strukturalističkim tekstualnim samoosvješćivanjima i umjetnošću kao utjehom, 70-te će se, umorne i zasićene od propitivanja i kritiziranja socijalističko-komunističke društvene stvarnosti, snažno usmjeriti prema istraživanju kulturološkog fenomena postmodernizma; redefiniciji umjetničkog sistema kao i pojma *zbilje*, što će tijekom slijedeća dva desetljeća rezultirati nizom samosvojnih autopoetika i konačno nesputanošću umjetničkog izraza.

Na scenu stupaju tzv. *fantastičari* (*hrvatski borgesovci*) (Donat, 1972; 101-119), *autori mlade / nove proze* - grupa mlađih autora (rođenih nakon rata: Pavao Pavličić, Stjepan Čuić, Goran Tribuson, Dubravko Jelačić Bužimski, Veljko Barbieri, Dubravka Ugrešić, Vesna Biga, Stjepan Tomaš, Željko Zorica, Nenad Šepić, Drago Kekanović, Albert Goldstein, Saša Meršinjak, Irfan Horozović ...), ali i autori poput Pere Kvesića koji nastavljaju tzv. *stvarnosni prosede* (V. Visković) - dalje razrađuju tip proze u trapericama (tip urbane proze). *Fantastički model* (Milanja), primarno je novelistički i nastaje, s jedne strane kao sklop različitih *sociokulturnih činjenica* (Donat, 1972; 101-119), a s druge, kako ističe Milanja iz *immanentnih književnih razloga*. Temeljne karakteristike ovog modela proizlaze iz potrebe za bijegom od zbilje (*eskapizam* - B. Donat, *evazivnost*⁶

⁶ *evazija* (lat. *evadere* - izaći, umaknuti): uzmicanje, izmotavanje, izbjegavanje, povlačenje, dvosmislenost, neodređenost, ... - prema: (Klaić, 1990: 401)

- A. Flaker), odnosno odustanka od zbilje - njenog opisivanja, kritiziranja i šifriranja (premda zbilja neće do kraja iščeznuti) te ironiziranja, a očituju se kroz prakticiranje niza *nemimetičkih, neomanirističkih* (postmodernističkih) strategija i postupaka poput intertekstualnosti, metatekstualnosti, intermedijalnosti, citatnosti / pseudocitatnosti, parodiranja, ... Naravno, posve je evidentan i dominantni utjecaj borgesovskog modela proze tzv. *magičnog realizma*⁷ i borgesove koncepcije *svijeta kao labirinta*. No, osim Borgesa, kao izrazito utjecajnog autora i u evropskim okvirima i Calvina - preko kojega hrvatski fantastičari i upoznaju Borgesa (Milanja), na hrvatske fantastičare utjecala je i moderna evropska (avangardna) književna tradicija i autori poput Orwella, Kafke, Šulca, Bulgakova sa svojim referencama na političku zbilju i mehanizme totalitarnih vlasti. Tako će različiti kritičari kod nekih od ovih pisaca iščitavati elemente *orvelovske fantastike*, kod nekih *kafkijanske*, a kod većine *borgesovske*.

Na tehničkoj, izražajnoj razini novele model se očituje kroz naglasak na *događaju* umjesto na *liku*, redukciji života lika na *dva-tri prizora*, odricanju od psihologizacije, razbijenom ili naglo razriješenom kontinuitetu, destruiranoj kazualnosti, paralelizmu zbilje i fikcije, igri s poviješću, esejizaciji diskurza, nizanju slika i isticanju naoko ekscentričnih besmislica - naglasak na sugestivnosti teksta, manirističnosti, citatnosti, katalogičnosti, paradoksalnosti, oksimoroničnosti, groteski (*neobarokizam, estetika pretjerana efekta* - Milanja), metaliterarnosti, dvostrukoj kodiranosti, ... Osim toga, prebacivanjem *težišta* s lika na *događaj*, ovaj se tip novele, nakon iscrpljujućih modernističkih inzistiranja na liku i njegovim psihičkim stanjima, zamjetno vraća priči i fabuliranju, odnosno akciji.

Na semantičkoj razini radi se o odricanju od *označenog* u korist, barthesovski rečeno, *slobodne igre označitelja* (dvostrukog koda) koji razlučuje *svijet djela* (istraživanje *tekstualističkih strategija i tehnologija*) i *svijet zbilje / moguće zbilje*. Osim toga, ovaj tip školovanog i intelektualističkog diskurza, koji je poradi svoje dvostruke kodiranosti sofisticiran, a ujedno i lako čitljiv i zanimljiv, uspostavlja i posve novi odnos prema svome autoru razvlašćujući

⁷ *Magični realizam* (esp. *realismo magico, lo real maravilloso* - „čudesno stvarno“): književno-teorijski termin koji se odnosi na hispanoameričku kulturu i ukazuje na njen sintetički španjolsko-indijanski karakter i pripadajući specifičan odnos prema zbilji koja se ne određuje u nama poznatom aristotelovskom smislu neposrednog logičkog iskustva, već dobrim dijelom i kroz maštu i fantaziju. U ovoj koncepciji pojedinac stvara predodžbu zbilje na temelju individualne mentalne percepcije svijeta. Stoga je karakteristika hispanoameričke proze upravo takav ambivalentan, dihotomni (*realno - imaginarno*) odnos prema zbiljskom. Teorija će ustvrditi kako je *realismo magico* sinteza mimetizma, romantizma, ekspresionizma i nadrealizma; a temeljni postupak jest da se *putem sna zarazi stvarnost* (ideja pisanja kao intelektualnog i istovremeno obogatvorujućega čina). - prema: (Milanja, 1996: 72)

ga i rasterećujući romantičarskog naslijeda - nacionalnog prvaka te moralnog i idejnog predvodnika stada (usp. Barthesov esej *Smrt autora*, 1968.) i pridjeljujući mu ulogu pukog *skriptora / preskriptora*. Sukladno takvoj orijentaciji, sada ne više djelo (*opera*), već književni proizvod ističe u prvi plan, nasuprot moralnom, etičkom, poučnom i društveno-analitičkom, *estetsku* funkciju s kodovima *lijepo / ružno, zanimljivo / dosadno te izražajnu i apelativnu* funkciju.

Ova se novelistika igra i različitim elementima trivijalnih žanrova, poput detekcijskog, kriminalističkog, pustolovnog, gotskog, ljubavnog, erotsko-pornografskog, autobiografskog te ih kao dodatne referencijske okvire (logiku žanra) upisuje u vlastitu fantastičnu strukturu (miješanje konvencija visokoestetiziranih i trivijalnih kodova). Te će težnje s prevlašću postmodernističke svijesti, kod autora poput Pavličića, Tribusona, Ugrešićke, Bige, ..., početkom 80-ih godina prerasti u projekt tzv. žanrovske proze, odnosno žanrovskog romana (*kriminalističkog, detektivskog, pustolovnog, ljubavnog, autobiografskog, novopovijesnog*).

Novi naraštaj pisaca svoju novelističku produkciju prvotno objavljuje uglavnom na stranicama onovremenog popularnog omladinskog tiska (*Omladinski tjednik, Studentski list, Tlo, kultni Polet, Vidik, ...*), a potom i kao zbirke.

Iskaz da *70-ih na hrvatsku književnu scenu stupaju fantastičari* treba prihvatiti djelomično i kao frazu. Naime, kao i dobar dio prethodnih razdoblja i 70-te su obilježene kontinuitetom i novostima te pluralnošću i simultanošću modela književnih praksi. U tom smislu fantastičari doista označavaju novost koja se očituje u prijelazu na postmodernističku paradigmu, a time i znatnijem približavanju hrvatske novelistike evropskim trendovima, no jednako je evidentno da oni u to vrijeme ne predstavljaju dominantnu, već prilično rubnu književnu pojavu, iz koje će se narednih godina izdvojiti nekoliko značajnih opusa.

Među najznačajnije *fantastičare* spadaju:

Stjepan Čuić (1945.): novelist, romanopisac i publicist; jedan od onih „fantastičara“ kod kojih kritički odnos prema zbilji nije nestao (u svakodnevnom otkriva fantastično), autor koji svoje novele ispisuje u tradiciji Orwella, Kafke i Bulgakova prikazujući svijet totalitarnog sistema i u njemu zarobljena, prestrašena i obespravljena pojedinca, lišena svake intimnosti ili naznake slobode do granice apsurdna. Iako jasno kontekstualiziraju svijet jugoslavenskog socijalizma, Čuić svoje novele piše kao (angažirane nadnaravne) bajke - izvan konkretnog prostora i vremena: ambijentalizirajući funkcionalne, minimalistički ogoljele prostore - crno-bijelom tehnikom stripa i dokidajući dojam protoka vremena - ograničujući ga samo na vrijeme priče. Likovi, o kojima se saznaje samo najnužnije, lišeni su svojega socijalnog okvira i svedeni na funkcije pa u kontekstu tako uopćena

(apstrahirana) vremena i prostora zadobivaju simbolička i groteskna obilježja. U ponekim Čuićevim pričama naglašena politička aluzivnost priskrbila mu je tijekom 80-ih i status proskribiranog, disidentskog pisca. Pod fantastiku se ubrajaju dvije ranije Čuićeve zbirke novela: *Staljinova slika i druge priče* (1971) te *Tridesetogodišnje priče* (1979); antologijske novele: *Staljinova slika, Sat, Križevi, Leova kuća, Djeca Ambrozija Ančića, Duvanjski WC-i, Pisma jeleni, Jelenine želje, Jelenino tijelo, Djetelina sa četiri lista, Kuća od maraka, Trgovac i nova vlast, Država, Kruh, Učitelji, Potraga, Vodenica, Zajednički spomenik, Povratak, ...*

Goran Tribuson (1948.): novelist, romanopisac, scenarist i predavač. Njegove fantastične metatekstualne novele ponajčešće su smještene u srednjoevropski sociokulturni prostor te bivaju očiđene motivima okultnog, mističnog, magijskog pa i sotonističkog te izvedene kao groteskne priče napučene bizarnim i fantastičnim bićima i pojavama što ravnopravno participiraju u posve realnom i konkretnom svijetu. Kao veliki erudit i osviješteni postmodernist autor u svoje novelističke tekstove upisuje niz citata, parafraza i referenci na druga djela, autore i likove. Stoga su njihova značenja arbitrarna, a u sižejnomo smislu riječ je hibridima s elementima krimića, horora, erotike, ... Tribuson je i vrlo produktivan te jedan od naših najčitanijih autora. Njegove zbirke / knjige fantastičnih novela su: *Zavjera kartografa* (1972), *Praška smrt* (1975), *Raj za pse* (1978), *Spavaća kola* (1983), *Zvijezda kabarea* (1998), *Osmi okular* (1998., izabrane priče), *Noćne priče* (2010). Neke od antologijskih novela su: *Kitajski carski vrt Jona Tadeusza*⁸, *Novinska smrt Ladislava Hanaka, Bečke gljive, Priča o obiteljskoj mržnji, firentinskom stiletu i raju za pse, Kapetan i Nečastivi, Amadejeve kosti, Praška smrt, Carstvo kušnjaka, Ironična povijest Armanda Štajnera, Dan široke ruke, Težak život, Compagnie Internationale des Waggon-lits, Osmi okular, Dlakavo srce, Meteorska pojava Amadeja Wolfa, Židovski vlak, Grobari, Davo u Zagrebu, Posljednja velika ljubav Florijana Valčića, Šišmiš, Život je ipak lijep, ...*

Pavao Pavličić (1946.): novelist, romanopisac, feljtonist, esejist, prevodilac, sveučilišni profesor književnosti i autor više značajnih književnoznanstvenih studija; svoj opsežni fikcionalni i nefikcionalni opus započinje upravo fantastičnom novelistikom, osobito u prvim dvjema zbirkama, no već u trećoj (i romanima koji će uslijediti) do izražaja dolazi i autorova sklonost kriminalističkoj priči / žanru, a zatim i autobiografskom te dokumentarističko-

⁸ Svoju intermedijalnost i metaliterarnost Tribuson eksplicira u isječku ove priče: (...) i sam počeh vjerovati da nam umjetnost kradе stvarnost, da otkida njene bespovratne komadiće, krhke atome od kojih je sazdana, ostavljajući nam prazninu, privide, optičke varke... Svijet nestaje u slici, nestaje u riječi, nestaje u glazbi... To je bila ta nejasna i tjeskobna prijetnja Ništavila. (Tribuson, 1972: 49-50)

feljtonističkom. Kao vrstan književni i književnoteorijski znalac Pavličić se upušta u ispitivanje cijelog postmodernističkog strategijskog repertoara pa je i njegova novelistika, osim *dvostrukom kodiranošću*, *metaliterarnošću* i *autopojetičkom (samoproizvodnom) svijesću - metafikcija*, karakterizirana i propitivanjem granica i sižejnih postupaka trivijalnih žanrova. Sižeje svojih novela (proza) gradi na jednostavnim fabulama koje redovito počivaju na nekoj fantastičnoj pretpostavci (često i na referencama iz književne tradicije), a razvijaju se i razrješavaju kao *krimi* odnosno priče *detekcije* - dakle recepcijski približene i široj čitalačkoj publici. Takve iracionalne začuđujuće događaje autor smješta u realne, prepoznatljive prostore najčešće Zagreba ili rodnog Vukovara. Kao i Tribuson, i Pavličić gradi dezideologizirani diskurz rasterećen društveno-analitičke funkcionalnosti i oslonjen na književnost samu. Sljedeće zbirke / knjige novela / kratkih proza obilježene su fantastikom: *Lađa od vode* (1972), *Vilinski vatrogasci* (1975), *Dobri duh Zagreba* (1976), *Otrovni papir* (2001), *Tko je to učinio?* (sabrane kriminalističke priče, 2006), ...; antologijske novele: *Dar govora*, *Lađa od vode*, *Guja u njedrima*, *Dobri duh Zagreba*⁹, *Povratak u Hannibal*, *Vilinski vatrogasci*, *Smrt estradnog umjetnika*, *Čovjek od slame*, *Utrka života*, *Živa meta*, *Magda i trešnjevački fantom*, *Tramvajska priča*, *Pošteni nalaznik*, *Doživljaji jednog abonenta*, *Frizer za muške*, *Postolar i vrag*, *Smrt lijeve spojke*, *Dioskuri*, *Krasopis*, *Pismo što ga je Ivan Radak poslao iz Sjeverne Italije svome prijatelju u naš grad*, ...

Dubravko Jelačić Bužimski (1948.): novelist, romanopisac, feljtonist, esejist, dramatičar, scenarist i televizijski urednik dramskog programa; pored osnovnih obilježja fantastičkog modela s referencama na Matoša, Poe-a i Gogolja, u svojoj se novelistici iskazuje i kao nastavljatelj avangardnih tendencija (orgijastičkoga modela) na tragu Kamova, Donadinija, Kafke, destruirajući ostatke i literarnih i moralno-etičkih konvencija svijeta koji se, s polazištem u zbilji, čita kao fragmentiran, rastrojen i rastočen. U tim bizarnim *okrutnim pripovijetkama (...)* na granici *dopuštene političnosti* - kako ih karakterizira Prosperov Novak - *dominiraju nasilje i okrutnost* (Prosperov Novak, 2004: 119-120) te ironija i groteska, a nerijetko i cinizam. Takve poetičke značajke, i u kontekstu multimedijske pop i sub kulturne scene 70-ih - osobito anarhoidnih nastupa *punk-a* i *New Wave-a* (*The Stooges*, *Sex Pistols*, *Joy Division*, *Bauhaus*, ...) mogu se označiti *postavangardnima*. Zbirke / knjige novela s elementima fantastike: *Okus mesa* (1972), *Surove kazališne priče* (1975), *Nezaboravne priče iz kavane Corso* (2015); antologijske novele: *Sirov okus mesa*, *Čovjek koji je volio*

⁹ Prema toj je priči Zoran Tadić snimio film *Ritam zločina* (1981.), s Ivicom Vidovićem, Fabijanom Šovagovićem i Božidarkom Frajt u glavnim ulogama.

Zagreb, Tohu i Bohu, Neobična dimenzija jedne priče, Slika koja nestaje, Ah, to si ti, Književna večer s večerom, Krivotvoritelji kazališnih ulaznica, Erotska vrpca profesora Krapića, Plava krvna zrnca, Arbitar elegancije, Pljuvanje Isusa ljeta gospodnjega 1999., Novogodišnja noć gospodina Maksimilijana, ...

Dubravka Ugrešić (1949.): pjesnikinja, novelistica i romanopisac, esejistica, prevoditeljica i znanstvenica; autorica izrazite postmodernističke svijesti i prakse koja u svojim žanrovskim pastišima dekonstruira i parodira paradigme tradicionalnih literarnih obrazaca, literarne teme, autore i likove. Primjerice priča *Tko sam?* za predložak ima Carrollovu *Alisu u zemlji čudesa*; *Hrenovka u vrućem pecivu* Gogoljev *Nos*; *Kreutzerova sonata* referira se na Tolstoja; *Slučaj Harms* na Danila Harmsa¹⁰; ... Takav dekonstrukcijski intertekstualni i metatekstualni fantastički parodijski odnos ironizira dakle i formu i sadržaj te je usmjeren uopće propitivanju odnosa umjetnost / zbilja, kanonsko / trivijalno, zanimljivo (popularno) / dosadno. Za ovu autoricu bitnim se nadaje i njena pripadnost tzv. ženskom pismu, tj. dominantna pozicija ženskog subjekta, a često i fokalizatora s naglaskom na autobiografskom, memoarističko-dnevničkom, psihoanalitičkom i samospoznajnom. Početkom 90-ih priskrbljuje si Ugrešićka status disidentice i emigrantice te se u sljedećem periodu znatnije posvećuje pitanjima identiteta i egzila. Zbirke / knjige novela s elementima fantastičnog: *Poza za prozu* (1978), *Život je bajka* (1983), *Pljuska u ruci : antologija alternativne ruske proze* (ur., 1989), ...; antologijske priče: *Love Story*, *Jutarnja potraga za smislom*, *Hrenovka u vrućem pecivu*, *Tko sam?*, *Goga i ja svako jutro pijemo kavu*, *Goga i ja u Puškinovom muzeju*, *Život je bajka*, *Slučaj Harms*, *Kreutzerova sonata*, *Posudi mi svoga lika*, ...

Među fantastičarima 70-ih svakako još valja spomenuti sljedeća imena:

Veljko Barbieri (1950.): novelist, romanopisac i dramatičar; fantastičar čije proze afirmiraju *mediteransku kulturu*, *antičku mitologiju* i *hedonizam*; zbirke / knjige novela / kratkih proza: *Novčić Gordiana Pia* (1975), *Priče iz vinoteke Bornstein* (bajke, 2002), *134 male priče o hrani* (bajke i pripovijetke, 2003); *100 mitova o hrani*, (eseji, mitovi i bajke, 2008); ...

Stjepan Tomaš (1947.): novelist, romanopisac i dramatičar; počeo kao fantastičar, no pretežiti dio kasnijeg pripovjednog opusa ipak se temelji na mimetizmu te novopovijesnoj metafikciji slavonske provincijalne svakodnevice, njene povijesti i društveno-političke zbilje. Često se koristi i autobiografskim elementima, a piše i za djecu. Zbirke / knjige novela s elementima fantastike:

¹⁰ Danil Harms (1904. – 1942.): najpoznatiji predstavnik ruske avangardne (pretežito futurističke) skupine *Oberjuta - OBERIU* (рус. *Объединение реального искусства* - «Objedinjenje realnogo iskusstva»). Ostali predstavnici skupine: Nikolaj Zabolockij, Aleksandr Vvedenskij, Igor Bahterev Konstantin Vaginov, Boris Levin, ...

Sveti bunar (1972), *Tko kuca otvorit će mu se* (1975), *Smrtna ura* (1983), *Anđeli na vrhu igle* (1993), *Dvije priče* (1999), ...

Željko Zorica (1957.): konceptualni i multimedijски umjetnik (prozaik, dramatičar, scenograf, lutkar, filmski redatelj i snimatelj, crtač stripova i autor slikovnica, dizajner, ...); najpoznatiji po nekoliko knjiga (zbirki priča) iz ciklusa *Fantastični bestijarij Europe: Usnuli čuvari grada Zagreba ili fantastični bestijarij* (1996), *Fantastični bestijarij Roskildea* (1998) te *Fantastični bestijarij Hrvatske* (2000), a koje polaze od mitskih i legendarnih priča. Karakteristične su i po tome što lik iz prve knjige, istraživač dr. Hans Christian Zabludovsky, postaje koautor slijedećih knjiga, a autor, njegov biograf.

Nenad Šepić (1943.): novelist, romanopisac i sudac; jedan od prvih predstavnika *nove proze*, javlja novelama koje je objavljivao u *Kolu*, *Forumu*, *Vidicima*, *Dometima*, ... Blizak je egzistencijalnom tipu iskaza te zaokupljen *eksperimentalnim egzistencijama* (Donat). Šepićeve novele pripovijedaju o čudesnom, neobjašnjivom ili neizrecivom u obrnutom svijetu (često samo u svijesti) u kojem su i prostor i vrijeme reducirani, ili samo rudiment zbiljskog. Zbirke novela: *Granice beskraja* (1969), *Majstori sreće* (1972), *S mora i kraja* (1993.), zbirka pripovijesti iz pomorskog života koje su objavljivane tijekom dvadesetak godina u *Vjesniku*.

Drago Kekanović (1947): pjesnik, novelist, romanopisac, dramatičar; jedan od istaknutijih suvremenih hrvatskih književnika srpske nacionalnosti. U prozama postmodernističkim pripovjednim tehnikama tematizira slavonski zavičaj i manjinsku problematiku ljudi toga prostora. Zbirke novela / priča su mu: *Mehanika noći, spisi* (1971), *Večera na verandi* (1975), *Ledena šuma i druge kratke priče* (1975), ...

Albert Goldstein (1943.-2007.): književnik, urednik, izdavač i prevoditelj. Napisao knjigu novela: *Pamfilos ili pripovijesti dokonjaka* (Kolo, Zagreb, 1971.).

Saša Meršinjak (1949.-2008.): pjesnik, prozaist, esejist, kritičar, urednik omladinskih / studentskih glasila (*Polet*, *Studentski list*) te voditelj kulture zagrebačke tribine *Jutro poezije*. Napisao slijedeće zbirke pripovijedaka: *Akrobat* (1974) i *Lude gljive* (1998). Kao sljedbenik fantastike, uzore za svoje priče, koje tematiziraju sputavajući odnos pojedinca i totalitarizma, pronalazio je u piscima poput Kafke i Šulca.

Irfan Horozović (1947.) bošnjački i hrvatski književnik; zbirke fantastičnih novela: *Talhe ili Šedrvanski vrt* (1972), *Salon gluhošnjemih krojačica* (1979), *Karta vremena* (1983).

Ima još dosta autora koji su fantastičnu kratku prozu počeli pisati tijekom 70-ih i 80-ih: Vesna Biga, *Oprezne bajke* (1981) *Slike iz novog sjećanja* (1987), *Dušin vrt* (1995), *Čovjek koji je čeznuo čudo* (1998); Nikola Đuretić, *Vragolovi*

(1973); Drago Kekanović, *Mehanika noći* (1971); Tomislav Milohanić, *Deštini i znamenja* (1993); Irena Lukšić, *Sedam priča ili jedan život* (1986), *Noći u bijelom satenu* (1995), *Sjajna zvijezda Rovinja* (2001), *Krvavi mjesec nad Pompejima* (2002); Nenad Šepić, *Granice beskraj*a (1969) i *Majstori sreće* (1972); Josip Cvenić, *Pričanja Heraklitovog kušača i druga pričanja* (1982); ... te ih većina, u većoj ili manjoj mjeri još piše. Neki od opusa su relevantniji, neki neznatniji, većinom postmodernističkog određenja, no svakako doprinose velikom zamahu i popularnosti hrvatske novelistike pa i fantastike tijekom 70-ih, 80-ih i 90-ih godina 20. st.

Naraštaj Quorumaša

Upravo su fantastičari ti koji će u hrvatskoj novelistici i prozi uopće otvoriti široke prostore stilskog pluralizma i autopoetika, dekonstrukcija kanoniziranih formi, žanrovske proze, trivijalizacije, ženskog pisma, ... što će polovinom 80-ih novi naraštaj, tzv. *quorumaši*¹¹, kod kojih će isto biti zamjetni elementi fantastičkog modela, znati obilato iskoristiti i izvesti postmodernu novelističku produkciju do krajnjih konservenci. Dakle, u 80-ima će novelistiku pisati: 1. negdašnji fantastičari (Tribuson, Pavličić, Biga, Ugrešić, ...), 2. quorumaši (tzv. *projekt Quorum*: Edo Budiša, Stanislav Habjan, Edo Popović, Dragan Ogurlić, Edi Jurković, Carmen Klein, Delimir Rešicki, Ljiljana Domić, Vjekoslav Boban, Nikola Petković, Boris Gregorić, Predrag Vrabec, Velibor Čolić, Borivoj Radaković, Mladen Kožul, Krešimir Mićanović, Željko Kipke, Borislav Vujčić, Žarko Milenić, Zdenko Bužek, Emilija Kovač, Zoran Masović, Mate Bašić, ...; i još neki koji su prvenstveno pjesnici, no imaju i kratkih proza

¹¹ *Naraštaj quorumaša*: autori (uglavnom pjesnici i prozaici) rođeni između 1954. i 1968. koji svoje književne uratke objavljuju u časopisu *Quorum*, koji je pokrenut 1985. te u *Biblioteci Quorum*, pokrenutoj godinu ranije. Konceptija Quoruma je osim praćenja recentne književne proizvodnje uključivala multimedijalnost (praćenje stripa, glazbe, videa, filma, kazališta, slikarstva, ...) i suvremene književnoteorijske tekstove, kritičke pristupe te prevođenje suvremenih stranih autora. Gotovo istu koncepciju časopis će zadržati do danas. Prvi urednik Quoruma, Branko Čegec o quorumašima i uredništvu će reći slijedeće: *Raspon njihovih interesa na različitim umjetničkim područjima kretao se, ako sve skupa malo pojednostavimo, od recimo umjetničkih avangardi šezdesetih godina, američke beat-generacije, pojačanog zanimanja za žanrove, reaktualiziranja ludičkolingvističkih tendencija u hrvatskoj književnosti (Slamniga, Stošića, Severa, Bore Pavlovića, itd.), do postmodernih preoblikovanja naslijeđenih iskustava, američkih metafiktionalista, „non-generation“, ako ostanemo na prostoru književnosti. Jednako je i sa svim drugim umjetničkim područjima. Tu su podjednako i konceptualni umjetnici i retrotrendencije novih figurativaca, grafiti i NSK, Warhol i Beuys, Kiefer i Buren, Klein i Schnabell, tu je zatim glazba - od Berryja i Morrisona do Laurie Anderson i Waitsa, Laibacha, „tamnog zvuka“, - kazalište, film, strip, teorijski tekstovi od Adorna i Habermasa do Eca, Lyotarda, Kristeve, Barbare Johnson, Ihaba Hassana itd. - (Čegec, 1996: 11-26)*

npr. Branko Maleš, Sead Begović, Zorica Radaković, Simo Mraović, Miroslav Mićanović, ...) i 3. autori poput Milka Valenta, Irene Lukšić, Josipa Cvenića, Dražena Mazura, Davora Slamniga, ... koji će neovisno o *projektu Quorum* iskazivati poetičkih bliskosti te im generacijski pripadaju. Quorumaši će, za razliku od prethodnih „naraštaja“, kako zaključuje Helena Sablić Tomić u svojoj studiji o quorumašima, usprkos stilskom pluralizmu i autopoetikama, ipak imati zajednički *književni koncept* i cijeli niz poetičkih podudarnosti (Sablić, 1998: 35-45). Opće odlike toga modela mogu se svesti na; intertekstualnost i intermedijalnost; metatekstualnost i autoreferencijalnost; interdiskurzivnost, citatnost i kolažiranje; prezasićenost diskurza metastrukturama stila; razbijanje većih narativnih sekvenci (mikrofragmentacija); eksperimentiranje formalnim i žanrovskim strukturama te jezikom; parodiranje, trivijalizacija, detabuizacija i nemimetičnost; inzistiranje na autopoetikama; dok se na razini fantastičnog mogu iščitati sljedeće osobine: tretiranje odnosa zbilja / fikcija fragmentacijom, ironizacijom te fikcionalizacijom; simultanost, rastočenost, ponovljivost, *ustajalost vremena* te uspostavljanje komunikacijskih modela koji od recipijenta zahtijevaju domišljanje i konstruiranje vlastite slike čitanoga. Žanrovska slika quorumaške produkcije najvećim se dijelom formira (klasificirajući kvantitativno) oko *vrlo kratke priče (short-short story)* kratke priče (*short story*), a u nešto manjoj mjeri oko *novela*.

Među autore koji će pisati fantastične kratke proze bazirane na intertekstualnosti, metatekstualnosti, konceptualizmu te odjecima popularne kulture može se ubrojiti sljedeća imena ovoga naraštaja:

Davor Slamnig (1956.): novelist, romanopisac, dramatičar, rock-glazbenik (gitarist), kompozitor, ... Ako se uzme vrijeme pojave njegovih prvih dviju, sada već legendarnih, zbirki kratke proze (1980. i 1983.), onda treba ustvrditi kako je D. Slamnig (sin I. Slamniga) zasigurno jedan od prvih autora koji anticipira prozni tip koji će formalnim nastupom *projetka Quorum* (1984./1985.) postati *trend*. Kao temeljne odrednice njegova proznog stila ističu se ludičnost (vjerojatno i biološki i literarno naslijeđena), urbana frajerska proza, otkačen i vrcakav humor i ironija usmjereni na ismijavanje malograđanskih stereotipa¹², fokusiranje slučajnih i minornih detalja svakodnevlja, grotesknost, preplitanje zbilje i paralelnih fikcionalnih svjetova, česta infantilna fokalizacija, iznenađujući, efektni i često bizarni svršetci, uvođenje intermedijalnih citatnih odnosa (npr. *strip, rock, film, novine*), autoreferencijalni komentari postupka proizvodnje

¹² Npr. u priči *Krumpirova rodbina* pripovjedač ironizira potrebu (društveni zahtjev) skidanja viška kilograma.

teksta¹³, miješanje i parodiranje žanrova i literarnih konvencija, dokidanje opreke *visoko / trivijalno*, ... Nakon dvadesetogodišnje proizvodne stanke pojavio se ponovo početkom tisućljeća. Zbirke / knjige novela: *Čudovište* (1980), *QWertz u opš.* (1983), ...; novele / priče s elementima fantastike: *Čudovište*, *Krumpirova rodbina*, *Kemijaska*, *Lada*, *Poriv*, *Princ*, *Zorba!*, *Prvi čovjek*, *Afera Melijan*, *Smisao*, *Duga noć*, *Bogovi*, *Instinkt*, *Toroidni singularitet*, *Prpunda*, *Salamama*, *Botanička bajka*, *Pješčani kraljevi*, *Krumpirova rodbina*, ...

Ljiljana Domić (1952): novelistica, esejistica, likovna kritičarka, urednica, ...; autorica koja se istaknula novelističkom zbirkom *Šest smrti Veronike Grabar* (1984)., Poradi svojih okvirnih tema (*kronotopa smrti* (Nemec, 2003: 374) te metatekstualnosti - dekonstruiranje narativnih shema i prikazivanje vlastitog književnog postupka¹⁴) ta se knjiga može čitati i kao roman. Dvostruka kodiranost ovih novelističkih tekstova - *novohibridnih književnih inačica* (Stojević, 1984: 162) gradi se (konstruira) na: intertekstualnosti (citatnosti), metatekstualnosti (*tekst / podtekst*), autoreferencijalnosti, intermedijalnosti, jezičnom eksperimentu (miješanju lokalnog urbanog idioma, standarda i književno-znanstvenog diskurza) te fragmentaciji (kako na tekstnoj tako i na razini dekonstrukcije zbilje); ispreplitanju zbiljskog, mitskog (tip mitske priče u suvremenoj obradi) i fantastičnog. Domićka protagonistice / protagonisticu svojih novela provlači kroz tradiciju muško-ženskih odnosa koje onda dekonstruira, demitologizira, ironizira i fikcionalizira. Ona / sve one na kraju umiru. Kako po intenzivnoj postmodernističkoj autoreferencijalnosti pripovjednog diskurza, tako i po dekonstruiranju muško-ženskih odnosa, Ljiljana Domić bliska je literarnim nastojanjima Dubravke Ugrešić i ženskom pismu. Zbirka novela: *Šest smrti Veronike Grabar* (1984); novele: *Po Ifigeniju nitko nije došao*, *Bolska Venera prema Prosperu Merimeeu*, *Ahil i Penteseleja*, *Razlog za ubojstvo*, *Make up*, *Šest smrti Veronike Grabar ili uništavanje teksta*, ...

Edo Budiša (1958.-1984.): novelist i romanopisac; jedan od prerano preminulih pisaca (26 g.) ili, kako kaže Prosperov Novak, *leptira hrvatskog pisanja* (2004: 198). Njegove kratke proze (kratka priča, novela) odlikuju se fragmentariziranim i sažetim pripovjedinim diskurzom; sklonošću fantastičnom (san / java, vremensko-prostorna diskontinuiranost) i urbanom te pripovijedaju

¹³ Već naslov druge zbirke *QWertz u opš.* (slova prvoga reda tipkaće mašine / tastature) sugerira autoreferencijalnost.

¹⁴ Čitaocu sugeriram da se glavno žensko lice, imenuje Veronika, iz priče u priču transformira u četiri različita lika (Neki od njih pripadaju i mitskom vremenu i science fiction vremenu). Svaka priča govori o nemogućnosti, o represiji i u tom smislu o smrti. Nije dakle slučajno da ti ženski likovi kao simboli alternativnog, anarhoidnog ili etabliranog idu ka uništenju. Veronika tako pet puta umire. - (Domić, 1984: 153)

ponajviše o krhotinama vlastite iskustvenosti, banalnim sitnicama intimnog i svakodnevnog i socijalno rubnim, čudnim i grotesknim likovima. Pripovijedanje se gradi postupkom montaže intertekstualnih segmenata te različitih vremenskih sekvenci i prostornih koordinata (i zbilje i fikcije, *res facta / res ficta*). Budišine priče, lako čitljive, no ne i trivijalne, do danas predstavljaju uzor quorumaškog modela kratke proze. Zbirke novela / kratkih proza: *Lijepa priče* (1984), *Ponovo probuđeni čovjek : sabrana djela* (ur. Sandro Gobo, 1999.); novele / kratke priče: *Krv, Nadgrobna ploča, Prodavaonica tajni, Ezop, Dvoboj, Luda Libera, Zmija, Pakleni izum Antonia Brava, Dobar večer, Otvorio sam vrata, Dnevnik Pavla Maksimovića, Lijepa priča, ...*

Carmen Klein (1962.): pripovjedačica, quorumašica. Tehnikom infantilnog pripovjedača ispisuje prostore intimnih, obiteljskih i prijateljskih, žensko-muških stereotipnih odnosa i sloboda. Ove kratke priče uglavnom su intimističko ispovjednog karaktera s blago erotiziranim i počesto bizarnim podtekstom te očuđene fantastičnim. Poradi specifičnog ženskog fokalizatora i ženskog principa (usp. Winnett/ur. Biti, 1992; 405-425) strukturiranja pripovjednog teksta može se reći da i ova autorica ispituje prostore ženskog pisma. Zbirke / knjige novela: *Između zidova i preko njih* (1985), *Važno je naići na Thomasa* (1989); novele / kratke priče: *Jan, Nasilna smrt Ignjaca Harolda, Bog, Otvorio sam vrata, Metamorfoze, Tajanstveni obred, Istina o čovjeku koji je štedio, Izuzetno nadahnuta bajka o pogovoru (i predgovor), Tronogi blues, Gospođica Amanda, Via dei gotti No. 5, Princeza, Nasilna smrt Ignaza Harolda, Rođaci, Čudnovati prikaz, Neshvaćeni gospodin Datson, Između zidova i preko njih, ...*

Zaključno se može ustvrditi kako su kratki prozni oblici, uključujući i fantastiku, tijekom 70-ih i osobito 80-ih, prigrlivši postmodernističku paradigmu, doživjeli svojevrsnu literarnu liberalizaciju (i emancipaciju - ženskog subjekta) te procvat. Rasteretivši se zahtjeva za pretjeranom društvenom funkcionalnošću, etičnošću i moralizmom, novelistika (kao ovdje izvedena nositeljica svih kratkih proznih oblika) napokon se uzmogla posvetiti slobodnom komuniciranju i igri literariziranja svijeta, literature i umjetnosti; slobodnoj igri konstruiranja, dekonstruiranja i prekonstruiranja, pretvorivši u vlastiti predmet propitivanja i istraživanja i svijet i sebe samu. Tako i kratka fantastična proza doživljava tako u ovom razdoblju i formalne i strukturne i sadržajne promjene koje će rezultirati i kvantitativnim i kvalitativnim dometima. Vratimo li se sada na Todorovljevu tezu o noveli kao liberalnoj strukturi koja prati i iščitava *promjene u društvenoj strukturi*, s pravom se može ustvrditi kako je ova novelistika znala iščitati nadolazeću globalizirajuću suvremenost i njene kulturološke manifestacije i implikacije. Sukladno novom fragmentarizirajućem, liberalizirajućem i ubrzavajućem tempu življenja i njegovu medijskom posredovanju te uopće

novim, postmodernističkim vrijednosnim kriterijima, novelistička se struktura iskazala kao idealan odgovor i na zahtjeve umjetnosti i na čitateljska očekivanja.

Ratna i poratna zbilja 90-ih

Egzistencijalna drama koju proživljava hrvatska i njeni građani zaokuplja tako, ne samo književnost, već i svekoliku umjetnost i javnost uopće. Traži se adekvatan odgovor književnosti (umjetnosti). Stoga su 90-te općenito imenovane godinama *dokumentarizma, jake zbilje (dokumentarno-publicistički žanrovi, biografski i autobiografski zapisi, memoaristika, ...)*, a kao temeljna poetička značajka određuje se *mimetiziranje* (vanknjiževne zbilje). Može se izdvojiti cijeli niz manje ili više odgovarajućih sintagmi poput: *nova zbilja, nova proza, mlada proza, neorealizam, novi naturalizam, ratna proza, stvarnosna proza, socijalni mimetizam, kritički mimetizam, književnost fakta, posttraumatska proza, ...* kojima se pokušalo opisati dominantne prozne prakse 90-ih. Bilježe se i pokušaji opisa naraštaja vezanog uz neki od časopisa (prema uobičajenoj analogiji): *plimaši, godinaši, druga generacija quorumaša*¹⁵, ...; ili pak vezivanja uz utjecaje (lektiru), npr. *karverovci, ...* Bez obzira na njihovu arbitrnost i brojnost, ove sintagme ukazuju na apsolutnu dominaciju *zbilje*. Sve se u 90-ima vrti oko odnosa prema zbilji.

Ipak, razvidno je da se radi o dva različita perioda s obzirom na zbilju te žanrovsku sliku i poetičke prakse. Prvom polovinom (predratno vrijeme i *Domovinski rat*) dominira ratna zbilja, ratno pismo te *dokumentarističko-ispovjedni* - često *hibridni* žanrovi i povišena emocionalnost - *fakcija* i *evidencija*, dok u drugom dijelu desetljeća (poratnom) prevladava *socijalno pismo, pseudodokumentaristički* žanrovi i novelistika - *fikcionalizacija* i *interpretacija*.

Dakle, dominirajući opozicijski kodovi za razlikovanje ova dva dijela 90-ih su: *rat /poraće, fakcija /fikcija, evidencija /interpretacija, dokumentarizam /pseudodokumentarizam, povišena emocionalnost / naglašena racionalnost, patetično /trivijalno*.

Zbilja /fikcija, odnosno mimeza /dijegeza

Već je istaknuto kako cijelim desetljećem dominira neposredno prikazivanje zbilje tj. realistička proza, odnosno novelistika u kojoj je junak po stupnju jednak i ljudima i okolini (niski stil). No, osim *mimetizma* u smislu prikaza / dijagnostike (oponašanja) društvene situacije /stanja (zbilje) nekog prostora u nekom vremenu, simultano supostoji i potreba za zalazak u *fantastično*

¹⁵ Neki od književnih časopisa /novina koji se pojavljuju tijekom 90-ih, a afirmiraju nove autore: *Quorum* (od ranije), *Godine* i *Godine Nove*, *Plima*, *Torpedo*, *Homo volans*, ...

te oslanjanje na *dijegezu* (premda u znatno manjoj mjeri) u smislu orijentacije na jezični, odnosno znakovni sustav preko čega se onda posredno ukazuje /referira na zbilju. S jedne strane, dakle, prevladava klasična realistička narativnost ipak prilagođena fragmentiranom i raspršenom postmodernom okružju i senzibilitetu, a s druge je uočljiv nastavak narativnog postmodernog eksperimenta. Stoga se najveći dio relevantnog novelističkog korpusa može pripisati različitim tipovima *postmoderne pripovjedne matrice* - od intertekstualnosti, metaliterarnosti, autoreferencijalnosti i intermedijalnosti, preko (pseudo)dokumentarističkog i (pseudo)autobiografskog, do citatnosti i referenci na suvremenu tradiciju popularne kulture te trivijalizacije diskurza. Na poetičkoj razini 90-ih zapravo nema nekih novina. Uvijek je riječ o nasljeđivanju, prilagodbi i nadogradnji već postojećih obrazaca s obzirom na kontekst 90-ih i vremena nesklona fantastici.

No, i unutar tako izrazito zbiljom i mimetizmom dominirajućeg desetljeća ipak ima autora koji se ne odriču zalaženja u prostore fantastičnog.

Fantastika, eskapizam, intimizam

Ovaj se model prozne prakse općenito ostvaruje kao odmak od socijalne zbilje 90-ih i suprotnost prevladavajućem mimetizmu, bilo kao nastavak *fantastičarstva* iz 70-ih i 80-ih koji motivaciju pronalazi u žanru, bilo kao bijeg u egzotiku dalekih i nepoznatih predjela, ili kao potraga za vlastitošću u posve privatnim i intimnim sferama prošlog ili svakodnevnog. Ipak, iako ignorirana ili prešućena, zbilja 90-ih se, kao svojevrsni podtekst ili evokacija, često osjeća i u ovakvim tekstovima. Tu valja ubrojiti autore poput: Gorana Tribusona, *Zvijezda kabarea* (1998), *Osmi okular* (1998) - izabrane priče, Višnje Stahuljak, *Crne trubače*, (1990), *Pripovijetke raznolike* (2000), Saše Meršinjaka, *Lude gljive* (1998), Borisa Perića, *Heartland* (1995), *Quattro Stagioni* - sa Z. Ferićem, M. Kišom i R. Mlinarcem (1998.), Željka Kipkea, *Vodič kroz podzemlje* (1992), *Pazite se imitacija* (1993), *Od obilja na Mjesec* (1998), Sanje Lovrenčić, *Wien fantastic* (1998), Milane Vuković Runjić, *Krila od etera* (1998), Romana Simića, *Mjesto na kojem ćemo provesti noć* (2000), Mislava Brumeca, *Tako je moralo biti* (1998), Tihomira Mraovića, *Priče iz paralelnog svijeta* (1994), *Slaganje bika* (1995), Vanje Spirina, *Hrvatski mitovi i legende* (1994), *Blago bogova* (1999), Dragana Ogurlića, *Primorske bajke i pripovijetke* (1996), Željka Zorice, *Fantastični bestijarij Hrvatske* (2000), Anta Tomića (priča *Dok nas smrt ne rastavi*), ... Izdvajamo neke od autora čija je djela napisana tijekom 90-ih barem djelomice moguće pripisati fantastici:

Borivoj Radaković (1951.) - *okašnjeli debitant* - kako ga kvalificira Visković (2006: 22) ili *guru mlađe književnosti* - po Prosperovu Novaku (2004: 167), autor je o kojemu se početkom tisućljeća puno i raznoliko pisalo. Njegov *književni aktivizam* zahtjeva da ga se prihvati ili ospori. Neutralnost ili

ravnodušnost nisu opcije s kojima računaju ovaj anarhoidni postavangardist i njegovo polemičko djelo. Radakovićevu zbirku novela i kratkih priča *Ne, to nisam ja; da, to nisam ja* (1993) - podnaslovljenu (*Homunkuli*¹⁶) zapravo je poradi njenog radikalnog osporavateljstva i polemičnosti prikladnije opisati kao fragmentariziranu subverzivnu fantastičnu pripovjednu strukturu sklopljenu od najrazličitijih tipova diskurza (*pastiš*), a koja ipak zadržava temeljna novelistička generička obilježja. Iako kritizira postmodernizam, Radakovićeva je zbirka sva prožeta postmodernističkim postupcima i strategijama. Od kompozicijske strukture koja simulira probavni trakt (*dvanaesterac, tanko crijevo, debelo crijevo, rectum*) i unutar kojega je svaka priča posvećena nekom hrvatskom ili stranom piscu i nadoznačena svojim horoskopskim znakom, preko parodične polemičnosti i s hrvatskom i sa svjetskom književnom tradicijom (i na intertekstnoj i na formalnoj razini) te ironičnosti i grotesknosti, do jezičnog eksperimenta manirističke virtuoznosti i grafičkih, odnosno, grafo-stilističkih umetaka i poetskih uradaka. Osim intertekstualne, metatekstualne te uopće jezične polemičnosti i osporavanja tradicionalnih literarnih formi i oblika, Radakovićeva tematika (problematika) - koja proizlazi iz njegova anarhoidnog pankerskog aktivizma i avangardne tradicije (a čiji se zamci mogu tražiti još u Kamova) orijentirana je na društveno i institucionalno rubno, tabuizirano i ujedno arhetipsko: *nasilje, nacionalizam, totalitarizam, mitovi, seksualnost u najširem smislu, sloboda mišljenja govora i djelovanja, ...* Njegov pripovjedni subjekt uvijek stoji nasuprot restriktivnog i ograničavajućeg.

Senko Karuza (1957): pjesnik, prozaik, novelist i što je presudno za njega i njegovo književno djelo *otočanin* - odnosno *insuloman*¹⁷ (otok Vis) i mediteranac. Riječ je o jednom od naših, uz Slobodana Novaka, zasigurno vjerodostojnijih i poznatijih insulomana. Život kuhara i ugostitelja u viškoj uvali *Muola Truovna* (Mala Travna) - djevičanskom zakutku svijeta ponad otvorene pučine, nudi Karuzi mogućnosti otvorenog i dubokog propitivanja temeljnih ljudskih pitanja i odnosa. Stoga njegove kontemplativne i eterične lirske proze

¹⁶ *Homunkul* (lat. *homunculus*): čovječuljak, sitno biće ljudskog oblika, (al)kemijski stvoreno čovjekoliko biće.

¹⁷ *Insulomania* / (esp. *islomania*, tal. *isolomania*) -: (...) je rijetka duševna tegoba. Ima ljudi koji otoke doživljavaju nekako neodoljivima. Sama spoznaja da su u malom svijetu okruženom morem ispunjava ih neopisivom opojnošću. - piše u pismu prijatelju engleski književnik Lawrence Durrell (1912.-1990.). Na početku svojeg putopisa po Rodosu: *Razmišljanja o jednoj morskoj Veneri* (*Reflections on a Marine Venus*, 1953.) Durrell navodi: *Negdje među Gideonovim zapisima pronašao sam jednom listu bolesti još neklasificiranih u medicinskoj znanosti, i među njima se pojavila riječ "islomania", koja je opisana kao rijetka, ali nikako i nepoznata duševna tegoba. To su ljudi, znao je reći Gideon, koji takoreći, nalaze otoke nekako neodoljivima. Mi "insulomani", kaže Gideon, smo direktni potomci Atlantida, i naša nas podsvijest vuče prema izgubljenoj Atlantidi.* (prema: <http://en.wikipedia.org/wiki/Islomania>, prijevod: Daniel Mikulaco)

(poetska fantastika) odišu potragom za upravo takvim smislovima i ugođajima. Ovaj samozatajni i osobit autor, postmodernističkog višeslojno kodiranog teksta i po tome poetički blizak naraštaju *quorumaša*, koji je svoje priče objavljivao još u *Poletu*, *Studentskom listu*, *Mogućnostima*, *Rivalu*, ..., a kasnije i u *Slobodnoj Dalmaciji*, tek se 90-ih pojavio s prvom knjigom - Zbirke kratkih i vrlo kratkih priča: *Busbuskalai* (1997). Busbuskalai je kućni duh koji knjigu kratkih i vrlo kratki priča (crtica) te pokoje novele Senka Karuze označava na nekoliko razina: 1. kao prostora intimnog, ispovjednog i samoanalizirajućeg; 2. kao prostora običnog, domaćeg, svakodnevnog, obiteljskog; 3. kao prostora mističnog, transcedentalnog, tajanstvenog; 4. kao prostora fizičkog i duhovnog; 5. kao prostora unutrašnjeg i vanjskog, dubinskog i površinskog. Ova posve osobita zbirka lirskih proza ne liči ni na što što se dalo čitati 90-ih. Knjiga koja nastavlja bogatu tradiciju mediteranizma i otočnosti u hrvatskoj književnosti. Narativna perspektiva ovdje je posve osobna - pounutrena. Knjiga je to potrage za izgubljenim vremenom, za iskrenošću, za željenim odnosima, za ravnotežom. Nasuprot deskriptivnosti, prevladava evokativnost i naoko jednostavan iskaz iza kojeg se međutim krije višestruka kodiranost i semantička i formalna. Često je uvrštavan u različite antologije, preglede i izbore kratkih priča, preveden na strane jezike, a nastupao je i na više domaćih i stranih festivala, uključujući *FAK*.

Tarik Kulenović (1969.) je jedan od uvjetno mlađih autora koji se na književnoj sceni pojavljuje krajem 90-ih omanjom zbirkom od petnaest kratkih priča - *Padovi i drugi rani radovi* (1998) te drugim i proširenim izdanjem *Padovi (Reload)* (2006). Njegova kratka proza izravno je uronjena u lokalnu ratnu, poratnu i tranzicijsku društvenu zbilju, u *urbani milieu* zagrebačkih kvartova (*Knežije*, *Žitnjaka*, *Trešnje*, *Dubrave*, ...) i njihova svakodnevlja - egzistencijalno rubna, jednolična, trivijalna, nasilna i kriminalna. Kao sociolog Kulenović, ispod naoko jednostavnih i apsurdističkih trivijalnih priča upotpunjenih popkulturnom ikonografijom i dekoriranih pripadajućim lokalnim urbanim idiomom, podmeće studioznu dijagnozu poremećenih društvenih odnosa - i privatnih i institucionalnih (društvenu patologiju). Protagonisti ovih proza su likovi s društvene margine, uglavnom ravnodušna (malodušna) i asocijalna mladež, generacija 90-ih (studenti, bivši đaci, besposličari, provalnici, samoubojice, ... općenito marginalci i njihove obitelji) nabijeni i pokretani nagonima i strastima u gradu čiji neravnomjerno pulsirajući ritam vremena dokida svaku mogućnost smislenije komunikacije ili odnosa te dopušta uglavnom devijantno trošenje vremena. Bizarnost i apsurdnost urbanog poslijeratnog svakodnevlja kod Kulenovića toliko je traumatična i zastrašujuća da se neke od priča zapravo iščitava više kao neku subverzivnu fantastiku, no pravu zbilju. Novele / kratke priče: *Kristina je glupa*, *Satelit*, *Mrtva ruka*, *Novogodišnja bajka*, *Marsovci*, ...

Novo tisućljeće

Nakon burnih, ratnih i poratnih 90-ih, na samom kraju desetljeća (2000) okuplja se neformalna skupina uglavnom mladih (već afirmiranih) pisaca na zajedničkom projektu - poznatom kao FAK (*Festival A književnosti*), s ciljem estradizacije i popularizacije hrvatske proze te je krenula održavati *festivale javnog čitanja, estradne turneje i promocije pisaca* (Osijek, Pula Zagreb, Novi Sad, Beograd, Motovun, ...). FAK se, iskoristivši spoj marketinga i literature stao pretvarati u trendovsku atrakciju. Skupina je proklamirala načelo otvorenosti pa je obuhvatila pisce i kritičare različitih generacijskih i poetičkih pripadnosti.

Jezgru su činili: B. Radaković, J. Pavičić, M. Jergović, Z. Ferić, A. Tomić, E. Popović, u početku i R. Perišić, a od kritičara: K. Lokotar i N. Rizvanović, ... Povremeno su FAK-u priključivali i stariji pisci: Tribuson, Senjanović, Brešan, ali i pisci iz drugih republika ex-Jugoslavije (npr. Arsenijević) te neki britanski pisci iz skupine tzv. *Novih puritanaca*: Matt Thorne, Toby Litt, John Williams, Ben Richards, Tony White, Ann Davis, ... Stvorena britansko-hrvatska veza iz koje je, kao rezultat, osim komunikacije, proizašla i zajednička knjiga *Hrvatske noći* (*Croatian Nights*, 2005.) te *Festival europske kratke priče* (koji se u kontinuitetu održava do danas). Skupina razišla krajem 2001.

Novo tisućljeće, pri čemu se misli na prvih petnaestak godina, međutim, otvara i potpuno nove i drugačije perspektive. Posvemašnja digitalizacija, medijski posredovana simulacija i virtualizacija sve više ozbiljuje Baudrilardovu tezu o kraju zbilje i ideju *simulakruma* (*simulakralizacija svijeta*, virtualizacija svijeta, *hiperzbilja*). Svijet pod utjecajem kapitala u njegovoj posljednjoj fazi (neoliberalno globalno tržište, postindustrijski svijet) i sveobuhvatne dominacije medija gubi kontakt sa zbiljom i virtualizira se u mnoštvo *fragmentariziranih slika o sebi* – simulakrume (*hiperzbilju*); slijedi *znanstveno-tehnološka apokalipsa u društvu spektakla* (Baudrilard, 2001; 15). Sličnim eshatološkim tonom progovara i suvremeni rusku filozof i teoretičar postmodernizma Mikhail Epstein: nestankom zbilje nastaje *nadzbilja* (nadsvijetovi) koja preuzima ulogu *raspoznavanja i predstavljanja* realiteta – izvrsne, ironizirane i parodirane slike moderniteta – ustanovljene kao *pseudosvijet* (Epstein, 1995; 394).

Već na samom početku desetljeća Internet je već u tolikoj mjeri razvijen da se i književnost dijelom seli u digitalno-mrežne prostore, prema novim komunikacijskim modelima i platformama: hipertekstu, blogovima, e-knjigama, e-časopisima, Fabebooku, ... Takva igra zbilje i fikcije, svijeta koji se tekstualizira i tekstova koji se onda *ozbiljuju* u svijet zapravo tek samoreproducira vlastita medijski posredovana ogledala, vlastita zrcaljenja, vlastita spektakularna umnažanja kroz već istrošene forme rodova, vrsta i žanrova u neku vrstu

polivalentnog konzumnog proizvoda ili, kako ga definira Milko Valent – *polifonog bastarda* (Valent, bez dat.; 6). Posljednjih godina već se uvelike govori i o kraju postmoderne (kao razdoblja) i uvodi pojam *post-postmoderne* (i sl.) pri čemu se u takvim razmatranjima primarno polazi od procesa posvemašnje *virtualizacije*, *simulakralizacije* i konačne *trivijalizacije* svijeta i umjetničkog sistema. Kako su ove teorije još u previranju, ostaje nedorečeno i nejasno misli li se na novi stupanj postmodernizma ili na novi period (*formaciju*), budući da pokušaji opisa i definiranja i nadalje operiraju temeljnim postmodernističkim strukturama i postupcima. No, usprkos vremenu iza kraja povijesti, kraju velikih *metapriča* (Baudrillard) i kraju zbilje, ipak je u suvremenom globalnom svijetu pa tako onda i u književnosti (i umjetnosti uopće) jasno čitljiva svojevrsna *reideologizacija* i ponovna potraga za nečim što bi moglo predstavljati odgovor na proces očite retardacije svijeta i zapadanja (posebice zapadne kulture) u stanje dekadencije i vladavinu tzv. *demokrate*.

Unutar takvoga konteksta, pitanje fantastike i produkcije hrvatske fantastične novele zapravo je svojevrsni paradoks. Dok svijet iskazuje sve očitiji interes za zbiljom, istovremeno, utopljen u proces medijski posredovane virtualizacije, sve teže i u sve manjoj mjeri uspijeva raspoznati zbilju i tone sve dublje.

Autori koji su se 90-ih godina prošloga stoljeća okušali u noveli ili kratkoj priči, pa i fantastičnoj, početkom tisućljeća okreću se u većoj mjeri romanima. U tom smislu može se ustvrditi kako kratke prozne vrste, koje su imale status reprezentativnih, osobito tijekom 80-ih i 90-ih, sada posustaju pred romanom. Dakle, novelistika (i fantastična) je, kroz prva dva desetljeća 21. stoljeća, manje prisutna; no istovremeno, u skladu s vremenom i popularnom maksimumom *anything goes*, isključivo kvantitativno gledajući, nikad se nije pisalo više no danas¹⁸, a opet nikad trivijalnije i lošije.

Iz svega toga ipak se može izdvojiti pojedine autore / autorice kvalitativno (estetski) relevantnim knjigama / zbirkama fantastičnih novela / kratkih priča. Ponajprije one iz prethodnih naraštaja, koji fantastiku nastavljaju pisati i nadalje: Željko Zorica, *Fantastični bestijarij Hrvatske* (2000), Zvezdana Jembrih, *Janusove kćeri sestre nevjeste* (2001), Nevenka Nekić, *13 strašnih priča i jedna groteska* (2001), Saša Meršinjak, *Gordijski čvor*; (2002), Tihomir Mraović, *Copyright snova* (2005), Robert Mlinarec, *Vremenski stroj i druge priče* (2006), Senko Karuza, *Kamara obscura* (2010), *Prsa u prsa* (2016), Ivan Aralica, *Carske kočije* (2010), *Joakimova viđenja* (2015), Pero Kvesić, *Čovjek-vadičep sreće*

¹⁸ Valja istaknuti kako se kvantiteta, nakon snažnoga feminističkoga zamaha u 80-ima te ponovnog vala početkom 2000-ih, odnosi i na ženski rod – spisateljice. Ne bi bilo pretjerano konstatirati kako danas piše više žena no muškaraca.

Ženu-ribu (2018), Milko Valent, *Radikalna mjesečina* (2016), Josip Cvenić, *Osvajanje tame* (2017), Aldo Kliman *Začini crne proze* (2019), ...; potom autore / autorice mlađeg naraštaja, koji na književnu scenu izlaze u nakon 2000-te: Dalibor Perković, *Preko rijeke* (2004), Zoran Krušvar, *Najbolji na svijetu* (2004), Ivan Vidak, *Ugljik na suncu* (2015), Asja Bakić, *Mars* (2015), Ivana Šojat, *Emet i druge priče* (2016), *Mjesečari* (2016), Ivana Rogar, *Tumačenje snova* (2016), Zoran Malkoč, *Umro Supermen* (2018), Ivan Vidić, *San od tisuću ljeta* (2018), Maša Kolanović, *Poštovani kukci i druge jezive priče* (2019); Dorta Jagić, *Noć na Zemlji* (2020), ...

Zaključak

Kao specifičan kratki prozni žanr fantastična novela prisutna je u svim periodima hrvatske književnosti od polovine 19. stoljeća nadalje. Nema reprezentativni ili dominantan književni status, ali zbog svojeg specifičnog zahtjeva za prikazom tajnovitog, nokturnalnog, mističnog, okultnog, stravičnog, nestvarnog, čudesnog, bajkovitog, grotesknog, transcendentnog, ... te zbog specifičnog odnosa prema zbilji, temeljenog na realističkoj motivaciji te svoje dinamične strukture, zasigurno zanimljivije, izravnije, a počesto i dublje od drugih književnih vrsta i žanrova uspijeva posredovati često vrlo dinamične i dramatične pa i zastrašujuće manifestacije i imaginacije svijeta. Potreba za fantastičnom pričom, bilo da se očučuje nešto posve obično i banalno ili se pripovijeda o izuzetnom i fantastičnom kao normalnom, jedna je od osnovnih potreba ljudskoga duha, potreba kojom se on ovjerovljuje u odnosu na svijet i na sebe sama, a novela (zajedno sa svojim *varijacijama*) predstavlja upravo kondenzaciju takvog duha. Na kraju ipak ostaje pitanje, odgovara li fantastična novela našoj suvremenosti i suvremenu duhu ili će se neumitno zagubiti u zbilji fantastičnijoj od fantastike same?

Literatura:

- Barthes, Roland (1989) *Smrt autora*, u: *Suvremene književne teorije*, ur. Miroslav Beker, Zagreb: Sveučilišna naklada Liber
- Baudrillard, Jean (2001) *Simulakrumi i simulacija*, prijevod: Zlatko Wurzberg, Karlovac: Naklada Društva arhitekata, građevinara i geodeta
- Biti, Vladimir (1992) *Suvremena teorija pripovijedanja*, Zagreb: Globus
- Čegec, Branko (1996) *Neće se dogoditi čudo*, Dubrovnik : časopis za književnost, nauku i umjetnost, Deset godina Quoruma, (ur. Vuković, Tvrtko) 7/2, 11-26
- Domić, Ljiljana (1984) *Šest smrti Veronike Grabar*, Zagreb: Quorum
- Donat, Branimir (1972) *Astrolab za hrvatske borhesovce*, Teka, 1, 101-119
- Donat, Branimir, Zidić, Igor (ur.) (1975) *Antologija hrvatske fantastične proze i slikarstva*, Zagreb: Liber
- Epstein, Mikhail (1995) *After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture*, Amherst: The University of Massachusetts Press
- Klaić, Bratoljub (1990) *Rječnik stranih riječi*, Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske
- Lederer, Ana (1998) *Ivan Raos*, Zagreb: Meandar
- Marjanović, Milan (1906) *Iza Šenoe*, Zadar: Četvrt vijeka hrvatske književnosti, 142-143
- Milanja, Cvjetko (1996) *Hrvatski roman 1945.-1990.*, Zagreb: Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu
- Nemec, Krešimir (2003) *Povijest hrvatskog romana od 1945. do 2000. godine*, Zagreb: Školska knjiga; Matica hrvatska
- Pavičić, Jurica (2000) *Hrvatski fantastičari : Jedna književna generacija*, Zagreb: Zavod za znanost o književnosti Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu
- Prosperov Novak, Slobodan (2004) *Povijest hrvatske književnosti (svezak III)*, Split: Marjan tisak d.o.o.
- Prosperov Novak, Slobodan (2004) *Povijest hrvatske književnosti (svezak IV)*, Split: Marjan tisak d.o.o.
- Sablić Tomić, Helena (1998) *Montaža citatnih atrakcija*, Osijek: Matica hrvatska Osijek
- Solar, Milivoj (1981) *Prolegomena teoriji novele*, Dometi, 14/11, 7-16
- Solar, Milivoj (2000) *Granice znanosti o književnosti*, Zagreb: P.I: P. Pavičić
- Stojević, Milorad (1984) u pogovoru knjizi Ljiljane Domić: *Šest smrti Veronike Grabar*, Zagreb: Quorum, 162

Todorov, Tzvetan (1970) prev. Mančić Milić Aleksandra (1987) *Uvod u fantastičnu književnost*, Beograd: Rad

Todorov, Tzvetan (1981) *Struktura novele*, Dometi, 14/11, 53-59

Tribuson, Goran (1972) *Zavjera kartografa*, Zagreb: Znanje

Valent, Milko: *Ekstaza subjekta i spektakl postmodernizma*, Knjigomat – virtualni časopis za književnost (www.knjigomat.com/detail.asp?iNews=239&iType=2), str. 6, pristupljeno 14. 02. 2014.

Visković, Velimir (1983) *Mlada proza*, Zagreb: Znanje

Visković, Velimir (2006) *U sjeni FAK-a*, Zagreb: V.B.Z.

Winnett, Suzan: *Rastrojavanje: žene, muškarci, pripovjedni tekst i principi užitka* (u: Biti, Vladimir (1992) *Suvremena teorija pripovijedanja*, Zagreb: Globus, 405-425)

Mikulaco, D.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
daniel.mikulaco@unipu.hr

Croatian fantastic short story

The paper explores the theoretical, stylistic-periodization and literary-historical frameworks, aspects and features of Croatian fiction, ie, fantastic short prose types (short-short story, short story, novella, novelette) from its beginnings in the mid-nineteenth century to the half of the last decade. The aim of this paper is to offer a more complete and periodized systemic picture of the peculiarities of Croatian fiction and its production quantity and quality.

Keywords: Croatian literature, fiction, very short story, short story, novella, novelette

Оригинальная научная статья / Original scientific paper / Izvorni znanstveni rad
UDK 821.161.1.09:7.045(450.341)

Гончарова Яна Александровна

Аспирант Университета Кампании «Луиджи
Ванвителли», Италия
yana.goncharova@unicampania.it

Мотивно-образная система рассказа А.В. Иличевского «Облако» сквозь призму венецианского символического кода

Данная статья посвящена структурному и функциональному анализу комплекса венецианский мотивов в рассказе А.В. Иличевского «Облако» с опорой на уже существующие разработки венецианского текста русской литературы. Из мотивно-образной системы рассказа был выделен ряд мотивов, генетически связанных с мифоконцептом Венеции (вода, зеркало, смерть, карнавал) и привнесенных в венецианский текст из художественного мира автора (облако, птица, дом, слепота), а также выявлены механизмы их взаимодействия и взаимовлияния в пространстве рассказа. В ходе исследования были раскрыты некоторые интертекстуальные переключки рассказа с другими произведениями «венецианы» и классическими текстами русской литературы.

Ключевые слова: Иличевский, венецианский символический код, мотивно-образный анализ, интертекстуальность, идиостиль

Венецианский текст является одним из важных и, пожалуй, наиболее автономных элементов итальянского сверттекста и в силу своей сложной многоуровневой организации и смысловой насыщенности должен рассматриваться нами как самостоятельная семиотическая единица, встроенная в более комплексную систему культурных знаков итальянского топоса. В данной статье мы хотели бы проанализировать мотивно-образную систему рассказа А. В. Иличевского «Облако», опираясь на методы дешифровки интерпретационных кодов Венеции, предложенные Н. Е. Меднис в фундаментальном труде «Венеция в русской литературе» и развиваемые в работах таких исследователей венецианского текста, как О. В. Соболева, А. Н. Кунусова, С. Л. Константинова. В ходе исследования нами были применены историко-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, также в работе учитывались опыты мифологического, архетипического, мотивного и филологического анализа текстов. Теоретическую базу исследования составляют концептуальные положения работ Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина и В. Н. Топорова.

Для начала рассмотрим генезис и функциональные особенности тех венецианских мотивов, которые в дальнейшем станут ключом к пониманию мотивно-образной системы рассказа: смерть, зеркало, вода и луна. Несомненно, с Венецией связаны и другие мотивные комплексы, но в данной статье мы остановимся на основных.

Мортальная символика является наиболее выраженной в семантическом коде Венеции. Мортальность проявляется не только на уровне сюжетном (например, смерть главного героя в Венеции, окончательно «закрепившаяся» за городским топосом в качестве легкоузнаваемой и воспроизводимой литературной схемы после знаменитой новеллы Томаса Манна), но и на уровне общего ощущения увядания и ветхости города. Концепт смерти тесно связан с антиномичным мотивом бессмертия, которое, в свою очередь, порождается активным творческим началом, – «Венеции бессмертный прах», по формулировке В. Я. Брюсова. Параллельно с этим мотивом развивается и другой, обозначенный О. Э. Мандельштамом как «праздничная смерть». Эстетические воплощения и вариации на тему смерти в Венеции столь многочисленны, что дают основания предположить присущую венецианскому тексту «любовь к смерти», знак равенства между жизнью и смертью, Эросом и Танатосом. Отсюда возникают представления о Венеции как о «летейском мире» – мире, омываемом водами Леты, на грани жизни и смерти, памяти и забвения (Меднис 1999). С мотивами смерти связаны образы Венеции как призрака или города, населенного призраками, мотивы сна (сон героя и сон

Венеции – переключка с мотивом «вечного сна»). Их различные сочетания порождают сложный мифологический комплекс «ночная Венеция», который возникает во множестве произведения венецианского текста как инвариация смертельной семантики города.

Еще один мотив, связанный с мифоконцептом Венеции, – мотив венецианского зеркала. Исследователи отмечают тесную связь между тремя мифогенными элементами «русской венецианы» – зеркало, вода, луна, а также подчеркивают, что в литературе модернизма образ венецианского зеркала приобретает особую семантическую нагрузку (Меднис 1999). Зеркальность Венеции проявляется на трех уровнях: способность отражать, способность выявлять симметрии, возможность посещать «зазеркальный мир», «пространство наоборот». Также с зеркальной семантикой ассоциативно связан образ стекла, которое само по себе органично для внутреннего мира Венеции (вспомним, хотя бы прославившее Венецию производство муранского стекла). Таким образом, идейно-образные системы модернизма порождают образ Венеции как зеркально-стеклянного мира, который, например, у О. Э. Мандельштама, будучи предельно сгущенным, трансформируется в фантастический образ прозрачного стеклянного города, а у И. А. Бродского, подхватившего ту же тему, зеркальность сакрализуется и утверждается как первооснова земного бытия.

Зеркало – магический предмет волшебной сказки, смотрение в которое или гадание по которому палеонтологически равносильно смотрению в небо и гаданию по небесным светилам. Более того, в сказках сюжетного типа «Волшебное зеркало» обычно присутствует смерть девушки (Пропп 1998). Данные черты фольклорного архетипа созвучны мотиву венецианского зеркала, которое нередко бывает магическим или таинственным без ярко выраженного эффекта, а также связано с мотивом смерти. Приведем лишь один из многочисленных примеров из модернистской поэзии – стихотворение О.Э. Мандельштама «Венецианская жизнь», где образ кипарисных похоронных носилок метонимичен образу зеркал в кипарисных рамах (Мандельштам 1993: 145-146).

С зеркальностью Венеции связана водная метафора «зеркало вод», которая со временем теряет четкие очертания, становится все более распредмеченной и абстрактной. Данной метафоре сопутствует образ луны, которая также наделяется признаками зеркальности – луна как зеркало солнечного света, луна, отражающаяся в воде каналов, лунный свет, преображающий город, придающий ему обманчивые, потусторонние черты. Метафора «зеркало вод» порождает сложный мотив перевернутого

отражения, снова возвращающего нас к мотиву загробного мира, и становится тем универсальным структурообразующим элементом, благодаря которому весь венецианский контекст связывается воедино. В то же время зеркало вод является хранителем памяти города, который отражается в ней, а следовательно, ориентирован не только на мортальную, но и на витальную, вневременную символику.

Рассмотренные нами мотивы во всей сложности своих инвариантов и взаимосвязей становятся необходимым семантическим кодом при анализе рассказа А.В. Иличевского «Облако». Жанр рассказа при первом рассмотрении может показаться детективным, однако в нем отсутствуют столь важные для детектива загадка, поиск истины. Суть сюжетообразующего конфликта незамысловата и разворачивается на сниженно-бытовом уровне: главная героиня Надя, гастарбайтер из Молдавии, отправляется в Италию, где нанимается сиделкой к старухе графине и, в конце концов, убивает ее, потребовав перед этим переписать наследство на себя. Эта нехитрая фабула бегло излагается в начале рассказа, видимо, для того, чтобы детективная интрига не отвлекала читателя от созерцания рефлексий главной героини. Данная формулировка – «созерцание рефлексий» – избрана нами не случайно. Для идиостиля автора характерна импрессионистская чувственность, которая выражается в яркой метафоричности образов, использовании большого количества визуальных микродеталей, придающих словесному «полотну» насыщенностью и динамизм. Подобный эффект достигается, например, в описаниях, когда ряды однородных назывных конструкций, часто помещенные в скобки, словно нанизываются друг на друга. Вот несколько характерных примеров: «новое завещание (листок поверх одеяла в сучковатых пальцах)»; «руку оттягивает корзинка (мраморные жилки на тугом сгибе локтя), пучки зелени, торчат два батона, бутылъ с молоком»; «всматриваясь, как зеркало, наполненное теснотой – кроватью, комодом, ножной швейной машиной с чугунной лозой под станиной с колесом, – и в то же время, рассеченное вверху окном, распахнутым над каналом (веревки от балкона к балкону, простыни, белье)...» (Иличевский 2008).

Столь сложная манера письма сочетается с не менее сложной системой взаимосвязанных, переплетающихся образов-символов и мотивов, некоторые из них генетически связаны с мифоконцептом Венеции и вычлняются из ее семиотического кода, другие, как мы убедимся ниже, привнесены в венецианский текст и более свойственны авторскому художественному миру. Обозначим некоторые из этих мотивов: «вода», «зеркало», «облако», «птица», «дом», «смерть», «слепота». Первые два

мотива, «вода» и «зеркало», являются, пожалуй, доминантными для текста рассказа и ассоциативно связаны между собой в рамках традиционной венецианской символики. Так, вода приобретает сложную витально-мортальную семантику, ассоциируется одновременно и с разложением, и с возрождением жизни: «затхлый запах сырости, запах родильных вод, из которых однажды восстала новой»; «аромат тления, аромат вечности»; вода «застаивается, загнивает жизнью» (Иличевский 2008). Вода, служащая воплощением Хаоса, противопоставляется дому/городу, символизирующим Космос. И хотя венецианские воды рассматриваются как деструктивное, эсхатологическое начало – архетип города, уходящего под воду, – в то же время они «скрепляют» хронотоп авторской модели мира воедино, протягивая ниточку между двумя основными пространственно-временными локусами, изолированными друг от друга (дом на Днестре и Венеция). Иными словами, образ-символ воды служит универсальным элементом бытия, свидетельствующим о его глубинном единстве: «вода приходит и в плавни, и в этот город из вечности» (Иличевский 2008).

Текст изобилует отсылками к мортальной символике, причем она связана не только со смертью главной героини или с убийством графини. Сама Венеция становится символом смерти: «Венеция – не дом, а могила. Что может быть роднее могилы?» (Иличевский 2008). Здесь мы видим интертекстуальную переключку с описаниями Венеции у искусствоведа и поэта П.П. Перцова, посетившего город на рубеже XIX-XX в.:

«Это впечатление покинутого, нежилого дома. Чем бы этот дом ни манил к себе, – первый взгляд на него будет всегда невольной вспышкой отчужденности, почти враждебности. Это неприязнь живого к мертвому». (Кара-Мурза 2001: 259)

Образ Венеции как мертвого дома, так четко артикулированный П. П. Перцовым более ста лет назад, является сквозным для всего рассказа А. В. Иличевского: ветшает и разваливается старый дом Нади на берегу Днестра, затхлым и нежилым оказывается дом больной графини в Венеции. В сложную мотивно-образную структуру рассказа также вплетается мотив «праздничной смерти», о котором мы упоминали выше, при помощи неявного, но постоянного присутствия карнавальных элементов: дом графини напоминает театральные подмости с заброшенным реквизитом, во время прогулок по городу Надя «ждет, не появится ли силуэт: плащ, треуголка, блеск зрачка за клювом» (Иличевский 2008).

Текст рассказа насыщен как явным, так и имплицитным эротизмом. Последний проявляется на уровне постоянно подчеркиваемой чувственной телесности – взять хотя бы описание внешности главной героини:

«Грациозность ее походки была бы совершенной: тут и полнота бедер, раскачивающих отвесную ось поступи – от ступней к груди, взволнованной скрытно силой голоса, здоровьем дыхания, всего тела...» (Иличевский 2008). К тому же главной героине присущи эксгибиционизм, замороженное любование собственной наготой у зеркала, которые парадоксальным образом сочетаются с ощущением раздвоенности, отстраненности от тела: «Она стягивает платье, отколупывает дверцу шкафа, окунается в зеркало. Высокие скулы, строгость зрачков, ладонями чуть поднимает груди, карие соски внимательно выглядывают над лифом», и здесь же: «Мигрень еще в юности наградила ее всегда готовым подняться в груди ощущением отдельности тела от разума, души»; «день напролет распятый болью мозг отвергал тело» (Иличевский 2008). Мотив разъединенности с собственным телом, взгляд на него «со стороны» генетически связан с образом зеркала (тело и отражение тела в зеркале, смотрение в зеркало – своеобразный способ отделиться от собственного тела), которое становится проводником в так называемую «отдельность», потусторонний мир, болезненное состояние отрешенности от себя, в которое Надя погружается во время приступов мигрени. Показательной в этом плане является сложная метафора «окунается в зеркало». Здесь, с одной стороны, и знаковая для венецианского семиотического кода формула, ассоциативный ряд: «окупаться в воду – зеркало воды – смотреться в зеркало», т.е. действие «смотреться в зеркало» на глубинном символическом уровне равнозначно действию «погружаться в воду», а физическое утопление в воде, таким образом, приравнивается к психическому процессу диссоциации. Доказательством последнего предположения может служить эпизод, когда Надя в бессознательном состоянии едва не утонула в плавнях.

Любопытно отметить, что «активный» эротизм приобретает в тексте пошлые либо насильственные формы, утрачивает поэтизированную чувственность инфантильной сексуальности героини, как например, в беседах со старухой («графиня, подмигнув, просила открыться: не занималась ли она любовью с антикваром сеньором Тоцци? Поди, он забавно ревет или хлопает в ладоши? Он шлепает тебя? Признавайся!») (Иличевский 2008)) или в сцене с профессором-математиком, который грубо овладевает главной героиней прямо в одной из венецианских галерей. Эрос имеет право на существование исключительно на метафизическом уровне, поэтому при физическом соитии телом главной героини «никто не может насладиться» (Иличевский 2008). Надя ждет прихода некоего мистического жениха, которого именует Запретом, ощущает себя Его невестой (вероятно, по аналогии с Христовыми невестами, которыми называли не только

святых, монахинь или старых дев, но и умерших девушек (Федоров 2008: 402). Этот образ «жениха» сопряжен с не менее мистической фигурой творца Венеции и возникает в сознании главной героини в момент смерти:

*«Сквозь туман Наде кажется, что кто-то еще – рослый, в мундире
– идет рядом.*

Она узнает яростный профиль.

Наконец Он вводит ее в свои покои.

Вот уже скоро» (Иличевский 2008).

Знаковым становится и способ самоубийства, избранный героиней, – нанесение смертельной раны в лоно, символическое убийство в себе женского начала на телесном уровне для перехода на уровень метафизический. Но что это за метафизический уровень? Возможно, интерпретационным ключом послужат эпизоды «обручения на небесах» в экстатической христианской мифологии, связанные с именами двух святых мучениц, Екатериной Александрийской и Екатериной Сиенской. Фактически в рассказе мы имеем дело с радикальной трансформацией мифа о «мистическом браке», единении с Богом, который буквально выворачивается наизнанку, так как главная героиня весьма далека от святости: она совершает убийство ради денег, ее «мученичество» (приступы мигрени) не приносит ей катарсиса и лишено высшего очистительного смысла, а самоубийство, напомним, один из тяжелейших грехов для христианина. Можно предположить, что мистический жених Запрет, который вводит Надю в свои покои в момент смерти – не кто иной, как антипод Христа. В этой связи возникает закономерный ассоциативный ряд: «запрет – запретный плод – искушение – грехопадение». Таким образом, фабулу рассказа можно истолковать как своеобразное «антижитие» Нади, фаустианскую историю искушения главной героини и ее грехопадения.

Сделанное нами предположение может объяснить, например, поэтому имя героини всегда дается в уменьшительно-ласкательной форме – Надя¹. Вспомним подробности жития святой мученицы Надежды Римской и то, что Надежда является одной из фундаментальных христианских добродетелей, наряду с Верой и Любовью. Это «успокоение сердца в Боге с уверенностью, что Он непрестанно заботится о нашем спасении и дарует нам обещанное блаженство» (Азбука веры, 2005), которого Надя в итоге лишена, получая, подобно булгаковскому Мастеру, покой и забвение. Даже

¹ Героини по имени Надя возникают и в других произведениях Иличевского, например, слабоумная Надя в романе «Матисс», болгарская цыганка Надя в повести «Бутылка».

ее тело оказывается никому не нужным, непогребенным по христианскому обычаю, неоплаканным:

«Запрос остался без ответа, и месяц спустя тело перевозят в крематорий. Катер швартуется у пустого причала. Блещет равнина воды, порыв ветра отворачивает простыню. Она смотрит вверх, подогнув колени, закоченев от боли, положив руку на солнечное сплетение – лежит тихо, упокоенная, с открытыми глазами, в которых стоит высокое небо, мутным пятнышком тает в рассеянном свете зрачка облако» (Иличевский 2008).

Не будем также забывать, что искуситель Нади является и мистическим творцом Венеции, ее *genius loci*, неизменное присутствие которого ощущается Надей в пространстве дома графини и всего города, а стало быть, Венеции сообщается происхождение от потустороннего, инфернального начала.

Обратимся к другим мотивам. В рассказе возникает традиционный для венецианского текста образ ночной Венеции. А. Ф. Лосев подчеркивал мифологическое значение ночи, ощущаемое многими авторами венецианского текста: «Ночь отождествлена с вечной инаковостью или чистым инобытием на всех ступенях бытия, и в том числе, прежде всего, в области умопостигаемого [...], то есть тьма в недрах самой божественности, в последней глубине всякого идеального и реального бытия, интеллигибельная тьма» (Меднис 1999). Главная героиня, которую болезнь наделила ощущением инаковости, чувствует особую связь с городом в ночные часы. Показательно, что в рассказе отсутствуют описания прогулок по дневной Венеции – взаимодействие происходит с городом именно ночью, когда тот становится овеществленным выражением потустороннего пространства, и героиня легко переходит в него и возвращается обратно. Характерными признаками этой потусторонности являются сырость и туман. Последний, обладая к тому же качеством преобразовать реальный топос в метафизический в художественном пространстве текстов А.В. Иличевского², служит важной сигнатурой Венеции, проводником в ее Зазеркалье.

2 Например, в рассказе «Точка росы» туман, опускаясь на Сан-Франциско, лишая его обитателей привычного зрения, обнажает потустороннюю сущность города, «слепой» мир, населенный людьми-теньями: «Когда облако уходит в полет – с вершины холма это выглядит ни с чем не сравнимым зрелищем. Гигантский, размером с сотню парфенонов дряблый дирижабль с подсвеченным жемчужным подбрюшьем понемногу оставляет внизу центр города. Темный пирамидальный силуэт небоскреба Трансамериканской корпорации чудится швартовой мачтой. Происходит это уже в полной тишине – в поздний час, когда светофоры отключены и мигают, и лишь желтые такси с рекламными гребнями, как у игуан, шаря фарами по обочине, ныряют и выныривают по холмам» (Иличевский 2016).

Еще одним полисемантическим символом, навязчиво возникающим в тексте, является образ птицы. Птичьи мотивы и их различные инварианты (птичье оперение и клюв, мотивы склевывания и потрошения как трансформация проповедского мотива поглощения) активно взаимодействуют со всей многоуровневой образно-символической системой текста, который изобилует орнитонимами. Птицы выступают проводниками в иной мир, они словно обитают на границе между реальностью и ее отражением, между Космосом и Хаосом. Весьма характерной является архитектура пространства в селе Нади: дом, окруженный и постоянно затопливаемый водой, на границе с которой живут птицы. К слову, плавни, тростники являются у Иличевского излюбленным воплощением образа «прорыва» – ворота в бездну, прорыв в бесконечность и пустоту (Беляков 2008). Видимо, присутствие этой одушевленной бездны, внимательно вглядывающейся в дом, и ощущает Надя вблизи тростников, именно эта бездна притягивает ее, когда та бродит нагая вокруг дома во время приступа своей странной болезни.

Страусиная ферма, через которую в тумане проезжает героиня на пути в Италию, также становится символической границей – между родиной и чужбиной, старой и новой жизнью:

«В Италию ехала на автобусе, много спала. Однажды проснулась и обомлела: в сумерках, в гористой местности автобус стоял на обочине, вокруг тек туман. Пассажиры курили по пояс во мгле, чуть поодаль из тумана высоко выглядывали гигантские птицы. Неподвижные, они вытягивались голой шеей из курчавого оперенья. Вдруг птицы чего-то испугались, размешали туман, закачались на ходулях, раздалось трубное карканье. Со страусиной фермы началась для нее чужбина» (Иличевский 2008).

Наконец, во время прогулок по ночной Венеции героиню не оставляет ощущение, что за ней из тумана следит огромная птица – бестелесный (т.к. птица невидима) обитатель хтонической тьмы.

Нередко образ птицы не только физиологичен, но и наделен негативной хищной семантикой. Птицы представляют опасность, могут причинить боль (аист, заклевавший мальчика в одном из эпизодов, образ ястреба, бьющего влет голубку или возвышающегося на дереве над плавнями, уподобление мигрени хищной птице, терзающей мозг). Отдельного внимания заслуживает образ графини, построенный на «птичьих» метафорах и сравнениях: «старуха была похожа на больную птицу»; «она купала ее, как потрошила и обмывала птицу»; «и тут сверху налетает хищный окрик старухи, птичья сгнившая голова, жель»

перламутровых щечек, злоба круглых мертвых глаз» (Иличевский 2008). Мистический жених Нади также наделен хищными ястребиными чертами, что дает нам основания выделить в мотиве птицы инфернальную семантику.

Мотив облака представляется нам еще одним ключом к пониманию сложной образно-символической системы текста, и этот образ также важен для мифопоэтической вселенной автора³. В рассказе «Облако» данный мотив составляет антитезу водной стихии, входя в антонимическую пару «грязь/чистота»: «вода приходит и в плавни, и в этот город из вечности, застаивается, гнивет жизнью, но всегда уходит в чистоту – в исток забвения: в облака, взглядывающиеся в отражения» (Иличевский 2008). Любопытно отметить, что в тексте почти отсутствуют упоминания неба (кроме метафоры «зеркало неба»), которое было бы более логичным антиподом воды, однако автором избирается именно образ облака. Отметим, что облако является своеобразным «продолжением» воды, иной, «бесформенной» формой ее существования. Отделение души от тела, т.е. смерть, которой так жаждет главная героиня и которой завершается рассказ, становится в то же время путем к «новому рождению». Образ облака, отражающегося в мертвом зрачке Нади перед кремацией, символизирует, скорее, ее духовное растворение в нематериальном, «чистом» мире, лишенном форм, нежели физическую смерть в этом, где определенность формы и ее «отягощенность» телом ассоциируются со страданиями и болезнью героини. Здесь в качестве завуалированной интертекстуальной отсылки можно вспомнить стихотворение И.А. Бунина, в котором смерть, особенно в Венеции, ассоциируется с растворением во времени, а переход в небытие приносит избавление от страданий и утешение: «И чья-то кротость, всепрощенье / И утешенье: все пройдет!» (Бунин 1922: 235).

Можно ли считать образ облака символом бессмертия, чей мотив нередко встречается в прецедентных венецианских произведениях? Скорее было бы уместно говорить не о бессмертии в его христианском понимании, а о вечности. Активное творческое начало, побеждающее смерть, о котором мы говорили выше в контексте модернистской поэтики, здесь отсутствует, замещено пассивным «производством красоты» – Надя является не творцом, но носителем прекрасного, пропуская совершенство

³ Вспомним все тот же рассказ «Точка росы», где опустившееся на Сан-Франциско облако одушевляется, уподобляется фантастическому великому слепцу, который «поднимается, всматривается незрячими бельмами в верхние этажи, оставляя проходными переулками», а индейские племена якобы «верили, что душа кровавой жертвы уносится вместе с туманом к божеству облаков, представляя, как где-то далеко вверху среди звезд обитают все хранящиеся в нем, облаке, образы и обличья» (Иличевский 2016).

статуй, фресок и фасадов через себя, отождествляя себя с ними, и в этом заключается ее приобщение к вечности, одушевленным камням этого города:

«Или, оглядевшись – никого поблизости, встает в нишу, замирает, не дыша, зябнет, но, свыкшись с холодом, прикрывает глаза от наслаждения тем, что жизнь истекает из ее лона, течет по ногам, предоставляя ее вечности, наделяя окаменелостью статуи» (Иличевский, 2008).

И здесь нельзя не вспомнить другое стихотворение И. А. Бунина, в котором лирический герой в перезвоне венецианских колоколов, связующим воедино настоящее и вечность, различает «голос давней жизни, от которой / Только красота одна осталась!» (Бунин 1913: 232).

Исследователи отмечают, что красота в моделях реальности Иличевского – «неотъемлемое свойство животного, не одухотворенного научным взглядом мира. Она имморальна и равнодушна, при этом чрезвычайно сильна и безжалостна» (Беляков 2008), именно поэтому Надя как носитель животного, лишённого разума начала обладает невероятной красотой. По той же причине созерцание героиней собственного тела, о котором мы говорили выше, можно приравнять к созерцанию пейзажа, так как прекрасное тело Нади через процесс диссоциации постепенно становится частью прекрасного венецианского ландшафта, начинает сливаться с ним еще при жизни героини, окончательно завершаясь после смерти – следуя логике текста, прах героини после кремации, оставшейся за рамками повествования, должен быть развеян над водой, так как, в соответствии со справедливым замечанием исследователя, «жизнь не пропадает бесследно, но каменным ли отпечатком, легким ли дыханием обретает бессмертие в ландшафте» (Беляков 2008), подобно бессмертию главной героини «Легкого дыхания» И. А. Бунина.

Если в антонимической паре бесформенность-форма первый семантический элемент связан с образом облака, то наивысшим выражением последнего служит именно образ статуи. Статуя представляет собой форму настолько совершенную, что обретает собственную «душу тела» – музыку, которая, однако, является порождением не звука, но взгляда. Отсюда вытекает важная для художественной системы Иличевского дихотомия слепота/зрячесть, которой мы планируем посвятить отдельное исследование.

В завершение хотелось бы остановиться на некоторых интертекстуальных переключках «Облака» с другими произведениями, что поможет нам взглянуть на рассказ во всей полноте его контекстуальных связей с прецедентными текстами русской литературы. Справедливым

представляется предположение о сюжетной перекличке «Облака» с «Пиковой дамой» А. С. Пушкина (Беляков 2008), но этим, на наш взгляд, литературные параллели не исчерпываются.

Можно ли увидеть в рассказе «следы» влияния Ф. М. Достоевского? В какой-то степени да. Важно учитывать, что Венеция занимала важное место в творческом сознании Ф. М. Достоевского, формируя особый, нечленимый образ, Знак, так что исследователи склонны говорить не столько о венецианских мотивах, сколько о широком мотивном поле Венеции у Ф. М. Достоевского (Меднис 1999), не ограниченном рамками отдельных произведений и сопряженном, перекликающимся с другим ключевым текстом русской литературы – петербургским.

При первичном сопоставительном анализе рассказа «Облако» и романа «Преступление и наказание» сразу отмечаем сходство на сюжетно-фабульном уровне – главный герой, в случае А. В. Иличевского, героиня, убивают «хищную и вредную» богатую старуху не только ради денег – оба героя выносят ей приговор, считая ее существование бессмысленным:

С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет» (Достоевский 2001: 58).

Взять старуху: своим существованием она оскверняет отражение – память города о себе» (Иличевский 2008). При этом Венеция в сознании Ф. М. Достоевского соотносится не только со старостью, но и с юностью, вплетаясь в мотив «прекрасного и высокого» (Меднис 1999), что как нельзя справедливо и для художественного мира Иличевского, в пространстве которого молодость Нади антонимично спаяна как со старостью графини, так и с «увяданием» Венеции.

Мотив камней, закрепившийся в венецианском тексте еще с середины XIX в., у Ф. М. Достоевского становится семантическим антиподом мотиву петербургских камней. Так, камням мостовой, которые мертвы для Раскольникова и источают смерть для других обитателей Петербурга, Достоевский противопоставляет старые, но живые камни Венеции и шире – всей Европы, столь дорогие русскому человеку⁴. Образ «живых камней»

⁴ Иллюстрируя эту мысль, Меднис приводит цитату из первой редакции романа «Преступление и наказание», где герой, осматривая панораму Петербурга, рассуждает: «Есть в нем одно свойство, которое все уничтожает, все мертвит, все обращает в нуль, и это свойство — полнейшая холодность и мертвенность этого вида. Совершенно необъяснимым холодом веет от него. Духом немоты и молчания, дух „немой и глухой“ разлит во всей этой панораме. Я не умею выразиться, но тут даже и не мертвенность, потому что мертво только то, что было живо,

достигает максимального выражения в «живых» венецианских статуях Иличевского.

И героя Ф. М. Достоевского, и героиню Иличевского объединяет одна важная характеристика – оба они буквально «расколоты», лишены сознания себя как целостной личности. Смерть Нади и ее метафизический переход в вечность перекликаются с символической смертью и возрождением Раскольникова, с той ключевой разницей, что Надя, так и не осознав ни тяжести своего преступления, ни, по сути, существования собственной души («И Надя страдала, как страдает животное: не сознавая себя, неспособная надеждой примерить избавление» (Иличевский 2008)), не получает шанса на духовное и, что особенно важно для Иличевского, интеллектуальное возрождение, первым шагом к которому стало бы излечение от мигреней и преодоление диссоциативного расстройства – то есть обретение желанной целостности.

а тут знаю, что впечатление мое было совсем не то, что называется отвлеченное, головное, выработанное, а совершенно непосредственное. Я не видал ни Венеции, ни Золотого Рога, но ведь наверно там давно уже умерла жизнь, хоть камни все еще говорят, все еще „вопиют“ доселе» (Меднис, 1999).

Литература

- Беляков, С. С.* Память ландшафта. Об Александре Иличевском [Электронный ресурс] // Название сайта: [Новая карта русской литературы]. [Новый мир, 2008, №10]. – URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/beliakov-ob-ilichevskom/> (дата обращения: 13.05.2020).
- Бунин, И. А.* «Венеция», «Колоколов средневеквой...» // Антология. Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888-1972. – Новое литературное обозрение, 1888-1972. – С. 232-235.
- Достоевский, Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Издательство «Детская литература», 2001. – С. 58.
- Иличевский, А. В.* Облако. [Электронный ресурс] // Название сайта: [Журнальный Зал]. [Октябрь, 2008, №1]. – URL: <https://magazines.gorky.media/october/2008/1/dva-rasskaza-129.html>. (дата обращения: 10.05.2020).
- Иличевский, А. В.* Точка росы. [Электронный ресурс] // Название сайта: [Журнальный Зал]. [Новый Мир, 2016, № 1]. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2016/1/tochka-rosy.html. (дата обращения: 17.04.2020).
- Кара-Мурза, А. А.* Знаменитые русские о Венеции. / А. А. Кара-Мурза. – М.: Издательство Независимая Газета, 2001. – С. 259.
- Мандельштам, О. Э.* Собрание сочинений. В 4 т. Т.1. Стихи и проза 1906-1921 / О.Э. Мандельштам. – М.: Арт-бизнес-центр, 1993. – С. 145-146.
- Меднис, Н. Е.* Венеция в русской литературе. [Электронный ресурс] // Название сайта: [ВикиЧтение]. [Новосибирск, 1999]. – URL: <https://lit.wikireading.ru/46557> (дата обращения: 13.05.2020).
- Надежда. Азбука веры. [Электронный ресурс] // Название сайта: [azbuka.ru]. – URL: <https://azbuka.ru/nadezhda>. (дата обращения: 23 апреля 2020).
- Пропп, В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. [Электронный ресурс] // Название сайта: [Большая Универсальная Библиотека]. [Лабиринт, 1998]. – URL: http://www.many-books.org/auth/3705/book/10950/propp_vladimir_ya/istoricheskie_korni_volshebnoy_skazki. (дата обращения: 21.12.2020).
- Федоров, А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 402.

Goncharova Y.A.

PhD student of Vanvitelli University, Italy
yana.goncharova@unicampania.it

Motives and imagery of the story *The Cloud* by A. V. Ilichevsky in light of the Venetian symbolic code

This article focuses on the structural and functional analysis of the complex of Venetian motifs in *The Cloud* by A.V. Ilichevsky on the basis of previous works with Venice as theme in Russian literature. The variety of motifs have been researched, both having a genetic link with the mythic concept of Venice (water, mirror, death, carnival) as well as with the author's individual imagery (cloud, bird, house, blindness); and the mechanisms of their interaction and interinfluence. As part of the study, a number of intertextual links between the story and other Venetian texts and classical works of Russian literature were have been cited.

Keywords: Ilichevsky, Venetian symbolic code, motive and imagery analysis, intertextuality, individual style

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 821.161.1-32Dostoevsky:94(100)

Романова Галина Ивановна

Московский городской педагогический университет, Россия
galinroma@mail.ru

Всемирная история в художественном мире романов Ф.М. Достоевского

В статье определены содержательные и формальные функции исторических аллюзий в романах Ф.М. Достоевского. Упоминая научные труды и учебники по истории, включая рассказы о событиях и выдающихся деятелях прошлого, писатель представляет их как часть художественного мира, расширяет хронотоп своих произведений. Аргументация авторской концепции, основанной на представлениях о единстве прошлого для всего человечества, определена как основное содержание исторических аллюзий.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, аллюзии, всемирная история, цивилизация

Материал, к которому обращался Достоевский, работая над своими художественными произведениями, широк и разнообразен. Он включает в себя не только литературные, публицистические, философские, религиозные тексты, но и известные исторические труды. Отсылки к событиям мировой истории, жизни выдающихся политических, религиозных, культурных деятелей разных стран и народов характерны для художественного мира Достоевского. Его герои, решая актуальные социальные, религиозные, философские, морально-нравственные вопросы, обращаются к истории России, Европы, Азии, Америки разных эпох (Античность, Средневековье, Ренессанс, XVII–XVIII вв.). Но если литературные цитаты, аллюзии, реминисценции – аспект произведений Достоевского, довольно глубоко изученный к настоящему времени, то обращение писателя к фактам всемирной истории реже оказывается в зоне внимания исследователей. Российских ученых XX в. интересовал преимущественно историзм как принцип художественно-эстетической системы писателя (Исупов 2010, Кайгородов 1980, Тарасов 2012, Фридендер 1964, Черепнин, 1968) или историографическая значимость его публицистики (Любятинская 2006 и др.). Но исторические события, личности, артефакты – значимая часть художественного мира его романов, которая нуждается в специальном освещении. Классификация и определение функций исторических аллюзий является целью данной статьи. Оговоримся, что история христианства и Церкви, к которой часто обращался писатель в своих романах, в виду специфичности и обширности остается за пределами данного исследования. Историко-типологический подход с учетом структурно-семиотических представлений о литературном произведении представляется наиболее адекватным поставленной задаче.

Книги по истории с детских лет входили в круг чтения Достоевского. В конце жизни, завоевав писательскую известность, он выражал уверенность в необходимости знания истории и исторических сочинений. Обсуждая проблемы «полезного» чтения письме Н. Л. Озмидову (от 18.08.1880), он утверждал: «Вообще исторические сочинения имеют огромное воспитательное значение», и рекомендовал прочитать «всю историю Шлоссера и русскую Соловьева. Хорошо не обойти Карамзина. Костомарова пока не давайте. Завоевание Перу, Мексики Прескотта необходимы» (Достоевский 1996: 644). Названные в данном фрагменте книги «Всемирная история» немецкого историка Ф.-К. Шлоссера, «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева имелись в библиотеке самого писателя, была и «История царствования Филиппа II, короля испанского» В. Прескотта (в письме названы другие книги этого автора).

Эти исторические работы неоднократно упоминаются в художественных произведениях Достоевского. В речи его персонажей часто звучат имена выдающихся деятелей прошлого, его герои пересказывают, обсуждают события мировой истории. Обращение к ней автора, первичного субъекта речи, героев становится художественным приемом, выполняющим разнообразные функции.

Знание или незнание истории является **характеристикой** персонажей. В романе «Преступление и наказание» Мармеладов рассказывает о своей дочери: «Воспитания, как и представить можете, Соня не получила. Пробовал я с ней, года четыре тому, географию и всемирную историю проходить; но как я сам в познании сем был некрепок, да и приличных к тому руководств не имелось ... На Кире Персидском остановились» (Достоевский 1989: 19), т. е. на периоде V в. до н. э. Согласно тому, как рассказана биография древнеперсидского правителя «отцом истории» Геродотом, жизнь Кира была предопределена, он взшел на престол вопреки злой воле царя. Очевидно, что исторический персонаж выбран автором не случайно: здесь важно указание не только на период, но и на превратности жизни героя. Не освоившая даже начальный курс древней истории и не знавшая жизненных примеров, подтверждающих силу провидения, Соня верила в торжество высшей справедливости. Предпочтение автором отдано не приобретенному рациональному знанию, а душевной глубине и вере, соответственно Евангельской истине: «Так будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 20:16).

Книги по истории являются неотъемлемой частью художественного мира Достоевского, с ними связан ряд сюжетных эпизодов. О жизни персидского царя Кира напоминает и тема подмены младенца, «подкидыша», появившаяся в романе «Братья Карамазовы». Чтобы предотвратить пророчество и не допустить воцарение Кира на свой престол, его дед, мидийский царь приказал убить его сразу после рождения, но прислужник, получивший этот приказ, отдал младенца пастуху, у которого жена разрешилась мертворожденным ребенком. В романе «Братья Карамазовы» родившегося в бане Карамазовых дитя взял к себе на воспитание слуга Григорий, у которого в тот день скончался сын, проживший всего две недели.

В романе «Идиот» князь Мышкин, впервые попадая в дом купца Рогожина, видит на столе у Рогожина «две-три книги; одна из них, “История” Соловьева, была развернута и заложена отметкой» (Достоевский 1989: 209). Обращенность Парфена к прошлому – черта, объединяющая его с семьей и предками, несмотря на все их разногласия.

В романе «Братья Карамазовы» назван учебник «Краткое начертание всеобщей истории для первоначальных училищ» С. Н. Смараглова (СПб., 1845). Знаменательно, что лакей Смердяков не смог его осилить: старший Карамазов предложил: «...вот тебе “Всеобщая история” Смараглова, тут уж всё правда, читай. Но Смердяков не прочел и десяти страниц из Смараглова, показалось скучно» (Достоевский 1991: 142).

«История» Шлоссера упоминается в романе «Идиот» как книга, которую продает ученик, нуждающийся в деньгах, а Коля Иволгин с приятелями вместо «Истории» покупают ежа. Аглая перекупает его и просит передать в качестве подарка, в котором «заключается аллегория», Мышкину. Наивное уравнивание детьми ценности «Всемирной истории» и живого ежика само по себе не менее аллегорично и многозначительно, чем сам подарок, получив который, «князь точно из мертвых воскрес», «выходило, стало быть, что Аглая прощает... а для него это было не только главное, а даже и всё» (Достоевский 1989: 511).

События всемирной, в частности Европейской истории представляют контекст, исторический фон, в котором развивается характерное для России действие. Этот контекст дан фрагментарно в пространственном и временном отношении. Однако многократное упоминание фактов известных исторических событий указывает на то, что прошлое человечества является частью сознания образованных русских людей. Рассуждения героев о всемирной истории и о судьбах мира является важнейшей чертой духовной атмосферы мира романов Достоевского. Высокое напряжение интеллектуальных споров контрастирует с убогой обстановкой трактиров, в которых, как отметил это еще Д. С. Мережковский, «происходят самые важные, мистические, отвлеченные и страстные разговоры главных героев его о последних судьбах русской и всемирной истории. ... чувствуется, что здесь впервые наша русская мысль выступает на арену подлинно европейской, вселенской культуры...» (Мережковский 2000: 164-165).

Исторические аллюзии в романах Достоевского вводятся как упоминание имен выдающихся деятелей, деталей их частной жизни, поступков, вошедших в историю. Так, слова двойника (черта) Ивана Карамазова: «Вспомнил Лютерову чернильницу!» – напоминают читателям, знакомым с историей немецкой Реформации (XVI в.), легенду о том, как Мартин Лютер, проведший год в трудах и одиночестве, боролся с досаждавшим ему искусителем, являвшимся в разных обликах, и однажды запустил в него чернильницу. Определяемый исследователями как философско-публицистический роман «Братья Карамазовы» (Ветловская 1991) построен на фактах современной писателю жизни России и обращен

к современникам, для которых история Лютера не требовала разъяснения, но вызывала соответствующие ассоциации, как бы подтверждая реальную возможность материализации зла, заключенного в самом человеке. Историческая аллюзия на знаменитый эпизод из жизни выдающегося деятеля не только теологии, но и культуры в целом (реформатора языка, образования, музыки) в романе Достоевского становится объяснением происходящего с Иваном Карамазовым: для атеистически настроенных читателей – проявление болезненного состояния, вызванного перевозбуждением, «расстройства в мозгу», вызвавшего «галлюцинации» (Достоевский 1991: 139), для верующих в реальность существования нечистого – исторической аналогией.

События, происшествия, факты прошлого, поведение выдающихся исторических деятелей для персонажей Достоевского становятся примером и аргументом в разрешении мировоззренческих вопросов. Таков, например, Наполеон в теории Раскольникова («Преступление и наказание»). Своеобразное преломление реальных исторических фактов из жизни французского полковника в рассуждениях литературных героев позволяет говорить о «Наполеоновском мифе» в русской литературе и в творчестве Достоевского (Подосоковский 2007).

В художественном мире Достоевского восхищаются Наполеоном только духовно ущербные лица с извращенными представлениями об истории. Именно Смердяковым («Братья Карамазовы»), персонажем, воплощающим характер человека бездарного, пошлого, жестокого, высказано утверждение: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы...» (Достоевский 1991: 252). Возвеличивание инициатора переворотов и сопровождающих их кровопролитий (именно этот аспект деятельности француза затрагивается русским писателем), по мысли Достоевского, является глубоким заблуждением необразованного и неразвитого ума.

В мечтах главного героя романа «Подросток» (1875) другое историческое лицо и история его обогащения – парижский банкир Жемс Ротшильд, чье богатство и финансовые дела были непосредственно связаны с политическими деятелями и событиями XIX в.

Герои оценивают друг друга, проводя аналогии с историческими личностями. В «Преступлении и наказании» достоинство, с которым несет свою бедность мещанка Авдотья Раскольникова, сестра главного героя, влюбленный в нее Разумихин сравнивает в своих размышлениях с величием королевы: «Та королева, – думал он про себя, – которая чинила свои чулки

в тюрьме, уж конечно, в ту минуту смотрела настоящею королевой и даже более, чем во время самых пышных торжеств и выходов...» (Достоевский 1989: 207-208), что не унижало ее, но напротив, проявляло степень ее смирения, подчеркивало добродетели. Русский студент вспомнил здесь о Марии Антуанетте (1755–1793), которая, как известно, была казнена во время Великой французской революции.

Рассказ Лебедева (роман «Идиот») о последних минутах жизни графини Дюбарри (1793), фаворитки французского короля Людовика XV, обезглавленной во время революции, становится мотивировкой размышлений (во многом автобиографических для Достоевского) о последних минутах жизни осужденного на казнь. Включение рассказа об историческом событии является эпизодом с особым хронотопом и сюжетом (Романова 2012).

Имена исторических деятелей используются Достоевским как **стилистический прием** (антономасия), троп, заключающийся в употреблении собственного имени, ставшего нарицательным, в качестве характеристики персонажей. Обращает на себя внимание тот факт, что чаще всего это самохарактеристика героев. Например, Бурбоном назвал себя Дмитрий Карамазов: «Бурбон я был ужаснейший в большинстве тогдашних случаев, и сам это чувствовал» (Достоевский 1991: 126). Значение грубияна и невежды имело это прозвище, происхождение которого связано с реставрацией французской королевской династии Бурбонов. Оно адекватно передает оценку Дмитрием своего жестокого поступка, совершенного в бытность его прапорщиком.

Упоминание имен исторических деятелей является в романе средством выразительности, основой ярких сравнений, метафор, гипербол и литот. «...У иного сердце, как у Александра Македонского, а у другого — как у собачки Фидельки. У меня — как у собачки Фидельки» (Достоевский 1991: 87), — говорит о себе Федор Павлович в том же романе. Сравнение бесстрашия Александра Великого (356—323 до н.э.) с робостью комнатной собачки вызывает комический эффект, что подчеркивает шутовское поведение старшего Карамазова. Лебедев (роман «Идиот») объяснял князю Мышкину свои подлые поступки тем, что «он рождён Талеёраном», т.е. мастером интриг, как французский политик и дипломат конца XVIII — начала XIX в.

Особый случай в поэтике романов — упоминание исторических лиц в небылицах генерала Иволгина, знавшего, по его словам, маршала Даву, Наполеона и Жозефину, Констана (Л.-К Вери, камердинера Наполеона), мамелюка Рустаана. Анахронизмы, абсурдные ситуации, придуманные

генералом, противоречат ходу истории и делают ложь очевидной для князя Мышкина, который «недавно прочел книгу Шарраса о Ватерлооской кампании» (Достоевский 1989: 499). Кроме книги Ж.-Ф. Шарраса «История кампании 1815 года. Ватерлоо», основой для сочинений Иволгина явились мемуары мамелюка Рустама Раза, книга Л.-К Вери «Наполеон в России».

Афористические высказывания исторических лиц (преимущественно представителей истории Франции) встречаются в речи героев Достоевского вследствие существования значительного пласта галлицизмов в русском языке, не только слов, но и идиом и крылатых выражений, обусловивших историко-культурную общность двух народов. Например, суть мировоззрения старшего Карамазова передана выражением, приписываемым Людовику XV (королю Франции с 1715 по 1774 г.) или маркизе де Помпадур (1721—1764): «Après moi le deluge» (после меня хоть потоп). Как бы ни истолковывался смысл этой фразы, сказанной в ответ на сообщение о поражении при Росбахе (1757), она демонстрирует логику мышления эгоцентрика.

Знаменателен в заявленном аспекте фрагмент диалога Федора Павловича и Миусова в келье Зосимы. Карамазов говорит о себе, что сам он «всегда аккуратен, минута в минуту, помня, что точность есть вежливость королей», тем самым как бы претендуя на более высокий статус, чем мог рассчитывать, что и было отмечено присутствующими: «Но ведь вы, по крайней мере, не король» (Достоевский 1991: 46). Отметим, что известная фраза Людовика XVIII (короля Франции в 1814–1824 гг.): «Точность есть вежливость королей», процитирована не корректно. Ее продолжение «...но обязанность для их подданных» значительно меняет смысл высказывания. Так обозначено противоречие между претензиями и одновременно шутовством в характере Карамазова-старшего, пренебрежительное к нему отношение. Попытка Федора Павловича утвердить свою точку зрения на происходящее в ските не удалась, в следующей главе «Скандал» он «уж сдержать себя не мог и полетел как с горы» (Достоевский 1991: 102).

Внешность своих персонажей Достоевский наделяет узнаваемыми чертами исторических деятелей, такими деталями, как, например, «маленькая, наполеоновская бородка», которую носил Наполеон III, император Франции (с 1852 г.). Этот частный художественный прием обращения к историческому факту в ряде случаев становится способом оценки современной писателю действительности. Так, описывая внешность Федора Павловича Карамазова, повествователь повторяет его самохарактеристику: «”вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка”. Этим он, кажется, гордился»

(Достоевский 1991: 27). Высказывание вызывает ассоциации с историческим трудом Э. Гиббона «Истории упадка и разрушения Римской империи», сокращенный перевод которого на русский язык был опубликован в 1824 г. Гордость старшего Карамазова своей распушенностью, подкрепленная исторической аналогией, дает основания для очень широких обобщений. Как считают исследователи, «замечание героя исподволь вводит параллель, согласно которой Россия описываемого здесь времени уподобляется древнему разлагающемуся Риму» (Ветловская 1991: 635). Таким образом, ссылка на конкретный период европейской истории выполняет в романе функцию сравнения и косвенной оценки, в первую очередь, социально-политического устройства и морально-нравственного состояния общества.

История, и не только русская, но и всемирная, предстает как часть менталитета персонажей, повествователя и, в конечном счете, автора и читателей, к которым он обращался. Отсылкой к европейской историографии является нередко встречающиеся в произведениях Достоевского жанр хроники (провинциальной хроники – повесть «Дядюшкин сон», роман «Бесы») и повествование от лица хроникера, стремившегося к точной фиксации происходящего. Вымышленный рассказчик в романе «Братья Карамазовы», обращаясь к прошлому, как бы бесстрастно передает ход действий, которые подводят читателей к мысли о разрушительном влиянии исторических событий на частную жизнь.

Основная функция исторических аллюзий в романе – **аргументация авторской мысли**, которая тем более убедительна, чем более опирается на реальные, всем известные факты. С помощью исторических фактов в художественной литературе объясняются события настоящего. Л. П. Гроссман писал о Достоевском: «Фантаст и духовидец, он любил документальные данные и точную аргументацию книжных данных» (Гроссман 1923: 7). Обращение к истории явилось основанием для утверждения писателем в очерке «Пушкин» самого понятия «всемирности» как «воссоединения людей», приобретаемого «силой братства» (Достоевский 1995: 439).

Своеобразным выводом из ретроспективного осмысления жизни европейских народов являются рассуждения писателя о европейской цивилизации и ее бездуховности. В «Записках из подполья» (1864) герой, опровергая мысль Г. Т. Бокля, автора «Истории цивилизации в Англии» (русский перевод в 1862–1864 гг.) размышляет о том, что кругом «кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам всё наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. Вот вам Наполеон – и великий, и теперешний. Вот вам Северная Америка – вековечный союз. Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн...

И что такое смягчает в нас цивилизация?» (Достоевский 1989: 467). История мировых войн осмыслена писателем как парадокс: за массовую гибель людей и бессмысленную жестокость военачальникам оказывают величайшие почести. Это утверждение не однажды встречается в произведениях Достоевского. Так, в романе «Преступление и наказание» Раскольников констатирует, что кровь, «льется и всегда лилась на свете, как водопад», ее «льют, как шампанское», за нее «венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества» (Достоевский 1989: 491). Здесь автор напоминает и о Юлии Цезаре, получившем звание верховного жреца и военного трибуна после жестокой казни пиратов в Пергаме, и о Наполеоне, который «громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе... и ему же, по смерти, ставят кумиры, – а стало быть, и *всё* разрешается» (Достоевский 1989: 259).

Обобщая все сказанное, можно сделать следующие выводы. Всемирная история, изложенная в учебниках, научных исследованиях, мемуарах – значительная часть чтения Достоевского, который считал, что все «связаны и исторической и внутренней духовной нашей жизнью и с историческим прошедшим и с общечеловечностью. Что ж делать? Без того ведь нельзя; ведь это закон природы. Мы даже думаем, что чем более человек способен откликаться на историческое и общечеловеческое, тем шире его природа, тем богаче его жизнь, и тем способнее такой человек к прогрессу и развитию» (Достоевский 1993: 82).

Понимание прошлого как общечеловеческого характерно и для героев его романов, что проявляется в их речи, описаниях внешности, характеристиках. Функции исторических аллюзий не исчерпываются тем, что становятся основой тропов, сюжетных ситуаций, эпизодов, расширяют хронотоп романов. В ряде случаев напоминание о далеком и недавнем прошлом мотивирует поступки персонажей, указывает на узловые тематические и проблемные моменты произведений Достоевского, в конечном счете напоминают о всемирной истории, объединяющей страны и народы. Глубокий философский и морально-нравственный смысл изображенных писателем картин видится в отрицании индивидуализма, в восстановлении нравственных связей между людьми – всего того, что может спасти человечество.

Литература

- Ветловская, В. Е.* Комментарии / В. Е. Ветловская // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т.9. – М.;Л.: Наука, 1991. – С. 633–694.
- Гроссман, Л. П.* Семинарий по Достоевскому. Материалы. Библиографии и комментарии /Л. П. Гроссман. – М.;Пг.: Госиздат, 1923. – 118 с.
- Достоевский, Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1988–1996.
- Исупов, К. Г.* Историческое познание в художественном опыте Ф. М. Достоевского // К. Г. Исупов. Русская философская культура. – СПб. : Университетская книга, 2010. – С. 114–143.
- Кайгородов, В. И.* Об историзме Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1980. –Т. 4. –С. 27– 40.
- Любятинская, У. С.* Исторические воззрения Ф. М. Достоевского (по материалам «Дневника писателя»): автореф. дис. ... канд. ист. наук / У. С. Любятинская. – М.: РУДН, 2006. – 32 с.
- Мережковский, Д.С. Л.* Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. – М.: Наука, 2000. –587 с.
- Подосокорский, Н.Н.* Картина наполеоновского мифа в романе «Братья Карамазовы» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М.: Наука, 2007. – 835 с.
- Романова, Г. И.* Тематическая функция времени в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Г. И. Романова. Традиции в русской литературе. Литературоведческий анализ и критическая интерпретация. – Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. – С. 75–80.
- Тарасов, Б. Н.* «Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев. Неопознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский / Б. Н. Тарасов.– СПб.: Алетейя, 2012. –352 с.
- Фридлиндер, Г. М.* Реализм Достоевского / Г. М. Фридлиндер. –М.; Л.: Наука, 1964.– 404 с.
- Черепнин, Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы/ Л. В. Черепнин. –М.: Мысль, 1968. – 383 с.

Romanova G.I.

Moscow City University, Russia
galinroma@mail.ru

World History in the Artistic World of Dostoevsky's Novels

This article defines the content and formal functions of historical allusions in the novels of F. M. Dostoevsky. Mentioning scientific works and textbooks on history, including stories about events and prominent figures of the past, the writer presents them as part of the artistic world, expanding the chronotope of his works. The argumentation of the author's concept, based on the idea of the unity of the past for all mankind, is defined as the main content of his historical allusions.

Keywords: F. M. Dostoevsky, allusions, world history, civilization

Обзорная статья/ Review/Pregledni rad
UDK 821.161.1:616-036.22

Стрельникова Наталья Даниловна

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ», Россия
tashastrel@mail.ru

К разговору об эпидемии, чуме, гигиене в современной русской литературе

Статья посвящена теме эпидемии, которая рассматривается на примере сценария Л. Улицкой и рассказа Л. Петрушевской. К рассуждениям на тему привлекаются другие произведения: роман А. Камю «Чума» и пьеса Е. Водолазкина «Сестра четырёх». Поднимаются вечные вопросы: что происходит с человеком и что делать?

Ключевые слова: эпидемия, пандемия, чума, гигиена, вирус, Улицкая, Петрушевская

2020 год прошёл в условиях вынужденной изоляции под знаком пандемии. Вирус неожиданно изменил жизнь миллионов людей. В истории человечества страшные эпидемии случались неоднократно: эпидемия в Афинах в 430 г. до н. э. (Афинская чума); глобальная пандемия VI века (чума Юстиниана); Чёрная смерть или пандемия бубонной чумы в 1347 г. в Европе; чума в Марселе в 1720 г.; чума в Москве в 1654 г.; чумной бунт в Москве в 1771 г.; грипп, полиомиелит, нашествие испанки в 1918 г.; эпидемия Эбола в 1976 г. и другие мировые эпидемии (Дилетант 2020: 18–19). Самым известным и ярким литературным памятником об эпидемии чумы в Европе XIV века стала книга Дж. Боккаччо «Декамерон» (1348–1351). «Боккаччо схватил живую, психологически верную черту явлений чумы, страсти жизни у порога смерти. Его “Декамерон” – это “пир во время чумы”» (Веселовский: 1939).

В XXI веке население земли снова оказалось неготовым к новой вспышке вируса, и снова есть потребность осмыслить и осознать происходящее, извлечь уроки из прошлого. Одна за другой выходят книги «Вообще чума!» (Паевский 2018), «Пандемия, или медицинские хроники» (Бушков, 2020), «Вот холера!» (Паевский 2020) и др. Номер журнала «Дилетант», вышедший в июне 2020 г. почти целиком посвящен теме эпидемии (Дилетант 2020: 10–43; 80–81). Началась вакцинация; говорят о вероятности новой волны пандемии, но когда-нибудь распространение коронавируса кончится. Что будет дальше? Одно ясно совершенно точно: мир и человечество будут другими. Вопрос: лучше или хуже?

Весной 2020 г. петербургский писатель Е. Г. Водолазкин, пытаясь понять и объяснить происходящее, пишет пьесу «Сестра четырёх», буквально по горячим следам, в самый разгар пандемии. Задолго до появления феномена коронавируса Л. Е. Улицкая написала сценарий «Чума, или ООИ в городе», и чуть позже появился рассказ Л. С. Петрушевской «Гигиена», судя по названию, казалось бы, на другую тему. Все произведения написаны в разных жанрах и в разное время, тем не менее, они удивительным образом пересекаются и совпадают в некоторых базовых моментах и выводах.

Людмила Евгеньевна Улицкая (1943) окончила биологический факультет МГУ. Будучи генетиком по профессии, она недолго работала в Институте общей генетики АН СССР, затем была завлитом в Камерном еврейском музыкальном театре, занималась переводами, достаточно поздно начала писать. Произведения писательницы переведены более чем на 20 языков мира. Первая повесть «Сонечка» была опубликована в журнале «Новый мир» в 1992 г. Улицкая – автор многих книг, самые известные из

них: «Медя и ее дети» (1996), «Весёлые похороны» (1997), «Искренне ваш, Шурик» (2003), «Даниэль Штайн, переводчик» (2006), «Лестница Якова» (2015) и др. Наиболее значительным произведением является, по видимому, всё-таки роман «Казус Кукоцкого» (2001), в котором освещены сложные семейные отношения и полная противоречий судьба талантливого врача. По этой книге поставлен художественный сериал (2005 г., режиссёр Ю. Грымов). Улицкая не раз выступала в роли драматурга, она автор сборника пьес «Русское варенье и другое» (2008). Проблемы семьи и общества, разные типы человеческих характеров и непростые семейные отношения, антисемитизм и нетерпимость, сталинские репрессии – все эти темы, постоянно поднимаемые автором в книгах, уже присутствуют в её первом сценарии. Улицкая является сценаристом художественных фильмов «Сестрички Либерти» (1990 г., режиссёр В. Грамматиков) и «Женщина для всех» (1991г., режиссёр А. Матешко), она принимала участие в создании мультфильмов (1983 г., «Сто пуговиц»; 1987 г., «Тайна игрушек»). Однако первым опытом в этом жанре, написанным в 1978 г., был сценарий под названием «Чума, или ООИ в городе». Написанный более 40 лет назад текст был отложен и практически забыт. Но вот уж поистине, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» и, конечно, «рукописи не горят»... этот текст дождался своего часа и оказался востребованным почти через полвека. «Лучше бы этого не было! Но это так...» (Улицкая 2020: 3).

Микробиолог Рудольф Иванович Майер – сотрудник противочумного института в Саратове – работает над созданием противочумной вакцины. Неожиданно ночным телефонным звонком он срочно вызван в Москву. Действие происходит в 1939 г., и, хотя исследования не закончены, спорить с вышестоящими инстанциями бесполезно. Майера торопят, он спешит, потому что промедление может стоить жизни. Одно неосторожное движение в результате спешки, и «предельно аккуратный», опытный, талантливый учёный становится носителем и распространителем смертельно опасного штамма чумы. Улицкая виртуозно демонстрирует, как мгновенно происходит распространение вируса лёгочной чумы, запускается механизм массового заражения, какими способами власть в СССР пытается предотвратить эпидемию. Улицкой удаётся в рамках небольшого киносценария воспроизвести тревожную обстановку этого времени: это атмосфера недоверия и страха.

Сюжет не придуман, он воспроизводит события, действительно имевшие место быть. В интервью о рукописи «Чумы» Улицкая рассказывает: «Об этой истории, которая была в СССР малоизвестна, я узнала от моей приятельницы. Её отец, патологоанатом, был участником

этой истории, которая разворачивалась в Москве в 1939 году» (Сдобнов 2020). Короткая, но вбирающая в себя чрезвычайно много судеб, повесть развивается стремительно. Майер, из «заваленного сугробами, едва видного под снегом» (Улицкая 2020: 4) Саратова, выезжает в Москву. Используемый Улицкой кинематографический приём монтажа позволяет переносить действие из небольшой деревни, находящейся в средней полосе России, в пригород Тамбова, в Ленинград или на безымянную железнодорожную станцию, затем – в Ашхабад и туркменский аул под Ашхабадом и т.д., расширяя пространство повести, становящейся, таким образом, более объёмной и масштабной. Мелькают квартиры, больницы, улицы, министерства в Москве, как кадры будущего фильма. Этим же приёмом объясняется некая схематичность, отрывочность сменяющих друг друга фрагментов, представляющих собой зарисовки из жизни разных героев. Постепенно проясняется взаимосвязь между ними. Цепочка возникающих эпизодов, на первый взгляд не связанных друг с другом, высвечивает разные характеры и типы человеческих отношений. Улицкая привлекает огромное для небольшого произведения число действующих лиц разных возрастов и национальностей, живущих в разных условиях и местах, занимающих неодинаковое социальное положение, но оказавшихся случайно вовлечёнными в происходящие события. Использование такого композиционного приёма позволяет рассмотреть советское общество периода 1939 г. с точки зрения социального состава: наука, медицина, власть, интеллигенция, служащие и военнослужащие, крестьяне, и, естественно, представители НКВД.

Писательница показывает механизм распространения смертельного вируса и не менее сложный, страшный по скорости исполнения механизм приведения в действие системы отслеживания, фиксации всех контактов с целью предотвращения дальнейшего заражения и установления карантина. Сотрудники НКВД на улице забирают людей, контактировавших с больными, и, таким образом, власть создаёт карантин. Отдельно выхваченные эпизоды из жизни граждан Советского Союза конца 30-х гг. свидетельствуют о жёсткой иерархической системе тоталитарного государства. Иерархическая лестница существует в каждой сфере жизни, в данном случае автор рассказывает об её устройстве в области медицины: медсестры, врачи, медики-чиновники, инфекционисты, ученые, микробиологи, главврачи, академики, министры и, безусловно, представители Госбезопасности. Улицкая останавливается ещё на одном механизме, существующем в тоталитарных государствах, – это механизм распространения информации. Чума смертельно опасна, она переносится

мгновенно, необходимо объявить карантин, но во избежание паники решено «предложить версию, которая бы не вызвала больших волнений <...> инфлюэнца <...>. И слово красивое и не совсем понятное. Значит, карантин по инфлюэнце» (Улицкая 2020: 16).

Приём монтажа помогает варьировать планы быстро меняющихся картин, крупный план сменяется перспективным, дальним или общим, кадр может представлять собой детальное изображение или так называемый средний план; операторская камера то приближается, то отъезжает, удаляя изображение. Рассказ начинается издалека, это как бы взгляд «с птичьего полёта», но постепенно кадр приближается: «Через огромную выюжную пустыню, высвечивая фарами дрожащее пятно, подвижный вихрь снега, идёт состав из товарных вагонов. <...> Длинное одноэтажное здание на отшибе у целого света занесено снегом» (Улицкая 2020: 4). Однако в повествовании много крупных планов. Например: «... Высокое Лицо моет руки в туалете, смотрит в зеркало на своё отражение. Набирает в рот воды, полощет, сплёвывает в раковину» (Улицкая 2020: 17). Замечательно, как поголовски Улицкая называет вождя. Совершенно очевидно, что речь идёт об И. В. Сталине, Очень Высокое Лицо говорит, используя характерные для него обороты речи: «А что скажет главный инфекционист?» (Улицкая 2020: 17).

Формат киносценария – это особый жанр, когда автор игнорирует описания, не размнивается на мелочи, не задерживается на детализации, а фиксирует главное, с его точки зрения, а главным, помимо упомянутых механизмов, являются наблюдения автора о том, как по-разному ведут себя люди, поведение человека в предложенных обстоятельствах. Кто-то в случае угрожающей опасности мгновенно отрешивается от мужа, а кто-то, принося себя в жертву, пишет письмо Сталину с просьбой освободить осужденного родственника, кто-то мужественно и спокойно, без надрыва, выполняет свой долг, зная, что умрет, а кто-то сразу пускает себе пулю в лоб...

В предпоследнем эпизоде доктор Коссель звонит домой и успокаивает жену, говоря, что он «жив-здоров! Всё в порядке! Это была просто чума! Всего только чума!» (Улицкая 2020: 39). Предыдущий кадр-эпизод позволяет увидеть стоящий одиноко «воронок». Двое оттесняют одного из покидающих больницу человека с предложением пройти с ними, и «толпа как-то рассеивается вокруг», несчастный «идёт к машине в сопровождении двоих» (Улицкая 2020: 39). Здесь не избежать сравнения государственного режима и контроля НКВД с чумой. Одна чума помогает избавиться от другой, собственно чумы, болезни. Сценарий Улицкой называется почти

так же, как роман-притча Альбера Камю. Эпидемию чумы в алжирском городе Оране, которую подробно описывает Камю, сравнивали с распространением другой, «коричневой» чумы, т.е. с нацизмом, хотя сам Камю не поддерживал эту версию (Быков 2020: 92). Роман Камю является не только хроникой эпидемии чумы, но это и «книга именно о том, как вести себя человеку в условиях абсолютного и непобедимого зла, которое коренится в самой природе вещей» (Быков 2020: 92). Улицкая пишет в художественной аннотации: «Предполагается, что если ружьё в первом акте висит на стене, то в последнем оно должно выстрелить. Многие годы я писала разные тексты и ... не публиковала. И вдруг оказалось. Ружьё-то стреляет. И не холостыми патронами. Сценарий “Чума”, сочинённый очень давно, оказался неожиданно актуальным» (Улицкая 2020: 3.).

Любопытная переключка возникает с пьесой Е. Водолазкина «Сестра четырёх», действие которой происходит в инфекционной больнице имени Альбера Камю. В первой же ремарке автор обозначает: «время от времени раздаётся стук топора» (Водолазкин 2020: 13). Подобно ружью, топор сыграет свою роль в пьесе, правда, это будет фарс и пародия.

Итак, в 1978 г. появился киносценарий Л. Улицкой «Чума», не публиковавшийся текст и найденный автором во время карантина 2020 г., в 2020 г. Е. Водолазкин пишет пьесу, действие которой происходит в инфекционной больнице имени Альбера Камю. Самая известная книга А. Камю, может быть, не лучшая, но чрезвычайно актуальная и востребованная сейчас, конечно, роман-притча «Чума» (1947). Улицкая, утверждая, что «эпидемия опасной болезни – не новость в истории человечества», рассуждает: «Ведь не случайно, что половина моих друзей, после того как началась эта пандемия, не сговариваясь, раскрыли три книги: “Пир во время чумы” Пушкина, “Декамерон” Боккаччо и “Чуму” Камю. Книги – самое надежное хранилище человеческой памяти, но именно художественная литература вскрыла и глубину трагедии, и способы ее переработки в сознании человека» (Сдобнов 2020). Д. Быков не рекомендует читать «Чуму» Камю во время пандемии, потому что «по мысли Камю, чума непобедима, <...> но оставлять читателя с таким выводом – значит лишь поставить ещё один памятник чуме» (Быков 2020: 94). Однако без привлечения философской и очень точной в наблюдениях и выводах притчи Камю не обойтись. Так что в рефлексии от «Чумы» до «инфекционной больницы имени Альбера Камю» есть о чём подумать и поспорить.

Почти через 10 лет после не ставшего фильмом сценария Улицкой в журнале «Огонёк» был напечатан рассказ «Гигиена» Л.С. Петрушевской

(Петрушевская 1990: 27–29). Речь снова идёт об эпидемии с неизбежными вопросами: Что делать? Как вести себя? Что происходит с человеком? Удивительным образом все писатели совпадают в мнении о том, что вирус – не вовне, а внутри, но версия Петрушевской особенно страшна.

Людмила Стефановна Петрушевская (1938, Москва) – писатель, драматург, художник, певица, общественный деятель, волонтер, наверное, можно так сказать. Первый сборник рассказов Петрушевской вышел в 1988 г. Сейчас её разножанровые произведения переведены более чем на 20 языков мира.

Итак, название «Гигиена» предполагает, что речь в рассказе пойдёт о чём-то полезном и воспитательном, нужном и красивом. Что такое гигиена? Это необходимые действия, которые производит человек (животное) для поддержания чистоты и сохранения здоровья (принятие душа, водные процедуры и т.д.), а в условиях эпидемии, распространения инфекции, во время карантина – бороться с неряшливостью, быть аккуратным. Соблюдение простых правил поведения является обязанностью каждого по отношению к себе и другим. Рассказ начинается с того, что «однажды в квартире семейства Р. раздался звонок, и маленькая девочка побежала открывать» (Петрушевская 1993: 157). Молодой человек со странной розовой кожей на лице сообщает об эпидемии вирусного заболевания, охватившего город и угрожающего всем. Неважно, как называется болезнь, хотя автор описывает её симптомы и процесс протекания, он не конкретизирует, а выходит на уровень обобщения – некий город, некая болезнь, некий дом, некая семья. Молодой человек объясняет, что если соблюдать очень простые правила личной гигиены, «есть надежда остаться в живых» (Петрушевская 1993: 157). Личная гигиена – это элементарный уход за собой и это прямое значение слова. В рамках короткого рассказа Петрушевская жёстко и последовательно доказывает, как легко и стремительно положительное становится негативным, здоровое – больным, полезное – вредным, а правильное превращается в свою противоположность. Слово и понятие, которое оно обозначает, приобретает многозначность. Второе значение слова вступает в противоречие с первым, это гигиена души, взаимопомощь, сострадание и любовь к ближнему в ущерб индивидуальному, личной гигиене спасения в одиночку. Молодой человек снимает шляпу, «под которой был совершенно голый розовый череп, покрытый тончайшей, как плёнка на закипающем молоке, кожей» (Петрушевская 1993: 157), он переболел страшной болезнью и сейчас помогает другим: ходит по квартирам, носит продукты. На примере одной

семьи писательница наглядно показывает, как быстро люди превращаются в нелюдей.

Обратим внимание на детали. Молодой человек предлагает помощь. «Нам не надо», – отвечает ему дед. Молодой человек думает обо всех, живых и мёртвых, находящихся в четырех шестнадцатипятиэтажных домах, пытается собрать деньги для предотвращения распространения инфекции, но ему никто не помогает. «Нам не надо», – повторяет дед девочки, и другие жильцы дома разговаривают через цепочку, воспринимают юношу как попрошайку. Волонтёр, именно так можно назвать молодого человека, просит «в случае заболевания всех членов семьи» (Петрушевская 1993: 157) оставить открытыми двери. Мотив открытой двери – один из ключевых символов-понятий, вызывающий многочисленные параллели и ассоциации.

Во-первых, с романом Камю. Подробно описывая распространение чумы в Оране, этапы противостояния болезни и поведение людей, французский экзистенциалист фиксирует, что сначала «соседи распахивали окна и выглядывали на улицу. А со временем наоборот стали спешно закрывать все ставни. И вот тогда-то в сущности и начиналась борьба <...> в общем абстракция. <...> наглухо запирали двери» (Камю 2020: 113).

Во-вторых, Водолазкин, размышляя о «пандемии, закрывшей на замок все мыслимые города и государства», предлагает свою версию происходящего: «Может, дело не в вирусе? Может, оно как раз-таки в замке, в желании его повесить? Время снимать замки – и время их развешивать» (Водолазкин 2020: 8), а дальше обобщает: «Может быть, глобализация достигла той степени, когда все ждут повода, чтобы закрыть дверь?» (Водолазкин 2020: 8).

Ну, и наконец, переходя к ещё более широкому обобщению, процитируем фрагмент из стихотворения Б. Ш. Окуджавы с характерным семантически-значимым названием «Песенка об открытой двери» (1959): «Не запирайте вашу дверь / Пусть будет дверь открыта. / А если ляжет дальний путь, / Нелёгкий путь, представьте, / Дверь не забудьте распахнуть, / Открытой дверь оставьте. <...>. Дверям закрытым – грош цена, / Замку цена – копейка» (Окуджава 2010: 64).

В конце рассказа «Гигиена» оказалось, что «... дверь на лестницу никто не открыл <...> второй раз молодой человек пришёл в этот подъезд только вечером на исходе шестого дня <...>, где уже утихли, кстати, все стуки и крики» (Петрушевская 1993: 163).

Как в притче А. Камю «Чума» и в сценарии Л. Улицкой, так и в рассказе Петрушевской повисает атмосфера недоверия, потом страха, она

постепенно нагнетается. Начинается с малого, но процесс деградации и расчеловечивания происходит всё стремительнее: мародёрство, агрессия, грабежи, наконец, убийства. Об этом же, как неизбежном зле, пишет и Камю, но Петрушевская сосредоточивает своё внимание на одной семье. Шаг за шагом она описывает, как духовное разложение, распадение родственных связей происходит в полной и, казалось бы, счастливой семье, в которой все живы: бабушка, дедушка, папа, мама, девочка, даже кошка.

Первое осязаемое испытание, фиксируемое Камю в хронике «Чумы», – испытание заточением: «если иной раз мы давали волю воображению и тешили себя ожиданием звонка у входной двери, возвещающего о возвращении, или знакомых шагов на лестнице...» (Камю 2020: 89). Петрушевская с этого начинает – звонок, человек, шаги на лестнице. У Камю «в этом обострившемся до предела одиночестве никто <...> не мог рассчитывать на помощь соседа и вынужден был оставаться наедине со всеми своими заботами» (Камю 2020: 95). В «Гигиене» есть молодой человек, протягивающий руку, предлагающий помощь, но от нее отказываются не только в семье маленькой девочки, но и во всем шестнадцатиэтажном доме. Камю рассказывает, что испытание заточением и чумой могло бы «закалить характеры, но получилось иначе» (Камю 2020: 94). Для персонажей Петрушевской заточение в замкнутом пространстве квартиры оборачивается заточением в комнате, в ванной, в собственном эго, в себе. Камю тоже далёк от мыслей о совершенстве человека. В его романе много примеров отвратительных поступков и низменных инстинктов, проявляющихся в людях в ситуации выживания. Однако вместе с этим одновременно он свидетельствует, что «чума стала общим делом» (Камю 2020: 83), всегда находятся благородные, честные, нормальные люди, проявляющие лучшие человеческие качества. В рассказе Петрушевской какого-либо «общего дела» нет и быть не может, и двери захлопываются даже между родственниками, перестающими быть единой общностью. Повторяющимися мотивами становятся ор и плач. Личная гигиена – превыше кровных уз.

А. Н. Веселовский в уже упомянутой выше работе о Декамероне писал о «нравственной растерянности», отражённой в разных памятниках того времени, «о том, что страх болезни, сообщавшейся от одного прикосновения, заставлял забывать самые естественные чувства и семейные узы, что родители бегали от заражённых детей и наоборот» (Веселовский 1939: 346). Петрушевская доводит страх заразиться до полного абсурда и наглядно демонстрирует процесс перерождения и вырождения. Чем педантичнее герои соблюдают личную гигиену, тем на более низкий

духовный уровень они опускаются, тем быстрее теряют человеческий облик. Самые простые и естественные представления «выворачиваются наизнанку»: личное здоровье и соблюдение правил гигиены для старого человека, дедушки, оказывается важнее заботы о маленькой беззащитной внучке, нуждающейся в любви и помощи, ребёнок – это будущего, ради которого и существует, наверное, семья. Петрушевская уверена, что болезнь не в городе, а внутри «людей», в их головах и душах.

Последовательнее всех личную гигиену соблюдает отец, неоднократно писательница повторяет, как аккуратно каждый раз после похода за добычей Николай снимает с себя всю одежду, выбрасывает в мусоропровод, протирается одеколоном с головы до ног и выбрасывает ватки за окно, кипятит рюкзак и т.д. Но именно он убивает женщину на улице, отбирая у неё еду. Именно он фактически уничтожает своих близких, изолируя их, запирая двери на стул. Сначала – дочь и кошку, потому что кошка съела мышь, а девочка поцеловала кошку. Через очень короткое время и дедушка с бабушкой будут заперты – в своей комнате, потом Елена, мама девочки, – в ванной. Так же как слово-понятие гигиена становится многозначным, приобретает переносное значение, становясь метафорой, так же и дверь, запертая на стул, становится метафорой разобщения, распада семьи, когда родные становятся чужими. Эпидемия вместо того, чтобы сплотить людей, реализовать естественную потенцию защиты и заботы друг о друге, любви и жертвенности ради будущего, наоборот, отдаляет их друг от друга, превращая в агрессивных, жестоких, эгоистичных и бессердечных нелюдей. Само понятие семья теряет заложенную в слове семантику, стремительно рушится, как картонный домик. Первым умирает Николай, затем – бабушка с дедушкой, последней – Елена. Парадоксально, но справедливо, что в живых остаётся только девочка, заботящаяся о кошке, отдающая половину еды животному, но не умеющая позаботиться о себе, не соблюдающая никакой личной гигиены, в силу возраста не умеющая сама даже подтираться. Напомним, что у Камю «борцы с чумой всё чаще и чаще пренебрегали правилами гигиены, которую сами же ввели, по забывчивости манкировали дезинфицирующими средствами, подчас мчались, не приняв мер предосторожности против инфекции, к больным лёгочной чумой, только потому, что их предупредили в последнюю минуту...» (Камю 2020: 239–240).

Ребёнку с не испорченной никем и ничем душой, проявляющему детскую непосредственность, и кошке, живущей естественной жизнью, неведомы бездуховность и другие нравственные заболевания души. И снова невозможно не привести сравнение с притчей Камю, где главный герой, доктор Риз, каждый день сталкиваясь с заражёнными, остаётся цел

и невредим, потому что работает, всегда занят делом, которое не может оставить, как бы не устал и не считал свою работу бессмысленной. Камю вспоминает легенду, как «сто лет назад во время чумной эпидемии в Персии болезнь убила всех обитателей города, кроме как раз одного человека, который обмывал трупы и ни на минуту не прекращал своего дела» (Камю 2020:163). «Вся квартира грохотала от стуков, – заканчивает повествование Петрушевская, – мяукала кошка, в верхней квартире тоже дело дошло до стука <...>. И дверь на лестницу никто не открыл, а напрасно, потому что, неся хлеб, шёл по квартирам тот молодой человек...» (Петрушевская 1993: 163). Еще один мотив – стук: из комнаты девочки с криком выпустить, стук Елены из ванной, стук сверху. Стуками наполняется все пространство дома, но никто не слышит и не может помочь. И вспоминается, совершенно неосознанно, всплывает ассоциация ... Чехов! Помните, в рассказе «Крыжовник» автор, ненавидя равнодушие, обращается к читателям с призывом, что «...напоминал бы стуком, что есть несчастные <...> стрясется беда – болезнь, бедность, потеря, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других» (Чехов 1983: 176).

Концовка рассказа Петрушевской не так мрачна, как весь рассказ, она такова: «Однако кошка всё мяукала <...>, и молодой человек, услышав единственный живой голос в целом подъезде, где уже утихли, кстати, все стуки и крики, решил бороться хотя бы за одну жизнь <...> Что же он увидел? Чёрная знакомая гора в ванной, чёрная гора в проходной комнате, две чёрные горы за дверью <...> Кошка ловко прыгнула в отдушину, грубо выбитую ещё в одной двери, и там послышался человеческий голос. Молодой человек снял стул. И вошёл в комнату, усеянную стеклом, сором, экскрементами, вырванными из книг страницами, безголовыми мышами, бутылками и верёвками. На кровати лежала девочка с лысым черепом ярко-красного цвета, точно таким же, как у молодого человека, только краснее. Девочка смотрела на молодого человека, а на подушке ее сидела кошка и тоже пристально смотрела» (Петрушевская 1993: 164).

В своём постмодернистском антиутопическом рассказе Л. С. Петрушевская остановилась как бы на пороге будущего. А что будет дальше? Впрочем, с надеждой. Л. Е. Улицкая в беседе о «Чуме» высказывает свои опасения про дальше: «Самое интересное для меня – что будет потом? Не поставит ли жёсткость карантина свою печать на будущие отношения власти и общества? Вот это меня и занимает» (Сдобнов 2020).

В пьесе Е. Г. Водолазкина, написанной во время пандемии и о пандемии, но не только о ней, писатель цитирует известное библейское высказывание: «Екклесиаст сказал: время разбрасывать камни – и время

собирать камни. И дальше: время обнимать – и время уклоняться от объятий» (Водолазкин 2020: 44). Полный текст из Книги Екклесиаста звучит следующим образом: «Всему своё время, и время всякой вещи под небом: время родиться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Глава 3). Книга Екклесиаста является одной из книг библейского Ветхого Завета, текст представляет собой размышления царя Соломона о счастье и несчастье. Суть – в первой фразе о том, что всему своё время. И далее весь текст – о сменяемости разных действий и что особенно важно, не зависящих от желания или воли человека. Писатель, произнося известное высказывание, говорит о времени и истории, о прошлом и будущем, о настоящем, дополняя и импровизируя, но соглашаясь с Соломоном в главной мысли: «У истории один закон – ритм! Екклесиаст сказал: время разбрасывать камни – и время собирать камни. И дальше: время обнимать – и время уклоняться от объятий. <...> Пролетарии соединяются – пролетарии разъединяются. Приливы и отливы. Историю определяет ритм» (Водолазкин 2020: 44).

А. Камю, Л. Улицкая, Л. Петрушевская, Е. Водолазкин в разных жанрах (роман – киносценарий – рассказ – пьеса) написали свои размышления об эпидемии. Было интересно сопоставить эти произведения, и оказалось, что центр размышлений везде – это человек, что с ним, т.е., конечно, с нами, происходит во время эпидемий, пандемий, угрозы смертельной болезни и как перенесённое испытание повлияет на дальнейшую жизнь. Но неужели в России, чтобы что-то изменить, выйти из состояния растерянности, хаоса и абсурда, нужен вирус? Неужели «для того и существуют болезни, чтобы задуматься о том, какие мы» (Водолазкин 2020: 46). Камю заканчивает хронику не картиной всеобщего веселья и победой над чумой, которая сама ушла так же внезапно, как пришла, а мрачными мыслями о её непобедимости (Камю 2020: 382–383). Финал всех произведений открытый, прогноз далёк от оптимизма, вопросы поставлены, а ответ будет получен со временем. «И дай бог, чтобы на вашу долю, – обращается Людмила Улицкая к молодому поколению, – не выпало ничего хуже коронавируса. Он пройдёт. И самое интересное начнётся потом. И это “ПОТОМ” будете делать вы» (Сдобнов 2020).

Литература

- Быков, Д.* Альбер Камю / Д. Быков // Дилетант. – 2020. – № 054. – С. 90–95.
- Веселовский, А. Н.* Художественные и этические задачи «Декамерона» [Электронный ресурс] // URL: <http://boccaccio.rhga.ru/upload/iblock/c09/343-411> (дата обращения: 11.02.2021)
- Водолазкин, Е. Г.* Сестра четырёх: пьесы / Е. Водолазкин. – М.: Издательство АСТ: редакция Елены Шубиной, 2020. – 318 с.
- Камю, А.* Чума: [Роман-пригвча] / Пер. с фр. Н. Жарковой./ А. Камю. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 382 с.
- Окуджава, Б.* «Пока земля ещё вертится...»: Избранные стихотворения./ Б. Окуджава. – СПб: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 320 с.
- Пандемия* // Дилетант. Исторический журнал для всех. –2020. – № 054. – С. 10–43.
- Петрушевская, Л. С.* Гигиена / Л. Петрушевская // Огонёк. – 1990. – № 28. – С. 27–29.
- Петрушевская, Л. С.* По дороге бога Эроса: Повести, рассказы./ Л. С. Петрушевская. – М.: Олимп, 1993. – 336 с.
- Сдобнов, С.* Людмила Улицкая – о своей рукописи «Чума», которая никогда не издавалась и сейчас обрела актуальность [Электронный ресурс] // URL:<https://esquire.ru/hero/170863-lyudmila-ulickaya-o-svoey-rukopisi-chuma-kotoraya-nikогда-ne-izdavalas-i-seychas-obrela-aktualnost> (дата обращения: 11.02.2021).
- Улицкая, Л. Е.* Чума, или ООИ в городе / Л. Е. Улицкая. – М.: «Издательство АСТ», 2020. – 39 с.
- Чехов, А. П.* Дом с мезонином: Повести и рассказы / А. П. Чехов. – М.: Художественная литература, 1983. – 303 с.

Strelnikova N. D.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI», Russia
tashastrel@mail.ru

Talking about epidemics, plagues, and hygiene in modern Russian literature

This article focuses on the topic of the epidemic considered by the example of Ulitskaya's scenario and Petrushevskaya's story. Other works are involved in discussions: Camus's novel "The Plague" and Vodolazkin's play "Sister of Four". Eternal questions appear in these works: what happens to a person and what is to be done?

Keywords: epidemic, pandemic, plague, hygiene, virus, Ulitskaya, Petrushevskaya

III.

**Prijevod i međukulturalna
komunikacija**

**Перевод и межкультурная
коммуникация**

**Translation and Intercultural
Communication**

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1'255=163.42Cacan, F.

Божич Рафаэла

Задарский университет, Хорватия
rbozic@unizd.hr

Переводческая работа Фикрета Цацана (на материале перевода стихотворения Жираф Николая Гумилева)

В феврале 2020 года неожиданно ушел из жизни Фикрет Цацан, самый плодовитый переводчик русской поэзии в Хорватии за последние 30 лет. Эта статья – попытка короткого обзора его поэтической переводческой работы и анализа перевода стихотворения Жираф Николая Гумилева, в котором переводчик мастерски сохранил достоинства оригинала.

Ключевые слова: Фикрет Цацан, теория перевода, Николай Гумилев

Начало поэтической переводческой деятельности Ф. Цацана связано с именем Анны Ахматовой. Его первая книга стихов Анны Ахматовой вышла в городе Бая Лука в 1985 году. В дальнейшем он работал над этими переводами, и сегодня книга под названием *Tri jeseni* есть в свободном доступе на <https://elektronickeknjige.com/knjiga/ahmatova-ana/tri-jeseni/>. Цацан перевел более ста стихотворений Анны Ахматовой, и благодаря его работе можно сказать, что на хорватском языке ее поэзия хорошо представлена и, что не особенно часто в Хорватии, есть в свободном доступе в Интернете.

Большое признание получил Цацан в 1989-м году, когда стал лауреатом приза Хорватского общества литературных переводчиков за литературный перевод Осипа Мандельштама. В издании *Pjesme i eseji* (Grafički zavod Hrvatske, 1989) Цацан представил около ста стихотворений и тоже, как и в случае с Ахматовой, дал хорватской публике отличное представление о работе Мандельштама.

В течение многих лет Цацан переводил и публиковал переводы стихов в многочисленных журналах, а также говорил о русской поэзии по радио. В Задарском университете (куда он вернулся, так как до переезда в Загребский университет короткое время был студентом задарской кафедры русского языка и литературы) неоднократно проводил семинары по переводу поэзии, участвовал в вечерах поэзии, а также содействовал продвижению поэтических изданий. Кроме *Tri jeseni*, в Задаре было организовано продвижение сборников *Izabrani stupci i pjesme* Николая Заболоцкого (Breza, Zagreb 2005) и *Božićne pjesme* Иосифа Бродского (AGM, Zagreb 2003). В Загребе и Задаре Цацан был промоутером Антологии хорватской поэзии на русском языке (из цикла Из века в век), в переводе которой он тоже участвовал.

Кроме приведенных сборников, Цацан опубликовал и сборники *Postaja u pustinji* Иосифа Бродского (Litteris, 2012) и избранное из Пушкина (Matica hrvatska, 2012), где представил не только ряд своих переводов из Пушкина, но и уже известные переводы.

Связь Цацана и Пушкина довольно сильна, так как он является и автором каталога о Пушкине, изданном в честь юбилея поэта (1999). В своих работах мы неоднократно обращались к анализу его переводов А. С. Пушкина (список работ в Литературе) и здесь обратим внимание только на некоторые ключевые моменты, как, например, верификационное решение в переводе Сказки о рыбаке и рыбке (Цацан, как и Р. Вентурин, отказался перевести сказку десятисложником), перевод градационных элементов в той же сказке, лексическое решение перевода слова

красавица в стихотворении Не пой, красавица, при мне, или слова буря в стихотворении Зимний вечер. Хотя видно, что Цацан до начала перевода всегда проводил всесторонний анализ – наш филологический анализ не всегда подтверждает его выводы. Например, филологический анализ показал, что, наверно, именно десятисложник стоит за стихом оригинала Сказки о рыбаке и рыбке, а перевод слова буря словом *oluja*, хотя и дословный (слово *oluja* действительно передает гнетущую атмосферу зимы, изоляции и опасности), к сожалению, нарушил ритм первых двух стихов, написанных трохеем, размером довольно редким в русской поэзии (Божич, Радченко 2009: 411). Первый стих этого стихотворения – один из самых известных в русской лирике, и утрату ритмической характеристики такого важного в русской лирике стиха на фоне минимальных и незначительных в контексте смысловых различий слов буря и *bura* считаем неоправданной. В сравнении с переводом Трнского перевод стихотворения Поэту Цацана кажется в основном более близким к оригиналу (Пинтарич, Божич 2016: 196), но в последней строфе (которая является самой важной в сонете) видно, что дословность – не всегда адекватный выбор. Так, в последней строфе показаны две совсем противоположные сцены – толпа и поэт в противопоставлении толпе. Пушкин написал, что огонь поэта горит на алтаре. Другими словами, поэт своим творчеством приносит жертву божеству, а это божество – сама поэзия (Пинтарич, Божич 2016: 197). Поэтому надо обратить внимание на слово треножник, которое Цацан перевел как *tronožac*. Но в хорватском языке *tronožac* – только «низкий стул на трех ножках», тогда как в русском языке слово треножник обозначает также и «жертвенник в виде подставки или столика на трёх ножках у древних народов»¹. Следовательно, *tronožac* – неадекватный перевод. Абсолютно непонятно, на каком треножнике поэт сидит и почему (Пинтарич, Божич 2016: 197). Символизм Пушкина, к сожалению, потерян. В переводах стихотворений иногда одно слово является настолько важным, что ошибка при переводе этого слова меняет смысл целого стихотворения. Слово *tronožac* указывает на то, что поэт сидит на низком простом стуле, однако весь смысл стихотворения в том, что поэт – выше толпы (Пинтарич, Божич 2016: 198).

Проведенный анализ привел нас к убеждению, что Цацан пытался приблизить Пушкина к хорватской публике. Действительно, можно сказать, что Пушкин в хорватской литературе и культуре не представлен адекватно. Лаконичность пушкинской речи, его мастерство отражены

¹ <http://slovar.cc/rus/efremova-tolk/367902.html>

пока только в редких переводах на хорватский. Пушкин для русского читателя сегодня гораздо ближе и актуальнее, чем для хорватского. В этом смысле можно согласиться с Цацаном, что Пушкина нужно приблизить к хорватской публике, но остается вопрос: каким образом. «Модернизация» пушкинского стиха (особенно рифмы) иногда кажется слишком свободным приемом. В современном переводе допускается метрическая свобода, не характерная для Пушкина, кроме того, некоторые решения в переводе лексики влияют на семантику стихотворений. Все-таки можно выделить и удачные переводы Пушкина, в которых Цацану удалось показать красоту «простоты» Пушкина, как например перевод стихотворения Анчар.

Но все-таки можно сказать, что голос поэзии двадцатого века Цацану гораздо ближе, чем голос Пушкина. Ему удалось великолепно перевести даже такое трудное стихотворение, как стихотворение Попытка ревности М. Цветаевой.

И его переводы Бродского передают красоту и поэтику великого поэта. Можно найти некоторые решения, с которыми можно не согласиться, например, в стихотворении Ниоткуда с любовью, надцатого марта стих Я любил тебя больше, чем ангелов и самого, Цацан перевел *volio sam te više no anđela, i sebe samog*, причем в русском источнике непонятно, к кому относится слово самого. В переводе на английский язык ясно (перевод контролировал Бродский), что речь идет все-таки о Боге. Жаль, что в великолепном (за исключением этого момента) переводе переводчик допустил такую (ненужную) ошибку.

Далее проанализируем один из самых удачных переводов Цацана – перевод стихотворения Жираф Н. Гумилева. Обращаемся именно к этому стихотворению и потому, что оно менее известно в Хорватии.

Стихотворение особенно красиво и трудно переводимо, потому что написано амфибрахийем, т.е. стихотворным размером (метром), образуемым трехсложными стопами с сильным местом (ударением) на втором слоге. Амфибрахий здесь особенно важно было сохранить, так как он воспроизводит звуковую картину движения этого величественного животного.

Хотя это стихотворение при появлении было воспринято критиками скептически (Крейд 1989: 200), потом оно все-таки получило достойное место в работе великого поэта и сегодня, наверно, самое известное его стихотворение.

Жираф	Žirafa																																													
<p>Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд, И руки особенно тонки, колени обняв. Послушай: далеко, далеко, на озере Чад Изысканный бродит жираф.</p>	<p>Ja vidim, tvoj pogled je posebno žalostan sad, I ručice, posebno nježne, na koljena mećeš. Sad slušaj: daleko, daleko, na jezeru Čad žirafa plemenita šeće.</p>																																													
<table border="1"> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td></td><td></td></tr> </table>	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏			<table border="1"> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td></td></tr> </table>	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																										
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																										
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																										
⏏	⏏	⏏																																												
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																										
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																										
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																										
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																										
⏏	⏏	⏏	⏏																																											

Хотя в русском языке слово жираф мужского рода, а в хорватском оно женского рода, это все-таки не помешало переводу – как например в известном случае Сестра моя – жизнь Пастернака, где ассоциации сестра vs. брат до сих пор не нашли ответа в удачном переводе. Слова жираф и žirafa и в русском, и в хорватском языках сохраняют ту же красоту и экзотику, и род животного здесь не играет никакой роли.

На уровне метрики во всем стихотворении переводчик строго следует за оригиналом. Немногочисленные изменения обусловлены, конечно, природой языков, но они удачно находятся в тех местах, где это разрешается, – либо в конце стиха продолжается один слог, либо это в третьей строфе, в самой середине стихотворения, где такие неправильности совсем незаметны. Таким образом, анализ хорватского текста показывает адекватное отношение к метрике стихотворения не столько переводчика, сколько поэта.

В первой строфе замечаем выражение колени обняв. По воспоминаниям Ю. Либединского, С. Есенин восхищался этой «грамматической вольностью» Гумилева: «...Обнявшие колени – ничего не видно, а колени обняв – сразу видно позу...» (Либединский 1958: 145). В переводе, из-за грамматических причин, не было возможно сохранить форму оригинала, но фразу *na koljena mećeš* можно считать вполне адекватной и «визуальной», в том смысле, в котором Есенин подчеркивает удачность фразы. Переводчику удалось сохранить и место этой замечательной фразы – в конце стиха, где она особенно видна.

На уровне отношения к эпитетам надо подчеркнуть и адекватный перевод слова изысканный словом *plemenit*. Толковый словарь Дмитриева изысканными определяет такие «манеры, жесты, свойства характера человека, которые доведены до полного совершенства, отличаются

изяществом, демонстрируют хорошее воспитание и умение вести себя в обществе»², что вполне тождественно хорватским значениям слова *plemenit*³.

Интересен и перевод эпитета тонки словом *nježne*. Хотя в русском языке значение «чувствительный» только четвертое значение этого слова, а главное значение – «имеющий малую ширину или толщину, небольшой охват или поперечник, узкий»⁴, можно согласиться с данным толкованием, так как слово *tanke* на хорватском языке не указывает на психологический момент, а в основном относится только к физическому, в то время как в русском языке важны оба элемента.

Переводчик сохранил и повторы, важные в этой строфе: особенно грустен – *posebno žalostan*, особенно тонки – *posebno nježne* и далёко, далёко – *daleko, daleko*.

Ему грациозная стройность и нега дана, И шкуру его украшает волшебный узор, С которым равняться осмелится только луна, Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.	U gracilno držanje ona milinu unese, na koži joj ukrase čarobna šara sve piše, pa s njom se stvarnjivati jedini usudi mjesec, što sitan u vlazi širokih jezera se njiše.																																								
<table border="1"> <tr><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— —</td></tr> <tr><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— —</td></tr> <tr><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— —</td></tr> <tr><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— —</td></tr> </table>	— — —	— — —	— — —	— — —	— —	— — —	— — —	— — —	— — —	— —	— — —	— — —	— — —	— — —	— —	— — —	— — —	— — —	— — —	— —	<table border="1"> <tr><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td></tr> <tr><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td></tr> <tr><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td></tr> <tr><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td><td>— — —</td></tr> </table>	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —
— — —	— — —	— — —	— — —	— —																																					
— — —	— — —	— — —	— — —	— —																																					
— — —	— — —	— — —	— — —	— —																																					
— — —	— — —	— — —	— — —	— —																																					
— — —	— — —	— — —	— — —	— — —																																					
— — —	— — —	— — —	— — —	— — —																																					
— — —	— — —	— — —	— — —	— — —																																					
— — —	— — —	— — —	— — —	— — —																																					

Вторая строфа на уровне метрики исключительно правильная – в хорватском языке добавлен один слог в последней стопе, но это вполне адекватно.

Можно заметить, что в первом стихе этой строфы проведена замена залога. Страдательный залог в стихе Ему грациозная стройность и нега дана, передано действительным в *U gracilno držanje ona milinu unese*, но лексемы грациозная – *gracilno*; стройность – *držanje*; нега – *milina* сохраняют картину, переданную автором, и замена залога не приводит к проблемам.

На уровне отношения к эпитетам отметим точный и адекватный перевод фразы волшебный узор – фразой *čarobna šara*.

2 <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1625/%D0%B8%D0%B7%D1%8B%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>

3 http://hjp.znanje.hr/index.php?show=search_by_id&id=eV1gXxM%3D

4 <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D0%B9>

Олицетворение осмелится луна Цацан сохранил в переводе. Он совершенно точно перевел его фразой *usudi mjesec*.

<p>Вдали он подобен цветным парусам корабля, И бег его плавлен, как радостный птичий полет. Я знаю, что много чудесного видит земля, Когда на закате он прячется в мраморный грот.</p>	<p>A tek izdaleka je nalik na šarena jedra, i skladni joj trk poput radosnog poleta ptičjeg. Ja znam da zemlja na mnoga čudesa gleda, kad ona pred zalaz u mramornu špilju se skrije.</p>																																								
<table border="1"> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> </table>	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	<table border="1"> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> <tr><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td><td>⏏</td></tr> </table>	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏	⏏
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																					
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																					
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																					
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																					
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																					
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																					
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																					
⏏	⏏	⏏	⏏	⏏																																					

На уровне отношения к эпитетам и в этой строфе замечаем адекватные и точные решения: фразу цветные паруса Цацан переводит как *šarena jedra*, а радостный полёт как *radosnog poleta*. В этой строфе встречаем и два сравнения, которые Цацан в переводе сохраняет: он подобен цветным парусам корабля, в переводе *nalik na šarena jedra* слово корабля пропущено, но оно угадывается из контекста – слово парус, так что решение можно назвать адекватным. Фразу бег плавлен, как радостный птичий полёт Цацан переводит как *skladni joj trk poput radosnog poleta ptičjeg*, что является дословным переводом, переводчик сохранил и олицетворение много чудесного видит земля, переведя как *zemlja na mnoga čudesa gleda* – здесь тоже отмечаем не только точность, но и адекватность.

На уровне метрики третья строфа единственная с видимой разницей в отношении к источнику (переход в дактиль). Но эти различия относятся только к двум стопам и не мешают ритму стихотворения, так что их можно принять как адекватные. На лексическом уровне перевод совершенно точный.

<p>Я знаю веселые сказки таинственных стран Про черную деву, про страсть молодого вождя, Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.</p>	<p>Tajanstvenih krajeva poznajem vesele bajke o crnačkoj djevi, o vodi što strašću diše. A tebe su gušile dugo magluštine jake, ti ni u što nećeš vjerovati, osim u kiše.</p>																																								
<table border="1"> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> </table>	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	<table border="1"> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> </table>	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					

И в четвертой строфе отметим замечательно точный перевод на всех уровнях. Эта строфа является ключевой. Вводится «стихотворение в стихотворении», обнаруживается второй план, петербургский, т.е. через картину Африки прослеживается картина севера, в котором ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, что Цацан переводит как *A tebe su gušile dugo magluštine jake*, употребляя слово *magluštine* в значении «тешка, непрозирна, gusta magla»⁵, которое даже усиливает русское слово туман. И следующая фраза Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя передана верно *ti ni u što nećeš vjerovati, osim u kiše*. Два мира – сказочный африканский и реальный севера – сохранены и в переводе.

<p>И как я тебе расскажу про тропический сад, Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав... Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад Изысканный бродит жираф.</p>	<p>I kako o tropskome vrtu da pričam ti rad, o visokoj palmi, gdje miriše neznano cvijeće... Ti plačeš? Sad slušaj... daleko, na jezeru Čad žirafa plemenita šeće.</p>																																								
<table border="1"> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td></td><td></td></tr> </table>	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡			<table border="1"> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td></tr> <tr><td>◡</td><td>◡</td><td>◡</td><td></td><td></td></tr> </table>	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡	◡		
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡																																							
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡	◡	◡																																					
◡	◡	◡																																							

⁵ Hrvatski jezični portal: <https://hrvatski.enacademic.com/21880/maglu%C5%A1tina>

В последней строфе характерное употребление повелительного наклонения *Послушай* в переводе *Sad slušaj* адекватно следует за психологизацией стихотворного текста, в котором подчеркнут именно элемент коммуникации, разговора, т.е. обращения лирического «я» ко «второму персонажу» стихотворения.

Метапоэтический характер концовки стихотворения, где формальный (кольцевой) повтор совпадает с семантической установкой, сохраняется также и в переводе.

В заключение перевод можно оценить как конгениальный. Образный строй стихотворения полностью сохранен. Перевод следует за лексикой и интонацией стихов, следует за формальной организацией источника, сохраняет звуковые повторы, как, например, *шкуру его украшает волшебный узор* (и т. д.) *na koži joj ukrase čarobna šara sve piše*, и лексико-грамматические параллелизмы. Соотношение именных и глагольных лексем тоже абсолютно адекватно.

Еще раз надо особенно подчеркнуть: стихотворный размер – редкий пятистопный амфибрахий с введением трехстопников в конце первой и последней строфы – сохранен в хорватском переводе с минимальными изменениями, не нарушено фигуральное соответствие ритмики длинных амфибрахийев «плавному бегу» жирафа.

С точки зрения М. Баскера (1996: 135), через ощущение сказочности и таинственности экзотической земли поэт приходит к ощущению непостижимого, через ярко-красочную реальность изображаемого – к реальности мечты – все это Цацан полностью сохранил в своем переводе этого стихотворения.

Говоря о работе Комбола, Луко Палетак выделяет следующие теоретические положения, которыми Комбол руководствовался при переводе поэтических произведений: адекватность стиха оригиналу; соблюдение закономерностей метрической структуры стиха; уважение к рифме (попытка подбора рифмы к переведенным словам, рифмующимся в оригинале); широкое использование различных языковых средств (при необходимости употребление лексики, находящейся за пределами литературного языка); особое внимание к ключевым словам стихотворения и сохранение их позиции в переводе; ознакомление с творчеством автора переводимого произведения и всестороннее изучение особенностей его стиля; глубокое проникновение в художественный мир поэта; стремление к сохранению в переводе соотношения именных и глагольных лексем (избегать использования не существующих в оригинале эпитетов ради заполнения пробелов, возникающих при переводе стихотворения на

хорватский язык); внимательное отношение к употреблению слов и выражений, не имеющих соответствия в оригинале (различные союзы, междометия и под., используемые для передачи ритма стихотворения или рифмы) (Божич, Радченко 2009: 417). Предъявляемые требования соответствуют современной теории перевода поэтического произведения. Как показывает анализ перевода стихотворения *Жираф*, и Цацан руководствовался теми же принципами.

Цацан сражался за достоинство перевода и переводчиков, добившись, таким образом (что редкость в хорватской практике) появления своего имени на обложке перевода *Рождественских стихов* Бродского.

К сожалению, остался нереализованным его проект антологии русской поэзии, над которой Цацан работал более 30-и лет, но есть надежда, что благодаря его работе эта задача будет гораздо легче осуществлена в будущем.

Литература

- Баскер, Майкл «Далёкое озеро Чад» Николая Гумилёва // Гумилёвские чтения: материалы международной конференции филологов-славистов. – Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов и Музей А. Ахматовой в Фонтанном Доме, 15-17 апреля 1996 г. – С. 125–137. URL: <https://gumilev.ru/about/55/#4> (дата обращения: 12.12.2020)*
- Божич-Шейич, Р., Радченко М. Поэзия А.С. Пушкина в переводах Миховила Комбола на хорватский язык (на примере стихотворения «Зимний вечер»)/ Н.М. Фортунатов// Болдинские чтения. – Саранск, Болдино, 2009.– С. 408-419.
- Божич, Р., Дрождек И. Верификационные решения в хорватских переводах «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. /Н.М. Фортунатов// Болдинские чтения. – Саранск, Болдино, 2010. – С. 210–217.
- Božić-Šejić, R., Droždek, I. Kontrastivna analiza prijevoda nekih gradacijskih elemenata u pet prijevoda „Bajke o ribaru i ribici“/M. Turk //Fluminensia. –2010. 22-1, P. 137–148.*
- Božić-Šejić, R., Kolegal. Pjesma „24 dekabnja 1971 goda“ Iosifa Brodskoga u prijevodima na hrvatski jezik/Š. Musa //HUM. 2014. – P.11 – 12.*
- Божич, Р., Пинтарич, А. Стихотворение «Поэту» в двух переводах на хорватский язык / Н. М. Фортунатов //Болдинские чтения. Большое Болдино: ННГУ. 2016. – С. 193–198.
- Викисловарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D0%B9>(дата обращения 11. 12. 2020)
- Крейд, В. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Париж– Нью-Йорк, Дюссельдорф: Голубой Всадник, 1989. – 320 с. URL: https://imwerden.de/pdf/gumilev_v_vospominaniyakh_sovremennikov_1989__ocr.pdf(дата обращения 11. 12. 2020)
- Либединский, Ю. Н. Мои встречи с Есениным // Современники. — М.: Советский писатель, 1958. URL: <http://feb-web.ru/feb/esenin/critics/ev2/ev2-138-.htm> (дата обращения 11. 12. 2020)
- Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovar.cc/rus/efremova-tolk/367902.html> (дата обращения 15.05.2014)
- Толковый словарь Дмитриева [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1625/%D0%B8%D0%B7%D1%8B%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>(дата обращения 10. 12. 2020)
- Cacan, F. Žirafa. Poetarium URL: <http://www.poetarium.info/gumilev/zirafa.htm> (дата обращения 12. 12. 2020)*

Hrvatski jezični portal. [Электронный ресурс]. – URL: <http://hjp.novi-liber.hr/>. (дата обращения 17. 5. 2014)

Hrvatski jezični portal. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hrvatski.enacademic.com/21880/maglu%C5%A1tina> (дата обращения 10. 12. 2020)

Hrvatski jezični portal. [Электронный ресурс]. – URL: http://hjp.znanje.hr/index.php?show=search_by_id&id=eV1gXxM%3D(дата обращения 10. 12. 2020)

Hrvatski jezični portal. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hrvatski.enacademic.com/21880/maglu%C5%A1tina> (дата обращения 10. 12. 2020)

Božić R.

University of Zadar, Croatia
rbozic@unizd.hr

Fikret Cacan's Translations (with Nikolai Gumilev's *Giraffe* as an Example)

In February 2020, Fikret Cacan, the most prolific translator of Russian poetry in Croatia in the last 30 years, unexpectedly passed away. This article is an attempt at a short review of his poetic translation work and analysis of the translation of the poem *Giraffe* by Nikolai Gumilev, in which the translator masterfully preserved the merits of the original.

Keywords: Fikret Cacan, translation theory, Nikolai Gumilev

Практическая статья/ Professional paper/Stručni rad
UDK 811.616.1:<303.446.2:395.5>

Короткова Ольга Николаевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
korolga@mail.ru

Комплимент в свете кросс-культурной коммуникации

В статье анализируются различные типы и формы выражения комплиментов, сравниваются объекты комплиментов в русской и китайской культурах, сопоставляются ответные реакции на комплименты, отражающие национальные культурные традиции.

Ключевые слова: РКИ, современный этикет общения, речевой этикет, комплимент

В практике преподавания РКИ иностранные учащиеся знакомятся с принятым в русской культуре этикетом общения. Знание этикета помогает им понять, как вести себя и что говорить в определённой ситуации общения. Одна из основных задач обучения иностранному языку – помочь студенту установить контакт, поддержать общение, сделать его приятным. Compliment как «речевое действие, направленное на подбадривание собеседника, на создание у него хорошего настроения» (Формановская 1984: 173), служит именно этой цели.

Делать комплименты принято в разных культурах, ведь человеку свойственно восхищаться внешностью, умом, поступком, проделанной работой тех, с кем он общается. Однако объекты комплиментов, ситуации, в которых комплименты произносятся, а также ответ на высокую оценку собеседника специфичны для каждой культуры.

В данной статье анализируются типы комплиментов и формы их выражения, сравниваются некоторые объекты комплиментов в русской и китайской культурах, а также сопоставляются ответные реакции на комплименты, отражающие национальные культурные традиции.

Типы комплиментов и формы их выражения универсальны. Однако в каждой культуре наблюдаются свои особенности.

Выделяют прямые и опосредованные комплименты. В прямых комплиментах даётся оценка внешних данных, а также нравственных и профессиональных качеств человека, которому делают комплимент:

Ты сегодня прекрасно выглядишь.

Красный – это твой цвет.

Какая ты всё-таки умница! Так доступно и интересно рассказала о такой сложной проблеме.

Антон Петрович, удивляюсь вашей пунктуальности. С такими людьми приятно иметь дело.

В опосредованных комплиментах оценивается то, что составляет предмет гордости человека, которому делают комплимент, например, говорят что-то приятное о его близких:

Ваша дочка – просто красавица.

Неужели это нарисовал Максим? Слушай, твой сын – будущий художник.

Неужели твоему сыну только три года? Какой умный мальчик! Уже читает.

Комплиментарная оценка может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Эксплицитная форма выражения оценки является более распространённой. Так, в русском языке оценка выражается стереотипными прилагательными (*красивый, привлекательный, хорошенький* и др.), прилагательными в сравнительной и превосходной степени (*самая красивая* и др.), лексическими повторами (*добрый-добрый, самый-самый* и др.) и другими языковым средствами.

Комплимент в имплицитной форме можно характеризовать как скрытый. В самом комплименте нет слов, которые выражают оценку, однако она понимается из контекста. При этом смысл комплимента меняется в зависимости от контекста:

Неужели твоему сыну пять лет? Глядя на тебя, в это трудно поверить. (опосредованный комплимент красивой женщине, выглядящей моложе своего возраста)

Неужели твоему сыну пять лет? Как хорошо читает! (опосредованный комплимент маме, воспитавшей умного мальчика)

В каждой культуре отдаётся предпочтение определённым типам комплиментов и форме их выражения. Так, в русской культуре достаточно распространены и прямые, и опосредованные комплименты, выраженные в эксплицитной и имплицитной формах. А вот в китайской культуре прямые комплименты говорят реже, чем опосредованные. Это вызвано двумя причинами. Во-первых, в силу сложившихся традиций, китайцы стесняются напрямую хвалить друг друга. Во-вторых, они считают, что прямые комплименты больше похожи на лесть. Поэтому в Китае чаще всего делают опосредованные комплименты. Например, восхищаются родителями, детьми, домом.

Особенно ценятся комплименты, сделанные в имплицитной форме. Для того чтобы оценить такой комплимент, иностранцу нужно знать историю Китая, традиции этой страны. Так, на одном из популярных ток-шоу, которое идёт на китайском телевидении, ведущая сравнивает свою гостью, известную и очень красивую актрису, с рыцарем. *«Ты просто как женщина-рыцарь!»* – говорит ведущая гостье. Глядя на хрупкую красоту молодой актрисы, трудно понять, чем навеяно такое сравнение. Оказалось, что это скрытый комплимент, подчёркивающий внутреннюю силу женщины. *«Женщина сильнее мужчины»*, – гласит китайская пословица, в которой, по мнению В.В. Малявина, «отразился взгляд на женщину как прежде всего работницу» (Малявин 2003: 543). Однако сейчас акцент смещён в сторону внутренней силы, стойкости, которыми обладают женщины. Такой взгляд на женщину, имеющий корни в традиционной

китайской культуре, отражается в данном комплименте. Ведущая этим комплиментом подчёркивала трудолюбие актрисы, её сильный характер.

Национально-культурная специфика проявляется прежде всего в выборе объектов комплиментов в разных культурах. И если нравственные и профессиональные качества, которым даётся высокая оценка в комплименте, можно назвать универсальными, характерными для многих культур, то представление о красоте специфично для западной и восточной культур. Так, в традиционной китайской культуре красавица должна была обладать «хрупким сложением, тонкими длинными пальцами и мягкими ладошками, нежной кожей и бледным личиком с высоким лбом, маленькими ушами, тонкими бровями, узкими глазами и маленьким округлым ротиком» (Малявин 2003: 545). Представление о женской красоте в Китае на протяжении веков практически не изменилось. И, анализируя комплименты, которые делают китайским женщинам, обращаешь внимание, что в них подчёркивается только то, что в традиционной китайской культуре считается красивым: белая кожа, тонкие брови, маленький рот.

Сравнительное изучение объектов комплиментов в русской и китайской культурах, позволяет сделать следующие выводы:

1. Объекты комплиментов в русской и китайской культурах совпадают. Например, красивые руки с тонкими длинными пальцами считаются красивыми в обеих культурах:

У тебя такие тонкие пальцы, как у пианистки.

2. Объекты комплиментов совпадают, но в каждой культуре обращают внимание на разные стороны этих объектов. Например, в обеих культурах обращается внимание на густые волосы, при этом в русской культуре оценивается цвет волос (светлый, тёмный, рыжий), их структура (кудрявые, волнистые), в китайской же культуре красивыми считаются только тёмные блестящие волосы:

Какие у тебя красивые волосы: кудрявые золотистые (из разговора русских девушек);

У тебя прекрасные чёрные гладкие волосы (из разговора двух китайянок)

3. Объекты комплиментов в разных культурах не совпадают. Например, русские обращают внимание на глаза, особенно часто на форму и цвет глаз, могут восхититься ровными белыми зубами:

У тебя глаза голубые, как небо.

Тебе так идёт улыбка, зубы белые, как жемчуг.

В китайской культуре считалось неприличным смеяться, показывая зубы. И сегодня современные китайки часто закрывают рот ладонью, когда смеются. Китайцы предпочитают сделать комплимент красивой ключице, мочке уха. Большая и мясистая мочка уха – символ счастья в китайской культуре, а красивая и ровная спина со сведёнными лопатками – обязательный атрибут китайской красавицы:

У твоего сына счастливые уши (говорят людям с большой и мясистой мочкой).

В твоей ключице можно разводить рыбу (говорят девушке с красивой осанкой).

4. Объектом комплимента в одной культуре является то, что в другой культуре рассматривают как антикомплимент. Восхищённое восклицание «Как ты загорела!» обрадует русскую девушку, но расстроит китайку. Красивой в китайской культуре считается только белая кожа, поэтому китайские женщины прячутся от солнца под зонтиками, а кремы покупают только с отбеливающим эффектом.

Таким образом, объекты комплиментов могут совпадать в разных культурах, но могут и существенно отличаться. Это зависит от того, что считается красивым в каждой культуре.

По правилам этикета на комплимент нужно реагировать. И реакция на комплименты различна в русской и китайской культурах. В русской культуре принято благодарить за комплимент:

– Как тебе хорошо в красном!

– Спасибо. Я так люблю этот цвет.

При этом наряду с благодарностью иногда выражается сомнение, неуверенность в правильности высокой оценки:

– Аня, ты прекрасно говоришь по-китайски!

– Правда? А мне кажется, что у меня ещё с тонами проблемы.

Для китайской культуры характерен отказ от комплимента.

– Твой сын такой серьёзный мальчик.

– Нет, что ты! Он любит только играть.

Некоторые исследователи отмечают совсем крайние формы отрицания: «Я ничтожен, как зёрнышко риса» (Маслов 2017: 181). Такая реакция вполне допустима в китайской культуре, где принято возводить на пьедестал своего собеседника и принижать собственные достоинства.

Реагируя на комплимент, китайцы показывают своё смущение, они тут же говорят ответный комплимент:

– *Какая у тебя вкусная утка!*

– *Ну что ты! Это твоя утка лучше, чем в любом ресторане.*

Часто китайцы переадресовывают комплимент третьему лицу:

– *Ты прекрасно сыграл в этом спектакле.*

– *Нет-нет, вот Ван Лин просто профессиональный актёр. Даже не скажешь, что он будущий химик.*

Следует отметить, что для русской культуры переадресация комплимента также характерна, но она происходит после слов благодарности, то есть адресат, выражая благодарность, показывает, что он согласен с высокой оценкой, высказанной в его адрес, и, будучи вежливым человеком, делает ответный комплимент.

– *Какой вкусный пирог ты испекла.*

– *Спасибо, но всё равно с твоими пирогами мои сравниться не могут.*

Интересно посмотреть, как на один и тот же комплимент реагируют представители западной (в данном случае итальянской), русской и китайской культур:

– *Тебе так идёт это платье!*

– *Спасибо за комплимент. Мне это платье тоже нравится.* (реакция итальянки)

– *Правда? А оно не слишком яркое?* (реакция русской)

– *Ой, спасибо. Честно говоря, мне это платье тоже нравится.* (реакция русской)

– *Оно уже старое.* (реакция китайки)

Как видно из приведённого примера, итальянка с благодарностью принимает комплимент, в реакции русской женщины присутствует некоторое смущение, которое ощущается даже в том случае, если она принимает комплимент (это выражается лексически: *Ой, честно говоря*), китайка же отказывается от комплимента. Подобная реакция отражает традиции, характерные для каждой культуры.

Примечательно, что отказ от комплимента в китайской культуре – самая типичная реакция на услышанную высокую оценку. В некоторых ситуациях этот отказ может быть выражен не только вербальными, но и невербальными средствами: чуть заметным пожатием плечами, покачиванием головой, смущённым взглядом, растерянной улыбкой. Если комплимент достаточно смелый (а это случается, например, в ток-шоу), то на него просто не реагируют. Приведём пример из телевизионного ток-шоу, которое идёт на китайском телевидении. Ведущая шоу, успешная деловая женщина, приглашающая в свою передачу известных людей, беседует с красавицей-актрисой, в чей адрес звучит множество комплиментов. Обратим внимание, как актриса реагирует на комплименты:

- *У вас большие глаза, белая кожа, вы очень красивая.*
- *Я легко загораю, особенно когда занимаюсь спортом на свежем воздухе.*
- *Не скромничайте! Вы выглядите просто sexy.*

Ведущая обращает внимание на большие глаза актрисы (в китайской культуре такой комплимент не типичен) и белую кожу (важный атрибут красоты китаянки). Интересен отказ от комплимента. Актриса говорит, что она легко загорает (загар не совместим с китайским представлением о красоте). Удивителен комплимент, которая делает ведущая, говоря, что актриса просто sexy. В китайской культуре говорить о том, что женщина сексуально выглядит, не принято, это табу, корни которого уходят в глубокую историю. В этом комплименте ощущается влияние западной культуры. Любопытна реакция на этот комплимент. Актриса никак не реагирует, она просто молчит, опустив глаза.

Таким образом, в комплиментах отражается принятая в данной культуре система ценностей. Влияние национальной культуры проявляется и в выборе объекта комплимента, и в реакции на комплимент. Умение делать комплименты и реагировать на них в соответствии с принятыми в той или иной культуре традициями помогает избежать коммуникативных сбоев, а также способствует лучшему взаимопониманию собеседников.

Литература

- Малявин, В. В.* Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М.: Астрель, АСТ, 2003. – 627 с.
- Маслов, А. А.* О чём думают китайцы. 1127 фактов от риса до Конфуция / А. А. Маслов. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.
- Формановская, Н. И.* Употребление речевого этикета / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 1984. – 193 с.

Korotkova O. N.

M. V. Lomonosov Moscow State University, Russia
korolga@mail.ru

Compliment as a Part of Cross-Cultural Communication

This article is on the expression of compliments as a part of national culture. The author describes different types of compliments in Russian and Chinese cultures and compares the objects of compliments and the responses to compliments in different cultures.

Keywords: Russian as a foreign language, Russian etiquette, speech etiquette, compliment

Практическая статья/ Professional paper/Stručni rad
UDK 821.161.1'246.3:<378.016:78

Легких Виктория Игоревна

Германия
legkikh@gmx.de

Преподавание русской культуры и литературы в многоязычной среде на примере курса «Музыка и слово» в Венском университете

Статья посвящена курсу, исследующему взаимоотношения музыки и текста на протяжении нескольких веков русской культуры (от фольклора и гимнографии через романсы к авторской и популярной песне). Преимущества такого курса – возможность всех студентов, даже плохо владеющих языком, принимать активное участие в обсуждениях и проводить параллели с родной культурой. Кроме того, тексты некоторых авторских песен несложны для прочтения и помогают включить в урок произведение в оригинале даже в группе с неоднородным уровнем владения языком. Подобный курс может объединить студентов с разным культурологическим фоном, а необходимость иллюстрации музыкальными примерами позволяет сделать его не очень сложным для восприятия. Подобные курсы могут быть решением при проблеме преподавания литературы в разноуровневых группах, сочетая в себе как культурологические аспекты, так и литературоведческий анализ.

Ключевые слова: культурологический курс, многоязычная среда, преподавание, музыка, поэзия

Специфика преподавания русской литературы в германоязычных университетах предполагает преподавание на языке страны, однако на практике в группе часто около 15-20 % носителей немецкого, и перевод с русского на немецкий становится для них переводом с иностранного на иностранный. Это представляет собой дополнительную проблему при изучении, например, такого специфического предмета, как древнерусская культура, однако присутствие носителей других славянских культур открывает новые перспективы преподавания. Вспоминая русских святых, можно провести параллели с другими славянскими святыми, пониманию некоторых слов помогают параллели в славянских языках.

Вторая проблема преподавания русской культуры и литературы – разный уровень подготовки студентов и жесткие ограничения в количестве обязательной литературы (в Венском университете – до 10 в семестр). Эти проблемы можно решить, создавая курс, включающий в себя не только литературу, но и другие культурные аспекты в диахроническом аспекте.

В стенах Университета Вены был проведен курс, исследующий взаимоотношения музыки и текста на протяжении нескольких веков русской культуры (от фольклора и гимнографии через романсы к авторской и популярной песне). Преимущество такого курса – возможность всех студентов, даже плохо владеющих языком, принимать активное участие в обсуждениях, а также проводить параллели с родной культурой. Так как подобный курс включает фольклор, старославянские тексты, а также классическую литературу и современных поэтов, он показывает историю развития как поэзии, так и музыки. Тексты некоторых авторских песен несложны для прочтения и могут быть прослушаны и прочитаны в оригинале даже в группе с неоднородным уровнем владения языком. Кроме того, подобный курс может объединить студентов с разным культурологическим фоном, а необходимость иллюстрации музыкальными примерами позволяет сделать его не очень сложным для восприятия. Подобные курсы могут быть решением при проблеме преподавания литературы в разноуровневых группах и сочетать в себе как культурологические аспекты, так и литературоведческий анализ.

План курса, включающего 14 занятий, состоит из 14 тем:

1. Что такое музыка, соотношения музыки со словом.
2. Фольклор.
3. Церковная музыка. Византийская традиция.
4. Церковная музыка. Славянская традиция. Монодия полифония, русское барокко.

5. Русская опера и ее литературные источники.
6. Классический романс. Поэты и композиторы.
7. Городской романс.
8. Патриотическая песня и советская пропаганда первой половины 20-го века.
9. Песни Великой Отечественной войны.
10. Владимир Высоцкий.
11. Барды как субкультура.
12. Советский андеграунд и рок-культура.
13. Современная популярная песня.
14. Музыка кино.

Из приведенного списка видно, что курс охватывает период от первых известных фольклорных музыкальных текстов до наших дней. Подобный курс может рассматриваться как культурологический, так и литературоведческий. Для каждой темы заранее предлагается музыкальный пример с заданием ответить дома на 5 вопросов:

1. Какой это может быть жанр?
2. Когда это могло быть написано?
3. Какую (суб)культуру представляет этот пример?
4. Был ли текст написан до, после или одновременно с музыкой?
5. Какая функция у музыки в данном примере?

Введение в тему через теорию А. Н. Веселовского о синкретизме (Веселовский 1989: 155–157) помогает обозначить общий интернациональный фон и активировать как знания, так и собственный опыт. Сравнения с родной культурой возможны во многих темах, так как фольклор, церковная музыка, классическая опера, рок- и поп-музыка присутствуют во многих странах. Введение в особенности русской культуры, осуществленное через параллель с родной культурой помогает интегрировать в тему даже студентов младших курсов, плохо или почти не знающих русский язык. Занятие по фольклору представляет свободу действий в зависимости от уровня группы. Фольклорные тексты обрядовых песен могут быть как простыми для понимания, так и сложными, с диалектными особенностями. Интересный материал может дать сопоставление обрядовых песен разных стран, причем каждый студент представляет свой пример.

Занятия, посвященные церковной поэзии, предполагают культурологический экскурс, посвященный крещению Руси, переводу богослужебных книг, понятию *Slavia Orthodoxa*, а также небольшого музыковедческого введения с объяснением понятий «монодия», «полифония» и «партес». Иллюстрирование материала музыкальными и визуальными примерами (в том числе, фотографиями нотированных рукописей), сопровождаемое показом византийских и русских храмов и икон, делает занятие одновременно культурологическим и историческим. Прибавление небольшого понятного текста на старославянском и русском языках (например, «Отче наш») вносит филологическую составляющую. Этот же текст можно посмотреть на разных языках и в разных исполнениях. Знакомство с разными видами исполнения помогает не только уловить связь музыкального и словесного текста, но и полнее увидеть культуру Средневековья.

Темы оперы и романсов уже непосредственно связаны с русской литературой. Сравнение оригинального произведения и либретто опер не только может быть интересным с точки зрения культурологи, но и служить началом разговора об упрощении, адаптации произведения, его исторической и литературной значимости и актуальности в тот или иной период истории России. С группой более продвинутого уровня можно провести сравнение оригинала с либретто: например, сравнить «Евгения Онегина» А. С. Пушкина с либретто П. И. Чайковского и К. С. Шиловского¹ (см. Уварова 1963). Иногда культурные клише приходят к нам не из литературных произведений, а именно из опер (например, широко известный образ Кармен намного больше соотносится с оперой Бизе, чем с повестью П. Мериме). Соотношение ключевых моментов произведения и главных арий дает материал для размышлений о соотношении музыки и текста в опере и роли музыки в популяризации произведения.

Тема классического романса приводит непосредственно к поэзии², особенно к творчеству А. С. Пушкина. В качестве примера работы с примерами можно взять стихотворение А. С. Пушкина «Я Вас любил» и романсы А. Алябьева, А. Даргомыжского и Б. Шереметьева. У этого романса есть преимущество в том, что, во-первых, стихотворение является небольшим по объему и не очень сложным для понимания. Сравнение смысловых акцентов, создаваемых музыкой этих трех романсов, наиболее наглядно показывает, как музыка может изменить или послание текста.

¹ Одним из наиболее популярных среди студентов вопросов был «Как звали мужа Татьяны?».

² Подробнее о романсах XIX в. см. в книге В. А. Васиной-Гроссман (Васина-Гроссман 1956).

(Фищук 2011) С группой, владеющей языком на уровне хотя бы В1, можно сравнить текст известного стихотворения А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье» с романсом М. И. Глинки. Сравнение со стихотворением Жуковского «Лала Рук», соотношение земного и Божественного (Маркович 1997: 66–95, 75–78), мотивы духовной смерти и пробуждения (Гуревич 1971: 226) прекрасно иллюстрируются почти горизонтальным развитием мелодической линии и возвращением к изначальной мелодии в романсе М. И. Глинки. Кроме того, история создания стихотворения, посвященного А. Е. Керн, и романса, посвященного его дочери, показывают непосредственное соединение поэтического и музыкального текста.

Тема «городской романс» предполагает обращение к цыганской песне и городскому фольклору. Определение баллады, жестокого романса, застольной песни с текстовыми и аудио примерами предполагает широкий выбор, в зависимости от уровня владения языком и общего культурного фона. Сравнение традиционного и городского фольклора, классического и жестокого романса позволяют провести культурологические параллели и обеспечивают участие группы с любым уровнем владения языка.

Темы патриотических и военных песен, а также барды тесно связаны с историческим контекстом. Перед работой с текстом необходимо ввести общее представление о революции и Второй мировой войне, а также литературных произведениях и кинофильмах этих лет.

В качестве наиболее показательного примера патриотической песни можно предложить песню 1936 г. В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского «Широка страна моя родная». История создания песни, связанная как с фильмом «Цирк», так и с другими ставшими популярными в это время песнями, предваряет работу непосредственно с текстом сокращенной и полной версии. Отдельного комментария заслуживает убранный из текста в 1960-х гг. куплет о Конституции:

За столом у нас никто не лишний,
По заслугам каждый награждён,
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский закон.
Этих слов величие и славу
Никакие годы не сотрут:
– Человек всегда имеет право
На ученье, отдых и на труд!³

³ Цит. по электронному источнику: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=shstran2>

Разговор как о Сталинском режиме, так и о последовавшей за ним «оттепели» необходим для полного понимания как общего смысла песни, так и исключения этого куплета из текста песни. Примеры исполнения этой песни в разное время показывают, как смещались акценты на протяжении времени.

Военная песня – тема, непосредственно связанная с Великой Отечественной войной, – является, в каком-то смысле, продолжением патриотической песни, но при этом в ней возникает очень важная функция эмоциональной поддержки. Тема патриотизма встречается с грубо нарушенной повседневной жизнью, в песню проникает лирический мотив, как, например, в песне Н. Богословского и В. Агатова:

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила...
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось⁴.

Несмотря на функциональное сходство с патриотической песней 20-х – 30-х гг., военная песня отличается большей индивидуализацией, тема защиты и укрепления молодого государства сменяется темой трагедии, которая пришла в каждый дом. Вера в победу не отменяет потерь, а функция укрепление духа солдат совмещается с темой горя и возвращением таких ценностей, как любовь и семья. Концепт «родина» часто сужается до родного села, за которое идет сражаться простой советский солдат. Популярность этих песен была обусловлена их проникновенностью и тем эмоциональным откликом, который они вызывали.

Разговор об оттепели предваряет следующую тему – тему бардов. Главная тема – переход от «высокого» в песенной поэзии к повседневности, к насущным проблемам – иллюстрируется оригинальными текстами. Кроме того, разговор о бардовской песне предваряется как историческим, так и культурологическим комментарием, поясняющим, прежде всего, концепт «туризм» в Советском Союзе (можно, например, показать два лексико-семантических поля, объясняющих концепт «туризм» в 60-е гг. XX в. и в XXI в.).

Синтаксическая простота большинства текстов и чаще всего несложная «повседневная» лексика, а также упрощенность мелодического сопровождения, позволяет работать непосредственно с текстами даже в группах со слабым уровнем владения языком. Например, «Телефонный

разговор» Ю. Визбора прекрасно иллюстрирует проникновение разговорного стиля в поэзию:

– Слушаю. Да. Алло.
Что за шутки с утра?
Я, почему удивлен?
Я даже очень рад.
Я даже закурю.
Здравствуй, прошло сто лет.
Сто лет прошло, говорю.
Я не спешу, нет.
Телефон-автомат у нее,
Телефон на столе у меня.
Это осень, это жнивье.
Талый снег вчерашнего дня.
– Что у нас за дела?
Да как-то все разбрелись.
Верочка родила.
Славины развелись.
Я получил отдел.
Санька съездил в Париж.
Все в суматохе дел...
Ну, а ты что молчишь?
– А правда, что говорят?
А кто он, коль не секрет?
А-а, военный моряк,
В общем, жгучий брюнет.
А сына как назвала?
Спасибо. Не ожидал...
Значит, жизнь удалась?
Все прошло без следа?
Телефон-автомат у нее,
Телефон на столе у меня.
Это осень, это жнивье.
Талый снег вчерашнего дня⁵.

Короткие фразы, наиболее часто используемые устойчивые выражения («прошло сто лет»), инверсии («сто лет прошло, говорю», «я,

⁵ Цит. по электронному источнику: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=15744>

почему удивлен?», «я не спешу, нет»), неоконченные фразы («а правда, что говорят?», «а, военный моряк»). Построчный анализ показывает, как из отрывистых, скупых, нарочито незэмоциональных фраз вырисовывается не только сюжет, но и душевное состояние обоих героев.

Разнообразные виды бардовской песни, мужская и женская бардовская поэзия обычно вызывают живой отклик в студенческой аудитории. Так как в бардовской песне роль текста – ведущая, они хорошо воспринимаются на слух, а негромкие «домашние» голоса помогают почувствовать ту эпоху, в которую они были написаны.

Многогранное творчество Владимира Высоцкого, представителя авторской песни, актера и поэта, может быть рассмотрено комплексно, через песни, стихи, отрывки из фильмов, песни к фильмам. Соединение высокой поэзии и сатиры сделало его любимым певцом всех классов населения, и здесь более, чем где бы то ни было, встает вопрос: «Что добавляла музыка в его произведения?». Говоря о многогранности его таланта, стоит упомянуть и аудиоспектакль «Алиса в стране чудес». Многие песни этого цикла строятся на принципе игры со словом, поэтому работа с такими текстами является увлекательной и обогащает лексический запас. Например, песня «Чеширский кот» 1973 г. требует особого комментария: игра со схожими по звучанию, но не однокоренными словами: «чеширский кот – чешет языком – чешуя-», шире рот – чеширей кот – чешите за ухом», «кот-скот», звукоподражание «улыбчивы-мурлыбчивы»:

Прошу запомнить многих, кто теперь со мной знаком:

Чеширский Кот – совсем не тот, что чешет языком.

И вовсе не чеширский он от слова «чешуя»,

А просто он волшебный кот, примерно, как и я.

Чем шире рот,

Тем чеширей кот.

Хотя обычные коты имеют древний род,

Но Чеширский Кот —

Совсем не тот,

Его нельзя считать за домашний скот!

Улыбчивы-мурлыбчивы, со многими на ты.

И дружески отзывчивы чеширские коты.

И у других – улыбка, но... такая, да не та.

Ну так чешите за ухом Чеширского Кота!..⁶

Социальные песни бардов позволяют перейти к особенностям советского рока и главным представителям андеграунда того времени. Отдельного комментария требуют политическая обстановка того времени, понятия андеграунда и квартирников, противостояние андеграунда и действующей власти, различие рока того времени и современной рок-песни. Близость этой темы молодежной среде может стать продуктивной для сравнений с ситуацией их родных стран. К этой теме тесно примыкает следующая – популярная песня. Советские вокально-инструментальные ансамбли и советская эстрада как противопоставление андеграунду, участие ВИА в фильмах и выход рок-групп на большую сцену подводят к современной песенной культуре. По этим темам охотно делают рефераты, и студенты с удовольствием участвуют в дискуссии.

Музыка кино предполагает уже не аудио, а видеофрагменты. Здесь связь музыки и слова дополняется изображением, а также функциональностью и вторичностью музыкального сопровождения по отношению к сюжету. Лучше всего начать с визуально-звукового ряда, не акцентируя внимание на тексте, и обсудить, о чем идет речь, а уже потом добавить текст. Так, при обсуждении начала фильма «Обыкновенное чудо» студенты, еще не видя текста и плохо понимая его на слух, сказали, что, скорее всего, главный герой – творец, а появляющаяся девушка ему очень нравится, но она не совсем реальна. После этого их предположения были подтверждены текстом, а также кратким пересказом пьесы. Подобный пример отлично иллюстрирует роль музыки в создании атмосферы, эмоционального настроения, показывается ее функция сопровождения и введения в тему.

Все темы предполагают как активное участие студентов в дискуссиях, так самостоятельную работу. После ввода в тему и объяснения основных моментов, активная роль переходит к учащимся: кроме работы с текстами по каждой теме предполагается самостоятельная работа в виде рефератов, что помогает студентам глубже изучить выбранный вопрос. К реферату прилагается раздаточный материал, в котором представлены основные выводы, примеры и список использованной литературы. Раздаточный материал высылается группе заранее, чтобы все слушатели могли полноценно участвовать в дискуссии.

Таким образом, курс небольшой охватывает историю взаимоотношений музыкального и словесного текста от фольклорных песен до наших дней. Конечно, каждая тема представлена в общем виде и могла бы стать отдельным полноценным курсом, но в данном случае предлагается именно обзор, каждая тема которого, при желании, может

стать отдельным исследованием. Как уже было сказано, подобные курсы обладают преимуществом того, что выбранная тема изучается с периода возникновения до настоящего времени, и курс, формально являясь литературоведческим, включает в себя элементы истории, культурологии, искусствоведения и РКИ. Наполнение тем можно варьировать в зависимости от состава группы и уровня владения языком, причем несложные тексты обеспечивают участие всей группы, а культурологическая и искусствоведческая составляющая позволяют сделать этот курс интересным и для студентов, хорошо владеющих языком и уже знакомых с историей России.

Литература

- Васина-Гроссман В. А.* Русский классический романс / В. А. Васина-Гроссман. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 352 с.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: «Высшая школа», 1989. – 648 с.
- Гуревич А. М.* Лирика Пушкина в ее отношении к романтизму // Проблемы романтизма / под ред. А. М. Гуревича. М.: Искусство, 1971. – С.197-228.
- Маркович В. М.* Чудесное в интимной и политической лирике Пушкина. К проблеме: Пушкин и русский утопизм / В. М. Маркович // Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997.
- Уварова И.* (ред.) Евгений Онегин П. И. Чайковского М.: Государственное музыкальное издательство, 1963. – 72 с.
- Фищук С.* Стилистическая эволюция музыкального языка в романсах А. Алябьева [Электронный ресурс] // Израиль XXI. – 2011. – № 6 (30). URL: <http://21israel-music.com/Alyabiev.htm> (дата обращения: 18.12.2020).

Legkikh V.

Germany
legkikh@gmx.de

Teaching Russian culture and literature in a multilingual environment by example of the course “Music and Word” at the University of Vienna

This article focuses on a teaching course that explores the relationship between music and text over several centuries of Russian culture (starting from folklore and early Slavonic hymnography, through classical operas and romances, to the author’s and popular songs). The advantages of such a course are the opportunity for students, with any level of the language, to take an active part in discussions and to draw parallels with their native culture. In addition to this, the lyrics of some of the author’s songs are easy to read, so original poetry can be included in the lesson even when a group is not used to reading Russian. Such a course can unite students with different cultural backgrounds, and musical examples make it easier to understand. Such courses can be a the solution to the problem of teaching literature in multi-level groups, combining both cultural aspects and literary analysis.

Keywords: culturological course, multilingual environment, teaching, music, poetry

Обзорная статья/ Review/Pregledni rad
UDK 811.161.1'232:811.161.1'255-047.44

Мартынова Маргарита Александровна

Московский государственный университет
геодезии и картографии, Россия
bilingualconnect@mail.ru

Николенко Елена Юрьевна

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Россия
nikolenko.e.yu@gmail.com

Учебный перевод как объект методического исследования (обзор применения и современные проблемы использования)

В статье представлен взгляд на проблему с позиции преподавателей русского языка как иностранного. Анализируется использование переводов современных учебников по русскому языку как иностранному. Рассматривается наличие или отсутствие перевода в зависимости от метода, уровня, контингента учащихся, форм обучения, авторской концепции, политики издательства. Затрагивается проблема перевода на родной язык или язык-посредник. Более подробный анализ использования перевода проводится на материале учебно-методических комплексов, написанных авторами статьи.

Ключевые слова: перевод, родной язык, язык-посредник, грамматико-переводной метод, коммуникативный подход, учебник, учебно-методический комплекс

Давно отгремели бои между грамматико-переводным и коммуникативным подходом к обучению РКИ. Нам кажется, пришла пора спокойно обсудить проблемы перевода в современных учебниках и учебных пособиях по РКИ.

Что такое перевод с нашей точки зрения?

Существуют всевозможные трактовки термина. Нам ближе определение В. Г. Костомарова и О. Д. Митрофановой (Костомаров, Митрофанова 1979: 23), которые квалифицируют перевод как использование родного языка (языка-посредника – М. Мартынова, Е. Николенко) при обучении иностранному языку. Хотелось бы сказать несколько слов о переводе на язык-посредник. Конечно, если группа мононациональная, например, китайская, японская и пр., можно использовать перевод на родной язык. Широко известны положительные примеры таких пособий. Можно вспомнить учебники: Балыхина Т. М., Евстигнеева И. Ф., Румянцева Н. М. и др. «Учебник русского языка для говорящих по-китайски. Элементарный и базовый уровни» (Балыхина, Евстигнеев, Румянцева 2008). Антонова В. Б., Нахабина М. М. и др. «Дорога в Россию» (китайский вариант) (Антонова, Нахабина 2003, 2007), И. Э. Давкова «Цуёси и Минако едут в Москву» (Давкова 2010) и другие.

Что касается мультинациональных групп, гораздо удобнее и эффективнее работать с учебниками и пособиями, где используется перевод на язык-посредник. В последние десятилетия это английский язык. Практически все наши взрослые учащиеся владеют им хотя бы на элементарном уровне. Конечно же, эти учебники и пособия предназначены и для носителей английского языка.

Проблемы перевода в учебниках иностранного языка рассматривались многими исследователями, это И. М. Пулькина, А. Н. Леонтьев, Е. И. Пассов, В. С. Лизунов, О. Е. Дергачева, Л. Т. Нечаева, И. Ю. Попович.

Перевод используется в учебниках по иностранному языку в разных функциях.

1. Прежде всего, перевод используется как основной инструмент метода (переводной и грамматико-переводной методы), в которых перевод является основой обучения. На первый план выдвигается освоение системы изучаемого языка. Осознание читаемого текста и умение его перевести признается целью обучения. Развитие навыков самостоятельной речи отходит на второй план.

При господствующем сегодня коммуникативно-ориентированном подходе к обучению появляются иные задачи. На первый план выходит не только освоение лексико-грамматической системы нового языка, но и

умение применить полученные знания в ситуациях реального общения. Коммуникативно-ориентированное обучение, естественно, коснулось и русского как иностранного.

К счастью, прошли те времена, когда перевод полностью отвергался, и считалось, что овладение иностранным языком возможно без развития умений перевода. Бытовавшее тогда мнение большинства методистов о ненужности и нежелательности использования перевода при обучении иноязычной речи в скором времени сменилось осознанием необходимости его использования вне зависимости от ведущего метода обучения.

Сейчас перевод используется в качестве вспомогательного средства овладения языком, но он по-прежнему необходим и занимает важное место.

2. Как методический прием перевод используется при работе над лексико-грамматическим материалом в разных методах, в том числе и в коммуникативно-ориентированном. В качестве обучающего приема перевод может быть использован очень успешно.

Перевод помогает как студенту, так и преподавателю. Мы обращаемся к переводу в аудиторной работе, а также используем его в самостоятельной работе учащихся. Однако нас в данный момент интересуют его «возможности» в учебниках и пособиях РКИ.

Использование перевода в учебнике РКИ часто зависит от уровня учащихся. На элементарном и базовом уровнях перевод используется гораздо больше, чем на других, более высоких уровнях. В успешных беспереводных учебных пособиях для продвинутого этапа, например, А. К. Шилова «Телефонные разговоры делового человека» трудности понимания снимаются комментариями на русском языке (Шилова 2013). Однако было бы неверным считать, что необходимость использования учебного перевода с повышением уровня усвоения отпадает. Упражнения на перевод с родного (языка-посредника) на русский, на наш взгляд, должны присутствовать в учебнике по русскому языку любого уровня, так как именно перевод является одним из наиболее эффективных способов обучения выражению мыслей на иностранном языке.

3. Использование перевода в значительной степени зависит от контингента и форм обучения, авторской концепции, политики издательства.

В последние 20 лет в РКИ пришло много преподавателей иностранных языков. Некоторые из них пишут учебники и учебные пособия, в которых перевод используется гораздо шире, чем в пособиях, созданных преподавателями русского как иностранного. Например, в пособии Т. Юзвик «Какой падеж?» (Юзвик 2010) объяснения даются по-русски и по-английски, формулировка заданий по-английски.

Использование перевода во многом зависит от авторской концепции. В данной статье мы попытаемся продемонстрировать, как в разных пособиях и учебниках используется перевод и как это связано с концепцией создателей учебников.

Немаловажную роль играет и политика издательства. На сегодняшний день можно выделить три ведущих издательства, занимающихся РКИ. Это «Златоуст», «Русский язык. Курсы» и «Флинта». Все используют перевод в учебниках и учебных пособиях по РКИ.

Хотелось бы сказать добрые слова в адрес издательства «Златоуст». В учебниках и пособиях, выпущенных этим издательством, всегда уделяется внимание переводу: он качественный, часто это перевод не на один, а на несколько языков как, например, в учебнике С. Чернышова, А. Чернышовой «Поехали» (Чернышов, Чернышова 2010).

Рассмотрим использование перевода в учебниках, начиная с наших «классиков»: Ю. Г. Овсиенко (Овсиенко 2008), С. А. Хаврониной и А. И. Широчинской (Хавронина, Широчинская 2009), опубликованных в издательстве «Русский язык. Курсы».

Мы не случайно выбрали в качестве примера именно эти два пособия. С одной стороны, они являются просто чемпионами по количеству переизданий, т.е. по популярности. С другой стороны, важное место в них принадлежит переводу. Если говорить о «Русском в упражнениях» С. А. Хаврониной и А. И. Широчинской, то огромная популярность этих упражнений связана, прежде всего, с системной подачей материала. Однако следует констатировать, что не последнюю роль в том, что книга до сих пор используется многими преподавателями и учащимися, сыграло и то, что все задания и комментарии переведены, причем не только на английский, но и на другие европейские языки, а сейчас и на китайский язык.

Если же мы будем рассматривать учебник Ю. Г. Овсиенко, то уже название говорит само за себя ‘Russian for Beginners’ (для говорящих на английском языке). За что же этот учебник так ценится преподавателями и студентами? Не за тексты и упражнения. А ценна книга тем, что в ней есть вводно-фонетический курс с переводом, словарь с картинками и с переводом по семантическим группам, например, таким: человек, части тела человека, семья и т.д., грамматические комментарии и таблицы с переводом.

В большинстве современных учебников авторы дают возможность при желании использовать перевод в различных его формах. Учебник (пособие) может быть ориентирован на один язык и на несколько языков, например, очень популярное пособие по чтению для учащихся

элементарного и базового уровня «Шкатулка» (Шкатулка 2008). Оно предназначено как для англоговорящих, так и для франкоговорящих учащихся.

Обращение к переводу накладывает определенную ответственность на автора. Заявка на широкое использование перевода делается уже на титульном листе, например, в пособиях: Волкова Н., Филлипс Д. 'Let's Improve our Russian' (Волкова, Филлипс 2006), Арто Мустайоки 'Luggage. Basic Russian Grammar with Exercises' (Мустайоки 2011), Милованова И. С. Начинаем изучать русский / We begin to learn Russian (Милованова 2017), начиная с обложки все представлено на английском языке. В учебнике И. Э. Давковой «Джеймс и Катрин едут в Москву» (Давкова 2009) репертуар языковых средств выражения интенций с переводом расширяется, например, в диалогах реплики одного участника даются по-русски, реплики другого – по-английски.

В наших учебниках (Левина, Николенко 1991, 1993, 2003, 2011, 2011, 2019, 2019, 2019, 2019) мы активно используем перевод. Причем если в учебниках для элементарного и базового уровня перевод играет заметную роль, то в учебнике для первого сертификационного уровня («Владимир 2») роль перевода специализируется. Мы его используем только в первом тексте первого раздела, в переводах стихов, а также даем перевод некоторых слов в текстах, чтобы чтение не становилось «мучением». Такой прием впервые описала в своей диссертации Ольга Каган (Каган 1997: 135). На полях даются некоторые слова с переводом.

Этот же прием очень удачно используется в одной из самых популярных книг для чтения на базовом уровне Н. С. Новикова, О. М. Щербакова «Удивительные истории. 116 текстов для чтения, обучения и развлечения», которая неоднократно переиздавалась издательством «Флинта» (Новикова, Щербакова 2010).

Что касается использования перевода в наших учебниках для элементарного и базового уровня, он используется в переводах заданий (первый урок элементарного уровня), постепенно мы отменяем перевод в формулировке тех заданий, которые уже встречались раньше. В начале каждого занятия дается подробное изложение содержания с переводом, все грамматические объяснения, стихи обязательно сопровождаются переводом. После каждого занятия и в конце учебника дается словарь с переводом, в котором есть следующие разделы: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, вопросительные слова (дискурсивные слова), выражения. В конце учебника словарь дается в алфавитном порядке.

Наши тексты в учебниках для базового уровня также снабжены переводом. Тексты большие (до 1500 словоформ). Перевод дается для того, чтобы у учащихся была уверенность, что они все поняли правильно.

Выбор в качестве языков перевода английский и китайский обусловлен тем, что эта аудитория в отношении учебников для начинающих самая обширная. Большинство взрослых учащихся владеет одним из этих языков.

Способы включения учебного перевода в систему заданий практического курса по РКИ могут быть различны и не всегда отражаться непосредственно в учебном пособии, однако сам учебный материал предоставляет достаточно возможностей варьировать работу с использованием учебного перевода в зависимости от состава группы, опыта преподавателя, наличия или отсутствия языковой среды, лингвистического опыта студента и т.п.

Учебный комплекс Н. А. Козловой, М. А. Мартыновой «Мы в России» (Козлова, Мартынова 2014), ориентирован на иностранцев, которые живут и работают в нашей стране. Комплекс, состоящий из трех пособий с тематически связанными текстами и упражнениями, а также лексико-грамматического словаря и лингвострановедческой миниэнциклопедии, предоставляет нам широкие возможности для овладения навыками учебного перевода. Автономный русско-английский лексико-грамматический словарь, охватывающий все слова, встречающиеся в текстах (в объеме 1-го сертификационного уровня) позволяет учащимся работать или под руководством преподавателя, или самостоятельно. В нашем случае выбор английского языка был продиктован тем, что для большей части обучаемых он является родным, для остальных же – языком-посредником. Грамматические пометы, сопровождающие каждую лексическую единицу, с учетом контекста также смогут помочь при переводе.

Можно сказать, что данный комплекс направлен на закрепление умений и навыков по отдельным видам речевой деятельности (например, чтение, говорение, письмо и аудирование), полученных на начальном этапе. Это позволяет использовать как беспереводную подачу материала, так и с сопутствующим использованием перевода при различных формах работы с помощью отдельного лексико-грамматического русско-английского словаря. В нём отмечается, является ли слово многозначным, есть ли у него синонимы и антонимы. Иллюстрирование многозначных слов более широким текстовым материалом в виде монологов и диалогов позволяет использовать данный словарь и для создания заданий, имитации ситуаций, выходящих за рамки самого пособия.

Тексты, объединенные тематически в разделы «Наш дом», «Жизнь в большом городе» и «Будьте здоровы! или «...Здравствуйте!» дают возможность преподавателю разнообразить работу, используя как перевод студентами всего текста (с русского на английский), так и отдельных лексических единиц, изучение которых требует дополнительных пояснений.

В одну из тематических частей «... Здравствуйте!» включены русские этикетные формы общения, полностью переведенные на английский язык. Мы считаем это методически оправданным, т.к. они тоже зачастую вызывают затруднения при изучении русского языка.

Лексико-грамматические упражнения с разнообразными заданиями сформулированы таким образом, что позволяют понять их русскую формулировку даже без перевода. Однако сам материал заданий может быть успешно использован для учебного перевода. Важно заметить, что мы говорим о потенциальных возможностях данного учебного комплекса для овладения навыками учебного перевода, а не об обучении переводу.

Конкретные формы работы зависят не только от наших рекомендаций, но и от мастерства и фантазии самого преподавателя.

Ещё один учебник «Русский сувенир» И. Мозеловой, ориентированный на такой же контингент взрослых обучаемых при их групповом или индивидуальном обучении русскому языку, представляет собой часть учебного комплекса (Мозелова 2016). В той части, которая предназначена для элементарного уровня, автор достаточно широко использует перевод. Заметим, что английский язык, выбранный автором, можно расценивать как родной язык обучающихся, так и как язык-посредник, который позволяет значительно расширить целевую аудиторию. Поскольку сейчас мы рассматриваем часть учебного комплекса (Элементарный уровень), то совершенно методически оправданным со стороны автора представляется использование английского языка в учебнике. С первых страниц, т.е. во введении, где описывается построение всего учебного комплекса, затем в содержании, где по-русски «звучит» только основная тема, а всё остальное (описание ситуаций, тематическая лексика, название основных грамматических понятий) представлено на хорошо знакомом учащемуся языке, автор с помощью перевода старается смягчить возникновение возможного стресса при знакомстве с новым языком и иной языковой системой. Желанием облегчить на первых шагах учебную деятельность взрослых англоязычных учащихся продиктован не только перевод всех заданий на английский язык, но и сопоставительный элемент при знакомстве с русским алфавитом. По мере прохождения материала формулировки заданий по-английски, чаще сменяются

двухязычными заданиями, а в дальнейшем – полностью уступают место заданиям, звучащим только по-русски.

Итак, перевод можно расценивать как осознанное освоение языка (на любом уровне). При переводе учащийся может наглядно ощутить результаты овладения им иностранным языком. Доказано, что овладение навыками перевода необходимо учащимся любых специальностей и всех уровней.

Только перевод обеспечивает реальное понимание русского дискурса. Дискурсивные слова, например, невозможно найти ни в одном словаре. Именно перевод причащает учащихся использовать дискурсивные слова в реальном общении.

Кроме того, адекватный перевод является гарантией того, что студент идет правильным путем, не запоминает приблизительные, иногда ошибочные, значения, правильно понимает слова и словосочетания. На начальном этапе изучения языка (элементарный и базовый уровни), когда формируются базовые знания, очень важно, чтобы у ученика было абсолютно точное, адекватное понимание значений слов и грамматических явлений. Перевод – это также путь перехода к эквивалентным смысловым заменам на родном языке. Мышление в формах иностранного языка никогда не станет аналогичным мышлению на родном языке, в нем всегда будут присутствовать «вкрапления» мгновенного перевода (Ляховицкий 1981: 114).

Заметим, что до сих пор мы говорили об учебниках в привычном понимании этого слова, т.е. на бумажных носителях. Однако последний год заставил нас многое переосмыслить и взглянуть на обучающие материалы по-иному. И причиной этого стал неожиданный повсеместный переход всех образовательных программ из офлайн- в онлайн-пространство из-за охватившей все страны пандемии. Онлайн-обучение из модного тренда, «вишенки на торте», стало необходимостью и благом, позволившим спасти ситуацию, в которую попали образовательные учреждения различных ступеней. Как мы отмечали в одной из своих статей: «Интересно, что 30 лет назад пандемия означала бы прекращение обучающей деятельности. Но сегодня цифровые технологии, с одной стороны, предоставили нам новые возможности и спасли образовательный процесс, с другой – обострили существующие проблемы» (Martynova, Nikolenko E., Nikolenko G. 2020: 90).

И тут оказалось, что бумажные учебники не могут стать «панацеей» для всех форм обучения: вынужденный перенос учебного процесса в онлайн-формат быстро дал почувствовать необходимость использования

новых носителей языковых знаний. Однако чаще всего речь шла об электронном варианте «бумажного» учебника. И дистанционное обучение быстро переориентировалось и, можно сказать, адаптировалось к данному «периоду неопределённости», перейдя из аудитории в цифровой формат подачи знаний, а также формирования умений и навыков. Заметим, что в этом случае даже не изменилось использование перевода: в случае «беспереводных» учебников преподаватель часто предлагает учащимся свои комментарии и пояснения на языке-посреднике или (если студентам повезёт) на родном языке обучаемых. При наличии перевода в пособии учащийся может самостоятельно в случае затруднения к нему обратиться. Заметим, что в последнее время появляются электронные версии многих учебников, о которых мы говорили ранее. Так, например, авторский коллектив Л. Л. Вохмина, И. Ю. Гаврикова, А. С. Зайцева создал учебное пособие для молодёжи (средний уровень А2-В1) «Встречаемся в Москве!» (Вохмина, Гаврикова, Зайцева 2016). Сейчас можно работать и по его электронной версии. И хотя там не представлен перевод на другие языки, что оправданно средним уровнем владения русским языком, однако, на наш взгляд, формулировки многих заданий, работа над лексико-грамматическим оформлением русской речи позволяют подключать и перевод, что расширит возможности учащихся в понимании тонкостей изучаемого языка.

В последнее время наблюдается тенденция все большего тяготения современной молодежи от десктопов и ноутбуков к смартфонам. Причем даже в случае работы на стационарном компьютере многие пользователи одновременно используют смартфон в качестве дополнительного инструмента коммуникации. Интересно, что большая часть студентов, выросшая в эпоху глобальных коммуникаций и мобильных технологий, с одной стороны, обладают клиповым типом восприятия информации, а с другой – большими возможностями в поиске информации, в том числе при переводе лексики, словосочетаний, предложений и даже «микро»-, а возможно и «макро»-текстов. В последние годы значительно расширился круг «помощников» учащихся для перевода, вплоть до озвучивания незнакомого иностранного слова. Таким образом, пытливый или хорошо мотивированный учащийся легко может найти не только перевод слова с тем или иным контекстом и увидеть его буквенное оформление, но и услышать звуковое соответствие данного слова, что особенно важно для русского языка, в котором написание и произношение лексических единиц часто не полностью совпадают. Безусловно, глобализация информационного пространства значительно изменила процесс и технологию поиска нужной информации, в том числе при изучении языка. Заметим, что «изменила»

вовсе не означает «облегчила». Так, по словам, Т. В. Черниговской, если раньше стоял вопрос: «Где найти информацию?», то сегодня он формулируется по-другому: «Куда бежать от информации?» Поэтому одна из задач педагога высшей школы и, на наш взгляд, учебников и учебных пособий (как бумажных, так электронных) – это вооружить учащихся ценными рекомендациями по возможностям использования конкретных, хорошо зарекомендовавших себя электронных ресурсов, в том числе по переводу.

Как мы уже отмечали, большая часть используемых сегодня при обучении в образовательном пространстве учебников РКИ представляют собой электронный вариант бумажной книги, не учитывая особенностей нового формата обучения. Даже заявленные как электронные учебники немногим отличаются от предыдущих «коллег». Однако мы полностью согласны с тем, что «современный электронный учебник высшей школы – это сложное комплексное издание, которое создается с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий, и соединяет в себе четко структурированные, систематизированные научные знания и факты, освещает современные тренды и последние достижения науки в конкретной области знаний, при этом использует новейшие образовательные методики и технологии» (Плотников, Швед, Рибокене 2020: 339). На наш взгляд, воплощая идеи эдьютеймента и опираясь на принципы гипертекстуальности, мультимедийности и интерактивности, новый подход к созданию современных электронных «носителей знаний и формирования необходимых умений» позволит по-иному взглянуть на возможности использования учебного перевода в образовательном пространстве при овладении зарубежными учащимися русским языком.

Таким образом, современные условия обучения (цифровизация и вызванная ею «информационная лавина», дистанционное обучение) приводят нас к выводу, что становится актуальной задача формирования новых подходов в применении такой необходимой составляющей обучения иностранным языкам, как перевод. Такие подходы должны как сочетать возможности и успехи использования традиционных бумажных учебников и учебных пособий, так и в полной мере применять новые технологии представления и контроля усвоения информации, то есть иностранных языков и, прежде всего, русского как иностранного.

Литература

- Антонова, В. Б., Нахабина, М. М. и др. Дорога в Россию (Базовый уровень) (китайский вариант) / В. Б. Антонова, М. М. Нахабина. – СПб-Москва, ЦМО – Златоуст, 2003. – 344 с.
- Антонова, В. Б., Нахабина, М. М. и др. Дорога в Россию (Элементарный уровень) (китайский вариант) / В. Б. Антонова М. М. Нахабина. СПб-Москва, ЦМО – Златоуст, 2007. – 231 с.
- Балыхина, Т. М., Евстигнеева, И. Ф., Румянцева, Н. М. и др. Учебник русского языка для говорящих по-китайски. Элементарный и базовый уровни / Т. М. Балыхина, И. Ф. Евстигнеева, Н.М. Румянцева. – Москва, РУДН, 2008. – 352 с.
- Вохмина, Л.Л., Гаврикова, И. Ю., Зайцева, А. С. Встречаемся в Москве! Учебное пособие для молодёжи. Средний уровень (А2-Б1) / Л. Л. Вохмина, И. Ю. Гаврикова, А. С. Зайцева. – М.: ГИРЯ им. Пушкина. 2016. – 200 с.
- Волкова, Н., Филлипс, Д. 'Let's Improve our Russian' / Улучшим наш русский! / Н. Волкова, Д. Филлипс. – СПб, Златоуст, 2006. – 216 с.
- Давкова, И. Э. Джеймс и Катрин едут в Москву. Пособие по обучению диалогической речи для говорящих на английском языке / И. Э. Давкова. – Русский язык. Курсы, 2009. – 245 с.
- Давкова, И. Э. Цуёси и Минако едут в Москву. Учебное пособие по развитию речи для говорящих на японском языке / И. Э. Давкова. – Русский язык. Курсы, 2010. – 256 с.
- Каган, О. Теория и практика написания личностно-ориентированного учебника русского языка как иностранного: дис. канд. пед. наук / О. Каган. – М., 1997. – 215 с/
- Козлова, Н. А., Мартынова, М. А. Мы в России / Н. А. Козлова, М.А. Мартынова. – Русский язык. Курсы, 2014. – 711 с.
- Костомаров, В. Г., Митрофанова, О. Д. Учебник русского языка для иностранцев: типизация и комплексность / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова // Вестник высшей школы. – 1979. – №3. – С.74-78.
- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю. Владимир 1 / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. – СПб.: Златоуст, 1991. – 268 с.
- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю. Кольцо / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. – М.: Станкин, 1993. – 128 с.
- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю. Владимир 2 / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. . – М.-СПб, Златоуст, МГТУ Станкин, 2003. –143 с.
- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю. Золотое кольцо 1 / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. – М.: Росноу, 2011.– 152 с.

- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю.* Золотое кольцо 2 / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. – М.: Росноу, 2011. – 175 с.
- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю.* А1. Русский для начинающих (Russian for Beginners) / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. – IPR Media, 2019. – 160 с.
- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю.* А2. Золотое кольцо. Русский язык для иностранцев (The Golden Ring. Russian for foreigners. Basic level) / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. – IPR Media, 2019. – 499 с.
- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю.* А1. Русский для начинающих, китайский вариант / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. – IPR Media, 2019. – 164 с.
- Левина, Г. М., Николенко, Е. Ю.* А2. Золотое кольцо. Русский язык для иностранцев, китайский вариант / Г. М. Левина, Е. Ю. Николенко. – IPR Media, 2019. – 186 с.
- Ляховицкий, М. В.* Методика преподавания иностранных языков / М. В. Ляховицкий. – М.: 1981. – 159 с.
- Милованова, И. С.* Начинаем изучать русский / We begin to learn Russian / И. С. милованова. – М., Икар, 2017. – 160 с.
- Мозелова, И.* Русский сувенир. Учебный комплекс по русскому языку для иностранцев. Элементарный уровень. Учебник / И. Мозелова. – М.: Русский язык. Курсы. 2016. – 159 с.
- Мустайоки, А., Алестало, М., Виймаранта, Т.* 'Luggage. Basic Russian Grammar with Exercises' / Багаж. Русская грамматика с упражнениями / А. Мустайоки, М. Алестало, Т. Виймаранта. – М., 2011. – 510 с.
- Новикова, Н. С., Щербакова, О. М.* Удивительные истории. 116 текстов для чтения, обучения и развлечения Н. С. Новикова, О. М. Щербакова. – М.: Флинта, 2010. – 368 с.
- Овсиенко, Ю. Г.* Русский язык для начинающих (Russian for Beginners) / Ю. Г. Овсиенко. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 472 с.
- Плотников, С. В., Швед, Н. Г., Рибокене, Е. В.* Электронный учебник как основной инструмент цифрового образования будущего: ключевые направления развития в аспекте новой реальности коммуникативной среды / С. В. Плотников, Н. Г. Швед, Е. В. Рибокене // Гуманитарные технологии современном мире. Сб. статей VIII Международной научно-практической конференции (28-30 мая 2020 г.). – Калининград, 2020. – С. 338-346.
- Хавронина, С. А., Широцинская, А. И.* Русский язык в упражнениях / С. А. Хавронина, А. И. Широцинская. – М.: Русский язык. Курсы, 2009. – 172 с.
- Чернышов, С., Чернышова, А.* «Поехали!». Начальный и базовый курс / С. Чернышов, А. Чернышова. – СПб.: Златоуст, 2010. – 282 с. и 163 с.
- Шилова, А. К.* Телефонные разговоры делового человека / А. К. Шилова. – М.: 2013. – 190 с.

Шкатулка. Пособие по чтению для иностранцев, начинающих изучать русский язык, под редакцией О. Э. Чубаровой. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 219 с.

Юзвик, Т. Какой падеж? 175 упражнений для изучающих русский язык как иностранный / Т. Юзвик. – М.: Русский класс, 2010. – 68 с.

Martynova, M., Nikolenko, E., Nikolenko, G. New Communicative and Expressive Powers in Online and Offline Teaching Russian as a Foreign Language / M. Martynova, E. Nikolenko, G. Nikolenko // Communication trends in the post-literacy era: polylingualism, multimodality and multiculturalism as preconditions for new. – Ekaterinburg Ural University Press 2020.– p.p. 89-107.

Martynova M. A.

Moscow State University
of Geodesy and Cartography, Russia
bilingualconnect@mail.ru

Nikolenko E. Yu.

Moscow State University
n.a. M.V. Lomonosov, Russia
nikolenko.e.yu@gmail.com

**Educational translation as an object of
methodological research (overview of the
application and current problems of use)**

This article presents this problem from the point of view of teachers of Russian as a foreign language. The use of translation in modern textbooks on the Russian language as foreign is analyzed here. The use/non-use of the translation, depending on the method, level, contingent of students, training forms, author's concept, and publishers' policy is discussed. The problem of translation into a students' native language or mediator language is also discussed. A more detailed analysis of the use of translation is carried out on educational-methodical textbooks, exercise books etc. written by the authors of the article.

Keywords: translation, native language, mediator language, grammar-translation method, communicative approach, textbook, educational-methodical complex

Обзорная статья/ Review/Pregledni rad
UDK 821.161.1.09:821.161.1'255.4Strugatsky

Миленич Жарко

Национальный исследовательский университет – ВШЭ Москва, Россия
zmilenic@hse.ru

Рецепция первых переводов повести „Пикник на обочине“ братьев Стругацких

Аркадий и Борис Стругацкие – самые выдающиеся советско-российские авторы жанра научной фантастики 20-го века и наиболее известные в других странах. Повесть „Пикник на обочине“ – самая популярная и наиболее широко переводимая повесть братьев Стругацких за пределами бывшего Советского Союза. По состоянию на 2003 год Борис Стругацкий насчитал 55 публикаций повести „Пикник на обочине“ в 22 странах. Например, в США книгу приняли с двумя переводами и многочисленными обзорами, написанными известными критиками и писателями-фантастами. Увеличению количества переводов этой повести способствовали экранизации для кино и телевидения, в частности знаменитый фильм „Сталкер“ Андрея Тарковского. Также Чернобыльская катастрофа в Украине, ядерная авария, произошедшая в 1986 году, в результате которой появилась „Чернобыльская зона отчуждения“, напоминающая о Зоне в „Пикнике на обочине“ со странным явлением.

Ключевые слова: Братья Стругацкие, научная фантастика, литературный перевод, русская литература XX века

Введение

Повесть „Пикник на обочине“ была написана в 1971 году, а опубликована в 1972 году в сиквелах в журнале „Аврора“ из Петербурга. Через восемь лет эта повесть не выпустилась книжным изданием в Советском Союзе – первый договор на её издание в составе сборника был заключён авторами с издательством „Молодая гвардия“ в 1972 году. Готовая рукопись была одобрена и прошла первую редактуру только в 1973 году, из-за многочисленных проволочек нового состава редакции. На самом деле редакция исполняла роль цензора.

Восемь лет продлится эта волокита. Редакция требовала „убрать мрачность, безысходность, грубость, жестокость...“ (Стругацкий Борис 1999).

Сборник вышел в 1980 году в изменённом составе и с многочисленными исправлениями, часто неосмысленными, – убраны так называемые, грубые диалоги героев, добавлены „материалистические“ объяснения для некоторых явлений в Зоне и т. д. (Стругацкий Борис 1999).

Авторы победили. Это был один из редчайших случаев в истории советского книгоиздательства. Издательство не хотело выпускать книгу, но авторы заставили сделать это. Но это была пиррова победа. Позже, когда это стало возможным, они исправили свою повесть.

Получилось так, что повесть „Пикник на обочине“ была опубликована как книга вначале на английском, немецком и польском языках, а затем на русском языке. Этот случай, конечно, нельзя сравнивать с переводами романа „Доктор Живаго“ Пастернака и романа „Мы“ Замятина. Долгое время было запрещено публиковать эти книги в Советском Союзе, а их авторы получили общественное осуждение. Аркадий и Борис Стругацкий не подвергались травле, как Пастернак и Замятин, и не были в эмиграции. Но и они столкнулись с трудностями, и им пришлось ждать публикации своих новых книг несколько лет.

Урсула Ле Гуин (Ursula Le Guin) подметила, что Братья Стругацкие „прямо не критиковали политику своего правительства.“ Они пишут „так, как будто они безразличны к идеологии – то, что многим из нас, писателей в западных демократиях, было нелегко. Писали так, как пишут свободные люди“ (Le Guin 2012: VI).

Переводы на английский язык

На английском языке повесть „Пикник на обочине“ под названием „Roadside Picnic» (вместе с повестью „Сказка о Тройке“ / „Tale of the Troika», написана в 1968 г.) первый раз опубликована в переводе Антонини Буис (Antonina W. Bouis) в издательстве „Macmillan Publishers Ltd.“ из Нью-Йорка в 1977 году. Повесть была переиздана восемь раз в США и Англии и была номинирована на премию Джона В. Кэмпбелла (John W. Campbell) как лучший научно-фантастический роман 1978 года и заняла второе место.

Предисловие для первого перевода повести „Пикник на обочине“ написал известный американский писатель жанра научной фантастики Теодор Старджон (Theodore Sturgeon). Старджон в своем предисловии пишет, что творчество авторов научно-фантастического жанра Восточной Европы на пространстве, где говорят на английском языке, мало известно, и публикуется мало переводов с этих языков, хотя в этих странах научная фантастика очень популярна. Он указывает, что „в высшем эшелоне советских писателей-фантастов стоят имена Бориса и Аркадия Стругацких.“ (Sturgeon 1977: 5) По его мнению, „Пикник на обочине“ есть „удивительный короткий роман» и „Стругацкие показывают ловкое и гибкое обращение с преданностью и жадностью, дружбой и любовью, отчаянием, разочарованием и одиночеством, и у вас есть поистине великолепный рассказ, наиболее остро заканчивающийся тем, что можно назвать только благословением. Вы этого не забудете“ (Sturgeon 1977: 6).

Второй перевод „Пикника на обочине“ на английский язык подготовила Олена Бормашенко (Olena Vormashenko). Впервые он был опубликован в книге 2012 года в издательстве „Chicago Review Press“ в Чикаго в США. Предисловие к этой книге написала тоже известный американский автор научно-фантастического жанра, Урсула Ле Гуин (Ursula K. Le Guin). В начале своего предисловия Ле Гуин напоминает, что написала рецензию на первый перевод этой повести на английский язык в 1977 году¹ и сейчас „часть этого предисловия взята из обзора“. Она считала, что „Пикник на обочине“ – оригинальная повесть о первом контакте. „Пришельцы посетили Землю, замусорили ее и ушли. Группы крыс, осторожно, но с любопытством, приближаются к мусору и стараются унести его домой“ (Le Guin 2012: VI).

Ле Гуин заметила, что „посетители из космоса, если они вообще замечали наше существование, явно не интересовались общением;

¹ „A New Book by the Strugatskys“ is in Science Fiction Studies 12 (vol. 4, pt. 2, July 1977).

возможно, для них мы были дикарями, а может, стайными крысами. Связи не было; не может быть понимания“ (Le Guin 2012: VII).

Она указывает нам на то, что действие повести «Пикник на обочине» происходит „в Северной Америке, возможно, в Канаде, но у персонажей нет особых национальных особенностей. Однако они индивидуально яркие и симпатичны; самый тонкий старый сталкер-промысловик обладает омерзительной и милой жизненной силой. Человеческие отношения звучат правдоподобно. Нет никаких сверхмощных умов; люди банальны. Рыжий, центральная фигура, обыкновенный, даже злобный, человек упрямый. Большинство персонажей – крутые люди, ведущие униженный, унылый образ жизни, представленные без сантиментов и без цинизма“ (Le Guin 2012: VII)

Дарко Сувин (Darko Suvin) опубликовал два эссе о творчестве Стругацких на английском языке. В эссе „О научно-фантастическом творчестве братьев Стругацких“ он написал о темной части творчества братьев Стругацких, в которую входит и повесть „Пикник на обочине“.

Сувин этот этап представляет „более мрачным и неравномерным, сочетая такие разрозненные элементы, как несовершеннолетние герои с растущим отчуждением и отчаянием.“ (Suvin 1979: 160) „Возможно, наиболее последовательная работа этой стадии – „Пикник на обочине“, сочетающая в себе утопический поиск, похожий на сказку, и психологический роман со множеством точек зрения и профессиональных жаргонов, сутью которого является поиск странных и опасных предметов, оставшихся после посещения неведомыми инопланетянами. Главный герой, Рэд, – один из контрабандистов, проникающих в оставшуюся после посещения инопланетянами Зону, чтобы утаскивать оттуда артефакты и, возможно, чтобы обнаружить спасительное знание. Влияние инопланетян – катализатор, выявляющий человеческую жадность и отвагу, невежество и изобретательность“ (Сувин 1988).

Иштван Чичери-Ронаи (Istvan Csicsery-Ronay) написал, что Зона – „рационализированный заколдованный круг“, а Стругацкие, как и Лем, придают Зоне „женские размеры, прежде всего в его эффектах, таких как ужасно разрушительный ведьмин студень и таинственное превращение молодой дочери главного героя“ (Csicsery-Ronay 2008, 251-252).

Брайан Олдисс (Brian W. Aldiss) и Дейвид Уингров (David Wingrove) написали, что „Стругацкие часто используют фабульный стиль, интенсивно, почти навязчиво логичный, а их логика – извилистая, почти кафкская“ (Aldiss, Wingrove 1988: 494).

Дон Д'Амасса (Don D'Amassa) думает, что повесть Стругацких „содержит какую-то забавную сатиру о западных взглядах на личные вещи и маркетинг“ (D'Amassa 2005, 364).

Стьюарт Картер (Stuart Carter) заметил, что „элементы научной фантастики здесь присутствуют, но они далеки от пиротехнических, которые присутствуют в большей части жанра. Зоны – это места темной магии и чудес, почти неизбежно фатальные, где ничего не имеет смысла“ (Carter 2000).

Переводы на немецкий язык

На немецком языке повесть „Пикник на обочине“ под названием „Picknick am Wegesrand“ первый раз была опубликована в переводе Алени Мекел (Aljonna Möckel) в издательстве „Das Neue Berlin“ из Берлина в 1976 году. Книга была переиздана много раз, переиздается и по сей день и в других издательствах, таких как известное издательство „Suhrkamp“ из Франкфурта на Майне. Это издательство опубликовало книгу с послесловием Станислава Лема (Stanislaw Lem), а послесловие на немецкий язык с польского перевел Ф. Гризе (F. Griese). Это послесловие есть на самом деле эссе Станислава Лема, которое он написал в 1977 году и затем поместил его в сборнике „Мой взгляд на литературу“. Этот сборник опубликован на русском языке в переводе с польского в 2009 году.

Станислав Лем считал, что братья Стругацкие в Пикнике на обочине, уходят от традиций научной фантастики. Их повесть основана на двух концепциях: Первая – „стратегия неразгаданной тайны пришельцев“. Вторая – реакция человечества на Посещение. Мир продолжает существовать, как и раньше. Человеческая реакция на чудеса легальна и нелегальна. В лабораториях ксенологических институтов ведутся опыты с найденными в Зонах магнитными ловушками. Сталкеры – контрабандисты нового типа, которые ночами выносят из Зоны объекты, поскольку на них есть спрос. „Очарование и удрученность, которые пробуждают в читателе сцены из жизни сталкера, составляющие стержень повести, – это результат обдуманно ограниченного поля зрения“ (Лем 2009: 164).

Лем замечает, что в повести „Пикник на обочине“ все происходит совсем иначе, чем у Уэллса. У них „вторжение произошло как бы по-настоящему, его следы в форме Зон действительно нельзя удалить, его результаты Земля не в состоянии ассимилировать, но в то же время человеческий мир продолжает существовать, как обычно. Грозные чудеса,

космическим дождем выпавшие в шести местах планеты, становятся центрами разнообразной человеческой деятельности – легальной и нелегальной, – как и любой источник даже очень рискованной выгоды. Стратегию сохранения тайны Стругацкие реализуют очень коварной тактикой – почти микроскопических приближений. О том, что в каких-то лабораториях ведутся опыты с найденными в Зонах магнитными ловушками, о том, что где-то работают ксенологические институты, рассматривающие природу Посещения, в повести лишь кратко упоминается“ (Лем 2009: 167).

Лем доносит вывод, что „Стругацкие оказались здесь прежде всего – реалистами в фантастике, поскольку реализм в ней – это настойчивое и честное изложение всех последствий принятых предположений. Даже этот дикий развлекательный бизнес, которым обрастает Зона, кажется правдоподобным, да нет, обязательным, ведь составные элементы человеческого поведения в повести те же, что и в жизни, разве что авторское внимание обращено прежде всего на *самое дно космического контакта*, – а конкретную форму событиям придает тот факт, что чуда вторглось в пространство потребительского общества. Посещение в *Пикнике* – это не странность для странности, а введение исходных условий для мысленного эксперимента в области *экспериментальной историософии*, и в этом заключается ценность этой книги“ (Лем 2009: 174).

Переводы на французский, итальянский и испанский язык

На французском языке повесть „Пикник на обочине“ под названием „Stalker“ первый раз опубликована в переводе Светланы Делмот (Svetlana Delmotte) в издательстве „Denoël“ из Парижа в 1980 году. Книга переиздана в 1982, 1993, 1994, 2010 и 2013 годах.

Видно, что книга перевода повести „Пикник на обочине“ получила название под влиянием экранизации „Сталкер“ Андрея Тарковского, которая снята в 1979 году.

Братья Стругацкие в 1981 году получили премию за книгу на иностранном языке „Graouilly d’Or for Roman étranger“ / Золотой дракон для зарубежного романа, а повесть была и в номинации для премии в 2013 году.

И на итальянском языке повесть „Пикник на обочине“ опубликована под названием „Stalker“ первый раз в 1982 году в издательстве „Riuniti university press“ из Рима в переводе Гуидо Зурлино (Guido Zurlino) и снова в известном издательстве „Mondadori“ из Рима в 1988 году. Потом

опубликована и на испанском языке в 2001 году под названием „Picnic junto al camino“ в переводе Мигела Барсела (Miguel Barceló) в Барселоне в издательстве „Ediciones B“ и в новом переводе Раquel Маркес (Raquel Marqués) в 2016 году под названием „Picnic extraterreste“ в издательстве „Gigamesh“ из Барселоны.

Переводы на польский язык

На польском языке повесть „Пикник на обочине“ под названием „Piknik na skraju drogi“ (вместе с повестью „Улитка на склоне“ / „Las“, написана в 1965 году) первый раз опубликована в переводе Ирены Левандовской (Irena Lewandowska) в издательстве „Wydawnictwo Literackie“ из Кракова в 1977 году. Повесть потом переиздана в 1996 году в издательстве „Wydawnictwo SR“ из Варшавы. Послесловие написал Станислав Лем.

Монографию о творчестве Стругацких опубликовал Войцех Кайтох (Wojciech Kajtoch) под названием „Bracia Strugacscy“ (Братья Стругацкие) в 1993 году, а на русский язык она вышла в 2003 году в переводе В. Борисова. О повести „Пикник на обочине“ Кайтох написал:

„Образ копающегося в космическом мусоре человечества, весьма оригинальный (несмотря на обильное чтение фантастики, не припомню какого-либо литературного прототипа), кроме того послужил Стругацким для рассмотрения комплекса явлений, связанных с темой цивилизационной незрелости человека. То есть они осуществили в *Пикнике*... ряд психологических и этических экспериментов, и весьма ярко нарисовали картину некоторых социологических законов, действующих в рамках капиталистического, потребительского общества – как они его себе представляли“ (Кайтох 2003: 560).

Переводы на сербский, словенский и хорватский язык

В Белграде в издательстве „Српска књижевна задруга“² в 1979 году была опубликована повесть „Пикник на обочине“. Повесть перевёл Милан Чолич (Milan Čolić).

2 Сербская литературная ассоциация.

Переиздание „Пикника на обочине“ выходит в 1996 году в Белграде с длинным послесловием Андрии Лаврика (Andrija Lavrić). Видно, что на переиздание влияла экранизация под названием „Сталкер“ Андрея Тарковского 1979 года. На обложке размещена фотография Александра Кайдановского, сыгравшего в этом фильме главную роль. Снова эта повесть будет напечатана на сербском языке в 2011 году в издательстве „Наш дом“ в переводе Андрии Лаврика и в 2019 году в издательстве „Плато“ снова в переводе Милана Чолича.

Андрия Лаврик написал, что в повести Стругацких „как будто угадано страшное будущее – реальность нашего времени“ (Lavrić 1996: 182). Жизнь сталкера Шухарта и его характер описаны в произведении мастерски. Золотой шар стал для сталкеров „каким-то альтернативным Богом или даже заменой для Бога“ (Lavrić 1996, 182).

Сербский фантастолог Зоран Живкович (Zoran Živković) опубликовал в 1990 году „Энциклопедию научной фантастики“ в двух книгах издательства „Просвета“ из Белграда. В разделе о Стругацких он написал о повести „Пикник на обочине“, что в ней присутствует „похожий вид дилеммы с темой из рассказа *Странники и путешественники*. Здесь пришельцы также вступают в активные отношения с человеком: у них был пикник в определенных зонах нашей планеты, но их истинные мотивы остаются непонятны до конца“ (Živković 1990: 696).

На словенский язык известный русист и фантастолог Драго Байт (Drago Bajt) перевел повесть Стругацких „Пикник на обочине“. В 1983 году перевод опубликован издательством „Прешернова дружба³“ из Любляны.

В 2021 году издательство „Zagrebačka naklada⁴“ из Загреба, которое часто публикует фантастику, напечатало повесть «Пикник на обочине» в моем переводе на хорватский язык. Этот перевод новой и последней версии этой повести Стругацких опубликован с комментариями Бориса Стругацкого.

³ Общество поэта Прешерна.

⁴ Загребское издательство.

Выводы

Почему произведения братьев Стругацких и, в частности, их повесть „Пикник на обочине“ так привлекали внимание на Западе, гораздо более, чем творчество многих других авторов научно-фантастического жанра СССР, которые писали во второй половине двадцатого века?

Во-первых, во времена существования Советского Союза на Западе были интересны литературные произведения, содержащие критику советской системы (хотя у Стругацких это не было так открыто).

Во-вторых, популяризации повести „Пикник на обочине“ после 1979 года способствовала знаменитая экранизация этой повести под названием „Сталкер“ Андрея Тарковского.

В-третьих, Стругацкие оказались почти пророками, предсказавшими в своем произведении будущую Зону на Земле, появившуюся после атомной катастрофы в Чернобыле в 1986 году.

Но эту популярную повесть Стругацких перестали бы переводить, если бы ее отличали только эти особенности. Самое главное, что эта научная сказка до сих пор увлекает читателей во всем мире своей оригинальностью, актуальностью и современным стилем.

Литература

- Кайтох, В.* Братья Стругацкие // Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений, Т. 12. – М.: АСТ, 2003 – С. 409-670.
- Лем, Станислав.* Мой взгляд на литературу / пер. с польского: Язневич В. И., Борисов В. И., Душенко К. – М.: АСТ, 2009 – 864 с.
- Стругацкий, Б.* Комментарии к пройденному: 1969–1973 // [Фантасты братья Стругацкие]. [2003]. URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-06.htm> (дата обращения: 09.01.2021).
- Сувин, Дарко.* О научно-фантастическом творчестве братьев Стругацких, пер. с англ. А. Кузнецова. // [Фантастика: Сувин Дарко]. [2009]. URL: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_2190.shtml (дата обращения: 09.01.2021).
- Aldiss W. Brian, Wingrove David.* Trillion Year Spree, The History of Science Fiction – London: Paladin, 1988 – p. 672.
- Carter, Stuart.* Roadside Picnic by Arkady and Boris Strugatsky. // [Arkady and Boris Strugatsky]. [2000]. URL: <http://www.infinityplus.co.uk/nonfiction/roadside.htm> (дата обращения: 09.01.2021).
- Csicsery-Ronay, Istvan, Jr.* The Seven Beauties of Science Fiction – Middletown: Wesleyan University Press, 2008. – 323 p.
- D’Amassa, Don.* Encyclopedia of Science Fiction – New York: Facts on File, Inc., 2005 – 544 p.
- Le Guin, Ursula.* Foreword // Arkady and Boris Strugatsky; Roadside Picnic / translated by Olena Bormashenko – Chicago: Review Press, 2012 – V – IX p.
- Sturgeon, Theodore.* Foreword // Arkady and Boris Strugatsky; Roadside Picnic / Tale of the Troika, translated by Antonina W. Bouis – New York: Macmillan Publishers Ltd., 1977 – p. 5 – 6.
- Lavrik, Andrija.* Stalker u zoni piknika / Piknik kraj puta / preveo Milan Čolić – Beograd: Plato – Flamarion, 1996 – str. 139-142.
- Živković, Zoran.* Enciklopedija naučne fantastike т. 2 – Beograd: Prosveta, 1990 – str. 868.

Milenić Ž.

National Research University – HSE Moscow, Russia
zmilenic@hse.ru

Reception of First Translations of the Novel „Roadside Picnic“ by the Strugatsky Brothers

Arkady and Boris Strugatsky are the most prominent Soviet-Russian authors in the Science Fiction genre of the 20th century, and they are best known Russian authors of Science Fiction in other countries. „Roadside Picnic“ is the most popular and most widely translated novel by the Strugatsky brothers outside the former Soviet Union. As of 2003, Boris Strugatsky counted 55 publications of the „Roadside Picnic“ in 22 countries. For example, the book was accepted in the United States with two translations and numerous reviews written by renowned critics and science fiction writers. An increase in the number of translations of this story was facilitated by film adaptations, especially „Stalker“ by Andrei Tarkovsky. Also, the Chernobyl disaster in the Ukraine, a nuclear accident that occurred in 1986, (the „Chernobyl Exclusion Zone“) is reminiscent of the Zone in the „Roadside Picnic“.

Keywords: Strugatsky brothers, science fiction, literary translation, Russian literature of the 20th century

Обзорная статья/ Review/Pregledni rad
UDK 821.161.1'255.4:303.446.2

Разумовская Вероника Адольфовна

Сибирский федеральный университет, Россия
veronica_raz@hotmail.com

Русский художественный текст: от произведения национальной литературы до «сильного» текста мировой культуры

Статья обращается к «судьбе» текстов русской литературы, ставших культурным достоянием мира. Материалом исследования послужили наиболее известные оригиналы произведений Л. Н. Толстого и их переводы. Анализ выполнен в терминах универсальных категорий – культурная информация и память, культурная ценность, диалог культур, культурное влияние. Особое внимание уделяется вопросам переводимости, а также «переведенности» «сильного» художественного текста средствами вербальных и невербальных семиотических систем, а также природе единиц перевода.

Ключевые слова: художественный текст, русская литература, взаимодействие культур, культурное сохранение, межсемиотический перевод

Каждое литературное произведение обладает своей «судьбой», обусловленной многими различными факторами: тематикой, сюжетом и жанровым своеобразием художественного текста; его нарративными, языковыми и стилистическими особенностями; персонажами и всей системой художественных образов; историей создания и местом текста в творчестве его автора, известностью писателя. Бесспорно, значимую роль в успешности/неуспешности текста играют и обстоятельства его публикации (в статье рассматриваются только опубликованные тексты): размер тиража и художественное оформление издания; публикация в популярных литературно-художественных (толстых) журналах, сборниках и собраниях сочинений; отзывы читателей и профессиональных критиков. Также отметим влияние на «судьбу» произведения в современную эпоху СМИ пред- и постпубликационных рекламных кампаний. Данный перечень факторов ни в коей мере не является полным и может быть значительно изменен и расширен. При этом нередко очень трудно определить причины, почему один текст так и остался незамеченным читателями и критиками и никогда не переиздавался, тогда как другой текст приобрел и смог надолго сохранить известность и популярность, уверенно получив статус «сильного» текста литературы и культуры.

Рассмотрение текстов, которые вышли за пределы своих национальных литератур и, соответственно, культур, став ярчайшими явлениями мирового культурного пространства, традиционно предполагает обращение не только к их оригиналам, но также и к вторичным версиям таких текстов. Среди многообразия вторичных версий художественного текста в первую очередь к анализу привлекаются версии, созданные в результате межъязыкового перевода. При этом отметим, что в настоящее время наметилась тенденция к привлечению для изучения художественной вторичности адаптаций вербального оригинала, выполненных средствами различных семиотических систем, что предполагает понимание перевода как коммуникативного процесса в самом широком смысле. И перевод с полным правом становится тем «судьбоносным» фактором, значение которого для успешного функционирования художественных текстов в культурном пространстве трудно переоценить. Именно перевод дает возможность читателям, не принадлежащим к культурам художественных оригиналов и не владеющим языками данных оригиналов, познакомиться с яркими явлениями «чужой» литературной традиции и выполняет важнейшую функцию межкультурного посредничества, обеспечивая межкультурный обмен, взаимодействие и взаимовлияние. Чаще всего в форме языка/языков перевода художественный текст выходит за границы

«своей» (родной) культуры и начинает функционировать в уже другой культуре/культурах.

Очевидной способностью к расширению границ первичного бытования обладают, прежде всего, «сильные» тексты национальных литератур. В соответствии с идеями Н. А. Кузьминой, которые были высказаны автором в контексте проблематики интертекстуальности, к категории «сильных», прежде всего, могут быть отнесены тексты литературы, обладающие высоким эстетико-энергетическим потенциалом и, соответственно, большой художественной ценностью. Такие тексты знакомы большинству представителей родной культуры, они традиционно входят в каноны программ различных уровней образования, имеют большую аудиторию читателей и постоянно отдают энергию читателям и получают от них энергию, которая многократно усиливается вследствие информационного резонанса (Кузьмина 2009: 68-71). Данный резонанс создается в условиях взаимодействия информации рассматриваемых текстов с информационным потенциалом их отдельных читателей или всего общества (всей потенциальной аудитории читателей), а также с информацией других текстов (преимущественно «сильных») «своей» и «чужих» культур. Одной из важнейших характеристик «сильных» текстов является выраженная способность к реинтерпретативности, что и делает такие тексты регулярными объектами межъязыкового художественного перевода, а также и других возможных видов интерпретации и адаптации «сильного» вербального оригинала.

В пространстве «своей» культуры «сильные» художественные тексты формируют её центральную часть. В таких текстах представлена ценная культурная информация и память, что делает тексты важными и регулярными носителями информации такого рода и позволяет надолго сохранять ключевые смыслы культуры. Через «сильные» тексты представители других культур получают возможность познакомиться с культурой, к которой принадлежат художественные оригиналы, а также с культурами, описанными в текстах. Используя сверхпопулярное понятие культурной решетки/матрицы, гипотетически предположим, что «сильные» тексты локализуются в узлах такой решетки/матрицы, обеспечивая ее «жесткость» и стабильность. С другой стороны, нахождение текста в узле культурной решетки определяет его сильную позицию в системе национальной литературы и, соответственно, культуры, что и обеспечивает его сохраняемость. Идея существования текстов, обладающим культурным значением, в контексте переводческой проблематики была эксплицирована одним из создателей культурологического переводоведения – А. Лефевром.

Ученый выделил особый тип текстов, которые являются национальным и мировым культурным достоянием («cultural capital» в терминологии автора) и, что особенно важно, участвуют в формировании культурных решеток на уровне отдельной культуры или всей мировой культуры (Bassnett, Lefevre 1998). Отметим, что понятие особых текстов у Лефевра в значительной мере соответствует рассмотренному в данной работе понятию «сильных» текстов или текстов влияния, которые вступают в информационный резонанс с читателями и рожают новые метатексты (вторичные речевые произведения различного стиля и жанра) (Кузьмина 2009).

В рамках рассматриваемой проблематики особое значение приобретает вопрос о связи «сильного» оригинала с его вторичными версиями. В переводоведческом дискурсе представлено различное понимание природы такой связи. В данном аспекте несомненный интерес имеет написанная почти сто лет назад (в 1923 году) В. Беньямином работа «Задача переводчика» («Die Aufgabe des Übersetzers»), в которой автором была высказана оригинальная точка зрения на отношения оригинала и перевода. Ученый утверждает, что перевод не служит читателю (или не служит в первую очередь только читателю), а существует сам по себе, обеспечивая рост оригинала и тем самым продолжая его жизнь. В новаторской статье, выполненной в русле философии перевода и ставшей в определенном смысле программной для последующих поколений переводоведов, автор пишет: «Вырастая в переводе, оригинал как бы поднимается в более высокую, более чистую атмосферу» (Беньямин). Ещё через несколько десятилетий известный французский философ и теоретик литературы Ж. Деррида также обращается к вопросу об отношении между художественным оригиналом и его переводами и отмечает, что оригинал очень нуждается в переводе, он хочет быть переведенным, он «вымаливает» этот перевод: «Структура оригинала помечена требованием быть переведенным. <...> Оригинал – первый должник, первый проситель, он начинает с нехватки и вымаливания перевода» (Деррида). При таком подходе перевод становится обязательной формой и важнейшим способом сохранения и дальнейшего роста оригинала. Обратимся еще раз к новаторским идеям немецкого философа, которые во многом предвосхитили проблематику, ставшую крайне актуальной в наше время: «Жизнь оригинала каждый раз достигает в них <перелодах> еще более полного расцвета» (Беньямин). Значительная зависимость «судьбы» оригинала от его переводов позволяет современным теоретикам признать деконструкцию (в понимании Ж. Деррида) данной оппозиции (Новикова 2015). Примечательно, что, обращаясь к отношениям текстов оригинала и перевода, апологет деконструктивизма

использует известный культурный символ Вавилонской башни, которая толкуется не только как известная метафора множественности языков мира, но и как яркий образ невозможности завершения какой-либо конструкции в процессе ее создания. Таким образом, рассмотрение культурного пространства национальных литературных традиций и мировой литературы, формируемого художественными оригиналами и их переводами, как сверхсложной архитектурной конструкции, определяет необходимость определения принципов организации всей конструкции или ее отдельных частей.

Используя понятие «сильного» текста литературы и культуры, а также обращаясь к его базовым параметрам, определим архитектуру конструкции, в которой развиваются отношения оригинала и его переводов как центр переводной аттракции. Центр имеет полевою структуру, в которой художественный оригинал выступает ядром-аттрактором, а все его переводы – полем переводимости, имеющим ряд разно удаленных от ядра пространств (секторов) и формируемым несколькими типами вторичных текстов: (1) активными переводами, которые уже существуют и наиболее часто используются (локализируются в непосредственно близости от ядра); (2) переводы пассивные, устаревшие, редко используемые или уже вышедшие из активного употребления (удалены от ядра); (3) потенциальными переводами, гипотетически возможными (находящимися на дальней периферии центра). Таким образом, центр переводной аттракции имеет сложную системно-структурную организацию, находится в постоянном развитии и может рассматриваться как некий статично-динамичный свертхтекст (гипертхекст), конституируемый гипотекстами различной семиотической природы (Razumovskaya 2019). Центр переводной аттракции является одним из основных видов системного-структурного взаимодействия оригинала и переводов, а также и проявлением системной незавершенности архитектурной конструкции. Центр, ядром которого стал «сильный» художественный текст, никогда не будет создан до конца, поскольку количество его переводов будет перманентно меняться за счет появления новых переводов и выхода из употребления переводов, которые были созданы ранее, устарели и утратили свою актуальность по различным причинам и, прежде всего, по причинам их низкого качества или устаревания языковой формы (в случае продолжительного существования оригинала и его версий в диахронии). Еще раз отметим, что при понимании понятия перевода в широком смысле в центр переводческой аттракции могут (и должны) быть включены не только межъязыковые, но также и внутриязыковые и межсемиотические переводы (в якобсонском

понимании). Таким образом, «сильные» тексты литературы могут продолжать свою жизнь не только в формах других языков, но и в формах пародий, парафразов, пересказов, модернизированных вариантов, а также вторичных живописных, музыкальных, театральных и кинотекстов. Еще раз отметим, что возможность образование центра переводной аттракции обеспечивается, прежде всего, «силой» художественного оригинала. Именно «сила» текста оригинала определяет его неисчерпаемость (вероятность появления теоретически бесконечных интерпретаций информации оригинала) и следующую из этого переводную множественность (возможность появления в процессе перевода практически неограниченного количества вторичных текстов) (Чайковский, Лысенкова 2001; Шерстнева 2008). «Сильные» художественные тексты увеличивают «жесткость» культурных решеток и стабильность «своих» культур, а формируемые ими центры переводной аттракции обеспечивают сохранение и витальность оригиналов, продлевая их жизнь и расширяя область функционирования. Перманентная изменчивость состава центров определяет невозможность их системно-структурной завершенности как важных конструкторов текстовой решетки мировой культуры, что снова отсылает нас к символизму Вавилонской башни.

Определив реинтерпретативность как один из важнейших параметров «сильного» текста литературы, рассмотрим такого рода текст с позиции его сохраняемости и продолжаемости в переводных версиях (с точки зрения его переведенности). В соответствии с международной базой данных переводов ЮНЕСКО на настоящее время самым переводимым в мире автором является англичанка А. Кристи (7236 записей) (Index Translationum). Из русских авторов в топ-лист, включающий 50 авторов, вошли В. И. Ленин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. В рамках настоящего исследования обратимся к творчеству Толстого, который занимает в списке из базы данных переводов 23 позицию (2178 записей) и является первым русским писателем, завоевавшим уже при жизни читательскую популярность в странах Европы и Азии. В творческом наследии писателя центральное место занимает роман-эпопея «Война и мир», который уже при жизни автора издавался в России 12 раз (всего в России до 1917 года вышло 18 изданий), причем не только на русском, но и на польском и финском языках; за рубежом он издавался 76 раз в тринадцати странах (Зайденшнур 1989). В СССР роман стал самым издаваемым произведением: почти за семьдесят лет (1918–1986 годы) осуществлено 312 изданий (Немировский, Платова 1987: 303). Зарубежные читатели получили возможность познакомиться с творчеством Толстого уже во

второй половине 80-х годов XIX века, что напрямую способствовало его всемирной известности.

Роман «Война и мир» очень быстро вошел в пространство мировой культуры, оказав большое влияние на мировой литературный процесс. Роман переведен на большинство языков мира, причем на многие европейские и восточные языки переводы выполнялись неоднократно. Регулярное появление многочисленных иноязычных переводов (переводная множественность толстовского текста) свидетельствует о высокой способности к реинтерпретативности и «силе» текста романа, о неизменном интересе к рассматриваемому произведению русской классики читателей, издателей и критиков из различных стран мира. Примечательно, что литературную и культурную ценность произведения отмечали многие выдающиеся писатели XX века – Э. Хемингуэй, В. Вулф, В. Набоков. О бесспорном культурном значении романа, который стал всемирно признанной «визитной карточкой» русской культуры, свидетельствует включение сцены бала Наташи Ростовской в программу церемонии открытия Олимпийских игр 2014 года в Сочи. Для достижения наибольшей визуализации культовой сцены толстовского текста и обеспечения зрелищности представления авторы сценария использовали ее балетную версию в исполнении ведущих артистов российского балета. Доказательством «силы» романа является также его регулярное включение в программы различных университетов мира. И в наши дни «Война и мир» традиционно определяется как «самый великий из всех романов» (Morson 2019).

Появление каждой новой иноязычной версии оказывает определенное влияние на «судьбу» толстовского оригинала. При этом историография переводов романа позволяет сделать вывод о том, что на создание новых переводов влияет не только «сила» художественного оригинала, но и выполненные ранее переводы. Первой страной, в которой читатели смогли познакомиться с «Войной и миром» в переводе, стала Чехия, где Толстого воспринимали как литературного гения, находящегося вне литературного процесса (Пешкова и др. 2018). В 1879 году был опубликован первый французский перевод, авторство которого принадлежит И. Паскевич (на титульном листе издания указано не имя переводчика, а только псевдоним «Une Russe»). Именно с французского перевода Паскевич в дальнейшем были выполнены первые переводы романа на венгерский, голландский, польский, турецкий и другие языки.

На английский язык роман впервые был переведен К. Белл (также опосредованно с версии Паскевич) и издан в 1885-1886 годах. Далее появились англоязычные версии Н. Х. Доула, Л. Винера. Особое место

принадлежит переводу 1904 года К. Гарнетт, который, несмотря на многие и явные содержательные и стилистические потери и неточности, использовался переводчиками на английский язык продолжительное время в качестве некоего эталона, а также переиздавался на протяжении нескольких десятилетий. В 1922-23 годах был опубликован перевод супругов Э. и Л. Мод, который был выполнен еще при жизни автора романа и, возможно, получил одобрение автора (то есть является авторизованным). В 1957 году выходит перевод Р. Эдмондс, в котором полностью сохранена французскую речь персонажей. В 1968 году появилась версия Э. Данниган – театральной актрисы и известной переводчицы Чехова. В 2005 году опубликован перевод Э. Бриггса. В 2007 году нью-йоркское издательство «Knopf» знакомит англофонных читателей с версией переводческого друга Р. Пивэра и Л. Волохонской, ставшей заметным событием в интеллектуальной жизни Нью-Йорка и США, о чем свидетельствует демонстрация в Нью-Йорке во время выхода в свет нового перевода экранизации С. Бондарчука. В рецензии М. Каца на версию Пивэра и Волохонской оригинал и указанный перевод по своей культурной значимости сравнивается с эпическими поэмами Гомера (Katz). Перевод англичанина Э. Бромфилда появился также в 2007 году. При сравнении два перевода 2007 года обнаруживают значительные отличия, что произошло не только в силу избранных переводчиками различных стратегий, принципов и приемов перевода, но также и потому, что для их создания использовались различные версии толстовского оригинала. Отметим, что «сила» художественного текста повлияла и на «судьбу» его переводов. Так, в 2010 году издательство «Oxford University Press» публикует значительно переработанный перевод Э. и Л. Мод. В новой версии восстановлен утраченный в первом варианте перевода французский текст, устранены англинизированные имена, а также добавлен расширенный комментарий и введение. Именно указанная версия английского перевода была использована создателями проекта Gutenberg для оцифровки. За 150 лет существования романа появилось десять полнотекстовых английских переводов.

Отдельную страницу в «судьбе» романа составляют его переводы на языки народов СССР, в создании которых огромную роль сыграли писатели из национальных республик, перед которыми стояла сложная задача сохранения в переводах особенностей стиля великого русского писателя. Роман был переведен на языки практически всех народов СССР. Таким образом, множественные иноязычные переводы эксплицируют «силу» текста толстовского романа, ставшего в мировом пространстве полилингвальным культурным феноменом. Новые вторичные версии

романа продолжают создаваться и в XXI веке. Одной из последних иноязычных версий стал перевод на язык пушту (2012 год), автор которого считает, что роман Толстого принадлежит не только русскому народу, но и всему человечеству (Роман Толстого...). Несмотря на большое количество переводов романа на многие языки мира, переводчики продолжают сталкиваются с такими «вечными» проблемами-вызовами, как сохранение или опущение во вторичных версиях романа французского текста (существующие переводы не демонстрируют единство мнений по данному вопросу), сохранение авторского смысла названия романа и системы имен собственных, воссоздание русской культурной памяти и информации и многими другими.

Как и появление иноязычных переводов, создание теле- и киноверсий романа также служит убедительным свидетельством его эстетической ценности и «силы». Отметим, что роман «Война и мир» становился объектом «киноперевода» намного реже, чем другое «сильное» произведение Толстого – «Анна Каренина». Большой объем текста оригинала (более 5000 листов рукописи), сложность сюжетных линий, множество главных и второстепенных персонажей (около 600) обусловили объективную трудность интерпретации романа «языком» кино. Указанные трудности заставили кинематографистов ограничиться в своих версиях только определенными сюжетами и сценами, сократить число героев и изменить их иерархию (что и было отражено в названиях некоторых киноадаптаций). Черно-белые немые фильмы на основе романа начали создаваться еще в дореволюционной России: первая в 1913 году и две последующих – в 1915 году. Режиссером известного фильма 1956 года «War and Peace» (совместное производство США и Италии) стал К. Видор. Данный фильм неоднократно номинировался и награждался различными кинопремиями, не получив при этом ожидаемого прокатного успеха. Интересно, что наибольший успех киноадаптация Видора имела в СССР (первый прокат фильма состоялся в 1959 году), что способствовало появлению через несколько лет киноверсии С. Бондарчука, ставшей ответом на американско-итальянский фильм 1956 года. В 1969 году киноопея Бондарчука была удостоена премии «Оскар» в номинации «лучший фильм на иностранном языке», а также премии «Золотой глобус» (аналогичная номинация). Киноадаптация получила положительную оценку российских и зарубежных критиков. Одним из значимых отзывов, который во многом определил «судьбу» версии Бондарчука на Западе, стал отзыв 1969 года Р. Эберга. Известный кинокритик отметил уникальность фильма, в котором гармонично воплотились история, гуманизм, интеллект и зрелищность

(Ebert). В дальнейшем роман экранизировался в 1972 (телесериал BBC), 2007 (французско-итальянский телесериал) и 2016 (телесериал BBC) годах.

Музыкальным воплощением романа стала опера С. Прокофьева, первое концертное исполнение которой состоялось в 1945 году. При создании либретто композитор стремился как можно более точно приблизить художественный мир оперы к ее литературному первоисточнику. Прокофьев неоднократно дорабатывал и перерабатывал оперу, и постановка полной версии оперы была осуществлена в 1957 году в Москве. В дальнейшем опера Прокофьева была поставлена в Пражской национальной опере (1948), Флоренции (1953), Софийской народной опере (1957), Сиднейском оперном театре (1973), Королевской опере в Лондоне (2000), государственном оперном театре г. Нюрнберг (2018) и на других сценах оперных театров мира. В дальнейшем перенос музыкального текста оперы на телеэкраны осуществили зарубежные режиссеры: в 1991 году – Х. Бертон (Великобритания), а в 2000 году – Ф. Рассиллон (Франция). Создание оперы Прокофьевым и ее дальнейшие постановки в различных театрах стран мира также представляют собой случаи перевода (в широком смысле данного коммуникативного понятия). Появление оперы можно определить как случай межсемиотического перевода вербального художественного оригинала, а дальнейшие постановки оперы являются уже вторичными (или даже третичными – в случае упомянутой выше экранизации оперы) текстами музыкального текста оперы. При этом вторичные и третичные тексты сохраняют очевидную связь с толстовским текстом и служат цели его сохранения в мировой культуре. Специалисты в области музыкальной культуры считают, что опера Прокофьева сама стала «сильным» музыкальным текстом, который, как и его вербальный первоисточник, уверенно вошел в мировую культуру и обрел многие свойства «сильного» текста (независимо от его иной семиотической природы). Опера также стала традиционным объектом научного изучения и получает различные критические оценки (Seinen 2019). Вторичной формой «Войны и мира» также является мюзикл «Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812» 2012 года, который был впервые показан в США, став еще одной адаптацией классического произведения с существенным изменением сюжетной линии оригинала. Бесспорного внимания заслуживает адаптация 2008 года в рамках театрально-образовательного проекта британской театральной труппы «Shared Experience». Постановка пьесы основана на адаптации драматурга и сценариста Х. Эдмундсон (первая версия была создана ей в 1996 году), которая состояла из двух частей и сопровождалась выходом специального печатного издания, содержавшего историю создания

романа, биографию его автора, исторический контекст описываемых в романе событий, базовую библиографию по истории России, интервью с создателями спектакля и исполнителями ролей, а также специально разработанные задания, позволяющие зрителям глубже понять содержание постановки (Edmundson 2008).

В богатом творческом наследии Толстого важное место занимает и другой «сильный» текст – роман «Анна Каренина», первое книжное издание которого было опубликовано в 1878 году. Именно два рассматриваемых в работе романа ознаменовали собой вершину русского и мирового романного искусства. Примечательно, что и сейчас роман «Анна Каренина» занимает ведущие позиции в различных рейтингах выдающихся литературных произведений мира. Исследователи подчеркивают, что данное произведение является самым исповедальным из всего наследия автора и что оно не утратило своей актуальности для русского общества начала XXI века (Kaufman 2011). Роман неотделим от культурного контекста России (и не только XIX века) и всего мира, а образ толстовской героини вошел в массовое сознание в качестве художественного архетипа. Вовлечение и включение романа в мировое культурное пространство традиционно происходило через иноязычные переводы, а первым языком перевода (как и в случае с «Войной и миром») стал чешский язык (1881 год, переводчик Ф. Шимачек). В 1885 году выходят в свет немецкий и французский переводы, а в 1886 году публикуется английский перевод (переводчик Н. Доул). «Долгожителем» среди англоязычных версий «Анны Карениной» стала версия К. Гарнетт (в переводах данного автора англофонные читатели получили возможность познакомиться с основными произведениями русской классики, а ее перевод «Войны и мира» также явился «долгожителем» среди англоязычных переводов), опубликованная в 1901 году и выдержавшая несколько существенных редакций. Данный перевод и в наши дни не утратил актуальности и продолжает служить целям популяризации русской литературы за пределами России. «Анна Каренина» на протяжении всей истории существования уверенно сохраняет статус популярного объекта перевода: только в 2014 году в свет выходят три перевода на английский язык (М. Шварц, Р. Барлетт и переводческого дуэта К. Зиновьева и Дж. Хьюз). В восточных странах роман стал доступен читателям в арабских, бенгальских, бирманских, китайском, корейских, японских и прочих переводах. Роман переведен и на редкие языки мира. Библиография переводов романа, отражающая состояние на 1 мая 1960 года, свидетельствует о 625 изданиях переводов романа «Анна Каренина» на 41

иностранный язык (Библиография). В дальнейшем число языков переводов и количество иноязычных версий романа продолжали увеличиваться.

В сфере кинематографа «Анна Каренина» также остается популярным объектом. Первые немые и черно-белые киноадаптации появились еще на заре эры кино, что отвечало уровню технического развития того времени. В различное время и в разных странах мира киноадаптации создавались как результат авторского осмысления толстовского текста режиссерами. Каждая киноверсия представляет собой уникальный пример толкования сложного драматургического материала, что нашло отражение в трактовках образов героев, изменении сюжета и нарративных линий, а также в выборе и применении конкретных средств визуализации вербального оригинала. «По сведениям международной базы данных по кинофильмам IMDb, всего в мире насчитывается 24 экранизации “Анны Карениной”. По некоторым другим источникам, их больше, около 30-ти. Если же говорить о фильмах, использующих мотивы романа и как-то ассоциированных с ним, то их число учету не поддается» (Аксенов 2010). Роман стал основой для многих театральных и радиопостановок, балетов, опер и мюзиклов. Историография создания вторичных текстов средствами различных семиотических систем убедительно демонстрирует неисчерпаемость данного «сильного» оригинала. Эстетический потенциал толстовского текста, неоднозначность его информации и идейная сложность обеспечивают переводную множественность оригинала. При этом каждый вторичный текст никогда не будет полностью соответствовать оригиналу в нарративном плане и в силе оказываемого им на читателя эстетического воздействия. «И будут ставиться новые спектакли и сниматься новые фильмы. И после каждой премьеры критики будут доказывать, что это не та Анна и не тот Толстой. Споры же о главных героях так и не закончатся, и так и не наступит всеобщее согласие в том, кто такая Анна, и кто Каренин, и вообще, о чем этот роман. Об Анне Карениной сложат новые песни, и к ней будут возвращаться снова и снова» (Аксенов 2010).

К теме значения Толстого для мировой литературы и культуры обращались и продолжают обращаться российские и зарубежные ученые, исследующие различные аспекты толстовского наследия и созданной автором литературной традиции. Осмысление указанной темы в наиболее полном объеме предполагает необходимость изучения литературной судьбы писателя и его текстов, что, в свою очередь, требует обращения к истории изданий произведений, особенностям их восприятия в России и за ее пределами, а также к путям влияния и взаимодействия творчества Толстого с различными национальными литературными традициями. Бесспорно

значимую роль в данном контексте играют переводы произведений Толстого на иностранные языки, а также «языки» различных семиотических систем. Межъязыковые и межсемиотические переводы во многом определяют «судьбу» толстовской классики, обеспечивая ее сохраняемость в синхронном и диахронном планах мировой культуры и литературы. Именно количество иностранных языков и других семиотических систем перевода, а также количественные данные о вторичных текстах (вербальных и невербальных) свидетельствуют о степени переведенности оригиналов толстовской классики и, как следствие, о их «силе».

Функционирование вторичных версий «сильного» текста литературы и культуры в рамках центра переводной аттракции позволяет прийти к выводу о том, что при определенных условиях некоторые вторичные тексты приобретают эстетическую «силу», которая может соответствовать или даже превосходить «силу» вербального оригинала. В таких случаях потенциальные адресаты получают возможность впервые познакомиться с произведением литературы опосредованно: через музыкальный текст оперы, мюзикла, кинофильм, театральную постановку и т.д. «Сильные» версии художественного оригинала определяют его дальнейшую «судьбу», обеспечивая его витальность и культурную сохраняемость. Информационная «сила» произведения национальной литературы, эксплицированная степенью его переведенности, обеспечивает его вхождение в мировую культуру в различных семиотических формах и делает такое произведение значимым явлением для представителей культурных сообществ.

Литература

- Аксенов, С.* Анна Каренина. После Толстого / С. Аксенов // Знамя, 2010, № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/2/ak16.html> (дата обращения: 20.09.2020).
- Беньямин, В.* Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера. [Электронный ресурс]. – URL: <http://wwh.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html> (дата обращения: 17.12.2020).
- Библиография переводов романа «Анна Каренина» на иностранные языки. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpr/a70/a70-891-.htm> (дата обращения: 20.09.2018).
- Деррида, Ж.* Вокруг вавилонских башен. [Электронный ресурс]. – URL: <http://wwh.nsys.by:8101/klinamen/fila11.html> (дата обращения: 17.12.2020).
- Зайденинур, Е. А.* «Война и мир» за столетие / Е. А. Зайденинур // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. – М.: Книга, 1989. – С. 385-406.
- Кузьмина, Н. А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. – 228 с.
- Немировский, Е. Л., Платова, М. Л.* Книгоиздание СССР. Цифры и факты. 1917-1987 / Е. Л. Немировский, М. Л. Платова. – М.: Книга, 1987. – 320 с.
- Новикова, Е. Г.* Проблематика перевода в программе деконструкции Жака Деррида / Е. Г. Новикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 3(35). – 2015. – С. 179-188.
- Пешкова, М., Божкова Г. Н., Быков, А. В.* Рецепция творчества и личности Л. Толстого в Чехии / М. Пешкова и др. // Грамота, № 9 (87). – 2018. – С. 36-41.
- Роман Толстого «Война и мир» впервые переведен на язык пушту.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20121029/907739071.html> (дата обращения: 15.12.2020).
- Чайковский, Р. Р., Лысенкова, Е. Л.* Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков / Р. Р. Чайковский, Е. Л. Лысенкова. – Магадан: Кордис, 2001. – 211 с.
- Шерстнева, Е. С.* Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции / Е. С. Шерстнева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 73-1. – 2008. – С. 526–532.
- Bassnett, S., Lefevere, A.* Constructing Cultures. Essays on Literary Translation / S. Bassnett, A. Lefevere. – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – 143 p.
- Ebert, R.* War and Peace. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rogerebert.com/reviews/war-and-peace-1969> (дата обращения: 15.12.2020).

- Edmundson, H.* War and Peace (Shared Experience) / H. Edmundson. – London: Nick Hern Books, 2008. – 210 p.
- Index Translationum* – URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx> (дата обращения: 05.12.2020).
- Katz, M. R.* War and Peace in Our Time. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rocky.middlebury.edu/~nereview//29-4//29-4Katz.htm> (дата обращения: 15.12.2020).
- Kaufman, A. D.* Understanding Tolstoy / A. D. Kaufman. – Athens, Ohio: The Ohio University Press / Columbus, 2011. – 322 p.
- Morson, G. S.* The Greatest of all novels: On Tolstoy's masterpiece. [Электронный ресурс]. – URL: <http://newcreation.com/issues/2019/3/the-greatest-of-all-novels> (дата обращения: 15.12.2020).
- Razumovskaya, V. A.* A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives / V. A. Razumovskaya // MUNDO ES LA VO, № 18. Granada: Universidad de Granada, 2019. – Pp. 202-215.
- Seinen, N.* Kutuzov's Victory, Prokofiev's Defeat: The Revisions of War and Peace / N. Seinen // Prokofiev's Soviet Operas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – Pp. 121-161.

Razumovskaya V.A.

Siberian Federal University, Russia
veronica_raz@hotmail.com

Russian literary text: from a work of national literature to a “strong” text of world culture

The article considers the “fate” of Russian literature texts that have become world cultural capital. The original texts of the most famous works by Leo Tolstoy and their translated versions were used as research material. The analysis is done in terms of the universal categories – cultural information and memory, cultural value, dialogue of cultures, cultural influence. Special attention is paid to the translatability as well as “translatedness” of a “strong” literary text by means of verbal and non-verbal semiotic systems, as well as to the units of translation nature.

Keywords: literary text, Russian literature, interaction of cultures, cultural preservation, intersemiotic translation

IV.

Metodička istraživanja

**Методологические
исследования**

**Language and Literature
Teaching**

Prethodno priopćenje / Preliminary communication
UDK 821.163.42-94Tomaš, S.:<087.5:37.016>

Božidar Cvenček

OŠ Marije i Line Umag, Hrvatska
bozidar.cvencek@hotmail.com

Tko se boji dnevnika još?

U radu se istražuju društveni i književni problemi vezani uz roman *Mali ratni dnevnik* autora Stjepana Tomaša. Iznose se primjedbe različitih pojedinaca kao i pritužbe na djelo jedne udruge. Rad nastoji dijakronički ustvrditi izvor i razlog pritužaba kao i njihovu opravdanost. U sinkronijskom se smislu razmatraju javna mišljenja koja su nastala nakon pritužaba s fokusom na relevantne osobe ili instance koje su sudjelovale u javnom predstavljanju problema. Predstavljena su mišljenja tadašnje ministrice, višeg savjetnika za predmet Hrvatski jezik, autorice predgovora romana i samog autora. Slijedi književna interpretacija opravdanosti optužaba uvažavajući izravnija mimetička načela po kojima je djelo pisano. Rezultati istraživanja pokazuju kako su optužbe neosnovane što se potvrđuje izvorima iz samoga djela. Budući da je istraživanje odbacilo opravdanost optužaba ostaje pitanje koje se dotiče stvarnog motiva optužaba za čiji odgovor treba djelo cjelovitije analizirati uz odgovarajuću interpretaciju javne rasprave. U zaključku se iznosi općeniti sud o opravdanosti uvrštavanja djela u obvezne lektirne naslove kurikula predmeta Hrvatskoga jezika u osnovnoškolskom obrazovanju kao i o općenitoj književnoj kvaliteti djela. Cilj je rada ukazati na važnost znanstvenih proučavanja problematike budući da većim dijelom izostaju znanstveni radovi koji tematiziraju djelo i pripadajuću problematiku.

Ključne riječi: dječja književnost, književnost o ratu, Mali ratni dnevnik, kurikulum Hrvatskog jezika, obvezni lektirni naslov

Uvod

U radu će se predstaviti dugogodišnji književno-društveni problem vezan uz roman dječje književnosti *Mali ratni dnevnik (Moj tata spava s anđelima)* autora Stjepana Tomaša. Problemu će se prići iz različitih aspekata pri čemu ćemo najviše ustrajati na definiranju problematike, društvenih posljedica te problematike, književnoj analizi samoga djela te mjesta koje bi navedeni roman trebao zauzimati u kurikulumu predmeta Hrvatski jezik u osnovnoškolskom obrazovanju. Krenut ćemo s analiziranjem problematike i definiranjem zašto je uopće došlo do svojevrsne javne rasprave zbog koje je roman posljedično marginaliziran. O ovoj se temi pisalo mnogo u medijima i tiskovinama, no mali je broj ozbiljnih znanstvenih rasprava ili znanstvenih članaka o problematici, izuzev mišljenja relativno poznatih književnih kritičara ili istraživača o književno-društvenom problemu. Nakon uspostavljanja uzroka i definiranja problematike, prijeći će se na književnoteorijsku analizu djela i moguće pojašnjavanje određenih aspekata koje smo pronašli u medijima te istraživanje problematičnosti navoda koje pronalazimo o djelu. U konačnici će se rada pokušati ustvrditi opravdanost pritužbi, mjesto romana u kurikulumu šestog razreda osnovne škole i posljedičnu književnu vrijednost djela.

Ukratko o romanu

Roman *Mali ratni dnevnik* djelo je autora Stjepana Tomaša, učitelja hrvatskog jezika, književnika i književnog suradnika Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti. Djelo je nastajalo u tri različita razdoblja. Prva cjelina *Moj tata spava s anđelima* napisana je početkom rata, a poticaj za pisanje autor objašnjava zamolbom. Nakon prve cjeline, napisana je druga (*Sto pinkafeldskih dana*) i nedugo zatim treća (*Mir, ali i rat*) cjelina. Roman tematizira ratno odrastanje trinaestogodišnje djevojčice Cvijete koja kroz više od sto dnevničkih zapisa pokušava (ponajviše monološki) zapisati ratno stanje i objasniti njeno mjesto u svijetu, državi, društvu i obitelji. Sam autor navodi kako u djelu postoje autobiografski elementi (autor je za vremena rata bio prosvjetni inspektor kao i Cvijetin otac, a njegova su supruga i sin izbjegli u austrijski grad Pinkafeld) pa možemo govoriti o autoru koji je vrijeme o kojem piše zaista i iskusio. Roman (trodijelni) tiskan je još za vremena rata (1994.), a uskoro je izdavačka kuća Alfa tiskala prvu inačicu romana koji je naknadno pretiskan petnaest puta i preveden na neke od europskih jezika. Uspjeh je romana popratio i ulazak u školski kurikulum (u vidu obveznog lektirnog naslova) budući da je nedostajalo djelo koje

bi tematiziralo Domovinski rat za tu dobnu skupinu. Danas, nakon više od 26 godina od tiskanja djela, dio je hrvatske javnosti podijeljen oko svrstavanja djela u obvezne lektirne naslove. Književno govoreći, vrsta je djela roman u kojemu djevojčica u prvom licu iznosi njeno viđenje svijeta koje tumači kroz odnos s roditeljima, bližom i daljom zajednicom te ga potkrjepljuje citatima iz dnevnih listova gdje prednjači novina *Glas Slavonije*. U prvom se dijelu romana tematizira početak rata i promjene koje moraju iskusiti Cvijeta i njena obitelj, u drugom se dijelu tematizira Cvijetinih sto dana izbjeglištva u Austriji, a u trećem i konačnom dijelu tematizira se situacija u Osijeku sredinom Domovinskog rata u kojoj građani očekuju dolazak UN-a, prestanak bombardiranja Osijeka te se nadaju međunarodnom priznanju suvereniteta Republike Hrvatske.

Početak javnih pritužaba i njihov uzrok

Korijen javnog protivljenja lektirnom naslovu može se potražiti u 2006. godini tekstem koji je izašao u novini *Globus*, a autorica je teksta¹ naslovljenog *Lektira za mržnju* novinarka Slavica Lukić. O tome svjedoči i sam autor djela (Tomaš, 2016) u tekstu koji je tiskan u *Vijencu*, u svibanjskom broju 2016. godine, najpoznatijoj od novina *Matice hrvatske*:

Spomenuta knjiga objavljena je, u sadašnjem obliku, 1994. godine i ubrzo je postala sastavnim dijelom obvezne školske lektire za 6. razred (uz knjige Augusta Šenoa i Ivane Brlić Mažuranić). No, već krajem 2006. građanske hrabrosti nije nedostajalo izvjesnoj Slavici Lukić. Ona je (a i tko bi drugi) u Globusu (a i gdje bi drugdje) objavila na pune četiri stranice članak naslovljen Lektira za mržnju, s podnaslovom „Učenici VI. razreda čitaju ‘Mali ratni dnevnik’...“

Dakle, navedena je Slavica Lukić² prva napisala tekst o lektiri koja navodno širi mržnju. Nakon Slavičinog teksta pojavljuju se sporadično i drugi tekstovi. Autori su drugih tekstova, vrlo sličnih po pritužbama, neki od javno poznatih osoba, a sam autor romana u tekstu koji pronalazimo u *Vijencu*, navodi one koji su najžešće istupali protiv romana:

¹ Tekst je tiskan u *Globusu*, 17. studenog 2006.

² Lukić je novinarka koja često proziva Hrvatsku vladu, a napose neke od njenih dužnosnika za netrpeljivost, mržnju i vrijeđanje nacionalnih manjina.

Slavica Lukić, Heni Erceg, Boris Dežulović, Robert Perišić, „kurikulovci“, Centar za građansku hrabrost i one njima nalik ne zanima stručno mišljenje onih koji su svojevremeno recenzirali ovu knjigu i objavili, tumačili je djeci, prevodili na strane jezike, uvrštavali u čitanke i antologije, jer oni su konačni suci i egzekutori.

Povod Tomaševu odgovoru u *Vijencu* bio je tekst (Benačić, 2016) novinarke Ane Benačić objavljen na portalima *N1info.hr* i *Net.hr* 12. svibnja 2016. godine. Navedena je novinarka jedna od osnivačica *faktograf.hr* portala koji bi se trebao baviti provjeravanjem činjenica. Novinarku o kojoj je riječ javni prostor često bilježi po izjavama koje se uglavnom dotiču stanja hrvatske (ne) samostalnosti. O tom se tekstu autor romana oglasio na sljedeći način:

Dana 12. svibnja ove godine na portalima Net.hr i N1info.com objavljen je nekakav mutavi hračak izvjesne Ane Benačić, upućen meni, odnosno mojoj još uvijek lektirnoj knjizi Moj tata spava s anđelima / Mali ratni dnevnik, s koje je lako kliznuo jer su joj korice glatke, ali zadržao se na navedenoj adresi i zagađuje medijski prostor; ovaj put elektronički. Kažem mutavi hračak jer je pamfletić napisan bez glave i repa i ne zavređuje suvisli odgovor već sudsku tužbu.

Dakle, od 2016. godine nekoliko se osoba uz jednu udrugu uključilo u inicijativu prema kojoj bi se do tada lektirni naslov trebao maknuti s popisa obvezne školske lektire. U to vrijeme tzv. *Centar za građansku hrabrost*³ objavljuje na mrežnim stranicama objavu u kojoj poziva građanstvo (napose roditelje) na prijavu djela u pitanju. U njihovoj se objavi prikazuje nekoliko

³ Na stranicama tzv. *Centra* mogu se pronaći sljedeće informacije o udruzi: *Udruga Centar za građansku hrabrost osnovana je 2011. sa ciljem promicanja i poticanja građanske hrabrosti, osviještenih vrijednosti humanističke misli i slobodoumlja, slobode savjesti, uvjerenja i mišljenja te feminističke etike odgovornosti i solidarnosti u osnaživanju i zaštiti ljudskih prava, ravnopravnosti i u kritičkom suočavanju sa prošlošću.* Izuzev ortografskih i gramatičkih pogrešaka ne uspijeva se iščitati nikakva jasna namjera udruge, a ne postoji ni popis osoba uključenih u udrugu kao ni popis Predsjedništva. Pokušali smo kontaktirati tzv. *Centar* putem njihovog kontaktnog obrasca, ali se nitko nije javio iako bi udruge zakonski morale javno predstaviti osobe u Predsjedništvu te voditi detaljnu administrativnu brigu koja uključuje uredno financijsko vođenje, uređena Pravila udruge kao i javnosti lako dostupan Statut. Ništa od navedenog ne nalazi se na mrežnim stranicama, a jedine osobe koje se spominju izrijeком jesu Nada Topić Peratović i Željko Peratović. U jednom je tekstu (medijskom) dotična Nada Topić Peratović navedena kao Predsjednica udruge. Službenih podataka, kako smo i naznačili, nema. Neslužbeno smo pronašli informaciju kako su trenutno ovlaštene za zastupanje udruge bračni par Nada Topić Peratović i Željko Peratović te Maja Mirt i Nezir Likaj. O bračnom se paru može pronaći mnogo informacija na mrežnim stranicama u oblicima intervjua ili objava na društvenim mrežama u kojima često na vulgaran način opisuju hrvatski politički život te odnos Hrvatske Republike s institucijom Crkve. Točan broj članova navedene udruge ostaje nepoznat, ali se neslužbeno mogu pronaći podatci koji govore u prilog izuzetno malom broju članova.

tekstova, a onaj najvažniji jest svakako predloženi obrazac koji roditelji mogu koristiti i poslati Uredu dječje pravobraniteljice u kojem se navodi što sve u djelu pronalazi *Centar za građansku hrabrost*⁴, a krši temeljna ljudska i dječja prava. Stavke koje pronalazimo na obrascu obradit ćemo kasnije kada budemo književno interpretirali djelo vodeći se prigovorima koje pronalazimo u obrascu.

Dakle, nakon objave na mrežnim stranicama udruge vijest su popratili medijski portali (Lilek, 2017) *jutarnji.hr* i *index.hr* neprimjereno koristeći publicistički funkcionalni stil u naslovima objava u javnom prostoru iz kojih je moguće iščitati različita mišljenja relativno poznatih osoba koje djelo na ovaj ili onaj način zanima. Tako možemo iščitati komentar profesorice Dubravke Zime koja je predgovor spornom djelu i napisala u prvom izdanju, komentar tadašnje ministricе znanosti, obrazovanja i športa Blaženke Divjak te komentar Srećka Listeša. Nama je najvažniji komentar profesorice Zime:

Mislim da ovo djelo ne bi trebalo biti obavezna lektira, no ponajprije iz književno-estetskih razloga. Nisam sklona zabranama, već razgovoru s djecom o svim temama, pa i kontroverznim, poput ustaštva, ili pak djetetova spolnog sazrijevanja koje je u romanu prisutno kao loše, pa i pedagoški posve pogrešno obrađen motiv. No u kontekstu estetskih funkcija dječje književnosti, kanonizatorske funkcije osnovnoškolske lektire i pedagoške situacije lektire u kojoj društvena zajednica djetetu propisuje književni sadržaj, postoji čitav niz djela s naglašenijim književno-estetskim funkcijama, a ovo bi po meni trebalo ostati izvan obavezne lektire. Zbog toga se može dogoditi da dijete ponavlja što vidi. U druga dva dijela romana dječji likovi puštaju ustaške pjesme, pozdravljaju se ustaškim pozdravom, pa bi u pedagoškom kontekstu takve situacije trebalo jasno osuditi. U romanu međutim te osude nema, pa tekst u tom smislu ostaje pedagoški nedorečen i svakako zahtijeva da nastavnica ili nastavnik o tome razgovaraju s djecom. No, što se u razredu događa, mi to ne znamo - zaključuje D. Zima.

⁴ Bitno je naglasiti kako do tada tzv. *Centar za građansku hrabrost* nije imao ni jednu objavu na mrežnim stranicama osim pritužaba na djelo. Kasnije je, tek nakon više od dvije godine dana, objavljeno još tekstova i poziva koji uključuju poziv na komemoraciju žrtava vojno-redarstvene operacije Oluja, poziv na ispis (uključujući i obrazac) iz rimokatoličke Crkve, obrazac ispisa s predmeta Katolički vjeronauk u osnovnom i srednjoškolskom obrazovanju u Republici Hrvatskoj, tekst naslovljen *Zloupotreba školskog sustava* (uglavnom se vezuje uz poučavanje predmeta Katolički vjeronauk u osnovnoškolskom obrazovanju), poziv na raskid Vatikanskih ugovora i sl.

Usporedimo li komentar Dubravke Zime s predgovorom romana koji je pisala, lako možemo doći do zaključka kako su tvrdnje na određeni način obrnute. Prenosimo zaključni dio predgovora u kojem autorica (Tomaš, 2006) pozicionira roman u književnom i društvenom smislu:

Ipak, autor uglavnom uspijeva zadržati njen ton na tankoj granici između povjerljivosti djevojčice koja žudi za povratkom u normalu i očajavanja. Djevojčica ne kuka nad vlastitom sudbinom i ne optužuje ni ne proklinje neprijatelja koji joj se neprestano nadvija nad život. Ona ne želi svoj dnevnik pretvoriti u zabilješke mržnje ili želje za osvetom, upravo suprotno: njen je dnevnik bilješka o dječjem strahu, ali i nadi. Mjestimice autor Cvijeti u usta (odnosno ruku) stavlja i izjave ili zapise koje bismo mogli okarakterizirati kao političke, no ipak nam se čini da svoju malu junakinju konstantno zadržava na promatračkoj poziciji, ne pušta je da komentira te političke izjave svojih bližnjih. Ta je odsutnost djevojičinog komentara zapravo autorov komentar njezine dobi. Mi vidimo da mnogo toga što zapisuje djevojčica zapravo ne razumije, a autor joj to nerazumijevanje dopušta. Ona zapisuje ono što vidi i osjeća, i u tom je i najveća vrijednost ovog fiktivnog dječjeg dnevnika; on nije autorova poluga za komentar ratne situacije niti autorov obračun s njima. Cvijetin dnevnik zapis je o mučnom ratnom djetinjstvu, o prisilnom i ubrzanom odrastanju kakvo su proživjela mnoga djeca za vrijeme rata u Hrvatskoj, i istovremeno, ovaj dnevnik možemo čitati i kao nastojanje dječjeg pisca da se književnost o ratu ne pretvori u ratnu književnost.

Dakle, čini se kako autorica mijenja mišljenje. Sada ćemo pokušati kontekstualizirati promjenu mišljenja, premda pravi razlog promjene mišljenja nije moguće pronaći. U komentaru profesorice Zime koji smo citirali dade se iščitati primjedba na predstavljanje spolnog sazrijevanja djeteta za koji autorica tvrdi da je *prisutno kao loše, pa i pedagoški posve pogrešno obrađen motiv* što se nama čini neistinitim budući da se u romanu spolnost spominje u dva navrata. Prvi se puta spominje čežnja jedne od djevojčica za ljubavlju pa tako skuplja novce za kupovinu tretmana protiv akni, a drugoga se puta spominje kada Cvijeta, sama i udaljena od roditelja u austrijskom Pinkafeldu, zove majku ne bi li joj prenijela vijest kako je po prvi puta dobila mjesečnicu pa joj majka nedostaje. U nastavku komentara profesorica Zima navodi kako postoje djela koja bi bila primjerenija, ali ne navodi o kojim je djelima riječ, a ostaje nejasno misli li na djela ratne

tematike ili općenito djela koja tematiziraju djetinjstvo u ratu. Što se tiče ustaških pozdrava i glazbe sasvim je jasno kako se u djelu takvi postupci učenika u Pinkafeldu osuđuju pa npr. imamo učiteljicu koja učenicima na čitanje daje djela na ćirilici te pedagoški utječe na učenike tako da jasno razlučuje pojedince (velikosrpsku agresiju) od naroda pa se čini nelogičan zaključak komentara u kojem se tvrdi kako u romanu nema osude za takva ponašanja. Ovdje je bitno napomenuti kako upravo autorica u svom tekstu *Hrvatska dječja književnost o ratu* navodi djelo o kojem pišemo kao najbolji primjer *rata kao sazrijevanja* u proznom obliku. Autorica je u tekstu (Zima, 2001) odredila jasnu podjelu dječje književnosti o ratu, a za razliku od *rata kao pustolovine*, *Cvijetin dnevnik*, prema autorici, primjer je *rata kao sazrijevanja*:

Stoga je njen slučaj upravo najbolji primjer rata kao sazrijevanja u prozi o Domovinskom ratu: ona nije od rata zaštićena, ona zaista živi s ratom kao neminovnom pozadinom, kao neizbježnom opasnošću, i takva je situacija, kao prvo, potiče na zapisivanje vlastitih razmišljanja, a zatim i oblikuje njena razmišljanja od kratkih dječjih zapisa do promišljanja vlastite uloge u svijetu i spoznaja o vlastitom sazrijevanju.

Ovaj citat dodatno produbljuje problematiku mijenjanja mišljenja i pitanje o razlogu promjene razmišljanja. Ostaje još razmotriti kraj komentara u kojem profesorica Zima izražava sumnju u rad prosvjetnih djelatnika. Tvrdnja kako se ne zna što se u razredu događa čini se u konačnici netočnom budući da su dnevne, tjedne i mjesečne artikulacije nastavnih sati sasvim jasno propisane Godišnjim planom i programom kako škole, tako i (kurikulom) nastavnog predmeta. Stoga, insinuirati da se u nastavi Hrvatskoga jezika potiče na mržnju nije samo netočno, već i uvredljivo za prosvjetu u cjelini.

Postoji nekoliko tekstova znanstvene prirode o problematici, a jedan je od boljih primjera (Dragun, 2012) znanstveni članak Dragice Dragun koji na pregledan način iznosi strukturu književnog djela te komparativno tematizira odnose glavnih junakinja. Treba navesti kako se autorica u zaključku navedenog teksta pozitivno izrazila o književnoj i društvenoj vrijednosti romana u pitanju. Osim članka koji smo naveli, autorica je provela i hvalevrijedno istraživanje (Dragun, 2020) o recepciji romana koje potvrđuje neke od teza postuliranih u ovome tekstu.

Kao što smo prije i naveli, u medijima još možemo pronaći komentare ministrice Blaženke Divjak i komentar dr. Srećka Listeša, višeg savjetnika za hrvatski jezik u Agenciji za odgoj i obrazovanje. Prenosimo komentar (Lilek, 2017) tadašnje ministrice Blaženke Divjak:

Moj osobni stav o isticanju fašističkih uzvika i simbola je jasan, tome nema mjesta u javnom prostoru i kao takvo je potpuno neprihvatljivo. Ministarstvo je u procesu analize postojećih nastavnih sadržaja u sklopu provedbe cjelovite kurikularne reforme. Navedeni književni naslov ne nalazi se na popisu lektire u sklopu prijedloga predmetnog kurikulumu Hrvatski jezik.

Iz navedene se izjave dade iščitati samo osobno stajalište ministrice u kojem se ne dotiče samoga djela već generalno govori o neprihvatljivosti isticanja fašističkih simbola. Osim toga, tadašnja se ministrica poziva na odluku tzv. *ekspertne skupine* koja je izrađivala kurikulsku reformu koja, sada možemo slobodno reći, nije zaživjela ni u praksi ni u teoriji na uspješan način. Iz medijskog se teksta (Lilek, 2017) može saznati i sljedeća činjenica:

Prijave su prosljeđivane na očitovanje obrazovnom ministarstvu, a posljednji odgovor Uredu pravobraniteljice stigao je 2015. U njemu Ministarstvo koje je tada vodio Predrag Šustar poručuje pravobraniteljici da u romanu ne vidi ništa spornoga. Da Tomaševu romanu nije mjesto u školi, smatraju autori novog kurikulumu, koji taj naslov nisu uvrstili na popis lektire. Naime, "Malog ratnog dnevnika" nema na popisu lektire u sklopu prijedloga kurikularne reforme, koju ministrica Blaženka Divjak planira pilotirati od iduće školske godine.

Prijave u kojima je riječ jesu upravo prijave tzv. *Centra za građansku hrabrost*, a posljednji je odgovor na te prijave dalo Ministarstvo vođeno Predragom Šustarom. Odgovor (Leskur-Staničić, 2017) je tada bio negativan, a dr. Srećko je Listeš na sljedeći način komentirao problem:

Ovdje se radi o domoljubnoj knjizi ratne tematike, a domoljublje je jedna od prvih vrijednosti u svim svjetskim školskim sustavima – kaže dr. Listeš. - Tri su svrhe čitanja: informiranje, učenje i zabava. (...) Stjepan Tomaš, među ostalim, piše i o Osječaninu Sekuliću, Srbinu kojemu susjedi Hrvati nisu vjerovali. Povijesna je činjenica da su Srbi privremeno okupirali dijelove Hrvatske pa književnik ne govori ništa što nije mogao vidjeti i doživjeti svaki stanovnik Osijeka početkom devedesetih godina. Kad bismo tako nakaradno gledali, najprije bismo morali iz škole izbaciti Marulićevu "Molitvu suprotivu Turkom" ili Mažuranićeva "Smail-agu", zatim Šenoino "Zlatarovo zlato" pa Marinkovićeva "Kiklopa" jer bi se mogli uvrijediti Turci ili

Nijemci, koji su, u prethodnim vremenima, također okupirali hrvatske krajeve. U našim se školama ne optužuju ni Srbi, ni Turci, ni Nijemci, ni Talijani. Učenici čitaju djela domoljubne tematike zbog razvijanja domoljubnih vrijednosti i osobnog i zajedničkog identiteta. Tomaš piše o tomu kako su djeca iz njegova okruženja doživljavala ratna stradanja i gubitke očeva i braće. Vjerujem da je poznato kako je o ratu pisala Anna Frank. Da napomenem, "Dnevnik Anne Frank" također se čita u našim osnovnim školama, kao i roman "Sadako hoće živjeti". Trebamo li skrivati ono što su doživljavala hrvatska djeca, a poučavati o onome što su doživljavale židovska i japanska djevojčica?

Dakle, iz navedenog se komentara sasvim jasno daje iščitati argumentirana obrana djela o kojem je riječ. Smatramo kako je Listešov princip valjan jer ako se ukida čitanje jednoga djela, treba ukinuti i sva ostala djela koja se dotiču rata ili ratne tematike neovisno o naciji, vjeri ili spolu. Od 2016. godine pa do danas djelo *Mali ratni dnevnik* obitava u svojevrsnom čistilištu, odnosno *limbu*, jer je ukinuto s popisa obvezne lektire, ali ga se i dalje može davati učenicima na čitanje. Naravno, još se nekoliko osoba iz javnoga života, ali i znanstvenika oglasilo o kontroverznoj temi (uključujući i pokojnog velikana dr. Stjepana Babića koji je stao u obranu djela), no problem perzistira i danas budući da se jasna lektirna sudbina djela i dalje ne zna.

Analiza pritužaba koje se romanu pripisuju

U ovom ćemo dijelu analizirati pritužbe na djelo koristeći instrumentarij književne teorije i kritike. Krenut ćemo s popisom spornih citata koje pronalazimo na popunjenom obrascu koji se nudi na mrežnim stranicama (Anonimni autor, 2017) tzv. *Centra za građansku hrabrost*. Navodimo pritužbe:

- a) da su svi Srbi, osim jednog za kojeg se navodi da je poginuo kao hrvatski branitelj, četnici, odnosno neprijatelji;*
- b) da Srbima ne treba vjerovati, ako se ne izjasne protiv «svojih pasa koji pucaju po nama ili njihovim majkama»;*
- c) da je ćirilica neprijateljsko pismo;*
- d) da je majka Srpkinja napustila kćer Mirticu i pobjegla svojim, a da je njen otac «sad s anđelima» jer je poginuo kao hrvatski gardist;*

e) da učitelji i roditelji odobravaju ustaški pozdrav «Za dom spremni» i ustaške pjesme;

f) da se nekad nije smjelo biti vjernik, a da su u ratu i nevjernici postajali vjernici; da se dijete od 12 godina pita vjeruje li Krist, koji je ljubav sama, da neprijatelji koji su rafalom gađali njegovo tijelo na raspelu, ne znaju što čine...

h) te govor mržnje, najgori rodni stereotipi, nacionalna i vjerska nesnošljivost, netrpeljivost prema ireligioznima, promoviranje nacifašizma.

Krenut ćemo redom, započevši sa stavkom pod a), pri čemu ćemo argumentirati je li tvrdnja točna ili netočna koristeći potkrjepljenja iz samog romana kao i književnoteorijski instrumentarij.

Pod točkom a) se navodi kako su svi Srbi neprijatelji ili su tako predstavljeni u tekstu. Ovu se tvrdnju dade lako osporiti uzmemo li u obzir brojne primjere koji u djelu potvrđuju suprotno. U romanu se na nekoliko mjesta pojavljuju likovi srpske nacionalnosti prema kojima se ne primjećuje bilo kakav oblik netrpeljivosti. Štoviše, kada u Pinkafeldu učenici napadaju dijete srpske nacionalnosti (na klizalištu) učiteljica ih žestoko ukori (uz dolazak žandarmerije) te Cvijeta zapisom (Tomaš, 2006) potvrđuje da ne razumije čemu mržnja te suosjeća s napadnutim djetetom:

Naklizali se nismo, okliznuli se jesmo.

Nigdje se u djelu Srbi ne poistovjećuju s četnicima te se ni u jednom dijelu učenička ljutnja prema velikosrpskoj agresiji ne preslikava na srpski narod. Vrlo je bitno razlučiti razmišljanja djece i odraslih u djelu. Djeca uglavnom imitiraju (prema Cvijetinim zapisima) ono što čuju od bližnjih (napose djece), a odrasli (roditelji i učitelji) pokušavaju pedagoški djelovati na najbolji mogući način.

Pod točkom b) se navodi kako je u djelu prikazano da se Srbima ne treba vjerovati osim ako nisu sudjelovali u Domovinskom ratu na strani hrvatskoga naroda. Iščitavajući djelo sasvim je jasno kako je pritužba neosnovana iz nekoliko razloga. Djevojčica Cvijeta navodi kako se ponašaju njeni bližnji, prijatelji i poznanici u novonastaloj ratnoj situaciji, pri čemu pokušava shvatiti što se događa. Stoga, ne čudi ponašanje Cvijetinih bližnjih kada su u pitanju političke teme budući da je u to vrijeme (kada roman nastaje) jasno izražen nacionalni naboj. Taj se nacionalni naboj izražava kroz veličanje hrvatske ideje o samostalnosti, a ne kroz veličanje ustaštva. Primjer koji pronalazimo u djelu, a koji potkrjepljuje naše tvrdnje upravo je prijateljstvo Cvijete i Mirtice, prijateljstvo Cvijetinih roditelja i susjeda Sekulića (koji je srpske nacionalnosti), a sama tvrdnja da se Srbima ne može vjerovati ne pojavljuje se nigdje u djelu

izričito, već ju je moguće iščitati isključivo iz surječja ako to čitatelj želi. Roman je to izrazitog mimetičkog pristupa pri čemu ni ne čudi tzv. ogoljavanje stvarnosti ili predstavljene slike svijeta. Razočaranje, strah i nepovjerenje prema Srbima prikazani su na način prema kojemu donedavno mirni sugrađani postaju drukčiji, opterećeni nacionalističkim težnjama što rezultira padom Vukovara i teritorijalnim pretenzijama. Stoga ni ne čudi generalno nepovjerenje koje proizlazi iz tadašnje društvene pozicije u kojoj nitko nije siguran, a Cvijeta iznosi činjenično stanje navodeći ulomke iz dnevnika *Glas Slavonije*. Čini se iluzornim smatrati (u sinkronijskom i dijakronijskom smislu) da su stanovnici Osijeka u to vrijeme mogli biti sretni s novonastalim okolnostima i još uz to kriviti nekoga drugoga osim velikosrpske agresije zbog izrazito nezavidne situacije u kojoj su se našli. Važno je napomenuti kako se u romanu ni u jednom obliku velikosrpska agresija ne izjednačava sa srpskim narodom.

Pod točkom c) se navodi kako je u djelu ćirilica prikazana kao neprijateljsko pismo. Ne treba detaljno iščitavati djelo u potrazi za primjerima koji potvrđuju suprotno. U jednom se trenutku u romanu, kada su učenici u izbjeglištvu u austrijskom Pinkafeldu, izrijeком navodi kako učiteljica traži od učenika da čitaju djela na latinici i ćirilici. Neki od učenika (dječaci) odbijaju čitati na ćirilici te križaju tekstove napisane na tom pismu. Nakon toga učiteljica im pojašnjava kako ćirilica nema veze s tadašnjim stanjem te ustraje na potrebi iščitavanja djela pisanih na ćirilici. Gdje se točno navodi u djelu da je ćirilica neprijateljsko pismo ostaje nepoznato.

Pod točkom d) se navodi kako je u djelu majka Srпкиnja napustila dijete, a njen otac *spava s anđelima* jer je poginuo kao hrvatski gardist. Ovdje je riječ o potpuno krivo protumačenoj pojedinosti u djelu. Naime, djevojčica Mirtica, prilikom posjete Cvijeti navodi kako joj otac *spava s anđelima*, ali se nigdje ne navodi da je to zbog toga što je poginuo kao hrvatski gardist. Dakle, Mirtica ne shvaća što ta sintagma znači, a Cvijeta koja je svjesna značenja, poklanja joj lutkicu i čokoladu ne bi li ju utješila. Štoviše, susjed koji je doveo Mirticu kod Cvijetinih roditelja došao im je u posjet ne bi li pokušao telefonirati, a Cvijetini ga roditelji primaju u stan bez bilo kakvih predrasuda te mu pomažu u naumu. Razlog se pritužbi može pronaći u (ne)namjerno krivo interpretiranom dijelu romana. Čitatelj koji čita s razumijevanjem takvu grešku ne bi sigurno učinio, a takvo se uspostavljanje krivih narativnih poveznica može tumačiti isključivo pristranim iščitavanjem.

Pod točkom e) se navodi kako u djelu učitelji i roditelji odobravaju ustaške pjesme i poklič *Za dom spremni*. Ako uzmemo u obzir sporni citat na kojem se zasniva ova pritužba lako možemo doći do zaključka kako spornom citatu nedostaje surječje. Naime, u pritužbi se spominje trenutak u djelu kada

Cvijetina majka ustraje u naumu da se pjesma Čavoglave koju čuje na radiju glasnije reproducira. Uz pojačavanje glasnoće, majka pjeva uz pjesmu. Iz ovoga se trenutka u djelu krivo tumači navedena namjera roditelja i učitelja pri odabiru pjesama ili pokliča. U pritužbi nije naveden nastavak spornog citata u kojem Cvijeta majčino ponašanje komentira usporedbom majke s Korčikom. Korčika je književni lik kojega upoznajemo u austrijskom Pinkafeldu, učenik Cvijetine dobi, s ozljedom na nozi. Korčika tvrdi kako je tu ozljedu zadobio u ratu pa mu naivni učenici vjeruju. Cvijeti je jasno kako Korčika pravog rata nije vidio, već se tako ponaša iz nekih drugih razloga koji postaju očigledni kada roditelji telefoniraju u Pinkafeld ne bi li čuli svoju djecu. Korčika je jedini učenik kojega roditelji nikad nisu nazvali. Korčika je u djelu prikazan kao uplašen dječak kojemu ne preostaje ništa doli *busanja u njegova mala prsa*. Usporedbom Korčike s majkom ostvaruje se Cvijetin pogled na svijet u kojem se majčino ponašanje izjednačava s ponašanjem Korčike što u analogijskom smislu označava majčin strah, nepromišljenost i nacionalni naboj. Kako je sasvim jasno da se navedena pjesma često emitirala u javnom prostoru u to vrijeme, ne čudi spominjanje svojevrsne budnice u djelu. Osim spornog citata, u djelu možemo pronaći i dnevnički zapis u kojem Cvijeta prenosi način na koji su učenici (dečki) započinjali sastavke. Sastavci započinju (i završavaju) kontroverznim pozdravom, ali se taj pozdrav ne odobrava u pedagoškom smislu. Stoga, razumljivo je mimetičko ponašanje izbjegle djece uzmemo li u obzir tadašnju društvenu situaciju u kojoj se navedeni pozdrav u javnosti mogao čuti.

Pod točkom f) se tematizira odnos prema religiji. Ta se pritužba djelu zasniva na Cvijetinim promišljanjima o stanju svijeta, položaju religije te njenom odnosu s vjerom. Naime, autorima pritužbe očigledno smetaju Cvijetina promišljanja o uništenim crkvama, raspelima i svojevrsnom uskrснуću religijskog naboja tijekom vremena koje se u djelu tematizira. Nekoliko je spornih citata, a oni se svode na Cvijetino interno pitanje o opravdanosti uništavanja crkava i raspela. Cvijeta izriječom navodi Isusa Krista kao *samu ljubav* pa joj nije jasno zašto bi netko uništavao objekte koji predstavljaju *samu ljubav*. Kao što smo naveli, ovo je djelo izravnijih mimetičkih principa pa ni ne čude Cvijetina promišljanja o opravdanosti uništavanja. Osim Cvijetinih promišljanja, sporni su i dnevnički zapisi u kojima Cvijeta otkriva da je krštena skrivečki. Potonje je sasvim logično uzmemo li u obzir odnos države prema religiji u Jugoslaviji. Posljednja se pritužba odnosi i na promjenu ponašanja učenice koja je sve do rata bila ateist, a sada počinje moliti. Čini se logičnim postupak, jer djeca, udaljena od svojih domova, pokušavaju pronaći nadu u vjeri.

U posljednjoj se točki pritužaba navodi cijeli niz kontroverznih tema koje se u djelu zapravo i ne nalaze. Svaku od točaka pritužbe detaljnim se iščitavanjem

djela lako može odbaciti. Stoga, budući da točke pritužbe nisu ni potkrijepljene citatima možemo smatrati preuveličavanjem i potpuno krivim iščitavanjem književnoga djela. Napose se potonje odnosi na pritužbu veličanja nacifašizma koje u djelu ne postoji koliko god pokušavali prilagoditi surječje. U diplomskom radu Lovre Jelaske, naslovljenom *Problematika lektirnog kanona u osnovnoj školi i analiza lektirnog sadržaja u 6. razredu osnovne škole*, obranjenom u 2019. godini predstavljeno je anketno istraživanje provedeno nad učenicima šestog razreda, a mentorica je rada već spomenuta profesorica Zima. Autor rada i istraživanja (Jelaska, 2019) na sljedeći način zaključuje problematiku različitog (namjernog) iščitavanja djela:

Prije konkretnih analiza i zaključaka potrebno je pročitati cijelo djelo, a ne samo njegov dio. Dolaženje do zaključaka u kojima se djelu pripisuju poruke koje nisu jasne iz samoga djela, kao ona o autorovom pozitivnom pogledu na ustaški režim u Malom ratnom dnevniku, mogu dolaziti iz različitih čitalačkih kompetencija, prenagljenom sudu koji proizlazi iz nekih osobnih razloga, a mogu biti i ideološki uvjetovane. (...) Uklanjanjem ovoga djela s popisa lektire ujedno se miče lektira koja govori o važnom i nedavnom povijesnomu razdoblju, koje se svidjelo 84% ispitanih učenika. Društvo treba preispitivati što se čita u procesu obrazovanja, ali potrebna je razumska kritičnost usklađena sa željama i potrebama djece.

Dakle, velika je većina učenica i učenika, što možemo potvrditi i vlastitim iskustvom rada u osnovnoškolskom obrazovanju, zadovoljno djelom te ne smatra problematičnim dijelove djela koji se navode u pritužbama. Jednostavno, pritužbe proizlaze iz potpuno pristranog iščitavanja narativa.

Zaključak

Proučavajući javnu raspravu zasnovanu na pritužbama o romanu *Mali ratni dnevnik* i tijekom posljedične književnoteorijske analize izdvojili smo nekoliko zaključaka za koje držimo da su relevantni. Naime, ustvrdili smo kako medijski napad na roman proizlazi iz vrlo specificiranih društvenih skupina i pojedinaca koje se izravno može povezati s tzv. *Centrom za građansku hrabrost*, dnevnikom *Globus* (uz *Feral*) te *Srpskim kulturnim vijećem*. Nadležno je ministarstvo sve do dolaska Blaženke Divjak držalo čvrst stav o opravdanosti lektirnog naslova i mjestu koje mu pripada u školskom kurikulumu predmeta

Hrvatski jezik. Nakon pritiska određenih pojedinaca čija smo imena naveli u radu situacija se bitno mijenja budući da je tadašnja ministrica izjavama stala na stranu pritužaba pripisanih djelu prepustivši tzv. *ekspertnoj skupini* odluku o uvrštavanju djela u popis obvezne lektire u šestom razredu osnovne škole. Ti su *kurikulovci*⁵ odlučili djelo izbaciti s popisa obvezne lektirne literature pa se sada posljedično djelo nalazi u svojevrsnom *limbu*. Nije obavezan lektirni naslov, ali ga se učenicima može dati na čitanje ako tako učiteljica ili učitelj odluče. Upravo zaključak o nestašici znanstvenih rasprava o specificiranom problemu ponajviše začuđuje i, slobodno možemo reći, plaši. Mišljenja smo kako se opravdanost jednoga djela i njegovo mjesto u lektiri treba ponajprije tražiti u stručnom mišljenju koje je ovoga puta uglavnom izostalo. Navedeni je izostanak mišljenja ujedno i motivacijski faktor pri pisanju istraživanja. Kako cjelovita interpretacija i književna analiza djela iziskuju mnogo veći obim rada, smatramo kako smo s kraćom književnoteorijskom analizom uspjeli dokazati neopravdanost optužbi koje se djelu pripisuju. Optužbe variraju od jasno definiranih pa sve do općenitih i nepotkrijepljenih optužaba. Dokazali smo da cijeli raspon optužaba nije istinit te da proizlazi iz namjerno pogrešnog iščitavanja predstavljenog narativa koji posjeduje izrazito jake mimetičke principe. Nerazjašnjeno pitanje ostaje samo pitanje o pravom motivu navedenih skupina u namjeri da se djelo prestane iščitavati. Odgovor na to pitanje mora se tražiti u iscrpnoj analizi djela koja će pokazati jasan odmak od osnovanosti pritužaba pri čemu će se razjasniti pravi motiv primjedaba. Zaključno, čini se ne samo potrebnim, već i svrsishodnim djelo ponovno uvrstiti na popis obveznih lektirnih naslova uzmemo li u obzir književnu kvalitetu, pedagoški dobro obrađene teme te nepostojanje djela koje tematizira Domovinski rat na ovakav način, izuzev djela o kojem pišemo. Budući da devet godina autor ovog rada radi u osnovnoškolskom obrazovanju i kako je u tih devet godina učenicima šest godina davao lektiru na čitanje, čini se sasvim jasnim (po navedenom istraživanju Lovre Jelaske, Dragice Dragun te reakcijama učenika i promišljanjima učenika što dokazuju učenički dnevnički čitanja) kako je djelo potpuno sigurno za čitanje te kako djelo ni na koji način ne vrijeđa bilo koga (fiktivnog ili stvarnog) u našem društvu. Pretpostavljamo kako je najbolji način da zaključimo ovo istraživanje upravo Cvijetin dnevnički zapis (Tomaš, 2006) naslovljen *Snjeguljica*. Prenosimo ga u cijelosti:

⁵ Treba napomenuti kako se većina stručnjaka negativno recenzijски očitovala na javni prijedlog novog kurikula.

(29. svibnja, petak)

U jednoj osnovnoj školi, u Americi, djeca moraju dobiti posebno dopuštenje roditelja ako iz školske knjižnice žele posuditi knjigu o Snjeguljici.

Snjeguljica je stavljena na popis zabranjenih knjiga jer su se neki roditelji žalili tvrdeći da ova knjiga sadržava prizore nasilja. Razmišljala sam o davno pročitanoj knjizi prisjećajući se njezina sadržaja.

Koje li će knjige nama u Osijeku zabraniti?

Kao i svaki pisac koji svoju okolinu vremenski i prostorno (*zeitgeist*) izuzetno dobro osjeća (a i neizbježno predosjeća) tako i Stjepan Tomaš kroz glavnu junakinju postavlja pitanje koje nam se iz današnje perspektive pokazalo kao retoričko.

Literatura

- Dragun, Dragica (2012): Usporedno čitanje bosanskohercegovačke i hrvatske dnevničke proze za djecu i mladež (Zlatin dnevnik Zlate Filipović i Mali ratni dnevnik Stjepana Tomaša), Bosanskohercegovački slavistički kongres : zbornik radova, knjiga 2, Halilović, Sehanid (ur.). Sarajevo: Slavistički komitet, str. 227-236.
- Dragun, Dragica (2020): Istraživanje recepcije romana ratne tematike – Moj tata spava s anđelima (Mali ratni dnevnik) Stjepana Tomaša, *Detinjstvo*, 64, 1; 90-97.
- Jelaska, Lovre (2019): Problematika lektirnog kanona u osnovnoj školi i analiza lektirnog sadržaja u 6. razredu osnovne škole, rukopis (dostupan na repozitoriju), diplomski rad, Zagreb (Hrvatski studiji).
- Tomaš, Stjepan (2006) *Mali ratni dnevnik*, Zagreb, Mozaik knjiga.
- Zima, Dubravka (2001): *Hrvatska dječja književnost o ratu*, Zagreb, Polemos 4.

Mrežni izvori

- Anonimni autor (2017): <http://www.civilcourage.hr/blog-post/prituzba-na-lektiru-mali-ratni-dnevnik/>, pristupljeno 15. prosinca 2020. u 12h.
- Benačić, Ana (2016): <https://hr.n1info.com/vijesti/a123574-lektira-uci-da-su-srbi-neprijatelji-a-ustase-u-redu/>, pristupljeno 9. prosinca 2020. u 14h.
- Leskur-Staničić, Jasenka (2017): <https://slobodnadalmacija.hr/kultura/sramotno-i-bijedno-huskanje-i-podvaljivanje-mrznje-na-najgori-nacin-tomasev-mali-ratni-dnevnik-dignuo-buru-medu-roditeljima-464394/>, pristupljeno 14. prosinca 2020. u 14h.
- Lilek, Mirela (2017): <https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/nakon-11-godina-prituzbi-roditelja-iz-lektire-leti-knjiga-koja-velica-poklic-za-dom-autori-novog-kurikuluma-nisu-uvrstili-na-popis-tomasev-naslov-6573840>, pristupljeno 10. prosinca 2020. u 14h.
- Tomaš, Stjepan (2016): <https://www.matica.hr/vijenac/580/tko-ratuje-protiv-malog-ratnog-dnevnika-25695/>, pristupljeno 9. prosinca 2020. u 12h.

Cvenček B.

ES of Marija and Lina Umag, Croatia
bozidar.cvencek@hotmail.com

Who is afraid of the diary still?

This paper explores the social and literary problems related to the novel *Mali ratni dnevnik* by Stjepan Tomaš. It encompasses the various complaints of specific people and the wider community. This essay diachronically establishes the sources and reasons behind these complaints and their questionable justification. Synchronically, this essay presents a public discussion on the novel with focus on particular people or instances of interest. These aforementioned and cited opinions range from those of the head of the ministry of education to the author of the novel. Some of these opinions are followed by a literary analysis, bearing in mind the strong mimetic principles used in the novel. The correct interpretation of the source material clearly shows that these complaints cannot be justified. The true motive behind these accusations could be found later in extensive research of the problems represented in the novel and the public discussion that followed it. In conclusion, it is clear that the novel should be mandatory reading in elementary education based on literary quality. The goal of this research is to show the importance of future scientific research as there is an astounding lack of research on this novel.

Keywords: children's literature, war literature, Mali ratni dnevnik, school curriculum, mandatory reading

Prethodno priopćenje/Preliminary communication
UDK 811.163.42:791.229.2

Neven Martinec

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
marko.ljubescic@unipu.hr

Marko Ljubešić

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
nevenmartinec@gmail.com

Dokumentarni film u suvremenoj nastavi Hrvatskoga jezika

Ovim radom istražuje se položaj dokumentarnog filma u obzoru suvremene nastave Hrvatskoga jezika. U uvodnim teorijskim razmatranjima naglasak je stavljen na istraživanje dosadašnjih metodičkih smjernica implementacije dokumentarnog filma u nastavi dok su empirijskim istraživanjem ispitana mišljenja i stavovi učenika o položaju dokumentarnog filma i mogućnostima koje dokumentarni film ima. U zaključnim razmatranjima predlažu se smjernice za nove metodičke modele koji će biti na tragu kvalitetnijeg i zastupljenijeg korištenja dokumentarnog filma u nastavi.

Ključne riječi: dokumentarni film, metodika, nastava Hrvatskoga jezika

Uvod

Nastava Hrvatskoga jezika kao predmeta u hrvatskom školskom sustavu zasigurno je po svom obimu jedna od najkompleksnijih. Uz jezični i jezično-izražajni dio te književnost, njezin sastavni dio čini i nastava medijske kulture. Iako je unazad nekoliko desetljeća medijska kultura doživjela veliki procvat na globalnoj razini, posebno u segmentu multimedije, u nastavnim se programima (prije) i kurikulumu (nakon njegove pojave) još uvijek stavlja u svojevrsni „drugi plan“. Naime, rijetko će učitelji i nastavnici u hrvatskim osnovnim i srednjim školama veću pažnju posvetiti nastavi medijske kulture, no nastavi jezika i(li) književnosti, što vrlo često, uslijed nagomilanih nastavnih obaveza, rezultira djelomičnim i(li) potpunim zapostavljanjem medijske kulture. U velikoj širini sadržaja koje medijska kultura sa sobom danas donosi, zasigurno jedan od važnijih segmenata čini upravo dokumentarni film. Uz edukativne sadržaje, dokumentarni film ima i vrlo važnu kulturološku ulogu. Ovim medijem učenici mogu uočiti i prepoznati obilježja različitih kultura, a isto tako i uspoređivati kulturološke sličnosti i razlike (Kovačević, 2013: 105). Standardna nastavnička komponenta opisivanja i prepričavanja uz pomoć dokumentarnog filma može poprimiti potpuno novu dimenziju pomoću koje se nastava jezika, književnosti ili nekog drugog nastavnog predmeta stavlja u drukčiju, zornu komponentu koja učenicima omogućuje cjelovitije sagledavanje nastavne tematike. Stjepko Težak prepoznaje četiri cilja nastave filma primjenjiva i na potkategoriju dokumentarnog filma:

1. „osposobljavanje učenika za svjesno, sigurno i kritičko primanje poruka s ekrana
2. razvijanje estetske osjetljivosti i sposobnosti učenika za otkrivanje umjetničkih vrijednosti filmova namijenjenih prikazivanju na filmskom, televizijskom ili kojem drugom ekranu
3. razvijanje umne i imaginacijske sposobnosti učenika, aktiviranje stvaralačke mašte
4. stjecanjem filmske naobrazbe pomoći učeniku razviti humanistički svjetonazor po kojem će spontano postajati kritička, samokritička, stvaralačko usklađena ličnost, korisna sebi, svojoj zajednici i svijetu u kojem živi.“ (Težak, 2002: 39)

Upravo bi na ovim temeljima trebalo kretati u nastavu dokumentarnog filma, što će kasnije rezultirati kako drukčijim odnosom učenika prema dokumentarnom filmu, tako i povećanim interesom za dokumentarnim filmom. Vesna Bjedov navodi metodičke pristupe koji su na tragu moderne nastave filma,

kao što su školska interpretacija, problemski i korelacijsko-integracijski pristup koji će, za razliku od tradicionalnih reproduktivnog i predavačkog pristupa, omogućiti učenicima kvalitetniju i suvremenom okruženju prilagodljivu nastavu (Bjedov 2006). Na tom tragu bi svoje mjesto u odgojno-obrazovnom procesu trebao naći i dokumentarni film, stoga se u nastavku ovoga rada pokušalo istražiti trenutni položaj dokumentarnog filma u nastavi (prvenstveno) Hrvatskoga jezika te utvrditi u kojem pravcu treba osmišljavati metodičke modele koji će za cilj imati veće uključenje dokumentarnog filma u nastavni proces.

Empirijsko Istraživanje

Predmet i cilj istraživanja

Provedeno istraživanje obuhvatilo je mišljenja učenika o zastupljenosti dokumentarnoga filma u nastavi. Cilj takvoga istraživanja bio je prikazati zastupljenost, ali i zanimanje učenika za dokumentarnim filmom. Također, istražila se i zastupljenost dokumentarnih filmova u nastavi drugih predmeta kao što su povijest, geografija, glazbena kultura, biologija i sl. Osim toga, bilo je važno ispitati mišljenja učenika o koristima dokumentarnih filmova u nastavi.

Ispitanici

Istraživanje je provedeno s učenicima trećih i četvrtih razreda srednjih škola u Čakovcu (Ekonomaska i trgovačka škola te Gimnazija Josipa Slavenskog) i Varaždinu (Gospodarska škola Varaždin te Prva gimnazija Varaždin), a provedeno je tijekom lipnja i rujna 2020. godine. U istraživanju je bilo obuhvaćeno ukupno 150 učenika za koje je pripremljen anketni upitnik s ukupno osam pitanja otvorenog i zatvorenog tipa.

Polazne hipoteze

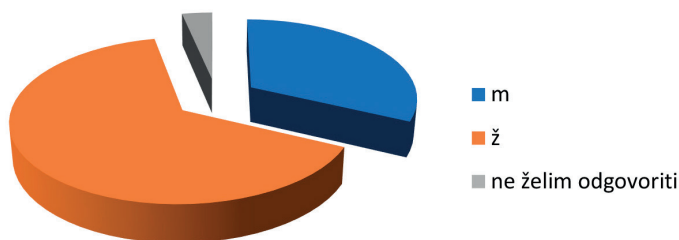
U istraživanje se krenulo s ovim polaznim hipotezama:

1. Učenici najviše gledaju igrane filmovi dok su animirani i dokumentarni filmovi manje zastupljeni među njihovim interesima
2. Učenici najviše poznaju popularno-znanstveni dokumentarni film, dok su im ostale vrste dokumentarnog filma manje poznate

3. U hrvatskom školskom sustavu medijska kultura, a posebno nastava dokumentarnog filma, najmanje je zastupljena u odnosu na preostala tri područja Hrvatskoga jezika
4. Dokumentarni film je podjednako malo zastupljen u svim nastavnim predmetima
5. Učenici su zainteresirani za većim uključenjem dokumentarnog filma u nastavu Hrvatskog jezika
6. Učenici se tijekom školovanja nisu okušali u snimanju dokumentarnih filmova.

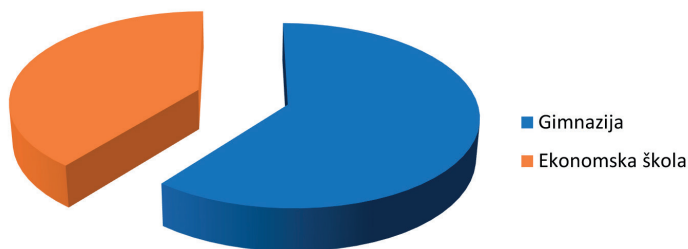
Rezultati istraživanja

Od ukupno 150 ispitanika uključenih u istraživanje položaja dokumentarnog filma u nastavi Hrvatskoga jezika, njih 97 (65%) bilo je ženskog spola te 48 (32%) muškog spola, dok 5 (3%) učenika nije željelo odgovoriti na pitanje o spolu (v. grafički prikaz 1).

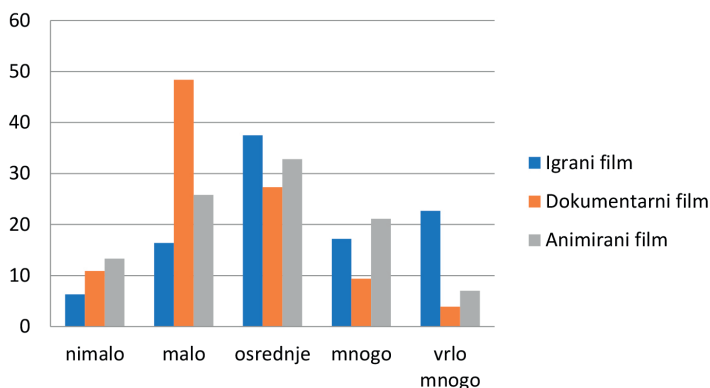
Grafički prikaz 1: Podjela ispitanika s obzirom na spol

Također, u istraživanju je sudjelovalo ukupno 91 (61%) učenik gimnazijskih odjeljenja te 59 (39%) učenika ekonomskih odjeljenja (v. grafički prikaz 2).

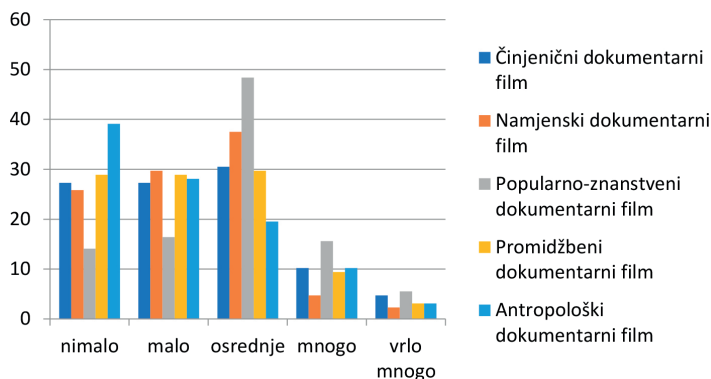
Grafički prikaz 2: Podjela ispitanika prema vrsti škole

Na pitanju *Procijenite u kolikoj mjeri gledate igrani, dokumentarni i animirani film* istraživala se zastupljenost dokumentarnog filma u odnosu na preostale dvije najučestalije vrste filma. Dobiveni rezultati pokazuju kako se najveći broj ispitanih učenika izjasnio odgovorom *osrednje*, njih 37,5% za igrani film te 32,8% za animirani film. Čak 48,4% ispitanih učenika izjasnio se da *malo* gleda dokumentarne filmove, što pokazuje učeničko nezanimanje za dokumentarni film (v. grafički prikaz 3). Polaznom se hipotezom pretpostavilo kako učenici najviše gledaju igrane filmove, što su rezultati i potvrdili, slijedi animirani dok je na trećem mjestu dokumentarni film.

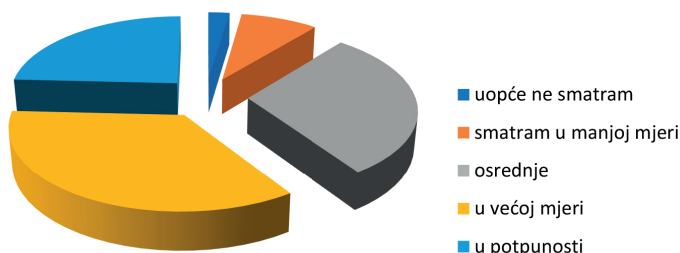
Grafički prikaz 3: Učestalost gledanja igranog, dokumentarnog i animiranog filma

Sljedeće pitanje odnosilo se na poznavanje vrsta dokumentarnih filmova. U skladu s polaznom hipotezom, najviše učenika poznaje popularno-znanstveni dokumentarni film, no izjasnili su se odgovorom *osrednje*, njih ukupno 48,4%. S druge strane, najmanje su upoznati s antropološkim dokumentarnim filmom, njih 39,1% izjasnilo se odgovorom *nimalo*. Što se tiče ostalih vrsta, 27,3% učenika *malo* ili *nimalo* poznaje činjenični dokumentarni film, 37,5% *osrednje* poznaje namjenski, dok 28,9% učenika *nimalo* ili *malo* poznaje promidžbeni dokumentarni film (v. grafički prikaz 4).

Grafički prikaz 4: Poznavanje vrsta dokumentarnih filmova

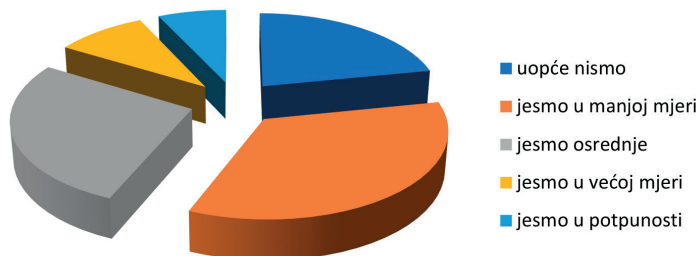
Na sljedećem pitanju *Smatrate li medijsku kulturu sastavnim dijelom nastave Hrvatskoga jezika?*, učenici su trebali iznijeti svoj stav prema medijskoj kulturi uopće, ali i prema njezinu položaju u školskom sustavu. Najveći postotak učenika, čak njih 35%, izjasnilo se odgovorom *u većoj mjeri*, dok samo 3% uopće ne smatra medijsku kulturu sastavnim dijelom nastave (v. grafički prikaz 5). Dobiveni rezultati pokazuju velik broj srednjoškolaca koji medijsku kulturu smatra sastavnim dijelom nastave Hrvatskoga jezika, iz čega se može zaključiti kako i nastavnici pridaju važnost tom dijelu predmeta u sklopu nastave Hrvatskoga jezika.

Grafički prikaz 5: Medijska kultura kao sastavni dio nastave Hrvatskoga jezika

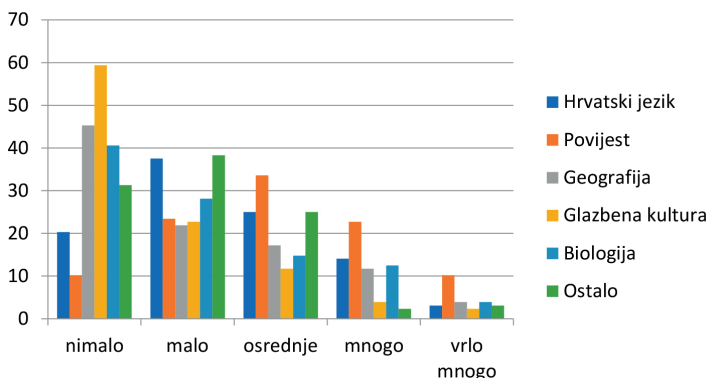
Na pitanje *Jeste li, prema Vašem mišljenju, tijekom školovanja gledali dovoljno dokumentarnih filmova?*, najviše učenika, njih 34%, izjasnilo se odgovorom *jesmo u manjoj mjeri*, što potvrđuje da su ipak gledali određene dokumentarne filmove, ali ne u većoj mjeri jer njih 22% tvrdi da uopće nisu gledali. Upravo ovi podaci pokazuju i potvrđuju polaznu hipotezu kako je medijska kultura, a posebno nastava dokumentarnog filma, ostala slabo

zastupljena naspram drugih područja jer joj se i dalje ne pridaje više prostora i ne priznaje važnost koju ona ima kada je riječ o cjelokupnoj nastavi.

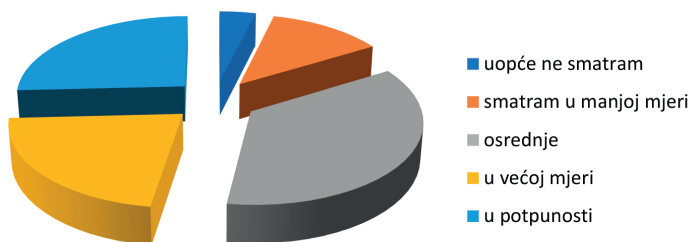
Grafički prikaz 6: Doticaj s dokumentarnim filmom u nastavi

Nastavno na prethodno pitanje, u sljedećem su učenici trebali procijeniti u kolikoj su mjeri gledali dokumentarne filmove na drugim predmetima. Najviše učenika odgovorilo je da su *osrednje* gledali dokumentarne filmove na predmetu Povijest, a *nimalo* na Glazbenoj kulturi (grafički prikaz 7.). Iako je velik broj učenika u prethodnom pitanju navodio upravo povijesne filmove, ovdje se uočava da dokumentarni filmovi ni na predmetu Povijest nisu zastupljeni u većoj mjeri. Zanimljivo je da se na predmetu Geografija ne daje prednost tom obliku učenja ili motivacije. Čak 45,3% učenika tvrdi da se dokumentarni filmovi na tom predmetu *nimalo* ne gledaju. Biologija je također jedan od predmeta gdje bi se dokumentarni filmovi mogli koristiti u nastavi, no 40,6% učenika potvrđuje suprotno. Objedinjeno, ovi podaci potvrđuju polaznu hipotezu o podjednako maloj zastupljenosti dokumentarnog filma u Hrvatskom jeziku i drugim nastavnim predmetima.

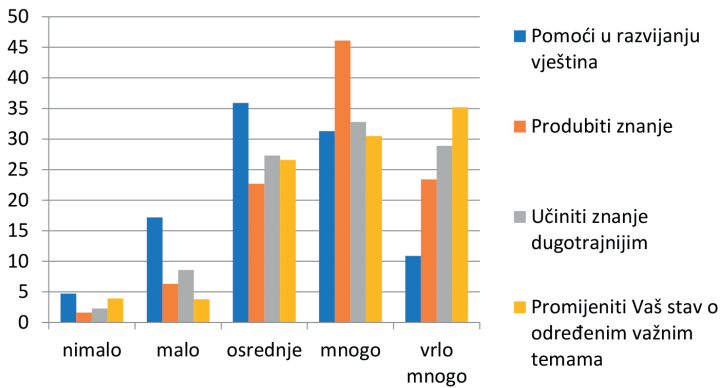
Grafički prikaz 7: Zastupljenost dokumentarnih filmovima u nastavnim predmetima

Brojne su rasprave o kvalitetnim oblicima nastave i kako na što bolji način učenike motivirati za temu i razumijevanje iste, stoga je bilo važno postaviti sljedeće pitanje *Smatrate li da Vam gledanje dokumentarnih filmova u nastavi pomaže u učenju?* Najveći broj učenika odgovorio je *osrednje*, a 5% njih *uopće ne smatra* da im dokumentarni filmovi pomažu u učenju (v. grafički prikaz 8). Samo 14% manje učenika (od najčešćeg odgovora *osrednje*) smatra da im dokumentarni filmovi pomažu *u većoj mjeri*. Uspoređujući prethodno pitanje i koliko se zapravo dokumentarni filmovi malo gledaju, može se zaključiti da bi trebalo pokušati na taj način obrađivati ili zaključivati određeno gradivo te time dodatno motivirati učenike.

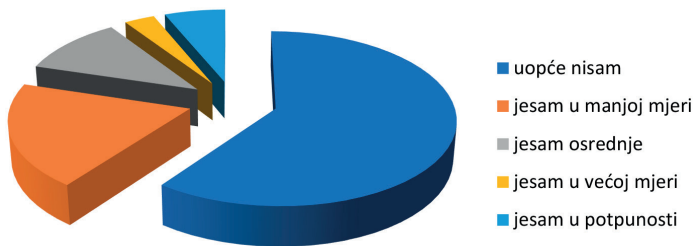
Grafički prikaz 8: Mišljenje o pozitivnom utjecaju dokumentarnih filmova u nastavi

Pred učenike su u nastavku stavljene moguće prednosti gledanja dokumentarnih filmova u nastavi (v. grafički prikaz 9). Njihov je zadatak bio izjasniti se u kolikoj mjeri smatraju da su određene tvrdnje točne. Uz tvrdnju *pomoći u razvijanju vještina* najveći broj ispitanih učenika, njih 35,9%, zaokružilo je odgovor *osrednje*. Uz drugu tvrdnju *produbiti znanje*, čak 46,1% učenika zaokružilo je odgovor *mnogo*. Da im dokumentarni filmovi mogu *mnogo učiniti znanje dugotrajnijim* smatra 30,5% učenika. No, posebno je zanimljiva četvrta tvrdnja, *promijeniti Vaš stav o određenim temama*. Čak 46,1% učenika smatra da im dokumentarni filmovi *mnogo* mogu promijeniti stav o određenim važnim temama. Poznato je da učenici, ali i ljudi općenito, najbolje uče na primjerima, kako svojim tako i tuđim. Upravo je iz tog razloga važno uvidjeti da učenici srednjih škola smatraju da će teme poput ovisnosti, ratova, globalnog zatopljenja, svijesti o hrvatskom jeziku i sl., bolje razumjeti gledajući žive primjere (u ovom slučaju dokumentarne filmove), nego samo čitajući iz udžbenika.

Grafički prikaz 9: Prednosti gledanja dokumentarnih filmova

Grafički prikaz 10 prikazuje jesu li učenici tijekom srednjoškolskog obrazovanja snimali vlastite dokumentarne uratke za potrebe korištenja filmova u nastavi. U skladu s polaznom hipotezom, najveći broj učenika, njih 60%, izjasnio se odgovorom *uopće nisam*. Ovakva bi se praksa u nastavi svakako trebala promijeniti. Naime, dokumentarnim filmom se razbija i monotonija nastave jer je to posve drukčiji oblik usvajanja znanja. Nakon projekcije dokumentarnog filma, i to vlastitog, želja i motivacija za dolaskom na nastavu svakako neće izostajati jer će uvidjeti kako nastava ne mora uvijek biti jednolična, već da im može pružiti ono što oni vole i lako usvajaju.

Grafički prikaz 10: Sudjelovanje u izradi dokumentarnog filma

U sljedećem se pitanju od učenika tražilo da iznesu vlastita iskustva i predlože mogućnosti povećanja zastupljenosti dokumentarnih filmova u nastavi. U nastavku je prikazano nekoliko mišljenja i stavova ispitanika o navedenoj problematici:

- *Mislim da bi dokumentarni filmovi najbolje koristili kod nastave Biologije, Geografije i Povijesti. Učenici bi odradili zadano gradivo te pogledali film na tu temu kako bi bolje razumjeli*

naučeno. Jedini nedostatak ovome je manjak nastavnih sati jer se profesori i ovako muče da sve stignu obraditi, a gledanje dokumentaraca bi oduzelo znatno više vremena. Smatram da velika većina učenika neće samoinicijativno pogledati dokumentarac koji je profesor predložio te zato predlažem da je bolje gledati dokumentarce u školi.

- *Motivirati profesore za korištenje medija u lekcijama. Pogotovo iz Povijesti.*
- *Definitivno mi je puno značilo kad smo pogledali koji dokumentarni film jer lakše se pamti i puno više nauči nego na samoj nastavi. Trebalo bi svakako uvesti više dokumentarnih filmova u nastavni plan i program.*
- *Smatram da kombinacija predavanja i gledanja dokumentarnih filmova o temama gradiva definitivno približava učenika temi.*
- *Profesori bi trebali shvatiti današnju mladež te odabrati najbolji pristup generaciji koja svoje dane provodi ispred ekrana. Dokumentarni filmovi će privući našu pažnju.*

Ponudeni odgovori pokazuju zainteresiranost ispitanika za većom zastupljenosti dokumentarnih filmova u nastavi. Velik broj učenika smatra da je to dobar način privlačenja pažnje, boljeg pamćenja, lakšeg učenja, približavanja teme i sl.

Na kraju provedenog empirijskog istraživanja, može se zaključiti da je dokumentarni film rijetko dio nastavnog procesa na nastavnom predmetu Hrvatski jezik, ali i na ostalim predmetima u ispitanim srednjim školama. Iako se danas sve manje upotrebljavaju tradicionalni mediji, a sve više internet i video, dokumentarni će film ipak morati pričekati svoje vrijeme. Ono na što se mora paziti je da film svakako bude pomno odabran, kvalitetan i primjeren učenicima, inače se može postići suprotno od očekivanoga (Težak, 2002.). Učenici novije generacije traže nove načine i metode poučavanja što je uočljivo iz njihovih stavova, ideja i savjeta vezanih uz filmove općenito te kako im oni pomažu u učenju i motivaciji.

Zaključak

Dokumentarnom filmu u odgojno-obrazovnom procesu, kako su i rezultati provedenog istraživanja pokazali, zasigurno pripada bolji položaj od postojećeg. Suvremena multimedijalna tehnologija omogućila je trenutno globalno dostupne audiovizualne sadržaje od kojih se mnogi, ako pritom zadovoljavaju odgojno-obrazovne uvjete za implementaciju u nastavni proces, mogu iskoristiti za poboljšanje nastave. U tom kontekstu, upravo je dokumentarni film taj koji svojim sadržajem može uvelike oplemeniti nastavni proces. Na tragu dobivenih rezultata provedenog empirijskog istraživanja u kojima su učenici srednjoškolskog uzrasta pokazali veliki interes za većim uključivanjem dokumentarnog filma u nastavu, predstojeći metodički modeli trebali bi biti usmjereni upravo u tom pravcu njegove veće i bolje implementacije u odgojno-obrazovni proces, vodeći pritom računa o tome da je dokumentarni film moguće uključiti i kao etapu pojedinog nastavnog sata ukoliko nije riječ o cijelom nastavnom satu gledanja i analize. Također, kod odluke o odabiru, nastavnik može, prema potrebi, birati između cjelovitog ili fragmentarnog uključivanja dokumentarnog filma. U tom kontekstu, učenicima treba ponuditi atraktivnije i efikasnije forme učenja, koje su im po svojoj prirodi bliske. Pritom valja pripaziti da uvođenje medija kao što je dokumentarni film bude u skladu s teorijom učenja i nastave (Matijević 2017) koja prije svega pretpostavlja primjerenost nastavnog sadržaja recepcijskim sposobnostima učenika. Jasno je da se obrazovanje u prošlosti razlikuje od obrazovanja danas, a upravo dokumentarni film može poslužiti kao odskočna daska u kvalitetno i suvremeno poučavanje. Učenici iz dokumentarnog filma uče nove stvari, motiviraniji su da nauče još više te se ta motivacija može iskoristiti kako bi se učenicima nakon toga pružila potpuna slika onoga što uče koristeći još i udžbenike i ostala sredstva čime se postiže njihova aktivnost na nastavnom satu ključna za ostvarivanje ishoda učenja (Cindrić – Miljković – Strugar 2010). U sklopu suvremenih metodičkih sustava (Rosandić 2005) dokumentarni film zasigurno pronalazi svoje mjesto u mnogima od njih (komunikacijskom, multimedijском, otvorenom, problemsko-stvaralačkom) te je na budućim metodičkim modelima zadatak osmišljavanja cjelovitih koncepcija implementacije dokumentarnog filma u nastavu Hrvatskoga jezika.

LITERATURA

- Bjedov, Vesna (2006). Metodički pristupi filmu u nastavi hrvatskoga jezika nižih razreda osnovne škole. *Život i škola*, br. 15-16, 123-131.
- Cindrić, Mijo – Miljković, Dubravka – Strugar, Vladimir (2010). *Didaktika i kurikulum*. Zagreb: IEP – D2.
- Kovačević, Sandra (2013). *Dokumentarni film u nastavi poslovnog engleskog jezika*. Praktični menadžment, Vol. IV, br. 1, 105-109.
- Matijević, Milan (2017). *Multimedijska didaktika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Rosandić, Dragutin (2005). *Metodika književnoga odgoja*. Zagreb: Školska knjiga.
- Težak, Stjepko (2002). *Metodika nastave filma*. Zagreb: Školska knjiga.

Martinec N.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
marko.ljubesic@unipu.hr

Ljubešić M.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
nevenmartinec@gmail.com

Documentary film in contemporary Croatian language teaching

This research attempts to determine the position of documentary film in contemporary Croatian language teaching. Theoretical considerations are in the introduction, and here the emphasis was placed on researching the current language and literature teaching guidelines for the implementation of documentary films, while empirical research examined students' opinions and attitudes on the position of documentary films and the possibilities that documentary films possess. In our concluding remarks, guidelines are proposed for new language and literature teaching models that suggest a better and better represented use of documentary films.

Keywords: documentary film, language and literature teaching, Croatian language teaching

Izvorni znanstveni rad / Original scientific paper
UDK 070.488:087.5Varjačić, Lj.

Kristina Riman

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
kristina.riman@unipu.hr

Lorena Lazarić

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
klorena.lazaric@unipu.hr

Pjesnički prilozi Ljudevita Varjačića u istarskom časopisu *Mladi Istran*

Krajem 19. i početkom 20. stoljeća Ljudevit Varjačić bio je jedan je od najproduktivnijih hrvatskih književnika za djecu i mladež. Pjesme je objavljivao u časopisima i zasebnim zbirkama, a mnoge od njih su bile uglazbljene. Nekoliko je svojih pjesama objavio i u istarskom časopisu Mladi Istran (1906.-1908.). S obzirom na regionalno i domoljubno usmjerenje časopisa, te s obzirom na ciljanu publiku, veći broj objavljenih pjesama tematski je povezan s Istrom, dok su ostale povezane s temama iz dječjega života. Analizom pjesama i njihovom kontekstualizacijom može se zaključiti da Varjačić rijetko odstupa od svoje poetike u kojoj prevladavaju pjesme domoljubne, religiozne i pedagoške tematike. Kao pjesnik starije generacije hrvatskih književnika za djecu, stvaralaštvom se uklapa u dominantnu tematsku strukturu časopisa u kojima je svoje pjesme objavljivao. Pjesme uvrštene u časopis odgovaraju recepcijskim očekivanjima implicitnih čitatelja. Promatrano iz suvremene perspektive, pjesme pružaju uvid u društvena i kulturna strujanja početkom 20. stoljeća u Istri, kao i u očekivanja koja je kulturna javnost imala od književnog časopisa namijenjenog istarskoj djeci i mladeži.

Ključne riječi: Ljudevit Varjačić, Mladi Istran, pjesništvo za djecu, domoljublje

Uvod

Pojam dječje književnosti blisko je povezan s pojmom povijesti djetinjstva. Pri tome treba imati na umu da su shvaćanja djetinjstva kontekstualno varijabilna, kulturno i povijesno promjenjiva i stoga ih se ne može promatrati kao izravan izraz nekih unutrašnjih svojstava i univerzalnih znanja o djeci i djetinjstvu (Hameršak i Zima, 2015). S obzirom na spomenuto, za promatranje dječje književnosti i dječjeg pjesništva ključnima se smatraju razumijevanje djeteta i mogućnosti njegove recepcije. Skok (1990a) je, kao sastavljač antologijske čitanke hrvatskog dječjeg pjesništva, ustvrdio da se dječje i ostalo pjesništvo ne može poistovjetiti s obzirom na specifičnost jezika i funkcije dječjeg pjesništva zbog toga što se dječje pjesništvo javilo kao zasebni lirski oblik i izraz. Ističući specifičnosti pjesništva namijenjenog djeci, Hranjec (2006) ističe vedrinu i humor kao dva poetička elementa posebno konstitutivna za dječji stih kojeg smatra ritmiziranom, vedrom igrom.

U hrvatskoj književnosti dječje se pjesništvo počinje promatrati i analizirati krajem 19. stoljeća i u tim se sagledavanjima uglavnom prepoznaje i ističe pedagoški, religiozni i patriotski kontekst (Crnković i Težak, 2002; Hameršak i Zima, 2015). Na taj je kontekst u velikoj mjeri utjecala i činjenica da su većinu pjesama za djecu sastavljali učitelji i nastavnici kojima su nedostajali pjesnički tekstovi primjereni dječjem čitatelju. U svojim osvrtima (Skok, 1990b; Crnković i Težak, 2002; Zalar, 2012), proučavatelji hrvatske dječje poezije navode Ljudevita Varjačića kao jednog od najplodnijih pjesnika ovog razdoblja, s obzirom na broj tekstova i pristup pjesništvu, koji je krajem 19. st. bio naglašeno pedagoški usmjeren (Zalar, 1991; Crnković i Težak, 2002; Hranjec, 2006).

Život i stvaralaštvo Ljudevita Varjačića

Ljudevit Varjačić rođen je u Zagrebu 1852. godine, a umro u Varaždinu 1926. godine. Svoj učiteljski poziv obnašao je u Zagrebu, u Tuhelju i Varaždinu. Pisao je tekstove za djecu i to pjesme, pripovijetke, igrokaze, slikovnice u prozi i stihovima, te pedagoško-didaktična djela za odrasle.

Varjačića suvremeni istraživači dječje književnosti ocjenjuju uglavnom kao nasljedovatelja Filipovićeve poetike u kojoj se djeci pjesništvom pokušava ponuditi moralne naputke i rasplamsati domoljublje (Hranjec, 2006). Crnković i Težak (2002) su prepoznali Varjačićeve pjesme kao didaktične, prigodne i prigodničarske, a Zalar (1991) ga opisuje kao tipičnog pjesnika-pedagoga koji je opjevao školske svečanosti, crkvene blagdane i slavne ličnosti iz naše

prošlosti. Crnković i Težak (2002) i Hranjec (2006) iz Varjačićevog su opusa pjesmu „Prsti“ izdvojili kao rijetku tvorevinu koja se ističe u njegovom opusu i recepcijski nadilazi ukus vremena u kojem je nastala. Skok (1990b) je uz ovu pjesmu u antologiju hrvatskog dječjeg pjesništva uvrstio i pjesmu „Ptici“, a kao objašnjenje svojeg odabira navodi važnost aktualne čitalačke recepcije suvremene dječje poezije. Zalar (2012) kao uspjelije Varjačićeve stihove koje odgovaraju suvremenoj dječjoj recepciji navodi i pjesme *Maca i miš*, *Mala pralja*, *Mira i maca...*

Iako se Varjačićevo pjesništvo svojim poetskim, tematskim i leksičkim okvirima nije isticalo među ostalim pjesmama za djecu s kraja 19. st., bio je jedan od najčešće uglazbljivanih autora svoga vremena. Pri tome estetski i umjetnički kriterij nije bio presudan, utoliko što su tematske, leksičke i poetske značajke njegovih uglazbljenih tekstova bile u skladu s prevladavajućom poetikom, već čvrsta i pravilna forma i ritmičnost stihova Varjačićevog pjesništva koji su pogodovali uglazbljivanju (Riman i Pavletić, 2019).

Ljudevit Varjačić je svoje tekstove objavljivao u zasebnim zbirka, ali i u časopisima. Najviše je objavljivao u najdugovječnijem hrvatskom časopisu za djecu i mladež Smilje, ali i u drugima, uključujući istarski časopis Mladi Istran.

Hrvatski dječji časopisi

U Hrvatskoj postoji tradicija tiskanja književnih časopisa za djecu u kojima su zastupljeni književni tekstovi za djecu. Oni brže i lakše uspostavljaju komunikaciju s čitateljem nego što to čine knjige, te lakše i brže obrađuju djeci aktualne i zanimljive teme. Prvi časopisi za djecu i mladež u Hrvatskoj pokretali su se u različitim okolnostima, međutim, može se ustvrditi da im je cilj bio sličan; povećati fond tekstova za djecu i mladež te na taj način utjecati na dječju recepciju književnih i ostalih njima primjerenih tekstova. Prvi su se časopisi počeli objavljivati na prostoru središnje Hrvatske, što je, opet, u stanovitoj mjeri ovisilo o društvenim i političkim okolnostima (Šetić, 2011).

Pokretači časopisa za djecu uglavnom su bili istaknuti i angažirani učitelji koji su se uz svoj temeljni posao bavili i književnim radom i uglavnom pisali tekstove namijenjene djeci i mladeži. Crnković i Težak (2002) navode da su časopisi Bosiljak, Smilje i Bršljan važni za razvoj dječje književnosti krajem 19. i početkom 20. st. Najustrajnije su i najdosljednije poticali djecu na čitanje te su omogućavali piscima kontinuirano objavljivanje njihovih tekstova. Iako su se navedeni časopisi razlikovali s obzirom na sadržaje i duh književnih priloga, književni su im prilozi bili podjednake kvalitete.

U časopisima su bile zastupljene sve književne vrste, popularno pedagoško štivo koje se moglo koristiti u nastavi, članci s različitih područja ljudskoga znanja i zabavni sadržaji. Časopisi su u većoj ili manjoj mjeri podržavali filipovićeve aspekte hrvatske dječje književnosti koji podrazumijevaju kršćansko usmjerenje prema svemu što je dobro, plemenito i kreposno, te poticanje ljubavi prema rodu i domu. Ističu se odgojni ciljevi koji dominiraju nad umjetničkim i vrlo često nisu usmjereni djeci, već mladeži.

Mladi Istran, istarski časopis za djecu i mladež

Na prostoru Istre i kvarnerskih prostora, prvi su se časopisi za djecu i mladež javili početkom 20. stoljeća, kada su sazrijeli uvjeti za ostvarivanje ovakvog projekta. Josip Antun Kraljić je 1906. godine pokrenuo prvi hrvatski specijalizirani časopis za djecu Mladi Istran. Prvi broj časopisa izašao je 15. siječnja 1906. godine i nastavio izlaziti kao mjesečnik do studenog 1908. godine. Suradnici u časopisu bili su Rikard Katalinić Jeretov, Ernest Jelušić, Josip Milaković, Ljudevit Varjačić, Jelica Belović, Rudolf Franjin Magjer, Vinko Rubeša, Bogumil Toni, kao i manje poznati autori tekstova, uglavnom učitelji, koji su svojim tekstovima doprinosili redovitom izlaženju Mladog Istrana.

U prvom broju časopisa objavljena je pjesma Rikada Katalinića Jeretovog *Mladom Istranu* iz koje se mogu iščitati temeljno usmjerenje časopisa, njegova namjena i cilj. Temeljne vrijednosti koje se ističu u uvodnim stihovima jesu značaj obrazovanja i njegovanja ljubavi prema domovini: *Pomno čitaj, uči, pamti / Dušom, srcem svime, / Dok u tebi ljubav plamti, / Za hrvatsko ime* (Katalinić Jeretov, 1906: 9). Osim toga, namjera je časopisa bila i preporodno djelovanje na hrvatski puk u Istri, što se očituje u stihovima: *Tvoja braća njega vode / Vještīm perom krase, / Da te dignu, preporode, / Da te mlada spase!* (Katalinić Jeretov, 1906: 9). Ove se smjernice protežu kroz cijeli časopis odabirom suradnika i izborom književnih tekstova koje objavljuje.

O namjeni časopisa svjedoči i poziv na pretplatu koji se, također, nalazi u prvom broju časopisa. U njemu je časopis personificiran, uredništvo ga metaforički prikazuje kao siročće koje traži pomoć na tuđim vratima. Uredništvo se obraća budućim čitateljima usklikom: *Hrvati!* te se u prvom redu osvrće na one slojeve hrvatske čitateljske publike koji su u dodiru s djecom: učitelje i učiteljice, svećenike, uzgajatelje i prijatelje mladeži, a zatim i gospodu imućnike koji bi mogli pomoći s pretplatom siromašnima, za spas i slobodu najmladjeg ogranka tužne nam potištene domovine (Poziv na pretplatu, 1906a).

Sličan ovome je i poziv objavljen u prosinačkom broju 1906. godine u kojem se autori pozivaju na Varjačićeve stihove objavljene u prethodnom godištu, a koji se, također, mogu smatrati programskima: *Spasenje je Istri: prosvjeta ljudi, / Nek hrvatskim čuvtvom plamte im grudi, / Spasenje je Istri: škola i knjiga, / Ta mladosti naše poželjna briga* (Poziv na pretplatu, 1906b: 213). I ovaj se poziv obraća onima koji su u dodiru s djecom i koji mogu za njih odlučiti o pretplati na časopis. Posebno se naglašavaju obrazovanje i domoljublje kao prevladavajuće značajke tekstova u časopisu. Slične preokupacije mogu se prepoznati u većini tekstova namijenjenim mladim čitateljima ovog razdoblja, međutim zbog društvenih i političkih okolnosti u Istri, obrazovna i domoljubna komponenta je još izraženija. To ne znači da časopis nije čitateljima uspio pružiti i zabavne sadržaje poput zagonetki, rebusa, viceva, zanimljivosti i mudrih izreka, a za riješene zadatke čitatelji su mogli dobiti i nagradu – pretplatu na časopis.

Doprinos Ljudevita Varjačića časopisu Mladi Istran

Promatrajući opus Varjačićevih uglazbljenih pjesama za djecu, Riman i Pavletić (2019) su, obzirom na tematiku pjesama koje su namijenjene djeci i mladeži, izdvojile različite skupine pjesama uglavnom domoljubne, religiozne i pedagoške tematike. Navedena se klasifikacija može primijeniti i na Varjačićeve pjesme objavljene u časopisu Mladi Istran.

Najistaknutiji Varjačićevi tekstovi u Mladom Istranu domoljubne su tematike. To se u prvom redu odnosi na pjesme *Spas Istre, Mali Istran, „Družbina“ škola te Družba i Lega. Spas Istre* Varjačićeva (1906b) je pjesma koju su i u kasnijim brojevima časopisa navodili kao onu koja ima programatske elemente (Poziv na pretplatu, 1907). Kao i svaki učitelj, Varjačić je u svojim stihovima isticao ljubav prema znanju i radu što su poželjne osobine svake osobe, a te se vrijednosti ističu i u ovoj njegovoj pjesmi. U njoj su suprotstavljeni motivi borbe (mač, oružje, puške, topovi), s motivima vezanima uz znanje i obrazovanje (knjiga, škola, prosvjeta). Pjesma je budničarskog karaktera, međutim ne poziva na borbu oružjem, već znanjem. U pretposljednjoj strofi Varjačić govori o idealu koji će osloboditi Istru i donijeti joj prosperitet za domaćeg čovjeka: *A istarska mladost učite će rado, / Umj'jećem tek punit srce si mlado, / Ta nema bez znanja slave, ni moći, / I ne će bez rada sreća nam doći!* Glavna misao pjesme navedena je u posljednjim stihovima: *Uzgajajmo mladost snažnu i bistru, / Prosvjetlujmo um joj – spasismo Istru!*

U pjesmi *Mali Istran* Varjačić (1906a) opisuje istarskog đaka koji svoje znanje skuplja u okrilju Družbe sv. Ćirila i Metoda. Treba naglasiti da se radi o

udruzi za razvitak hrvatskog i slovenskog školstva u Istri čime se još jednom potvrđuje tvrdnja da je Varjačić blisko povezivao obrazovanje i domoljublje. Školu opisuje kao *stanak mili* u kojem se *luč znanja krili* i znanje proglašava najvećim bogatstvom. Varjačić u pjesmu uvodi i religijske motive koje povezuje s domoljubnima, zazivajući Boga i njegovu podršku u procesu koji treba dovesti do toga da će procvast moja Istra! Slijede dvije strofe u kojima Varjačić navodi motive i stihove tipične za budničarsko pjesništvo poput: ... *zora rudi*, / *Tvoj se sinak od sna budi*, te „*Dug bje bića tvoga sanak*, / *Ali sviće eto danak*:/... U posljednje dvije strofe dodatno se ističu navedeni motivi, u stihovima: *Prosvjetom ćeš, Istro, cvasti*, / *Domoljubljem bujno rasti*, / *A sinova tvojih djela* / *Hrvatska će slaviti cijela!*

„*Družbina*“ škola još je jedan primjer pjesme koja povezuje domoljubne motive s obrazovanjem. Pjesmu Varjačić (1908) započinje obraćanjem Istranima nazivajući ih *milim sudruzima*. Budući da pjesnik svojim životom i radom regionalno pripada sjevernim hrvatskim krajevima (Zagreb, Varaždin), ovakav početak može ukazivati na ideje koje su se razvijale za vrijeme hrvatskog narodnog preporoda, a povezane su s potrebom za povezivanjem svih hrvatskih krajeva, što je bila dugogodišnja težnja hrvatskog naroda. To zajedništvo Varjačić naglašava u cijeloj pjesmi isticanjem nacionalne i regionalne pripadnosti Družbinih učitelja i učenika, kao i važnost njihovog poslanja: *Hrvatski njegov slušajmo glas* / *Naukom njeg'vim mi ćemo jednom* / *Istri izvojiti sreću i spas*... Pjesnik dodatno naglašava pripadnost istarskoga prostora Hrvatskoj, posebice jer je na istarskome poluotoku, koji je dugi niz godina bio odvojen od ostalih hrvatskih prostora, regionalna pripadnost jača od nacionalne pripadnosti. Na više mjesta u pjesmi Varjačić ističe *hrvatski ponos*, *hrvatsku grudu*, *hrvatsku misô*, te naglašava potrebu povratka *Istre majci u skut*, pri čemu je riječ *majci* dodatno naglašena kurzivom. Budući da je u ovoj pjesmi to jedina istaknuta riječ, te da u ostalim pjesmama nema dodatno istaknutih riječi, Varjačić je (ili možda urednik) procijenio da različitom vrstom tiska treba dodatno pojačati njezino značenje. Glavna misao pjesme ponovno je sadržana u posljednjem stihu: *Prosvjeta naša Istri je spas!*

Družba i Lega pjesma je s dramskim elementima. U njoj Varjačić (1906c) personificira dva udruženja koja su djelovala na istarskom području i stavlja ih u sukob. U ovoj je pjesmi Varjačić udruge predstavio kao Hrvaticu (*Družba*) i Talijanašicu (*Lega*), što je i naveo u bilješci uz pjesmu. Družba sv. Ćirila i Metoda udruženje je koje se, između ostalog, zalagalo za obrazovanje na hrvatskom, odnosno slovenskom jeziku, dok se udruga Lega Nazionale bavila promicanjem ljubavi prema talijanskom jeziku i organiziranjem škola na etnički miješanom području. U dijalogu koji Družba i Lega vode, može se prepoznati

status hrvatskog i talijanskog jezika, odnos prema obrazovanju na hrvatskom i talijanskom jeziku, ali i cjelokupna gospodarsko-politička situacija na istarskom poluotoku. Lega je ona koja zavodi ljude pružajući život, slast i časti svuda, te vlada *prosvjetom i znanjem (...) djelom i imanjem*. Za razliku od nje, Družba kao svoje adute ističe *luč prosvjete koja svjetlo duši daje, bratskim sjajem sjaje, nikoga ne skući, tihim radom prosvjetljuje*. U ovakvom omjeru snaga, čini se jasnim kako je pobjeda Legina, međutim, Družba priznaje svoje siromaštvo, borbu za pravdu prepušta u Božje ruke i traži potporu Istrana, braće Hrvata, da pomognu Družbi u njezinim nastojanjima. Varjačić je tekst zamislio kao djelo koje bi se izvodilo na pozornici jer je u dijalog umetnuo i didaskaliju kojom objašnjava da bi se u jednom trenutku trebala čuti hrvatska himna koja bi trajala do kraja dijaloga.

Svojom temom i izdvojenim motivima navedene se pjesme svrstavaju među budničarsku poeziju koja je pridonosila temeljnom usmjerenju časopisa u ideološkom smislu. Glavni ciljevi izdavanja časopisa bili su buđenje nacionalne svijesti, razvijanje svijesti o važnosti obrazovanja na vlastitom jeziku, odgoj u katoličkom duhu i ljubav prema umjetničkoj riječi. Svojim domoljubnim pjesmama Varjačić je prednost dao preporodnim idejama i isticanju važnosti obrazovanja, što je i očekivano s obzirom na njegov učiteljski poziv. Sastavljajući tekstove za djecu i mladež on je, u prvom redu, naglasak stavio na odgojnu i obrazovnu funkciju dječje književnosti, što u vrijeme njegovog djelovanja i jest bilo jedno od najčešćih usmjerenja takvih tekstova. Međutim, isticanje nacionalne i regionalne pripadnosti na budničarski način nije u obzoru očekivanja dječje publike i oni ih, s obzirom na razvojne specifičnosti svoje recepcije ne mogu na primjeren način doživjeti.

Varjačić (1906f) je u Mladom Istranu objavio pjesmu *Na Božić* koja je religioznog karaktera, ali se i u njoj ističu domoljubni motivi. Pjesma je oblikovana kao molitva na Božić u kojoj su želje i nade usmjerene na domovinu. Isusu se pjesnik obraća sa željama da krijeponos i nadu hrvatskog roda te da im poda ljubav spram doma, rada i znanja. U pjesmi se, stoga, iznova isprepliću motivi koji se odnose na sva tri tematska područja kojima se Varjačić bavi: ljubav prema domovini, Bogu i znanju.

U Mladom Istranu Varjačić je objavio i nekoliko pjesama koje govore o djetinjstvu: *Dva svadljivca*, *Mala Cvijeta* i *Proljetna radost*, u kojima prikazuje djecu u različitim životnim situacijama.

Iako Varjačić (1906e) naslovom pjesma *Mala Cvijeta* sugerira da se radi o još jednoj pjesmi o istinskoj dječjoj prirodi, a zapravo se stihovima ističu nacionalna i regionalna pripadnost djevojčice, *Istranke Cvijete*, *hrvatskoga čeda* koje se *kiti cvijećem*. U pjesmi je prisutan i religijski motiv u stihovima: *Srce*

moje časti Boga, ..., a naglašava se i ljubav prema domovini u stihovima: *A dom dragi ljubi živo*.

Proljetna radost Varjačićeva (1906d) je pjesma u kojoj se javljaju pejzažni motivi, a ističe se dječja igra, naročito djevojčice Zorkice koja uživa u pjesmi ptica i majčinoj ljubavi. Ovu pjesničku sliku Varjačić koristi da bi u posljednjoj strofi naglasio ljubav prema hrvatskoj domovini i ljubav prema Bogu: *Divna je narav proljetnog doba, / Divnija mladost naroda mog' / Ona će ljubit vjerno do groba / Hrvatski dom svoj – dao to Bog!*

Varjačić (1907) u pjesmi *Dva svadljivca* opisuje uobičajeno dječje ponašanje u kojem braća dolaze u sukobe, a roditelji su im doskočili tako što su im dali slikovnicu. Ovom pjesmom Varjačić čini veliki odmak od ostalih pjesama jer u njoj nema domoljubne ili religiozne tematike. Uvodeći u pjesmu motiv slikovnice Varjačić ukazuje na vrijednost knjige za djecu kao sredstva zabave i ističe u prvom redu njen likovni element stihom *Da se slikam' dive*. Pjesnik prepoznaje i istinski duh djetinjstva navodeći u posljednjoj strofi da će djeca biti mirna dok slikovnica bude cijela. Na taj način Varjačić ne oslikava djecu koja predstavljaju uzor, već istinsko dječje ponašanje, dajući ujedno do znanja da slikovnica može predstavljati sredstvo kojim se djeca mogu zabaviti i umiriti, u prvom redu radi slika, odnosno radi mogućnosti slikovnice da i najmlađim čitateljima predoči zbivanja i mogućnosti iščitavanja radnje.

Varjačić je svojim priložima doprinio pionirskom pothvatu mladog časopisa kao jedan od entuzijasta koji su objavljivanjem hrvatskog književnoga časopisa željeli obogatiti kulturni život djece i mladih i to na način da im ukažu na potrebu njegovanja identiteta, na vrijednost obrazovanja koje će im omogućiti promišljanje svijeta koji ih okružuje, kao i na važnost njegovanja vlastitog jezika i umjetničke riječi. Međutim, Varjačić to nije činio samo svojim pjesničkim priložima, već se nalazi i na popisu onih koji časopis propagiraju među djecom izvan Istre, te doprinosi izdavanju časopisa novčanim prilogom: *Učenici IV. B razreda pučke dječ. škole u Varaždinu dostavljaju po svom učitelju g.-Lj. Varjačić-u za mjesec siječanj 1 K i 20 para, obećav doprinositi toliko svakog mjeseca u tek. škol. godini. Doista hvalevrijedno!* (Mobica za družbu, 1906: 57).

Kontekstualizacija Varjačićevih pjesama u časopisu

Promatrane pjesme Ljudevita Varjačića pretežno su domoljubne tematike, što se djelomično i očekuje s obzirom na okolnosti u kojima je časopis *Mladi Istran* izlazio. Primarni zadatak časopisa bio je probuditi nacionalnu svijest kod djece, mladih ljudi, ali i odraslih, napose onih koji se na bilo koji način bave djecom,

stoga ne čudi ovakav izbor pjesama. Promatrajući ostale književne priloge u časopisu, jasno je da se naglašava regionalna i nacionalna pripadnost, te se nastoji činiti jasna distinkcija između domaćeg hrvatskog i stranog talijanskog. Ovakva koncepcija časopisa još je prisutnija u ostalim hrvatskim istarskim časopisima toga vremena namijenjenima odraslim čitateljima u kojima su se donosile uglavnom vijesti iz politike, gospodarstva i ostalih grana ljudske djelatnosti. U hrvatskim istarskim časopisima za djecu naglasak je bio na buđenju svijesti o Istri kao dijelu hrvatskog prostora stihovima, pričama i kratkim igrokazima. U tom smislu, Varjačićeve se pjesme u potpunosti uklapaju u tadašnju uređivačku politiku časopisa. Nažalost, većina promatranih pjesama nema umjetničku vrijednost utoliko što se najčešće radi o deklarativnom izražavanju ljubavi prema istarskom, hrvatskom narodu i Bogu, što je izvan recepcijskih mogućnosti djece i mladih. Promatrane pjesme karakteriziraju motivi znanja i obrazovanja koje Varjačić kao učitelj favorizira. To je također jedan od očekivanih motiva u pjesništvu s početka 20. stoljeća, međutim Varjačić u navedenim pjesmama jasno povezuje motive domoljublja i nacionalnog ponosa s obrazovanjem i prosvjetljenjem koje oni u sebi nose.

Među promatranim pjesmama ističe se ona naslova *Dva svadljivca* jer u potpunosti odstupa od poetike koju Varjačić primjenjuje u ostalim priložima. U pjesmi je prikazan izvorni dječji duh koji nema potrebe da se korigira poukama i uputama. Međutim, ne može se reći da je pjesma u potpunosti bez pedagoških tendencija budući da Varjačić u nju uvodi motiv slikovnice koja se i danas promatra kao pedagoško sredstvo, uz nastojanja da se sagleda i kao dio književnosti s izraženim umjetničkim i estetskim svojstvima. Varjačić u pjesmi naglašava interes koji djeca iskazuju za slikovnicu, ali prepoznaje i činjenicu da djeca imaju relativno kratku mogućnost zadržavanja pažnje i da bi slikovnica mogla vrlo brzo biti uništena. S obzirom na temu pjesme, odabir motiva i njihovu obradu, ona predstavlja i stanovit umjetnički doprinos časopisu.

Zaključak

Prve hrvatske dječje časopise uglavnom su osnivali i izdavali učitelji prepoznavši potrebu da se djeci ponude tekstovi koji će se razlikovati od onih namijenjenih odraslim čitateljima. Časopisi su se činili najprimjerenijim načinom da se što većem broju čitatelja omogući pristup informacijama, ali i ostalim sadržajima, među kojima se najviše ističu literarni tekstovi. Budući da su se dječji časopisi izdavali u različitim društvenim okolnostima, različiti su i razlozi njihova pokretanja. Prvi istarski hrvatski časopisi za djecu i mladež objavljivali

su se uglavnom s ciljem olakšanja pristupa izvornim tekstovima za djecu i mladež prvenstveno samoj djeci, mladima i onima koji se njima bave. Tekstove su pisali urednici i suradnici te u znatnoj mjeri učitelji koji su, prema svojem nahodaњу, birali teme i motive koje su smatrali prikladnima. Stoga je velik broj tekstova objavljenih u Mladom Istranu upravo domoljubnog usmjerenja. U te se tendencije uklopio i Ljudevit Varjačić koji nije svojim životom i radom pripadao istarskom prostoru, ali je poput mnogih učitelja propagirao jedinstvo svih hrvatskih prostora, domoljublje, religioznost i prosvjeđivanje. Varjačićev se angažman u Mladom Istranu u prvom redu odnosio na njegovanje izvanknjiževnih vrijednosti stoga njegove pjesme ne predstavljaju velik umjetnički doprinos časopisu. Izostanak Varjačićeve suradnje u kasnijim istarskim časopisima za djecu i mladež valjalo bi dodatno istražiti, međutim velika je vjerojatnost da je promjena uređivačke politike utjecala i na odabir suradnika, naročito stoga što Varjačić nije svojim djelovanjem regionalno povezan s istarskim prostorom. Odmaknuvši se od domoljubno-prosvjetiteljske tematike, Varjačić može ponuditi i stihove koji predstavljaju doprinos sagledavanju dječjega života na način blizak recepcijskim očekivanjima suvremenog čitatelja. Iako je Ljudevit Varjačić u hrvatskoj književnoj historiografiji u prvom redu prepoznat po svojoj plodnosti, a ne umjetničkim dosezima, neosporno je da je svojim tekstovima pomagao u razvijanju svijesti o važnosti književnog stvaralaštva na hrvatskom jeziku u Istri, kao i spoznaji da djeci treba nuditi književne tekstove od najranijih dana kako bi se odgojilo čitatelje koji će u kasnijoj dobi uživati u tekstovima visoke umjetničke vrijednosti.

Literatura

- Crnković, Milan i Dubravka Težak (2002) *Povijest hrvatske dječje književnosti od početaka do 1955. godine*. Zagreb. Školska knjiga
- Hameršak, Marijana i Dubravka Zima (2015) *Uvod u dječju književnost*. Zagreb. Leykam international d.o.o.
- Hranjec, Stjepan (2006) *Pregled hrvatske dječje književnosti*. Zagreb. Školska knjiga
- Katalinić Jeretov, Rikard (1906) Mladom Istranu. *Mladi Istran* 1 (1), 9.
- Mobica za Družbu (1907) *Mladi Istran*, 2 (2), 57.
- Poziv na pretplatu (1906a) *Mladi Istran* 1 (1), 25.
- Poziv na pretplatu (1906b) *Mladi Istran* 1 (12), 213.
- Riman, Kristina i Helena Pavletić (2019) Poetska, tematske i leksičke značajke uglazbljene dječje poezije 19. stoljeća na primjeru tekstova Ljudevita Varjačića. *Magistra Iadertina* 14 (2), 87-101.
- Skok, Joža (1990a) Uz izbor hrvatskoga dječjeg pjesništva. U: *Sunčeva livada* (ur. Nada Iveljić) Zagreb. Naša djeca, 5-13.
- Skok, Joža (1990b) Antologičareva riječ na kraju ili U potrazi za genezom i identitetom hrvatskoga dječjega pjesništva. U: *Lijet ikara* (ur. Joža Skok). Zagreb. Naša djeca, 271-275.
- Šetić, Nevio (2011) O periodičkom tisku za hrvatsku mladež u Istri početkom XX. stoljeća. *Časopis za suvremenu povijest* 43 (1), 249-263.
- Varjačić, Ljudevit (1906a) Mali Istran. *Mladi Istran* 1 (2), 17.
- Varjačić, Ljudevit (1906b) Spas Istre. *Mladi Istran* 1 (3), 33-34.
- Varjačić, Ljudevit (1906c) Družba i Lega. *Mladi Istran* 1 (3), 38-40.
- Varjačić, Ljudevit (1906d) Proljetna radost. *Mladi Istran* 1 (5), 69.
- Varjačić, Ljudevit (1906e) Mala Cvijeta. *Mladi Istran* 1 (6), 96.
- Varjačić, Ljudevit (1906f) Na Božić. *Mladi Istran* 1 (12), 189.
- Varjačić, Ljudevit (1907) Dva svadljivca. *Mladi Istran* 1 (4), 85.
- Varjačić, Ljudevit (1908) „Družbina“ škola. *Mladi Istran* 3 (1), 16-17.
- Zalar, Diana (2012) Varjačić, Ljudevit. U: *Hrvatska književna enciklopedija*. Sv 4: S-Ž (gl. ur. Velimir Visković). Zagreb. Leksikografski zavod Miroslav Krleža
- Zalar, Ivo (1991) *Pregled hrvatske dječje poezije*. Zagreb: Školska knjiga

Riman K.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
kristina.riman@unipu.hr

Lazarić L.

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
lorena.lazaric@unipu.hr

**Poetic contributions by Ljudevit Varjačić
in the Istrian magazine *Mladi Istran***

At the end of the 19th and beginning of the 20th century, Ljudevit Varjačić was one of the most productive Croatian writers for children and youth. He published many songs in magazines and separate collections, and they were often set to music. He also published several of his poems in the Istrian magazine *Mladi Istran* (1906-1908). Given the regional and patriotic orientation of this magazine, and given the target audience, a large number of published songs are thematically related to Istria, while others are related to topics from the lives of children. By analyzing the poems and their contextualization, it can be concluded that Varjačić rarely deviates from his poetics, in which patriotic, religious and pedagogical themes predominate. As a poet of the older generation of Croatian children's writers, his work fits into the dominant thematic structure of the magazine in which his poems were published. The poems included in the magazine meet the reception expectations of implicit readers. Viewed from a contemporary perspective, the poems provide an insight into the social and cultural trends of the early 20th century in Istria, as well as the expectations that the cultural public had of a literary magazine intended for Istrian children and youth.

Keywords: Ljudevit Varjačić, *Mladi Istran*, poetry for children, patriotism

Оригинальная научная статья/ Original scientific paper /Izvorni znanstveni rad
UDK 811.161.1:<316.772.2:616.2-036.21”2019/...”

Зиновьева Татьяна Ивановна

Московский городской педагогический университет, Россия
zti_111@mail.ru

Развитие речевой деятельности обучающихся в условиях цифровизации образования

Статья посвящена проблеме развития речевой деятельности обучающихся в условиях цифровизации образования. Опыт дистанционного обучения русскому языку в период пандемии 2020 года позволяет автору констатировать, что младшие школьники не владеют необходимым комплексом умений речевой деятельности, поэтому избегают общения в дистанционном режиме. Решение проблемы представлено в контексте идей аксиологической лингвометодики – методической теории формирования у обучающихся взгляда на русский язык, русскую речь как на национально-культурный феномен.

Ключевые слова: цифровизация образования, развивающая речевая среда, речевая деятельность, аксиологическая лингвометодика, принцип ориентации на идеал, методическая система обучения

Современный мировой социум вступил в эпоху цифровизации, преобразования всех сфер жизнедеятельности на основе внедрения цифровых ресурсов и технологий.

Цифровизация системы российского образования ориентирована на достижение целей формирования у обучающихся комплекса ключевых компетенций «для будущего», коими являются навыки коммуникации и кооперации, поведения в цифровой среде, критическое мышление (Zinovyeva 2020). Таким образом, цифровизация образования приобретает статус важного фактора овладения обучающимися ключевыми компетенциями «для будущего», прежде всего, коммуникативной компетенцией.

Значительное ускорение процессов цифровизации образования в период пандемии 2020–2021 годов обусловило изменения в организации образовательного процесса, как следствие, выявило коммуникативно-речевые проблемы: во-первых, произошел повсеместный перевод учебного процесса в образовательных учреждениях в цифровой формат, в режим дистанционного обучения; во-вторых, возросла значимость коммуникативно-речевого взаимодействия субъектов дистанционного образовательного процесса (учителя, учеников), осуществляемого посредством интернет-технологий; в-третьих, стали очевидными проблемы общения в дистанционном режиме – учителя не в полной мере осознают собственную роль коммуникативного лидера в ситуации колоссального дефицита общения со сверстниками у младших школьников; наконец, кардинально изменилась речевая среда образовательного процесса.

Термин «развивающая речевая среда» предложен в середине прошлого века методистом Л.П. Федоренко для обозначения среды, позитивно влияющей на развитие речи детей (Федоренко 1984). По нашему мнению, в настоящее время в речевой среде образовательного процесса начальной школы под воздействием фактора цифровизации имеют место значительные изменения. Во-первых, изменилась речевая деятельность (слушание, говорение, чтение, письмо) субъектов образовательного процесса, она осуществляется в дистанционном режиме в аспекте преобладания устно-речевой деятельности и одновременном сокращении невербальной коммуникации, столь значимой в общении детей младшего школьного возраста, мышление и восприятие которых имеют наглядно-образный характер. Во-вторых, имеет место расширение воздействия языка современных средств массовой информации (СМИ), прежде всего, интернета, телевидения, неконтролируемое восприятие программ которых (школьники нередко весь день проводят дома без взрослых) зачастую оказывает негативное влияние на речь обучающихся, поскольку

язык современных СМИ нередко характеризуется сниженной лексикой, нарушением произносительных норм, правил речевого этикета и др. В-третьих, тексты цифровых образовательных ресурсов, используемых в дистанционном образовательном процессе, нуждаются в усилении их практической направленности на формирование способности школьников учиться самостоятельно, успешно решать возникающие в повседневной практике общения коммуникативно-речевые задачи. В-четвертых, учителя констатируют заметное снижение уровня позитивного отношения детей к правильной речи как показателям культуры человека.

Названные изменения речевой среды образовательного процесса, происходящие под влиянием фактора его цифровизации, сопровождаются также действием фактора языкового и культурного многообразия, свойственного контингенту образовательного учреждения мегаполиса. По причине активизации миграционных процессов ученический состав школы (в большей степени начальной ее ступени) приобретает все более выраженный «мозаичный» характер, поскольку нередко на четверть составлен языками, культурой обучающихся, для которых русский язык не является родным.

Сказанное о речевой среде цифрового образовательного процесса актуализирует проблему изучения сложившихся в условиях дистанционного обучения представлений и умений младших школьников в области речевой деятельности, дистантного общения.

Эмпирическое исследование позволяет констатировать их несовершенство (неточность, фрагментарность). Так, в области слушания как вида речевой деятельности младшие школьники имеют следующие представления: считают, что человек слушает речь для получения новых знаний (отражена лишь познавательная функция слушания); утверждают, что умеют слушать собеседников (наблюдения опровергают это утверждение); называют внешние помехи слушания (шум, посторонние разговоры), но не осознают внутренние барьеры (например, собственная невнимательность). В области говорения как вида речевой деятельности представления школьников таковы: утверждают, что им нравится говорить (наблюдения подтверждают сказанное в части неформального общения вне образовательного процесса); признают наличие в собственной говоримой речи многочисленных ошибок; указывают лишь внешние причины собственных ошибок говорения; осознают необходимость подготовки к высказыванию; утверждают, что готовятся к высказыванию посредством способа «говорю в голове» (сказанное справедливо лишь в части намерений); осознают средства выразительности говоримой речи

(пауза, выделение голосом важных по смыслу слов); утверждают, что делают паузы в процессе говорения, выделяют голосом важные слова (наблюдения опровергают это утверждение). Представления обучающихся в области риторического идеала (язык предмета – образец речи) в аспекте слушания и говорения таковы: считают лучшим своим слушателем близкого родственника (выслушивает, не перебивает); убеждены, что образцовое говорение предъявляет только учитель; называют до десяти правил культурного слушания и говорения, утверждают, что эти правила соблюдают (наблюдения опровергают сказанное) (Зиновьева 2021).

Во-вторых, результаты наблюдения, выполнения коммуникативных заданий позволяют констатировать несформированность у обучающихся ряда умений коммуникативно-речевой деятельности: умений слушания как базового вида речевой деятельности (осмысливать услышанную информацию, соблюдать правила культурного слушания и др.); умений говорения (в наличии ошибки порождения речи, недостатки произносительной культуры и др.); умений владения диалогом (пассивная позиция в диалоге, неумение начать диалог и удерживать его тему, неумение формулировать вопросы, бедность синтаксического строя речи); умений соблюдения норм и правил речевого этикета (отсутствие обязательных форм этикета, использование неуместных единиц речевого этикета без учета ситуации общения, ограниченность запаса единиц речевого этикета востребованных тематических групп) и др. (Зиновьева 2021: 39).

Особенности письменного дистантного общения, проявившиеся именно под влиянием полноформатного цифрового характера учебного процесса, таковы: рост востребованности жанра делового СМС-сообщения; развитие компетенций обучающихся в области СМС-переписки как результат расширения практики письменного дистантного общения, осуществляемого в режиме педагогического контроля; обращение школьников к СМС-коммуникации на основе осознания необходимости решения собственно учебных задач; совершенствование отдельных языковых особенностей текстов СМС-сообщений младших школьников как следствие расширения их коммуникативной практики письменного дистантного общения, повышения уровня доступности СМС-коммуникации по причине его обязательности в условиях дистанционного обучения (Зиновьева 2021: 40).

Выявленный уровень сформированности представлений и умений современных младших школьников в области речевой деятельности, протекающей в условиях цифровой речевой среды дистанционного обучения, предстает как недостаточный, что мы связываем с особенностями

речевой среды цифрового образовательного процесса. Очевидна необходимость принятия мер в направлении гармонизации цифровой речевой среды, повышения ее развивающего потенциала, что окажет позитивное воздействие на процессы речевого развития и языкового образования младших школьников.

Эффективной мерой изменения сложившегося положения является разработка и внедрение методической системы обучения речевой деятельности в условиях цифровой речевой среды как упорядоченной совокупности ее взаимосвязанных элементов (цель, содержательно-смысловое ядро системы, модель реализации методической системы, программа обучения, ведущие приемы, средства обучения), представляющих определенную целостность, в общем виде характеризующих образовательный процесс в исследуемой области (Зиновьева 2020: 28).

Представим собственное видение методической системы развития речевой деятельности младших школьников в условиях дистанционного обучения.

Решение проблемы разработки методической системы мы видим в контексте методической теории, разработанной А.Д. Дейкиной – теории аксиологической лингвометодики. Сущность теории состоит в обосновании идеи формирования у обучающихся взгляда на русский язык, русскую речь, русскую культуру как на национально-культурный феномен. Целесообразность выбора аксиологической лингвометодики в статусе научной основы методической системы развития речевой деятельности обучающихся объясняется высоким потенциалом аксиологической идеи в определении сущности современных смыслов в отношении к учебному процессу, в формировании у школьников ценностного взгляда на русский язык (Дейкина 2019).

Содержательно-смысловое ядро методической системы составляют такие идеи.

1. Идея развития речевой деятельности обучающихся начальной школы, повышения их коммуникативной компетентности связана с первоначальными представлениями о риторическом идеале.
2. Первоначальные представления о риторическом идеале у обучающихся начальной школы складываются с учетом их возрастных особенностей, базируются на принятой в лингвориторике трактовке данного понятия. Вслед за А.К. Михальской, риторический идеал трактуем как совокупность качеств совершенной (образцовой) речи (высказывания), эталон

ответственного речевого поведения, которому необходимо следовать, который в основных чертах соответствуют устоявшимся в социуме представлениям о гармонии, о прекрасном (Михальская 2002).

3. Оптимальной моделью реализации идеи развития речевой деятельности обучающихся с опорой на риторический идеал становится внедрение следующего алгоритма: от наблюдения речевых образцов – через анализ речевых образцов – к первоначальным представлениям о риторическом идеале.
4. 4В качестве речевых образцов в работе по формированию первоначальных представлений о риторическом идеале используются, во-первых, звуковой образец речи как аудиовизуальное дидактическое средство, во-вторых, – образцовый художественный текст (его фрагмент).
5. Основными методическими приемами становления и развития первоначальных представлений о риторическом идеале в работе развитию речевой деятельности обучающихся начальной школы являются: прием всестороннего (в аспекте содержания и языковых средств) анализа речевых образцов; прием создания и анализа реальных и специально созданных речевых ситуаций как рамки предъявления эталонов речи.
6. Условием становления у обучающихся первоначальных представлений о риторическом идеале становится их собственная речевая деятельность, протекающая в русле процессов восприятия и анализа речевых (чаще звуковых) образцов, а также – процессов продуцирования и последующего анализа собственных высказываний, составленных с опорой на речевой опыт восприятия и анализа эталонов речи, на осознание особенностей реальной или специально созданной речевой ситуации.
7. Сложившиеся первоначальные представления обучающихся о риторическом идеале имеют статус и выполняют функцию ориентира, обеспечивающего соблюдение норм речевого поведения в процессе восприятия и продуцирования речи.
8. Миссия предъявления эталонов речевой деятельности (образцов слушания, говорения, чтения, письма) принадлежит педагогу, чья коммуникативная компетентность становится условием и важнейшим средством повышения развивающего потенциала речевой среды цифрового образовательного процесса.

Программа обучения речевой деятельности, дистантному общению включает две основные содержательные линии, каждая из которых имеет несколько разделов. Представим их кратко. Содержательной линией «Устное дистантное общение» предусмотрено овладение комплексом понятий и умений в области слушания и говорения как видов речевой деятельности, что отражено в разделах: «Устное дистантное общение», «Средства устного дистантного общения», «Дистантный диалог. Дистантный монолог», «Слушание. Идеальный слушатель», «Говорение. Образцовое говорение». Особое внимание уделяется жанру диалога по телефону, а также общению в режиме видеоконференции. Содержательной линией «Письменное дистантное общение» предусмотрено овладение совокупностью понятий и умений в области письма и чтения как видов речевой деятельности, востребованных в рамках дистантного общения. Особое внимание отводится следующим жанрам письменного дистантного общения: СМС-сообщение, СМС-переписка, электронное письмо.

Реализация методической системы, предусматривающей развитие речевой деятельности младших школьников, обучение их устному и письменному дистантному общению с опорой на принцип ориентации на риторический идеал, позволит повысить эффективность коммуникативного взаимодействия участников образовательного процесса в условиях его цифровизации.

Литература

- Зиновьева, Т.И.* Коммуникативное взаимодействие в условиях дистанционного обучения / Т.И. Зиновьева, Т.И. Гонорская, О.П. Ступенко // Начальная школа. – 2021. – № 1. – С. 38-42.
- Зиновьева, Т.И.* Методическая система развития речевой деятельности на основе принципа ориентации на риторический идеал / Т.И. Зиновьева // Начальная школа. – 2020. – № 9. – С. 27-31.
- Дейкина, А.Д.* Аксиологическая методика преподавания русского языка / А.Д. Дейкина. – М.: МПГУ, 2019. – 210 с.
- Михальская, А.К.* Основы риторики / А.К. Михальская. – М.: Дрофа, 2002. – 496 с.
- Федоренко, Л.П.* Закономерности усвоения родной речи / Л.П. Федоренко. – М.: Просвещение, 1984. – 159 с.
- T. Zinovyeva, Zh. Afanasyeva, A. Bogdanova, E. Leonovich.* Study of the teachers readiness condition to implement the idea of managing the personal trajectory of professional development within the framework of digitalization of education. Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks: International scientific and practical conference, 79, Moscow (2020), 10.1051/shsconf/20207901020.

Zinovieva T. I.

Moscow city pedagogical university, Russia
zti_111@mail.ru

The development of the speech activity of students in the conditions of the digitalization of education

This article focuses on the problem of the development of the speech activity of students in the conditions of the digitalization of education. The experience of Russian distance learning during the 2020 pandemic allows the author to state that younger students do not possess the necessary complex of speech skills, so they avoid communicating remotely. The Russian language is presented in the context of the ideas of axiological linguometodics – a methodological theory of the formation of students' views of the Russian language and Russian speech as a national-cultural phenomenon.

Keywords: digitalization of education, developing speech environment, speech activity, axiological linguometodics, the principle of orientation to the ideal, methodological system of training

Практическая статья/ Professional paper/Stručni rad
UDK 811.161.1'36:37.091.3

Кошурникова Татьяна Владиславовна

Кировское областное государственное образовательное автономное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт развития образования Кировской области», Россия
tkoshurnikova@mail.ru

Методика изучения грамматики в школьном курсе средствами УМК по русскому языку под редакцией А.Д. Шмелёва с целью формирования языковедческой компетенции обучающихся

В статье представлен опыт работы по преподаванию грамматики в школьном курсе средствами УМК под редакцией А.Д. Шмелева с целью формирования языковедческой компетенции обучающихся. Автор статьи выделяет три этапа в работе над грамматическим материалом: этап введения материала (объяснение, правило-инструкция), этап автоматизации навыков, этап формирования коммуникативно-речевых умений. На этапе введения материала имеет большое значение создание ориентировочной основы для формирования грамматических навыков. Анализируется готовый материал (языковой разбор, составление схем). На этапе автоматизации навыков обучающимся предлагается серия подготовительных упражнений, которые формируют навыки употребления той или иной грамматической формы в

речи и имеют коммуникативную задачу, но заданную форму высказывания. Среди подготовительных упражнений выделяются упражнения, предусматривающие тренировку путем повторения звуков и звукосочетаний, речевых и языковых образцов, подстановочные, трансформационные и репродуктивные. На этапе формирования коммуникативно-речевых умений обучающиеся выполняют речевые упражнения, которые развивают речевые умения, имеют коммуникативную задачу. Предлагается создание высказывания (сочинение с грамматическим заданием). УМК под редакцией А.Д. Шмелева – это современная дидактическая система, которая отличается необычным подходом в методике преподавания русского языка; задания высокого уровня сложности способствуют развитию критического мышления, формируют языковедческую, коммуникативную компетенции обучающихся.

Ключевые слова: грамматические задания, модульный принцип, виды речевой деятельности, языковедческая, коммуникативная компетенции

Успешное обучение предмету «Русский язык» в современной школе в условиях реализации ФГОС ООО складывается из многих условий. Одним из основных является правильный выбор учебника.

УМК «Русский язык» под редакцией А.Д. Шмелева (Русский язык: 5-9 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2ч. /А.Д. Шмелев, Э.А. Флоренская, Ф.Е. Габович, Л.О. Савчук, Е.Я. Шмелева/; под редакцией А.Д. Шмелева. – М.: Российский учебник) строится по модульному принципу, что позволяет учителю представить язык как целостную систему, единицы которой взаимосвязаны. Под модулем в данном случае понимается логически завершённая часть учебного материала, в которой объединены учебное содержание, соответствующие ему учебные действия, направленные на комплексное достижение метапредметных и предметных целей обучения. Расположение учебного материала способствует освоению языка как знаковой системы, состоящей из единиц разного уровня. Разделы языка начинаются с фонетики, изучающей минимальную единицу языка – фонему, и заканчиваются изучением синтаксиса и пунктуации, предметом которых является предложение и текст. Таким образом, обучающиеся учатся видеть взаимосвязь и взаимообусловленность всех единиц языка. Каждая из глав включает шесть повторяющихся разделов: «О языке и речи», «Система языка», «Правописание», «Текст», «Язык и культура. Культура речи», «Повторение». Они отражают три основные содержательные линии программы: коммуникативную, языковедческую и культуроведческую компетенции.

УМК по русскому языку под редакцией доктора филологических наук А. Д. Шмелева отнесен к учебникам нового формата. Учебник отражает авторский подход к структурированию учебного материала, определению последовательности его изучения. Как было сказано выше, особенностью УМК под редакцией А.Д. Шмелева является построение учебного материала по модульному принципу. Каждый блок учебного материала сопровождается контролем достигнутых результатов.

Грамматика занимает центральное место в школьном курсе, состоит из двух взаимосвязанных частей: морфологии и синтаксиса. В классической методике раскрыты следующие принципы изучения грамматики в школе:

1. Каждое языковое явление должно рассматриваться с точки зрения формы (структуры, строения) и значения (содержания).
2. При изучении грамматики необходимо показать функцию языкового явления в языке и речи.

3. Должна проводиться систематическая работа по развитию речи обучающихся:
 - а) Обогащение словарного запаса и грамматического строя речи учащихся.
 - б) Обучение грамматическим нормам русского литературного языка.
 - в) Обучение использованию изучаемых грамматических единиц в собственной речи с учетом цели и ситуации общения.
4. Необходимо показать внутриуровневые связи между изучением морфологии и синтаксиса:
 - при изучении морфологии рассматриваются синтаксические единицы языка. Например, имя существительное как часть речи (общее значение, морфологические признаки, синтаксическая роль), имя существительное в роли обращения.
 - при изучении синтаксиса рассматриваются морфологические единицы языка.

В работе над грамматическим материалом выделяется три этапа:

1. введение материала (объяснение, правило-инструкция),
2. этап автоматизации навыков,
3. этап формирования коммуникативно-речевых умений.

На этапе введения материала имеет большое значение создание ориентировочной основы для формирования грамматических навыков. Анализируется готовый материал (языковой разбор, составление схем). Например, при изучении темы «Гласные в суффиксах действительных причастий настоящего времени» в 6 классе авторы предлагают выполнить упражнение, озаглавить текст, определить стиль текста, списать текст, расставить знаки препинания.

На этапе автоматизации навыков обучающимся предлагается серия подготовительных упражнений, которые формируют навыки употребления той или иной грамматической формы в речи и имеют коммуникативную задачу, но заданную форму высказывания. Среди подготовительных упражнений выделяются упражнения, предусматривающие тренировку путем повторения звуков и звукосочетаний, речевых и языковых образцов, подстановочные, трансформационные и репродуктивные. Авторы учебника предлагают следующие задания: построение различных

единиц языка по опорным и предложенным моделям, схемам, работа по синонимической замене данных языковых фактов, редактирование, изложение с грамматическим заданием типа «замените прилагательное, образованное от глагола, однокоренными причастиями» или «составьте по данным схемам предложения, расставляя знаки препинания».

На этапе формирования коммуникативно-речевых умений учащиеся выполняют речевые упражнения, которые развивают речевые умения, имеют коммуникативную задачу. Авторы предлагают создание высказывания (сочинение с грамматическим заданием). Например, после изучения наречий в 8 классе предлагается следующее предложение: «составьте небольшой текст на одну из тем, используя наречия для связи».

Морфологические упражнения закрепляют знания, полученные обучающимися по морфологии, и служат основой формирования как орфографических, так и пунктуационных умений и навыков. С этой целью используются следующие упражнения:

- морфологический анализ;
- полный или частичный морфологический разбор слова;
- формообразование слов, постановка слова в указанной форме;
 - конструирование словосочетаний и предложений с определенной частью речи;
- нахождение части речи в предложении, в тексте;
- словообразование частей речи;
- опознание части речи, того или иного разряда этой части речи;
 - подбор слов той или иной части речи, того или иного разряда части речи;
- группировка слов по частям речи, их разрядам;
- составление парадигмы слова;
 - разграничение омонимичных слов, относящихся к разным частям речи;
 - составление таблиц и заполнение готовых таблиц данными примерами;
- наблюдения за текстообразующей функцией частей речи;
 - наблюдения за функционированием частей речи в текстах разных стилей;

- наблюдения за синтаксическими взаимосвязями между частями речи в структуре предложения.

Рассмотрим содержание темы «Имя существительное как часть речи» в 5 классе.

1. Имя существительное как часть речи.
2. Разряды имен существительных по значению.
3. Одушевленные и неодушевленные существительные.
4. Род имен существительных.
5. Род несклоняемых существительных.
6. Склонение имен существительных.
7. Число - непостоянный признак имен существительных.
8. Падеж – непостоянный признак имен существительных.
9. Морфологический разбор имени существительного.
10. Правописание. Прописная буква в именах собственных.
11. Мягкий знак после шипящих на конце имен существительных.
12. Правописание падежных окончаний имен существительных.
13. Гласные в суффиксах имен существительных -ек- и -ик.
14. Гласные о и е после шипящих и ц в суффиксах и окончаниях имен существительных.
15. Правописание существительных с суффиксом -чик- и-щик.
16. Слитное и раздельное написание не с существительными.

Мы видим, что для изучения темы «Имя существительное» в учебнике

А. Д. Шмелева дано большое количество материала за счет дополнительных тем по правописанию и по морфологическому разбору имени существительного.

При изучении темы «Род имен существительных» в учебнике А.Д. Шмелева для работы дано семь упражнений практического характера. Проанализируем их.

1. Упр.34. *Слушайте словосочетания и записывайте в соответствующий столбик только существительные в начальной форме. Обозначьте в словах окончание* (даны слова бандероль, картофель, полотенце и др.) Первые 2 слова у ребят вызвали затруднение.

2. Упр.36. *Придумайте имена для ребят на рисунках и дайте им характеристики, составив к каждому рисунку по 3-4 предложения со словами общего рода.* (на рисунках изображены девочка, моющая посуду, и мальчик, строящий кормушку для птиц). Только сильные обучающиеся смогли составить 1-2 предложения со словами общего рода, слабым обучающимся нужна была помощь.

3. Упр.37 *Образуйте от данных суц-ых муж. рода суц. жен. рода суффиксальным способом (даны суф. -иц, -ниц-, -есс-, -ис-, -ш- и существительные учитель, певец, крановщик, поэт, принц, директор, актер, генерал, доктор, бегун, стюард, игумен), с заданием обучающиеся справились только тогда, когда прозвучало объяснение значения 2-х последних слов и была дана информация о других суффиксах, необходимых для образования нужных форм.*

4. Упр.40. *Из текста выписать существительные в начальной форме, группируя их по разным основаниям: по разряду, по одушевленности/неодушевленности, по роду.* С этим заданием обучающиеся справились хорошо, но выписали не все существительные.

В данном УМК новая информация дается следующим образом: материал для наблюдений, вопросы и задания для учащихся к этому материалу и вывод в виде определений и правил. Следует иметь в виду, что при этом доля самостоятельности действий учащихся постепенно увеличивается. А перед учителем стоит задача сделать работу по анализу материала для наблюдений более разнообразной. Упражнения УМК ориентированы и на развитие познавательной активности учащихся, на формирование опыта творческой деятельности. С этой целью используются упражнения продуктивного характера, частично поисковые задания, в основе которых лежит умение применять полученные знания в новой ситуации, самостоятельно анализировать факты языка, делать выводы и обобщения.

Задания к упражнениям, как правило, формулируются комплексно: в первую очередь дается задание, непосредственно связанное с изучаемым материалом, которое дополняется заданиями на повторение ранее пройденного и закрепление тех или иных навыков. Это позволяет обеспечить регулярность повторения и продиагностировать степень ослабления сформированных умений. Материалы учебника позволяют дифференцировать задания для различных групп школьников с учетом их индивидуальных возможностей и интересов, но, к сожалению, прослеживается явно недостаточное количество упражнений для отработки полученных знаний, мало заданий также и для правописания.

Итак, способ подачи теоретического материала нацеливает на самостоятельный поиск ответов на порой достаточно сложные вопросы, побуждают обратиться к истории языка, способствуют развитию интеллектуальных и творческих способностей. Хорошие возможности открывают учебники и для развития логического мышления обучающихся, формируя доступные в каждом определённом возрасте навыки лингвистического анализа.

Если же говорить о системе практических упражнений по закреплению теоретических знаний и выработке орфографических и пунктуационных навыков, то хотелось бы видеть больше заданий для контроля.

Особенностью учебника можно справедливо считать наличие аудиоприложения, включающего материалы к разным типам заданий и демонстрирующего обучающимся образцовую речь. К каждому аудиофайлу продумана система заданий. Некоторые из них относятся к заданиям языкового характера. Например, упр. 48. Слушайте историю из книги Э.А. Варганыяна «Путешествие в слово» и записывайте в таблицу глаголы в зависимости от их формы. Минусом данного задания является то, что на выполнение этой работы отводится около двух минут – для пятиклассников, делающих записи медленно, эта работа дается с трудом. Другие задания напрямую связаны с работой над содержательными элементами и являются творческими по своей сути и направленности (упр. 87 «Вы прослушаете историю о знаменитом древнегреческом баснописце Эзопе. Заполните таблицу в соответствии с содержанием текста. Используйте данные слова и словосочетания» Далее предлагается список слов и словосочетаний и две пустые колонки таблицы: «Язык – самое лучшее, что есть на свете», «Язык – самое худшее, что есть на свете»). Минусы те же: ограниченное время, сложные для понимания и написания слова.

В приложении учебника размещены инструкции-памятки, что помогает сформировать навыки самостоятельной учебной деятельности. В тренировочных упражнениях предусмотрены базовые задания и задания повышенного и продвинутого уровней, лингвистические задачи, игровые задания, это помогает строить работу как с сильными, так со слабыми обучающимися. Учебник не позволяет забыть пройденный ранее материал. Изучив однажды какую-либо тему, мы возвращаемся к ней на разных этапах; в рубрике «Пиши грамотно» собраны слова на трудные орфограммы. К каждому упражнению продуманы грамматические задания.

Таким образом, УМК под редакцией А.Д. Шмелева открывает возможность широкой ориентации обучающихся, их познавательной

активности, интереса к самому образовательному процессу. За счет соответствующей подборки текстов прослеживаются связи изучения русского языка с языкознанием, литературой (литературные тексты русских и зарубежных писателей), МХК, физической культурой, правилами дорожного движения, естествознания. Есть задания, которые отражают жизненный опыт обучающихся. Справочные материалы обоснованно включены в систему данного учебно-методического комплекта.

Основные предложения по доработке УМК под редакцией А.Д. Шмелева (5-9 классы) :

- Добавить упражнения для формирования практической грамотности обучающихся для работы в разделах «Правописание».
- В теоретической части выделять конкретные определения и понятия.
- В приложении к учебнику составить и разместить школьный этимологический словарь, что поможет обучающимся наблюдать процессы развития языка в движении; историю языка.
- На форзаце учебника или приложения разместить виды орфограмм и пунктограмм, изучаемых в данном классе.
- Нецелесообразным кажется начинать каждый новый раздел с первого упражнения, это приводит к путанице в нахождении номера упражнения. Следует провести нумерацию упражнений с первой части до последней как единую.

Если подводить итоги работы по данному учебнику в течение нескольких лет, то можно утверждать, что УМК под редакцией А.Д. Шмелева – это современная дидактическая система, которая отличается необычным подходом в методике преподавания русского языка; задания высокого уровня сложности способствуют развитию критического мышления, формируют языковедческую, коммуникативную компетенции обучающихся.

Литература

Русский язык: 5 класс, 6 класс: учебник для учащихся общеобразовательной организации: в 2 ч. под ред. А.Д. Шмелева. – М.: Вентана-Граф, 2016.

Русский язык: 7 класс: учебник для учащихся общеобразовательной организации: в 2 ч. под ред. А.Д. Шмелева. – М.: Вентана-Граф, 2017.

Савчук Л.О., Донскова О.В. Русский язык. Проектирование учебного курса. Органайзер для учителя 5 класс. Методическое пособие. – М. Вентана-Граф, 2016.

Савчук Л.О. Русский язык 5-9 кл. Программа. – М. Российский учебник, 2017.

Koshurnikova Tatiana Vladislavovna

Kirov regional state educational autonomous institution of additional professional education “Institute for the Development of Education of the Kirov Region”, Russia
tkoshurnikova@mail.ru

Methods of grammar teaching in a school course by means of the UMK edited by A.D. Shmelev, with the aim of forming the linguistic competence of students

This article presents the experience of teaching grammar by UMK means, edited by A.D. Shmelev for the purpose of the formation of students' language competence. The author identifies three stages in the work on grammatical material: the stage of introducing the material (explanation, rule-instruction), the stage of the automation of skills, the stage of formation of communicative and speech skills. At the stage of introducing the material, it is very important to create an indicative basis for the formation of grammar skills. The finished material is then analyzed (language analysis, charting). At the stage of skill-automation, students are offered a series of preparatory exercises that form the skills of using one or another grammatical form in speech and have a communication task, but a given form of expression. Among preparatory exercises, exercises that provide training by repeating sounds and sound combinations, speech and language patterns, substitution, transformational and reproductive abilities are distinguished. At the stage of the formation of communication and speech skills, students perform speech exercises that develop speech skills and have a communicative task. The authors propose the creation of a statement (composition with a grammar assignment). A.D. Shmelev's system is a modern didactic system, distinguished by an unusual approach to the methodology of teaching the Russian language; tasks of a high level of complexity contribute to the development of critical thinking, and the form linguistic and communicative competences of the students.

Keywords: grammar tasks, modular principle, the kinds of speech activity, language, communicative competence

Обзорная статья/ Review/Pregledni rad
UDK 811.161.1'232:378.4>(47+57)

Малева Елена Сергеевна

Венский университет прикладных наук, БФИ, Австрия
elena.maleeva@fh-vie.ac.at

Шарфави Эмилия

Университет им. Я. А. Коменского, Словакия
emilia.charfaoui@fm.uniba.sk

Из опыта преподавания русского языка как иностранного студентам из стран бывшего Советского Союза

В статье рассматриваются проблемы преподавания русского языка как родного и иностранного студентам из бывших стран Советского Союза, описывается опыт работы в разноуровневой аудитории в Австрии и Словакии, предлагается система заданий по чтению, лексике и грамматике, письму для студентов избранной группы.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как родного и иностранного, текст, лексика, грамматика

В последнее время в высших учебных заведениях Европы представлен широкий выбор для изучения иностранных языков. При этом, к сожалению, по разным причинам сокращается количество часов, и всё чаще встречаются группы с разным уровнем подготовки студентов (см.: Зайцева, Малеева 2014; Малеева 2016). Особого внимания преподавателя требуют обучающиеся из стран бывшего Советского Союза. Так, на факультете менеджмента университета имени Я.А. Коменского в настоящее время обучаются студенты из 9 республик бывшего Советского Союза (Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, РСФСР, Таджикистан, Украина). Как правило, это студенты, которые изучали русский язык в школе как родной или второй иностранный, имеют достаточный активный и пассивный запас лексики, неплохо читают, легко справляются с аудированием, однако имеют проблемы с грамматикой и орфографией и, как следствие, делают много ошибок при письме. Русский языкони выбирают среди предлагаемых факультативных языков (испанский, китайский, немецкий, русский, французский, японский). В группах со словацкими студентами интересными являются совместные групповые презентации (например, презентация Вашей будущей фирмы, которую Вы представляете на выставке или в средствах массовой информации). Каждая презентация готовится в тандеме на двух языках: словацкие студенты изучают новую лексику на русском языке, а русскоговорящие – закрепляют знания по словацкому языку с помощью словацкого партнёра. Такими могут быть презентации на темы: косметика AthenaCozmetic, кофейня «Nekefir-kafe», кондитерская «Leduree», Tesla SolarCity и др. Особый интерес у русскоговорящих студентов вызвала презентация «Liptov» о компании «Liptovská mliekareň», расположенной в регионе Орава в Словакии и производящей различные сорта молочных продуктов. Названная презентация включала информацию об истории фирмы, ассортименте производимых продуктов питания, характеристику бренда. В связи с тем, что эта компания мало известна зарубежным покупателям, информация о ней заинтересовала студентов, так как содержала не только бизнес-информацию, но и расширяла лингвострановедческие знания о Словакии, что, безусловно, важно для иностранных студентов.

В течение семестра студенты должны составить свой словарь и добавлять по мере изучения новые слова по темам в рамках занятий по русскому языку делового общения. Образцом словарной статьи могут являться данные словаря профессионального лексического минимума из менеджерской и экономической практики, составленного на материале словацкого, немецкого и русского языков и включающего разделы:

«Персональный менеджмент», «Финансовый менеджмент», «Маркетинг», «Информационные системы», «Стратегический менеджмент и предпринимательство», «Деловая корреспонденция». Как показало наше исследование, в этих разделах преобладают имена существительные (Charfaoui, Vilčeková 2008). Кроме того, в словарь входит общая лексика, в составе которой зафиксированы и другие части речи по экономической проблематике (Charfaoui 2014). В ходе такой работы русскоговорящие студенты могут расширить словарный запас бизнес-лексики по словацкому языку, что является для них жизненной необходимостью, так как все занятия ведутся для них на словацком языке. Для этих студентов актуальными представляются задания, включающие перевод фрагментов деловых текстов с русского на словацкий язык, выполнение которых связано с определёнными трудностями при семантизации обиходно-бытовой лексики общего владения (Opalková 2013, 2016).

Живой интерес у студентов вызвала работа с последним изданием учебника «Реалии русскоговорящих стран и Словакии» (Koreňková T.V. et al. 2020), так как он содержит не только подробную информацию о географии, политических системах, системах образования, финансовых и банковских системах, исторические сведения, повествует о процессах, происходящих в современном мире, но и даёт импульс к творческим заданиям, благодаря которым студенты могут выразить своё мнение по рассматриваемым проблемам. Каждая тема включает предтекстовые и послетекстовые задания, целью которых является вызвать дискуссию и тренировать диалогическую речь. Русскоговорящие студенты творчески выполнили упражнения, тематически связанные с характеристикой процессов, происходящих в современной Словакии, а именно проанализировали тексты о плюсах и минусах вступления Словакии в Евросоюз, сделали обзор статей о Словакии из СМИ русскоговорящих стран, охарактеризовали темы, интересующие бизнесменов, отметили, насколько изученные материалы достоверно отражают реалии словацкой экономики. Кроме того, для расширения словарного запаса важной представляется работа с изучением пословиц, фразеологизмов, афоризмов, терминосистемы по экономической проблематике. Однако эта тема требует отдельного рассмотрения.

В Венском университете прикладных наук VFI русский язык является вторым иностранным языком, который преподаётся наряду с испанским и французским языками. Студентам, будущим специалистам в области европейской экономики, менеджмента и логистики, достигшим определённого уровня владения иностранным языком, предлагается вместо

внутреннего экзамена сдать государственный сертификационный экзамен и получить диплом соответствующего уровня владения языком. Учебная программа в связи с этим базируется на требованиях Общеввропейского языкового портфеля и ориентируется на овладение умениями и навыками, необходимыми для сертификационных экзаменов, разработанных и проводимых коллегами из Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.

В аудитории, как правило, встречаются разнородные группы со студентами разных национальностей и с разным уровнем владения языком. Среди обучающихся из стран бывшего Советского Союза преобладают обучающиеся из Грузии, Казахстана, Киргизии, Украины. Многолетний опыт работы с таким контингентом показал, что они не только активно участвуют в аудиторной работе с базовым учебником, но и охотно откликаются на задания, представленные в электронном формате.

Базовым комплексом в университете прикладных наук ВFI в Вене является разработанный Т. Блум и Е. Гореловой учебно-методический комплекс «Путь к успеху», который успешно используется при обучении русскому языку на начальном этапе и продвинутых уровнях (Блум, Горелова 2017). Для внеаудиторной и самостоятельной работы по закреплению материала и подготовке к сертификационному тестированию по русскому языку делового общения на уровень B1 студентам предлагается электронный тестовый практикум «Fit for Business Russian B1», разработка которого получила финансовую поддержку объединения «Forum neue Medien in der Lehre Austria». В ходе проекта его авторы, преподаватели РКИ университета прикладных наук ВFI города Вены (Тамара Блум, Елена Горелова, Елена Малеева, Татьяна Рязанцева) и Университета им. Йоханнеса Кеплера города Линца (Елена Сапрыкина), последовательно решали следующие задачи: был отобран содержательный компонент (определение круга тем, уточнение ситуаций, выбор речевых действий, интенций и вербального плана их выражения); разработаны различные типы заданий, дающие пользователю возможность приобрести и усовершенствовать навыки и умения в четырёх видах речевой деятельности, а также повторить и закрепить необходимую лексику и грамматику; структурировано композиционное представление учебного материала (Блум, Рязанцева, 2018).

Четыре тематических блока («Медицинский туризм», «Продукты питания», «Лёгкая промышленность», «Металлургия»), входящие в тестовый практикум, предлагаются в удобном для использования электронном формате. Каждый из них представляет собой законченный бизнес-сценарий, связанный единой сюжетной линией, и содержит серию заданий для внеаудиторной и самостоятельной работы по эффективной

тренировке языковых навыков. Представление отобранного учебного материала на сюжетной основе внесло драматургию, дающую возможность сохранить связность заданий, наполнить их эмоционально и придать дополнительные смыслы, позволяющие обучающимся почувствовать себя участником коммуникативных бизнес-ситуаций. Каждую легенду предваряет описание, содержащее краткое представление о главном действующем лице, его занимаемой должности, фирме / компании, которую он / она представляет, его служебных задачах.

В легенде «Медицинский туризм» содержатся блоки «Выбираем кандидата на должность ассистента» и «Проводим собеседование», закрепляющие материал 6 урока «Мой путь к успеху» и позволяющие ещё раз подготовиться к собеседованию при приёме на работу, которое, как известно, является неотъемлемой частью устного сертификационного экзамена В 1. Резюме, данные в качестве приложений к указанной легенде, могут быть образцами для заданий по письму.

Повторением материала 7 урока «Посетите нашу выставку» могут являться разделы «Собираемся на выставку» («Медицинский туризм», «Продукты питания», «Лёгкая промышленность»), «Стоит ли принимать участие в выставке?», «Выбираем оптимальный вариант стенда», «Готовимся к выставке» («Металлургия»). В качестве заданий по письму в этой тематической части обучающиеся могут познакомиться с образцами коротких электронных писем, писем-приглашений на выставку, ответов на приглашение, заявок на участие в выставке, писем-запросов и ответов на них. Устное диалогическое общение находит отражение в кратких разговорах по телефону, сообщениях на автоответчик.

Логичным завершением 8 урока «Представляем нашу компанию» и 9 урока «Обсуждаем условия контракта» являются блоки «Представляем нашу компанию», «Расширяем партнёрскую сеть» («Медицинский туризм»); «Ищем партнёров», «Представляем нашу фирму», «Приглашаем к сотрудничеству», «Договариваемся о пробной поставке» («Продукты питания»); «Обсуждаем вопросы сотрудничества», «Планируем выход на новый рынок», «Рассказываем о производственном цикле», «Завоёвываем новый рынок» («Лёгкая промышленность»); «Общаемся с потенциальными клиентами», «Изучаем региональное производство» («Металлургия»). Актуальными для данного тематического блока являются устная презентация фирмы, а также письмо-предложение о сотрудничестве, письмо-оферта, письмо-заказ. Необходимо заметить, что легенда «Металлургия», содержащая профессиональную лексику, может быть использована отдельно для повторения и закрепления материала

курса В 1 и подготовке к следующему уровню владения языком делового общения.

Тренировка грамматических и лексических навыков осуществляется посредством различного типа заданий, предлагаемых редактором Moodle: перетаскивание элементов в текст; выпадающий список («выбор пропущенных слов»); впечатывание цифр, букв, слов, словосочетаний; единичный и множественный выбор (выбор одной или нескольких позиций из списка); выбор с двумя вариантами ответов: «правда» / «ложь»; установление соответствия, связи между позициями. Чтобы разнообразить упражнения, авторы широко использовали важное преимущество Moodle – возможность ввода картинок, фотографий, аудиозаписей, видеосюжетов. Огромный потенциал Интернета позволил через систему гиперссылок включить в электронный ресурс специально отобранный аутентичный материал, актуальный в условиях сотрудничества с русскоязычными бизнес-партнёрами. Кроме того, коллекция фотографий, рисунков, схем, коллажей вебсайта Pixabay обеспечила яркий визуальный контент.

Как показал опыт работы, анализируемый ресурс помогает обучающимся овладеть русским языком делового общения, подготовиться к сертификационным экзаменам в рамках учебного курса, а также может быть использован самостоятельно работниками фирм и компаний. Студенты, работавшие с «Fit for Business Russian B1», подчеркнули актуальность избранных авторами тем, отметили, что выполнение заданий из электронного ресурса дало возможность повторить и закрепить лексико-грамматический материал, отточить навыки аудирования, тренировать письмо, познакомиться с жанрами деловой корреспонденции и особенностями делового этикета.

Таким образом, опыт работы со студентами из стран бывшего Советского Союза в вузах Австрии и Словакии позволил сделать вывод о необходимости дифференцированного подхода к обучающимся, который требует дополнительной значительной подготовки преподавателя, создания программы, включающей больше заданий на расширение словарного запаса по экономической проблематике; подготовку презентаций, отражающих лингвострановедческие знания; грамматические упражнения; перевод; регулярное написание деловых текстов. Импульсами для достижения этой цели могут быть задания из современных печатных учебников, электронных ресурсов, а также СМИ.

Литература

- Блум, Т., Горелова, Е.* Путь к успеху. Weg zum Erfolg. Russisch für Alltag und Beruf: Kursbuch. Wien: facultas. wuv., 2017.
- Блум, Т. Д., Рязанцева, Т. И.* Электронная платформа «Русский язык делового общения» Б 1 (Fit für Wirtschaftsrussisch B 1): Принципы построения и отбора материала // Русский язык за рубежом. Москва, ТДДС-Столица-8, 2018. ? 4. С. 22–29.
- Charfaoui, E., Vilčeková, L.* Analýza odbornej terminológie ekonomického zamerania. In: Cizí jazyk v kontextumultikulturní Evropy. - Ústí nad Labem: Univerzita Jana Evangelisty Purkyně, 2008. - S. 107- 113. ISBN 978-80-7414-074-7
- Charfaoui, E.* Odborné lexikálne minimum z manažérskej a ekonomickej praxe. - 1. vyd. - Bratislava : Univerzita Komenského, 2014, 116 s. ISBN 978-80-223-3713-7.
- Koreňková, T.V., Koreňkov, A.V., Strelková, K., Kvapil, R.* Realie rusky hovoriacich krajín a Slovenska. Vydavateľstvo Ekonóm, 2020, 279 s. ISBN 978-80-225-4706-2.
- Maleeva, E., Zaitseva, V.* Besonderheiten des Unterrichts russischer Sprache in Gruppen mit Teilnehmern unterschiedlicher Leistungsstufen // Jazykovedné, literárovedné a didaktické kolokvium XXIV. Linguistic, Literary and Didactic Colloquium XXIV. Zborník vedeckých prác a vedeckých štúdií. Bratislava, 2014. S. 132–137.
- Opalková, J.* Konzekutívne tlmočenie 1: (pre ruštinárov). Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešoviensis, 2013, 124 s. ISBN 978-80-555-0821- 4
- Opalková, J.* Odborný preklad. Pevod delovych dokumentov: komunikácia v podnikateľskom prostredí. - 2. prepracované a rozšírené vydanie. - Prešov : Filozofická fakulta Prešovskej univerzity. Opera translologica; 1/2016, 187 s. - ISBN 978-80-555-1683-7

Maleeva E.S.

University of Applied Sciences BFI Vienna, Austria
elena.maleeva@fh-vie.ac.at

Charfaoui E.

Comenius University in Bratislava, Slovakia
emilia.charfaoui@fm.uniba.sk

The experience of teaching Russian as a foreign language to students from countries of the former Soviet Union

This article deals with the issues of teaching Russian as a native and foreign language to students from countries of the former Soviet Union, describes work experience with students in Austria and Slovakia, and proposes a system of tasks in reading, vocabulary, grammar, and writing for the targeted group of students.

Keywords: methodology of teaching Russian as a native and foreign language, text, vocabulary, grammar

Практическая статья/ Professional paper/Stručni rad
UDK 811.161.1:<37.015.3:159.947.5>

*Работа выполнена в рамках грантового проекта VEGA no. 02/0067/18
«Межъязыковая омонимия в славянских языках»*

Матыцина Марина Станиславовна

Липецкий государственный технический университет, Россия
lipmarina@gmail.com

Григорянова Татьяна

Экономический университет в Братиславе, Словакия
tatjana.grigorjanova@euba.sk

Актуальность проблемы мотивации в иноязычном образовании

В статье исследуется роль мотивации как одного из основополагающих принципов изучения иностранных языков. Подчеркивается значимость данного вопроса в методике преподавания иностранным языкам, необходимость поиска путей по поддержанию мотивации к овладению иноязычной культурой. В результате анализа были выявлены ряд факторов, способствующих успешному изучению иностранного языка.

Ключевые слова: мотивация, иноязычное образование, методика преподавания иностранных языков, речевая деятельность

Введение

Сегодня в условиях развития межкультурной коммуникации, международных связей и сотрудничества в жизни в общества наблюдается понимание возрастающей роли иностранного языка. Мотивация в процессе обучения иностранному языку занимает важное место. М. Зелина считает мотивацию основой для развития творчества, талантов и способностей каждого обучаемого. Говоря о стратегиях и задачах развития личности, он определяет мотивацию как «движущую силу, побуждающую человека действовать целенаправленным образом» (Zelina 2011: 78). Определение понятия «мотивация» претерпело много разных интерпретаций. Так, узкое понимание данного термина заключается в понимании мотивации как того, что вызывает первоначальный интерес и превращает его в решение участвовать в какой-либо деятельности. Однако необходимость поддержания этого состояния также имеет большое значение. Эта идея отражена в определении, данном М. Уильямсом и Р. Берденом, которые считают мотивацию «состоянием познавательного и эмоционального возбуждения, состояние, которое ведет к сознательному решению действовать, и порождает период устойчивого интеллектуального и / или физического усилия» (Williams, Burden 1997: 120). Таким образом, интеллект и аффект в сочетании с волей и настойчивостью – это то, что известно как мотивированное поведение. Эту же идею выражает другими словами Р. Гарднер, который объясняет этот термин с математической точностью: мотивация – это комбинация усилий и стремления достичь цели плюс позитивное отношение к цели, которая должна быть достигнута (Gardner 1985: 11).

Обзор литературы

Проблеме мотивации посвящены работы и целого ряда российских ученых: это И. Л. Бим (2002), Г. В. Рогова (1991), Л. И. Божович (1972), И. А. Зимняя (2004), Р. П. Мильруд (1996). Согласно А.Н. Леонтьеву, «мотив – это то, что объясняет характер данной речевой деятельности. Деятельность может утратить мотив, и тогда она превратится в действие, реализующее совсем другое отношение к миру, другую деятельность; наоборот, действие может приобрести самостоятельную побудительную силу и стать особой деятельностью; наконец, действие может трансформироваться в способ достижения цели, в операцию, способную реализовать различные действия»

(Леонтьев 1975: 158). Таким образом, «понятие деятельности необходимо связывать с понятием мотива. Деятельности без мотива не бывает» (Леонтьев 1975: 153). Взаимосвязь деятельности и мотива отмечает и С. Л. Рубинштейн: «Всякое действие исходит из мотива, т. е. побуждающего к действию переживания чего-то значимого, что придает данному действию смысл для индивида» (Рубинштейн 1989). По мнению В. Г. Асеева, мотивационная система человека имеет очень сложную структуру, т.е. «сложную, многоуровневую систему побудителей, включающую в себя: потребности, мотивы, интересы, идеалы, стремления, установки, эмоции, нормы, ценности и т.д.» (Асеев, 1976). Такая структура мотивированной сферы определяет направленность личности человека в зависимости от того, какие мотивы стали доминирующими.

По мнению Л. И. Божович, «мотив – это то, ради чего осуществляется деятельность. В качестве мотива могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания. Словом, все то, в чем нашла свое воплощение потребность» (Божович 1972). Следует понимать, что мотивация – это процесс действия мотива, т.е. «побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей человека; совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность» (*Шанарь* 2009: 291-292). Мотивация – важнейшее начало процесса овладения иностранным языком, обеспечивающее его результативность. Ссылаясь на проблему мотивации при обучении иностранному языку, В. Риверс заметил, что личные мотивы, такие как страх или тревога в сочетании с такими известными социальными мотивами как стремление к получению статуса в группе и социального одобрения, могут препятствовать или способствовать освоению иностранного языка (Rivers 1983). Более того, в какой-то момент заинтересованный ученик может попытаться догнать группу и добиться хороших знаний в усвоении языка. Дружественная и благоприятная среда также имеет решающее значение в данной ситуации. Но влияние сокурсников может и навредить, снизить уверенность в себе и в своих способностях добиться успеха. В сочетании с боязнью получить неудовлетворительную оценку, все это может препятствовать или отвлекать учащегося от посещения занятий и усвоения нового материала. Для преподавателя важно знать мотивы учащихся, уметь их правильно выявлять и разумно управлять.

Прежде чем перейти к конкретным результатам опроса, проведенного среди студентов, необходимо упомянуть, что выделяют внешнюю и внутреннюю мотивации.

Внешняя мотивация может быть обусловлена следующими внешними обстоятельствами и не связана непосредственно с содержанием предмета:

- мотив достижения вызван стремлением человека достигать успехов и высоких результатов в любой деятельности, в том числе и в изучении иностранного языка;
- мотив самоутверждения – стремление утвердить себя, получить одобрение других людей; человек учит иностранный язык, чтобы получить определенный статус в обществе;
- мотив идентификации – стремление человека быть похожим на другого человека, а также быть ближе к своим кумирам и героям;
- мотив аффилиации – стремление к общению с другими людьми; человек может учить иностранный язык, чтобы общаться с друзьями-иностранцами;
- мотив саморазвития – стремление к самоусовершенствованию; иностранный язык служит средством для духовного обогащения и общего развития человека;
- просоциальный мотив связан с осознанием общественного значения деятельности; человек изучает иностранный язык, потому что осознает социальную значимость учения.

Что касается внутренней мотивации, то она возникает в человеке как результат его собственных мыслей, стремлений, потребностей, эмоциональных переживаний.

В настоящей работе делается попытка выявить общие и отличные мотивы к изучению иностранного языка среди российских и словацких студентов. Необходимость сопоставительного изучения мотивационной составляющей при обучении иностранному языку позволит улучшить организацию учебного процесса, направленного на развитие и совершенствование потребности в познании иноязычной речи.

Результаты и дискуссия

Обратимся к результатам опроса, который был проведен среди российских и словацких студентов неязыковых специальностей. Целью опроса было установить, какие мотивы движут студентами в изучении

иностранный язык. В анкетировании участвовало 50 словацких и 50 российских студентов. Респондентам было предложено ответить на следующие вопросы:

№ п/п	Вопрос	Варианты ответов
1	Если бы вы смогли распоряжаться свободным временем, то сколько времени вы уделили бы изучению иностранного языка в течение дня?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Несколько минут, но не более часа. 2. Два-три часа. 3. Больше трех. 4. Нисколько. 5. Весь день. 6. Другой ответ.
2	Что способствует повышению интереса к изучению иностранного языка на уроке?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание благоприятной атмосферы на уроке. 2. Встречи и дискуссии с носителями языка. 3. Работа с аутентичными материалами. 4. Использование игровых ситуаций, музыки на уроке. 5. Применение информационно-коммуникационных технологий. 6. Участие в конкурсах и олимпиадах. 7. Переписка с зарубежными сверстниками.
3	Зачем вы изучаете иностранный язык в университете?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Изучаю, только потому, что это нужно по учебной программе. 2. Это престижно. 3. Чтобы путешествовать за границей, чувствовать себя свободно. 4. Чтобы не поставили плохие оценки и не отчислили из университета. 5. Хочу устроиться на хорошую работу, построить успешную карьеру. 6. Учю, потому что интересно. Для расширения кругозора. Знание иностранного языка делает мою жизнь богаче, ярче, интересней.

Ответы российских студентов распределились следующим образом. На первый вопрос большая часть респондентов, 55%, ответила, что уделяет изучению иностранного языка не более часа в день, 25% тратит на изучение иностранного языка два-три часа в день. Остальные варианты ответа получили незначительное, примерно равное количество голосов. При ответе на второй вопрос наибольшее количество ответов получили: вариант 5 – 38%, вариант 2 – 24% и вариант 7 – 15%. На третий вопрос

российские студенты дали следующие ответы: вариант 1 – 30%, вариант 2 – 10%, вариант 3 – 25%, вариант 4 – 16%, вариант 5 – 15%, вариант 6 – 5%.

Из приведенных результатов можно сделать некоторые выводы: большая часть российских студентов из числа опрошенных при изучении иностранного языка движима просоциальным мотивом («нужно по учебной программе», «чтобы не отчислили»). Однако немалая часть студентов при изучении иностранных языков движима мотивом аффилиации («чтобы путешествовать», «чувствовать себя свободно»), небольшая часть указала на мотив самоутверждения («это престижно», «построить успешную карьеру») и на мотив саморазвития («для расширения кругозора»).

Ответы словацких студентов распределились следующим образом. Большая часть словацких респондентов ответила, что тратит на изучение иностранного языка два-три часа в день – 44%, и 42% словацких студентов уделяет изучению иностранного языка меньше часа в день. Ответ на второй вопрос показал, что наибольшее количество голосов получили: вариант 1 – 35% и вариант 2 – 35%, остальные варианты ответа получили небольшое, примерно равное количество голосов. Отвечая на третий вопрос, респонденты отдали наибольшее количество голосов варианту 3 – 26% и варианту 5 – 25%. Вариант 6 выбрали 15% опрошиваемых.

Результаты анкетирования словацких студентов позволяют сделать следующие выводы: мотив аффилиации («чтобы путешествовать», «общаться с иностранцами») и мотив самоутверждения («устроиться на хорошую работу, построить успешную карьеру») являются главными движущими мотивами при изучении иностранного языка. При этом 15% студентов движимы мотивом саморазвития и имеют внутреннюю мотивацию – изучают иностранный язык, потому что это им нравится.

Из этого следует, что российскими студентами в основном движут просоциальные мотивы и мотивы аффилиации, при этом для словацких студентов характерны мотив самоутверждения и мотивы аффилиации. Российские студенты тратят меньше времени на изучение иностранных языков, чем словацкие студенты, причем повышению интереса к изучению иностранного языка на уроке, по мнению российских студентов, служит применение информационно-коммуникационных технологий, а словацкие студенты видят пути решения в создании благоприятной атмосферы на уроке и во встречах с носителями языка. Главным же выводом служит то, что и российскими и словацкими студентами в основном движут внешние мотивы, при этом российскими студентами зачастую движет негативная мотивация («чтобы не поставили плохие оценки и не отчислили из университета»). Абсолютно ясно, что необходимо принять меры,

направленные на развитие у студентов внутренней мотивации: личной заинтересованности в изучении иностранного языка. Таким образом, преподавателю следует создавать такие условия на занятиях, при которых у учащихся возникает потребность в изучении иностранного языка. Потребность в изучении должна соответствовать таким разновидностям внутренней мотивации, как коммуникативная (непосредственное общение на языке), лингвопознавательная (положительное отношение к языку) и инструментальная (положительное отношение к различным видам работы).

Выводы

Таким образом, рассмотрев роль мотивации в изучении иностранных языков и проанализировав результаты опроса российских и словацких студентов, мы приходим к выводу, что большинство студентов руководствуется в своей учебной деятельности внешними мотивами. Это обстоятельство может существенно снизить эффективность обучения. Чтобы изучение иностранного языка было интересным, продуктивным, приносящим положительные эмоции, необходимо ясное осознание учащимися своих внутренних желаний, стремлений, побуждений, а также четкая постановка целей в учебном процессе.

Литература

- Асеев, В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности / В. Г. Асеев. – М.: Мысль, 1976.
- Бим, И. Л.* Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы / И. Л. Бим // *Иностранные языки в школе.* – 2002. - № 2. – С.11-15.
- Божович, Л. И.* Проблемы развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. – С. 7- 44.
- Зимняя, И. А.* Педагогическая психология – М.: Логос, 2004.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность – М.: Политиздат, 1975.
- Мильруд, Р. П.* Основные способы стимулирования речемыслительной деятельности на иностранном языке / Р. П. Мильруд // *Иностранные языки в школе.* – 1996. - № 6. – С. 6-12.
- Рогова, Г. В., Рабинович, Ф. М., Сахарова, Т. Е.* Сахарова. Методика обучения иностранным языкам. – М: Просвещение, 1991.
- Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии – М: Педагогика, 1989.
- Шапарь, В. Б., Рассоха, В. Е., Шапарь, О. В.* – Шапарь. Новейший психологический словарь. Изд. 4-е. – Ростов на Дону: Феникс, 2009.
- Gardner, R. C.* Social Psychology in Second Language Learning / R. C. Gardner. – London: Edward Arnold, 1985.
- Zelina, M.* Stratégie a metódy rozvoja osobnosti žiak / M. Zelina. – Bratislava: Iris, 2011.
- Rivers, W.* Psychology: Linguistics and Language Teaching / W. Rivers // A Forum Anthology. – 1983. – P. 3- 11.
- Williams, M., Burden, R.* Psychology for Language Teachers / M. Williams, R. Burden. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Matytcina M. S.

Lipetsk State Technical University, Russia
lipmarina@gmail.com

Grigorjanová T.

University of Economics in Bratislava, Slovakia
tatjana.grigorjanova@euba.sk

The relevance of motivation in foreign language education

This paper deals with the role of motivation as one of the fundamental principles of foreign language learning. It emphasizes the importance of this issue in the methodology of foreign language teaching and the need to find ways to maintain the motivation to master a foreign language. As follows from this research, a number of factors were identified that contribute to the successful learning of a foreign language.

Keywords: motivation, foreign language education, foreign language teaching methodology, speech activity

Практическая статья/ Professional paper/Stručni rad
UDK 811.161.1'232:811.161.1'367.7

Орлова Нина Анатольевна

Пятигорский государственный университет, Россия
onina@yandex.ru

Обучение лексике при изучении русского языка как иностранного на подготовительном факультете

В статье рассматривается формирование активного словаря для студентов подготовительных факультетов, предлагаются оптимальные формы отбора и презентации лексики в процессе обучения русскому языку как иностранному, подчеркивается неразрывная связь лексики и грамматики, а также выявляется сознательный подход к изучению лексико-грамматической системы языка.

Ключевые слова: лексика, лексический минимум, активный словарь, лексико-грамматические связи

По выражению Л. В. Щербы, лексика – это живая материя языка. Она служит для предметного выражения мысли. Овладеть словом – это значит овладеть его значением, формой и употреблением, словообразованием, словоизменением. При обучении лексике должен быть введен лексический минимум, который студент должен активно использовать на занятиях или в ежедневном общении. Этот минимум называется словарем, который может включать в себя нейтральную лексику, разговорную лексику, а также лексику, которая будет необходима студенту при работе с материалами по научному стилю речи в зависимости от специальности.

В современных учебниках по русскому языку дается список активной лексики с переводом на другие языки, что облегчает студентам работу над лексикой.

Чтобы говорить на иностранном языке, надо знать лексику этого языка (словарный состав) и правила употребления слов. «В преподавании обучение лексике подчинено задаче развития речи» (Митрофанова 1990:125). Словарный запас русского языка очень велик, и для иностранных студентов, как правило, в учебном плане выделяется определенное количество лексических единиц, которое должно быть постепенно усвоено в течение учебного года.

Лексический минимум – это минимальное количество слов, которое позволяет пользоваться языком как практическим средством общения. С другой стороны, лексический минимум – это максимальное число слов, которое может усвоить студент в рамках определенного количества учебных часов. Отбор лексики проводится на основе нейтральной (межстилевой) лексики.

Существует несколько критериев отбора лексики: семантическая ценность слова, частотность, ситуативная тематическая соотнесенность, способность слова сочетаться с другими словами, словообразовательная способность слова, актуальность называемого данным словом понятия, многозначность слова и т.д. (Орлова 2019: 87).

К учебникам, используемым в настоящее время на подготовительном факультете, прилагаются активные словари с переводом как на европейские (английский, французский, испанский), так и на вьетнамский и китайские языки, что отвечает потребностям студентов. Считается, что этого количества слов достаточно, чтобы построить устное и письменное высказывание, участвовать в диалоге, понимать короткое устное высказывание и текст, сложность которого возрастает по мере изучения языка. В процессе работы во втором семестре при первом годе обучения русскому языку количество

нейтральной лексике уступает количеству лексике по научному стилю речи, что обусловлено задачами обучения.

Считается, что в течение двухчасового занятия, возможно, усвоить в среднем около 15 новых иностранных слов. Скорость запоминания, по мнению психологов, зависит от известности или неизвестности структурных элементов слова (корень, суффикс, префикс), от конкретности или абстрактности понятия и от совпадения или не совпадения объемов значения слова в иностранном и родном языке студентов. Поэтому на первых уроках количество новых слов может быть доведено до 20-25 за счет усвоения названий конкретных предметов, которые находятся вокруг. Позже количество новой лексики на одном занятии может колебаться в зависимости от названных выше свойств вводимых слов. Сначала новые слова даются только в одном значении в составе элементарных предложений: «Это стул», «Это ручка», «Это аудитория», «Там окно», «Здесь доска». Значение слов «это», «там», «здесь» демонстрируется жестом. Позже структура предложения, вводящего новые слова, как правило, усложняется. При этом предложение, вводящее новое слово, не должно содержать грамматических трудностей. Введение новых слов в предложении позволяет не только усвоить их значение, но и осознать связь с другими словами, дает образцы употребления новых слов в речи, что вполне соответствует принципу коммуникативной активности.

Ситуативно-тематическая организация учебного материала позволяет вводить одновременно однокоренные слова и слова антонимы. Например, «болен-здоров», «болен-больной-болеть-больница». Такая группировка облегчает запоминание новой лексики и повышает ее коммуникативную ценность. Большинство слов, обозначающих конкретные предметы, следует вводить, показывая или сами предметы, или их изображение (стол, стул, книга, ручка, карандаш, дом, собака и т.п.).

Чтобы лучше усвоить новую лексику, студент должен:

1. услышать новое слово в составе простого предложения (элементарный уровень), произнесенного преподавателем (при введении большого количества новых слов на одном уроке желательно, чтобы предложения, в которых они вводятся, были связаны по смыслу, это облегчает запоминание);
2. понять значение этого слова, увидев предмет или рисунок с его изображением, схему;
3. произнести отдельно новое слово; если нужно, произнести повторно, после исправления преподавателя;

4. прочитать новое слово;
5. записать новое слово и его значение в своем личном словаре;
6. услышать новое слово, произнесенное преподавателем в составе двух-трех элементарных предложений;
7. употребить новое слово в составе элементарных предложений.

Данный алгоритм освоения новой лексики постепенно может быть свернут или несколько сокращен. Возможности сокращения этого процесса зависят от лингвистической подготовленности студентов и от того, в активный или пассивный лингвистический запас должно быть включено данное слово.

С первых занятий важно обратить внимание студентов на правильную запись новой лексики. Особое внимание стоит обратить на работу над ударением в словах. Надо заниматься ударением, так как в русском языке ударение является не фиксированным, что представляет собой трудность для студентов-иностранцев, особенно на начальном этапе.

Лексическая работа проводится в тесной связи с усвоением грамматической структуры. В процессе работы по лексике преподаватель должен опираться на существующие в языке важные элементы лексической системы и их взаимосвязи. Слова должны усваиваться не изолированно, а в их лексической и грамматической связи.

Разработаны многочисленные упражнения по введению лексики, по формированию лексических и грамматических навыков речи, по их развитию и закреплению. С одной стороны, в целом ряде случаев во владении лексическим материалом играет большую роль имитация. С другой стороны, преподаватель использует сознательный анализ изучаемого материала, когда «новые слова вводятся в контексте, подкрепляются наглядным материалом, объясняется новая грамматическая идея, выполняются языковые, речевые и коммуникативные упражнения на тренировку данного правила и ведутся беседы с использованием новых слов и форм» (Акишина 2002: 20). Это помогает студентам обобщить и систематизировать новый языковой материал. Кроме того, в процессе работы у студентов должно возникать осознание целесообразности изучения того или иного лексико-грамматического материала. Процесс осознания на определенной ступени обучения требует анализа форм в их употреблении, осознанного конструирования словосочетаний и предложений, понимания законов оформления языкового материала в речи, обобщения и систематизации.

Данная работа проходит через весь процесс обучения и, как результат, при изучении русского языка по этой методике работает долговременная память. Изученный в студенческие годы русский язык сохраняется достаточно долго и, как показывает практика, бывшие студенты – нынешние специалисты, работающие в разных странах мира и не связанные с русской языковой средой в течение многих лет, при новой возможности общения на русском языке быстро восстанавливают в памяти русский язык, который изучали в юности.

Литература

- Акишина, А. А.* Учимся учить: для преподавателей русского языка как иностранного / А. А. Акишина. – М.: Русский язык Курсы, 2002. – 20 с.
- Митрофанова, О. Д.* Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова. – М.: Русский язык, 1990. – 125 с.
- Орлова, Н. А.* Россия и Египет: межкультурный диалог: учебное пособие / Н. А. Орлова. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – 53 с.
- Орлова, Н.А.* Центр международного образования как база реализации многопрофильной системы обучения РКИ / Н.А. Орлова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). - СПб.: РОПРЯЛ, 2016. – С.1983-1986.
- Щукин, А. Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов / А. Н. Щукин. – М.: Высшая школа, 2003. – 87 с.

Orlova N.A.

Pyatigorsk State University, Russia
onina@yandex.ru

Vocabulary training in the study of Russian as a foreign language at the preparatory faculty

This article deals with the formation of the active student's vocabulary at the preparatory faculties, with suggestions of optimal forms of vocabulary selection and presentation in the process of teaching Russian as a foreign language. Emphasis here is on the inseparable connection between vocabulary and grammar, and also reveals a conscious approach to the study of the lexical and grammatical system of the language.

Keywords: vocabulary, lexical minimum, active vocabulary, lexical-grammatical relations

Практическая статья/ Professional paper/Stručni rad
UDK 811.161.1'243:37.018.43

Федотова Ирина Борисовна

Пятигорский государственный университет
fedotova@pgu

Специфика подготовки магистрантов к преподаванию РКИ в условиях онлайн-обучения

В статье раскрывается специфика подготовки магистрантов, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование» (магистерская программа «Лингвопедагогические модели обучения русскому языку как иностранному»), в период онлайн-обучения: система обучения РКИ, использование современных технологий обучения, реализация обучающего потенциала сайта «Образование на русском», участие в онлайн-конференциях, анализ онлайн-занятий.

Ключевые слова: магистрант, онлайн-обучение, «живая методика», система обучения РКИ, комплексность и аспектность занятий, иностранные учащиеся

Период пандемии наложил отпечаток на весь учебный процесс современного вуза, в том числе на процесс подготовки магистрантов, будущих преподавателей русского языка как иностранного. Занятия с магистрантами и иностранными учащимися были переведены в онлайн-формат, который использовался и раньше, но как дополнительный, сопутствующий (Петренко 2019: 211). Задачей преподавателей в новых условиях стала необходимость сохранения всего объема, глубины содержательной части подготовки, использования разнообразных современных технологий обучения, извлечения из всего накопленного педагогического опыта рационального зерна и внедрения его в образовательный процесс, что может служить источником модернизации современного образования (Федотова 2011: 294).

В образовательной программе прописана высокая миссия профиля подготовки «Лингвопедагогические модели обучения русскому языку как иностранному», реализуемой в рамках направления подготовки «Педагогическое образование», которая состоит в обеспечении через инновационные технологии и методики генерацию новых научных знаний и креативных практик, подготовку высококлассных духовно-нравственных кадров для современной и будущей системы российского высшего и среднего образования, обладающих высоким уровнем профессиональной и социальной компетентности, культурой общения на государственном языке России и иностранных языках, создающих славу и престиж российской высшей школе и Пятигорскому государственному университету в мировом научном и образовательном пространстве.

В соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки «Педагогическое образование», а также в соответствии с потребностями заинтересованных работодателей в рамках освоения данной образовательной программы прописаны и задачи, к решению которых готовятся выпускники. Это задачи профессиональной деятельности педагогического, проектного, научно-исследовательского типов. Педагогический тип задач состоит в реализации образовательных программ в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов. Проектный тип задач включает в себя проектирование программ, содержания, средств, методов и технологий обучения для среднего общего образования. Научно-исследовательский тип задач направлен на организацию научно-исследовательской деятельности обучающихся по программам среднего общего образования. В результате освоения ОПОП ВО по направлению подготовки «Педагогическое образование» у выпускника должны быть сформированы универсальные,

общефессиональные и профессиональные компетенции. В соответствии с пожеланиями работодателей выпускник должен обладать личностными качествами и профессиональными компетенциями, которые сможет применить в процессе профессиональной деятельности в области «Образование и наука». Результаты освоения образовательной программы по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Лингвопедагогические модели обучения русскому языку как иностранному») определяются приобретаемыми выпускником компетенциями, совокупность которых должна обеспечивать выпускнику способность осуществлять профессиональную деятельность в области образования и науки (в сфере основного общего, среднего общего образования) и решать задачи профессиональной деятельности в соответствии с типами задач, установленными в соответствии с ФГОС ВО по данному направлению подготовки. Эти результаты освоения магистерской образовательной программы определяются приобретаемыми выпускником компетенциями, т.е. его способностью применять знания, умения, навыки, личностные и профессиональные качества в соответствии с задачами профессиональной деятельности.

Каким образом в условиях онлайн-обучения добиться этих высоких результатов, намеченных в образовательной программе? Во-первых, необходимо сохранить всю содержательную сторону программы, не допустить снижения уровня научности. Так, например, в преподавании дисциплины «Методика преподавания русского языка как иностранного» сделан акцент на методике РКИ как науке: выделены объект и предмет методики, связь с другими науками, раскрыто понятие «система обучения РКИ», которая включает в себя подход к обучению, цели и задачи обучения, содержание обучения, принципы, методы, приемы, формы и средства обучения. Необходимо подчеркнуть ведущую роль коммуникативно-деятельностного подхода к обучению, среди целей выделить практическую, которая состоит в необходимости научить иностранных учащихся пользоваться русским языком как средством общения, выражать мысли в устной и письменной форме, понимать устную и письменную речь. Характеризуя принципы обучения как исходные требования к системе обучения и ее компонентам, необходимо раскрыть все группы принципов: лингвистические (системность, концентризм, функциональность, минимизация, ситуативно-тематическая организация материала), дидактические (принципы сознательности, наглядности, прочности, посильности, последовательности, активности, коллективности, проблемности, креативности), психологические (необходимость создания

мотивации, поэтапного формирования знаний, умений, навыков, учет индивидуальных психологических особенностей личности учащегося), а также методические: принципы коммуникативности, учета особенностей родного языка, комплексности, устного опережения, взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности. Представляя методы как направления, которые реализуют цели, задачи и содержание обучения, определяют пути и способы их достижения (то есть определяют стратегию обучения языку), выделяем 4 группы методов: прямые, сознательные, комбинированные, интенсивные, характеризуем эволюцию методов в истории становления методики РКИ как науки. Важной составной частью курса методики преподавания РКИ является проблема современного учебника РКИ, анализ существующих пособий для разных уровней и аспектов обучения, изучение проблемы аспектности и комплексности в преподавании РКИ. Достижение необходимого уровня научности, без потери качества занятий возможно при условии сочетания в онлайн-формате лекционных, семинарских и практических занятий, самостоятельной подготовки студентами рефератов и презентаций по различным разделам. Углублению материала способствуют работы о персоналиях в РКИ – Л.В. Щербе, Е.И. Пассове, И.А. Зимней, Б.В. Беляеве, А.Н. Щукине, В.Г. Костомарове и др. Такой подход способствует формированию не обезличенной, а «живой методики» в представлении магистрантов, методики, связанной с жизнью, судьбой и научно-педагогической деятельностью людей, всецело посвятивших себя делу РКИ.

Преподавание дисциплины «Современные технологии преподавания РКИ» ориентирует будущих преподавателей на использование в самостоятельной педагогической деятельности личностно-ориентированных технологий, проектной деятельности учащихся, учебной дискуссии, технологии «облако слов» в целях достижения наилучших результатов. Значимое образовательное значение имеет портал «Образование на русском», изучению возможностей которого посвящена самостоятельная аналитическая работа обучающихся. Результаты этой работы представляются в виде текста в системе edu.pglu. Студенты пишут о том, что «деятельность портала способствует развитию системы дополнительного образования, творческого развития и воспитания детей за счет расширения доступа обучающихся качественным образовательным ресурсам», к достоинствам относят удобство в использовании, к недостаткам – отсутствие версии для мобильного телефона. Примечательно, что коллективом преподавателей университета созданы три массовые онлайн-курсы для портала «Образование на русском», суммирующие опыт научно-

педагогической деятельности в области преподавания русского языка и литературы (Петренко 2016: 22).

«Оживлению» методики преподавания РКИ способствует, в частности, использование лингводидактического потенциала русской песни и фильма в целях обучения иностранных учащихся русской разговорной речи, невербальному языку. Особенно важно включение данного материала в онлайн-занятия, так как именно в этот период и магистранты, и иностранные учащиеся лишены непосредственного контакта в общении, эмоций, возникающих в процессе аудиторного общения. В период онлайн-обучения магистранты разработали фрагменты занятий, основанных на изучении песен «Катюша», «Команда», «Подмосковные вечера», «Позвони мне, позвони», и представили их иностранным учащимся во время практики. Эти фрагменты занятий прошли интересно, результативно, вызвали эмоциональный отклик. Лингводидактический потенциал фильмов был реализован в занятиях с использованием отрывков из фильмов «Иван Васильевич меняет профессию», «Питер FM», «Любовь и голуби», а также мультфильмов (например, мультфильм «Бобик в гостях у Борбоса»). Изучение материалов диалогов из фильмов способствует введению в речь иностранных учащихся разговорной лексики, молодежного сленга, новых глаголов движения, учит пониманию русских реалий и русского юмора. В период онлайн-обучения изучение фрагментов кино- и мультфильмов на занятиях по РКИ с иностранными учащимися (в период педагогической практики магистрантов) способствует их дальнейшему самостоятельному просмотру на русском языке в полной версии.

Кроме того, была организована самостоятельная работа студентов по следующим темам: «Слово «хлеб» в лингвострановедческом аспекте», «О русских отчествах», «Страноведческий потенциал речевого этикета и актуальные методические приемы его изучения», «Авторская песня», «Московский Кремль», «Афористический уровень языка в разрезе лингвострановедения», «Русская фразеология с точки зрения лингвострановедения». Последняя тема представляется особенно актуальной в силу педагогической ценности изучения русской фразеологии на занятиях по РКИ – ее анализу уделяем больше времени и внимания (Федотова, Орлова 2020: 153).

Подготовка магистрантов к решению задач научно-исследовательского типа происходит путем их вовлечения в работу онлайн-конференций, научных симпозиумов и секций. Так, например, магистранты приняли участие (без доклада) в Международной научно-практической конференция «Возможности и проблемы онлайн-обучения русскому языку в мировом

образовательном пространстве в эпоху пандемии», которая проходила 1-3 декабря 2020 г. и была организована Университетом им. Юрая Добрилы (г. Пула, Хорватия) и Пятигорским государственным университетом. Магистранты присутствовали онлайн на открытии конференции, пленарном заседании и заседаниях секций. Атмосфера научного поиска, заинтересованности, а также конкретные методические находки, предложенные выступающими, погрузили магистрантов в область РКИ. Многие высоко оценили полезность подобных мероприятий: «Посетив секцию «Российские ресурсы для онлайн-обучения», познакомилась с информацией, полезной на сегодняшний день в связи с переходом на дистанционное обучение. Для использования я выделила бесплатные образовательные платформы Stepik, Eduardo, Core. Отличительные черты последнего – предельная простота, удобство и функциональность» (Багян Нина, магистрант 2 года обучения). В роли докладчиков магистранты принимают участие в ежегодных научно-методических «Университетских чтениях» в Пятигорском государственном университете. Заседание секции проходит в онлайн-режиме. Тема выступления магистранта напрямую связана с материалом магистерской диссертации. Как правило, выступление сопровождается презентацией, затем следует обсуждение, дискуссия по затронутым проблемам. Такой опыт публичного выступления, даже в онлайн-формате, готовит магистрантов к самостоятельной профессиональной деятельности, вырабатывает навык организации и проведения учебно-исследовательской, научно-исследовательской, проектной и иной деятельности в ходе выполнения профессиональных функций.

Важной чертой учебного процесса, в онлайн-режиме в том числе, является учет специфики обучения иностранных учащихся русскому языку в условиях полиэтничного региона Северного Кавказа. Коллективом авторов подготовлено специальное учебное пособие, реализующее данный аспект (см.: Федотова И.Б., Орлова Н.А., Ревякина Я.Н. Лингвострановедение и лингвокраеведение в практике коммуникативного обучения русскому языку как иностранному в поликультурном регионе Северного Кавказа. Пятигорск, 2020. 74 с.). Реализация лингвокраеведческого потенциала Северного Кавказа в целом и образовательного туризма в частности способствует формированию лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся, а материалы пособия готовят магистрантов к осуществлению педагогической деятельности в данном направлении, так как «основными задачами обучения русскому языку как иностранному являются развитие личности учащегося в совокупности с преподаванием культуры изучаемого языка, повышение познавательной активности и совершенствование

коммуникативных компетенций» (Федотова, Орлова, Ревякина 2020: 7) . В период онлайн-обучения данное учебное пособие было размещено на витрине Пятигорского государственного университета (https://pgu.ru/store/catalog/sborniki_statey/lingvostranovedenie_i_lingvokraevedenie_v_praktike_kommunikativnogo_obucheniya_russkomu_yazyku_kak_i/), что обеспечило доступность материалов учебного пособия широкому кругу читателей.

Таким образом, весь опыт подготовки магистрантов, будущих преподавателей РКИ, накопленный в Пятигорском государственном университете, позволил в период онлайн-обучения сохранить высокий уровень научности и содержательности занятий, в то же время онлайн-формат ведения лекционных и семинарских занятий активизировал внедрение в учебный процесс современных технологий онлайн-обучения: были задействованы занятия в форме вебинаров в системе edu.pglu, использована платформа Zoom, система Skype. Преподаватели и студенты научились сопровождать свои выступления презентациями в онлайн-режиме, использовать чат для постановки вопроса, для комментария, уточнения информации. Участники онлайн-обучения, и преподаватели, и студенты, пришли к единодушному мнению о приоритетности «живых», аудиторных занятий, однако опыт обучения с применением дистанционных технологий следует признать ценным: онлайн-формат можно использовать в сочетании с традиционными технологиями и формами обучения для оперативной связи с участниками образовательного процесса (при необходимости), для общения с коллегами с целью обсуждения насущных проблем обучения, со студентами, находящимися на индивидуальном плане обучения, с иностранными учащимися, не имеющими возможности выехать на обучение в Россию.

Литература

- Петренко, А. Ф.* Обучение иностранных учащихся русскому языку и литературе в виртуальной образовательной среде / А. Ф. Петренко // Наука в современном мире: поиск инновационных и креативных решений. Межвузовский сборник научных трудов, посвящённый памяти профессора Л. Н. Исаева. – Пятигорск, 2019. – С.211-216.
- Петренко, А. Ф.* Создание массового открытого онлайн-курса «Русские писатели XIX – начала XX вв. и Кавказ»: цели, задачи, решения» / А. Ф. Петренко // «Русское слово на Северном Кавказе: история и современность. Международная научно-практическая конференция для молодых преподавателей, российских и иностранных студентов, магистрантов и аспирантов. – 2016. – С.22-26.
- Федотова, И. Б.* Функционально-рациональный подход в историко-педагогических исследованиях / И. Б. Федотова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011.– №3. – С.294-299.
- Федотова, И. Б., Орлова, Н. А.* Педагогическая ценность изучения русской фразеологии на занятиях по РКИ / И. Б. Федотова, Н. А. Орлова // Университетские чтения 2020. Материалы научно- педагогических чтений ПГУ. – Пятигорск, 2020. – С.153-158.
- Федотова, И.Б., Орлова Н.А., Ревякина Я.Н.* Лингвострановедение и лингвокраеведение в практике коммуникативного обучения русскому языку как иностранному в поликультурном регионе Северного Кавказа / И. Б. Федотова, Н. А. Орлова, Я. Н. Ревякина. Пятигорск, 2020. 74 с.

Fedotova I.B

Pyatigorsk State University, Russia
fedotova@pgu

The Specifics of Preparing Undergraduates to RFL Teaching in the Context of Online Learning

The article reveals the peculiarities of training undergraduate students, enrolled in the field of studying “Pedagogical education” (Master’s program “Linguopedagogical models of teaching Russian as a foreign language”), in the period of online training, including: a system of training RFL, the use of educational technologies, realization of educational potential of the site “Education in Russian”, participation in online conferences, analysis of online classes.

Keywords: undergraduate student, online training, “live methodology”, RFL training system, complexity and aspect format of classes, foreign students

Практическая статья/ Professional paper/Stručni rad
UDK 811.161.1'243:37.091.3(079.1)

Яйич Новоградец Марина

Загребский университет, Хорватия
mjnovo@ffzg.hr

Текстовые упражнения в учебниках русского языка как иностранного

Данная работа посвящена анализу текстовых упражнений в учебниках русского языка как иностранного. Рассматриваются задания, направленные на совершенствование речевой деятельности, расширение лексического и грамматического материала, развитие самостоятельности учащихся. На основе анализа 179 упражнений сделан вывод, о том, что изучение речевой деятельности (чтения и говорения) в учебниках осуществляется посредством предтекстовой, притекстовой и послетекстовой работы.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, русский язык как иностранный, текстовые упражнения, учебники

При обучении иностранному языку текст является важной методико-дидактической категорией. Ссылаясь на Арутюнову (1990: 76), Азимов и Шукин (2009) утверждают, что учебным текстом может быть любой факт культуры иностранного языка, целесообразный для учебной коммуникации и имеющий знаковую функцию (Азимов, Шукин 2009: 303). Согласно Азимову и Шукину (2009: 303), текст в учебнике иностранного языка выступает: 1) как основной источник социокультурной информации о стране изучаемого языка; 2) как материал для развития разных видов речевой деятельности, содержательная основа речи; 3) как объект иллюстрации функционирования языковых единиц. Росандич (1988: 36) определяет текст как методико-дидактическую категорию, включающую в себя цель обучения иностранному языку, содержание, дидактические и методические принципы обучения и методическую функцию. Эффективная обработка текста приводит к успешному достижению главной цели обучения иностранному языку, т.е. к достижению языковой и коммуникативной компетенций путем рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности, таких, как аудирование, чтение, говорение и письмо. В учебном процессе текст может выполнять различные функции; может быть источником знания, материалом для обучения видам речевой деятельности, образцом речевых моделей (устных и письменных) и средством для анализа и ввода лексико-грамматического материала (Акишина, Каган 2002: 40). Согласно Московкину и Шукину (2012: 434), тексты характеризуются с точки зрения содержания (информативность, познавательность, интересность, логичность изложения, смысловая законченность), языковых трудностей (процент незнакомых слов и конструкций, включение в текст словаря-минимума, употребительность и повторяемость лексики, нормативность языка, насыщенность действием и диалогом) и оформления (иллюстративность, вступление, комментарии). Традиционно работа над текстом в учебном процессе складывается из трех этапов: предтекстового, притекстового и послетекстового (Московкин, Шукин 2012: 448). Цель предтекстового этапа – снять трудности понимания текста, сформулировать установку на работу с текстом, которая может содержать разные задания (Шукин 2015: 480). Притекстовый этап является основой работы с текстом и заключается в прочтении текста, в то время как послетекстовый этап подразумевает работу с текстом после его прочтения и используется для углубленного понимания учащимися содержащейся в тексте информации, контроля понимания и включения её в более широкий социокультурный и профессиональный контекст знаний и умений учащихся (Шукин 2015: 483).

Каждый текст в обучении иностранному языку представлен соответствующими текстовыми упражнениями. Согласно Склярору (1993: 190), текстовые упражнения состоят из графического текста, который изучается разными способами с применением определенных методов, различных форм наглядности и пособий.

В данной работе анализируются текстовые упражнения в учебниках русского языка на базовом уровне обучения языку, или А2 уровне, по Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком. Анализ сосредоточивается на текстах, содержащих описание предметов, ситуаций и событий, информацию об интересных событиях из жизни, профессиональных достижениях, о культуре и о цивилизации народа изучаемого языка.

Виды текстовых упражнений

В отличие от фонетических, лексических и грамматических упражнений, текстовые упражнения опираются не на отдельные языковые единицы, а на текст как результат речевой деятельности (Азимов, Щукин 2009: 303). Азимов и Щукин (2009: 304) упоминают, что текстовые упражнения могут быть устными и письменными, аудиторными и домашними, коллективными и индивидуальными. Однако все текстовые упражнения направлены на развитие видов речевой деятельности. На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что учебный процесс охватывает три основных этапа работы с текстом, а именно предтекстовые, притекстовые и послетекстовые упражнения. Некоторые предтекстовые упражнения, рекомендуемые Хатамовой (2014: 1), включают в свой состав использование подсказки, опорных слов и фраз, рисунков и фотографий; дают возможность догадаться об общем направлении содержания нового текста; знакомят учащихся с фоновой информацией, данными об авторе. Кроме того, важными являются правильное и своевременное использование техник сокращения или упрощения текста согласно уровню обучаемых; применение заданий по подбору отдельно взятых отрывков текста и их расположение в логически нужном порядке; упражнения в сравнении двух аналогичных текстов с близкой тематикой или схожим словарным запасом; ознакомление с аудио- или видеотекстом, который стал причиной создания печатного варианта текста, например, просмотр репортажа о каком-либо событии, а затем ознакомление со статьей, посвященной этому событию. К притекстовым упражнениям относятся: определение центральной

идеи и смысла текста; вопросно-ответная процедура; упражнения на выявление языковых образцов и новых слов по тематике; задания на правильное расположение различных фрагментов прочитанного текста; задания по выполнению инструкций по пройденному тексту; сравнение стилистических особенностей нового текста и аналогичного, о котором у обучаемого уже имеются сведения; упражнения на заполнение пропусков в тексте; задания на решение проблемных ситуаций по тексту, а также составление ситуативных диалогов (Хатамова 2014: 1). Когда обучающийся уже полностью знаком с текстом, Хатамова (2014: 1-2) предлагает послетекстовые упражнения на развитие умений самостоятельно выражать отношение к предмету или теме текста, сравнивать информацию, полученную из текста, с личным опытом; упражнения на аргументирование или обсуждение главных посылов прочитанного текста; упражнения на трансформацию текста (преобразование в более краткую версию, представление текста в виде ролевой игры, создание нового текста по аналогии с прочитанным, иллюстрирование содержания текста или его определенных эпизодов, воссоздание текста по ключевым словам, написание резюме по прочитанному тексту).

Анализ текстовых упражнений в учебниках русского языка как иностранного на уровне А2

Цель анализа

Цель данного анализа – дать классификацию текстовых упражнений в учебниках русского языка на базовом уровне или А2 уровне владения русским языком как иностранным, охарактеризовать их лексическое и грамматическое наполнение.

Материал

Материалом для анализа послужили учебники по русскому языку как иностранному, предназначенные для учащихся на базовом уровне изучения языка А2. Оба учебника используются в школах иностранных языков и в некоторых средних школах в Хорватии, в которых русский язык изучается как иностранный язык по выбору. Учебник «Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс» (Чернышов С.И., Чернышова А.В. 3-е издание,

Санкт Петербург: Златоуст, 2011) рассчитан на 80 – 120 часов, а его задачей является обеспечение быстрого освоения разных аспектов языка и видов речевой деятельности. Учебник «Жили-были. 12 уроков русского языка. Базовый уровень» (Миллер Л.В, Политова Л.В. 7-е издание, Санкт Петербург: Златоуст, 2015) рассчитан на 100 – 120 часов и представляет собой интенсивный коммуникативный курс русского языка для взрослых.

Для анализа были избраны учебники на базовом уровне, потому что именно они содержат больше монологических и диалогических текстов, направленных одновременно на развитие всех видов речевой деятельности, расширение лексического и грамматического материала, а также развитие самостоятельности учащихся (включая внеклассное чтение текста).

Методика анализа

Анализ упражнений в учебниках построен на их распределении по трем видам: предтекстовые, притекстовые и послетекстовые. Упражнения, направленные на развитие всех видов речевой деятельности, далее распределены по группам. Результаты анализа представлены в таблицах.

Результаты анализа текстовых упражнений в учебниках русского языка как иностранного на уровне А2

По содержанию оба учебника предназначены для классной и внеклассной работы, включающей в себя разнообразные формы предтекстовых, притекстовых и послетекстовых упражнений. В анализируемых учебниках использованы актуальные темы, направленные на решение методических задач и развитие языковых и коммуникативных навыков в реальной жизни. В учебнике “Поехали! Русский язык для взрослых. Базовый курс” представлен целый спектр текстовых упражнений: аудирование с заданиями на общее понимание и извлечение важной информации; заполнение пропусков или исправление ошибок; предтекстовое обсуждение темы с активизацией ранее известной тематической лексики и соответствующего жизненного опыта, облегчающего понимание; собственно чтение, позволяющее сконцентрироваться на деталях и новых словах, выражениях и грамматических конструкциях, а также сопоставить письменный текст с тем, что учащиеся вынесли из аудирования; послетекстовые задания на новый лексический и грамматический материал (иногда при этом задания с целью облегчения поиска и выбора содержат первую букву новых слов, которые

необходимо использовать в упражнении); выход в речь с использованием новых слов и свободное обсуждение предложенных тем на материале текста и личного опыта участников дискуссии. По мнению авторов, такая многогранная работа с текстом значительно повышает эффективность усвоения лексико-грамматического материала, поскольку, с одной стороны, многократно повторяются одни и те же фрагменты текста, а с другой – мотивация и концентрация не ослабевают от скуки, как при монотонном повторении, и учащиеся производят с данными фрагментами различные операции: услышать, вписать, прочитать, вставить в сходное предложение, использовать в речи для выражения собственного мнения (Чернышов, Чернышова 2011: 5). В учебнике «Жили-были. 12 уроков русского языка. Базовый уровень» использованы следующие текстовые упражнения: самостоятельное чтение текста; одновременное чтение и слушание текста; вопросы к тексту; выделение лексических и грамматических конструкций, находящихся в тексте; расположение речевых образцов перед текстом и их использование в собственных предложениях; разные языковые (раскройте скобки, выполните задание по модели, ответьте на вопросы, используя данные слова) и условно-коммуникативные (обсуждение предложенных тем и дискуссия в естественном языковом общении) упражнения. Рассматриваемый учебник характеризуется единообразной структурой уроков, которая в стабильных, повторяющихся коммуникативных блоках позволяет выработать определенные алгоритмы восприятия и усвоения, включив тем самым в процесс обучения неосознаваемые психологические механизмы (Милер, Политова 2015: 4).

Проанализировано 179 текстовых упражнений, направленных на практическое использование заданий, развитие навыков аудирования, чтения, говорения и письма, лексики и грамматики, самостоятельности учащихся.

В таблицах (табл. 1, 2, 3) приведены данные о количестве предтекстовых, притекстовых и послетекстовых упражнений, распределенных по видам речевой деятельности.

Таблица 1. Число предтекстовых упражнений по аудированию, чтению, говорению и письму

Виды речевой деятельности	Число предтекстовых упражнений
Аудирование	2
Чтение	44
Говорение	46
Письмо	2

Таблица 2. Число притекстовых упражнений по аудированию, чтению, говорению и письму

Виды речевой деятельности	Число притекстовых упражнений
Аудирование	9
Чтение	60
Говорение	3
Письмо	6

Таблица 3. Число послетекстовых упражнений по аудированию, чтению, говорению и письму

Виды речевой деятельности	Число послетекстовых упражнений
Аудирование	16
Чтение	58
Говорение	62
Письмо	17

Анализ материала показал, что количество предтекстовых и послетекстовых упражнений преобладает в чтении и говорении. В то время, как притекстовая работа связана прежде всего с чтением. Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают тот факт, что на базовом уровне овладения русским языком как иностранным самой важной рецептивной деятельностью является чтение, а продуктивной – говорение. Кроме того, необходимо заметить, что в обоих учебниках одинаковое внимание уделяется лексическим и грамматическим упражнениям (отмечены 171 упражнение по лексике и 173 упражнения по грамматике). Все упражнения направлены на развитие самостоятельной работы

обучающихся, что характерно для современного подхода к преподаванию иностранных языков.

Таким образом, можно отметить, что текстовые задания для развития видов речевой деятельности неодинаково представлены в учебниках. Это объясняется тем, что на базовом уровне в обучении преобладает формирование навыков чтения и говорения, а на продвинутых этапах учащиеся уже могут создавать собственные тексты, в том числе в письменной форме.

Заключение

Текстовые упражнения в учебниках по иностранным языкам являются существенной базой для овладения всеми компетенциями в речи учащихся, а также помогают им совершенствовать навыки общения на иностранном языке. Работа с текстами позволяет приобретать не только языковые и коммуникативные, но и культурологические представления. Анализ исследуемых учебников по русскому языку как иностранному показал неравномерное распределение заданий на развитие навыков различных видов речевой деятельности и позволил сделать вывод о необходимости включать в свой состав больше текстовых упражнений по аудированию и письму. В дальнейшем было бы целесообразным рассмотреть другие учебники русского языка как иностранного, предназначенные для продвинутого уровня изучения.

Литература

- Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: – Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
- Акишина, А. А., Каган, О. Е. Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акишина, О. Е. Каган. – М.: – Русский язык. Курсы, 2002. – 256 с.
- Миллер, Л. В., Политова, Л. В. Жили-были... 12 уроков русского языка. Базовый уровень: учебник / Л. В. Миллер, Л. В. Политова. – СПб.: – Златоуст, 2015. – 200 с.
- Московкин, Л. В., Щукин, А. Н. Хрестоматия по русскому языку как иностранному / Л. В. Московкин, А. Н. Щукин. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 552 с.
- Хатамова, С. М. Методика составления заданий на текстовом этапе обучения иностранному языку. [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №6-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-sostavleniya-zadaniy-na-tekstovom-etape-obucheniya-inostrannomu-yazyku>. (дата обращения: 10.12.2020.).
- Хомылева, А. О. Совершенствование текстовых умений у младших школьников на уроках русского языка: выпускная квалификационная работа / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Институт педагогики и психологии детства, Кафедра русского языка и методики его преподавания в начальных классах. – Екатеринбург, 2018. – С. 1-83.
- Чернышов, С. И., Чернышова, А. В. Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс / С. И. Чернышов, А. В. Чернышова. – СПб.: – Златоуст, 2011. – 168 с.
- Щукин, А. Н., Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: Учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / А. Н. Щукин. – М.: Русский язык. Курсы, 2015. – 784 с.
- Rosandić, I. Tekst u nastavi njemačkog kao stranog jezika: doktorska disertacija / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet. – Zagreb, 1988. – S. 291.
- Skrljarov, M. Teorija i praksa u nastavi stranih jezika / M. Skrljarov. – Zagreb: Školske novine, 1993. – S. 475.

Jajić Novogradec, M.

University of Zagreb, Croatia
mjnovo@ffzg.hr

Text-based exercises in the coursebooks of Russian as a foreign language

The work deals with the analysis of text-based exercises in the coursebooks of Russian as a foreign language. The exercises, characterized by the presentation of language skills, lexical and grammatical material, as well as the development of autonomous learning are analyzed. On the basis of 179 exercises of informational texts in two coursebooks, it is concluded that the communicative competence in the coursebooks at the upper beginner's level of Russian learning is seen in the tasks on reading and speaking before the work with text, the tasks on reading during the work with text, and the tasks on reading and speaking after the work with text.

Keywords: foreign language teaching, Russian as a foreign language, text-based exercises, coursebooks

Organizatori i partneri

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Filozofski fakultet
Odsjek za kroatistiku

Ogranak Matice hrvatske u Puli

Centar ruskoga jezika i kulture „Institut Puškin“

Hrvatsko društvo nastavnika ruskoga jezika i književnosti

МАПРЯЛ

Pjatigorsko državno sveučilište

Rosstrudničestvo u Hrvatskoj

Pula, 2021.

Sva prava su pridržana. Nijedan dio ovog zbornika ne smije se reproducirati ili prenositi u bilo kojem obliku ili na bilo koji način, bio on elektronički ili mehanički, uključujući fotokopiranje i snimanje na digitalne medije, kao i objavljivanje na Internetu, osim ako nema pisanih dozvola vlasnika autorskih prava. Radovi su citirani u autorskom izdanju. Urednici ne snose odgovornost za autorstvo i sadržaj.

© Daniel Mikulaco i Irena Mikulaco, 2021.

Statistika vadepet

25 godina
osnutka studija kroatistike

25

ISBN 978-953-8278-85-3

9 789538 278853

150,00 kn